

ANNALES CONTEMPORAINES

**СОВРЕМЕННАЯ
ЗАПИСКИ**

**ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
и ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ**

XLVI

1931

ПАРИЖЬ

ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННАЯ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ

при ближайшемъ участіи:

Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка,
В. В. Руднева

XLVI

1931
ПАРИЖЪ

Imprimerie «Union», 13, rue Méchain, Paris

ОГЛАВЛЕНІЕ

1. М. Алдановъ. — БѢГСТВО (Романъ).	5
2. В. Сиринъ. — ПОДВИГЪ (Романъ).	86
3. Александра Толстая. — ИЗЪ ВОСПОМИНАНІИ.	138
4. Марина Цвѣтаева. ШКОЛА СТИХА. ПЛАЧЪ МАТЕРИ ПО НОВОБРАНЦУ (Стихотворенія).	160
5. Георгій Адамовичъ. — БАЛЛАДА (Стих.).	163
6. Ник. Оцупъ. — ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ.	164
7. Б. Поплавскій. — ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ.	166
8. Георгій Раевскій. — ИЗЪ ЦИКЛА «ЗИГЛИНДА».	169
9. Н. Шкляева. — ДНЕВНИКЪ СЕЛЬСКОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ.	172
10. Б. Зайцевъ. — ЖИЗНЬ ТУРГЕНЕВА.	228
11. В. Маклаковъ. — ИЗЪ ПРОШЛАГО.	263
12. С. Николаевъ. — КОНЕЦЪ КОМУЧ-а.	287
13. С. I. Гессенъ. — БОРЬБА УТОПИИ И АВТОНОМИ ДОБРА ВЪ МІРОВОЗРѢНІИ Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО И ВЛ. СОЛОВЬЕВА.	321
14. Ст. Ивановичъ. — О КЛАССОВОМЪ СОЗНАНІИ.	352
15. Г. Федотовъ. — ПРОБЛЕМЫ БУДУЩЕЙ РОССИИ.	378
16. К. Зайцевъ. — СУДЬБЫ ЗЕМЕЛЬНОГО КРѢПОСТНОГО СТРОЯ ВЪ РОССИИ.	396
17. М. Вишнякъ. — О СУДЬБАХЪ РОССИИ.	428

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ.

18. З. Гишпюсъ. — АВАНТЮРНЫЙ РОМАНЪ.	458
19. Петръ Пильскій. — ИСТЕРЗАННЫИ. (Къ столѣтію рожденія Лѣскова).	463
20. Б. Нольде. — ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ БЮЛОВА.	474

21. КРИТИКА, И БИБЛІОГРАФІЯ.

Ф. Степунъ. — Иванъ Бунинъ: Божье Древо.	486
М. Алдановъ. — Д. Мережковскій. Тайна Запада. Атлантида-Европа. Бѣлградъ. Русская Библиотека.	489

М. Цетлинъ. — М. Алдановъ: Десятая Симфонія.	491
К. Мочульскій. — Мих. Осоргинъ: Чудо на озерѣ.	493
М. Алдановъ. — В. Ф. Ходасевичъ: Державинъ.	496
Мих. Осоргинъ. — Тэффи: Книга Июнь.	498
Ал. Новикъ. — Юрій Фельзель: Обманъ.	499
К. Мочульскій. — Розы. Стихи Георгія Иванова.	501
М. Цетлинъ. — Б. Поплавскій: Флаги. Изд. «Числа»	503
Мих. Осоргинъ. — Числа.	505
М. Алдановъ. — И. С. Тургеневъ: Полное собраніе художественныхъ произведеній. Десять томовъ.	508
В. Вейдле. — М. Ростовцевъ: О Ближнемъ Востоку.	510
Ек. Кусова. — М. В. Вишнякъ: Два пути (Февраль и Октябрь), 285 стр. Изд-во «Соврем. Записки».	511
А. Кизеветтеръ. — Русская историографія въ оцѣнкѣ совѣтскихъ историковъ. Русская историческая литература въ классовомъ освѣщеніи.	514
П. Бруцкусъ. — Paul Haensel: Die Wirtschaftspolitik Sowjetrusslands. — Verl. J. C. V. Mohr (Paul Siebeck).	520
П. Бицилли. — А. М. Топоровъ: Крестьяне о писателяхъ.	522
П. Бицилли. — Творческая исторія. Исслѣдованія по русской литературѣ. Редакція Н. К. Пиксанова. Москва, 1927.	524
Списокъ новыхъ книгъ, поступившихъ для отзыва въ редакцію «Современныхъ Записокъ».	526
Объявленія.	528

Б ъ г с т в о

Часть третья.

I.

Муся отворила дверь на звонокъ. Вошелъ Браунъ. Она почти не удивилась, точно именно его и ждала.

— Ничего не случилось? — задала обычный вопросъ Муся. Такъ въ то время всѣ въ Петербургѣ встрѣчали приходившихъ людей. Каждый гость казался вѣстникомъ несчастья и чаще всего имъ оказывался. Не дожидаясь отвѣта, Муся добавила. — Повѣсьте шляпу... Сюда, пожалуйста.

Они вошли въ будуаръ. Во всей квартирѣ слегка пахло лекарствами.

— Нѣтъ, ничего не случилось, — садясь, отвѣтилъ Браунъ, хоть она и не повторила вопроса. — А у васъ что? Уѣзжаете? — спросилъ онъ, окидывая взглядомъ будуаръ. На коврѣ, на креслахъ и пуфахъ Тамары Матвѣевны лежали чемоданы, коробки, несессеры. — Очень хорошо дѣлаете.

— Да, мы уѣзжаемъ, — отвѣтила со вздохомъ Муся. — Вчера получили всѣ бумаги, я, признаться, и не ожидала. У нихъ вѣдь теперь полный хаосъ, вѣрно, передъ своимъ концомъ они совершенно потеряли голову: большинство англичанъ сидитъ въ тюрьмахъ, а мистеру Клервиллю безпрепятственно выдали пропускъ для отъѣзда. И мнѣ тоже... Онъ досталъ такую бумагу...

— Какую бумагу?

— О томъ, что мы будто бы мужъ и жена, — сказала Муся, вспыхнувъ. — Мы и въ самомъ дѣлѣ тотчасъ обвѣнчаемся, какъ только прїѣдемъ въ Финляндію.

— Поздравляю васъ.

Муся удивленно на него взглянула: это поздравленіе — въ такое время — показалось ей неприятнымъ, почти безтактнымъ. «Но что же онъ могъ сказать другое?..»

— Помогъ голландскій посланникъ, — продолжала она, переводя разговоръ. — Какъ странно, неправда ли? Голландія защищаетъ въ Россіи англичанъ!.. Вы знаете, мистеръ Клервилль... — Ей вдругъ показалось глупымъ, что она называетъ жениха мистеромъ Клервиллемъ. — Вивіанъ ушелъ изъ посольства за четверть часа до полета. Иначе онъ тоже сидѣлъ бы теперь въ тюрьмѣ... Если-бъ не случилось хуже, какъ съ тѣмъ несчастнымъ.

— Вы очень хорошо дѣлаете, что уѣзжаете. Совѣтую не откладывать: голландскій посланникъ не всемогущъ, а у нихъ все мѣняется каждый день. Когда вы ѣдете?

— Думаемъ, завтра, — отвѣтила смущенно Муся.

— А другіе члены коммуны? — слегка улыбаясь, спросилъ Браунъ. Его улыбка тотчасъ объяснила Мусѣ, отчего она смутилась.

— Другіе остаются... Сонечка плачетъ цѣлый день, но объ отъѣздѣ слышать не хочетъ. Да и въ самомъ дѣлѣ куда она поѣдетъ?.. О, дѣло не въ томъ, что у нея нѣтъ средствъ! — поспѣшно сказала Муся, вертя на пальцѣ узкое кольцо. — Мы предлагали ей денегъ, предлагали жить у насъ. Вѣдь все-таки этотъ ужасъ долго длиться не можетъ. Ну, еще три мѣсяца, и они падутъ. Должны пасть, неправда ли?

— Не знаю, — сказалъ онъ. — Вы куда поѣдете? Въ Англію?

— Вивіанъ до конца войны челоувѣкъ подневольный, онъ самъ не знаетъ, куда его пошлютъ. А я поѣду въ Лондонъ... Я просила и умоляла Сонечку ѣхать со мной! Не хочетъ ни за что! Нѣтъ, дѣло, конечно, не въ деньгахъ.

Но вы сами понимаете: Сонечка, это петербургское дитя, внѣ Петербурга! Кромѣ того, у нея здѣсь есть и магнитъ. — Муся улыбнулась и тотчасъ стерла улыбку, какъ неподобающую въ такихъ обстоятельствахъ.

— А Глафира Генриховна?

— Вѣдь она больна, — сказала со вздохомъ Муся. — Вы не можете себѣ представить, какъ это событіе на ней отразилось!

— Какое событіе?

— Арестъ Горенскаго, разумѣется!.. Я не буду отъ васъ скрывать: между ней и нашимъ бѣднымъ княземъ былъ романъ! Извините это глупое слово, ну, не знаю, какъ сказать... Да я и сама хорошо не знаю, что именно у нихъ было. Повидимому, онъ ей сдѣлалъ предложеніе... И представьте въ тотъ самый день, какъ его схватили. — Голосъ Муси дрогнулъ. — Онъ въ этотъ день долженъ былъ у насъ обѣдать, не пришелъ. Ночевать тоже не пришелъ. На слѣдующее утро она бросилась съ Никоновымъ искать, металась по всему Петербургу, обивала пороги. Если-бъ вы знали, какую бѣшеную энергію она проявила! И только то удалось узнать, что его схватили! За что, почему, не говорятъ. Я увѣрена, онъ ни въ чемъ неповиненъ, во всякомъ случаѣ ничего серьезнаго. Однако вы понимаете, что значитъ теперь арестъ... Вчера Глаша свалилась!.. Сильный жаръ и кровь пошла горломъ... Докторъ, правда, успокаиваетъ, но не очень... Вы догадываетесь, каково мнѣ теперь уѣзжать!..

Муся вынула платокъ и вытерла слезы.

— Съ ней остаются Сонечка, Витя, а изъ старшихъ Никоновъ, онъ къ намъ переѣзжаетъ... Что же мнѣ дѣлать, Александръ Михайловичъ, если Вивіану приказано выѣхать?

— Разумѣется, вы должны ѣхать съ нимъ.

— Вѣдь, правда, должна?.. Но такъ это тяжело и больно.

Она помолчала, ожидая, что Браунъ теперь скажетъ, зачѣмъ пришелъ.

— Какъ по вашему, что можетъ быть съ бѣднымъ Алексѣемъ Андреевичемъ?

— Думаю, что онъ погибъ, — отвѣтилъ кратко Браунъ.

Муся съ ужасомъ на него уставилась.

— Какъ погибъ? Вы думаете, его могутъ... разстрѣлять?

— Если уже не разстрѣляли.

Она заплакала. Весь городъ говорилъ о начавшемся террорѣ, но ей не вѣрилось, что князь можетъ быть разстрѣлянь.

— Извините меня...

Браунъ всталъ, прошелся по комнатѣ и снова сѣлъ. Онъ видимо со скукой ждалъ, чтобы Муся перестала плакать.

— Александръ Михайловичъ, можетъ быть, вамъ что-нибудь извѣстно и вы не договариваете?

— Нѣтъ, я ничего не знаю.

— Навѣрное? Дайте честное слово.

— Даю вамъ слово. Я знаю только, что въ городѣ ежедневно разстрѣливаютъ людей сотнями. Думаю, что всѣ арестованные — люди обреченные.

— Боже мой!. Неужели ничего нельзя сдѣлать?.. — вытирая слезы, спросила Муся.

— Ничего нельзя сдѣлать.

— Найти какой-нибудь ходъ?.. Александръ Михайловичъ?.. Вѣдь надо же...

— Я никакого хода не знаю.

— Но вѣдь есть и среди нихъ порядочные люди!. Александръ Михайловичъ, мнѣ Фоминъ въ свое время говорилъ, что къ князю очень хорошо относится Кароѳа, знаете? Они вмѣстѣ служили... Онъ говорилъ мнѣ, что вы съ ней хорошо знакомы? Теперь она въ этой Чрезвычайной Комиссiи... Какъ вы думаете?..

— Я о ней думалъ. Но она ничего не сдѣлаетъ. Попробуйте... Предупреждаю только, одна ссылка на меня погубить того, кто сошлется."

— Вотъ какъ?.. — Несмотря на свое волненіе, Муся съ любопытствомъ взглянула на Брауна. — Значить, невѣрно, что она порядочный человѣкъ? Если вообще среди нихъ есть порядочные...

— Послушайте, — сказалъ нехотя Браунъ. — Бываетъ такъ, знаешь человѣка годами и думаешь, что хорошо его знаешь: хорошій, порядочный, благодушный человѣкъ. А вотъ, въ одинъ прекрасный день, разговариваешь съ нимъ — и вдругъ, по оброненному замѣчанію, по брошенному взгляду, по легкому смѣшку, видишь, сколько въ немъ мелкаго, злобнаго, даже низкаго... Вотъ такъ было у меня и съ Каровой. Да, если хотите, она по природѣ недурной человѣкъ. Но это до перваго прорыва другого міра. Жизнь была съ ней неласкова. Она за это теперь платитъ, сама того не зная, сама собой любуясь.

— Я все-таки пошлю къ ней Никонова.

— Это связано для него съ рискомъ.

— Григорій Ивановичъ совершенно безстрашный человекъ. Онъ ходитъ по ихъ учрежденіямъ и всячески ихъ въ глаза ругаетъ... Прямо сумасшедшій!.. Если-бъ вы знали, какъ онъ себя велъ въ эти дни, какъ онъ работалъ для князя, для Глаши, которую онъ, кстати сказать, всегда терпѣть не могъ!.. Я только теперь оцѣнила по настоящему Никонова.

— Боюсь, что его попытка будетъ безнадежна.

— Все-таки я надѣюсь, что вы ошибаетесь, когда такъ ужасно говорите о князѣ... Но если!.. Боже мой, съ ней что тогда будетъ?

— Съ кѣмъ? — разсѣянно переспросилъ Браунъ.

— Съ Глашей, разумѣется, — отвѣтила Муся съ нѣкоторымъ раздраженіемъ. Невниманіе задѣвало ее и теперь.

— Да, ее очень жаль... Они будутъ и дальше жить на этой квартирѣ?

— Всѣ четверо, съ Никоновымъ... Я имъ все оставляю, и квартиру, и деньги.

— Сколько? — спросилъ Браунъ простымъ тономъ, точно не находилъ ничего неумѣстнаго въ своемъ вопросе.

— Я не знаю, сколько, — отвѣтила Муся. — Все, что у меня есть... Правда, у насъ осталось не такъ много. Пала долженъ былъ намъ переводить изъ Кіева, но...

— Сколько же у васъ есть денегъ? — повторилъ вопросъ Браунъ. Муся, невольно подчиняясь его тону, назвала приблизительную цифру: она сама плохо знала, сколько еще оставалось въ тайникахъ.

— Я имъ съ радостью оставила бы и свои драгоценности, но онѣ стоятъ недорого, а теперь въ Петербургѣ вообще ничего не стоятъ, — сказала Муся. — У Глаши тоже что-то есть: жемчугъ, серьги... У Сонечки и у Вити нѣтъ ничего, однако Сонечка уже немного зарабатываетъ въ кинематографѣ, и ей обѣщаютъ прибавку. А изъ Англіи я смогу имъ присылать. Вѣдь оттуда вѣрно удастся?.. Во всякомъ случаѣ на первое время они трое обезпечены.

— Вы говорите, трое, — сказалъ, помолчавъ, Браунъ. — Викторъ Николаевичъ дома?

— Витя? Нѣтъ, я его послала къ доктору, въ аптеку, еще куда-то. Онъ такъ убить тѣмъ, что я уѣзжаю, — вставила Муся, и опять лицо ея освѣтилось той изъ ея прежнихъ улыбокъ, которую она себѣ безсознательно запретила. — Но что вы хотѣли сказать?

— Я хотѣлъ вамъ сказать, что Витѣ тоже необходимо уѣхать и притомъ возможно скорѣе... Долженъ вамъ сообщить, Марія Семеновна, онъ состоялъ въ одной организаціи, которая теперь выслѣжена и разгромлена.

— Не можетъ быть! — сказала, блѣднѣя, Муся. — Не можетъ быть!

— Да... Я не думаю, чтобы Чрезвычайная Комиссія знала объ его участіи въ этой организаціи. Я даже увѣренъ, что тамъ о немъ ничего не знаютъ. Слѣжки за нимъ не было, иначе его давно схватили бы. Никто изъ арестованныхъ до сихъ поръ людей объ его участіи не имѣлъ понятія, такъ что непосредственной опасности нѣтъ. Но все-таки... Могли выяснить, что Горенскій бывалъ у васъ. Да вотъ, вы говорите, Глафира Генриховна открыто о немъ хлопотала. Если Витю начнутъ допрашивать, онъ, по юности и неопытности, можетъ наговорить лишняго. Тогда онъ погибъ.

— Господи!..

— Я именно для этого къ вамъ зашелъ. Повторяю, ему необходимо уѣхать возможно скорѣе и лучше всего за границу. На югъ отсюда теперь пробраться гораздо труднѣе.

— Что вы говорите! Боже мой!

Браунъ, щурясь, смотрѣлъ на Мусю.

— Надо уѣхать за границу, — повторилъ онъ.

— Но какъ же это сдѣлать?.. Бѣжать нелегально? Вѣдь это безуміе! Я съ ума сойду! — сказала Муся, съ всѣмъ такъ, какъ говорила Тамара Матвѣевна.

— Есть возможность уѣхать за границу легально, — отвѣтилъ Браунъ. Онъ вынулъ изъ бокового кармана большой желтый запечатанный конвертъ. — Здѣсь нѣмецкій паспортъ. Главѣ организаціи удалось достать нѣмецкіе паспорта для нѣсколькихъ лицъ. Съ пропускомъ, со всѣмъ, что нужно. Этотъ паспортъ можетъ считаться вполне надежнымъ документомъ. Вашъ юноша вдобавокъ прилично говоритъ по нѣмецки. Онъ долженъ, разумѣется, старательно изучить свой новый документъ.

Муся смотрѣла на Брауна выпученными глазами. «Значить, и онъ принималъ участіе въ организаціи!» — подумала она, только теперь это сообразивъ. — «Ну да, иначе откуда онъ могъ бы знать? Наверное онъ-то и ввелъ

князя и Витю... Какая низость!» — чуть не сказала она вслухъ. — «Мальчика повести на такое дѣло!»

— Витя отсюда не уѣдетъ! Онъ не захочетъ оставить отца въ крѣпости.

— Какая польза отцу Вити отъ его пребыванія въ Петербургѣ?

— Никакой, разумѣется, но...

— Убѣдите его уѣхать. Вы, кажется, имѣете вліяніе на молодого человѣка... Сказать правду, я думаю, что его отца уже нѣтъ въ живыхъ. Я знаю достоверно, что заключенныхъ разстрѣливаютъ ежедневно партіями, по алфавиту. Хорошо, если начали съ буквы а, тогда до него далеко. Но могли начать и съ послѣдней буквы. Во всякомъ случаѣ дойдутъ очень скоро.

Онъ сказалъ это просто и жестко. Муся молча съ ужасомъ на него смотрѣла.

— Убѣдите его уѣхать. Придумайте, что хотите. Скажите, что изъ заграницы можно будетъ посылать продовольствіе въ крѣпость, что за границей можно будетъ найти связи. Я думаю, его обмануть нетрудно.

— Я постараюсь. Да, конечно, ему надо бѣжать... Но ~~это~~ такъ неожиданно...

— Если онъ останется здѣсь, то, вѣроятно, погибнетъ и притомъ безъ всякой пользы. Съ этимъ же паспортомъ онъ почти навѣрное проѣдетъ благополучно: на Финляндскомъ вокзалѣ контроля никакого, а въ Бѣлоостровѣ пока не очень подозрительны... Кстати, ему необходимы финляндскія деньги: русскихъ не принимаютъ даже на вокзалѣ. Въ конвертѣ, который я вамъ далъ, кромѣ паспорта и пропуска отъ Смольнаго, есть три тысячи финскихъ марокъ. Это то, что организація можетъ ему дать. А дальше, мой совѣтъ ему: изъ Финляндіи кружнымъ путемъ ѣхать на югъ Россіи. Тамъ онъ, какъ смѣлый юноша, можетъ пригодиться.

— Ну, это мы посмотримъ, — сердито сказала Муся. «Здѣсь чуть не довелъ мальчишку до разстрѣла и еще ку-

да-то посылаетъ его воевать!. Никуда я Витю не пушу, лишь бы черезъ границу проѣхалъ. Ужъ если такъ, то со мной и будетъ жить, пока Вивіанъ не вернется»... Этотъ новый планъ не былъ непріятенъ Мусъ, онъ только появился слишкомъ внезапно. У нея шевельнулась мысль, что, быть можетъ, Вивіанъ будетъ не очень доволенъ. «Ну, тамъ увидимъ...»

— Но если все-таки его не пропустятъ и арестуютъ на границѣ?

Браунъ развелъ руками.

— Все можетъ быть, — сказала онъ. — Однако рискъ невеликъ. Во всякомъ случаѣ оставаться въ Петербургѣ гораздо опаснѣе... Вы ѣдете завтра? Виктору Николаевичу я совѣтовалъ бы тоже уѣхать не мѣшкая. Какъ вы ѣдете: черезъ Финляндію или моремъ?

— Мы ѣдемъ въ Финляндію. Вѣроятно, тамъ пробудемъ нѣкоторое время.

— Вотъ и отлично, значить тамъ и встрѣтитесь съ Витей. Я думаю, вамъ удастся его убѣдить, — съ улыбкой добавилъ Браунъ.

— Все это такъ ужасно! Такъ для меня неожиданно!. Да... А вы? Вы что предполагаете дѣлать?

— Я тоже, вѣроятно, уѣду, — кратко отвѣтилъ Браунъ, прекращая сухой интонаціей дальнѣйшіе вопросы. — Пожалуйста, передайте отъ меня Витѣ слѣдующее: чтобы онъ, во-первыхъ, ни въ какомъ случаѣ меня не искалъ, во-вторыхъ, чтобы и не заглядывалъ туда, куда ходилъ до сихъ поръ.

— Это куда?

— Туда, куда ходилъ до сихъ поръ, — повторилъ такъ же Браунъ.

Муся испуганно на него смотрѣла. Ея раздраженіе исчезло, тонъ Брауна внушалъ ей непривычную робость. «Какъ онъ однако осунулся... Вѣрно, онъ и самъ сейчасъ подвергается большой опасности», — подумала она. — «Боже мой, когда конецъ? Когда конецъ?..»

— Туда, куда ходилъ до сихъ поръ, — покорно повторила она. — Я скажу, но...

Браунъ всталъ, не дослушавъ.

— Ну, прощайте. И не сердитесь на меня... У всѣхъ есть родные и близкіе, — сказалъ онъ, отвѣчая на ея невысказанный укоръ. — Желаю вамъ счастья...

Муся тоже встала, взглянула на него, затѣмъ опустила глаза. Она была очень взволнована.

— Пойдите... Я хотѣла васъ спросить... Сама не знаю, что... Вы не хотите-ли повидать Глафиру Генриховну? Надо бы и съ ней посоветоваться...

— Что-жъ ее беспокоитъ? Вѣдь она лежитъ?.. Передайте ей мой искренній привѣтъ и пожеланія скорѣйшаго выздоровленія, — сказалъ Браунъ.

Эти сухія слова ее рѣзнули. «Пожеланія скорѣйшаго выздоровленія», точно письмо заканчиваетъ! Какой онъ странный!..»

— Съ вами когда теперь увидимся, Александръ Михайловичъ?.. Гдѣ?..

Онъ нахмурился и поцѣловаль ей руку. Съ минуту они молча смотрѣли другъ на друга. «Онъ все понимаетъ... Гораздо больше, чѣмъ мнѣ казалось», — подумала Муся. У нея вдругъ опять подступили къ горлу рыданья.

— Ну, прощайте... Извините, что взволноваль васъ.

— До свиданья, Александръ Михайловичъ, — сказала Муся. — Дай Богъ... — Дай Богъ, чтобы...

Она заплакала.

II.

Ильичъ лежитъ въ Москвѣ, тяжело раненый при исполненіи революціоннаго долга, лишь по чистой случайности не убитый преступной женщиной, измѣнившей рабочему классу. Здѣсь въ Петербургѣ предательски убитъ товарищ Урицкій. Банкиры Антанты покрыли всю про-

летарскую страну густой цѣпью военныхъ заговоровъ. Передъ совѣтской властью стоитъ альтернатива: погибнуть или бороться изо всей силы, никого не щадя и не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Классовое сопротивление буржуазіи можетъ быть сломлено лишь классовымъ насиліемъ пролетаріата, которое не можетъ не отлиться въ форму террора. Не понимать этого, сравнивать пролетарскій терроръ съ терроромъ буржуазнымъ или царистскимъ, могутъ только люди, не имѣющіе представленія о марксистской идеологіи и о діалектикѣ исторіи. Съ желѣзной руки надо снять бархатную перчатку. Лицемерные принципы гуманной демократіи должны быть принесены въ жертву принципамъ классовой революціи. Вдобавокъ рабочія массы настойчиво требуютъ отъ партіи рѣшимости и воли. Если онѣ ихъ не увидятъ, онѣ сами возьмутся за дѣло и затопятъ страну потоками крови враговъ.

Эту схему обсуждать уже давно не приходилось, — она была одобрена партіей. Однако Ксенія Карловна иногда мысленно возстанавливала весь кругъ мыслей: схема и успокаивала ее, и ласкала въ ней своей стройностью чувство красоты.

Карова мужественно-стыдливо говорила ближайшимъ партійнымъ друзьямъ, что свою новую должность она приняла «не безъ тяжелой внутренней борьбы». И въ самомъ дѣлѣ, когда Ксенія Карловнѣ неожиданно предложили занять важный постъ въ Чрезвычайной Комиссіи, она немного смутилась и попросила нѣсколько часовъ на размышленіе. Размышлять ей въ сущности было не о чемъ: за Карову, какъ почти за всѣхъ ея партійныхъ товарищей, неизмѣнно размышляла двадцатилѣтняя грудя брошюръ. Смутнымъ, почти бессознательнымъ воспоминаніемъ о чемъ-то въ этой грудѣ была и самая просьба о нѣсколькихъ часахъ на размышленіе. И когда вожди провикновенно говорили Каровой, что, предлагая ей боевой

постъ, особенно отвѣтственный при создавшейся конъюнктурѣ, партія требуетъ отъ нея жертвы, — это также было изъ брошюрной груды.

Прежде работая въ Коллегіи по охранѣ памятниковъ искусства, Ксенія Карловна руководилась другой схемой, тоже одобренной партіей: пролетаріатъ долженъ обогатить свою сокровищницу лучшимъ изъ того, что создало искусство буржуазнаго класса. Новая схема была менѣе привлекательна, но гораздо болѣе драматична; Ксенія Карловна очень любила драму. Послѣ нѣсколькихъ часовъ размышленія, выйдя побѣдительницей изъ внутренней борьбы, Карова заявила вождямъ, что усматриваетъ въ сдѣланномъ ей предложеніи доказательство высшаго партійнаго довѣрія и не считаетъ себя въ правѣ отказаться. Объ этомъ говорили въ отвѣтственныхъ кругахъ, — Ксенія Карловна знала, что говорятъ о ней съ восхищеніемъ.

Между Каровой и ея единомышленниками непрерывно шель духовный токъ, отчасти и составлявшій грозную силу партіи. То, что понималъ Ленинъ, понимали рѣшительно всѣ его ученики, отъ свѣточей теоріи до рядовыхъ работниковъ, — развѣ только ученики понимали это съ небольшимъ опозданіемъ, которое весьма способствовало культу учителя. На верхахъ партіи собственно не очень интересовались вопросомъ, почему Карова согласилась пойти въ Чрезвычайную Комиссію. Однако тамъ немедленно выдѣлился подновленный образъ Каровой. Прежде всего этотъ образъ выдѣлился въ ея собственномъ сознаніи и облекся въ форму партійнаго некролога. Въ умѣ Ксеніи Карловны замелькали обрывки фразъ, доставлявшіе ей и моральное, и психологическое, и въ особенности эстетическое удовлетвореніе: ...«Но подъ этой суровой личной скрывалось нѣжное любящее сердце»... «Въ этомъ хрупкомъ тѣлѣ жилъ мощный духъ борца за лучшее будущее»... «Внѣшняя суровость въ отношеніи враговъ пролетаріата была лишь самоотверженно принятой маской»,

прикрывавшей у Каровой доброту, застѣнчивость, тончайшую духовную стыдливость»... Разумѣется, никто изъ партійныхъ товарищей не сочинялъ некролога Ксеніи Карловны; но соединявшій ихъ всѣхъ умственный токъ былъ столь силенъ, что, если-бъ любому изъ нихъ дѣйствительно пришлось писать ея некрологъ, то онъ у всѣхъ непременно вылился бы именно въ эти выраженія.

Ксенія Карловна не выполняла въ Чрезвычайной Комиссіи обязанностей слѣдователя и почти не встрѣчалась ни съ тѣми людьми, которыхъ казнили, ни съ ихъ близкими, — только изрѣдка, мелькомъ, ихъ видала. Въ первое время она о прошедшихъ мимо нея людяхъ вспоминала съ тяжелымъ чувствомъ. Однако логическіе доводы, и некрологическія фразы ея немедленно успокаивали. Помогала также и шведская гимнастика. Стальной стиль партіи не очень позволялъ коммунистамъ дѣлиться внутренними переживаниями другъ съ другомъ. Но испытанные работники, стоявшіе выше подозрѣній въ сантиментальности, иногда внутренними переживаниями дѣлились, — на вечеринкахъ или въ другой благоприятной обстановкѣ. Карова тогда со вздохомъ говорила, что работать «тяжело, охъ какъ тяжело!» Одному изъ товарищей, написавшему брошюру о матеріалистической этикѣ пролетаріата, Ксенія Карловна даже какъ-то со стыдливой искренностью призналась, что ее мучать кошмары: «мальчики кровавые въ глазахъ». Стыдливая искренность и повышенная требовательность къ себѣ составляли признанную особенность Каровой, — собесѣдникъ, тотчасъ оцѣнившій красоту ея словъ, съ чувствомъ пожалъ ей руку и напомнилъ о любви къ дальнему и о желѣзныхъ челоуѣколюбцахъ французскаго террора. Ксенія Карловна впрочемъ не совсѣмъ лгала, — нѣкоторую тяжесть она и въ самомъ дѣлѣ испытывала; но и кошмары, и кровавые мальчики къ ней перешли изъ той же двадцатилѣтней груды, въ которую матеріалъ поступалъ изъ самыхъ разныхъ источниковъ. Въ дѣйствительности Карова была отъ природы со-

вершенно лишена дара воображенія и рѣшительно ничего представить себѣ не могла.

Работа ея имѣла преимущественно письменный характеръ; Ксенія Карловна читала, обсуждала и подписывала бумаги съ ровными большими полями, съ аккуратно отбитыми, пристойными, привычными фразами. Писущія машины очень облегчали работу. Слова: «слушали», «поставили», «къ высшей мѣрѣ наказанія», отбивались ровно и четко, что въ разрядку, что въ особую строку, всегда на надлежащемъ мѣстѣ, на равномъ разстоянїи, по одному вертикальному уровню. Въ первый разъ подписаться подъ такой бумагой было нелегко, потомъ стало привычнѣе и проще. А теперь трудно было услѣдить даже за тѣмъ, чтобы по каждому дѣлу была составлена бумага, чтобы не перепутали фамилій и именъ. За этимъ Карова слѣдила очень строго.

Лишь въ самыя рѣдкія минуты она точно просыпалась отъ сна: это и въ самомъ дѣлѣ обычно бывало ночью. Въ ту пору внезапно откуда-то выскользнуло и разнеслось по Россїи слово «чекистъ» (официально полагалось говорить: «развѣдчикъ»). Въ новомъ словѣ былъ очень неприятный оттѣнокъ: что-то порочное и хихикающее. Впервые при Ксенїи Карловнѣ произнесъ, съ кривой усмѣшкой, это слово одинъ изъ ея сотрудниковъ; оно сразу чрезвычайно ей не понравилось. Ночью Карова внезапно проснулась, со словомъ «чекистка» въ мозгу, и безъ всякой причины, ровно ничего себѣ не представляя, затряслась, какъ въ лихорадкѣ. Ксенія Карловна скоро собой овладѣла: и глупыя слова, и клеветническіе выпады контръ-революціонеровъ не могли имѣть никакого значенія. Однако то же самое съ ней произошло еще два раза. Потомъ прошло и это. Она пережѣнила обстановку и переселилась изъ «Паласа» на Гороховую, — на переѣзды уходило драгоценное время. О Каровой въ партійныхъ кругахъ говорили: «работаетъ, какъ угорѣлая, восемнадцать часовъ въ сутки»; то же самое говорили о многихъ

другихъ видныхъ работникахъ, — почему-то всегда указывали именно «восемнадцать часовъ». Это было сильнымъ преувеличеніемъ, но дѣйствительно Ксенія Карловна почти всѣ вечера проводила на Гороховой за работой.

Въ ея отдѣлѣ тишина нарушалась сравнительно рѣдко. Работа имѣла большей частью спокойный будничныи характеръ. Никакихъ садистовъ, кокаинистовъ, сумасшедшихъ Карова въ Чрезвычайной Комиссіи не встрѣчала. Водку пили очень многіе, достать ее тамъ было легко; но и водку пили не до полного опьяненія (этого главное начальство не потерпѣло бы). Въ общемъ духъ былъ напряженной дѣловитости, стальной или желѣзной, какъ вездѣ въ партіи, — только съ болѣе выраженной безпокойной усмѣшкой, съ легкимъ подмигиваньемъ другъ другу, приблизительно означавшимъ: въ случаѣ чего всѣмъ все-равно болтаться на веревочкѣ. Ксеніи Карловнѣ очень не нравилось, что среди сослуживцевъ и подчиненныхъ были наглые люди, были взяточники, были бывшіе охранники. Въ одномъ изъ своихъ докладовъ она прямо писала: «наряду съ испытанными и драгоценными элементами въ органы В. Ч. К., къ сожалѣнію, по отсутствію кадровъ, проникли элементы патологическіе, дѣлающіе возможными нежелательные и компрометирующіе партію эксцессы». Но на верхахъ, какъ оказалось, это знали, — самъ Ильичъ со смѣшкомъ признавалъ, что тутъ ничего не подѣлаешь: нужны, нужны и такіе, потомъ и до нихъ доберемся.

Такъ и въ эту сентябрьскую ночь, читая бумагу за подписью комиссара Желѣзнова о новыхъ лицахъ, къ которымъ должна быть примѣнена высшая мѣра наказанія, Карова невольнo подумала, что Желѣзновъ человекъ ненадежный, что онъ въ партіи всего лишь съ прошлаго года. Въ эти дни, послѣ раскрытія англійской организации въ Москвѣ, послѣ налета на англійское посольство, настроеніе на Гороховой было особенное, одновременно

торжествующее и растерянное, и стальной характеръ работы, и усмѣшка съ подмигиваніемъ обозначились еще сильнѣе.

Пріѣхавшій изъ Москвы комиссаръ тревожно-весело рассказывалъ, какъ попалъ на удочку англійскій полномочный представитель. Ксенія Карловна, прислушиваясь къ разсказу, бѣгло читала докладъ Желѣзнова. Фамилія Яценко въ бумагахъ что-то ей напоминала, но задуматься было некогда, и разсказъ ее развлекалъ.

— У артисточки все и нашли... Вотъ тебѣ и Художественный Театръ!..

— Такъ развѣ она жила на Хлѣбномъ?

— Да нѣтъ же, въ Хлѣбномъ это Локертъ жилъ, или какъ его тамъ? А Константинъ въ Шереметьевскомъ.

— Гдѣ это Хлѣбный? Кажется, на Поварской? Хорошія мѣста...

— Это что англичане! Далеко англичане! А вотъ не нравится мнѣ, товарищи, что и германскій представитель присоединился къ протесту дипломатическаго корпуса противъ террора!

— Ну и пусть присоединяется. Не очень мы испугались!

— Собака лаетъ, вѣтеръ носить...

— Такъ то оно такъ, и въ нашей конечной побѣдѣ не можетъ быть сомнѣній, однако товарищъ Ленинъ прямо говоритъ, что имперіалисты всѣхъ странъ могутъ расчудесно между собой сговориться...

— Понятное дѣло, какъ до кармана дойдетъ... На это тоже не надо закрывать глаза, товарищи.

«Въ самомъ дѣлѣ», — подумала Ксенія Карловна. — «Нѣтъ, теперь не время миндаляничать, когда Ильичъ лежитъ съ пулей въ груди, а агенты міровой буржуазіи сговариваются на нашъ счетъ»... — Она бѣгло дочитала бумагу до конца, свѣрила номера съ главной книгой, вздохнула

нула и сбоку на поляхъ сдѣлала помѣтку «К. Кар.», съ особымъ штрихомъ, который отъ р снизу вверхъ, справа налево, красиво огибалъ букву К.

III.

Револьверъ, приобретенный Витей въ самомъ началѣ революціи, мирно пролежалъ полтора года въ спальной Натальи Михайловны. Послѣ первыхъ мартовскихъ дней родители отняли его у Вити, ссылаясь на то, что народъ уже одержалъ полную побѣду. Витя возражалъ, — быть можетъ, еще придется отстаивать завоеванія революціи съ оружіемъ въ рукахъ, — но возражалъ онъ сбивчиво, безъ достаточнаго напора; револьверъ былъ отобранъ и помѣщенъ въ большой шкафъ Натальи Михайловны, какъ въ наиболѣе укрѣпленное мѣсто квартиры. Желѣзнаго шкафа у Николая Петровича не было. Не было никогда въ домѣ и оружія. Николай Петровичъ, правда, говорилъ, что въ молодости охотился и что хорошо было бы какъ-нибудь привезти въ Петербургъ прекрасную двустволку бельгійской работы, въ свое время имъ оставленную на хуторѣ у пріятели. Однако Наталья Михайловна, не любившая огнестрѣльнаго оружія, относилась къ рассказамъ мужа и къ двустволкѣ неодобрительно-скептически: «Знаемъ мы васъ, охотниковъ! Ну, ладно, поохотился и будетъ, обойдемся безъ твоей двустволки»...

Со времени ареста Николая Петровича Витя ни разу не заглядывалъ на квартиру родителей. Въ пору своей работы въ лабораторіи онъ подумывалъ о револьверѣ. Но Браунъ рѣшительно запретилъ ему носить оружіе.

— Если такъ васъ арестуютъ, можно будетъ выпутаться изъ бѣды. А найдутъ оружіе — тогда конецъ.

Доводъ былъ сильный, Витя все-же согласился съ нимъ неохотно. Онъ зналъ вдобавокъ, что самъ Александръ Михайловичъ никогда не разстанется съ браунингомъ. Теперь,

уѣжая, Витя твердо рѣшилъ захватить съ собой револьверъ, который при переходѣ границы очень могъ пригодиться. Поззію оружія Витя по своей юности чувствовалъ съ особенной силой.

Въ квартирѣ Николая Петровича давно распоряжалась Маруся, всѣ ключи находились у нея. Говорить ей о револьверѣ было неудобно; Витя рѣшилъ прибѣгнуть къ хитрости. Дня черезъ два послѣ отъѣзда Клервилля и Муси, онъ позвонилъ по телефону Марусѣ; сказалъ, что постельнаго бѣлья у него осталось немного, надо бы взять еще изъ шкапа. Маруся очень это одобрила.

— Хотите, я вамъ въ субботу принесу? И простыни, и наволочки... Все цѣло, какъ при мамѣ покойной... Нитки ни одной не пропало...

— Нѣтъ, спасибо, я самъ зайду... Да вотъ сегодня въ пять часовъ...

Къ удивленію Муси, Витя легко согласился уѣхать за границу и почти безъ спора принялъ ея доводы, когда узналъ, что на его отъѣздѣ настаиваетъ Александръ Михайловичъ и что самъ онъ тоже уѣзжаетъ.

— Со мной и отъ отца готовъ уѣхать, — иотомъ, какъ бы раздраженно, говорила Муся Сонечкѣ. — И, разумѣется, онъ на седьмомъ небѣ оттого, что мы всѣ узнали объ его славной революціонной дѣятельности!

Муся произнесла эти слова съ насмѣшкой, но въ душѣ она гордилась смѣлостью Вити. Сонечка тоже была поражена.

— Нашелъ, чѣмъ хвастать, мальчишка: экаго дурака въ сущности сваялялъ!.. Всѣ они его за носъ водили.

— А тебѣ непріятно, что онъ тоже ѣдетъ за границу?
— робко спросила Сонечка, вытирая слезы (она плакала теперь постоянно). — Тебѣ непріятно изъ-за Вивіана?

— Какія глупости! Я, напротивъ, страшно рада, что хоть онъ вырвется отсюда. Лишь бы блятополучно про-

скочилъ. Но за васъ двоихъ мнѣ теперь такъ больно!.. Такъ больно, Сонечка!..

— Что съ нами можетъ случиться, Мусенька?.. При томъ вѣдь докторъ сказалъ, что Глаша скоро встанетъ.

— Да, сказалъ, иначе я не уѣхала бы. Но все-таки... Ты помнишь мои инструкціи?.. Повтори.

Сонечка плакала все сильнѣе, смѣялась, опять плакала и повторяла инструкціи, которыя оставляла Муся въ предвидѣніи разныхъ случайностей.

Маруся торжественно вела Витю по комнатамъ. Она видимо очень гордилась тѣмъ, что ничего изъ вещей не продала. Квартира была та, да не та. Въ кабинетѣ на ящикахъ стола видѣлись неискусно наложенныя печати. Вездѣ, уже съ передней, пахло бѣльемъ и утюгами. Этотъ запахъ бѣдности непріятно поразилъ Витю, хоть ему было и не до того.

— Скучно вамъ теперь? — сочувственно улыбаясь, спрашивала Маруся.

— Скучно...

— Ну, ничего, Богъ дастъ, опять свидитесь... Вотъ когда кончится война.

«Не когда кончится война, а черезъ недѣлю», — подумалъ Витя. День его отъѣзда и даже часъ встрѣчи въ Гельсингфорсѣ были заранѣе назначены и окончательно закрѣплены шопотомъ при отходѣ поѣзда, на Финляндскомъ вокзалѣ (Мусю и Клервилля провожали всѣ, даже Маруся).

— Богъ дастъ, когда-нибудь, — беззаботно отвѣтилъ Витя.

Маруся подала ему связку ключей и нѣсколько исписанныхъ листовъ бумаги.

— По запискѣ все и провѣрьте: это бѣлье, это посуда... Вотъ чашку одну я разбила, изъ тѣхъ бѣлыхъ...

— Да бросьте, Маруся, какъ вамъ не стыдно!.. Стану я провѣрять, точно я васъ не знаю.

— Ужъ знаете или не знаете, а вы провѣрьте, — гово-

рила грубовато-фамиліарнымъ тономъ Маруся, очець польщенная его словами. — А потомъ чаю выпьете, я скомоварь поставила.

— Спасибо, чаю выпью съ удовольствіемъ.

— Сахаръ есть, сейчасъ принесу. Мнѣ у нотариуса восемь кусковъ должны, еще вчера хотѣли отдать... Отъ маминаго шкафа этотъ ключъ.

— Да, я знаю...

Витя родился и прожилъ всю жизнь въ этой квартирѣ. Николай Петровичъ снялъ ее тотчасъ послѣ свадьбы и не хотѣлъ съѣзжать, хотя увеличились и семья, и жалованье. Наталья Михайловна не разъ заговаривала о томъ, что квартира тѣсновата, всего пять комнатъ, что улица плохая, и парадный ходъ бѣдный; но и она не очень настаивала на перемѣнѣ, такъ какъ была сусвѣрна: здѣсь они жили очень счастливо, а еще Богъ вѣдаетъ, какъ было бы въ другомъ домѣ? Разказы о квартирѣ, о первыхъ дняхъ на ней, о покупкѣ мебели, объ его рожденіи, Витя помнилъ съ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ. У родителей лица принимали особенно нѣжное выраженіе, когда они объ этомъ вспоминали. «Можетъ, папа и мама здѣсь бы и весь вѣкъ прожили, если-бъ не революція»... Мысль о томъ, что можно прожить весь вѣкъ на одной квартирѣ, прежде привела бы въ ужасъ Витю. Теперь она его умиляла.

Онъ вошелъ въ спальную и открылъ шкафъ, съ которымъ у него связывались воспоминанія ранняго дѣтства. Изъ шкапа повѣяло знакомымъ запахомъ стараго дерева и душистаго мыла. Витя вздохнулъ. Длинный ящикъ съ мягкой ситцевой крышкой стоялъ на своемъ мѣстѣ, такъ же какъ и коробочка съ дорогими запонками Николая Петровича, надѣвавшимися только въ исключительныхъ случаяхъ. «Тутъ бѣдная мама хранила свои сбереженія, тутъ же и бонбоньерка была, что тогда къ именинамъ принесъ Владиміръ Ивановичъ... Вотъ она внизу, бонбоньерка... Я бѣгалъ къ мамѣ за конфетами, пока не вышли всѣ»... Револьверъ лежалъ на самомъ верху шкафа, при-

крытый для вѣрности мохнатыми полотенцами. Николай Петровичъ въ свое время, по требованію жены, его разрядилъ; патроны, которыхъ Наталья Михайловна боялась меньше, были положены въ пустую баночку отъ кольдъкрема. Витя осторожно попробовалъ, ужъ не забылъ ли, какъ заряжаютъ. Относительно предохранителя онъ не былъ увѣренъ: не то надо поднять стерженекъ, не то опустить. Зарядивъ револьверъ, онъ повертѣлъ пріятно потрескивавшій барабанъ, полюбовался появлявшимися на стальномъ фонѣ желтыми ободками патроновъ, затѣмъ сунулъ револьверъ въ карманъ и подумалъ, что если сейчасъ на улицѣ обыщутъ, то крышка, каюкъ.

Отводя подозрѣнія Маруси, онъ взялъ изъ шкапа нѣсколько полотенецъ, платковъ, наволочекъ и неумѣло завязалъ ихъ въ простыню. «Развѣ и запонки тоже взять? Еще обыскъ будетъ... Нѣтъ, не надо. Лучше только ихъ положить сюда»... Онъ приподнялъ мягкую крышку коробки и, вмѣсто перчатокъ, увидѣлъ большую, перевязанную ленточками, кучу писемъ, писанныхъ столь знакомой ему рукою. Первымъ движеніемъ Витя смущенно закрылъ коробку. «Однако ужъ это никакъ здѣсь нельзя оставлять... Запечатаю и передамъ папѣ, если увидимся... Когда увидимся», — вздрогнувъ, поправилъ себя онъ и бережно спряталъ въ боковой карманъ письма, затѣмъ заперъ шкапъ и вышелъ въ свою комнату.

Здѣсь было всего больше перемѣнъ. Повидимому, въ этой комнатѣ устроилась теперь Маруся. На письменномъ столѣ стояли утюги. Постель была покрыта не прежнимъ синимъ стеганымъ одѣяломъ, а другимъ. Въ углу висѣли платья. Только полки съ книгами были такія же, какъ прежде. Витя подошелъ къ нимъ. По этимъ полкамъ легко было прослѣдить его біографію. На самый низъ были давно положены истрепанныя книги, скрываемыя отъ глазъ товарищей: уютные томики «Bibliothèque rose», англійскія школьныя повѣсти, Буссенаръ, «Грозная туча», «Князь Иллико», «Сынъ гетмана». Большую часть полокъ

занимали «полныя собранія сочиненій», — Наталья Михайловна всегда ворчала, что не нужно тратить столько денегъ на переплеты и что отлично можно переплестать въ одну книгу не два, а три тома. На показной полкѣ стояли «Исторія философіи» Виндельбанда, предѣлъ премудрости русскихъ гимназистовъ, Ивановъ-Разумникъ и Анатоль Франсъ, Дрэперъ и Сологубъ, разные альманахи и «Вѣстникъ Знанія». Надъ полками, къ стѣнѣ булавками была приколата фотографія молодцоватаго матроса, друга Маруси, — это было Витѣ неприятно. «Да, надо взять книжку на дорогу», — подумалъ онъ. Книги верхней полки его не соблазнили; русскихъ классиковъ онъ зналъ наизусть. Витя нагнулся и взялъ наудачу книгу снизу. На красномъ потертомъ и выцвѣтшемъ съ верхняго края переплетѣ, на фонѣ московскихъ церквей, былъ изображенъ опиравшійся на бердышъ мрачный бородатый стрѣлецъ. Витя съ улыбкой перелисталъ книгу. Бояринъ Кирилло Полуэхтовичъ пришелъ за царской невѣстой, которая волновалась и не хотѣла слѣдовать за бояриномъ: «Ой, не въ ногу... Тягота на мнѣ больно великая... Плечи давить... Ноги вяжеть... Къ землѣ такъ и клонить, ровно веригами гнететь, матушка родимая»... Но матушка ничего не желала знать: «Али ты снятила, государыня-царица, моя доченька... И молчи, нишкни... Што за рѣчи пустишьныя... Значитца, такъ надоть... Ну, на меня обоприся, не молода, а выдержу... И не досадуй ты, не зли ты меня, слышь, Наталья... Царицушка, моя дочунка, шагай, шагай, порожекъ тута»... Люди усадили Наталью въ каптанку царскую, которая здѣсь же была изображена на глянцевитомъ вкладномъ листѣ. На передней лошади, раздирая ей ротъ удилами чуть не до ушей, сидѣлъ воинственный стрѣлецъ, которому въ свое время Витя удлинилъ красными чернилами бороду. Витя засмѣялся и вздохнулъ. Теперь и ему надо было уѣзжать, правда не въ каптанкѣ и не верхомъ на рѣзвомъ конѣ.

— Что же вы? Чай поданъ въ кабинетъ, — сказала,

появившись на порогѣ, Маруся. — Я теперь у васъ устроилась, а то у меня очень темно. Постельное бѣлье свое взяла... Идите же чай пить.

Она чувствовала себя хозяйкой квартиры, а его какъ бы гостемъ, котораго надо угощать и занимать. Витя перешелъ въ кабинетъ. Увидѣвъ завязанный имъ свертокъ съ бѣльемъ, Маруся захохотала.

— Вотъ такъ завернулъ! — сказала она, — Все сейчасъ же вывалится... Дайте, я сдѣлаю, гдѣ ужъ вамъ!.. А вы чай пейте, пока горячій.

— Спасибо.

— Что-жъ такъ мало бѣлья взяли? Дайте ключъ, я еще прибавлю.

— Нѣтъ, не надо, я скоро олять зайду... Въ другой разъ.

«Провѣрять хочеть почаще... Въ маменьку пошелъ», — подумала Маруся. Она впрочемъ нисколько не обидѣлась: Маруся относилась къ Витѣ съ материнскимъ чувствомъ.

— Въ другой разъ само собой... Все будетъ пѣло, будьте спокойны, — многозначительно замѣтила она, показывая, что разгадала его тайное намѣреніе. — И ключъ можете у себя оставить...

— Да нѣтъ же!.. Вы, Маруся, не стѣсняйтесь: если вамъ нужно, продавайте. Вѣдь я понимаю, что и вамъ теперь трудно жить... Папа, я увѣренъ, ничего не скажетъ.

— Ну, вотъ, продавайте! Какія глупости! — съ возмущеніемъ отвѣтила Маруся, недовѣрчиво и насмѣшливо, глядя на Витю. По ея мнѣнію, и самъ онъ не имѣлъ права распоряжаться оставшимся на квартирѣ имуществомъ.

— Я вамъ разрѣшаю, — повторилъ Витя. При всемъ своемъ демократизмѣ онъ былъ задѣтъ ея словами: «Какія глупости!» Маруся тотчасъ это замѣтила, — сама чувствовала, что не позволила бы себѣ такъ выразиться прежде, даже тогда, когда Витя былъ еще значительно моложе.

— Какъ же это: продавать! — сказала она. — И Ну-

колаю Петровичу понадобится, да и вы не всегда будете жить у барышень... Папу, вѣрно, скоро выпустятъ, — сказала она совершенно такимъ тономъ, какимъ говорятъ старикамъ на ихъ золотой свадьбѣ: «Ну, мы еще и на вашей брилліантовой попляшемъ». Не получивъ отвѣта, Маруся тяжело вздохнула.

— Дайте мнѣ бѣлье, я все сложу. Веребочка у насъ гдѣ-то должна быть... Сахару я не положила, сами возьмите.

Она вышла. Витя взялъ изъ стоявшей на подносѣ старинной серебряной сахарницы маленькій кусокъ сахару (если-бъ онъ не взялъ, Маруся обидѣлась бы) и сѣлъ на диванъ, все время чувствуя въ правомъ карманѣ что-то новое, тяжелое и страшное. «А то положить сюда?.. Такъ выхватить будетъ легче. Только бы не прорвалъ подкладку»... Опять немного полюбовавшись револьверомъ, Витя положилъ его во внутренній карманъ пиджака, отхлебнулъ глотокъ чаю и поставилъ стаканъ на табуретъ. Все, подстаканникъ, подносъ, сахарница, было такъ ему знакомо, и все теперь его умиляло. «Да, у нихъ была настоящая жизнь, органическая», — подумалъ о родителяхъ Витя. Слово было книжное, но онъ ясно чувствовалъ, что такое органическая жизнь. Въ это понятіе входили и сахарница, и подстаканникъ, и письма, перевязанныя шелковой ленточкой, и шкафъ съ запахомъ старинной шкатулки, и его собственныя книги съ картинками, и блины на Масляницу, и общія поѣздки въ Музыкальную Драмму, въ Александринскій театръ, и вся эта небогатая, милая и уютная квартира, освѣщенная даже теперь прошедшей въ ней жизнью хорошей, образованной русской семьи. Витя смутно, инстинктомъ, чувствовалъ, что у него, у его сверстниковъ уже не будетъ этой органической жизни. «Въ столовой прачешная, — что бы сказала мама! Папа въ крѣпости, а я самъ не Витя Яценко! Вотъ кто я»... Онъ вынулъ изъ внутренняго кармана свой фальшивый паспортъ, раскрылъ и въ сотый разъ предст...

вилъ себѣ предстоящій переходъ границы въ Бълоостровѣ. — «Bitte», — съ чистѣйшимъ нѣмецкимъ акцентомъ хладнокровно сказалъ онъ совѣтскому развѣдчику. Однако и тутъ въ кабинетѣ, очень далеко отъ Бълоострова, при этомъ «Bitte» у Вити мурашки пробѣжали по спинѣ. Къ первой страницѣ новенькаго, пахнувашаго клеємъ паспорта былъ неровно прикрѣпленъ зажимомъ пропускъ изъ Смольнаго Института. «Интересно, какъ они достали пропускъ? Смотрѣть гадко... Не странно ли, что я бѣгу съ нѣмецкимъ паспортомъ!.. Послѣ всего того, что было», — подумалъ Витя, разумѣя свою четырехлѣтнюю патриотическую ненависть къ Германіи. «Да, паспортъ знаю на зубокъ...» «Familiennamen»... «Vorname»... «Ständiger Wohnsitz mit Adresse»... «Beruf»... Все-таки досадно, что написали гимназистъ, могли написать студентъ»... «Danke sehr», — вслухъ сказалъ Витя, получая паспорта отъ одурченнаго развѣдчика. «Нѣмцы говорятъ такъ нараспѣвъ: «Danke sehr, danke schön»... Нѣтъ, это, кажется, больше кельнеры... Надо просто флегматично бросить «danke». Ну, а если у нихъ возникнутъ подозрѣнія? Если спросить?.. — «Wie meinen Sie? Ich verstehe nicht russisch»... И тогда уже готовится, слѣдить за каждымъ движеніемъ... Предположимъ самое худшее, сразу распознаютъ, что онъ тогда можетъ сказать? «Благоволите слѣдовать за нами...» Или, если нарвешься на грубіяновъ: «Знаемъ мы тебя, какой ты нѣмецъ! Ты матерой русской контрреволюціонеръ!» — Ахъ, знаете? Ну, тѣмъ лучше, получайте... Разъ-два!» — Витя выхватилъ изъ кармана револьверъ и направилъ его на шкафъ съ книгами. — «Предохранитель, разумѣется, передъ Бълоостровомъ переведу... Двухъ-трехъ могу хлопнуть... Послѣдній выстрѣлъ себѣ въ лобъ... Или лучше въ ротъ?.. Но такъ, чтобы сразу смерть: нельзя имъ отдаться живымъ... Официальнаго сообщенія вѣрно не будетъ, но изъ газетной хроники они всѣ узнаютъ: «Кровавое дѣло въ Бълоостровѣ... Отчаянное сопротивленіе переодѣтаго виднаго контрреволю-

ционерера...» «Ну, ладно, довольно ребячиться!» — съ сожалѣніемъ подумалъ Витя.

Онъ спряталъ снова револьверъ, паспортъ, взялъ стаканъ съ мокраго блюдечка и поставилъ его на газетный листъ, которымъ былъ накрытъ табуретъ. На запыленномъ листѣ образовался не сомкнувшійся въ кругъ ободокъ. Помѣшивая ложечкой въ стаканъ, Витя разсѣянно прочелъ справа отъ ободка:

«По требованію гласнаго Левина, предложеніе о томъ, чтобы вся дума пошла въ Зимній Дворецъ, подвергнуто было поименному голосованію. Всѣ безъ исключенія гласные, фамилии которыхъ назывались, отвѣчали: «Да, иду умирать» и т. п.».

IV.

Николай Петровичъ въ недоумѣніи остановился на порогѣ. Въ комнатѣ, въ которую его ввели латыши-развѣдчики, было темно. Только одна маленькая матовая лампочка горѣла у короткой стѣны, слабо освѣщая стулъ и небольшую часть пола. На другомъ, неосвѣщенномъ концѣ длинной комнаты съ трудомъ можно было разглядѣть столъ. Яценко не столько увидѣлъ, сколько почувствовалъ, что за столомъ сидитъ человекъ. «Вѣрно это онъ и есть, Желѣзновъ», — подумалъ Николай Петровичъ, безпокойно оглядываясь на выходящихъ изъ комнаты развѣдчиковъ. Дверь за ними закрылась. Стало еще темнѣе. «Ну, что-жъ, мнѣ совершенно все равно», — подумалъ Яценко. — «Одинъ конецъ, и слава Богу»...

Николай Петровичъ дѣйствительно въ послѣднее время думалъ, что жизнь его пришла къ концу. Изъ Трубецкого Бастиона каждую ночь, около трехъ часовъ, вводили людей на разстрѣлъ. До наступленія террора Яценко никакъ не предполагалъ, что его могутъ разстрѣлять; онъ и са-

мый арестъ свой приписывалъ непонятному недоразумѣнію. Перспектива близкой смерти надвинулась на Николай Петровича внезапно и вначалѣ именно своей внезапностью его потрясла. Особенно страшна была вторая ночь: въ первую — онъ еще неясно понималъ, что такое происходитъ въ крѣпости. Потомъ стало легче. «Да, я внутренно былъ вполне подготовленъ», — думалъ съ удовлетвореніемъ и гордостью Яценко. Все-же въ пятомъ часу, съ разсвѣтомъ, когда становилось ясно, что, если и разстрѣляютъ, то ужъ никакъ не въ эту ночь, Николай Петровичъ испытывалъ необыкновенное облегченіе, котораго онъ стыдился: «Вотъ и подготовленъ!.. Слабое животное человѣкъ»... На самомъ дѣлѣ онъ все-таки не вѣрилъ, что его казнятъ, — юристъ въ немъ сидѣлъ твердо. Яценко зналъ изъ историческихъ книгъ, что въ пору революцій людей часто казнили безъ всякой вины; но отнести къ себѣ такую возможность ему было трудно. Никакихъ приготовленій онъ не дѣлалъ, чувствуя, что готовиться по настоящему можно только въ самую послѣднюю минуту, когда ни сомнѣній, ни надежды больше не останется. Николай Петровичъ заставлялъ себя заполнять день такъ же, какъ прежде, однако, шахматныя партіи у него не выходили. Читалъ онъ теперь только философскія и религіозныя книги, а въ нихъ самыя важныя, трагическія главы. Это чтеніе его успокаивало; но иногда, въ худшія минуты, ему казалось, что успокоеніе отъ книгъ было не настоящимъ, искусственнымъ, порою чисто словеснымъ. Такъ, ненадолго доставила ему утѣшеніе мысль греческаго мудреца: «Пока ты существуешь, нѣтъ смерти; когда приходитъ смерть, ты больше не существуешь; значить бояться тебѣ нечего». Потомъ Николай Петровичъ подумалъ, что мысль — эффектная и фальшивая. «Все равно, какъ я твердо знаю, что Ахиллесъ догонитъ черепаху, что бы они тамъ ни говорили. Вотъ здѣсь, въ камерѣ, и я существую, и смерть существуетъ рядомъ со мной... Нѣтъ, не такъ успокаиваютъ куранты»...

Часто думалъ Яценко и о томъ, что онъ обязанъ со-

блности до конца достоинство, — обязанъ и передъ собой, и передъ памятью Наташи, и передъ Витей, хоть Витя, вѣрно, никогда о томъ не узнаеть. Онъ чувствовалъ отвѣтственность и передъ всей своей прошлой дѣятельностью, передъ русскимъ государствомъ, передъ тѣмъ вѣдомствомъ, въ которомъ прошла вся его жизнь: несмотря на свои новыя мысли, Николай Петровичъ свою службу вспоминалъ съ гордостью.

На допросъ его позвали въ первомъ часу ночи. Для разстрѣла часъ былъ слишкомъ ранній, и Яценко повѣрилъ, что зовутъ именно на допросъ. «Наконецъ-то хватились!» — съ радостнымъ и тревожнымъ чувствомъ думалъ онъ, слѣдуя за латышами въ канцелярію крѣпости.

— Садитесь, пожалуйста, — негромко сказалъ сидѣвшій за столомъ человѣкъ. Яценко вздрогнулъ. Онъ сѣлъ на стулъ подъ матовой лампочкой.

«Ни къ чему все это, старые фокусы, знаю», — подумалъ Николай Петровичъ. Онъ и въ самомъ дѣлѣ знавалъ, особенно въ провинціи, слѣдователей, которые при допросѣ устраивались такъ, что на допрашиваемыхъ падалъ свѣтъ, а допрашивающій оставался въ тѣни, — и очень вѣрили въ этотъ школьно-романтическій пріемъ. «Все-таки у Скобцова въ Саратовѣ не было въ камерѣ такъ темно. Этотъ, вѣроятно, еще мальчишка... Да, мнѣ совершенно все равно. Неужели однако такъ и разговаривать съ разныхъ концовъ комнаты?..» — Глаза Николая Петровича немного привыкли къ темнотѣ, но разглядѣть комиссара онъ не могъ. — «Нѣтъ, не мальчишка, кажется, длинная борода... Ну, ладно, дальше что?» — спросилъ онъ себя съ неловкимъ чувствомъ, — такъ непривычно было сидѣть у стѣны на стулѣ, безъ стола. Не зная, что дѣлать съ руками, онъ положилъ ихъ на колѣни и немного наклонился впередъ.

— Ваша фамилія? — спросилъ комиссаръ.

— Яценко, — отвѣтилъ Николай Петровичъ, не сразу

соразмѣривъ звукъ голоса съ непривычно большимъ разстояніемъ отъ собесѣдника.

— Имя-отчество?

— Николай Петровичъ.

— Николай Петровъ Яценко, — повторилъ голосъ въ темнотѣ. Николай Петровичъ вдругъ почувствовалъ легкое сердцебіеніе. — Вы были дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ въ пору царизма? — поспѣшно спросилъ комиссаръ и, не дожидаясь отвѣта, добавилъ: — Что вы можете сказать по дѣлу, по которому вы обвиняетесь?.. Предупреждаю, что на уличающіе васъ вопросы вы можете не отвѣчать.

Сердце у Николая Петровича какъ будто безъ причины забилось еще сильнѣе. — «Не случился бы нервный припадокъ!.. Надо отвѣтить... Что-жъ это, онъ пародируетъ нашъ судъ?.. Ну и пусть, мнѣ все равно... Только бы сердце успокоилось... Что такое онъ спросилъ?..» — Яценко воспроизвелъ въ памяти звукъ заданнаго ему вопроса: «...по дѣлу, по которому вы обвиняетесь»..

— Мнѣ неизвѣстно, по какому дѣлу я обвиняюсь, — отвѣтилъ онъ.

— Вотъ какъ?.. Ничего неизвѣстно?

— Ничего.

— Ничего... Такъ-съ...

Комиссаръ помолчалъ.

— Вы привлекаетесь къ отвѣтственности по дѣлу о контрЪ-революціонной Федосьевской организаціи, — сказалъ онъ наконецъ.

— Виноватъ: какой организаціи?

— Федосьевской... Федосьевской контрЪ-революціонной организаціи, — повторилъ комиссаръ.

— Я о такой организаціи сейчасъ въ первый разъ въ жизни слышу.

— Въ первый разъ въ жизни слышите?

— Да, въ первый разъ отъ васъ слышу.

— Ахъ, отъ меня въ первый разъ слышите? Можетъ быть, отъ другихъ слышали и прежде?

«Ну да, шулеръ!» — подумалъ Яценко. — «Или онъ издѣвается? И тонъ какъ будто издѣвательскій... Конечно, мнѣ все равно... Какъ колотится однако сердце... Не уласть бы въ обморокъ»...

— Нѣтъ, и отъ другихъ никогда не слыхалъ, — равнодушнымъ тономъ отвѣтилъ онъ, справившись съ дыханіемъ.

— И отъ другихъ никогда не слышали?. Такъ-съ.

— Не слыхалъ...

— А о господинѣ Сергѣѣ Федосьевѣ вы слышали? — спросилъ, опять помолчавъ, комиссаръ.

— О томъ, который при старомъ строѣ вѣдалъ политической полиціей?

— О немъ самомъ.

— Да, о немъ слыхалъ.

— О немъ слышали... Можетъ, и лично знали?

— Да, зналъ и лично.

— Его знали и лично... Такъ-съ... Когда вы его видѣли въ послѣдній разъ?

— Давно... Года полтора-два тому назадъ.

— Ахъ, года полтора-два тому назадъ? Стало быть, еще при царизмѣ?

— Да, при старомъ строѣ.

— Съ тѣхъ поръ ни разу не видали?

— Нѣтъ, съ тѣхъ поръ ни разу не видаль.

— Такъ-съ... На какой почвѣ состоялось ваше знакомство?

— У насъ разъ возникли дѣловые служебныя отношенія, — отвѣтилъ, съ трудомъ дыша, Яценко. Непонятная тревога росла у него съ каждой минутой. «Надо отвѣчать коротко... Такъ легче...»

— Дѣловые служебныя отношенія? Письменные?

— Какъ?.. Нѣтъ, устныя.

- Только устныя?
- Да, только устныя.
- Федосьевъ никогда вамъ не писалъ?
- Никогда...
- Ни разу?
- Ни разу... Дайте однако вспомнить... Нѣтъ, ни разу.
- Вы въ этомъ увѣрены?
- Совершенно увѣренъ.
- Намъ, напротивъ, извѣстно, что онъ вамъ писалъ, гражданинъ Яценко.
- Вы ошибаетесь.
- Вспомните... Постарайтесь вспомнить...
- Я твердо помню: Федосьевъ никогда мнѣ не писалъ.
- Такъ-съ... Гдѣ находится вашъ служебный архивъ?
- Въ ту пору, когда я былъ слѣдователемъ по важнѣйшимъ дѣламъ, мой архивъ находился въ зданіи суда на Литейномъ... (Николай Петровичъ передохнулъ посаѣ длиннаго предложенія). И потомъ вмѣстѣ съ этимъ зданіемъ сгорѣлъ... Послѣ февральской революціи я получилъ другое назначеніе и съ тѣхъ поръ мои бумаги...
- Тогда сгорѣлъ весь вашъ архивъ? — перебилъ его комиссаръ.
- Да, тотъ архивъ весь...
- Развѣ вы никогда не уносили служебныхъ бумагъ изъ зданія суда?
- Иногда уносилъ ненадолго на домъ для работы... Но затѣмъ всмеленно возвращалъ назадъ.
- Всегда и все?
- Разумѣется, всегда и все, — повторилъ Яценко. «Что за странный допросъ!.. Что ему нужно?..»
- Въ вашей частной квартирѣ дѣйствительно при обыскѣ никакихъ служебныхъ бумагъ найдено не было, — нѣсколько болѣе мягкимъ тономъ сказалъ комиссаръ. — Но, вѣроятно, вы хранили ихъ еще и въ другомъ мѣстѣ?
- Гдѣ же еще? Хранилъ въ своемъ кабинетѣ въ зданіи суда... Тамъ все и сгорѣло.

— Такъ что и переписка ваша съ Федосьевымъ сгорѣла во время пожара?

— Я вамъ сказалъ и повторяю, что у меня... никакой переписки съ Федосьевымъ не было... Впрочемъ, погодите: одинъ разъ я ему дѣйствительно писалъ.

— Ахъ, одинъ разъ писали? — рѣзко сказалъ комиссаръ. — Но вы только что утверждали, что не писали никогда, ни разу, что вы твердо это помните!

— Я утверждалъ и продолжаю утверждать, что онъ мнѣ никогда, ни разу не писалъ... Но я ему разъ дѣйствительно писалъ по одному дѣлу, которое...

— Гдѣ же находится это ваше письмо? — еще рѣзче перебилъ его комиссаръ.

— Должно быть, въ архивѣ Федосьева.

— А гдѣ находится архивъ Федосьева?

— Этого я не знаю.

— Какъ не знаете? По той должности, которую вы занимали до октября, вы не можете этого не знать!

— Совершенно не знаю... Мнѣ не было никакого дѣла ни до Федосьева, ни до его архива. Вѣроятно, его архивъ находится тамъ, гдѣ былъ его кабинетъ... Или, можетъ быть, его куда-нибудь оттуда перевезли... Вѣдь всѣмъ этимъ занялись историки... А часть полицейскихъ бумагъ, помнится, была уничтожена... въ первые дни революціи... Тогда много документовъ должно было погибнуть. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили. Во всякомъ случаѣ я ничего объ этомъ не знаю... И никакого отношенія къ этому я не имѣлъ.

— Вы однако не хотите меня увѣрить въ томъ, что вы послѣ революціи не поддерживали никакихъ отношеній съ Федосьевымъ?

— Не знаю, удастся ли мнѣ васъ увѣрить... Но это именно такъ: я никакихъ отношеній съ нимъ не поддерживалъ... Да вѣдь онъ и исчезъ изъ Петрограда въ первые же дни революціи.

— Намъ доподлинно извѣстно, что онъ находится въ Петроградѣ.

— Возможно... Объ этомъ я ничего знать не могу... Хотя бы потому, что давно сижу въ крѣпости.

— Хотя бы поэтому? Значить, вы признаете, что до вашего ареста вы поддерживали отношенія съ Федосьевымъ?

— Послушайте, — сказалъ, блѣднѣя, Яценко (сердце у него колотилось страшно). — Такъ совершенно бесполезно допрашивать... Я самъ былъ всю жизнь слѣдователемъ... И если вы думаете, что меня можно поймать... при помощи такихъ приѣмовъ... вы ошибаетесь... Я вамъ, говорю, что...

— Мои приѣмы стоятъ вашихъ, гражданинъ Яценко! — сказалъ, поднимая голосъ, комиссаръ. Николай Петровичъ замеръ.

— Я вамъ говорю, что ни разу... не видалъ послѣ революціи Федосьева, — едва выговорилъ онъ. — Хотите, вѣрьте этому, хотите, нѣтъ... Ни о какой организаціи я... понятія не имѣю!.. И если...

— Но вы сами признали, что работали при царизмѣ совместно съ Федосьевымъ... Этого достаточно!

— Достаточно... для чего?

— Достаточно для того, чтобы привлечь васъ къ отвѣту передъ революціей, господинъ Яценко!

— Такъ и говорите!.. Тогда, по крайней мѣрѣ, не выдумывайте... контръ-революціонныхъ организацій!..

— Но вы состояли и состоите въ Федосьевской организаціи!

— Нѣтъ, не состоялъ и не состою!.. Если вообще такая организація существуетъ...

— Вы говорите неправду, господинъ Яценко! — привсталъ изъ-за стола, вскрикнулъ измѣнившимся голосомъ комиссаръ. Въ комнатѣ рѣзко прозвучалъ звонокъ.

Николай Петровичъ открылъ ротъ, тоже привсталъ и вдругъ откинулся на спинку стула. «Ну, да, это онъ!..»

— Вы Загряцкій! — сказалъ, задыхаясь, Николай Петровичъ.

— Отведите его! — прокричалъ вошедшимъ развѣдчикамъ комиссаръ.

V.

Въ стеклянномъ кубѣ у входа плавали золотыя рыбки, но ихъ и разглядѣть было трудно въ грязной мутной водѣ. Чахлая пальма у машины шевелила запыленными пальцами, когда мимо нея проходили люди. Это былъ собственно не ресторанъ и не трактиръ и не кабачекъ. Больше всего заведеніе походило на декорацію портового притова въ передовомъ театрѣ, гдѣ руководить постановками режиссеръ, умѣющій создавать настроеніе. Видало оно всякіе виды и, быть можетъ, помнило времена, когда за границу ѣздили моремъ и Петербургъ былъ настоящимъ портомъ. Въ послѣдніе годы передъ войной опытные люди, не любившіе вокзальныхъ буфетовъ, поздно ночью пріѣзжали сюда запивать кахетинскимъ виномъ шашлыкъ или селянку. Владѣлецъ, весело-глухой человекъ, встрѣчалъ дикими возгласами завсегдатасвъ и, усадивъ ихъ за столъ, яростно кричалъ половымъ: «Рабы, рѣжьте лучшаго козленка!»... «Рабы, тащите жареныхъ павлиновъ!»... Изъ кухни торжественно выходилъ человекъ съ кинжаломъ у пояса, принималъ заказы, и, мрачно-сочувственно улыбаясь, кивалъ головой въ отвѣтъ на указанія тѣхъ гостей, которые имѣли личные взгляды на шашлыкъ, а селянку называли «селяночкой», потирая руки и улыбаясь свѣтлой улыбкой. Хозяинъ приносилъ старательно запыленные бутылки, пилъ съ гостями и съ хохотомъ рассказывалъ общезвѣстные анекдоты, выдавая ихъ за исторіи, случившіяся съ нимъ самимъ или съ однимъ его пріателемъ.

Заведеніе очень опустилось съ войною. Умеръ хозя-

инъ, ушелъ воинственный человѣкъ, котораго завсегдага, съ непонятной гордостью, называли осетиномъ. Революція совсѣмъ подорвала дѣло. Гастрономы пріуныли и перестали пріѣзжать, послѣдняго полового разсчиталъ новый владѣлецъ, публика стала много хуже, — развѣ изрѣдка забредеть наблюдать нравы ночного притона компанія литераторовъ или какой-нибудь молодой провинціальныи туристъ, втайнѣ воображающій себя Фаустомъ. Пришли въ упадокъ шашлыкъ и селянка, но кахетинское вино подавалось по прежнему, — говорили, что новый хозяинъ имѣетъ связи.

Пахло рыбой, капустой, табакомъ и керосивомъ. Окна передней комнаты были плотно завѣшаны. Публики было немного, — изъ-за событій въ городѣ или оттого, что весь вечеръ шелъ проливной дождь. Застрявшая компанія матросовъ невесело пила и, зѣвая, играла въ карты. На нихъ подозрительно поглядывалъ хозяинъ, грузный рябой и косои человѣкъ въ высокихъ шершавыхъ сапогахъ, какъ нельзя болѣе подходившій наружностью къ декорации портоваго притона. Онъ не былъ увѣренъ, что ему заплатятъ. Матросы уже понемногу теряли положеніе знати новаго строя, однако ссориться съ ними не приходилось.

Женщина въ платкѣ, слѣдившая за игрой, встала и допила вино въ стаканахъ, стоявшихъ передъ ней и передъ ея сосѣдомъ. Матросъ выругался крѣпко, но безъ оживленія.

— Много лакаешь!....

— Двѣнадцатый часъ... Спать хочу, — сказала женщина.

— Куда-жъ въ такую погоду?.. Сейчасъ пойдемъ...

— Отчего мотора не взяли? Я говорила...

— Потомъ будете языкомъ чесать, — сердито сказалъ другой игрокъ. — Я говорю: ва!

— Ишь, задается! Если ва, то деньги на бочку.

Женщина изобразила презрительную улыбку на помятъ, крашеномъ, еще красивомъ лицѣ.

— Скучно мнѣ съ вами... Граммофонъ бы пустить, пѣсню какую-нибудь, — сказала она, натягивая продранныя перчатки, видимо главную свою гордость.

— Не время теперь пѣсни играть, — угрюмо отозвался хозяинъ. Матросъ къ нему повернулся.

— А для буржуевъ было время? -- грозно спросилъ онъ.

— Ладно, пустимъ, — равнодушнымъ тономъ отвѣтилъ хозяинъ и вышелъ во вторую комнату, гдѣ стоялъ граммофонъ. За столомъ гость въ дорожномъ плащѣ что-то писалъ при свѣтѣ керосиновой лампы. Передъ нимъ стояла пустая бутылка. Больше въ комнатѣ никого не было.

— Дождь идетъ? — спросилъ Браунъ, отрываясь отъ тетради.

— Идетъ, — отвѣтилъ хозяинъ съ виноватымъ вздохомъ.

— Дайте, пожалуйста, еще бутылку.

— Карданаха прикажете?

— Да, карданаха.

— Сейчасъ принесу... Васъ граммофонъ не обезпokoить? — понижая голосъ, спросилъ хозяинъ. — Матросня требуетъ...

— Не обезпokoить.

Хозяинъ поставилъ пластинку. Женщина изъ двери съ любопытствомъ на нихъ смотрѣла. Браунъ встрѣтился съ ней глазами. Извилистая трубка мембраны впиалась въ пластинку и завертѣлась. Женскій голосъ завылъ: «Пращайте други, я уѣзжаю»...

— Закусить ничего не желаете?

— А что у васъ есть?

— Горячаго ночью ничего нѣтъ. Есть колбаса, сыръ.

— И хлѣбъ?

— Хлѣба, извиняюсь, нѣтъ.

— Что-жъ, дайте.

— Сю минуту.

Хозяинъ вышелъ и въ дверяхъ столкнулся съ женщиной.

— Это кто? Буржуй? — радостнымъ, истосковавшимъ шопотомъ спросила она.

— А я почему знаю? Мы паспортовъ не требуемъ... Только бы платили, не го чтобы жулье какое-нибудь.

Женщина оглянулась на игроковъ и вошла во вторую комнату.

— Мусье, угостите дѣвочку виномъ, — привычнымъ тономъ, какъ автоматъ, произнесла она классическую фразу, которую по дѣни никогда не мѣняла. Браунъ оглядѣлъ ее съ ногъ до головы. Она почувствовала, что дѣло можетъ выйти, и нацѣпила привычную вызывающую улыбку, хоть гость показался ей непріятнымъ. «Ахъ, ша-рабанъ мой, амери-канка»... — залѣла она вполгѣлоса, вторя граммофону. Хозяинъ вошелъ съ откупоренной бутылкой и скользнулъ по нимъ опытнымъ внимательнымъ взглядомъ. — «...А я дѣвчонка, ды хули-ганка!»...

- - Закуску сію минуту подамъ. И сухари нашлись.

— Спасибо.

— Матросы сейчасъ уходятъ, — многозначительно сказалъ хозяинъ и отошелъ къ граммофону. — «... Ды болитъ мое сердце, ды болитъ не-ченка»... -- пѣла женщина, поплясывая на мѣстѣ и глядя на Брауна. Граммофонъ захрипѣлъ. Хозяинъ поднялъ трубку, приблизившуюся къ красному кружку. — «...Ахъ, что подѣлалъ со мной маль-ченка!»...

- - Ты съ ними уходи и назадъ возвращайся, — прошепталъ хозяинъ.

...«Единственно для пользы дѣла имѣю честь представить товарищамъ членамъ коллегіи В. Ч. К., что наружно наблюдение за арестованнымъ 31-го числа августа мѣсяца контръ-революціонеромъ б. княземъ Алексѣемъ Андре-

евичемъ Горенскимъ было съ самаго начала поставлено неудовлетворительно и поверхностно, какъ вслѣдствіе недостаточнаго числа предоставленныхъ въ распоряженіе отдѣла развѣдчиковъ, такъ и въ силу ихъ полнаго незнакомства съ дѣломъ, требующимъ опыта, размышленія и навыка. О вышесказанномъ я неоднократно имѣлъ честь докладывать товарищамъ членамъ коллегіи В. Ч. К., въ частности въ моихъ письменныхъ донесеніяхъ за № № 1 и 7...»

«Этотъ фруктъ хочеть насъ учить», — морщась, подумала Ксенія Карловна. — «Достаточно того, что его самого пока терпятъ...»

«При надлежащей постановкѣ дѣла и при наличіи опытныхъ наблюдателей обязательно должны быть замѣчаемы всѣ связи и знакомства лица, принятаго въ наблюдение (первоначально было написано «принятаго въ мушку», но потомъ вмѣсто «мушки» поставлено слово «наблюдение»). Это требованіе позволяю себѣ назвать азбукой развѣдочнаго дѣла. Между тѣмъ обращаю вниманіе товарищей членовъ коллегіи В. Ч. К. на то обстоятельство, что контръ-революціонеръ б. князь Горенскій былъ отмѣченъ Инфагомъ наружному наблюдению еще 25-го числа августа мѣсяца. Однако товарищъ развѣдчикъ наружнаго наблюдения, принявшій б. князя Горенскаго, потерялъ связь съ принятымъ и не сумѣлъ даже выяснить, гдѣ именно б. князь Горенскій провелъ послѣднія ночи и съ кѣмъ онъ встрѣчался, что само по себѣ достаточно свидѣтельствуетъ о явно ненормальной и дефективной постановкѣ всей службы наружнаго наблюдения въ Аго...»

«Къ сожалѣнію, въ этомъ онъ правъ... На Аго надо будетъ обратить особое вниманіе», — подумала Ксенія Карловна и сдѣлала помѣтку: NB.

...«Въ силу довѣрія, оказаннаго мнѣ товарищами членами коллегіи В. Ч. К., считаю себя обязаннымъ обратить ихъ вниманіе на этотъ прискорбный фактъ. Наружному наблюдению удалось, правда, установить, что 30-го числа

августа мѣсяца въ семь часовъ вечера принятый въ наблюдение б. князь Горенскій встрѣтился на Каменноостровскомъ проспектѣ въ домѣ № 74 съ лицомъ, въ которомъ, путемъ сопоставленія нѣкоторыхъ имѣющихся у Инфага данныхъ, удалось съ большой вѣроятностью признать извѣстнаго товарищамъ членамъ коллегіи В. Ч. К. по моему предыдущему докладу за № 16 контръ-революціонера Александра Михайловича Брауна»...

Бумага задрожала въ рукахъ Ксеніи Карловны.

«Однако, въ результатѣ той же неопытности товарищей развѣдчиковъ наружнаго наблюдения и ихъ полного незнакомства съ дѣломъ, означенное лицо не было тотчасъ принято въ наблюдение, а самое сообщеніе было мнѣ сдѣлано съ опозданіемъ непозволительнымъ и совершенно недопустимымъ, каковое обстоятельство еще разъ свидѣтельствуется о той же дефективной неналаженности службы наружнаго наблюдения въ Аго. Немедленно принятыя мѣры, по понятнымъ причинамъ, уже не могли привести къ цѣли, такъ какъ означенное лицо, проявляющее не въ примѣръ болѣе осторожности и осмотрительности въ дѣйствіяхъ, чѣмъ б. князь Горенскій, въ указанномъ выше домѣ болѣе не появлялось. Свои предположенія о роли контръ-революціонера Александра Брауна я имѣлъ честь изложить на устномъ докладѣ отъ 26-го числа августа мѣсяца члену коллегіи В. Ч. К. товарищу Каровой и получилъ предписание выяснить общую картину дѣла, воздерживаясь отъ преждевременнаго ареста означеннаго лица, если-бы къ такому аресту представился случай.

Не позволяя себѣ входить въ обсужденіе видовъ и намѣреній коллегіи В. Ч. К., считаю себя обязаннымъ указать, что въ настоящее время общая картина дѣла можетъ уже считаться выясненной, главнымъ образомъ на основаніи внутренняго освѣщенія въ такъ называемой второй десяткѣ Федосьевской организаціи. Преступное контръ-революціонное сообщество, во главѣ котораго стоялъ б.

дѣйствительный статскій совѣтникъ Сергѣй Федосьевъ, готовило центральный террористическій актъ, извѣстный товарищамъ членамъ коллегіи В. Ч. К. по моему докладу за № 16. Есть всѣ основанія предполагать, что контръ-революціонеръ Александръ Браунъ, химикъ по профессіи, вѣдалъ въ злоумышленной организаціи дѣломъ изготовленія взрывчатыхъ веществъ. Однако внутреннее освѣщеніе, исходящее изъ второй десятки, а равно и изъ другихъ источниковъ, извѣстныхъ товарищамъ членамъ коллегіи В. Ч. К., пока не дало, къ сожалѣнію, возможности установить, гдѣ, какъ и при чьемъ участіи производилось это изготовленіе.

Въ силу арестовъ, произведенныхъ 31-го числа августа мѣсяца и 1-го и 2-го числа сего сентября мѣсяца, злоумышленная организація можетъ считаться вполне освѣщенной и въ значительной мѣрѣ ликвидированной. Арестованные по этому дѣлу, согласно распоряженія, переданы въ вѣдѣніе товарища Желѣзнова. Позволяю себѣ надѣяться, что коллегія В. Ч. К. оцѣнитъ трудъ лицъ, этому со всѣмъ служебнымъ рвеніемъ способствовавшихъ, какъ равно и общую активность отдѣла.

Какъ извѣстно коллегіи В. Ч. К., несмотря на всѣ усилія отдѣла, наиболѣе опасные дѣятели преступнаго сообщества до сихъ поръ не арестованы и объ ихъ планахъ и мѣстопробываніи внутреннее освѣщеніе никакихъ свѣдѣній или хотя бы наводящихъ указаній дать не могло. Вполнѣ вѣроятно, что злоумышленники попытаются въ ближайшіе дни скрыться за границу или на югъ Россіи, находящейся во власти контръ-революціи. Почитаю долгомъ въ самомъ спѣшномъ порядкѣ обратить вниманіе коллегіи В. Ч. К. на полную неудовлетворительность постановки наблюденія и контроля на пограничныхъ пунктахъ, какъ сухопутныхъ, такъ въ особенности морскихъ. При надлежащей энергіи, распорядительности и быстротѣ дѣйствій попытки бѣгства могутъ быть однако еще пресѣчены, и въ этомъ случаѣ, были бы всѣ основанія надѣяться на арестъ

злоумышленниковъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ. Въ связи съ указаннымъ выше устнымъ распоряженіемъ, объявленнымъ мнѣ 26-го числа августа мѣсяца членомъ коллегіи В. Ч. К. товарищемъ Каровой, и признавая картину дѣла въ настоящее время совершенно установленной, имѣю честь покорнѣйше просить коллегію В. Ч. К. о безотлагательномъ разрѣшеніи отдѣлу, въ порядкѣ собственной инициативы, не теряя ни минуты времени и не спорясь для каждаго отдѣльнаго дѣйствія съ коллегіей В. Ч. К., принять всѣ мѣры къ скорѣйшему задержанію скрывающихся руководителей преступной организаціи. Одновременно, считаясь также съ вполне реальной возможностью вооруженнаго сопротивленія съ ихъ стороны, настоятельнѣйшимъ образомъ прошу о немедленномъ предоставленіи въ распоряженіе отдѣла новаго контингента развѣдчиковъ, при чемъ повторно и единственно для пользы дѣла ходатайствую о разрѣшеніи мнѣ выбирать сотрудниковъ самостоятельно, изъ лицъ мнѣ извѣстныхъ, не считаясь съ ихъ прошлой службой. Долгомъ чести почитаю завѣрить товарищей членовъ коллегіи В. Ч. К., что новые завербованные мною развѣдчики, въ сознаніи печальныхъ ошибокъ своего прошлаго и счастливые довѣріемъ, оказаннымъ имъ правительствомъ рабочихъ, крестьянъ и солдатъ, съ удвоенной энергіей, не за страхъ, а за совѣсть, будутъ служить на знакомомъ имъ поприщѣ дѣлу строительства великаго пролетарскаго государства».

Лицо Ксеніи Карловны было смертельно блѣдно. Минутъ десять она сидѣла за столомъ, то перечитывая докладъ, то откладывая его въ сторону. Затѣмъ ея глаза наполнились слезами. Она поспѣшно взяла бумагу, сунула ее въ боковой ящикъ стола и, захлопнувъ ящикъ, два раза повернула ключъ въ замкѣ.

Пахло сырмъ вѣтромъ. Боковая дверь открылась. Вошелъ Федосьевъ. У него въ рукѣ былъ небольшой элек-

трическій фонарь. Онъ остановился на порогѣ, окинулъ взглядомъ комнату и сѣлъ, разстегнувъ пальто.

— Выспались? — спросилъ Браунъ.

— Не то чтобы выспался, а часика три подремалъ, — **отвѣтилъ**, зѣвая, Федосьевъ. Онъ потушилъ фонарь и сунулъ его въ карманъ. — А вы неужто такъ и не ложились?

— Негдѣ было.

— Какъ негдѣ? Вамъ хозяйинъ предлагалъ вторую постель... Скверныя однако у него постели.

— Да, меня онъ не соблазнили.

— Все-же лучше было поспать, чѣмъ такъ сидѣть всю ночь, только нервы разстраивать.

— Да и вы рано встали.

— Еще часа полтора ждать. Приѣхать надо къ самому стходу парохода, такъ выгоднѣе. Конечно, можно было бы полежать еще немного... Нравятся вамъ мои мохнатые усы?

— Ничего. Нѣмцы теперь больше бритые.

— Всякіе бываютъ, я подъ кайзера.. Все-таки, вратъ не стану: спалось не очень хорошо, — сказала Федосьевъ, потягиваясь и улыбаясь. — А вы вино пили?

— Пилъ. Недурное вино.

— Повидимому: двѣ бутылки выпили. Второй стаканъ вы для меня припасли?

— Для васъ.

— Но ни единой капли мнѣ не оставили.. Смотрите, Александръ Михайловичъ, все будетъ на пристани зависѣть отъ васъ, и отъ вашего самообладанія.

— Надѣюсь, вы окажетесь достойнымъ партнеромъ.

— Съ той огоноркой, что нѣмецкимъ языкомъ я владѣю плохо. Вы, навѣрно, лучше сойдете за нѣмца.

— Говорите наудачу «Ja wohl!» или «Ach, wo!», — это всегда можно.

— Буду по возможности помалкивать. Во всякомъ случаѣ я очень радъ, что вы согласились бѣжать вмѣстѣ со

мною. По правиламъ конспираціи намъ слѣдовало бы раздѣлиться.

— Напротивъ, имъ въ голову не придетъ, что мы съ вами можемъ путешествовать вмѣстѣ.

Федосеевъ засмѣялся.

— О, вы психологъ! Какъ же выходитъ по психологич: проскочимъ мы или нѣтъ?

— Думаю, что проскочимъ. Но я стою на своемъ: проще намъ было бы уфхать по желѣзной дорогѣ. Паспорта надежные.

— Ну нѣтъ, ужъ въ этомъ вы на меня положитесь: по моимъ свѣдѣніямъ, надзоръ на пограничныхъ вокзалахъ много серьезнѣе, чѣмъ на пристани. Это вашему юному помощнику вѣрнѣе по желѣзной дорогѣ, но не намъ съ вами. Ужъ меня то и въ Бѣлоостровѣ, и въ Оршѣ хорошо знаютъ въ лицо. Тамъ гримомъ не отдѣлаешься, да и гримъ у насъ съ вами неважный.

— Тогда и на пристани арестуютъ, — сказалъ Браунъ. Онъ разсѣянно взялся за бутылку и тотчасъ поставилъ ее на столъ: въ ней въ самомъ дѣлѣ не было ни капли.

— Все возможно. Игра: панъ или пропаль. Вы не игрокъ?

— Я? О, нѣтъ.

— А я почему-то думалъ, что вы игрокъ... Хозяинъ пошелъ спать?

— Да, какъ только матросы ушли, пошелъ спать. Сказалъ, что въ четыре часа лошадь будетъ подана... Онъ изъ вашихъ бывшихъ, этотъ Спарафучиле?

— Изъ нихъ самыхъ. Всѣмъ мнѣ обязанъ.

— Это, конечно, цѣнная гарантія! А помните, вы меня попрекали тѣмъ, что я довѣряю молодому Яценко?

— Мой расчетъ надежнѣе. Вы ставили на честность, а я на страхъ. Какой ему смыслъ меня предавать? Вѣдь и тогда могу кое-что рассказать и о немъ.

— За такой подарокъ, какъ вы, ему все простятъ.

— Можетъ, простятъ, а можетъ, и не простятъ. Здѣсь

же дѣло простое, выгодное: и меня сплавить за границу, и деньги съ насъ получилъ... У него, правда, наружность прямо для корчмы изъ «Риголетто», но человѣкъ онъ простой, милый и радушный, какъ очень многіе жуликоватые люди... Первобытный человѣкъ... Однимъ словомъ, рискъ безспорно есть, однако что-же мнѣ было дѣлать? Я теперь нигдѣ не нашелъ бы убѣжища, въ гостиницахъ постоянныя облавы, квартира моя выслѣжена.

— Та, адресъ которой вы, по вашимъ словамъ, сообщали только самымъ надежнымъ?

— Да, та самая, — съ досадой отвѣтилъ Федосьевъ. — Знаете, если мнѣ еще иногда хочется прійти къ власти, то преимущественно для того, чтобы кое-кого вывести на чистую воду.

— И повѣсить.

— Разумѣется, и повѣсить.

— А дѣло наше, правду сказать, кончилось довольно безславно. По какимъ причинамъ, Сергѣй Васильевичъ? Задумано все было хорошо, люди были неробкіе, неглупые, опытные. Почему все такъ провалилось?

— Провалялось по случайности. Вслѣдствіе недостатка средствъ, вслѣдствіе глупости союзниковъ, вслѣдствіе болтливости рядовыхъ юнцовъ, вслѣдствіе неосторожности вашего Горенскаго. Болѣе глубокихъ причинъ не ищите: ихъ нѣтъ.

— Съ такими причинами нельзя показаться на глаза историку-соціологу.

— А чортъ съ нимъ, съ историкомъ-соціологомъ! Я правду говорю, — сказалъ Федосьевъ. Онъ взглянулъ на часы. — Господи! Еще только четверть третьяго.

— А вдругъ есть и болѣе глубокія причины?

Федосьевъ опять широко зѣвнулъ и потянулся.

— Спать хочется, — сказалъ онъ. — Спорить можно будетъ на пароходѣ, если, Богъ дастъ, проскользнемъ... Тогда всему подведемъ итоги. Я напишу мемуары, а вы «Ключъ». Закончите его какимъ-нибудь такимъ философ-

скимъ эффектомъ, вотъ какъ поэты самый эффектный стихокъ всегда берегаютъ подь конецъ стихотворенія... Ужасно спать хочу... Такъ какая же глубокая причина?

«Ну, теперь все кончено», — подумалъ Яценко, оставшись одинъ въ камерѣ, — «ясно, сегодня и разстрѣляютъ, чтобы я никому не могъ о немъ рассказать!»...

Онъ подошелъ къ умывальнику и сталъ умываться: у него осталось отъ допроса ощущение — точно отъ прикосновенія къ кому грязи. Руки у Николая Петровича тряслись, сердце колотилось. «Боюсь?.. Да, конечно, боюсь... Но все-же не такъ страшно, какъ думаютъ, какъ описано... Гдѣ это описано?.. У Гюго?.. Или у Достоевскаго?.. Да, у Достоевскаго»... — Ему тотчасъ показалось дикимъ, что на краю могилы онъ вспоминаетъ о какихъ-то романахъ. — «Да, это очень странно... Даже, пожалуй, смѣшно... Книжная натура... Русскій интеллигентъ»... — Огрызокъ мыла въ рукахъ Николая Петровича трясся все сильнѣе. — «И то, что я объ этомъ говорю «русскій интеллигентъ», это еще болѣе смѣшно и книжно... Не надо думать о пустякахъ, когда жить осталось нѣсколько часовъ... Можетъ быть, даже нѣсколько минутъ?.. Нѣтъ, больше: уводятъ въ четвертомъ часу... Когда меня къ нему потребовали, было двадцать минутъ второго. А теперь?» Николай Петровичъ хотѣлъ было вынуть часы, но не могъ прикоснуться къ нимъ мокрыми руками. «Больше незачѣмъ беречь часы... Ну, да я сейчасъ вытру... О чемъ же теперь думать? Чистое бѣлье надѣтъ? Сегодня все надѣлъ... Помолиться? Это въ самую послѣднюю минуту... Что же?.. Да, надо торопиться, надо торопиться», — бессмысленно повторилъ онъ вслухъ, вытирая руки чистымъ краемъ полотенца. «Ну, вотъ, такъ... Двадцать минутъ третьяго. Значить еще есть время, много времени!.. Да, часы я оставлю Витѣ... Несчастный Витя! Написать ему надо... Разумѣется!» — вспомнилъ Николай Петровичъ.

Онъ сѣлъ на кровать, взялъ листъ бумаги съ доски, служившей ему столомъ, и быстро, трясущейся рукой, написалъ: «Милый, ненаглядный мой Витя, когда ты прочтешь эти строки, меня уже не будетъ въ...» И тотчасъ онъ подумалъ, что и эти слова — выдуманные, чужія, ненужныя. «Такъ всегда пишутъ осужденные или самоубійцы... И «когда ты прочтешь», и «ненаглядный»... Такъ и умираемъ во власти чужихъ словъ... Такъ и я прожилъ всю жизнь, — только въ послѣдній годъ и жилъ своимъ умомъ... Да, все прогадалъ, все просмотрѣлъ!.. Что же я могу сказать Витѣ? Послѣдній завѣтъ? Учить его, какъ жить? Если я самъ такъ удачно прожилъ вѣкъ!.. Притомъ опасно въ такіе дни напоминать имъ о Витѣ. И не доставятъ они ни письма, ни часовъ. Нѣтъ, не надо, ничего не надо»... Николай Петровичъ разорвалъ листъ на мелкіе клочки и почему-то сунулъ ихъ подъ подушку. — «Что-же нужно сдѣлать? Развѣ о немъ написать правду: кто онъ такой. Кому написать? Ему вѣдь и бумаги передадутъ, онъ только будетъ смѣяться... Онъ для этого и меня вызывалъ, чтобъ посмѣяться... Всѣ мои тогдашнія слова повторялъ», — думалъ, вздрагивая, Николай Петровичъ. — «Но я допрашивалъ честно: я думалъ, что онъ убилъ Фишера.. А онъ прекрасно знаетъ, что я ни въ чемъ не виноватъ.. Конечно, месть, гнусная месть подлеца... Разсчитывалъ, что я его не узнаю? Да, я не сразу его узналъ и могъ не узнать совсѣмъ въ темнотѣ, онъ отростилъ бороду.. Теперь онъ уже ничѣмъ и не рисковалъ: отсюда меня поведутъ прямо на разстрѣлъ... Или застучать въ дверь, потребовать, чтобъ тотчасъ повели къ коменданту для важнаго сообщенія? Такъ онъ и встанетъ ночью!.. Да и тотъ, конечно, отдастъ распоряженія... Теперь понятно, почему меня столько времени держали въ одиночкѣ, почему никого ко мнѣ не пускали. Онъ ждалъ своей минуты и дождался: теперь риска почти нѣтъ... Если-бы онъ боялся, онъ не вызвалъ бы меня на допросъ, могъ вѣдь обойтись и безъ допроса. Или если-бы вызвалъ, то не сталъ бы повторять

мои слова... А прямо себя назвать все-таки не рѣшился: въ подлой душенкѣ страхъ боролся со злобой... И насчетъ Федосьева онъ хотѣлъ узнать: не осталось ли писемъ. Если-бъ я сдержался и не назвалъ его по имени, было бы, конечно, то же самое...

Николай Петровичъ легъ на постель и закрылъ глаза. Зубы у него стучали. «Нѣтъ, въ послѣднія минуты, на краю могилы, не надо и думать о такомъ человѣкѣ... Пусть живеть, мнѣ все равно... Да, теперь совершенно все равно.. Лампа рѣжетъ глаза... О чемъ же я не успѣлъ подумать?.. Руки трясутся, ногамъ холодно, но это первое: нѣтъ, я не боюсь... Все это выдуманно: и кричать не хочется отъ ужаса, и на стѣну не хочется лѣзть... Хочется, чтобы скорѣе все кончилось — и только»... Онъ передвинулся на постели и накрылся одеяломъ. «Снять воротничекъ? Нѣтъ, сейчасъ придуть... Почему же надо въ воротничекъ? Да, на краю могилы», — сказалъ онъ и вдругъ совершенно отчетливо представилъ себѣ могилу, ея край, окровавленную землю, червей. «Вѣроятно, здѣсь же гдѣ-нибудь у стѣны и разстрѣляютъ... Лишь бы сразу, наповаль... И главное, чтобы не зарыли еще живого»... — Николай Петровичъ задохнулся отъ ужаса. — «Едва ли: они изъ нагана стрѣляютъ въ затылокъ, вѣрно и черепъ разлетается... У Вити тоже былъ револьверъ... Теперь лежитъ въ Наташиномъ шапку... А можетъ быть, все-таки написать Витѣ?.. Нѣтъ, не надо... Не передадутъ, не передадутъ», — проговорилъ вслухъ Яценко. Онъ быстро приподнялся, затѣмъ снова легъ и закрылъ одеяломъ и голову. «Да, какой подлецъ! Какіе подлецы!» — Николай Петровичъ вдругъ вспомнилъ свой давній разговоръ съ Федосьевымъ, выраженіе лица, интонацію Федосьева, когда тотъ говорилъ: «Дайте имъ власть, и передъ ними опричнина царя Ивана Васильевича покажется пустой забавой»... — «Да, онъ былъ правъ, но правъ въ плоскомъ пониманіи жизни... А въ другомъ пониманіи правъ я... А этотъ докторъ Браунъ, онъ при чемъ еще тутъ былъ? Онъ убилъ Фишера... Или не учи-

валъ его, все равно... Все это — въ плоскомъ пониманіи жизни... Но что же въ этомъ, не въ плоскомъ? До чего я возвысился за часъ до смерти? Не возвысился ни до чего... Нѣтъ, нечего сказать и Витѣ... Витя узнаеть не скоро... Въ одинъ годъ потерять отца и мать!.. Кременецкіе его не оставятъ, дай имъ Богъ счастья!.. А можетъ когда-нибудь, какъ-нибудь до него дойдеть... Для него и обязанъ крѣпиться»...

Дрожь у него ослабѣла, плечи свело, колѣни, ступни ногъ одеревенѣли. Стало теплѣе. «Такъ хорошо... Такъ бы лежать долго, долго... Да, что же будетъ тамъ?... Если правда, сегодня увижу Наташу... Нѣтъ, не можетъ этого быть! Не надо думать объ этомъ... Скоро, скоро все буду знать...»

Онъ лежалъ неподвижно нѣсколько минутъ, вдавивъ въ шершавую простыню пальцы рукъ. Вдругъ нервный ударъ потрясъ его. «Что-же это? Неужели жить осталось полчаса?» — подумалъ, задыхаясь, Николай Петровичъ, точно лишь теперь онъ впервые понялъ, что насталь конецъ. Онъ сбросилъ съ себя одѣяло и сѣлъ, глядя передъ собой неподвижнымъ взглядомъ. «Сейчасъ разстрѣляютъ . За что?.. Почему?.. Потому, что Загряцкій оказался у нихъ слѣдователемъ... Но вѣдь и еще десятки людей будутъ сегодня разстрѣяны!.. Я не одинъ... Не за что цѣпляться! Нѣтъ, не за что, не такъ она хороша, жизнь... Только бы не опоздать, не пропустить!.. вспомнить то, о чемъ надо подумать... — Николай Петровичъ напрягалъ всѣ усилія, но ничего вспомнить не могъ. — «Нѣтъ, если не писать Витѣ, то и нѣтъ ничего такого... Ничего я не забылъ... Жизнь, жизнь надо удержать въ памяти! Все, все»... — думалъ Яценко, переводя взглядъ съ одного предмета на другой. Такъ онъ во время своихъ путешествій старался запечатлѣть въ памяти знаменитыя зданія или особенности пейзажа, окидывая ихъ въ моментъ отъѣзда послѣднимъ взглядомъ. «Что-же запечатлѣть-то?.. Вотъ эту камеру Сырое пятно на стѣнѣ... Это окно... Кажется, чуть-чуть»

свѣтлѣть... Это лежитъ «Кругъ чтенія»... Заглянуть въ послѣдній разъ?.. Можетъ, съ нимъ будетъ легче? Нѣтъ, не надо...

Легкій шумъ былъ еще очень далеко. Однако Николай Петровичъ тотчасъ понялъ, что это идутъ за нимъ. Сердце у него остановилось. «Вотъ, вотъ когда нужно самообладаніе... Да, это сюда... Ну, вотъ и конецъ... Раньше даже, чѣмъ я думалъ... Только бы справиться съ дыханіемъ»... Шумъ приближался. «Сейчасъ они на углу корридора... Повернули... Такъ и есть»...

Дверь открылась и въ камеру вошло нѣсколько человѣкъ. Въ ихъ появленіи не было рѣшительно ничего трагическаго или торжественнаго. У одного изъ нихъ былъ въ рукѣ фонарь. Оружія не было ни у кого. Видъ у вошедшихъ людей былъ совершенно будничной, скучающей; у нѣкоторыхъ лица были сонныя. Человѣкъ съ фонаремъ кратко предложилъ Николаю Петровичу слѣдовать за нимъ и, сказавъ, равнодушно на него посмотрѣлъ, какъ бы спрашивая: «ну, этотъ что еще будетъ выдѣлывать?»

— Я давно готовъ, — отвѣтилъ Николай Петровичъ. Онъ справился съ дыханіемъ, голосъ у него не дрогнулъ и слова эти были сказаны спокойно, именно такъ, какъ онъ хотѣлъ. Его спокойствіе не произвело никакого впечатлѣнія на вошедшихъ людей, какъ нисколько на нихъ не подействовало бы, если-бъ Яценко забился въ истерикѣ. У нихъ уже не было не только человѣческихъ чувствъ, но и желанія играть въ человѣческія чувства.

Они вышли изъ Трубецкаго бастіона и быстрымъ шагомъ направились куда-то въ сторону. «Какъ странно, что дождь, такой тихій, тихій дождь... И какъ все просто!.. Вотъ и смерть... Витя сейчасъ спитъ... Несчастный Витя!.. Да, скорѣй все запомнить отъ земной жизни», — подумалъ Николай Петровичъ. Но и запоминать было нечего. Вдали чернѣли тѣни. Гдѣ-то сверкнулъ красный огонекъ. Яцен-

ко чувствовалъ, что онъ спокойнѣе, чѣмъ былъ у себя въ камерѣ. Онъ пытался даже сообразить, гдѣ будетъ происходить разстрѣлъ. Ориентироваться въ темнотѣ было очень трудно. Николаю Петровичу казалось, что они идутъ къ рѣкѣ. «Но почему же они безъ оружія... Въ карманахъ, что ли, ноганы?.. При свѣтѣ фонаря разстрѣливать не могутъ... Значить, тамъ будетъ свѣтъ... Ничего не видно.. Хорошій какой дождь.. Вотъ сейчасъ и дождя не будетъ.. Гдѣ же другіе?.. Неужели сегодня я одинъ!.. Еще запомнить небо» — вспомнилъ Николай Петровичъ. Небо было черное и суровое. «Можетъ быть, сейчасъ сзади выстрѣлятъ въ затылокъ?» -- подумалъ онъ и, вздрогнувъ, поспѣшно оглянулся. Шедшій сзади человѣкъ, какъ будто дремалъ на ходу, заложивъ руки въ рукава и вдавивъ шею. «Зароютъ, вѣрно, тутъ же... Жидкая грязь, поглубже бы... Вѣдь сейчасъ должны быть ворота?..» Капля дождя упала ему на шею и поползла за воротникъ. Они очутились передъ стѣной. Стало совсѣмъ темно. «Кажется, своды... Значить, выходимъ!.. Что такое!». Капля проникла подъ рубашку. Николай Петровичъ, морщась, выгнулъ спину. Вдругъ спереди заблестѣли огни. Онъ увидѣлъ передъ собой Неву. Внизу, у ярко горѣвшаго фонаря, чуть покачивалась на водѣ лодка. Вдали чернѣла большая баржа. «Да можетъ и не на разстрѣлъ везутъ! Увезятъ куда-нибудь?.. Въ Шлиссельбургъ?..» -- подумалъ Николай Петровичъ. Въ пемъ засвѣтилась необыкновенная, невѣроятная радость. «Нѣтъ, не можетъ быть!..» --- сказалъ онъ себѣ. — «Что же это такое!..»

Сзади послышалась музыка, столь знакомая Николаю Петровичу. Только здѣсь она звучала такъ, какъ въ камерѣ никогда не звучала. «Ну, слава Богу!.. Еще разъ довелось услышать!.. Въ такую минуту!..» подумалъ Николай Петровичъ, едва сдерживая рыданья и стараясь сохранивъ въ душѣ звуки курантовъ.

...Большевики назвали тюрьму изоляторомъ, а смертную казнь — высшей мѣрой соціальной защиты. Сдѣлалъ они это собственно просто по глупости, но глупость оказалась символической, и символъ сталъ убійственнымъ не для однихъ большевиковъ... Несчастье нашей эпохи въ томъ, что никакихъ твердыхъ, подлинныхъ цѣнностей у насъ нѣтъ и не было: были звонкія слова, къ внутреннему содержанію которыхъ не было ни настоящей любви, ни настоящей ненависти. Сократъ и люди, угостившіе его цикутой, исходили изъ прочныхъ моральныхъ цѣнностей, — въ сущности однѣхъ и тѣхъ же. Въ Варфоломеевскую ночь и убійцы, и жертвы одинаково твердо вѣрили въ Бога, въ вѣчное спасеніе, въ загробную жизнь. Всѣ войны въ исторіи велись за право, за справедливость, за вѣру, за родину, и даже хитрецы, для своей выгоды посылавшіе на смерть простыхъ честныхъ людей, врали только напополамъ, даромъ ихъ разоблачаетъ глубокомысленный историкъ, все видящій насквозь... У насъ ничего нѣтъ, Сергѣй Васильевичъ...

— Базаровъ, тотъ, помнится, хотъ въ лягушку вѣрилъ, а?

— У насъ нѣтъ и лягушки. Должно быть, эта вѣра въ лягушку и останется послѣдней твердой вѣрой просвѣщеннаго человѣчества. Ничего у насъ нѣтъ, ничего!.. Мы точно спросонья говорили... Или подъ наркозомъ: такъ не проснувшись или пьянымъ людямъ кажется, будто они говорятъ дѣло, но слова ихъ ничего не значать и бессмысленно виснуть въ пустотѣ. Такія и у насъ были слова: свобода, самовластіе, гуманность, деспотизмъ, родина, человѣчество и много, много другихъ звонкихъ словъ... Что не было обманомъ, то было самообманомъ. Съ какой легкостью на смѣну «человѣчеству» пришли и «Gott strafe England», и «les sales boches», и Козьма Крючковъ, насадившій на пику сразу тринадцать швабовъ. Съ какой легкостью горячіе русскіе патріоты оказались на нашихъ

глазахъ независимыми украинцами, независимыми литовцами, независимыми армянами. И какъ незамѣтно-благозвучно тюрьма превратилась въ изоляторъ, а «Столыпинскій галстухъ» въ «высшую мѣру»...

— Красно говорите, Александръ Михайловичъ, — сказалъ съ удовольствіемъ Федосьевъ. — Много въ этомъ и правды... Хоть на мой взглядъ, чуть поверхностны ваши слова, ужъ вы меня извините: что-жъ такъ все валить въ одну кучу, безъ логическихъ разграниченій, безъ политическаго анализа! Въ этомъ есть неуваженіе къ чужой вѣрѣ... А человекъ, неизлечимо больной демократическими взглядами, пожалуй, вамъ скажетъ: «*Parlez vous*» — и по своему онъ тоже будетъ правъ: у нихъ вѣдь строго по части либеральнаго мундира и знаковъ отличія за безпорочную службу демосу. Демось ихъ послалъ къ черту, но они безпорочную службу продолжаютъ. Казалось бы, теперь слѣпому ясно, что демосу наплевать и на чужое право, и на чужую свободу. Можетъ быть, ему наплевать даже и на свою собственную свободу, а ужъ на чужую навѣрное. Иными словами, демократія сама себя укусила за хвостъ. Это, разумѣется, неприятно; но если въ такой невыгодной позѣ сохранять величественно-спокойную улыбку: ничего, молъ, не случилось, — то, пожалуй, и нѣсколько смѣшно, а?

— Меня особенно трогаетъ ваше уваженіе къ чужой вѣрѣ, — сказалъ съ усмѣшкой Браунъ. — Не мѣшало бы имѣть уваженіе и къ чужому невѣрію... Да и вообще я часто замѣчалъ: люди, очень горячо отстаивающіе уваженіе къ вѣрѣ, всякую неприятную имъ политическую или философскую вѣру готовы смѣшать съ грязью.

— Однако, согласитесь, Александръ Михайловичъ, что четырехвостку нельзя приравнивать къ религіи... Во всякомъ случаѣ на людей съ такой религіей скоро во всемъ мірѣ будутъ пальцами показывать: нельзя же въ самомъ дѣлѣ разгуливать по биржѣ въ костюмѣ эдемскаго ангела!

— Да вѣдь въ этомъ-то, повторяю, и драма: старыя цѣнности умерли, новыхъ нѣтъ. Мнръ три тысячи лѣтъ держался своего рода предустановленной гармоніей, о, не въ философскомъ, не въ Лейбницеvскомъ, а въ самомъ обыкновенномъ житейскомъ смыслѣ слова: по счастливому стеченію обстоятельствъ, человекъ всегда рождался въ той самой вѣрѣ, которую всю свою жизнь единой спасительной и считалъ. Потомъ дьяволъ искусилъ: нѣтъ, ты подумай, да сравни, да поищи... Чего ужъ тутъ ждать хорошаго? То, что могло дать жизни не пошлый и не временный смыслъ, давно стало анахронизмомъ... Жить надо бы либо вѣчно, либо очень недолго.

— Уточните понятіе анахронизма. Европа отъ римскаго папы теперь пришла къ передовому фармацевту: папу разоблачила, но фармацевта признала. Значитъ ли это, что исторія мысли на фармацевтѣ и остановится?

Браунъ безнадежно развелъ руками.

— Все шуточки, скептическія шуточки, сказалъ онъ. — И Побѣдоносцевъ вашъ скептически шутилъ, и Валувевъ скептически шутилъ, и Тютчевъ скептически шутилъ... Одни Россію проболтали, другіе Россію прошутили... Урожай на скептиковъ былъ у насъ почти такой же обильный, какъ на Бебелей. А нужень былъ Энверъ и его не нашлось. Мы съ вами неудачные кандидаты. Не въ этомъ дѣло... Я гдѣ-то читалъ: когда въ Японіи умираетъ императоръ, его тѣло подъ гробовую музыку отвозятъ въ усыпальницѣ въ колесницѣ, запряженной черными волами. Потомъ этихъ воловъ умерщвляютъ голодомъ... Мы черные вола, Сергѣй Васильевичъ!

— Судя по предыдущему, я этого не вижу. Вамъ и на кладбище-то провожать было нечего.

— На землю надвигается тьма, — не слушая Федосьева, говорилъ Браунъ, — густая тьма, мракъ, подобнаго которому исторія никогда не знала. Мракъ не реакціонный, а передовой и прогрессивный въ точномъ смыслѣ слова. Теперь, кажется, и сомнѣній быть не можетъ: большая до-

рога исторіи шла именно сюда, міровой прогрессъ подготовлялъ именно это! Исторія прогрессивно готовила штампъ прогрессивной обезьяны и мы стали свидѣтелями великаго опыта полной обезьянизации міра.

— Нѣтъ, ужъ на исторію, пожалуйста, не взваливайте. Исторія, какъ нотаріусъ, она любой актъ регистрируетъ, ей что! Это вы, господа, готовили злую штампованную обезьяну, для которой мы, грѣшныя, держали про запасъ клетку. А вышло такъ, что мы-то все-же были изверги и обскуранты, а вотъ вы умницы и идеалисты. Можетъ быть, немного заблуждавшіеся по своему идеализму, но такіе хорошіе, такіе милые, — со злобой сказалъ Федосеевъ. — Памятникъ не памятникъ, а такъ небольшую статуэтку и вамъ всѣмъ поставить не худо... Ужъ я бы вамъ поставилъ памятникъ за столь невинныя заблужденія! Ахъ, да что объ этомъ разсуждать, я объ этомъ и говорить не могу спокойно.

— Да и я, признаюсь, не хочу объ этомъ говорить, особенно съ вами, столь случайный мой собесѣдникъ и попутчикъ. Что до памятниконъ и статуэтокъ... Послушайте, та женщина, которая стрѣляла въ Ленина... Вы думаете, черезъ сто лѣтъ на мѣстѣ покушенія будетъ ей стоять памятникъ? Нѣтъ, памятникъ будетъ Ленину! Обезьяна поставитъ ему!

— Не понимаю въ такомъ случаѣ, зачѣмъ вы готовили бомбы, — сказалъ Федосеевъ, пожимая плечами.

— Отчего же не взорвать князя тьмы?

— Охъ, какія слова! Это бы вы тоже приберегли для «Ключа», — смѣясь, замѣтилъ Федосеевъ. — Впрочемъ вы и такъ, вѣрно, пробуете на мнѣ отрывки изъ своего шедевра. Ужъ очень красиво!

— Слова самыя обыкновенныя, — отвѣтилъ хмуро Браунъ. — Я объ этой тьмѣ говорю, о тьмѣ, надвигающейся на міръ по строгимъ законамъ историческаго прогресса.

— Но какъ бороться противъ того, что по вашему должно восторжествовать?

— Отчего же нельзя? Большинство людей живетъ положительными идеями, — пусть художочными, пусть завалящими, но положительными. У интеллигенціи для видимости вѣра въ прогрессъ, по существу вѣра въ личное счастье: и обманъ положительный, и самообманъ тоже положительный. А я, Сергѣй Васильевичъ, могу связать свою жизнь только съ отрицательной идеей. Любить мнѣ больше некого, нечего и не за что. А ненавидѣть, оказалось, еще могу, — и слава Богу! Этому стоитъ посвятить остатокъ дней.

Лицо его было очень блѣдно, глаза блестяли. Федосьевъ смотрѣлъ на него, насторожившись. «Или это двѣ бутылки вина?» — спросилъ себя онъ. — «А то попробовать? Самое время, на краю гибели»...

— Чѣмъ же вы жили до сихъ поръ?

— Жить изъ любовнытства. Или просто по инерціи.

— И динамитъ готовили изъ любовнытства?

Нѣтъ, повторяю, это по ненависти. Да еще изъ уваженія къ самому себѣ.

— Выдуманное чувство, Александръ Михайловичъ. выдуманное: его англійскіе сквайры изобрѣли

VI—VII.

.....

VIII.

.....

Они прислушались. Задребезжали колеса. Федосьевъ вынулъ часы.

— Ровно четыре. Пора.

— Спарафучиле аккуратенъ. Вашей школы, — глухо откликнулся Браунъ.

Въ первой комнатѣ открылась дверь, послышались невѣрные шаркающіе шаги. Хозяинъ, чиркая спичкой, бормотала ругательства. Коптящій огонекъ задрожалъ у двери.

— Что, готово? — спросилъ Федосьевъ.

— Такъ точно, — отвѣтилъ съ порога хозяинъ. — Эхъ, весь керосинъ сожгли, — проворчалъ онъ, вдвигая въ лампу стекло. — Такъ точно, готова лошадь... -- Онъ невнятно добавилъ что-то похожее на «Ваше Превосходительство».

— Мы тоже готовы, — сказалъ Федосьевъ. -- Ну, теперь пожалуйста сюда, надо за все расплатиться.

— Да, надо за все расплатиться, — повторилъ, вставая, Браунъ. Федосьевъ искоса на него взглянулъ. «Только бы не нашла на него какая-нибудь еще депрессія или меланхолія», — съ беспокойствомъ подумалъ онъ, — «совсѣмъ будетъ теперь некстати»... При тускломъ свѣтѣ лампы лицо Брауна было мертвенно-блѣдно и страшно. Впослѣдствіи Федосьеву казалось, что оба они, несмотря на внѣшнее спокойствіе и привычный шуточный тонъ, были не вполне нормальны въ эту долгую странную ночь.

— За сегодняшнее сколько? — спросилъ онъ хозяина и принялся отсчитывать ассигнаціи. Хозяинъ внимательно за нимъ слѣдилъ, повѣряя налету счетъ. Выраженіе его лица становилось все болѣе почтительнымъ.

— Вотъ, получайте, — сказалъ Федосьевъ, называя цифру. — Такъ?

— Такъ точно...

— Это за гостепримство и за хлѣбъ-соль... Теперь, какъ было сказано, для васъ приготовлено еще семь тысячъ. Ихъ вы получите, когда приѣдемъ... Вотъ они, — добавилъ Федосьевъ, показывая пачку ассигнацій. -- Пять тысячъ царскими, и двѣ облигаціями Займа Свободы... Об-

лигации вѣрныя. Какъ разъ и доходъ по нимъ подошелъ, видите: 16 сентября срокъ платежа?

— Царскими бы лучше, — отвѣтилъ, почтительно улыбаясь, хозяинъ.

— Вотъ тебѣ разъ!.. Не вѣрять Займу Свободы! — дѣланно-веселымъ тономъ обратился Федосьевъ къ Брауну, который угрюмо молчалъ. — Да вы прочтите только, что на нихъ написано, — сказалъ онъ. — Вотъ: «...Чтобы снасти страну и завершить строеніе свободной Россіи на началахъ равенства и правды»... Видите? Какъ же вамъ не стыдно!..

— Царскими вѣрнѣе, — въ тонъ ему, съ легкимъ смѣшкомъ, повторилъ хозяинъ.

— Вы дураку и купоны сбудете, ихъ я вамъ дарю.

Браунъ нетерпѣливо застучалъ слегка по столу. Федосьевъ посмотрѣлъ на него съ веселымъ недоумѣніемъ. «Мило шутятъ охранники», — такъ перевелъ онъ выраженіе лица Брауна.

— Ну, ладно, все получите царскими, — перемѣнивъ тонъ, сказалъ Федосьевъ. — Чемоданы вынесли?

— Такъ точно. Всѣ снесъ изъ вашей комнаты, какъ вы приказали.

— Ыдемъ.

Они вышли. Еще не разсвѣло. Капалъ рѣдкій скучный дождь. Было холодно, сыро и тоскливо. У фонаря стоялъ старый извозничій фаэтонъ, на видъ непосильный для клячи, которая мотала головой, косясь на вышедшихъ изъ дому людей.

— Не опоздаемъ? — вполголоса спросилъ Браунъ.

— Никакъ иѣтъ, къ самому отходу попадете, — оживленнымъ полуполотомъ говорилъ хозяинъ, укладывая чемоданы. Онъ видимо былъ очень доволенъ отъѣздомъ гостей. — Здѣсь васъ не обезнокоитъ? Этотъ я на козлы возьму... Пожалуйста, садитесь...

— Какъ бы только насъ всѣхъ не задержали по дорогѣ, — сказалъ Федосьевъ, глядя въ упоръ на хозяина. —

Или на пристани... И намъ будетъ неприятно, да и вамъ тоже: не дай Господи, еще добрались бы до старыхъ грѣшковъ, а?

— Не должны задержать... Богъ милостивъ, — отвѣтилъ, измѣнившись въ лицѣ, хозяинъ.

— Я тоже думаю, не должны... Ёдемъ.

Они съѣли. Хозяинъ застегнулъ мокрый фартукъ фаетона и, ступивъ на переднее колесо, вскочилъ на козлы.

— «На началахъ равенства и правды», — пробормоталъ Федосьевъ, застегивая пальто. — «Завершить строеніе...» Да, эти завершили!..

Онъ не вытерпѣлъ и вставилъ крѣпкое слово.

Огромная плавучая пристань, прикрѣпленная къ берегу цѣпями, была раздѣлена во всю длину высокимъ досчатымъ, недавно поставленнымъ заборомъ. Вдоль него расхаживали солдаты съ ружьями. Въ концѣ пристани малиновыми квадратами горѣли окна большой будки. У наклонно спускавшихся къ берегу мостковъ за столомъ, сидѣлъ сонный чиновникъ и пересчитывалъ квитанціи. На столѣ слабо свѣтилась лампочка безъ абажура.

Со стороны мостковъ раздался громкій увѣренный, смѣющийся голосъ. Чиновникъ съ неудовольствіемъ повернулъ голову. Въ полосу свѣта вступили три человѣка. Носильщикъ, тяжело ступая, взошелъ на пристань, сбросилъ на досчатый полъ мокрые чемоданы и съ испуганнымъ видомъ оглянулся на будку.

— Такъ нельзя, граждане, приходитъ въ послѣднюю минуту... Пароходъ отходить, — сердито сказала чиновникъ.

— Was ist los? — спросилъ Браунъ, поднимая брови. Онъ протянулъ чиновнику паспорта и билеты. Услышавъ нѣмецкую рѣчь, чиновникъ поднялся и послѣшно взялъ бумаги.

— Билеты покажете на пароходѣ... Потрудитесь подождать, — сказалъ онъ и направился къ будкѣ.

— Подождать... Подождать надо, — медленно-вразумительно сказалъ пассажирамъ носильщикъ, показывая глазами на будку. — Чрезвычайная Комиссія, — шопотомъ добавилъ онъ.

Браунъ съ недоумѣніемъ оглянулся на Федосьева, какъ бы спрашивая, не понимаетъ ли онъ. Федосьевъ пожалъ плечами.

— *Schlechtes Wetter*, — громко сказалъ Браунъ.

— *Ja wohl*, — отвѣтилъ Федосьевъ.

За дверью забора, у которой стоялъ часовой, слышался неясный шумъ. Издали доносились голоса. Наверху надъ заборомъ вѣтеръ рвалъ черный дымъ, то унося за пристань, то придавливая клубъ дыма къ водѣ. «Вѣрно сейчасъ отходитъ», — подумалъ Федосьевъ. — «Какъ противно покачивается пристань!..» Онъ зѣвнулъ, отошелъ къ скамейкѣ и сѣлъ.

Намотанная на бревно, рядомъ со скамейкой, длинная цѣпь то вытягивалась надъ водою, то, изогнувшись, погружалась въ воду серединой, къ которой пристала пучокъ соломы. «Вотъ теперь это дуга», — думалъ онъ, представляя себѣ огромный вертикальный кругъ, дугой котораго была бы шедшая къ берегу цѣпь. «Вонъ-вонъ гдѣ сомкнулось бы»... Слабо блестѣли звѣзды. Дождь прекратился. Едва начинало разсвѣтать. Съ моря дулъ рѣзкій вѣтеръ. «Формула круга, кажется, два пи эръ... Или пи эръ квадратъ?.. Эта туча похожа на Бѣлое море... Еще каплетъ. Нѣтъ, это съ брезента... Сейчасъ все сомкнется... Былъ Сергѣй Федосьевъ, нѣтъ Сергѣя Федосьева... Хорошо, что пристань плохо освѣщена... Долго просматриваютъ... Бумаги чистыя, но могъ поступить и доносъ»...

Изъ будки вышли два человѣка: тотъ же чиновникъ, за нимъ молодой развѣдчикъ въ плащѣ поверхъ черной куртки. Они направились къ столу.

— Извольте подождать, — сказалъ Брауну чиновникъ. Развѣдчикъ повернулъ выключатель, пристань залило яркимъ свѣтомъ.

— Was? Verstehe kein Wort, — шурясь, пренебрежительно сказалъ Браунъ.

— Просяте подождать, — повторилъ чиновникъ. Браунъ развелъ руками съ видомъ полнаго непониманія.

— Такъ и въ самомъ дѣлѣ можно опоздать, — по нѣмецки сказалъ онъ капризнымъ тономъ избалованнаго туриста. «Ja wohl», — хотѣлъ было отвѣтить Федосьевъ, но рѣшилъ, что неудобно повторять во второй разъ тѣ же слова, и проворчалъ: «Ach», неопредѣленно пожимая плечами. «Да, онъ на высотѣ положенія... Хладнокровный человекъ... Развѣдчикъ едва-ли изъ моихъ... А впрочемъ, кто его знаетъ? Очень непріятный»... Не повернувшись въ сторону развѣдчика, онъ снова зѣвнулъ, улыбнулся и забарабанилъ пальцами по сырому шершавому борту скамейки. Развѣдчикъ прошелъ мимо нихъ и задержался взглядомъ на Федосьевѣ. «Вотъ-вотъ... Кажется, пропалъ», — рѣшилъ Федосьевъ, барабана пальцами чуть быстрее прежняго. Вдругъ за досчатымъ заборомъ отчаянно и страшно завылъ свистокъ.

Дверь будки раскрылась настежь. Изъ нея вышло еще нѣсколько человекъ. Одинъ изъ нихъ, во френчѣ и въ высокихъ желтыхъ сапогахъ, держалъ въ рукѣ паспортъ. Федосьевъ потянулся и всталъ. «Сорвалось!» — сказалъ себѣ онъ, оглядываясь въ сторону мостковъ. — «Можетъ, пора взяться за револьверъ?.. Еще съ минуточку можно подождать»... Развѣдчикъ что-то тихо докладывалъ человекъ въ желтыхъ сапогахъ. Тотъ на ходу кивнулъ головой и подошелъ вплотную къ Брауну. «Если къ нему подошелъ, а не ко мнѣ, то, быть можетъ, и не сорвалось»... Порывъ вѣтра сдвинулъ пристань, цѣпь натянулась. Опять закапала рѣдкій слабый дождь.

— Ваша фамилія? — рѣзко спросилъ Брауна человекъ во френчѣ. — Персведи, — приказалъ онъ стояв-

шему съ нимъ штатскому. Штатскій на дурномъ нѣмецкомъ языкѣ задалъ вопросъ Брауну. Услышавъ отвѣтъ, человѣкъ во френчѣ пренебрежительно кивнулъ головой.

— Имя-отчество?

Штатскій поспѣшно сказалъ ему вполголоса нѣсколько словъ.

— Ну, нѣтъ отчества, такъ пусть скажетъ мѣсто рожденія... На этомъ-то и попадаютъ, — добавилъ онъ. Узнавъ мѣсто рожденія Брауна, человѣкъ во френчѣ провѣрилъ по паспорту и повернулся къ Федосьеву. — Ваше имя и фамилія?

«Сказать развѣ: Сергѣй Васильевичъ Федосьевъ?.. Его тогда разобьетъ ударъ, все-таки это будетъ пріятно»... — Дождавшись перевода, Федосьевъ назвалъ имя и фамилію. «Неужели сходить?.. Тотъ однако очень интересуется чемоданами... Непрiятный человѣкъ... Охъ, какъ бы не изъ моихъ!..»

Немолодой развѣдчикъ подошелъ къ группѣ и шопотомъ заговорилъ съ товарищами.

— Что-жъ, что чемоданъ русскій, — проворчалъ другой развѣдчикъ. — И нѣмцы здѣсь покупаютъ. Имъ дешево, у кого валюта...

— Не понимаю, зачѣмъ осматривать вещи, — недовольнымъ тономъ сказала Браунъ, вынимая изъ кармана ключи. — Вѣдь мы уѣзжаемъ, а не прiѣзжаемъ... Все открыть?

«Переигрываетъ немного, но хорошо... Мастеръ... Кажется, сошло!» — Федосьевъ поспѣшно вынулъ и свои ключи. «Костюмы тоже петербургскіе»...

— Скажи ему, чтобы этотъ открылъ и не разговаривать, — приказалъ переводчику начальникъ, ткнувъ пальцемъ въ сторону того чемодана, который лежалъ подальше. Федосьевъ повернулъ ключъ въ замкѣ, носильщикъ поднялъ крышку. Въ чемоданѣ Федосьева поверхъ простыни и ремней лежала нѣмецкая книжка въ желтой бумажной обложкѣ. Изъ книжки торчала аккуратно сложен-

ная газета, виднѣлись буквы заглавія: «...geblatt». «Это очень хорошо вышло: geblatt... Подѣйствовало... Кажется, на geblatt'ѣ и выгдемъ»... Носильщикъ, опустившись на колѣни, послѣшно разстегивалъ ремни. Одинъ изъ развѣдчиковъ приподнялъ костюмы, ткнулъ рукой въ разные углы чемодана. Человѣкъ во френчѣ кивнулъ головой, видимо удовлетворенный тѣмъ, что заставилъ нѣмца показать багажъ.

· Schon gut? — съ усмѣшкой спросилъ Браунъ.

— Гуть, гуть, — повторилъ, махнувъ рукой, начальникъ и отдалъ паспорта. — Пропустить, — приказалъ онъ подчиненнымъ. Носильщикъ радостно принялся затягивать ремни. За заборомъ послышался новый свистокъ. Онъ теперь прозвучалъ совершенно иначе.

— Скорѣй!.. Едва съ ними не опоздали, — сказала Браунъ, вынимая съ тѣмъ же сердитымъ видомъ часы. — «Переигрываетъ!.. Какъ бы тотъ не обозлился!.. А все-таки молодецъ!» — оцѣнилъ игру Федосьевъ. Человѣкъ во френчѣ слегка кивнулъ имъ головой и пошелъ назадъ къ будкѣ въ сопровожденіи своей свиты. Чиновникъ съ завистью вздохнулъ, повернулъ выключатель, оставивъ одну лампу, и снова сѣлъ за свой голый некрашеный столъ.

— Идемъ, баринъ, идемъ, — сказали носильщикъ, взваливая на плечи чемоданы. Часовой посторопился. Носильщикъ открылъ дверь въ досчатомъ заборѣ.

Впереди прямо передъ ними, сѣдившись мостикомъ съ широкой пристанью, сверкалъ огнями шведскій пароходъ. На палубѣ суетились люди. По столбику медленно разматывали канатъ. Сбоку рванулъ холодный вѣтеръ.

— Скорѣй, скорѣй, баринъ! — закричалъ носильщикъ, ускоряя тяжелые шаги. — Деньги приготовьте!

Матросы отвязывали веревки мостика. Носильщикъ сбросилъ на палубу чемоданы. Браунъ сунулъ ему деньги. Носильщикъ побѣжалъ назадъ. Мостикъ скользнулъ на пристань.

Элегантный стюартъ въ бѣломъ кителѣ привѣтливо приподнялъ фуражку.

— Die Herrschaften kommen etwas spät, — съ твердымъ шведскимъ акцентомъ сказалъ онъ, показывая улыбкой, что понимаетъ причину опозданія и не одобряетъ русскихъ порядковъ. — Каюты шестая и восьмая, — добавилъ стюартъ, заглянувъ въ книжечку. — Внизъ по этой лѣсенкѣ и сейчасъ направо.

Лампа вспыхнула и ярко освѣтила красное дерево, овальное зеркало, пачищенные до блеска ручки умывальника, бѣлоснѣжную подушку, графинъ и стаканъ въ стойкѣ, полотенца на подвижномъ стержнѣ.

— Чемоданы сейчасъ будутъ принесены въ каюту, — сказалъ стюартъ, раскрывая складной стулъ. — Надъ койкой есть второй выключатель... Звонокъ здѣсь.

— Благодарю васъ.

— Ресторанъ сейчасъ закрытъ, но если господамъ угодно выпить кофе или закусить, я могу принести сюда. Къ сожалѣнію, есть только холодный буфетъ.

— Да... Нѣтъ, не надо... Благодарю.

Стюартъ пожелалъ доброй ночи и вышелъ на цыпочкахъ. Увидѣвъ Федосьева, онъ придержалъ дверь и пропустилъ его въ каюту.

Браунъ сѣлъ на койку и засмѣялся легкимъ, чуть истерическимъ смѣхомъ.

— Хорошо? — спросилъ онъ Федосьева, — хорошо?..

Голосъ его сорвался.

— Тсс! — прошепталъ Федосьевъ, показывая рукой въ сторону корридора. Онъ закрылъ дверь. — Не говорите громко по русски, на пароходѣ еще можетъ быть провѣрка..

Федосьевъ сѣлъ на складной стулъ. Онъ внезапно почувствовалъ страшную усталость, такую, какой, быть можетъ, никогда не испытывалъ въ жизни. Съ минуты они

молча смотрѣли другъ на друга. Федосьевъ глубоко вздохнулъ и перекрестился.

— Въ сущности, контроль былъ дѣтскій, — не безъ труда выговорилъ онъ и протянулъ руку къ графину. Зеркало отразило измученное лицо, глаза больного человѣка.

— Дѣтскій... Этотъ дуракъ въ цирковыхъ сапогахъ!

— Еще не успѣли наладить... Не все сразу... Я вамъ говорилъ...

Оба они овладѣли собой.

— Говорили... Знаете ли вы, что у меня въ карманѣ?..

— Динамитъ?..

— Не динамитъ, но въ этомъ родѣ: моя рукопись «Ключъ».

— Это Богъ знаетъ что такое! — съ искреннимъ возмущеніемъ сказала Федосьевъ.

— Вы инсинуируете, что я могъ бы вывезти изъ Россіи болѣе нужныя вещи?.. Все-таки, жаль было выкидывать...

— Я инсинуирую, что вы ради своего шедевра могли бы не рисковать хотя бы моей головой, ужъ если не собственной!

— Да вѣдь при насъ все равно револьверы. Если-бъ дѣло дошло до личнаго обыска...

— Нѣмецкіе путешественники могутъ имѣть при себѣ револьверы, но никакъ не русскую рукопись! А стрѣлять мы условились только въ послѣдней крайности... Это Богъ знаетъ что такое!.. Хотите воды?

— Дайте...

Протяжно завылъ свистокъ. Браунъ расплескалъ воду. Пароходъ задрожалъ и тронулся.

— Пошли?

— Пошли... Слава Тебѣ, Господи!..

— Могутъ еще остановить у канала.

— Нѣтъ, это мало вѣроятно.

— Пошли!..

Браунъ взглянулъ въ иллюминаторъ. Въ черно-сѣрой

пустотѣ плыли рѣдкіе, уже тускнѣющіе огни. Малиновыя окна будки удалялись.

— Ну, какъ сошло?.. Что же вы молчите?..

— Вы играли божественно!.. Выпейте все-таки воды!..

— Скажите тостъ!..

— Съ удовольствіемъ!.. Поводъ есть!.. Я все-таки не предполагалъ, Александръ Михайловичъ, что вы такъ хорошо владѣете собой!

— Не предполагали?

— Нѣтъ, нѣтъ!..

— А вы сами?.. «Ja wohl!»... — Онъ снова захохоталъ.

— Вы сами-то, а? «Ja wohl!»?

— Что-жъ говорить о старомъ воробѣ?.. Я не философъ, я фараонъ.

— Ваше здоровье, фараонъ!

— Спасибо!.. Самообладаніе у васъ поразительное!.. Нѣтъ, что бы вы тамъ въ трактирѣ ни говорили, вы убили Фишера! — весело сказалъ Федосъевъ. — Не иначе какъ вы убили Фишера, Александръ Михайловичъ.

IX.

Муся встрѣтила Витю на перронѣ Гельсингфорскаго вокзала. Поездъ еще не совсѣмъ остановился, когда они увидѣли другъ друга. Муся радостно вскрикнула и побѣжала къ медленно подходившему вагону. Витя, съ маленькимъ чемоданомъ въ рукѣ, прыгнулъ съ плечадки. Они бросились другъ къ другу въ объятія, хотя разстались всего лишь дней десять тому назадъ.

— Слава Богу!.. Ну, слава Богу!.. Я такъ волновалась!.. Такъ безпокоилась!..

— Напрасно!.. Напрасно, — повторялъ счастливый, сияющій Витя, не зная, куда дѣвать затруднявшій его чемоданъ.

— Но какъ же все сошло?.. Благополучно? Гладко?*

— Какъ видишь, совершенно благополучно... И рассказывать нечего, просто неловко!..

— Что же было?.. Да говори, несносный!.. Это всё твои вещи?.. Но сначала скажи, что Сонечка?.. Что Глаша?.. Какъ ея здоровье? Да говори же!

— Я такъ не могу, не все сразу... У меня въ вагонѣ большой чемоданъ... Все благополучно... А у тебя?

— Ну, слава Богу... Я сейчасъ позову носильщика. **Träger!** -- закричала она.

— Здѣсь что? совсѣмъ Германія?

— Почти Германія...

Носильщикъ подкатилъ тележку, вѣжливо поклонился, взялъ у Вити ручной чемоданъ и побѣжалъ въ вагонъ.

— Да рассказывай же! Что было въ Бѣлоостровѣ?

— Право, ничего особеннаго. Посмотрѣли на мой паспортъ, порылись въ какихъ-то бумагахъ... Потомъ въ вагонѣ говорили, что это списки: кого вѣрно задержать.

— Воображаю, какъ у тебя душа ушла въ пятки!

— Удовольствіе среднее, что и говорить.

— Я однако была убѣждена, что ты проѣдешь!

— Отчего же ты волновалась?

— Какой ты глупый!.. Почти всё проѣзжаютъ черезъ Бѣлоостровъ благополучно.

— Далеко не всё, осмотръ былъ очень строгій, — очевидно возразилъ Витя, хотя только-что утверждалъ обратное. Однихъ лишь нѣмцевъ пропускали сравнительно легко, а всѣхъ другихъ обыскивали, допрашивали. Потомъ говорили, что искали какого-то важнаго контръ-революціонера...

— Нѣтъ, правда?

— Однако мой германскій паспортъ произвелъ магическое дѣйствіе...

— Или, скорѣе, твоей возрастъ.

Возрастъ здѣсь ни при чемъ! И денегъ у насъ, у нѣмцевъ, не отобрали... Вотъ только чемоданъ самому пришлось тащить черезъ мостъ...

— Бѣдняжка! Ты очень усталъ?

— Нисколько... Какая ты однако элегантная!.. Мистеръ Клервилль здѣсь?

— Вивіанъ уѣхалъ по дѣлу въ Выборгъ, вернется сегодня ночью. Онъ очень просилъ тебѣ кланяться... Такъ что же Сонечка и Глаша?

— Сонечка три дня плакала, не переставая... Теперь немного успокоилась.

— Бѣдненькая!.. Я тоже такъ по ней скучаю, такъ скучаю!.. А здоровье Глаши?

У Муси лицо стало испуганнымъ. Витя вздохнулъ.

— Неважно.

— Что?.. Что?.. Ей хуже?

— Нѣтъ, не хуже, но такъ же, какъ было.

— Какая температура?

— Къ вечеру поднимается. Вчера было 38,9...

Господи!.. Докторъ былъ?

— Но къ утру падаетъ... Докторъ приходилъ два раза.. Вчера утромъ было 36.

«Да вѣдь это и есть самое ужасное, если такъ скачетъ температура! Это туберкулезъ!» — хотѣла сказать Муся

— Григорій Ивановичъ къ вамъ переѣхалъ?

— Еще позавчера переѣхалъ... Однако здѣсь совершенная Европа!

— Совершенная! Я тоже въ первый день не понимала, что все это значить... Но постой, какъ же... Я такъ рада!

Носильщикъ вынесъ изъ вагона старый ободранный чемоданъ и поставилъ его на телѣжку. Повидимому, уваженія у носильщика убавилось. Онъ спросилъ на ломаномъ русскомъ языкѣ, куда нести вещи.

— У меня внизу экипажъ.

— Какъ экипажъ? — изумленно спросилъ Витя.

Муся засмѣялась.

— Вотъ и я въ первый день не понимала: какъ экипажъ? Теперь привыкла... Идемъ за нимъ... Но какъ я счастлива, что ты пріѣхалъ!

— А я то!

Они спустились по лѣстницѣ, быстро и беспорядочно разговаривая, разспрашивая, перебивая другъ друга. Проходившіе люди смотрѣли на нихъ не слишкомъ доброжелательно. Чиновникъ у выхода отобралъ билеты, тоже явно не одобряя русскую рѣчь.

— Здѣсь насъ теперь не очень любятъ.

— Чухонцы?.. Правда?..

— Тсс... Глухой!.. Всѣ русскія вывѣски замазаны... Ты голодень?

— Какъ собака!

— Сейчасъ я тебя накормлю, будешь доволенъ послѣ Петербурга... Но что же сказалъ докторъ?

— Сказалъ, что у нея начало легочнаго процесса.

— Боже!

— Да... Какая чистота! Это послѣ нашихъ-то улицъ!

— Она знаетъ?

— Мы не сказали, но, кажется, она догадывается.

— Бѣдная Глаша!.. Она очень убита?.. О князѣ, разумеется, ничего не слышно?

— Ничего. И о папѣ тоже ничего...

— Ну да, такъ и должно быть, это въ порядкѣ вещей. Не слышно, значитъ все хорошо... Вотъ этотъ экипажъ, сказала Муся носильщику и вынула изъ сумочки нѣсколько монетъ.

— У меня есть мелочь. Я размѣнялъ въ Теріокахъ, только еще не разбираю ихъ денегъ.

— Хорошо, хорошо, садись... Ну, а Григорій Ивановичъ что?.. Вотъ вамъ, спасибо...

Носильщикъ снялъ фуражку и поклонился. Коляска на резиновыхъ шинахъ тронулась.

— Что за великолѣпіе!.. Это экипажъ отъ гостиницы? Григорій Ивановичъ? Такой же какъ былъ. Всѣ такъ присили тебѣ кланяться... Точнѣе, не кланяться, а поцѣловать...

— Такъ исполняй же порученіе, глупый!

Они опять заключили въ объятія другъ друга.

— Ты знаешь... — сказала Муся слегка измѣнившимся голосомъ.

Витя вдругъ отъ нея отшатнулся.

— Мистеръ Клервилль тоже живетъ въ этой гостиницѣ?

— Гдѣ же ему жить? Какой ты смѣшной, — сказала Муся и засмѣялась. Ея смущенный смѣхъ сразу все сказалъ Витѣ. Какъ онъ ни приучалъ себя къ этой мысли, она его поразила. «Повѣнчались!.. И это уже было», — подумалъ онъ, глядя въ Мусю съ внезапной острой тоской и съ жаднымъ любопытствомъ.

Черезъ полчаса, выкупавшись въ ваннѣ, гдѣ простымъ поворотомъ крана можно было получить горячую воду, переодѣвшись въ свой второй костюмъ, который былъ немного лучше дорожнаго, Витя спустился внизъ по покрытой ковромъ лѣстницѣ въ сверкающей чистотой вестибюль гостиницы. Онъ все не могъ прийти въ себя. Швейцаръ почтительно сказалъ ему: «Good evening, Sir», — но и этотъ «Sir» не доставилъ Витѣ полного удовлетворенія.

— Готовъ? Иди сюда, я здѣсь въ читальной, — негромко окликнула его изъ-за колоннъ Муся. На ней было другое платье, котораго Витя не зналъ. Она сидѣла въ мягкомъ креслѣ, держа передъ собой на колѣняхъ черную папку съ иллюстрированнымъ журналомъ. «Совѣмъ другая... Англійская дама», — тоскливо подумалъ онъ. Витя неловко подошелъ, ступая по мягкому коврику, и смущенно остановился передъ Мусей. Она, улыбаясь, его оглядѣла.

— Теперь молодцомъ. Пойдемъ обѣдать... Гдѣ ты хочешь обѣдать, здѣсь или на Эспланадѣ?

— На какомъ Эспланадѣ?.. Мнѣ все равно. Какъ ты всегда...

— Мы обыкновенно завтракаемъ въ гостиницѣ, а обѣдаемъ на Эспланадѣ, это здѣшній Невскій. Но сегодня

можно здѣсь и пообѣдать. Кормятъ вполне прилично. Гельсингфорсъ, конечно, провинція, но хорошая провинція, эта гостиница почти какъ въ Европѣ. Хочешь здѣсь?

— Прекрасно.

Господинъ, писавшій за столикомъ письмо, оглянулся на нихъ съ недовольнымъ видомъ, хотя они говорили негромко. Муся отложила твердую черную панку съ золоченой надписью «The Graphic».

— Немножко рано еще для обѣда, но ничего, можно пойти, — сказала она, вставая. — Сюда.

Въ ресторанѣ были заняты только два столика. За однимъ изъ нихъ сидѣли нѣмецкіе офицеры въ полной походной формѣ. Витя съ удивленіемъ на нихъ смотрѣлъ. Въ первую минуту ему даже показалось, что онъ ошибся: ужъ не финскіе ли мундиры? «Нѣтъ, конечно, нѣмцы!..» При всей своей ненависти къ нѣмцамъ, онъ невольно почувствовалъ престижъ этихъ людей, стоявшей за ними страшной государственной машины. Моноклей у офицеровъ не было, — Витя думалъ, что всѣ германскіе офицеры носятъ монокли.

— Мнѣ тоже въ первую минуту показалось дико, — сказала Муся. — Но они здѣсь очень вѣжливы, надо отдать имъ справедливость... Смотри, за тѣмъ столомъ, на другомъ концѣ зала, въ штатскомъ, это французскіе офицеры. Правда, странно?.. Война кажется какой-то несерьезной!.. Но мнѣ нравится послѣ большевистскаго хамства: въ этомъ есть что-то рыцарское, они уважаютъ другъ друга.

— Какъ же все-таки это возможно? — проговорилъ изумленно Витя. Ему казалось, что эти люди должны тогда броситься другъ на друга.

— Мѣсяца четыре тому назадъ, когда нѣмцы здѣсь появились, они и были, говорятъ, полные хозяева. Теперь ихъ дѣла на западѣ идутъ плохо, и финны естественно стараются поддерживать хорошія отношенія съ обѣими сторонами... Гдѣ бы намъ сѣсть?

— Все равно... Только подальше отъ нѣмцевъ!

— Вотъ этотъ столикъ тебѣ нравится? Четвертый отъ тевтонскаго, по моему разстояніе достаточное.

Мэтръ-д'отель почтительно отодвигаль столъ. На бѣлосиѣжной скатерти лежала переплетенная книжка. Мусъ и Витя усѣлись рядомъ на диванѣ.

— Ты когда-нибудь пилъ коктейль?

— Никогда.

— Позоръ!.. Я тоже въ первый разъ попробовала въ понедѣльникъ... Меня Вивіанъ научилъ, — сказала Мусъ, быстро искоса взглянувъ на Витю. — Они съ этого начинаютъ обѣдъ.

— Вкусно?

— Не очень вкусно, но потому пріятное круженіе въ головѣ. У нихъ цѣлый каталогъ коктейлей, вотъ онъ.. Дайте намъ два Manhattan'a, — по англійски сказала она мэтръ-д'отелю, который слыша русскую рѣчь, тоже нѣсколько убавилъ на лицѣ почтенія.

— Два Manhattan'a, — повторилъ мэтръ-д'отель. Онъ подавъ Мусѣ карту безъ переплеста и отошелъ къ французскому столику. Сидѣвшіе за этимъ столомъ люди съ любопытствомъ смотрѣли на Мусю. Витя замѣтилъ, что одинъ изъ нихъ скользнулъ взглядомъ по нѣмецкимъ офицерамъ и тотчасъ отвернулся.

— Суна, я думаю, мы ѣсть не будемъ?.. Здѣсь удивительныя закуски. «Сексеръ», это ты, вѣроятно, знаешь?

— Да, конечно. Мы вѣдь бывали на Иматрѣ.

— Значить, закуска... Потому ты что будешь ѣсть? Я закажу sole frite и утку, это они недурно готовятъ... Но, можетъ быть, ты не любишь sole frite?

Она звонко-весело засмѣялась, такъ что съ обѣихъ столовъ оглянулись.

— Ты удивишься, что я послѣ Петербурга вдругъ стала такой гастрономкой! Но ты и представить себѣ не можешь, какъ быстро возвращаешься въ нормальныя человѣческія условія!.. Я въ первый день тоже на все здѣсь

смотрѣла, какъ баранъ на новыя ворота, послѣ селедокъ и бифштексовъ изъ конины, которыми насъ кормила Глаша... Бѣдная Глаша, мнѣ такъ ее жаль!.. Какое ты вынесъ впечатлѣннѣе изъ словъ доктора? Это опасно?

— Онъ прямо мнѣ сказалъ, что если...

— Постой, по случаю твоего приѣзда я хочу выпить шампанскаго... Да, да! У нихъ есть французское. Собственно напитки запрещены, но здѣсь все можно... Ну, вотъ онъ идетъ... Что же это я все заказываю, это неприлично, ты уже большой. Закажи ему ты, а я кстати послушаю, какъ ты говоришь по англійски.

Витя выдержалъ экзамень съ честью.

— Недурно, — сказала Муся. — Это очень важно, потому что мы тебя веземъ въ Англiю.

— Какъ это, вы меня везете?

— Да такъ, очень просто. Вивianъ еще не получили инструкциi, но, вѣроятно, мы скоро отсюда уѣдемъ... Впрочемъ, объ этомъ мы еще успѣемъ поговорить... А что, кстати, если-бъ ты, хоть изъ вѣжливости, спросилъ меня, какъ поживаютъ папа и мама? --- смѣясь, сказала Муся.

— Ахъ, ради Бога, извини! Я совершенно забыла... Но развѣ ты могла съ ними снестись? Я просто не подумала!

— Вѣрю. Конечно, могла снестись. Писемъ я еще не имѣю, но получила двѣ длинныхъ телеграммы... И представь, шли всего шесть-семь часовъ!

— Что же они телеграфируютъ?

— Они такъ счастливы, что мы сюда вырвались... Собственно въ телеграммахъ говорилось только объ этомъ (Муся не сказала, что вторая телеграмма была восторженно-поздравительной въ отвѣтъ на ея извѣщенiе о свадьбѣ). Да еще папа сообщаетъ, что послалъ мнѣ чекъ на Стокгольмъ. У него въ Стокгольмѣ есть деньги. Это очень кстати, конечно... Вивianъ тоже получилъ здѣсь деньги отъ своей тетки, онъ вѣдь ея настьдникъ, — сказала Муся, опять бѣгло взглянувъ на Витю. -- Вотъ несутъ паша

Manhattan'ы. И шампанское... Какъ жаль, что здѣсь нѣтъ музыки! Я люблю въ ресторанахъ плохую музыку.

— А я не люблю... И потому, что плохая, и потому, что нельзя разговаривать.

Они выпили коктейль.

— Твое здоровье!.. Нравится тебѣ? Невкусно, но увидишь, какъ будетъ пріятно потомъ!

— Нѣтъ, и на вкусъ хорошо, — солгалъ Витя. — Твое здоровье, Мусенька!

Коктейль быстро ударилъ въ голову. Разговаривать стало легче; они только теперь почувствовали, что до того было не очень легко.

— Смотри, сколько подали закусокъ.

— Да, я этого давно не видалъ... Господи!..

— Кажется, нечего тебѣ желать добраго аппетита? Ъшь, голубчикъ... О чемъ мы говорили? Да, кстати, о деньгахъ, — вскользь добавила она. — Или, вѣрнѣе, не совсѣмъ кстати. Быть можетъ, это тебя тревожитъ, мой другъ? Правда? Такъ вотъ я хотѣла тебѣ сказать, что объ этомъ ты совершенно не долженъ беспокоиться...

— У меня есть деньги, — поспѣшно сказалъ Витя.

— Да, эти три тысячи марокъ, конспираторъ? На это далеко не уѣдешь, — смѣясь, сказала Муся. — Но я тебѣ открываю неограниченный кредитъ... Изъ моихъ денегъ, — подчеркнула она, — изъ тѣхъ, что я получу отъ папы... Хотя и Вивіанъ мнѣ говорилъ то же самое. Онъ тебя такъ любитъ...

Витя покраснѣлъ до корней волосъ. Муся весело на него смотрѣла. Видъ того, какъ онъ ѣлъ, доставлялъ ей удовольствіе.

— Спасибо, но мнѣ не нужно... Я думаю, этихъ трехъ тысячъ мнѣ хватитъ для того, чтобы пробраться на югъ Россіи.

— Куда? На югъ Россіи? Ты съ ума сошелъ!

— Нѣтъ, не сошелъ. Я твердо рѣшилъ...

— Какой вздоръ! Тебя только гамъ не видали! Тебѣ учиться надо, а не воевать... Но мы все это еще обсудимъ съ Вивіаномъ...

— И обсуждать нечего, — мрачно отвѣтилъ Витя, подумавъ, что, если онъ съ кѣмъ-либо не станетъ этого обсуждать, то именно съ Клервиллемъ.

— Хорошо, хорошо... Къ тому-же, ты и не можешь ѣхать на югъ Россіи до тѣхъ поръ, пока не выпустятъ Николая Петровича. Подумай только, что съ нимъ можетъ быть, если они узнаютъ, что его сынъ въ этихъ южныхъ арміяхъ! — По измѣнившемуся лицу Вити она увидѣла, что нашла настоящій доводъ, которымъ и надо будетъ пользоваться. — Ну, да обо всемъ этомъ еще рано говорить.

— Да, рано... Хотя почему же рано?.. Значитъ, по моему, надо сидѣть такъ, сложа руки, и ждать, пока имъ угодно будетъ освободить палу, Алексѣя Андреевича, всѣхъ...

— Витенька, но что же дѣлать? Мы изъ Англіи будемъ хлопотать, у Вивіана тамъ большія связи... Все-таки, если кто можетъ оказать протекцію, то скорѣе всего англичане.

— Они уже оказали протекцію капитану Кроми, твой англичане!

— Это дѣло еще не кончено. Я увѣрена, англійское правительство такъ этого не оставитъ!.. Витенька, повторяю, что же дѣлать?.. Во всякомъ случаѣ отсюда ты сможешь послать Николаю Петровичу провизію. Тамъ вѣдь ничего нѣтъ. Согласись, для одного этого стоило ѣхать.

— Ты думаешь, это возможно?.. Мнѣ и то совѣстно ѣсть все это, — сказала Витя. Въ то время, какъ тамъ...

— Я думаю, скоро будетъ возможно. Вѣдь я и нашимъ буду все послать, Глазгъ, Сонечкѣ, Никонову...

— Да, имъ, вѣроятно, можно будетъ, но въ крѣпость, какъ ты думаешь?.. Вы здѣсь ничего не слышали о заключенныхъ? У насъ ходятъ всякіе слухи!.. Вы ничего не слышали?

— Ничего, рѣшительно ничего, — сказала Муся. Витя

беспокойно на нее взглянулъ; его встревожило это повтореніе: «рѣшительно ничего».

Навѣрное? Ты меня не обманываешь?

— Какой ты странный! Что же я могу здѣсь въ Гельсингфорсѣ знать?

Муся дѣйствительно ничего по настоящему не знала. Однако какъ разъ наканунѣ завтракавшей съ ними англійскій офицеръ, только что пріѣхавшій съ русской границы, рассказывалъ, что у Лисьяго Носа большевики разстрѣляли и затопили въ сѣверномъ Кронштадтскомъ фарватерѣ нѣсколько баржъ съ заключенными, вывезенными изъ петербургскихъ тюремъ. Клервилль былъ чрезвычайно недоволенъ тѣмъ, что его товарищъ рассказаль это при Мусѣ, — такъ на нее подѣйствовалъ рассказъ.

— Что я могу знать? — повторила Муся. — «Нѣтъ, это вѣрно неправда», — сказала себѣ она. — Намъ говорили, будто всѣ эти слухи распускаются ими нарочно, чтобы запугать...

— Ты думаешь? Правда?

— Это очень правдоподобно... Возьми грибовъ, они очень вкусные. Правда, хорошая закуска?.. Но скажи, ты радъ, что пріѣхалъ?.. Я такъ рада! А ты?

Онъ посмотрѣлъ на нее, — спрашивать было не нужно.

— Налей мнѣ шампанскаго...

— Еще не достаточно холодное. Пусть остынетъ, — сказалъ Витя, тоже очень быстро становившійся гастрономомъ.

— Все равно... Спасибо... Но постой, ты началъ говорить о Глашѣ, что тогда сказалъ докторъ... А я тебя прервала, сама не знаю, какъ...

На этотъ разъ смутилась и покрасѣла Муся. Витя смотрѣлъ на нее съ улыбкой.

— Я знаю, у тебя сейчасъ обо мнѣ нехорошія мысли. — сказала она, грозя ему пальцемъ.

— Мусенька! У меня о тебѣ нехорошія мысли?

— Да, да... Ты думаешь: чуть только она оказалась въ

Европѣ, чуть только вернулась прошлая жизнь, и уже ей больше нѣтъ никакого дѣла ни до Глаши, ни до Сонечки, ни до всѣхъ тѣхъ, кто тамъ остался!.. Гадкій мальчишкѣ, ты врешь!

— Мусенька, но вѣдь я никогда ничего такого не говорилъ!

— Но ты это думалъ, это еще хуже!.. И это совершенная неправда!

— Да это ты все выдумала!

— Клянусь тебѣ, Витенька, это неправда, — сказала Муся, взявъ его за руку. — Да, я люблю эту жизнь, шампанское, все это, — сказала она, — но ты не думай, что и безсердечная эгоистка! Ты и представить себѣ не можешь, какъ я васъ всѣхъ люблю: и Глашу, и Сонечку, и бѣднаго князя, и Григорія Ивановича!.. О присутствующихъ не говорить!.. Да, ты себѣ представить не можешь, какъ они мнѣ дороги, какъ я къ нимъ привязана!.. Я всю дорогу плакала, когда мы выѣхали изъ Петербурга, всю дорогу, даю тебѣ слово, такъ что на насъ смотрѣли въ вагонѣ!.. Да вотъ, у меня и теперь слезы!.. Какъ глупо!..

У нея въ самомъ дѣлѣ на глазахъ были слезы.

— Но вѣдь я рѣшительно ничего не сказалъ!

— Вотъ Глаша, — сказала Муся. — Я знаю, ты думаешь, что я ее не люблю!.. Это неправда!.. Все равно, какая она, — добавила Муся, — вѣрнѣе, какая она была!.. Но у меня душа рвется, когда я о ней вспоминаю!.. Какъ она измѣнилась, Глаша! Признаюсь, я не думала, что она можетъ такъ любить! Вѣдь и болѣзнь ея, и все, это изъ-за того, что случилось съ Алексѣемъ Андреевичемъ. Чего она только не дѣлала въ тѣ дни!.. Съ опасностью, да, съ настоящей опасностью для жизни! Я думаю, она способна была бы бросить бомбу и пойти на смерть, какъ та, что стрѣляла въ Ленина!.. Глаша не очень добрая, я гораздо добрѣе, правда? Но, какъ человѣкъ, она лучше меня, я это отлично знаю. Что-жъ дѣлать, если я такая!..

— Какая?

-- Что-жъ дѣлать, если я не нахожу, что дурно любить нѣсколькихъ сразу и по разному, — безтолково говорила Муся (Витя рѣшительно не могъ услѣдить за страннымъ ходомъ ея мыслей). — А Глаша однолюбка... Солнечка, та нѣтъ, та не однолюбка, она скоро Березина разлюбитъ. Зато, пока она любитъ Березина, для нея никто другой не существуетъ... Она однолюбка на годъ, — сказала, засмѣявшись, Муся. Витя смотрѣлъ на нее съ нѣжностью.

— А помнишь, ты же мнѣ какъ-то сказала, — началъ онъ, — съ мѣсяцъ тому назадъ...

— Ты думаешь, я помню то, что я говорила мѣсяцъ тому назадъ? Или ты думаешь, что я чувствую теперь такъ, какъ мѣсяцъ тому назадъ?.. Налей мнѣ еще. Правда, чудное шампанское?

— Очень хорошее. Настоящее.

— Клопъ! «Настоящее», — передразнила Муся. — Здѣсь шведы, когда пьютъ, говорятъ «сколь!» и потомъ съ минуту смотрятъ молча другъ на друга. Такъ у нихъ полагаются... Сколь, Викторъ Николаевичъ. Отвѣчай то же самое. Живо!

— Сколь, Мусенька.

— Ну, хорошо... Но что же все-таки сказалъ о Глашѣ докторъ?.. Мы все сбиваемся, — сказала она. Оба они засмѣялись и имъ тотчасъ стало этого стыдно.

Муся и Витя долго стояли въ корридорѣ у дверей Витиной комнаты: они все не могли наговориться. Голова у обоихъ кружилась.

-- У тебя все есть? Пижама?

— Да, все, все...

— Постели здѣсь идеальныя! Сейчасъ же ложись и спи...

— Зайди ко мнѣ, Мусенька, милая... Вѣдь всего десять часовъ. Еще поболтаемъ...

— Ты усталъ съ дороги, сейчасъ-же ложись... Развѣ зайти на минуту?

— Зайди, милая...

— Здѣсь нельзя поздно разговаривать, люди рано ложатся... Нѣтъ, нѣтъ, маршь спать!..

— Когда онъ прѣзжаетъ?

— Во второмъ часу.

— Ты будешь его ждать?

— Это тебя не касается!

— Я говорю не объ этомъ, но вообще: все что касается тебя, касается и меня!

— Вотъ еще! Какія ты говоришь глупости!.. «Этотъ, правда, за меня въ огонь и въ воду поидетъ!» — подумала Муся съ радостью, хоть ей совершенно не было нужно, чтобы кто-либо шелъ за нее въ огонь и въ воду. — Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ ты немного поглупѣлъ, оставшись безъ меня больше недѣли... Но въ Англии ты у меня опять поумиѣешь.

— Не буду я ни въ какой Англии...

— Это мы увидимъ!.. Гдѣ у насъ обосновался Григорій Ивановичъ?

— Въ кабинетѣ Семена Исидоровича. Сказалъ, что знать ничего не желаетъ и беретъ себѣ самую лучшую комнату.

— Узнаю его!.. Милый Григорій Ивановичъ... Я такъ его люблю!.. Нѣтъ, ты ничего не понимаешь, ты очень, очень поглупѣлъ, Витенька...

«...Да, она эгоистка!» — думалъ Витя. — «То-есть въ ней есть и эгоистка. Но она кромѣ того что прелестная, она и добрая, по настоящему добрая. Да, она не лжетъ, а говоритъ правду, что нѣжно любить и Григорія Ивановича, и Сонечку, и даже Глашу... «О присутствующихъ же говорятъ»... Какъ ей не стыдно было такъ сказать объ этомъ! Вѣдь она знаетъ, что я люблю ее, что мнѣ ничего не нужно, только на нее смотрѣть... Хотя нѣтъ, неправда, нужно и другое!..»

— Такъ ты ничего не знаешь о твоёмъ шефѣ? — вдругъ спросила Муся, не совсѣмъ естественно засмѣваясь. — Объ Александрѣ Михайловичѣ?

— Ничего не знаю.

— И ты ни разу его не видѣла съ тѣхъ поръ?

— Ни разу... Вѣдь онъ тогда черезъ тебя же запретилъ мнѣ искать его.

— Запретилъ, запретилъ. — повторила съ досадой Муся. — Неужели ты такъ ничего о немъ и не узнала? Не слышала, бѣжалъ ли онъ?

— Ничего не узнала, — хмуро отвѣтилъ Витя.

Муся вздохнула.

— Это необыкновенный человѣкъ, — сказала она мечтательно. — Онъ земной, о, да, очень земной!.. И вмѣстѣ съ тѣмъ у него въ глазахъ есть что-то нездѣшное... Кажется, вы такъ, поэты, говорите: нездѣшное?

— Я не поэтъ, — еще болѣе хмуро возразилъ Витя. Интонація Муси придавала слову «поэтъ» явно обидный характеръ.

— Но и ты это видишь, правда?

— Я вижу только, что коктэйли очень сильная вещь.

— Дай Богъ, чтобы онъ спелся! — не слушая Витю, сказала Муся. — Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы онъ погибъ!.. Не можетъ быть, Богъ этого не допустить!.. — тихо проговорила она, закрывъ глаза и мотая головою.

X.

Баржа качалась, кружилась и кренилась, но все не шла ко дну, несмотря на заливавшія ее волны. На Лисьемъ Носу, распоряжавшійся казнью человѣкъ въ шинели и шпорахъ начиналъ терять терпѣніе. Неподвижный, какъ статуя, онъ стоялъ у вбитаго въ землю, по его приказу, факела, любясь и силой революціоннаго дѣйствія, и своей позой, и въ особенности своими чувствами. Въ его

умѣ пробѣгали обрывки скудныхъ историческихъ воспоминаній, — быть можетъ, благодаря имъ возникла и самая мысль о разстрѣлѣ и потопленіи баржи съ заключенными. Онъ былъ чело вѣкъ къ судьбы. Но очень долго стоять такъ въ позѣ статуи было трудно. Вдобавокъ шель дождь.

Развѣдчики выгружали пулеметы изъ моторныхъ лодокъ на берегъ. Въ одной группѣ спорили: сколько времени еще продержится баржа, чернѣвшая вдали шатающимся пятномъ, — ее невозможно было хорошо разглядѣть въ полутьмѣ.

— Больше пяти минутъ не продержится...

— Ну, и больше можетъ.

— Никакъ. Пари?

Вновь поступишій развѣдчикъ, впервые въ эту ночь откомандированный на казнь, съ ужасомъ смотрѣлъ то на баржу, то на пулеметы, то на начальство. Лицо у него изрѣдка сводила судорога.

— На что пари?

— На фальшивую керенку.

Послышался смѣхъ. Человѣкъ къ судьбы съ неудовольствіемъ оглянулся на подчиненныхъ: смѣхъ не соответствовалъ грозному величію революціонной сцены.

— Вѣрно плохо открыли кингстоны, — отрывисто бросилъ онъ, видимо щеголяя морскимъ терминомъ. — Съ подрывными бомбами тоже никогда не знаешь.

— Нѣтъ, товарищъ, все изрѣшители... Сейчас потонетъ, будьте спокойны...

— Отсюда все видно, — говорилъ одинъ изъ старшихъ развѣдчиковъ, надѣвая чехоль на пулеметъ. — Вонъ Финляндія, вонъ Россія, а вонъ тамъ будетъ Швеція.

— Не Швеція, а Европа...

— Много ты знаешь! Швеція и есть Европа...

— Туши фонари, давно пора...

— Гдѣ Россія? — растерянно спросилъ новый развѣдчикъ.

— Вонъ тамъ, — показала старшій. Но тамъ ничего не было видно: стоялъ туманъ. Небо мѣняло цвѣтъ. Луна становилась все блѣднѣе. Дождь усиливался. Начиная пасмурный день.

— Ну, вотъ... Тонетъ!.. Готово... Что я говорилъ! — сказало сразу нѣсколько голосовъ.

Дѣйствительно баржу захлестнуло совсѣмъ. Ея край нелѣпо поднялся вверхъ и завертѣлся. Затѣмъ черное пятно исчезло. Развѣдчики замолчали. Факель зашипѣлъ и погасъ. Человѣкъ судьбы высоко поднять руку, медленно опустил ее и, повернувшись на каблукахъ, пошелъ къ освѣщенной брандвахтѣ.

М. Алдановъ.

Подвигъ

Х.

На нее, на эту заглавную картинку, оказавшуюся послѣ снятія полупрозрачнаго листка, грубоватой, подчеркнута яркой, Мартынь снова опустилъ дымку, сквозь которую краски приобрѣтали таинственную прелесть.

И на большомъ трансатлантическомъ пароходѣ, гдѣ все было чисто, отшлифованно, просторно, гдѣ былъ магазинъ туалетныхъ вещей, и выставка картинъ, и аптека, и парикмахерская, и гдѣ по вечерамъ танцовали на палубѣ тустэпъ и фокстротъ, — онъ съ возторженной грустью думалъ о той милой женщинѣ, о ея вѣжной, слегка впалой груди и ясныхъ глазахъ, и о томъ, какъ непрочно похрустывала она въ его объятіяхъ, приговаривая: «Ай, сломаешь». Межъ тѣмъ, близка была Африка, на горизонтѣ съ сѣвера появилась лиловая черта Сициліи, а затѣмъ пароходъ скользнулъ между Корсикой и Сардиніей, и всѣ эти узоры знойной суши, которая была гдѣ-то кругомъ, гдѣ-то близко, но проходила невидимкой, плѣняли Мартына своимъ безплотнымъ присутствіемъ. А по пути изъ Марселя въ Швейцарію онъ какъ будто узналъ любимые ночные огни на холмахъ, — и хотя это не былъ уже *train de luxe*, а простой курьерскій поѣздъ, тряскій, темный, грязный отъ угольной пыли, волшебство было тутъ, какъ тутъ: эти огни и вопли во мракѣ... По дорогѣ, въ автомобилѣ, между Лозанной и дядинымъ домомъ, расположеннымъ повыше въ

*) Современныя Записки № 45.

горахъ, Мартынъ, сидя рядомъ съ шоферомъ, изрѣдка съ улыбкой поворачивался къ матери и дядѣ, которые оба были въ большихъ автомобильныхъ очкахъ и одинаково держали на животахъ руки. Генрихъ Эдельвейсъ остался холостъ, носилъ толстые усы, и нѣкоторыя его интонаціи да манера возиться съ зубочисткой или ковырлякой для ногтей напоминали Мартыну отца. При встрѣчѣ съ Софьей Дмитріевной на вокзалѣ въ Лозаннѣ, дядя Генрихъ разрыдался, рукой прикрылъ лицо, но погодя, въ ресторанѣ, успокоился и на своемъ вышноватомъ французскомъ языкѣ заговорилъ о Россіи, о своихъ прежнихъ поѣздкахъ туда. «Какъ хорошо, — сказалъ онъ Софьѣ Дмитріевнѣ, — какъ хорошо, что твои родители не дожили до этой страшной революціи. Я помню превосходно старую княгиню, ея бѣлые волосы... Какъ она любила бѣднаго, бѣднаго Сержа», — и при воспоминаніи о двоюродномъ братѣ у Генриха Эдельвейса опять налились глаза голубой слезой. «Да, моя мать его любила, это правда, — сказала Софья Дмитріевна, — но она вообще всѣхъ и все любила. А ты мнѣ скажи, какъ ты находишь Мартына», — быстро продолжала она, пытаясь отвлечь Генриха отъ печальныхъ темъ, принимавшихъ въ его пушистыхъ устахъ отбѣнокъ нестерпимой сентиментальности. «Похожъ, похожъ, — закивалъ Генрихъ. — Тотъ же большой лобъ, прекрасные зубы...» «Но, правда, онъ возмужалъ? — поспѣшно перебила Софья Дмитріевна. — И, знаешь, у него уже были увлеченія, страсти». Дядя Генрихъ перешелъ на политическія темы. «Эта революція, — спросилъ онъ риторически, — какъ долго она можетъ длиться? Да, этого никто не знаетъ. Бѣдная и прекрасная Россія гибнетъ. Можетъ быть твердая рука диктатора положить конецъ эксцессамъ. Но многія прекрасныя вещи, ваши земли, ваши опустошенныя земли, вашъ деревенскій домъ, сожженный сволочью, — всему этому слѣдуетъ сказать прощай». «Сколько стоятъ лыжи?» — спросилъ Мартынъ. «Не знаю, — со вздохомъ отвѣтилъ дядя Генрихъ. — Я никогда не

развлекался этимъ англійскимъ спортомъ. И у тебя англійскій акцентъ. Это дурно. Мы перемѣнимъ все это» «Онъ многое перезабылъ, — вступилась за сына Софья Дмитріевна. — Послѣдніе годы Mlle Planché уже не давала уроковъ». «Умерла, — съ чувствомъ сказала дядя Генрихъ. — Еще одна смерть». «Да нѣтъ, — улыбнулась Софья Дмитріевна. — Откуда ты взялъ? Она вышла замужъ за финна и спокойно живетъ въ Выборгѣ». «Во всякомъ случаѣ все это очень грустно, — сказалъ дядя Генрихъ. — Я такъ желалъ, чтобы когда-нибудь Сержъ съ вами пріѣхалъ сюда. Но никогда не имѣешь того, о чемъ мечтаешь, и Богъ одинъ знаетъ судьбу людей. Если вы утолили голодь и навѣрное больше ничего не хотите, можемъ отправиться въ путь».

Дорога была свѣтлая, излучистая; справа поднималась скалистая стѣна съ цвѣтущими колючими кустами въ трещинахъ, слѣва былъ обрывъ, долина, гдѣ серповидной пѣной, уступами, бѣжала вода; затѣмъ появились черныя ели, онѣ стояли тѣснымъ строемъ то на одномъ склонѣ, то на другомъ; окрестъ, незамѣтно передвигаясь, высились зеленоватая, въ снѣговыхъ проплѣшинахъ, горы, изъ-за плечъ этихъ горъ смотрѣли другія, посѣрѣе, а совсѣмъ вдалекѣ поднимались горы лиловой гуашевой бѣлизны, и эти были совершенно неподвижны, и небо надъ ними словно выцвѣло по сравненію съ ярко-синими просвѣтами между верхушками черныхъ елей, подъ которыми катился автомобиль. Вдругъ, съ непривычнымъ еще чувствомъ, Мартынъ вспомнилъ густую, еловую опушку русскаго парка сквозь синее ромбовидное стекло на верандѣ, — а когда, разминая слегка звенящія ноги, съ прозрачнымъ гудомъ въ головѣ, онъ вышелъ изъ автомобиля, его поразили запахъ земли и тающаго снѣга, шероховатый свѣжій запахъ, и еловая красота дядинаго дома. Стоялъ онъ особнякомъ въ полуверстѣ отъ деревни, и съ верхняго балкона былъ одинъ изъ тѣхъ дивныхъ видовъ, которые прямо пугаютъ своимъ воздушнымъ совершенст-

вомъ, а въ чистенькой уборной, гдѣ пахло смолой, густо синѣло въ оконце опять это весеннее дачное небо, и кругомъ, въ саду съ голыми черными клумбами и цвѣтущими яблонями въ глубинѣ, въ еловомъ бору, сразу за садомъ, и на мягкой дорогѣ, ведущей въ деревню, была прохладная, веселая, что-то знающая тишина, и голова слегка кружилась, не то отъ этой тишины, не то отъ запаховъ, не то отъ новой, блаженной косности послѣ трехчасовой ѣзды.

Въ этомъ домѣ Мартынъ прожилъ до поздней осени. Предполагалось, что зимой онъ поступитъ въ женевскій университетъ; однако, послѣ живой переписки съ друзьями въ Англии, Софья Дмитріевна опредѣлила его въ Кембриджъ. Дядя Генрихъ не сразу съ этимъ примирился, — онъ англичанъ не долюбивалъ, холодный коварный народъ. Зато мысль объ издержкахъ, которыхъ потребуесть знаменитый университетъ не только его не огорчала, а напротивъ была соблазнительна. Любя экономить по мелочамъ, въ лѣвой рукѣ зажимая грошъ, онъ правой охотно выписывалъ крупные чеки, — особенно, когда расходъ являлся почетнымъ. Иногда онъ трогательно игралъ самодура, хряпалъ ладонью по столу, раздувалъ усы и кричалъ: «Если я это дѣлаю, то потому, что мнѣ пріятно!» И Софья Дмитріевна со вздохомъ натягивала на кисть новые часики-браслетъ изъ Женевы, а Генрихъ, размякнувъ, лѣзь въ карманъ, вытягивалъ объемистый платокъ съ голубой каемкой, встряхивалъ его, и, скрывая набѣжавшія слезы, трубилъ разъ, трубилъ два, затѣмъ приглаживалъ усы — вправо и влѣво.

Съ наступленіемъ лѣта погнали крестами мѣченныхъ овецъ еще выше въ горы. Неизвѣстно откуда, съ какой стороны, начиналъ доноситься журчащій металлическій звонъ, плылъ, обволакивалъ, вызывалъ у слушателя странную щекотку во рту, и вотъ, въ облакъ пыли, сѣрой, курчавой густыней, лились, мягко толкаясь, овечьи спины въ перемѣнчивой и подвижной тѣснотѣ, и влажный, полый, улаждающій всѣ чувства звонъ колокольцевъ все росъ, на-

ливался, такъ таинственно, словно звучала самая пыль, клубящаяся надъ овцами; порою одна выбивалась изъ стада, пробѣгала трусцой, и лохматая собака молча ее отѣсняла въ стадо, и сзади шелъ, мягко ступая, пастухъ, — и звонъ колокольцевъ чуть мѣнялся въ тембрѣ, становился опять глуше, тише, но долго еще стоялъ въ воздухѣ, вмѣстѣ съ летучей пылью. «Ахъ, какъ славно», — шептала про себя Мартынъ, дослушавъ звонъ до конца, и продолжалъ путь, любимую свою прогулку, начинавшуюся деревенской дорогой и тропинками въ еловой глуши. Боръ внезапно рѣдѣлъ, появлялись кругые сочные луга, каменная стежка спускалась между живыхъ изгородей; иногда навстрѣчу поднималась корова съ мокрой розовой мордой, останавливалась, похлестывая хвостомъ, и, качнувъ головой вбокъ, проходила, и слѣдомъ за ней шла проворная старушка съ дубинкой и кидала на Мартына недоброжелательный взглядъ. А ниже, за тополями и кленами, бѣлѣла большая гостиница, хозяинъ которой былъ въ отдаленномъ родствѣ съ Эдельвейсомъ.

За это лѣто Мартынъ еще больше окрѣпъ, увеличился размахъ плечъ, и голосъ приобрѣлъ ровный и низкій звукъ. Межъ тѣмъ на душѣ у него было сумбурию, и чувство, несомнѣнно понятное, возбуждали такія вещи, какъ дачная прохлада въ комнатахъ, столь отчетливая послѣ наружной жары, толстый шмель, съ обиженнымъ жудомъ стучащій по потолку, еловыя лапы на синевѣ неба, или крѣпкій коричневый боровикъ, найденный на опушкѣ. Будущая поѣздка въ Англию волновала и радовала его. Воспоминаніе объ Аллѣ Черносвитовой достигло окончательнаго совершенства, и онъ себѣ говорилъ, что недостаточно цѣнилъ фалерское счастье. Жажда, которую та, утоляя, только обострила, такъ мучила его въ эти горные лѣтніе дни, что по ночамъ онъ долго не могъ забыться, представляя себѣ, среди многихъ приключеній, всѣхъ тѣхъ женщинъ, которыя ждутъ его въ свѣтающихъ городахъ, и случалось, повторялъ вслухъ какое-нибудь женское имя —

Изабелла, Нина, Маргарита, — еще холодное, нежилое имя, пустой гулкой домъ, куда медлить вселиться хозяйка, — и гадалъ, какое изъ этихъ именъ станетъ вдругъ живымъ, столь живымъ и естественнымъ, что уже никогда нельзя будетъ произнести его такъ таинственно, какъ сейчасъ. А по утрамъ приходила изъ деревни пособлять старой горничной племянница ея Марія, семнадцатилѣтняя дѣвочка, очень тихая и миловидная, съ темно-розовыми щеками и туго закрученными вокругъ головы желтыми косами. Бывало такъ, что Мартынъ въ саду, а она вдругъ распахиваетъ верхнее окошко и, отряхнувъ тряпку, замираетъ, глядя, быть можетъ, на овальныя тѣни облаковъ, скользящія по склонамъ горъ; затѣмъ проводитъ тыломъ руки по виску и медленно отворачивается. Мартынъ поднимался въ комнаты, опредѣлялъ по сквознякамъ, гдѣ происходитъ уборка, и среди блеска мокрыхъ половицъ Марія, задумавшись, стояла на колѣняхъ: онъ видѣлъ ее со спины, ея черныя шерстяные чулки и зеленое, въ горошинку, платье. Она никогда не смотрѣла на Мартына, только разъ — и это было событіе — проходя мимо съ пустымъ ведромъ, неопредѣленно и нѣжно улынулась, однако не ему, а цыплятамъ. Онъ упорно давалъ себѣ обѣтъ заговорить съ ней, да потихоньку обнять, но однажды, послѣ ея ухода, Софья Дмитриевна потянула носомъ, поморщилась и поспѣшно открыла всѣ окна, — и Мартынъ проникся къ Маріи досадливымъ отвращеніемъ и только очень постепенно, по мѣрѣ ея слѣдующихъ далекихъ появленій, — въ раскрывшемся окнѣ, или въ просвѣтѣ листы близъ колодца, — олять началъ поддаваться очарованію, но уже боялся приблизиться. Такъ что-то счастливое, томное, его издалека заманивало, но было обращено не къ нему. Какъ то разъ, забравшись высоко въ горы, онъ сѣлъ съ ногами на большой лобатый камень, и снизу, вьющейся тропой, прошло стадо, музыкально и грустно булькая, а затѣмъ двое, оборванный, веселый мужчина и дѣвушка, которая, все посмѣиваясь, вязала на ходу чулокъ. Они про-

шли, не взглянувъ на Мартына, словно былъ онъ бездотелъ, и онъ долго слѣдилъ за ними: мужчина, не мѣняя шага, перекинулъ руку черезъ плечо спутницы, и по ея затылку видно было, что она все вяжетъ, вяжетъ, неторопливо спускаясь въ другую долину. А не то около теннисной площадки передъ гостиницей появлялись, крича, бѣлясь платьями и отмахиваясь ракетками отъ оводовъ, барышни съ голыми руками, но, какъ только онѣ начинали играть — какая топорность, какая безпомощность, — тѣмъ болѣе, что самъ Мартынъ игралъ превосходно, разбивалъ въ доску любого молодого аргентинца изъ гостиницы, ибо сызмала усвоилъ ладъ, необходимый для наслажденія природой шара, согласованность всѣхъ членовъ, такъ что каждый ударъ по бѣлому мячу, начинаясь съ дугового налета, еще длится послѣ звучной вснышки ракетныхъ струнъ, проходя по мышцамъ руки до самаго плеча, какъ бы замыкая плавный кругъ, изъ котораго такъ же плавно родится слѣдующій. Въ жаркій августовскій день возникъ на площадкѣ профессиональный игрокъ, Бобъ Китсонъ изъ Ниццы, и предложилъ Мартыну партию. Знакомая глупая дрожь — отместка слишкомъ живото воображенія. Все же Мартынъ началъ хорошо, то прихлопывая мячъ на излетѣ у самой сѣтки, то съ задней черты мощно лупя въ отдаленнѣйшій уголокъ. Кругомъ стояли и смотрѣли, — это было пріятно. Горѣло лицо, и до безумія хотѣлось пить. Подавая, обрушиваясь на мячъ и сразу превращая наклонъ тѣла въ быстрый пробѣгъ къ сѣткѣ, Мартынъ собирался взять рѣшительную игру. Но профессиональ, долговязый, хладнокровный юноша въ очкахъ, игравшій точно съ лѣнцой, вдругъ проснулся и пятью молніевидными ударами сравнялъ положеніе. Мартынъ почувствовалъ усталость и безпокойство. Солнце — въ глаза. Вылѣзаетъ изъ-подъ пояса рубашка. Если Китсонъ возьметъ этотъ пунктъ, — все кончено. Тотъ, изъ неудобнаго угла, далъ свѣчку, и Мартынъ, отбѣгая кѣкъ-уокомъ, приготовился мячъ убить. Пока онъ низвергалъ ракету,

ему мгновенно померещился проигрышъ, злорадство обычныхъ его партнеровъ. Увы, мячъ тупо плюхнулъ въ сѣтку. «Не повезло», — бодро сказала Китсонь, и Мартынь осклабился, героически преодолевая досаду.

XII.

Возвращаясь домой, онъ переигрывалъ въ умѣ всѣ удары, обращалъ поражение въ побѣду и качалъ головой: трудно, трудно изловить счастье. Скрытые листвою, журчали ручьи, съ мокрыхъ мѣстъ на дорогѣ вспархивали голубыя бабочки, въ кустахъ возились птицы, — все было до грусти солнечно и безпечно. Вечеромъ, послѣ обѣда, сидѣли, какъ всегда, въ гостиной, дверь была широко открыта на террасу, и, такъ какъ испортилось электричество, горѣли въ канделябрахъ свѣчи: изрѣдка пламя ихъ наклонялось, и тогда изъ-подъ всѣхъ креселъ вытягивались черныя тѣни. Мартынь, копя въ носу, читалъ томикъ Мопассана со старомодными иллюстраціями: Бель-Ами, усатый, въ стоячемъ воротничкѣ, обнажающій съ ловкостью камеристки стыдливую, широкобедрую женщину. Дядя Генрихъ, отложивъ газету и подбоченясь, смотрѣлъ на карты, которыя раскладывала на ломберномъ столѣ Софья Дмитріевна. Въ окна и въ дверь напирала съ террасы теплая, черная ночь. Поднявъ голову, Мартынь вдругъ насто-раживался, словно былъ какой-то смутный призывъ въ этой гармоніи ночи и свѣчъ. «Послѣдній разъ онъ у меня вышелъ въ Россіи, — проговорила Софья Дмитріевна. — Онъ вообще выходитъ очень рѣдко». Разставя пальцы, она собрала разсыпанныя по столу карты и принялась ихъ вновь тасовать. Дядя Генрихъ вздохнулъ.

Наскуча книгой, Мартынь потянулся и вышелъ на террасу. Было очень темно, пахло сыростью и ночными цвѣтами. Сорвалась звѣзда и, конечно, какъ это обычно бываетъ, — не совсѣмъ въ полѣ зрѣнія, а сбоку, такъ что глазъ уловилъ лишь трепеть, мгновенную, беззвучную пе-

ремьну въ небѣ. Очертанія горъ были неразборчивы, и въ складкахъ мрака дрожало тамъ и сямъ по два, по три огонька. «Путешествіе», — вполголоса произнесъ Мартынъ и долго повторялъ это слово, пока изъ него не выжалъ всякій смыслъ, и тогда онъ отложилъ длинную, пушистую словесную шкурку, и глядь, — черезъ минуту слово было опять живое. «Звѣзда. Туманъ. Бархатъ, бар-хатъ», — отчетливо произносилъ онъ и все удивлялся, какъ непрочно смыслъ держится въ словѣ. И въ какую даль этотъ чело-вѣкъ забрался, какія уже перевидалъ страны, и что онъ дѣлаетъ тутъ, ночью, въ горахъ, — и отчего все въ мирѣ такъ странно, такъ волнительно. «Волнительно», — повторилъ громко Мартынъ и остался словомъ доволенъ. Опять покатила звѣзда. Онъ уставился глазами въ небо, какъ нѣкогда, когда въ коляскѣ, темной лѣсной дорогой, возвращались во-свояси изъ имѣнія сосѣда, и совсѣмъ маленькой, размазнявый, готовый вотъ-вотъ уснуть, Мартынъ откидывалъ голову, смотрѣлъ на небесную рѣку, между древесныхъ клубьевъ, по которой тихо плылъ. Онъ подумалъ: гдѣ еще въ жизни будетъ такъ — какъ тогда, какъ сейчасъ — смотрѣть на ночное небо, — на какой пристани, на какой станціи, на какихъ площадяхъ? Чувство богатого одиночества, которое онъ часто испытывалъ среди толпы, блаженное чувство, когда себѣ говоришь: вотъ, никто изъ этихъ людей, занятыхъ своимъ дѣломъ, не знаетъ, кто я, откуда, о чемъ сейчасъ думаю, — это чувство было необходимо для полнаго счастья, и Мартынъ, съ замираніемъ, съ восторгомъ себѣ представлялъ, какъ — совершенно одинъ, въ чужомъ городѣ, въ Лондонѣ, скажемъ, — будетъ бродить ночью по неизвѣстнымъ улицамъ. Онъ видѣлъ черные кэбы, хлюпающіе въ туманѣ, полицейскаго въ черномъ блестящемъ плащѣ, огни на Темзѣ, — и другіе образы изъ англійскихъ книгъ. Оставивъ багажъ на вокзалѣ, онъ шелъ мимо безчисленныхъ освѣщенныхъ Дрюсовъ и, волнуясь, искалъ Изабеллу, Нину, Маргариту, кого-нибудь, чьимъ именемъ назвать эту ночь. А она, —

за кого она его приметъ? За художника, за моряка, за джентльмена-взломщика? Отъ денегъ она откажется, будетъ нѣжна, по утру не захочетъ отлустить. Но какъ улицы туманны, какъ многочисленны, какъ трудно найти... И хотя многое выглядѣло иначе, хотя кэбы уже повиымерли, кое-что онъ все же узналъ, когда осеннимъ вечеромъ вышелъ налегкѣ съ вокзала Викторіи, узналъ темный, маслянистый воздухъ, мокрый плащъ полицейскаго, отблески, шлепающіе звуки. На вокзалѣ онъ отлично вымылся подъ душемъ въ веселенькой чистой каморкѣ, вытерся теплымъ, мохнатымъ полотенцемъ, которое принесъ красношекій служитель, надѣлъ чистое бѣлье, лучший костюмъ, оставилъ оба чемодана на храненіи и теперь былъ гордъ, что такъ толково устроился. Онъ едва чувствовалъ дорожную усталость: была только звонкость, волненіе. Громадные автобусы яростно и тяжело разбрызгивали озера на асфальтѣ; свѣтотыя рекламы взбѣгали и разсыпались по фронтонамъ багровыхъ домовъ. Онъ встрѣчалъ, обгонялъ женщинъ, оборачивался, — но чѣмъ красивѣе было лицо, тѣмъ труднѣе было рѣшиться. Свѣтлыхъ, привлекательныхъ кафе, какъ въ Афинахъ или въ Лозаннѣ, тутъ не было, а въ барѣ, гдѣ онъ вынулъ стаканъ пива, оказались одни мужчины, воспаленные, лупоглазые, съ красными жилками на бѣлкахъ. Мало-по-малу имъ овладѣвало смутное раздраженіе: русская семья, у которой по письменномуговору онъ долженъ былъ на недѣлю остановиться, вотъ сейчасъ ждетъ его, беспокоится. Онъ подумалъ, не сѣсть ли спокойно въ таксомоторъ, не отказаться ли отъ этой ночи. Но тутъ же ему стало стыдно его недоувѣрчивости къ ней, — какъ напряженно онъ о ней мечталъ нынче на разсвѣтѣ, глядя въ окно поѣзда на равнины, на розовое холодное небо, на черный силуэтъ вѣтряной мельницы. «Малодушіе и предательство», — тихо сказалъ Мартынъ. Онъ замѣтилъ, что во второй разъ проходить той же улицей, узналъ ее по витринѣ, полной жемчужныхъ ожерелій. Онъ сталъ и мелькомъ провѣрилъ давнее свое

отвращеніе къ жемчугамъ: устричные геморроиды, круглявые, съ нездоровымъ отливомъ. Рядомъ съ нимъ оставилась женщина подъ зонтикомъ. Мартынъ искоса посмотрѣлъ: худенькая, черный костюмъ, сіяющая булавка въ шляпѣ. Она повернула лицо, улыбнулась и, выпучивъ губы, издала маленькій звукъ вродѣ удлиненаго «у». Мартынъ увидѣлъ, какъ въ ея глазахъ бѣгутъ огни, переливы, блескъ дождя, и хриплымъ шопотомъ пожелалъ ей добраго вечера.

Какъ только они оказались въ темнотѣ таксомотора, онъ обнялъ ее, шалѣя отъ ощущенія ея гибкой худобы. Она закрывалась руками и хохотала. Потомъ, въ номерѣ, когда онъ челоуко вынулъ бумажникъ, она сказала: «Нѣтъ, нѣтъ, если хотите, завтра поведете меня обѣдать въ шикарное мѣсто». Она спросила, кто онъ, не французъ ли, и стала по его просьбѣ гадать: бельгіецъ? датчанинъ? голландецъ? И не повѣрила, когда онъ сказалъ: русскій. Далѣе онъ намекнулъ ей, что зарабатываетъ жизнь карточной игрой на большихъ пароходахъ, повѣдалъ ей о своихъ странствіяхъ, кое-что расцвѣтилъ, кое-что прибавилъ и, описывая никогда имъ невиданный Неаполь, глядѣлъ съ любовью на ея голыя дѣтскія плечи, на стриженую русую голову, и былъ совершенно счастливъ. Рано утромъ, пока онъ мирно спалъ, она быстро одѣлась и ушла, выкрывъ изъ его бумажника десять фунтовъ. «Утро послѣ дебоша», — съ улыбкой подумалъ Мартынъ, захлопнувъ бумажникъ, который поднялъ съ полу. Онъ облился изъ кувшина, устроивъ потопъ, и все улыбался, вспоминая прелестную ночь. Было немного жалко, что она такъ глупо ушла, что больше никогда онъ ее не встрѣтитъ. А звалъ ее Бэссъ. Когда же онъ вышелъ изъ гостиницы и пошелъ по утреннимъ просторнымъ улицамъ, то ему хотѣлось прыгать и пѣть отъ счастья, и, чтобы какъ-нибудь облегчить душу, онъ взобрался на лѣсенку, прислоненную къ фонарю, изъ-за чего имѣлъ долгое и смѣшное объясненіе съ пожилымъ прохожимъ, грозившимъ снизу тростью.

XIII.

Второй нагоняй онъ получилъ отъ Зилановой, Ольги Павловны. Наканунѣ она прождала его до поздняго вечера и, такъ какъ полагала почему-то, что Мартынъ и молоде и безпомощнѣе, чѣмъ оказался на самомъ дѣлѣ, разволновалась, не знала, что предпринять. Онъ объяснилъ, что вчера хватился адреса, а нашелъ его только сегодня въ мало посѣщаемомъ карманчикѣ, и что ночевалъ въ гостиницѣ у вокзала. Ольга Павловна захотѣла узнать, почему онъ не позвонилъ по телефону, и какъ называется гостиница. Мартынъ придумалъ хорошее, незаурядное названіе: Гудъ-Найтъ Отель, — и объяснилъ, что искалъ въ телефонной книжкѣ номеръ, но не нашелъ. «Эхъ, вы», — недовольно сказала Зиланова и вдругъ улыбнулась изумительно прекрасной улыбкой, совершенно преобразившей ея дряблѣе, унылое лицо. Мартынъ помнилъ эту улыбку еще по Петербургу, и такъ какъ онъ былъ тогда дитя, а говоря съ чужими дѣтьми женщины обычно улыбаются, его память сохранила Зиланову съ сіяющимъ лицомъ, и онъ на-первяхъ былъ озадаченъ, найдя ее такой старой и хмурой.

Ея мужъ, извѣстный общественный дѣятель, былъ временно въ отъѣздѣ, и Мартына помѣстили въ его кабинетъ. Кабинетъ и столовая находились въ первомъ этажѣ, гостиная во второмъ, спальни въ третьемъ. Изъ такихъ узко-фасадныхъ домовъ, другъ отъ друга неотличимыхъ, и съ одинаковымъ расположеніемъ комнатъ по вертикали. состояла вся эта тихая, неторговая улица, оживленная красной почтовой тумбицей на углу. Позади праваго ряда домовъ были палисадники, гдѣ лѣтомъ цвѣли рододендроны, а за лѣвымъ рядомъ желтѣлъ и облеталъ скверъ съ большими ильмами и съ муравчатой площадкой для тенниса.

Старшая дочь Зиланова, Нелли, недавно вышла замужъ

за русскаго офицера, понавшаго въ Англію изъ нѣмецкаго плѣна. Младшая, Соня, кончала въ Лондонѣ среднюю школу, куда неожиданно перешла изъ пятаго класса Стоюнинской гимназіи. Существовала еще сестра Зилановой, Елена Павловна, и ея дочка Ирина, несчастное безобразное существо - полуидіотка.

Недѣля, которую Мартынь, примѣриваясь къ Англіи, прожилъ въ этомъ домѣ, показалась ему довольно тягостной. День-деньской онъ былъ среди чужихъ, его не отпускали ни на шагъ. Соня донимала его тѣмъ, что высмѣивала его гардеробъ, сорочки съ крахмальными манжетами и твердой грудью, любимые ярко-лиловые носки, оранжевые башмаки съ шишковатыми носами, купленные въ Афинахъ. «Это американскіе», — съ нарочитымъ спокойствіемъ сказалъ Мартынь. «Американцы ихъ специально дѣлаютъ, чтобы продавать неграмъ да русскимъ», — бойко возразила Соня. Далѣе оказалось, что Мартынь не привезъ халата, и, когда онъ по утрамъ шелъ въ ванную, гордо закутанный въ простыню, Соня говорила, что это ей напоминаетъ ея двоюродныхъ братьевъ и товарищей ихъ, лицеистовъ, которые, гостя на дачѣ, спали нагишомъ, ходили по утрамъ въ простыняхъ и гадили въ саду. Кончилось тѣмъ, что Мартынь накопилъ въ Лондонѣ столько вещей, что десяти фунтовъ не хватило, и пришлось писать дядѣ, а это было особенно неприятно въ виду туманныхъ объясненій, которыхъ потребовало исчезновеніе другихъ десяти фунтовъ. Да, тяжелая, неудачная недѣля. Вѣдь и англійское произношеніе, которымъ Мартынь тихо гордился, тоже послужило поводомъ для изысканно насмѣшливыхъ поправокъ. Такъ, совершенно неожиданно, Мартынь попалъ въ неучи, въ недоросли, въ маменькины сынки. Онъ считалъ, что это несправедливо, что онъ въ тысячу разъ больше перечувствовалъ и испыталъ, чѣмъ барышня въ шестнадцать лѣтъ. И съ нѣкоторымъ злорадствомъ онъ расколошматилъ на теннисѣ какихъ-то ея молодыхъ людей, а вечеромъ, накануне отъѣзда, превосход-

но танцеваль подь гавайскій плачь граммофона тустэпъ, которому научился еще въ Средиземномъ морѣ.

Въ Кембриджѣ онъ и подавно почувствовалъ себя иностранцемъ. Встрѣчаясь съ англичанами-студентами, онъ, дивясь, отвѣчалъ свое несомнѣнное русское нутро. Отъ полуанглійскаго дѣтства у него остались только такія вещи, которыя у коренныхъ англичанъ, его сверстниковъ, читавшихъ въ дѣтствѣ тѣ же книги, затуманились, уложились въ должную перспективу, — а жизнь Мартына въ одномъ мѣстѣ круто повернула, пошла по другому пути, и тѣмъ самымъ обстановка и навыки дѣтства получили для него привкусъ нѣкоторой сказочности, и какая-нибудь книга, любимая въ тѣ дни, оставалась по сейчасъ въ его памяти прелестнѣе и ярче, чѣмъ та же книга въ памяти сверстниковъ-англичанъ. Онъ помнилъ и говорилъ словечки, которыя десять лѣтъ назадъ были въ ходу среди англійскихъ школьниковъ, а нынѣ считались либо вульгарными, либо до смѣшнаго старомодными. Синимъ пламенемъ пылающій пламъ-пуддингъ подавался въ Петербургѣ не только на Рождествѣ, какъ въ Англіи, а въ любой день, и, по мнѣнію многихъ, у повара Эдельвейсовъ онъ выходилъ лучше, чѣмъ покупные. Въ футболъ петербуржцы играли на твердой землѣ, а не на дернѣ, и штрафной ударъ обозначался неизвѣстнымъ въ Англіи словомъ «пендель». Цвѣта полосатой курточки, купленной когда-то у Дрюса, Мартынъ бы теперь не смѣлъ носить, такъ какъ они отвѣчали спортивной формѣ опредѣленнаго училища, воспитанникомъ котораго онъ никогда не состоялъ. И вообще все это англійское, довольно въ сущности случайное, пролѣживалось сквозь настоящее, русское, принимало особые русскіе оттѣнки.

XIV.

На заднемъ планѣ первыхъ кембриджскихъ ощущеній все время почему-то присутствовала великолѣпная осень, которую онъ только-что видѣлъ въ Швейцаріи. По утрамъ

нѣжный туманъ заволакивалъ Альпы. Гроздь рябины лежала посреди дороги, гдѣ колеи были подернуты слюдянымъ ледкомъ. Ярко-желтая листва березъ скудѣла съ каждымъ днемъ, несмотря на безвѣтріе, и съ задумчивымъ весельемъ глядѣло сквозь нее бирюзовое небо. Рыжѣли пышные папоротники; плыли по воздуху радужныя паутинки, которыя дядя Генрихъ называлъ волосами Богородицы. Иногда Мартынъ поднималъ голову, думая, что слышитъ далекое, далекое курлыканіе журавлей, — но ихъ не было. Онъ много бродилъ, чего-то искалъ, ѣздилъ на скверномъ велосипедѣ одного изъ работниковъ по шелестымъ тропинкамъ, а Софья Дмитріевна, сидя на скамейкѣ подъ кленомъ, задумчиво прокалывала остриемъ трости сырые багровые листья на бурой землѣ. Такой разнообразной и дикой красоты не было въ Англии, природа казалась оранжерейной, ручной; въ геометрическихъ садахъ, подъ морозящимъ небомъ, она умирала безъ роскошныхъ причудъ, но по-своему были прекрасны розовато-сѣрыя стѣны, прямоугольные газоны, покрытые въ рѣдкія погожія утра блѣднымъ серебромъ ицея и выгнутый каменный мостикъ надъ узкой рѣчкой, образовавшей полный кругъ со своимъ совершеннымъ отраженіемъ.

Ни скверная погода, ни ледяная стужа спалили, гдѣ традиція запрещала топить, не могли измѣнить мечтательную жизнерадостность Мартына. Одиночество веселило его. Свою рабочую комнату, жаркій каминъ, пыльную піанолу, безобидныя литографіи по стѣнамъ, низкія плетенныя кресла и дешевыя фарфоровыя штучки на полочкахъ, — все это онъ отъ души любилъ. Когда, поздно вечеромъ, умирало священное пламя камина, онъ кочергой сучивалъ мелкіе, еще тлѣющіе остатки, накладывалъ сверху щепокъ, наваливалъ гору угля, раздувалъ огонь фукающими мѣхами или, занавѣсивъ ластъ очага просторнымъ листомъ «Таймсъ», устраивалъ тягу: напряженный листъ пріобрѣталъ теплую прозрачность, и строки на немъ, мѣшаясь съ просвѣчивающими строками на исподѣ, казались

диковинными знаками тарабарскаго языка. Затѣмъ, когда гуль и бушеваніе огня усиливались, на газетномъ листѣ появлялось рыжее, темнѣющее пятно и вдругъ прорывалось, вспыхивалъ весь листъ, тяга мгновенно его всасывала, онъ улеталъ въ трубу, и поздній прохожій, магистръ въ черномъ плащѣ, видѣлъ сквозь сумракъ готической ночи, какъ изъ трубы вырывается въ звѣздную высь огневласая вѣдма, и на другой день Мартынъ плащилъ денежный штрафъ.

Будучи одаренъ живымъ и общительнымъ нравомъ, Мартынъ оставался одинъ недолго. Довольно скоро онъ подружился съ нижнимъ жильцомъ, Дарвиномъ, да познакомился кое-съ-къмъ на футбольномъ полѣ, въ клубѣ, въ общей столовой. Онъ замѣтилъ, что всякій считаетъ должнымъ говорить съ нимъ о Россіи, выяснитъ, что онъ думаетъ о революціи, объ интервенціи, о Ленинѣ и Троцкомъ, а иные, побывавшіе въ Россіи, хвалили русское хлѣбосольство или спрашивали, не знаетъ ли онъ случайно Иванова изъ Москвы. Мартыну такіе разговоры претили; небрежно взявъ со стола томъ Пушкина, онъ начиналъ переводить вслухъ стихи: «Люблю я пышное природы увяданье, въ багрець и золото одѣтые лѣса». Это возбуждало недоумѣніе, — и только одинъ Дарвинъ, большой, сонный англичанинъ въ канареечно-желтомъ джемперѣ, развалясь въ креслѣ, сопя трубкой и глядя въ потолокъ, одобрительно кивалъ.

Этотъ Дарвинъ, зачастивъ вечерами къ Мартыну, подробно освѣтилъ, ему въ назиданіе, нѣкоторыя строгія, исконныя правила: не полагается студенту ходить по улицѣ въ шляпѣ и въ пальто, какъ бы холодно ни было; нельзя ни здороваться за руку, ни желать добраго утра, а слѣдуетъ всякаго знакомаго, будь онъ самъ Томпсонъ, объявившій войну атому, привѣтствовать широкой улыбкой и развязнымъ междомстіемъ. Нехорошо кататься по рѣкѣ въ обыкновенной гребной лодкѣ, — для этого есть роброн, пироги и другіе виды шлюпокъ. Никогда не нужно

повторять старыя университетскія остроты, которыми сразу увлекаются новички. «Но помните, — мудро добавил Дарвинъ, — и въ соблюденіи этихъ традицій не слѣдуетъ заходить слишкомъ далеко, и иногда, чтобы огорчить снобовъ, бываетъ полезно выйти на улицу въ котелкѣ, съ зонтикомъ подмышкой». У Мартына создалось впечатлѣніе, что Дарвинъ уже давно, нѣсколько лѣтъ, въ университетѣ, и онъ пожалѣлъ его, какъ жалѣлъ всякаго домосѣда. Дарвинъ его поражалъ своей сонностью, медлительностью движеній, какой-то комфортабельностью всего существа. Стремясь въ немъ возбудить зависть, Мартынъ нахрапомъ ему рассказалъ о своихъ странствіяхъ, безсознательно прибавивъ кое-что изъ присочиненнаго въ угоду Бэссъ, и едва замѣтивъ, какъ вымыселъ утвердился. Эти преувеличенія были впрочемъ невиннаго свойства: два-три пикника на крымской Яйлѣ превратились въ постоянно бродяжничество по степямъ, съ палкой и котомкой, Алла Черносвитова — въ таинственную спутницу поѣздокъ на яхтѣ, прогулки съ ней — въ долгое пребываніе на одномъ изъ греческихъ острововъ, а лиловая черта Сициліи — въ сады и виллы. Дарвинъ одобрительно кивалъ, глядя въ потолокъ. Глаза у него были голубоватые, пустые, безъ всякаго выраженія; подошвы, которыя онъ всегда казалъ, такъ какъ любилъ полужелезачія позы, съ высоко и удобно пристроенными ногами, были снабжены сложной системой резиновыхъ нашлапокъ. Все въ немъ, начиная отъ этихъ прочно подкованныхъ ногъ и кончая костистымъ носомъ, было добротно, велико и невозмутимо.

XV.

Раза три въ мѣсяцъ Мартына призывалъ тотъ профессоръ, который слѣдилъ за посѣщеніемъ лекцій, навѣщаль въ случаѣ нездоровія, давалъ разрѣшеніе на поѣздки въ Лондонъ и дѣлалъ замѣчанія по поводу штрафовъ, навлекаемыхъ приходомъ домой за-полночь или неношеніемъ

по вечерамъ академическаго плаща. Это былъ сухонькій старичекъ, съ вывернутыми ступнями и острымъ взглядомъ, латинистъ, переводчикъ Горация, большой любитель устриць. «Вы сдѣлали успѣхи въ языкѣ, — какъ-то сказала онъ Мартыну. — Это хорошо. Много ли у васъ уже набралось знакомыхъ?» «О, да», — отвѣтилъ Мартынъ. «А съ Дарвиномъ, на примѣръ, вы подружились?» «О, да», — повторилъ Мартынъ. «Я радъ. Это великолѣпный экземпляръ. Три года въ окопахъ, Франція и Месопотамія, крестъ Викторіи и ни одного ушиба, ни нравственнаго, ни физическаго. Литературная удача могла бы вскружить ему голову, но и этого не случилось».

Кромѣ того, что Дарвинъ, прервавъ университетское ученіе, ушелъ восемнадцати лѣтъ на войну, а недавно выпустилъ книгу рассказовъ, отъ которыхъ знатоки безъ ума, Мартынъ услышалъ, что онъ первоклассный боксеръ, что дѣтство онъ провелъ на Мадерѣ и на Гавайскихъ островахъ, и что его отецъ — извѣстный адмиралъ. Собственный маленькій опытъ показался Мартыну ничтожнымъ, жалкимъ, онъ устыдился нѣкоторыхъ своихъ рассказовъ. Когда вечеромъ къ нему ввалился Дарвинъ, было и смѣшно, и неловко. Онъ принялся исподволь выуживать про войну, про книгу, — и Дарвинъ отшучивался и говорилъ, что лучшая книга, имъ написанная, это маленькое пособіе для студентовъ, которое называлось такъ: «Полное описаніе шестидесяти семи способовъ проникнуть въ колледжъ Троицы послѣ закрытія воротъ, съ подробнымъ планомъ стѣнъ и рѣшетокъ, первое и послѣднее изданіе, множество разъ проверенное ни разу не попавшимся авторомъ». Но Мартынъ настаивалъ на своемъ, на важномъ, на книгѣ рассказовъ, отъ которыхъ знатоки безъ ума, и наконецъ Дарвинъ сказалъ: «Ладно, я дамъ. Пойдемъ ко мнѣ въ логово».

Свое логово онъ обставилъ самъ по собственному вкусу: были тамъ какія-то сверхъестественно удобныя кожаныя кресла, въ которыхъ тѣло таяло, углубляясь въ по-

датливую бездну, а на каминѣ стояла большая фотографія: разомлѣвшая, на боку лежащая сука и круглые наливные задки съ шестерыхъ сосунковъ. Да и вообще студенческихъ комнатъ Мартынъ уже перевидалъ немало: были такія, какъ его, — милыя, но жильцомъ не холеныя, съ чужими, хозяйскими, вещами, — была комната спортсмена съ серебряными трофеями на каминѣ и сломанымъ весломъ на стѣнѣ, была комната, заваленная книгами, засыпанная пепломъ, была, наконецъ, комната, гаже которой трудно сыскать, — почти пустая, съ яркожелтыми обоями, комната, гдѣ всего одна картина, но зато Сезаннъ, (эскизъ углемъ, женообразная загогулина), да стоитъ раскрашенный деревянный епископъ четырнадцатаго вѣка съ протянутой культяпкой. Душевиѣй всѣхъ была комната Дарвина, особенно если присмотрѣться, пошарить: чего стоило, напримѣръ, собраніе номеровъ газеты, которую Дарвинъ издавалъ въ траншеяхъ: газета была веселая, бодрая, полная смѣшныхъ стиховъ, Богъ знаетъ, какъ и гдѣ набиралась, и въ ней помѣщались ради красоты случайныя клише, рекламы дамскихъ корсетовъ, найденныя въ разгромленныхъ типографіяхъ.

«Вотъ, — сказалъ Дарвинъ, доставъ книгу. - - Бери».

Книга оказалась замѣчательной; не рассказы, нѣтъ, — скорѣе трактаты, — двадцать трактатовъ одинаковой длины; первый назывался «Штопоръ», и въ немъ содержались тысячи занятныхъ вещей о штопорахъ, объ ихъ исторіи, красотѣ и добродѣтеляхъ. Второй былъ о попугаяхъ, третій объ игральныхъ картахъ, четвертый объ адскихъ машинахъ, пятый объ отраженіяхъ въ водѣ. А одинъ былъ о поѣздахъ, и въ немъ Мартынъ нашелъ все, что любилъ — телеграфныя столбы, обрывающіе взлетъ проводовъ, вагонъ-ресторанъ, эти бутылки минеральной воды, съ любопытствомъ глядяція въ окно на пролетающія деревья, этихъ лакеевъ съ сумасшедшими глазами, эту карликовую кухню, гдѣ потный поваръ въ бѣломъ колпакѣ, шатаясь, панируетъ рыбу.

Если бь когда-нибудь Мартынь думалъ стать писателемъ и былъ бы мучимъ писательской алчностью (столь родственной боязни смерти), постоянной тревогой, которая нудитъ запечатлѣть неповторимый пустякъ, — быть можетъ, страницы о мелочахъ, ему сокровенно знакомыхъ, возбудили бы въ немъ зависть и желаніе написать еще лучше. Въмѣсто этого онъ почувствовалъ такое теплое расположеніе къ Дарвину, что даже стало щекотно въ глазахъ. Когда же утромъ, идя на лекцію, онъ обогналъ его на углу, то, не глядя ему въ лицо, сказалъ, вполне корректно, что многосъ въ книгѣ ему понравилось, и молча пошелъ съ нимъ рядомъ, подлаживаясь подъ его лѣнливый, но машистый шагъ.

Аудиторіи разбѣяны были по всему городу. Ежели одна лекція сразу слѣдовала за другой, и онъ читались въ разныхъ залахъ, то приходилось вскакивать на велосипедъ или поспѣшно топотать переулками, пересѣкать гулко-мощные дворы. Чистыми голосами перекликались со всѣхъ башенъ куранты; по узкимъ улицамъ несея грохотъ моторовъ, стрекотаніе колесъ, звонки. Во время лекцій велосипеды сверкающимъ роємъ ластились къ воротамъ, ожидая хозяевъ. На кафедру всходилъ лекторъ въ черномъ плащѣ и со стукомъ клалъ на пюпитръ квадратную шапку съ кисточкой.

XVI.

Поступая въ университетъ, Мартынь долго не могъ избрать себѣ науку. Ихъ было такъ много, и всѣ — занимательныя. Онъ медлил на ихъ окраинахъ, всюду находить тотъ же волшебный источникъ живой воды. Его волновать какой-нибудь повисшій надъ альпійской бездною мостъ, одушевленная сталь, божественная точность расчета. Онъ понималъ того впечатлительнаго археолога, который, расчистивъ ходъ къ еще неизвѣстнымъ гробамъ и

сокровищамъ, постучался въ дверь, прежде, чѣмъ войти, и, войдя, упалъ въ обморокъ. Прекрасны свѣтъ и тишина лабораторій: какъ хорошій ныряльщикъ скользитъ сквозь воду съ открытыми глазами, такъ, не папрягая вѣкъ, глядитъ физиологъ на дно микроскопа, и медленно начинаютъ багровѣть его шея и лобъ, — и онъ говоритъ, оторвавшись отъ трубки: «Все найдено». Человѣческая мысль, летающая на транспіяхъ звѣздной вселенной, съ протянутой подъ ней математикой, похожа была на акробата, работающаго съ сѣткой, но вдругъ замѣчающаго, что сѣтки въ сущности нѣтъ, — и Мартынъ завидоваль тѣмъ, кто доходитъ до этого головокруженія и новой выкладкой превозмогаетъ страхъ. Предсказать элементъ или создать теорію, открыть горный хребетъ или назвать новаго звѣря, — все было равно заманчиво. Въ наукѣ исторической Мартыну нравилось то, что онъ могъ ясно вообразить, и потому онъ любилъ Карляйля. Плохо запоминая даты и пренебрегая обобщеніями, онъ жадно выискиваль живое, человѣческое, принадлежащее къ разряду тѣхъ изумительныхъ подробностей, которыми грядущія поколѣнія, пожалуй, пресытятся, глядя на старья, морозящія фильмы нашихъ временъ. Онъ живо себѣ представляль дрожащій бѣлый дѣнь, простоту черной гильотины, и неуклюжую возню на помостѣ, гдѣ палачи тискають голоплечаго толстяка, межъ тѣмъ, какъ въ толпѣ добродушный гражданинъ поднимаетъ подъ локотки любопытную, но низкорослую гражданку. Наконецъ, были науки, довольно смутныя: правовыя, государственныя, экономическія туманы; они устрашали его тѣмъ, что искра, которую онъ во всемъ любилъ, была въ нихъ слишкомъ далеко запрятана. Не зная, на что рѣшиться, что выбрать, Мартынъ постепенно отстраниль все то, что могло бы слишкомъ ревниво его завлечь. Оставалась еще словесность. Были и въ ней для Мартына намекы на блаженство; какъ пронзала пустая бесѣда о погодѣ и спортѣ между Гораціемъ и Меценатомъ или грусть стараго Лира, произносящаго жеманныя име-

на дочернихъ левретокъ, лающихъ на него! Такъ же, какъ въ Новомъ Завѣтѣ Мартынъ любилъ набрести на «зеленую траву», на «кубовый хитонъ», онъ въ литературѣ искалъ не общаго смысла, а неожиданныхъ, озаренныхъ прогалинь, гдѣ можно было вытянуться до хруста въ суставахъ и упоенно замереть. Читалъ онъ чрезвычайно много, но больше перечитывалъ, а въ литературныхъ разговорахъ бывали съ нимъ несчастные случаи: онъ разъ спуталъ, напримѣръ, Плутарха съ Петраркой и разъ назвалъ Кальдерона шотландскимъ поэтомъ. Расшевелить его удавалось не всякому писателю. Онъ оставался холоденъ, когда, по дядиному совѣту, читалъ Ламартина, или когда самъ дядя декламировалъ со вскрипомъ «*Oзеро*», качая головой и удрученно приговаривая «*Comme c'est beau!*» Перспектива изучать многословныя, водянистыя произведенія и вліяніе ихъ на другія многословныя, водянистыя произведенія была мало прельстительна. Такъ бы онъ, пожалуй, ничего не выбралъ, если бъ все время, что то не шептало ему, что выборъ его несвободенъ, что есть одно, чѣмъ онъ заниматься обязанъ. Въ великолѣпную швейцарскую осень онъ впервые почувствовалъ, что въ концѣ концовъ онъ изгнанникъ, обреченъ жить внѣ родного дома. Это слово «изгнанникъ» было сладчайшимъ звукомъ: Мартынъ посмотрѣлъ на черную еловую ночь, ощутилъ на своихъ щекахъ байронову блѣдность и увидѣлъ себя въ плащѣ. Этотъ плащъ онъ надѣлъ въ Кембриджѣ, даромъ, что былъ онъ легонькій, изъ прозрачноватой на свѣтъ матеріи, со многими сборками, и съ крылатыми полурукавами, которые закидывались за плечи. Блаженство духовнаго одиночества и дорожныя волненія получили новую значительность. Мартынъ словно подобралъ ключъ ко всѣмъ тѣмъ смутнымъ, дикимъ и нѣжнымъ чувствамъ, которыя осаждали его.

Профессоромъ русской словесности и исторіи былъ въ ту пору безызывѣстный Арчибалдъ Мунъ. Въ Россіи онъ прожилъ довольно долго, всюду побывалъ, всѣхъ зналъ,

все перевидѣлъ. Теперь: черноволосый, блѣдный, въ пенс-не на тонкомъ носу, онъ безшумно проѣзжалъ на велосипедѣ съ высокимъ рулемъ, сидя совсѣмъ прямо, а за обѣдомъ, въ знаменитой столовой съ дубовыми столами и огромными цвѣтными окнами, вертѣлъ головой, какъ птица, и быстро, быстро крошилъ длинными пальцами хлѣбъ. Говорили, единственно, что онъ въ мѣръ любитъ, это — Россія. Многіе же понимали, почему онъ тамъ не остался. На вопросы такого рода Мунъ неизмѣнно отвѣчалъ: «Справьтесь у Робертсона» (это былъ востоковѣдъ) «почему онъ не остался въ Вавилонѣ». Возражали вполне резонно, что Вавилона уже нѣтъ. Мунъ кивалъ, тихо и хитро улыбаясь. Онъ усматривалъ въ октябрьскомъ переворотѣ нѣкій отчетливый конецъ. Охотно допуская, что со временемъ образуется въ совѣтскомъ союзѣ, пройдя черезъ первобытныя фазы, извѣстная культура, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ утверждалъ, что Россія завершена и неповторима. — что ее можно взять, какъ прекрасную амфору, и поставить подъ стекло. Печной горшокъ, который тамъ теперь обжигался, ничего общаго съ нею не имѣлъ. Гражданская война представлялась ему нелѣпой: одни бьются за призракъ прошлаго, другіе за призракъ будущаго, — межъ тѣмъ, какъ Россію потихоньку укралъ Арчибалдъ Мунъ и заперъ у себя въ кабинетъ. Ему нравилась ее завершенность. Она была расцвѣчена синевою водъ и прозрачнымъ пурпуромъ пушкинскихъ стиховъ. Вотъ уже скоро два года, какъ онъ писалъ на англійскомъ языкѣ ея исторію, и надѣялся всю ее уложить въ одинъ толстенькій томъ. Эпиграфъ изъ Китаю, первая строка его «Урны» («Созданіе красоты — радость навѣки»), гончайшая бумага, мягкій сафьяновый переплетъ. Задача была трудная: найти гармонію между эрудиціей и тѣсной живописной прозой, дать совершенный образъ одного округлаго тысячелѣтія.

XVII.

Арчибальдъ Мунъ поразилъ и очаровалъ Мартына. Его медленный русскій языкъ, изъ котораго онъ годами терпѣнія вытравилъ послѣдній отзвукъ англійской гортанности, былъ плавенъ, простъ и выразителенъ. Его знанія отличались живостью, точностью и глубиной. Онъ вслухъ читалъ Мартыну такихъ русскихъ поэтовъ, коихъ тотъ не зналъ даже и по имени. Придерживая страницу длинными, чуть дрожащими пальцами, Арчибальдъ Мунъ источалъ четырехстопные ямбы. Комната была въ полумракѣ, свѣтъ лампы выхватывалъ только страницу да лицо Муна, съ блѣднымъ лоскомъ на скулахъ, тремя тонкими бороздками на лбу и прозрачно-розовыми ушами. Дочитавъ, онъ сжималъ узкія губы, осторожно, какъ стрекозу, снималъ пенснэ и замшей вытиралъ стекла. Мартынъ сидѣлъ на краешкѣ кресла, держа свою черную квадратную шапку на колѣняхъ. «Ради Бога, снимите плащъ, отложите куда-нибудь эту шапку, — болѣзненно морщась, говорилъ Мунъ. — Неужели вамъ нравится мять эту кисточку? Отложите, отложите...» Онъ подталкивалъ къ Мартыну стеклянную папиросницу съ гербомъ колледжа на серебряной крышкѣ или вынималъ изъ шкапа въ стѣнѣ бутылку виски, сифонъ, два стакана. «А вотъ скажите, какъ называются тамошнія телѣги, въ которыхъ развозятъ виноградъ?» — спрашивалъ онъ, вздрагивая головой, и, выяснивъ, что Мартынъ не знаетъ: «Можары, можары, сэръ», — говорилъ онъ со смакомъ, — и неизвѣстно, что доставляло ему больше удовольствія, то ли, что онъ знаетъ Крымъ лучше Мартына, или то, что ему удастся произнести съ русскимъ экающимъ выговоромъ словечко «сэръ». Онъ радостно сообщалъ, что «хулиганъ» происходитъ отъ названія шайки ирландскихъ разбойниковъ, а что островъ «Голодай» не отъ голода, а отъ имени англи-

чанина Холидея, построившаго тамъ заводъ. Когда однажды Мартынь, говоря о какомъ-то невѣжественномъ журналистѣ (которому Мунъ отвѣтилъ грознымъ письмомъ въ «Таймзъ»), сказала, что «журналистъ вѣроятно сдрейфилъ», Мунъ поднялъ брови, справился въ словарь и спросилъ Мартына, не живалъ ли онъ въ Поволжьѣ, — а когда, по другому случаю, Мартынь употребилъ слово «угробить», Мунъ разсердился и крикнулъ, что такого слова по-русски нѣтъ и быть не можетъ. «Я его слышалъ, его знаютъ всѣ», — робко проговорилъ Мартынь, и его поддержала Соня, которая сидѣла на кушеткѣ рядомъ съ Ольгой Павловной и смотрѣла не безъ любопытства, какъ Мартынь хозяйничаетъ. «Русское словообразование, рожденіе новыхъ словъ, — сказала Мунъ, обернувшись вдругъ къ улыбающемуся Дарвину, — кончилось вмѣстѣ съ Россіей, то-есть два года тому назадъ. Все послѣдующее — благая музыка». «Я по-русски не понимаю, переведите» — отвѣтилъ Дарвинъ. «Да, мы все время сбиваемся, — сказала Зиланова. — Это нехорошо. Пожалуйста, господа, по-англійски». Мартынь межъ тѣмъ приподнялъ металлическій куполь съ горячихъ гренокъ и пирожковъ (которые слуга принесъ изъ колледжской кантины), проверилъ, то ли доставили, и придвинулъ блюдо поближе къ пылающему камину. Кромѣ Дарвина и Муна, онъ пригласилъ русскаго студента, котораго всѣ называли просто по имени — Вадимъ, — и теперь не зналъ, ждать ли его или приступать къ чаепитію. Это былъ первый разъ, что Зиланова съ дочерью пріѣхала навѣстить его, и онъ все боялся насмѣшки со стороны Соня. Она была въ темно-синемъ костюмѣ и въ крѣпкихъ коричневыхъ башмачкахъ, длинный язычекъ которыхъ, пройдя внутри, подъ шнуровкой, откидывался и, прикрывая шнуровку сверху, заканчивался кожаной бахромой; стриженные, жестковатые на видъ, черные волосы ровной чолкой находили на лобъ; къ ея тускло-темнымъ, слегка раскосымъ глазамъ странно шли ямки на блѣдныхъ щекахъ. Утромъ, когда

Мартынъ встрѣтилъ ее и Ольгу Павловну на вокзалѣ, и потомъ, когда онъ показывалъ имъ старинные дворы, фонтанъ, аллеи исполинскихъ голыхъ деревьевъ, изъ которыхъ съ карканьемъ тяжело и неряшливо вымахивали вороны, Соня была молчалива, чѣмъ-то недовольна, говорила, что ей холодно. Глядя черезъ каменные перила на рябую рѣчку, на матово-зеленые берега и сѣрые башни, она прищурилась и освѣдомилась у Мартына, собирается ли онъ ѣхать къ Юденичу. Мартынъ удивленно отвѣтилъ, что нѣтъ. «А вонъ то, розоватое, что это такое?» «Это зданіе библіотеки», — объяснилъ Мартынъ и спустя нѣсколько минутъ, идя рядомъ съ Соней и ея матерью подъ аркадами, загадочно проговорилъ: «Одни бьются за призракъ прошлаго, другіе — за призракъ будущаго». «Вотъ именно, — подхватила Ольга Павловна. — Миѣ мѣшаетъ по-настоящему воспринять Кембриджъ то, что наряду съ этими чудными старыми зданіями масса автомобилей, велосипедовъ, спортивные магазины, всякіе футболь». «Въ футболъ, — сказала Соня, — играли и во времена Шекспира. А миѣ вотъ не нравится, что говорятъ пошлости». «Соня, пожалуйста. Сократись», — сказала Ольга Павловна. «Ахъ, я не про тебя», — отвѣтила Соня со вздохомъ. Дальше шли молча. «Кажется, забусило», — проговорилъ Мартынъ, вытянувъ руку. «Вы бы еще сказали панъ Дождинскій или князь Ливень», — замѣтила Соня и на ходу перемѣнила шагъ, чтобъ итти въ ногу съ матерью. Потомъ, за завтракомъ въ лучшемъ городскомъ ресторанѣ, она повеселѣла. Ее разсмѣшила «обезьянья» фамилья пріятели Мартына и діалоги, которые Дарвинъ велъ съ необыкновенно уютнымъ старичкомъ-лакеемъ. «Вы что изучаете?» — любезно спросила Ольга Павловна. «Я? Ничего, — отвѣтилъ Дарвинъ. — Миѣ просто показалось, что въ этой рыбѣ на одну косточку больше, чѣмъ слѣдуетъ». «Нѣтъ-нѣтъ, я спрашиваю, что вы изучаете изъ наукъ. Какія слушаете лекціи». «Простите, я васъ не понялъ, — сказалъ Дарвинъ. — Но все равно вашъ вопросъ застаётъ меня

врасплохъ. Память у меня какъ то не дотягиваетъ отъ одной лекціи до другой. Еще нынче утромъ я спрашивалъ себя, какимъ предметомъ я занимаюсь. Мнемоникой? Врядъ ли». Послѣ обѣда была опять прогулка, но куда болѣе пріятная, такъ какъ, во-первыхъ, вышло солнце, а, во-вторыхъ, Дарвинъ всѣхъ повелъ въ галлерею, гдѣ имѣлось, по его словамъ, старинное, замѣчательно прыткое эхо, — топнешь, а оно, какъ мячъ, стукнетъ въ отдаленную стѣну. И Дарвинъ топнулъ, но никакого эхо не выскочило, и онъ сказалъ, что очевидно его купилъ какой-нибудь американецъ для своего дома въ Массачусетсѣ. Затѣмъ притекли къ Мартыну въ комнату, и вскорѣ явился Арчибальдъ Мунъ, и Соня тихо спросила у Дарвина, почему у профессора напудрены носъ. Мунъ плавно заговорилъ, щеголяя чудесными сочными пословицами. Мартынъ находилъ, что Соня ведетъ себя нехорошо. Она сидѣла съ каменнымъ лицомъ, но вдругъ невпопадъ смѣялась, встрѣтись глазами съ Дарвиномъ, который, закинувъ ногу на ногу, уминалъ пальцемъ табакъ въ трубкѣ. «Что же это Вадимъ не идетъ?» — безпокойно сказала Мартынъ и потрогала полный бочокъ чайника. «Ну, ужъ наливайте», — сказала Соня, и Мартынъ завозился съ чашками. Всѣ умолкли и смотрѣли на него. Мунъ курилъ смугло-желтую папиросу изъ породы тѣхъ, которыя въ Англии зовутся русскими. «Часто пишете вамъ ваша матушка?» — спросила Зиланова. «Каждую недѣлю», — отвѣтилъ Мартынъ. «Она поди скупая», — сказала Ольга Павловна и подула на чай. «А лимона, я какъ посмотрю, у васъ и пѣтъ», — тонко замѣтилъ Мунъ — опять по-русски. Дарвинъ вполголоса попросилъ Соню перевести. Мунъ на него покосился и перешелъ на англійскую рѣчь: нарочито и злобно изображая средній кембриджскій тонъ, онъ сказалъ, что былъ дождь, но теперь прояснилось, и, пожалуй, дождя больше не будетъ, упомянулъ о регатѣ, обстоятельно разсказалъ всѣмъ извѣстный анекдотъ о студентѣ, шкапѣ и кузинѣ, — и Дар-

винь куриль и киваль, приговаривая: «Очень хорошо, сэръ, очень хорошо. Вотъ онъ, подлинный, трезвый бриганецъ въ часы досуга».

XVIII.

Раздался топоть на лѣстницѣ, и, съ размаху открывъ дверь, вошелъ Вадимъ. Одновременно его велосипедъ, который онъ оставилъ въ переулкѣ, приладивъ опущенную педаль къ краю панели, съ дребежжаніемъ упалъ, — этотъ звонъ всѣ услышали, ибо второй этажъ находился на пустяковой высотѣ. Руки у Вадима, маленькія, съ подгрызенными ногтями, были красны отъ холода рулевыхъ роговъ. Лицо, покрытое необыкновенно нѣжнымъ и ровнымъ румянцемъ, выражало оторопѣлое смущеніе; онъ его скрывалъ, быстро дыша, словно запыхался, да потягивая носомъ, въ которомъ всегда было сыро. Былъ онъ одѣтъ въ мягкіе, блѣдно-сѣрые фланелевые штаны, въ прекрасно сшитый коричневый пиджакъ и носилъ всегда, во всякую погоду и во всякое время, старыя бальныя туфли. Продолжая посапывать и растерянно улыбаться, онъ со всѣми поздоровался и подсѣлъ къ Дарвину, котораго очень любилъ и почему-то прозвалъ «мамкой». У Вадима была одна постоянная прибаутка, которую онъ Дарвину съ трудомъ перевелъ: «Пріятно зрѣть, когда большой медвѣдь ведетъ подручку маленькую сучку», — и на послѣднихъ словахъ голосъ у него становился совсѣмъ тонкимъ. Вообще же онъ говорилъ скоро, отрывисто, издавая при этомъ всякіе добавочные звуки, шипѣль, трубилъ, пицаль, какъ дитя, которому не хватаетъ ни мыслей, ни словъ, а молчать не можетъ. Когда же онъ бывалъ смущенъ, то становился еще отрывистѣе и нелѣпѣе, производя смѣшанное впечатлѣніе застѣнчиваго тихони и чудачливаго ребенка. Былъ онъ, впрочемъ, милый, привязчивый, привлекательный человекъ, надкій на смѣшное и способный живо чувство-

вать (однажды, гораздо позже, катаюсь весенимъ вечеромъ съ Мартыномъ по рѣкѣ, онъ, при случайномъ, смутномъ, почему-то миртовомъ дуновеніи—Богъ вѣсть откуда,—сказалъ: «пахнетъ Крымомъ», что было совершенно вѣрно). Англичане къ нему такъ и льнули, а его колледжскій наставникъ, толстый, астматическій старикъ, спеціалистъ по моллюскамъ, съ гортанной нѣжностью произнесъ его имя и снисходительно отпосился къ его шлопайству. Какъ-то, въ темную ночь, Мартынь и Дарвинъ помогли Вадиму снять съ чела табачной лавки вывѣску, которая съ тѣхъ поръ красовалась у него въ комнатѣ. Онъ добылъ и полицейскій шлемъ, простымъ и остроумнымъ способомъ: за полкроны, блеснувшія при дунѣ, попросилъ добродушнаго полицейскаго пособить ему перебраться черезъ стѣну и, оказавшись наверху, нагнулся и сдернулъ съ него шлемъ. Онъ же былъ зачинщикомъ въ случаѣ съ огненной колесницей, когда, праздную годовщину пороховаго заговора, весь городъ изеялся потѣшными огнями, и на площади бушевалъ костеръ, а Вадимъ съ товарищи запряглись въ старое ландо, которое купили за два фунта, наполнили соломой и подожгли, — съ этимъ ландо они мчались по улицамъ въ мятели огня и чуть не спалили ратушу. Кромѣ всего онъ былъ отличнымъ сквернословомъ, — однимъ изъ тѣхъ, которые привяжутся къ рѣчюмочкѣ и повторяютъ ее безъ конца, любятъ уютные матюжки, ласкательную физиологію и обрывки какихъ-то анонимныхъ стиховъ, приписываемыхъ Лермонтову. Образованіемъ онъ не блисталъ, по-английски говорилъ очень смѣшно и симпатично, но едва понятно, и была у него одна страсть, — страсть ко флоту, къ миноносцамъ, къ батальной стройности линейныхъ кораблей, и онъ могъ часами играть въ солдатики, паля горохомъ изъ серебряной пушки. Его прибаутки, балынья туфли, застѣнчивость и хулиганство, нѣжный профиль, обведенный на свѣтъ золотистымъ пушкомъ, — все это, въ сочетаніи съ великолѣпіемъ титула, дѣйствовало на Арчибальда Муна неот-

разимо, разымчиво, въ родѣ шампанскаго съ соленымъ миндалемъ, которымъ онъ нѣкогда уливался, — одинокій блѣдный англичанинъ въ запотѣвшемъ пенснѣ, слушающій московскихъ цыганъ. Но сейчасъ, сидя у камина съ чашкой въ рукѣ, Мунъ грызъ масломъ пропитанный гренокъ, и Ольга Павловна рассказывала ему о газетѣ, которую собирается выпускать въ Парижѣ ея мужъ. Мартынъ же съ тревогой думалъ, что напрасно позвалъ Вадима, который молчалъ, стѣсняясь Сони, и все щелкалъ исподтишки въ Дарвина изюминками, заимствованными у кекса. Соня приумолкла тоже и задумчиво смотрѣла на піанолу. Дарвинъ съ развальцемъ подошелъ къ камину, выбилъ золу изъ трубки и, ставъ спиной къ огню, принялся грѣться «Мамка»; — тихо сказалъ Вадимъ и засмѣялся. Ольга Павловна съ жаромъ говорила о дѣлахъ, которыя Муна ни мало не трогали. За окномъ потемнѣло, гдѣ-то далеко кричали мальчишки-газетчики: «Пайпа, пайпа!»

XIX.

Затѣмъ провожали Зилановыхъ на вокзалъ. Арчибальдъ Мунъ попрощался на первомъ же углу и, вѣжно улыбнувшись Вадиму (который за его спиной обычно звалъ его заборнымъ словцомъ съ дополненіемъ «на колесикахъ»), удалился, держась очень прямо. Нѣкоторое время Вадимъ тихо ѣхалъ вдоль самой панели, положивъ руку на плечо къ Дарвину, шедшему рядомъ, а потомъ суетливо простился и быстро отѣхалъ, производя губами звуки испорченнаго гудка. Пришли на вокзалъ, Дарвинъ взялъ себѣ и Мартыну перонные билеты. Соня была усталая, раздраженная, и все время шурилась. «Ну, вотъ, — сказала Ольга Павловна. — Спасибо за гостепримство, за угощеніе. Кланяйтесь матушкѣ, когда будете писать».

Но Мартынъ поклону не передалъ, — такія вещи передаются рѣдко. Вообще письма онъ писалъ съ трудомъ:

какъ разсказать, напримѣръ, о сегодняшнемъ, довольно путанномъ, чѣмъ-то неудачномъ и непріятномъ днѣ? Онъ намаралъ строкъ десять, воспроизвелъ анекдотъ о студентѣ, шкапѣ и кузинѣ, увѣрилъ мать, что совершенно здоровъ, хорошо питается и носитъ на тѣлѣ фуфайку (что было неправдой). Ему вдругъ представилось, какъ почтальонъ идетъ по снѣгу, снѣгъ похрустываетъ, остаются синіе слѣды, — и онъ объ этомъ написалъ такъ: «Письмо принесетъ почтальонъ. У насъ идетъ дождь». Подумавши, онъ почтальона вычеркнулъ и оставилъ только дождь. Адресъ онъ выписалъ крупно и тщательно, въ десятый разъ вспомнивъ при этомъ то, что ему сказалъ знакомый студентъ: «Судя по фамильѣ, я полагалъ, что вы американецъ». Онъ пожалѣлъ, что всякій разъ забывалъ это втиснуть въ письмо, неизмѣнно уже запечатанное, — вскрывать же было лѣнь. Въ углу конверта онъ нечаянно поставилъ кляксу и долго смотрѣлъ на нее сквозь рѣсницы, и наконецъ сдѣлалъ изъ нея черную кошку, видимую со спины. Софья Дмитриевна этотъ конвертъ сохранила вмѣстѣ съ письмами. Она складывала ихъ въ пачку, когда кончался биместръ, и обвязывала накрестъ ленточкой. Спустя нѣсколько лѣтъ ей довелось ихъ перечестъ. Первый биместръ былъ сравнительно богатъ письмами. Вотъ Мартынь пріѣхалъ въ Кембриджъ, вотъ — первое упоминаніе о Дарвинѣ, Вадимѣ, Арчибальдѣ Мунѣ, вотъ — письмо отъ девятого ноября, дня его именинъ: «Въ этотъ день, — писалъ Мартынь, — гусь ступаетъ на ледъ, а лиса мѣняетъ нору». А вотъ и письмо съ вычеркнутой, но четкой строкой: «Письмо принесетъ почтальонъ», — и Софья Дмитриевна пронзительно вспомнила, какъ, бывало, она съ Герихомъ идетъ по искрящейся дорогѣ, между елокъ, отягощенныхъ нирогами снѣга, и вдругъ — густой звонъ бубенцовъ, почтовый сани, письмо, — и поспѣшно снимаешь перчатки, чтобы вскрыть конвертъ. Она вспомнила, какъ въ ту пору, и затѣмъ впродолженіе почти года, безумно боялась, что Мартынь, ничего ей не сказавъ, отправится

воевать. Ее немного утѣшало, что тамъ, въ Кембриджѣ, есть какой-то человѣкъ-ангелъ, который вліяетъ на Мартына умиротворительно — прекрасный, здравомыслящій Арчибальдъ Мунъ. Но Мартынъ все-таки могъ ударить. Полный покой она знала только тогда, когда сынъ бывалъ при ней, въ Швейцаріи, на каникулахъ. Письма, которыя она, спустя годы, такъ мучительно перечитывала, были, несмотря на ихъ вещественность, болѣе призрачнаго свойства, нежели перерывы между ними. Эти перерывы память заполняла живымъ присутствіемъ Мартына, — тутъ Рождество, тамъ Пасха, а тамъ уже — лѣто, — и впродолженіе трехъ лѣтъ, до окончанія Мартыномъ университета. ея жизнь шла какъ бы окнами, — да, помнится, помнится, — окнами. Вотъ — этотъ первый зимній праздникъ, лыжи, по ея совѣту, купленныя Генрихомъ, Мартынъ, надѣвающій лыжи... «Надо быть храброй, — тихо сказала самой себѣ Софья Дмитриевна, — надо быть храброй. Вѣдь бываютъ чудеса. Надо только вѣрить и ждать. Если Генрихъ опять появится съ этой черной повязкой на рукавѣ, и отъ него просто уйду». И дрожащими руками, улыбаясь и обливаясь слезами, она продолжала разворачивать письма.

То первое рождественское возвращеніе, которое его мать запомнила такъ живо, оказалось и для Мартына праздникомъ. Ему мерещилось, что онъ вернулся въ Россію, — было все такъ бѣло, — но, стѣсняясь своей чувствительности, онъ объ этомъ матери тогда не повѣдалъ. чѣмъ лишилъ ее еще одного нестерпимаго **воспоминанія**. Лыжи ему понравились; на мгновеніе всплылъ занесенный снѣгомъ Крестовскій островъ, но, правда, онъ тогда вставлялъ носки валенокъ въ простыя пульца, да еще держался за поводокъ, привязанный ко вздернутымъ концамъ легкихъ дѣтскихъ лыжъ. Эти же были настоящія, солидныя, изъ гибкой ясени, и сапоги тоже были настоящіе, лыжные. Мартынъ, склонивъ одно колѣно, натянулъ запяточный ремень, отогнувъ тугой рычажокъ боковой пряжки. Морозный металлъ ужалилъ пальцы. Приладивъ и дру-

гуго лыжу, онъ поднялъ со снѣгу перчатки, выпрямился, потопалъ, провѣряя, прочно ли, и размахисто скользнулъ впередъ.

Да, онъ опять попалъ въ Россію. Вотъ эти великолѣпные ковры — изъ пушкинскаго стиха, который столь звучно читаетъ Арчибальдъ Мунъ, упиваясь пеонами. Надъ отяжелѣвшими елками небо было чисто и ярко лазурно. Иногда отъ перелета сойки срывался съ вѣтки комъ снѣгу и разсыпался въ воздухѣ. Пройдя сквозь боръ, Мартынъ вышелъ на открытое мѣсто, откуда лѣтомъ спускался къ гостиницѣ. Вонъ она — далеко внизу, прямой розовый дымокъ стоитъ надъ крышей. Чѣмъ она манитъ такъ, эта гостиница, отчего надо опять стремиться туда, гдѣ лѣтомъ онъ нашелъ только нѣсколько крикливыхъ угловатыхъ англичаночекъ? Но манила она несомнѣнно, подавала тихій знакъ, солнце вспыхивало въ окнахъ. Мартына даже пугала эта таинственная навязчивость, эта непонятная требовательность, бывавшая у какой-нибудь подробности пейзажа. Надо спуститься, — нельзя пренебрегать такими посулами. Крѣпкій насть сладко засвистѣлъ подъ лыжами, Мартынъ несся по скату все быстрѣе, — и сколько разъ потомъ, во снѣ, въ студеной кембриджской комнатѣ, онъ вотъ такъ несся и вдругъ, въ оглушительномъ взрывѣ снѣга, падалъ и просыпался. Все было, какъ всегда. Изъ сосѣдней комнаты доносилось тиканіе часовъ. Мышка катала кусокъ сахара. По панели прошли чьи-то шаги и пропали. Онъ поворачивался на другой бокъ и мгновенно засыпалъ, — и утромъ, въ полуснѣ, слышалъ уже другіе звуки: въ сосѣдней комнатѣ возилась госпожа Ньюманъ, что-то переставляла, накладывала уголь, чиркала спичками, шуршала бумагой и потомъ уходила, а тишина медленно и сладко наливалась утреннимъ гудомъ затопленнаго камина. «Ничего тамъ особеннаго не оказалось, — подумалъ Мартынъ и потянулся къ ночному столику за папиросами. — Все больше пожилые мужчины въ свѣтрахъ: вотъ какіе бываютъ обманы. А сегодня суббо-

та, покатамъ въ Лондонъ. Что это Дарвину все письма отъ Сони? Надо бы изъ него выдавить. Хорошо бы сегодня пропустить лекцію Гржезинскаго. Вотъ идетъ стерва будить».

Госпожа Ньюманъ принесла чай. Была она старая, рыжая, съ лисьими глазками. «Вы вчера вечеромъ выходили безъ плаща, — проговорила она равнодушно. — Мнѣ объ этомъ придется доложить вашему наставнику». Она отдернула шторы, дала краткій, но точный отзывъ о погодѣ и скользнула прочь.

Надѣвъ халатъ, Мартынъ спустился по скринучей лѣстницѣ и постучался къ Дарвину. Дарвинъ, уже побри-тый и вымытый, ѣлъ яичницу съ бѣковымъ. Толстый учебникъ Маршала по политической экономіи лежалъ, раскрытый, около тарелки. «Сегодня опять было письмо?» — строго спросилъ Мартынъ. «Отъ моего портвого», — отвѣтилъ Дарвинъ, вкусно жуя. «У Сони неважный почеркъ», — замѣтилъ Мартынъ. «Отвратительный», — согласился Дарвинъ, хлебнувъ кофе. Мартынъ подошелъ сзади, и, обѣими руками взявъ Дарвина за шею, сталъ давить. Шея была толстая и крѣпкая. «А бѣконъ прошелъ», — произнесъ Дарвинъ самодовольно натуженнымъ голосомъ.

XX.

Вечеромъ оба покатали въ Лондонъ. Дарвинъ ночсвалъ въ одной изъ тѣхъ очаровательныхъ двухкомнатныхъ квартиръ для холостяковъ, которыя сдаются при клубахъ, — а клубъ Дарвина былъ однимъ изъ лучшихъ и степеннѣйшихъ въ Лондонѣ, съ гучными кожаными креслами, съ доснистыми журналами на столахъ, съ глухо-нѣмыми коврами. Мартыну же досталась на этотъ разъ одна изъ верхнихъ спаленъ въ квартирѣ Зилановыхъ, такъ какъ Нелли была въ Ревелѣ, а ея мужъ шелъ на Петербургъ. Когда Мартынъ прибылъ, никого не оказалось дома, кромѣ сего Зиланова, Михаила Платоновича, который писалъ у

себя въ кабинетѣ. Былъ онъ коренастый крѣпышъ, съ татарскими чертами лица, и съ такими же темно-тусклыми глазами, какъ у Сони. Онъ всегда носилъ круглыя пристяжныя манжеты и манишку; манишка топорщилась, придавая его груди нѣчто голубиное. Принадлежалъ онъ къ числу тѣхъ русскихъ людей, которые, проснувшись, первымъ дѣломъ натягиваютъ штаны съ болтающимися подтяжками, моютъ по утрамъ только лицо, шею да руки, — но зато отмѣнно, — а еженедѣльную ванну разсматриваютъ, какъ событіе, сопряженное съ нѣкоторымъ рискомъ. На своемъ вѣку онъ немало покатался, страстно занимался общественностью, мыслилъ жизнь въ видѣ чередованія съѣздовъ въ различныхъ городахъ, чудомъ спасся отъ совѣтской смерти и всегда ходилъ съ разбухшимъ портфелемъ: когда же кто-нибудь задумчиво говорилъ: «Какъ мнѣ быть съ этими книжками? - - дождь», — онъ молча, молниеносно и чрезвычайно ловко пеленалъ книжки въ газетный листъ, а, норывшись въ портфель, вынималъ и веревочку, мгновенно крестъ на крестъ захватывалъ ею ладный пакетъ, на который незадачливый знакомый, переминаясь съ ноги на ногу, смотрѣлъ съ суевѣрнымъ умиленіемъ. «На-те», — говорилъ Зилановъ и, поспѣшно простившись, уѣзжалъ — въ Орель, въ Кострому, въ Парижъ, -- и всегда налегкѣ, съ тремя чистыми носовыми платками въ портфель, и, сидя въ вагонѣ, совершенно слѣпой къ живописнымъ мѣстамъ, мимо которыхъ, съ довѣрчивымъ стараніемъ потрафить, несся курьерскій поѣздъ, углублялся въ чтеніе брошюры, изрѣдка дѣлая помѣтки на поляхъ. Дивясь его невнимательности къ пейзажамъ, къ удобствамъ, къ чистотѣ, Мартынъ вмѣстѣ съ тѣмъ уважалъ Зиланова за его какую-то прущую суховатую смѣлость и всякій разъ, когда видѣлъ его, почему-то вспоминалъ, что этотъ, по внѣшности мало спортивный человекъ, играющій вѣроятнo только на бильярдѣ, да еще, пожалуй, въ рюхи, спасся отъ большевиковъ по водосточной трубѣ и когда-то драгся на дуэли съ октябристомъ Тучковымъ.

«А, здравствуйте, — сказалъ Зилановъ и протянулъ смуглую руку. — Присаживайтесь». Мартынъ сѣлъ. Михаилъ Платоновичъ впился опять въ полуисписанный листъ, взялся за перо и, — потрепетавъ имъ по воздуху надъ самой бумагой, прежде, чѣмъ претворить эту дрожь въ быстрый бѣгъ письма, — одновременно далъ перу волю и сказалъ: «Онѣ вѣроятно сейчасъ вернутся». Мартынъ притянулъ къ себѣ съ сосѣдняго стула газету, — она оказалась русской, издаваемой въ Парижѣ. «Какъ занятія?» — спросилъ Зилановъ, не поднимая глазъ съ ровно бѣгущаго пера. «Ничего, хорошо», — сказалъ Мартынъ и отложилъ газету. «А давно онѣ ушли?» Михаилъ Платоновичъ ничего не отвѣтилъ, — перо разгулялось во всю. Зато минуты черезъ двѣ онъ опять заговорилъ, все еще не глядя на Мартына. «Баклуши бьете. Тамъ вѣдь главное — спортъ». Мартынъ усмѣхнулся. Михаилъ Платоновичъ быстро потопалъ по строкамъ прессъ-бюваромъ, и сказалъ: «Софья Дмитріевна все проситъ у меня дополнительныхъ свѣдѣній, но я ничего больше не знаю. Все, что я зналъ, я ей тогда написалъ въ Крымѣ». Мартынъ кашлянулъ. «Что вы?» — спросилъ Зилановъ, усвоившій въ Москвѣ это дурное рѣченіе. «Я ничего», — отвѣтилъ Мартынъ. «Этѣ о смерти вашего отца, конечно, — сказалъ Зилановъ и посмотрѣлъ тусклыми глазами на Мартына. — Вѣдь это я извѣстилъ васъ тогда». «Да-да, я знаю», — поспѣшно кивалъ Мартынъ, всегда чувствовавшій неловкость, когда чужіе — съ самыми лучшими намѣреніями — говорили ему объ его отцѣ. «Какъ сейчасъ помню послѣднюю встрѣчу, — продолжалъ Зилановъ. — Мы столкнулись на улицѣ. Я тогда уже скрывался. Сперва не хотѣлъ подойти. Но у Сергѣя Робертовича былъ такой потрясающій видъ. Помню, онъ очень беспокоился, какъ вы тамъ живете въ Крыму. А черезъ денька три забѣгаю къ нему, и на-те вамъ — несутъ гробъ». Мартынъ кивалъ, мучительно ища способа переимѣнить разговоръ. Все это Михаилъ Платоновичъ рассказывалъ ему въ третій разъ, и рассказъ былъ

въ общемъ довольно блѣдный. Зилановъ замолчалъ, перевернулъ листъ, его перо подрожало и тронулось. Мартынъ, отъ нечего дѣлать, опять потянулся къ газетѣ, но тутъ щелкнула парадная дверь, раздалась въ прихожей голоса, шарканіе, ужасный кудахтающій смѣхъ Ирины.

XXI.

Мартынъ вышелъ къ нимъ, и, какъ обычно при встрѣчѣ съ Соней, мгновенно почувствовалъ, что потемнѣлъ воздухъ вокругъ него. Такъ было и въ ея послѣдній прѣздъ въ Кембриджъ (вмѣстѣ съ Михаиломъ Платоновичемъ, который мучилъ Мартына вопросами, сколько лѣтъ различнымъ колледжамъ, и сколько книгъ въ библіотекѣ, — межъ тѣмъ какъ Соня и Дарвинъ о чемъ-то тихо смѣялись), такъ было и сейчасъ: странное отупѣніе. Его голубой галстукъ, острые концы мягкаго отложного воротничка, двубортный костюмъ, — все было какъ-будто въ порядкѣ, однако Мартыну подъ непроницаемымъ взглядомъ Сони показалось, что одѣтъ онъ дурно, что волосы торчатъ на макушкѣ, что плечи у него, какъ у ломового извозчика, а лицо — глупо своей круглотой. Отвратительны были и крупныя костяшки рукъ, которыя за послѣднее время покраснѣли и распухли — отъ голкиперства, отъ боксовой учебы. Прочное ощущеніе счастья, какъ-то связанное съ силой въ плечахъ, со свѣжей гладкостью щекъ или недавно запломбированнымъ зубомъ, распалось въ присутствіи Сони мгновенно. И особенно глупымъ казалось ему то, что собственно говоря брови у него кончаются на полпути, густоваты только у переносицы, а дальше, по направленію къ вискамъ, удивленно рѣдѣютъ.

Сѣли ужинать. Наталья Павловна, такая же сырая жещина, какъ ея сестра, но еще рѣже улыбавшаяся, привычно и незамѣтно слѣдила за тѣмъ, чтобы Ирина пристойно ѣла, не слишкомъ ложилась на столъ и не лизала ножа.

Михаилъ Платомовичъ явился чуть попозже, быстро и энергично заложилъ уголь салфетки за воротникъ и, слегка привставъ, цопнулъ черезъ весь столъ булочку, которую мгновенно разрѣзалъ и смазалъ масломъ. Его жена читала письмо изъ Ревеля и, не отрываясь отъ чтенія, говорила Мартыну: «Кушайте, пожалуйста». Слѣва отъ него корячилась большеротая Ирина, чесала подмышкой и мычала, объясняясь въ любви холодной баранинѣ; справа же сидѣла Соня: ея манера брать соль на кончикъ ножа, стриженные черные волосы съ жесткимъ лоскомъ и ямка на блѣдной щекѣ чѣмъ-то несказанно его раздражали. Послѣ ужина позвонилъ по телефону Дарвинъ, предложилъ поѣхать танцевать, и Соня, поломавшись, согласилась. Мартынъ пошелъ переодеваться и уже натягивалъ шелковые носки, когда Соня сказала ему черезъ дверь, что устала и никуда не поѣдетъ. Черезъ полчаса пріѣхалъ Дарвинъ, очень веселый, большой и нарядный, въ цилиндрѣ набекрень, съ билетами на дорогой балъ въ карманѣ, и Мартынъ сообщилъ ему, что Соня раскисла и легла, — и Дарвинъ, выпивъ чашку остывшаго чаю, почти естественно зѣвнулъ и сказалъ, что въ этомъ мѣрѣ все къ лучшему. Мартынъ зналъ, что онъ пріѣхалъ въ Лондонъ съ единственной цѣлью повидать Соню, и, когда Дарвинъ, насвистывая, въ ненужномъ цилиндрѣ и крылаткѣ, сталъ удаляться по пустой темной улицѣ, Мартыну сдѣлалось очень обидно за него, и, тихо прикрывъ входную дверь, онъ поплелся наверхъ спать. Въ коридорѣ выскочила къ нему Соня, одѣтая въ кимоно и совсѣмъ низенькая, оттого что была въ ночныхъ туфляхъ. «Ушелъ?» — спросила она. «Большое свинство», — вполголоса замѣтилъ Мартынъ, не останавливаясь. «Могли бы его задержать», — сказала она вдогонку и скороговоркой добавила: «а вотъ я возьму и позвоню ему и поѣду плясать вотъ что». Мартынъ ничего не отвѣтилъ, захлопнулъ дверь, яростно вычистилъ зубы, раскрылъ постель, словно хотѣлъ изъ нея кого-то выкинуть, и, поворотомъ пальцевъ прикончивъ свѣтъ лампы,

накрылся съ головой. Но и сквозь одѣяло онъ услышалъ, спустя нѣкоторое время, поспѣшные шаги Сони по коридору, стукъ ея двери, — не можетъ быть, чтобъ она дѣйствительно ходила внизъ телефонировать, — однако онъ прислушался, и снова было затишье, и вдругъ опять зазвучали ея шаги, и уже звукъ былъ другой, — легкой, даже воздушный. Мартынъ не выдержалъ, высунулся въ коридоръ и увидѣлъ, какъ Соня вприпрыжку спускается внизъ по лѣстницѣ, въ бальномъ платьѣ цвѣта фламинго, съ пушистымъ вѣромъ въ рукѣ и съ чѣмъ то блестящимъ вокругъ черныхъ волосъ. Дверь ея комнаты осталась открытой, свѣта она не потушила, и тамъ еще стояло облачко пудры, какъ дымокъ послѣ выстрѣла, лежалъ наповаль убитый чулокъ, и вынадали на коверъ разноцвѣтныя внутренности шкапа.

Вмѣсто радости за друга, Мартынъ почувствовалъ живѣйшую досаду. Все было тихо. Только изъ спальни Зилановыхъ исходилъ томительный хрипъ. «Чортъ ес побери». — пробормоталъ онъ и нѣкоторое время разсуждалъ самъ съ собой, не отправиться ли ему тоже на балъ, — вѣдь было три билета. Онъ увидѣлъ себя взлетающимъ по мягкимъ ступенямъ, въ смокингѣ, въ шелковой рубашкѣ съ набористой грудью, какъ носили франты въ тотъ годъ въ легкихъ лаковыхъ туфляхъ съ плоскими бантами; вотъ — изъ раскрывшихся дверей пахнуло огнемъ музыки. Упругій и нѣжный нажимъ мягкой женской ноги, которая все поддается и все продолжаетъ касаться тебя, душистые волосы у самыхъ губъ, щека, оставляющая на шелковомъ лацканѣ налетъ пудры — все это извѣчное, нѣжное, банальное волновало Мартина чрезвычайно. Онъ любилъ танцевать съ незнакомой дамой, любилъ пустой, цѣломутиренный разговоръ, сквозь который прислушиваешься къ тому чудному, невнятному, что происходитъ въ тебѣ и въ ней, что будетъ длиться еще два-три такта и, ничѣмъ не разрѣшившись, пропадетъ навѣки, забудется совершенно. Но, пока сліяніе еще не расторгнуто, намѣчается схема воз-

можной любви, и въ зачаткѣ тутъ уже есть все, — внезапное затишье въ полутемной комнатѣ, человѣкъ, дрожащей рукой прилаживающій къ пепельницѣ только что закуренную, мѣшающую папиросу; медленно, какъ въ кинематографѣ, закрывающіеся женскіе глаза; и блаженный сумракъ; и въ немъ — точка свѣта, блестящій дорожный лимузинъ, быстро несущійся сквозь дождливую ночь; и вдругъ — бѣлая терраса и солнечная рябь моря, — и Мартынъ, тихо говорящій увезенной имъ женщинѣ: «Имя? Какъ твое имя?» На ея свѣтломъ платьѣ играютъ листовныя тѣни, она встаетъ, уходитъ; и крупье съ хищнымъ лицомъ загребааетъ лопаткой послѣднюю ставку Мартына, а остается только засунуть руки въ пустые карманы смокинга, да медленно спуститься въ садъ, да наняться поутру портовымъ грузчикомъ, — и вотъ — она снова... на борту чужой яхты... сіяетъ, смѣется, бросаетъ монеты въ воду..

«Странная вещь, — сказала Дарвинъ, выходи какъ то вмѣстѣ съ Мартыномъ изъ маленькаго кембриджскаго кинематографа, — странная вещь: вѣдь все это плохо, и вульгарно, и не очень вѣроятно, — а все-таки чѣмъ-то волнуютъ эти вѣтреные виды, роковая дама на яхтѣ, оборваный мужланъ, глотающій слезы...»

«Хорошо путешествовать, — проговорилъ Мартынъ. — Я хотѣлъ бы много путешествовать».

Этотъ обрывокъ разговора, случайно уцѣлѣвшій отъ одного апрѣльскаго вечера, припомнился Мартыну, когда, въ началѣ лѣтнихъ каникулъ, уже въ Швейцаріи, онъ получилъ письмо отъ Дарвина изъ Тенериффы. Тенериффа

Боже мой! — какое дивно зеленое слово! Дѣло было утромъ; сильно подурнѣвшая и какъ-то распухшая Марія стояла въ углу на колѣняхъ и выжимала половую тряпку въ ведро; надъ горами, цѣпляясь за вершины, плыли большія бѣлыя облака; и порою нѣсколько дымныхъ волоконъ спускалось по дальнему скату, и тамъ, на этихъ скатахъ, все время мѣнялся свѣтъ, — приливы и отливы солнца.

Мартынъ вышелъ въ садъ, гдѣ дядя Генрихъ въ чудовищной соломенной шляпѣ разговаривалъ съ деревенскимъ аббатомъ. Когда аббатъ, маленькій человѣкъ въ очкахъ, которыя онъ все поправлялъ большимъ и пятымъ пальцемъ лѣвой руки, низко поклонился и, шурша черной рясой, прошелъ вдоль сіяющей бѣлой стѣны и сѣлъ въ таратайку, запряженную толстой, розоватой лошадейю, сплошь въ мелкой горчицѣ, Мартынъ сказалъ: «Тутъ прекрасно, я обожаю эти мѣста, но почему бы мнѣ — ну, хотя бы на мѣсяць — не поѣхать куда-нибудь, — на Канарскіе острова, напримѣръ?»

«Безуміе, безуміе, — отвѣтилъ дядя Генрихъ съ испугомъ, и его усы слегка затопорщились. — Твоя мать, которая такъ тебя ждала, которая такъ счастлива, что ты остаешься съ ней до октября, — и вдругъ — ты уѣзжаешь...»

«Мы бы могли всё вмѣстѣ», — сказала Мартынъ.

«Безуміе, — повторилъ дядя Генрихъ. — Потомъ, когда ты кончишь учиться, я не возражаю. Я всегда считалъ, что молодой человѣкъ долженъ видѣть міръ. Помни, что твоя мать только теперь оправляется отъ потрясеній. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ».

Мартынъ пожалъ плечами и, засунувъ руки въ карманы короткихъ штановъ, побрелъ по тропинкѣ, ведущей къ водопаду. Онъ зналъ, что мать ждетъ его тамъ, у грота, полузавѣшеннаго еловой хвоей, — такъ было условлено, — она выходила гулять очень рано и, не жлая будить Мартына, оставляла для него записку: «У грота, въ десять часовъ» или: «У ключа, по дорогѣ въ Сень-Клеръ»; но, хотя онъ зналъ, что она ждетъ, Мартынъ вдругъ перемѣнилъ направленіе и, покинувъ тропу, пошелъ по вереску вверхъ.

XXII.

Склонъ становился все круче, пекло солнце, мухи норавли съѣсть на губы и глаза. Дойдя до круглой березовой рощицы, онъ отдохнулъ, выкурилъ папиросу, ту же подтянулъ завороченные подъ колѣнами чулки и, жуя березовый листокъ, сталъ подниматься дальше. Верескъ былъ хрустящій и скользкій; иногда колючій кустикъ утесника цѣплялся за ногу. Спереди, наверху, сверкало нагроможденіе скалъ, и между ними пролегалъ жолобъ, вѣрная трещина, полная мелкихъ камушковъ, которые пришли въ движеніе, какъ только онъ на нихъ ступилъ. Этимъ путемъ нельзя было добраться до вершины, и Мартынъ пошелъ лѣзть прямо по скаламъ. Иногда корни или моховыя ляпки, за которые онъ хватался, отрывались отъ скалы, и онъ лихорадочно искалъ подъ ногой опоры, и, что же, наоборотъ, что-то поддавалось подъ ногами, онъ повисалъ на рукахъ, и приходилось мучительно подтягиваться вверхъ. Онъ уже почти достигъ вершины, когда вдругъ доскользнулся и началъ съѣзжать, цѣпляясь за кустики жесткихъ ивѣтовъ, не удержался, почувствовалъ жгучую боль, оттого, что колѣномъ проскребѣ по скалѣ, попытался обнять скользящую вверхъ крутизну, и вдругъ что-то спасительное толкнуло его подъ подошвы. Онъ оказался, на выступѣ скалы, на каменномъ карнизѣ, который справа суживался и сливался со скалой, а съ лѣвой стороны тянулся саженой на пять, заворачивалъ за уголь, и что съ нимъ было дальше — неизвѣстно. Карнизъ напоминалъ бутафорію кошмаровъ. Мартынъ стоялъ, плотно прижавшись къ отвѣсной скалѣ, по которой грудью проѣхался, и не смѣлъ отлѣпиться. Съ натугой посматрѣвъ черезъ плечо, онъ увидѣлъ чудовищный обрывъ, сіяющую, солнечную пропасть, и въ глубинѣ нанику отставшихъ елокъ, бѣгомъ догоняющихъ спустившійся боръ, а еще ниже — крутые луга и крохотную, ярко-бѣлую гостиницу. «Ахъ, вотъ ея

казначіе, — суевѣрно подумалъ Мартынъ. — Сорвусь, погибну, вотъ она и смотритъ. Это... Это...» Одинаково ужасно было смотрѣть туда, въ пропасть, и наверхъ, на отвѣсную скалу. Полка, шириной съ книжную, подъ ногами и бугристое мѣсто на скалѣ, куда вцѣпились пальцы, было все, что оставалось Мартыну отъ прочнаго міра, къ которому онъ привыкъ.

Онъ почувствовалъ слабость, мутность, тошный страхъ, — но вмѣстѣ съ тѣмъ странно-отчетливо видѣлъ себя, какъ бы со стороны, въ открытой фланелевой рубашкѣ и короткихъ штанахъ, неуклюже прильнувшимъ къ скалѣ, отиѣчала чертополошинку, приставшую къ чулку, и совсѣмъ черную бабочку, которая съ завидной небрежностью пропорхнула тихимъ чертенкомъ и стала подниматься вдоль скалы, — и хотя никого не было кругомъ, передъ кѣмъ стоило бы пофорсить, Мартынъ сталъ насвистывать и, давъ себѣ слово никакъ не отвѣчать на приглашенія пропасти, принялся медленно переставлять ноги, подвигаясь влѣв. Ахъ, если бъ видать, куда заворачиваетъ карнизъ! Скала какъ будто надвигалась на него, отиѣсняла въ бездну, нетерпѣливо дышавшую ему въ спину. Ногти впивались въ камень, камень былъ горячъ, синѣли пучки цвѣтовъ, неполной восьмеркой пробѣгала ящерица и застывала, мухи лѣзли въ глаза. Иногда приходилось останавливаться, и онъ слышалъ, какъ самому себѣ жалуется, — не могу больше, не могу, — и тогда, поймавъ себя на этомъ, онъ начиналъ издавать губами зачаточный мотивъ — фокстротъ или марсельезу, — послѣ чего облизывался и, опять, жалуясь, продолжалъ продвигаться вбокъ. Оставалось полсажени до заворота, когда что-то посыпалось изъ-подъ подошвы и, вцѣпившись въ скалу, онъ невольно повернулъ голову, и въ солнечной пустотѣ медленно закружилось бѣлое пятнышко гостиницы. Мартынъ закрылъ глаза и замеръ, но, справившись съ тошнотой, опять задвигался. У поворота онъ быстро сказалъ: «Пожалуйста, прошу тебя, пожалуйста», — и просьба его была тотчасъ уважена: за

поворотомъ полка расширялась, переходила въ площадку, а тамъ уже былъ знакомый жолобъ и вересковый скатъ.

Тамъ онъ отдышался, ощущая во всемъ тѣлѣ ломоту и дрожь. Ногти были темно-красные, словно онъ рвалъ клубнику, и горѣло ободранное колѣно. Опасность, которую онъ только что пережилъ, казалась ему куда дѣйствительнѣе той, на которую онъ напоролся въ Крыму. Теперь онъ испытывалъ гордость, но эта гордость вдругъ утратила всякій вкусъ, когда Мартынъ спросилъ себя, могъ ли бы онъ снова, уже по собственному почину, продѣлать то, что онъ продѣлалъ случайно. Черезъ нѣсколько дней онъ не выдержалъ, опять поднялся по вересковымъ кручамъ, но, добравшись до площадки, откуда начинался карнизъ, не рѣшился на него ступить. Онъ сердился, науськивалъ себя, издѣвался надъ своей трусостью, воображалъ Дарвина глядящаго на него съ усмѣшкой... постоялъ, постоялъ, да махнулъ рукой, да пошелъ назадъ, стараясь не обращать вниманія на грубіяна, буйствовавшего у него въ душѣ. Вновь и вновь, до самаго конца каникулъ, врывался тотъ и буянилъ, и Мартынъ рѣшилъ, наконецъ, больше не подниматься въ тѣ мѣста, чтобы не мучиться видомъ каменной полки, по которой не смѣетъ пройти. И съ язвительнымъ чувствомъ недовольства собой онъ въ октябрѣ вернулся въ Англію, и прямо съ вокзала поѣхалъ къ Зилановымъ. Горничная, которая ему открыла, оказалась новой, и это было непріятно, словно онъ попалъ къ чужимъ. Въ гостиной, вся въ черномъ, стояла Соня и поглаживала вьски, а потомъ, рѣзко и прямо, по привычкѣ своей, протянула ему руку. Мартынъ съ удивленіемъ подумалъ, что ни разу не вспомнилъ ее за лѣто, ни разу ей не написалъ, а что все-таки, — вотъ ради этой неловкости, которую онъ чувствуетъ, глядя на ея хмурое, блѣдное лицо, — стоитъ продѣлать немалый путь. «Вы вѣроятно не знаете о нашемъ несчастіѣ», — сказала Соня и какъ-то сердито рассказала, что на прошлой недѣлѣ, въ одинъ и тотъ

же день, пришло извѣстіе, что Нелли умерла отъ родовъ въ Бриндизи, а мужъ ея убитъ въ Крыму. «Ахъ, онъ поѣхалъ отъ Юдсича къ Врангелю», — безпомощно сказалъ Мартынъ и съ рѣдкой ясностью представилъ себѣ этого Неллинаго мужа, котораго видѣлъ всего разъ, и самое Нелли, казавшуюся ему тогда скучной, прѣсной, а теперь почему-то умершей въ Бриндизи. «Мама въ ужасномъ состояніи», — сказала Соня, перелистывая страницы книги, которая валялась на диванѣ. — «А папа Богъ знаетъ гдѣ побывалъ, чуть ли не въ Кіевѣ», — добавила она погодя и, захвативъ первымъ пальцемъ нѣсколько страницъ, быстро ихъ процѣдила. Мартынъ сѣлъ въ кресло, потирая руки. Соня захлопнула книгу и сказала, поднявъ лицо: «Дарвинъ былъ идеаленъ, идеаленъ. Онъ страшно намъ помогъ. Такой трогательный, и такъ все безъ лишннихъ словъ. Вы у насъ ночуете?» «Собственно говоря, — отвѣтилъ Мартынъ, — я бы могъ и нынче поѣхать въ Кембриджъ. Навѣрно, вамъ неудобно и такъ далѣе». «Да нѣтъ, ерунда какая», — сказала Соня со вздохомъ. Внизу раздался глухой звонъ гонга, и это не вязалось съ тѣмъ, что въ домѣ трауръ. Мартынъ пошелъ мыть руки и, открывъ дверь уборной, столкнулся съ Михаиломъ Платоновичемъ, у котораго не въ обычаѣ было заператься на ключъ. Онъ посмотрѣлъ на Мартина тусклымъ взглядомъ, неторопливо вжимая пуговку въ петлю. «Примите мое глубокое соболѣзнованіе», — пробормоталъ Мартынъ и почему-то щелкнулъ каблукми. Зилановъ прикрылъ глаза въ знакъ признательности, пожалъ Мартину руку, и то, что все это происходитъ на порогѣ уборной, подчеркивало нелѣпность рукопожатія и готовыхъ словъ. Зилановъ, подрыгивая ногами, словно утряхивая что-то, медленно удалился; Мартынъ увидѣлъ въ зеркало свой болѣзненно сморщенный носъ. «Но я же долженъ былъ что-нибудь сказать», — проговорилъ онъ сквозь зубы.

Обѣдъ прошелъ молчаливо, если не считать шумное присасываніе, съ которымъ Михаилъ Платоновичъ ѣлъ

сунь. Ирина съ матерью была въ загородной санаторіи, а Ольга Павловна къ обѣду не вышла, такъ что сидѣли втроемъ. Позвонилъ телефонъ, и Зилановъ, жуя на ходу, проворно ушелъ въ кабинетъ. «Я знаю, вы баранину не любите», — тихо сказала Соня, — и Мартышъ молча улыбнулся, чуть-чуть приглушая улыбку. «Зайдетъ Юголевичъ, — сказалъ Михаилъ Платоновичъ, вновь садясь за столъ. — Онъ только что изъ Питера. Дай горчицу. Говорить, что перешелъ границу въ саванъ». «На сибгугу незамѣтнѣе», — черезъ минуту выговорилъ Мартышъ, чтобы поддержать бесѣду, — но бесѣды не вышло.

XXIII.

Юголевичъ оказався толстымъ, бородатымъ человекомъ въ сѣромъ вязаномъ жилетѣ и въ потрепаномъ черномъ костюмѣ, съ перхотью на плечахъ. Торчали ушки черныхъ ботинокъ на лястичахъ, а сквозь неподтянутые носки брезжили завязки подштанниковъ; его полная невнимательность къ вещамъ, къ ручкѣ кресла, по которой онъ похлопывалъ, къ толстой книжкѣ, на которую онъ сѣлъ и которую безъ улыбки вынулъ изъ-подъ себя и, не посмотрѣвъ на нее, отложилъ, — все это указывало на его тайное родство съ самимъ Зилановымъ. Кивая большою, кудреватой головой, онъ только кратко поцокалъ языкомъ, узнавъ о горѣ Зилановыхъ, и затѣмъ, съ мѣста въ карьерѣ, махнувъ ладонью сверху внизъ по грубо скроенному лицу, пустился въ повѣствованіе. Было очевидно, что единственное, чего онъ полонъ, единственное, что занимаетъ его и волнуетъ, — это бѣда Россіи, и Мартышъ, съ содроганіемъ представляя себѣ, что было бы, если бъ взять да перебить его бурную, напряженную рѣчь анекдотомъ о студентѣ и кузинѣ. Соня сидѣла поодаль, оперевъ локти на колѣни, а лицо на ладони. Зилановъ слушалъ, положивъ палецъ вдоль носа, и изрѣдка говорилъ, снимая па-

лецъ: «Простите, Александръ Наумовичъ, — но вотъ вы упомянули...» Юголевичъ на мгновеніе останавливался, моргалъ и затѣмъ продолжалъ говорить, и его лѣвное лицо замѣчательно играло, безпрестанно мѣняя выраженіе, — играли косматыя брови, ноздри грушеобразнаго носа, складки волосатыхъ щекъ, между тѣмъ, какъ руки его, съ черной шерстью на тыльной сторонѣ, ни одной секунды не оставались въ покоѣ, что-то поднимали, подбрасывали, схватывали опять, расшвыривали во все стороны, и жарко, съ раскатами, онъ говорилъ о казняхъ, о голодѣ, о петербургской пустынѣ, о людской злобѣ, скудоуміи и пошлости. Ушелъ онъ за полночь, и уже съ порога вдругъ обернулся и спросилъ, сколько стоятъ въ Лондонѣ галоши. Когда закрылась за нимъ дверь, Зилановъ остался нѣкоторое время стоять въ раздумьи и, погодя, ушелъ наверхъ, къ женѣ. Черезъ три минуты раздался звонокъ: Юголевичъ вернулся; оказалось, что онъ не знаетъ, какъ дойти до станціи подземной дороги. Мартынъ взялся его проводить и, шагая рядомъ съ нимъ, мучительно придумывалъ тему для разговора. «Напомните вашему отцу, — я совсѣмъ забылъ передать, — что Максимовъ проситъ поскорѣе его статью о добровольческихъ впечатлѣніяхъ, — вдругъ сказалъ Юголевичъ, онъ знаетъ, въ чемъ дѣло, — вы только передайте, Максимовъ уже вашему отцу писалъ». «Непремѣнно», — отвѣтилъ Мартынъ, — хотѣлъ что-то добавить, но оскѣся.

Онъ, неспѣша, вернулся въ домъ, — представляя себѣ то Юголевича, въ бѣломъ балахонѣ, переходящимъ границу, то Зиланова съ портфелемъ на какой-то разрушенной станціи, подъ украинскими звѣздами. Все было тихо въ домѣ, когда онъ поднимался по лѣстницѣ. Раздѣваясь, онъ позѣвывалъ и чувствовалъ странную тоску. Ярко горѣла лампочка на ночномъ столикѣ, пухло бѣлѣла широкая постель, халатъ, вынутый горничной изъ портфеледа, отливалъ синимъ шелкомъ, уютно растянувшись на креслѣ. Вдругъ Мартынъ съ досадой замѣтилъ, что забылъ

захватить съ собой книгу, которую облюбовалъ въ гостиной, тогда же мелькомъ рѣшивъ взять ее съ собою въ постель. Онъ накинулъ халатъ и спустился во второй этажъ. Книга была потренированнымъ томомъ Чехова. Онъ нашелъ ее — почему-то на полу — и вернулся къ себѣ въ спальню. Но тоска не прошла, хотя Мартынь былъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ хорошая книжка передъ сномъ — драгоценное блаженство. Такой человекъ, вспомнивъ случайно днемъ, среди обычныхъ своихъ дѣлъ, что на ночномъ столикѣ, въ полной сохранности, ждетъ книга, — чувствуетъ приливъ неизъяснимаго счастья. Мартынь началъ читать, выбравъ рассказъ, который онъ зналъ, любилъ, могъ перечестъ сто разъ подрядъ, — «Дама съ собачкой». Ахъ, какъ она хорошо потеряла лорнетку въ толпѣ, на ялтинскомъ молу! И внезапно, безъ всякой какъ будто причины, онъ понялъ, что именно такъ беспокоитъ его. Въ этой свѣтлой комнатѣ спала годъ назадъ Нелли, а теперь ея нѣтъ.

«Какіе пустяки», — сказали Мартынь и попробовалъ продолжать чтеніе, — но это оказалось невозможнымъ. Онъ вспомнилъ давно минувшія ночи, когда ждалъ, что покойный отецъ царапнетъ въ углу. У Мартына сильно забилось сердце; въ постели стало жарко и неудобно. Онъ представилъ себѣ, какъ самъ будетъ когда-нибудь умирать, и было такое ощущеніе, словно медленно и немолимо опускается потолокъ. Что-то мелко застучало въ тѣневой части комнаты, и у Мартына екнуло въ груди. Но это просто закапала на линолеумъ вода, пролитая на доску умывальника. А вѣдь странно: если бродятъ души покойниковъ, то все хорошо, есть, значитъ, загробныя движенія души, — почему же это такъ страшно? «Какъ же я самъ буду умирать?» — подумалъ Мартынь и началъ перебирать въ умѣ всѣ разновидности смерти. Онъ увидѣлъ себя стоящимъ у стѣнки, вобравшимъ въ грудь побольше воздуха и ожидающимъ залпа, и вспоминающимъ съ дикой безнадежностью вотъ эту, вотъ эту нынѣшнюю мину-

ту, — свѣтлую спальню, пухлую ночь, безпечность, без-
опасность. Могли быть и болѣзни, ужасныя болѣзни, раз-
рывающія внутренности. Или крушеніе поѣзда. Или, нако-
нецъ, тихое замираніе старости, смерть во снѣ. А еще --
темный лѣсъ и погоня. «Пустяки, — подумалъ Мартынъ.
— У меня большой запасъ. Да и каждый годъ — цѣлая
эпоха. Что же тутъ тревожиться? А можетъ быть Нелли
здѣсь и сейчасъ видитъ меня? Можетъ быть, вотъ-вотъ —
подастъ мнѣ знакъ?» Онъ посмотрѣлъ на часы, было око-
ло двухъ. Безпокойство становилось нестерпимымъ. Ти-
шина какъ будто ждала, — дальній рожокъ автомобиля
былъ бы счастьемъ. Тишина лилась, лилась — и вдругъ
пересидлась черезъ край: кто-то на цыпочкахъ босикомъ
шелъ по коридору.

«Спите?» -- раздался вопросительный шопотъ черезъ
дверь, и Мартынъ не сразу могъ отвѣтить, что-то заскочи-
ло въ горлѣ. Соня, войдя, тихо опустилась съ пальцевъ
на пятки. На ней была желтая пижама, жесткіе черные во-
лосы были слегка растрепаны. Такъ она постояла нѣсколь-
ко мгновений, моргая снуганными рѣсницами. Мартынъ,
присѣвъ на постели, глухо улыбался. «Нѣтъ никакой воз-
можности спать, — таинственно проговорила Соня. —
Мнѣ испрїятно, мнѣ какъ-то жутко, — и потомъ эти ужа-
сы, которые онъ рассказываетъ». «Отчего вы, Соня, боси-
комъ? — пробормоталъ Мартынъ. — Хотите мои ночныя
туфли?» Она покачала головой, задумчиво пуча губы, и
затѣмъ опять тряхнула волосами и посмотрѣла неопредѣ-
ленно на Мартынову постель. «Хопъ-хопъ», — сказала
Мартынъ, похлопывая по одѣяду въ ногахъ постели. Она
влѣзла и встала сперва на колѣни, а потомъ медленно за-
двигалась и свернулась въ уголку, на одѣялѣ, между из-
ножкой постели и стѣной. Мартынъ вытащилъ изъ-подъ
себя подушку и подложилъ ей за спину. «Спасибо», — ска-
зала она совершенно беззвучно, -- очертаніе слова можно
было только угадать по движеніямъ блѣдныхъ мягкихъ
губъ. «Вамъ удобно?» — нервно спросилъ Мартынъ, под-

жавъ колѣни, чтобы ей не мѣшать, а потомъ опять наклонился впередъ и, взявъ съ кресла рядомъ халатъ, прикрылъ ея босыя ноги. «Дайте мнѣ папиросу», — попросила она погодя. Мартынь далъ. Отъ Сони шло нѣжное тепло, и вокругъ прелестной голой шеи была тонкая цѣпочка. Она затянулась и, щурясь, выпустила дымъ и отдала папиросу Мартыну. «Крѣпкая», — сказала она съ грустью. «Что вы дѣлали лѣтомъ?» — спросилъ Мартынь, стараясь побороть что-то глухое, сумасшедшее, совершенно невозможное, отъ котораго даже знобило. «Такъ. Ничего. Были въ Брайтонѣ». Она вздохнула и добавила: «Летала на гидропланѣ». «А я чуть не погибъ», — сказалъ Мартынь. — Да-да, чуть не погибъ. Высоко въ горахъ. Сорвался со скалы. Едва спасся». Соня смутно улыбулась. «Знаете, Мартынь, она всегда говорила, что самое главное въ жизни — это исполнять свой долгъ и ни о чемъ прочемъ не думать. Это очень глубокая мысль, правда?» «Да, можетъ быть, — отвѣтилъ Мартынь, невѣрной рукой суя недокуренную папиросу въ пепельницу. — Можетъ быть. Но вѣдь иногда это скучновато». «Ахъ, нѣтъ же, нѣтъ, — не просто дѣло, не работу или тамъ службу, а такое, ну такое, — внутреннее». Она замолчала, и Мартынь замѣтилъ, что она дрожитъ въ легонькой своей пижамѣ. «Холодно?» — спросилъ онъ. «Да, кажется холодно. И вотъ. это нужно исполнять, а у меня, наприимѣръ, ничего нѣтъ». «Соня, — сказалъ Мартынь, — можетъ быть, вы..?» Онъ слегка отвернулъ одѣяло, и она встала на колѣнки и медленно подвинулась къ нему. «И мнѣ кажется, — продолжала она, вползая подъ одѣяло, которое онъ, ничего не слыша изъ того, что она говоритъ, неловко натянулъ на нее и на себя. -- Мнѣ вотъ кажется, что многіе люди этого не знаютъ, и отъ этого происходитъ...» Мартынь глубоко вздохнулъ и обнялъ ее, прильнувъ губами къ ея щекѣ. Соня схватила его за кисть, приподнялась и мгновенно выкатилась изъ постели. «Боже мой, — сказала она, — Боже мой!» И ея темные глаза заблестѣли слезами, и въ одно мгновеніе все

лицо стало мокро, длинныя свѣтлыя полосы поползли по щекамъ. «Ну, что вы, не надо, я просто, ну, я не знаю, ахъ, Соня», — бормоталъ Мартынь, не смѣя ея тронуть и торопясь отъ мысли, что она можетъ вдругъ закричать и поднять на ноги весь домъ. «Какъ вы не понимаете, — сказала она протяжно, — какъ вы не понимаете... Вѣдь я же вотъ такъ приходила къ Нелли, и мы говорили, говорили до свѣта...» Она повернулась и, плача, вышла изъ комнаты. Мартынь, сидя въ спутанныхъ простыняхъ, беспомощно ухмылялся. Она прикрыла за собой дверь, но снова ее отворила, просунула голову. «Дуракъ», — сказала она совершенно спокойно и дѣловито, — послѣ чего застѣнула прочь по коридору.

Мартынь нѣкоторое время глядѣлъ на бѣлую дверь. Когда онъ потушилъ свѣтъ и попробовалъ уснуть, послѣднее оказалось какъ будто невозможно. Онъ сталъ размышлять о томъ, что, какъ только забрезжитъ утро, нужно будетъ одѣться, сложить вещи и тихо уйти изъ дому прямо на вокзалъ, — къ сожалѣнію, онъ на этихъ мысляхъ и уснулъ, — а проснулся въ четверть десятаго. «Можетъ быть, это все было сонъ?» — сказалъ онъ про себя съ нѣкоторой надеждой, но тутъ же покачалъ головой и, въ приливъ мучительнаго стыда, подумалъ, какъ это онъ теперь встрѣтится съ Соней. Утро выдалось неудачное: онъ опять нескстати влетѣлъ въ ванную комнату, гдѣ Зилановъ, широко разставивъ короткія ноги въ черныхъ штанахъ, наклонивъ корпусъ въ плотной фланелевой фуфайкѣ, мыль надъ раковиной лицо, до скрипа растиралъ щеки и лобъ, фыркая подъ бьющей струей, прижималъ пальцемъ то одну ноздрю, то другую, яростно высмаркиваясь и плюясь. «Пожалуйста, пожалуйста, я кончилъ», — сказалъ онъ и, ослѣпленный водой, роняя брызги, какъ крылышки держа руки, понесся къ себѣ въ комнату, гдѣ предпочиталъ хранить полотенце.

Затѣмъ, спускаясь внизъ, въ столовую, пить пикуту, Мартынь встрѣтился съ Ольгой Павловной: лицо у неч

было ужасно, лиловатое, все распухшее, — и онъ страшно смутился, не смѣя ей сказать готовыхъ словъ соболѣзнованія, а другихъ не зная. Она обняла его, почему-то поцѣловала въ лобъ, — и, безнадежно махнувъ рукой, удалилась, и тамъ, въ глубинѣ коридора, мужъ ей что-то сказалъ о какихъ-то бумагахъ, съ совершенно неожиданной надтреснутой нѣжностью въ голосъ, на которую онъ казался вовсе неспособенъ. Соню же Мартынъ встрѣтилъ въ столовой, — и первое, что она ему сказала, было: «Я васъ прощаю, потому что всѣ швейцарцы кретины, --- кретьнъ — швейцарское слово, — запишите это». Мартынъ собиравался ей объяснить, что онъ ничего не хотѣлъ дурного, и это было въ общемъ правдой, — хотѣлъ только лежать съ ней рядомъ и цѣловать ее въ щеку, — но Соня выглядела такой сердитой и унылой въ своемъ черномъ платьѣ, что онъ почелъ за лучшее смолчать. «Папа сегодня уѣзжаетъ въ Бриндизи, — слава Богу, дали, наконецъ, визу, — проговорила она, недоброжелательно глядя на плохо сдержанную жадность, съ которой Мартынъ, всегда какъ волкъ голодный по утрамъ, пожиралъ глазунью. Мартынъ подумалъ, что нечего тутъ засиживаться, день будетъ все равно нелѣпный, проводы и такъ далѣе. «Звонилъ Дарвинъ», — сказала Соня.

В. Сиринъ.

(Продолжение слѣдуетъ)

Изъ воспоминаній

X.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. ЗАМУЖЕСТВО ТАНИ. ОТЛУЧЕНІЕ.

Въ 1898 году отецъ неожиданно взялся за художественную работу — началъ писать Воскресенье. Противъ обыкновенія отецъ былъ заинтересованъ размѣромъ гонорара. Вырученныя деньги нужны были отцу для переселенія духоборовъ въ Канаду. Правительство продолжало ихъ преслѣдовать за отказъ отъ военной службы и они рѣшили эмигрировать въ Канаду.

Право перваго напечатанія «Воскресенья» было продано издателю «Нивы» Марксу по тысячу рублей за листъ.

Внизу въ столовой Московскаго дома весь столъ былъ заваленъ рукописями и корректурами. Переписывали всѣ: Таня, мама, гости. Отецъ изрѣдка спускался изъ своего кабинета внизъ и дѣлалъ указанія.

Я смотрѣла на всѣхъ съ завистью, мнѣ тоже хотѣлось принять участіе въ общей работѣ. Таня должно быть почувствовала это, пожалѣла меня и дала копировать на прессѣ письма отца. Я старалась изо всѣхъ силъ. Напрягая мускулы, обливаясь потомъ, я зажимала прессъ съ такой силой, что столъ подъ нимъ трещалъ. Сознаніе, что я дѣлаю что то для него, для отца, наполняло мое сердце счастливой гордостью.

Помню, отецъ уже совсѣмъ закончилъ романъ, и Марксъ прислалъ ему послѣднія корректуры. Онъ ихъ взялъ наверхъ посмотреть и снова все передѣлалъ! Полетѣли телеграммы съ просьбой задержать изданіе. Тѣмъ не менѣе вновь сдѣланныя отцомъ поправки не успѣли попасть въ заграничное изданіе, русское же было сильно исковеркано цензурой. Такимъ образомъ полнаго, точно установленнаго текста «Воскресенья» въ печати не было.

*) См. «Совр. Зап.» № 45.

Сереза уѣхаль въ Англїю хлопотать объ отправкѣ дуборовъ, и онъ, Ефросинья Дмитріевна Хирьякова и Леопольдъ Антоновичъ Суллержицкій сопровождали ихъ въ Канаду.

О Серезѣ беспокоились, ему писали, ждали отъ него извѣстій, и когда онъ вернулся и привезъ оттуда большую мѣховую канадскую шапку и рассказывалъ про свою поѣздку, онъ прїобрѣлъ въ моихъ глазахъ еще большее значеніе.

Въ этомъ же году вышла замужъ Таня. Ей было уже тридцать пять лѣтъ. Михаилъ Сергѣевичъ Сухотинъ — ее будущій мужъ былъ много старше ея. Отъ первой жены у него осталось шесть человѣкъ дѣтей, двое изъ нихъ старше меня.

Она долго колебалась.

— Ну, какъ ты, Сашка, думаешь, — спросила она меня. — выходитъ мнѣ замужъ или нѣтъ?

Я ничего не отвѣтила. Уткнувшись въ подушку дивана я громко заревѣла. Сестра засмѣялась, а потомъ и сама заплакала.

Не было человѣка въ домѣ, который сочувствовалъ бы Таниному замужеству. Всѣ были противъ. Мама всегда мечтала о блестящей партіи для своей любимицы. Ей хотѣлось, чтобы Таня вышла замужъ за Мих. Ал. Стаховича или за гр. О., у Тани не было недостатка въ женихахъ. И вдругъ она выходитъ замужъ за вдовца съ шестью дѣтьми! Даже старая прислуга ворчала:

— И что это съ Татьяной Львовной сдѣлалось? На такихъ дѣтей итти!

Въ церкви я не могла удержаться отъ слезъ, хотя и боялась, что Таня замѣтитъ и обидится. Отецъ тоже плакалъ.

Я конфузилась, когда послѣ свадьбы Мих. Серг. предлагалъ мнѣ называть его на ты.

— Говори мнѣ «ты Михаилъ Сергѣевичъ». Это будетъ и по родственному и почтительно, — уговаривалъ онъ меня.

А я смотрѣла на сѣдого, почтеннаго старичка, съ круглымъ брюшкомъ и не рѣшалась. Только много позднее я привыкла къ нему и стала называть дядей Мишей.

Съ теченіемъ времени всѣ полюбили Михаила Сергѣевича. Веселый, остроумный, съ прекраснымъ характеромъ, онъ всегда вносилъ оживленіе. Отецъ любилъ говорить съ

нимъ, играть въ шахматы. Мы подружились и съ его семьей. Ближе всѣхъ я сошлась съ Наташей и съ моимъ ровесникомъ Мишей.

Таня хворала, у нея постоянно были насморкъ и головныя боли. Болѣзнь то улучшалась, то снова ухудшалась, наконецъ, головная боль настолько усилилась, что она лежала сутками не въ силахъ двигаться и говорить. Доктора опредѣлили нагноеніе въ лобной пазухѣ, такъ называемый фронтитъ. Надо было сдѣлать трепанацію черепа.

Операцию дѣлалъ профессоръ фонъ-Штейнъ въ клиникѣ. Въ это время у меня былъ урокъ. Учитель исторіи ни за что не соглашался отпустить меня. Но я не могла заниматься, я ежеминутно смотрѣла на часы, слезила на стулъ, не слушала его и онъ понялъ, что толка отъ меня все равно не будетъ.

Я пустилась со всѣхъ ногъ по переулку и вдругъ вспомнила, что въ клинику меня не пустятъ. Я осталась ждать на улицѣ. Мимо меня поспѣшно прошелъ отецъ. А вечеромъ мама съ возмущеніемъ рассказывала про профессора. Отецъ сидѣлъ рядомъ съ операционной и ждалъ. Вдругъ дверь отворилась и съ засученными рукавами, въ бѣломъ халатѣ вышелъ фонъ-Штейнъ.

— Левъ Николаевичъ, хотите посмотреть на операцию?

На столѣ захлороформированная, безъ сознанія лежала Таня, блѣдная какъ смерть. Кожа на лбу была разворочена, черепъ пробитъ, лицо въ крови. Отецъ побѣднѣлъ и зачтался. Его подхватили подъ руку.

Операциа кончилась благополучно, Таня выздоровѣла. Нѣкоторое время на лбу былъ замѣтенъ некрасивый шрамъ, но затѣмъ выбритая бровь отросла и осталась чуть замѣтная складка, похожая на морщинку.

Танѣ такъ же, какъ и Машѣ, предстояло еще пережить много тяжелаго въ связи съ ихъ семейной жизнью. Съ мужьями онѣ были счастливы, но обѣ страдали одной и той же необъяснимой ужасной болѣзью. Онѣ донашивали дѣтей до 7, иногда до 8 мѣсяцевъ и рожали мертвыхъ.

Не только сами сестры, ихъ мужья, но и всѣ мы мучительно ждали конца ихъ беременности. Объ этомъ боялись говорить, боялись спрашивать. По отчаянію, по безнадежной тоскѣ на лицахъ сестеръ мы догадывались, что движенія ребенка становились слабѣе, а затѣмъ и совсѣмъ прекращались. Тогда страхъ за ребенка смѣнялся безпокойствомъ за сестеръ, ужасомъ передъ предстоящими

безплодными страданіями, связанными съ опасностью для жизни.

Я помню ощущение физической боли, когда я представляла себя роды. «Чтобы я когда-нибудь вышла замужъ! — думала я, содрогаясь, ни за что, ни за что па свѣтѣ!»

Съ замужествомъ Тани мы осиротѣли еще больше. Въ сущности теперь семья состояла изъ отца, матери, Миши и меня. Но и Миша, отслуживъ свой срокъ вольноопредѣляющимся въ Сумскомъ полку (учебнаго заведенія онъ такъ и не кончилъ), вскорѣ женился на Глѣбовой, прекрасной дѣвушкѣ, которую онъ любилъ чуть ли ни съ одиннадцати лѣтъ.

Но домъ не пустовалъ. Такая же шла суতোлка, прислуга не убавлялась.

Обычно люди по своему вкусу выбираютъ себѣ друзей и знакомыхъ. Въ нашей семьѣ это было не такъ. Благодаря имени отца часто тщеславные, пустые люди стремились попасть въ нашъ домъ. Семья наша отличалась большой покладистостью. Появляется человекъ разъ, два. Онъ мало всѣмъ симпатиченъ, но въ массѣ народа его не замѣчаютъ. Онъ упорно продолжаетъ приходить, старается оказывать мелкія услуги, постепенно къ нему привыкаютъ, перестаютъ стѣсняться, иногда забывшись, говорятъ при немъ о личныхъ, семейныхъ дѣлахъ. Онъ считаетъ себя своимъ человекомъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ оказывается, что онъ былъ близкимъ другомъ семьи, а иногда и самого Толстого и написалъ мемуары.

Я знаю, что нѣкоторые люди имѣли серьезные вопросы къ отцу, интересные и для него, но по деликатности боялись его потревожить.

Много лѣтъ спустя послѣ смерти отца мнѣ пришлось работать надъ его архивомъ въ Румянцевскомъ музеѣ. Вмѣстѣ со мной работалъ одинъ литераторъ. Онъ часто съ интересомъ и любовью разспрашивалъ меня объ отцѣ и сокрушался, что ему не удалось поговорить съ нимъ по ряду мучившихъ его вопросовъ.

— Почему же вы не пріѣхали въ Ясную Поляну? — спросила я.

— Былъ, — отвѣтилъ онъ. — Вошелъ въ усадьбу черезъ въѣздныя ворота, свернулъ въ паркъ, сѣлъ на скамеечку, просидѣлъ нѣсколько часовъ въ страшныхъ колебаніяхъ и уѣхалъ. Не рѣшился. Когда поѣздъ уносилъ меня изъ Ясной Поляны, — я плакалъ.

Среди «друзей» была барышня, одна из тѣхъ, которыя, оставаясь въ глубинѣ души равнодушными рѣшительно ко всему — къ музыкѣ, литературѣ, политикѣ, даже любви, изо всѣхъ силъ стараются показать, какъ сильно онѣ все воспринимаютъ. При этомъ онѣ неизбѣжно теряютъ чувство мѣры — смѣхъ выходитъ неестественнымъ, выраженья восторга преувеличенными, шумными, въ ихъ обществѣ дѣлается душно...

Дѣвица имѣла пристрастіе къ богатству и титуламъ. Мама она называла «графиня мать», сестру Таню — «графиня дочь». Скоро она сдѣлалась необходимой мамѣ матери. Ѣздила съ ней къ портнихамъ, за покупками, помогала въ расчетахъ съ артельщиками, разбираала бумаги.

— Нѣтъ, вы и представить себѣ не можете, графиня мать, какъ вы молодежны! — говорила она часто, усвоивъ съ матерью фамильярный тонъ, отъ котораго меня коробило. — Въ вашемъ возрастѣ ни одной морщины, ни одного сѣдого волоса!

Дѣвица отлично знала, что мама употребляла hair restore, отъ котораго у нее чернѣли волосы.

— Да что вы?! говорила мама, радостно улыбаясь и принимая комплиментъ за чистую монету.

— Честное слово! А это платье вамъ особенно идетъ!

Мама искренне ей вѣрила. Когда приходилъ Танѣевъ, барышня вносила въ разговоръ оживленіе. Крякливо, возбужденно она говорила о любви, и, слегка задѣвая Сергѣя Ивановича, мило съ нимъ кокетничала.

Миѣ часто хотѣлось сказать матери, что она подлизывается, что она фальшивая, но мама такъ сердечно къ ней относилась, что я не рѣшалась. Да и все равно она не повѣрила бы миѣ. Я молчала и остро ненавидѣла эту барышню.

Только много позднѣе узнавъ про ея безчестный поступокъ, мама убѣдилась въ томъ, что я уже давно знала.

Тяжелую повинность — хожденіе по симфоническимъ и квартетнымъ концертамъ, я больше не неслла. Дѣвица увѣряла мать, что музыка самая большая ея страсть и что Танѣевъ величайшій въ мірѣ композиторъ!

Также случайно застряла въ нашемъ домѣ Юля Ивановна Игумнова. Но это быть совершенно другой четувѣкъ. Она была чрезвычайно полезна намъ въ то время, когда сестры вышли замужъ, а я еще недостаточно подросла, чтобы помогать отцу. Юля Ивановна была товар-

кой Тани и Суллера по школь живописи. Она гостила въ Ясной Полянѣ со своей подругой, писала портреты. Подруга уѣхала, а Юльа Ивановна такъ и осталась у насъ на долгіе годы. Таня звала ее «Жюли», но французское имя такъ мало шло къ ней, что мы сейчасъ же передѣляли въ Жули, а потомъ въ Жули-Мули.

У Юліи Ивановны была привычка, подражая кому-то, повторять слова, замѣняя первую согласную буквой «м»: собака — мобака, тарелка — марелка и т. д.

Жули-Мули была спокойная, добродушная, но съ сознаниемъ собственного достоинства, дѣвица. Она безпрестанно хохотала, при чемъ скалила свои большіе, лошадиные зубы, обнажая десны, и встряхивая короткими волосами. Она любила острить, мягкимъ баскомъ пѣла частушки, любила масляными красками писать лошадей. Часами полудежа на кожаной кушеткѣ въ залѣ она могла съ тягучей лѣнью разговаривать неизвѣстно о чемъ. Иногда я приставала къ ней:

Жули, нарисуйте мой портретъ!

— Твой портретъ? Здравствуйте, пожалуйста! Кому же это интересно?

Время шло. Надвигались важныя событія. Въ февралѣ 1901 года Святѣйшій Синодъ отлучилъ моего отца отъ церкви. Въ то время правительство особенно свирѣпствовало. Смертными казнями, ссылками, цензурой оно все больше и больше раздражало общество. Студенческія сходки, протесты, запрещенная литература были на это отвѣтомъ.

Когда отца отлучили отъ церкви, русская интеллигенція точно обрадовалась поводу для выраженія своего негодованія противъ правительства. Со всѣхъ сторонъ посыпались письма, телеграммы, адреса, даже подарки. Студенты, рабочіе, крестьяне, высшая интеллигенція, учащіяся женщины, сѣрые обыватели, все спѣшили выразить отцу свое восхищеніе и преданность. По рукамъ ходили стихи хотворенія «Левъ и ослы» и «Голуби», въ которыхъ высмѣивалось правительство. На улицахъ тогда останавливались, привѣтствуя восторженными криками. Студенты приходили толпами къ нашему дому.

Если бы Святѣйшій Синодъ предвидѣлъ послѣдствія своего поступка, врядъ ли онъ совершилъ бы его.

Къ самому факту отлученія отецъ былъ совершенно равнодушенъ. Зато мать, считавшая себя православной, а

отца невѣрующимъ, почувствовала себя оскорбленной. Всѣмъ, кто только хотѣлъ ея слушать, она высказывала свое возмущеніе противъ Синода и духовенства и со свойственной ей горячностью написала письмо митрополиту Антонию.

Помню, какъ, громко восхищаясь, читалъ это письмо Александръ Никифоровичъ Дунаевъ.

— Идіоты! — кричалъ онъ, потрясая кулаками, — дураки! Нсужели они не понимаютъ, что не могутъ оскорбить Толстого!

То тамъ, то тутъ вспыхивали безпорядки. Въ Петербургѣ на Казанской площади казаки нагайками избили народъ. Князь Вяземскій, присутствовавшій при этомъ, оставивалъ ихъ, но былъ грубо отстраненъ. За свой поступокъ онъ получилъ выговоръ отъ Государя. Отецъ былъ тронутъ поступкомъ Вяземскаго и написалъ ему письмо, подъ которымъ всѣ подписались *).

Вслѣдъ за этимъ правительство закрыло «Союзъ писателей» за протестъ противъ избіенія народа на Казанской площади. Снова писали адресъ, подъ которымъ подписывался отецъ и знакомые. Революціонное настроеніе захватывало всѣхъ. Но какъ только я хотѣла принять участіе въ общемъ оживленіи, мнѣ говорили:

— Молода еще! Не твоего ума дѣло!

Даже адресовъ не позволяли подписывать. И только съ Мишей Сухотинымъ, пасынкомъ сестры Тани, жившимъ

*) «Уважаемый Князь Леонидъ Дмитриевичъ! Мужественная, благородная и человѣколюбивая дѣятельность Ваша 4-го марта передъ Казанскимъ соборомъ извѣстна всей Россіи.

Мы надѣемся, что Вы, такъ же, какъ и мы, относите выговоръ, полученный Вами отъ Государя за эту дѣятельность, только къ грубости и жестокости тѣхъ людей, которые обманываютъ его. Вы сдѣлали доброе дѣло и русское общество всегда останется Вамъ благодарнымъ за него

Вы предпочли отдаться чувству негодованія противъ грубаго насилія и требованія человѣколюбія, а не условнымъ требованіямъ приличія и Вашего положенія, и поступокъ Вашъ вызываетъ всеобщее уваженіе и благодарность, которыя мы и выражаемъ Вамъ этимъ письмомъ». (Арх. Толстовскаго Музея).

Отвѣтъ князя Вяземскаго (даты нѣтъ): «Глубокоуважаемый графъ Левъ Николаевичъ. Позвольте мнѣ отъ всей души поблагодарить Васъ за Ваше письмо. Оно вмѣстѣ съ другими многочисленными знаками сочувствія, конечно, облегчитъ тяжесть кары, меня постигшей, такъ какъ за меня теперь ужъ не одна моя совѣсть, а совѣсть многихъ лю-

у насъ въ домѣ, я отводила душу. Его также отовсюду отстраняли. Намъ не позволили подписаться подъ письмомъ къ князю Вяземскому и мы сочинили другое, восторженное письмо, но послать не рѣшились.

Наконецъ, забросивъ уроки, мы занялись распространіемъ запрещенной литературы. Безконечное количество разъ мы переписывали отъ руки басни «Левъ и ослы» и «Голуби» и раздавали ихъ своимъ знакомымъ съ надписью крупными буквами: «Просимъ распространять». Пытались мы переписывать статьи отца «Отвѣтъ Синоду» и «Царь и его помощники», но это оказалось настолько кропотливой работой, что я одолѣла только одну копию «Отвѣта» и передала ее своей учительницѣ исторіи для дальнѣйшаго распространія.

Мы съ Мишей стали искать средства болѣе продуктивной работы. Одинъ разъ Миша, вернувшись изъ гимназіи, таинственно мнѣ сообщилъ, что досталъ гектографъ и, какъ только стемнѣетъ, привезетъ его.

Весь вечеръ я не находила себѣ мѣста. Услышу звонокъ и бѣгу со всѣхъ ногъ по темному корридору посмотрѣть, кто пришелъ. А сердце такъ стучить, что въ груди больно.

Миша привезъ ящикъ поздно вечеромъ и мы тихонько черезъ буфетную перетасили его къ нему въ комнату. Когда всѣ улеглись спать, у насъ началась работа. Надо было переписать статьи гектографскими чернилами, сдѣлать оттискъ на желатинѣ, а потомъ уже печатать. Первые

дей, чувства которыхъ мнѣ дороги. Меня радуетъ и то, что огромное большинство моихъ сосуживцевъ думаетъ и чувствуетъ, какъ я. Всѣ они поступили бы такъ же, какъ и я, а если не имъ, а мнѣ выпало на долю исполнить долгъ свой, то это почти случайность, за которую я благодарю Бога. Если же поступокъ мой поставленъ мнѣ въ тяжкую вину, то это естественно потому, что недобрыя, чисто личныя чувства нѣсколькихъ людей одержали верхъ надъ разумомъ и добромъ, затмивъ ихъ, я надѣюсь, только временно. Когда наступитъ прозрѣніе, я не знаю, но вѣрю, что оно наступитъ, и чѣмъ темнѣе теперь ночь, тѣмъ ближе, значить, пробужденіе. Государь поступилъ со мной очень строго, но онъ сдѣлалъ это по незнанію правды. Онъ не могъ сознательно желать ни того, что случилось, ни того, изъ-за чего это случилось. Еще разъ благодарю Васъ, высокочтимый графъ; благодарю графиню и всѣхъ тѣхъ, которые пожелали сказать мнѣ, что они со мною. Искренно и душевно преданный Вамъ».

(Изъ матеріала, подготовляемаго для перваго полнаго собранія сочиненій Л. Н. Толстого. Томъ 70-ый подъ ред. В. Жданова).

листки мы испортили, работа не клеилась, но постепенно наладилась и дѣло пошло. За разъ выходило около ста экземпляровъ. Работали мы нѣсколько ночей. Выпустили одно, какъ мы важно называли, изданіе «Отвѣта Синоду», нѣсколько изданій басенъ и приступили къ печатанію статьи «Царю и его помощникамъ». Но закончить его намъ не удалось. Кто-то изъ домашнихъ прослѣдилъ и сказалъ матери, что мы по ночамъ не спимъ и навѣрное занимаемся чѣмъ-нибудь нехорошимъ.

Мы были такъ увлечены работой, что не слышали какъ кто-то подошелъ къ двери и толкнулъ ее.

— Что вы здѣсь дѣлаете?

Мы оглянулись. На порогѣ стояла мама. Брови ея были сдвинуты, губы сжаты, глаза сверкали гнѣвомъ.

— Мы... мы... печатаемъ...

— Что?!!!

-- Печатаемъ.

Миша пробовалъ напустить на себя безпечный видъ, онъ сталъ говорить о томъ, что мы не могли не принять участія въ общемъ дѣлѣ протеста Синоду, что мы хотимъ распространять идеи Льва Николаевича и т. д. Но моя мать только еще грознѣе сдвинула брови. Мнѣ показалось, что все задрожало, когда надъ нами разразилась буря ея гнѣва.. Мишу она хотѣла выгнать изъ дому, меня запереть, гектографъ выбросить.

— Какъ вы смѣли! — кричала она, -- вносить въ домъ гектографъ!? Вы же знали, что это запрещенная вещь?! А если бы сдѣлали обыскъ и нашли эту мерзость, изъ-за васъ всѣ попали бы въ тюрьму! А?

На утро Миша увезъ гектографъ. Мнѣ было запрещено входить къ нему въ комнату. Но мы спасли отъ уничтоженія «Отвѣтъ Синоду» и отдали его отцу для распространенія.

Онъ не сердился, а только добродушно посмѣялся надъ нашей попыткой подпольной работы.

XI.

ТЕТЕНЬКА.

Я почувствовала себя взрослой. Вотъ какъ это случилось.

Съ письменнаго стола мама въ гостиной я взяла карандашъ и забыла положить его на мѣсто. Мама разсердилась, бранила меня и, схвативъ за плечо, хотѣла ударить.

Все мое существо возмутилось, кровь кинулась въ голову.

— Не смѣй, не смѣй! — крикнула я ей, не прячась, а наоборотъ, подступая ближе и подставляя лицо, — не смѣй! Слышишь, я за себя не ручаюсь!

Мама была поражена, рука опустилась и она отступила отъ меня.

Я выскочила и побѣжала внизъ, на дворъ, въ темноту парка. Должно быть видъ у меня былъ странный, Андрюша и Сережа Сухотинъ бросились въ садъ меня искать. Я слышала ихъ голоса, но не откликалась. Когда я немного успокоилась и мнѣ надоѣло сидѣть въ темнотѣ, я пошла домой и въ дверяхъ столкнулась съ отцемъ. Онъ что-то говорилъ мнѣ о прощеніи, но я не слушала его.

— Я не позволю, не позволю больше себя бить, — повторяла я, увѣренная, что въ этомъ и заключается самое важное, а не въ томъ, что говорилъ отецъ:

— Мама самой тяжело, простить надо, помириться...

Съ тѣхъ поръ мама уже не била меня, но иногда ей трудно было сдерживаться.

Въ этомъ году Миссъ Вельшь пріѣхала гораздо позднѣе, ко мнѣ поступила М-ль Котингъ. Затянутая въ корсетъ, съ сѣдѣющими кудельками на лбу, короткими, узловатыми руками съ просвѣчивающими лиловыми жилками, М-ль Котингъ внушала мнѣ страшное отвращеніе. Я не могла видѣть ее, меня раздражалъ ея скрипучій голосъ, желаніе молодиться, затянутая талія — все.

И вотъ одинъ разъ старая дѣва расчувствовалась и рассказала мнѣ, что она влюблена, что ей очень хочется поскорѣе на родину, потому что тамъ ждетъ ее женихъ. Я съ трудомъ удерживалась отъ смѣха. Мнѣ казалось невѣроятнымъ, что такая старуха (ей было лѣтъ подь сорокъ) мог-

ла думать о женихахъ и романахъ, но я терпѣливо ее слушала и разсматривала карточку жениха — плотнаго пожилого нѣмца съ усами à la *Villhelme*.

Вдругъ мнѣ захотѣлось подразнить ее.

— *Que direz vous, mademoiselle, si moi aussi je suis amoureuse?* — спросила я съ вызывающимъ видомъ.

М-ль Котингъ передернуло.

— *Oh! Mais je dirai que c'est un peu trop tôt!*

Но на меня уже напалъ задоръ и я не могла остановиться.

— *Mademoiselle Koting!* — заявила я торжественно, — *je suis amoureuse!*

— *Tiens, tiens, racontez moi ça!*

Я, забывъ, что она гувернантка, приставленная слѣдить за моею нравственностью, рассказала ей, что я влюблена въ одного гимназиста и онъ въ меня тоже.

— И вы съ нимъ цѣловались? — съ ужасомъ спросила М-ль Котингъ.

— Нѣтъ, онъ хотѣлъ меня поцѣловать, но я не согласилась, — отвѣчала я съ гордостью.

На этомъ разговоръ о романахъ кончился. Черезъ нѣсколько дней, когда я проходила мимо темной комнатки, гдѣ мама проявляла фотографіи, она окликнула меня. Въ страшно рѣзкихъ выраженіяхъ она стала меня бранить.

— Нечего сказать, хорошія ты подаешь надежды, если въ 15 лѣтъ цѣлуешься со всякими шелопаями, дрянная дѣвченка, мерзкая!

Мама кричала, топая ногами. Это было ужасно страшно. Въ промежуткахъ между криками, я пробовала оправдываться.

— Это неправда, мама, я не цѣловалась!

Но мама не слушала, она такъ разошлась, что еще немножко и она ударила бы меня. Въ этотъ моментъ вошла гостившая у насъ тетенька Татьяна Андреевна Кузминская.

— Что это ты кричишь, Соня? — спросила она.

И узнавъ въ чемъ дѣло, сказала:

— Надо же разобраться, спросить Сашу, можетъ быть это все еще неправда.

— Идемъ ко мнѣ, — сказала она тономъ, не допускающимъ возраженія.

Я съ радостью пошла за ней.

— Ну садись, рассказывай всю правду, слышишь, толь-

ко не ври, все равно узнаю, но глазамъ узнаю, если вздумаешь скрывать!

Я рассказала тетенькѣ про свой романъ. Гимназистъ за мной ухаживалъ и мнѣ казалось, что это очень весело, какъ одинъ разъ мы очутились вдвоемъ и онъ сталъ перебирать бусы у меня на шеѣ. Я отстранилась отъ него, а онъ спросилъ: «можно тебя поцѣловать?» и какъ мнѣ стало страшно и я сказала «нѣтъ» и убѣжала отъ него.

— И все? — спросила тетенька.

— Все.

— Постой, а что же ты наговорила М-ль?

— Тетенька, я рассказала ей меньше, чѣмъ тебѣ. Она отвратительная, мерзкая, старая лгунья! — съ жаромъ воскликнула я. — Она же первая мнѣ рассказывала про какого то швейцарца, за котораго она собирается замужъ.

— Не врешь? — спросила тетенька.

Но это она спросила уже для очистки совѣсти, своимъ чуткимъ, добрымъ сердцемъ она прекрасно понимала, что я говорю ей правду. Легкой, чуть подпрыгивающей походкой, она побѣжала наверхъ къ мама.

Котингъ уѣхала. Тетенька настояла на этомъ.

— Дрянъ такая, — говорила она, — сама Сашѣ про свои романы рассказывала, а потомъ на нее же Богъ знаетъ, что наплела.

У меня остался горькій осадокъ отъ этой исторіи, мнѣ казалось, что мама такъ и не повѣрила мнѣ.

А потомъ пріѣхала милая Миссъ Вельшь.

Свѣтлымъ, яркимъ лучемъ прошла тетенька черезъ всю мою жизнь — съ ранняго дѣтства и до послѣднихъ тяжелыхъ революціонныхъ лѣтъ, когда она была для меня единственнымъ близкимъ человѣкомъ въ Ясной Полянѣ!

Въ моемъ раннемъ дѣтствѣ Кузминскіе каждое лѣто пріѣзжали въ Ясную Поляну. Бывало шумно, весело, у нихъ была почти такая же большая семья, какъ наша. Тетенька — первая затѣйщица: то за грибами, то купаться, то пикники, то другъ къ другу объѣдать.

Высокаго, красиваго, важнаго крестнаго моего Александра Михайловича Кузминскаго мы боялись, тетеньку — обожали. — «Тетья Соня», «тетя Таня», слышалось по

стоянно. Иногда мы путали и тетю Таню называли маме, а мама тетей Соней.

Тетенька любила радость и веселье. Все, что было не радостно, — она съ негодованіемъ откидывала. Она терпѣть не могла ссорь, непріятностей, злобы — онѣ нарушали радость, и старалась скорѣе все уладить. Какъ только ссорящіеся съ ней сталкивались, она мирила ихъ и вкладывала въ это столько жара, что всегда достигала цѣли. Съ дѣтьми она вовсе не церемонилась, если кто-нибудь поссорится или подерется, она сейчасъ же схватить ихъ за шиворотъ и стучаешь головами другъ о друга, сердито приговаривая: — «ну цѣлуйтесь же, дряни вы этакія, цѣлуйтесь, говорятъ вамъ!» А если это не дѣйствовало, она и подзатыльникъ дастъ, чтобы поскорѣе помирились, и тогда дѣлалось такъ смѣшно, что пропадала злость.

Какъ то младшій сынъ тетеньки, любимецъ ея Митичка захворалъ желудкомъ и надо было ему дать касторового масла.

— Митичка, — говорила тетенька, ласково-просительно подавая ему касторку въ рюмкѣ, края которой были обмазаны лимоннымъ сокомъ, — Митичка, милый мальчикъ, выпей касторку.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, — съ какой-то недѣтской увѣренностью тянулъ Митичка, въ тактъ къ каждому «нѣтъ» отрицательно помахивая рукой.

— Митичка, — уже нѣсколько строже говорила тетенька, выпей касторку!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, — съ еще большей настойчивостью тянулъ Митичка.

— Митичка! — грозно воскликнула тетенька, — выпей касторку!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — въ голосѣ Митички слышались уже капризные нотки.

— Да, да, да! — вскрикивала тетенька, давая Митичкѣ три подзатыльника и опрокидывая рюмку съ касторкой опѣшившему мальчику въ горло. Онѣ глоталъ, морщась, захлебываясь, а тетенька запикивала ему въ ротъ ложку малиноваго варенья на закуску.

Бывало придуть къ тетенькѣ гости, а она ихъ угощаетъ:

— Кушайте, пожалуйста, кушайте, все равно собакамъ бросится.

И никто не обижался, всѣ смѣялись.

Я къ сожалѣнію не помню ее молодой, но помню, что она пѣла такъ, какъ никто на свѣтѣ. Я спала въ дѣтской за двѣ комнаты отъ залы. Прогонять спать, а я знаю, что тетенька будетъ пѣть, и жду. И вотъ слышу первые аккорды, на фортепьяно беретъ папа или братъ Сережа. Сердце стучить. Въ ночной рубашкѣ я крадусь въ гостиную.

Я помню чудное мгновенье
Передо мной явилась ты...

Я знаю каждую ноту, дыханье захватываетъ, мнѣ кажется, что я сама, все вокругъ пріобрѣтаетъ новое, особенное значеніе, внутри дѣлается что-то страшное, я чувствую въ себѣ новыя возможности, силу, которая растетъ, распухаетъ, томить...

Тетенька кончила. Похвалы, восклицанія кажутся ненужными, нарушаютъ очарованіе. Но вотъ она снова начинаетъ любимый романсъ отца:

Слышу ли голосъ твой
Звонкій и ласковый,
Сердце какъ птичка
Въ клѣткѣ запрыгаетъ,
Встрѣчу-ль глаза твои
Лазурью глубокие,
Душа навстрѣчу имъ
Изъ груди прѣбится.
И такъ то весело,
И хочется плакать,
И такъ на шею бы
Къ тебѣ-бъ я кинулся!

— Превосходно, превосходно, — слышится голосъ отца. — Чудесно!

Я стою въ ночной рубашкѣ, меня трясетъ, и внутри растетъ и ширится что-то, чего словами я назвать не умѣю.

Помню освѣщенную залу. Мама и тетенька, взявшись за руки, придерживая юбочки, танцуютъ старинную польку. Па впередъ, па назадъ. Онѣ расходятся, опять сходятся, обѣ раскраснѣлись, глаза горятъ. Тетенька тонкая, стройная, мама немножко портитъ большой, выдающийся животъ, но онѣ обѣ прекрасны въ эту минуту. Когда онѣ за-

пыхавшіяся, сконфуженныя, но довольныя, садятся, все аплодируютъ.

Бывало отецъ посмотритъ на тетеньку такую сіяющую, жизнерадостную и скажетъ:

— Таня, а вѣдь ты умрешь!

— Вотъ глупости какія! — восклицала она съ негодованіемъ. — Никогда!

Отцу это нравилось, онъ смѣялся до слезъ.

Тетенька осталась одна. Разлетѣлись дѣти, умеръ дядя Саша Кузминскій. Послѣ октябрьской революціи въ его петербургскую квартиру ворвались рабочіе, стали чего то требовать... Онъ всталъ во весь свой громадный ростъ, что то громко крикнулъ и упалъ безъ чувствъ. У него сдѣлался ударъ. Тетенька пріѣхала въ Ясную Поляну.

Въ годы тяжелые, голодные, страшные жила она въ Ясной Полянѣ и была для меня единственнымъ утѣшеніемъ.

Избалованная, привыкшая ни въ чемъ себѣ не отказывать, тетенька жевала кормовую свеклу и радовалась, когда доставала себѣ кусочекъ мяса или сыра. Она сдѣлалась худа какъ моци, я легко подымала ее, и когда у нея ослабѣвало сердце, носила ее на рукахъ наверхъ.

Бывало раздобудешь въ Москвѣ или въ Тулѣ кофе или шоколадъ, привезешь ей, она радуется какъ ребенокъ. Я выхлопотала ей пенсію въ сорокъ рублей, изъ которыхъ она мало того, что послала сыну, но помогала ему еще и тѣмъ, что взяла своего внука въ Ясную Поляну и воспитывала его по старинному, главное вниманіе удѣляя изученію языковъ.

Послѣдніе годы тетенька писала свои воспоминанія, которыя теперь читаются съ такимъ интересомъ, выдержали уже два изданія и переводятся на другіе языки. Она торопилась, боялась, что умретъ, не допишетъ.

Бывало зайдешь въ комнату, она улыбнется радостно такъ, сдвинетъ очки на лобъ, глаза у нея блестятъ, видно, что она только что жила въ другомъ, давно ушедшемъ мірѣ.

— Все пишешь, тетенька? Устаешь очень?

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, а то скоро помру, не успѣю кончить, — говорила она.

Ей было уже 75 лѣтъ. 12 января (Татьянинъ день) она писала своему сыну, что ей грустно. Сегодня ея именины, она ото всѣхъ скрыла. Денегъ нѣтъ, купить нечего. Но мы всѣ прекрасно помнили, что тетюшка именинница. Съ утра я уѣхала въ городъ и привезла оттуда пропасть вкусныхъ вещей. Въ кухнѣ пеклись пироги.

— Что въ кухнѣ дѣлается? спрашивала тетенька приставленную къ ней старушку.

— Да ничего, — отвѣчала она (мы посвятили ее въ нашъ секретъ), — Николаевна обѣдъ готовить.

Вечеромъ, обычно мертвая, зала Музея ожила. Столъ накрылъ бѣлой скатертью, зашумѣлъ старый толстовскій самоваръ, разставили конфеты, цвѣты, пироги, фрукты, даже бутылку портвейна. На другомъ столѣ разложили подарки. Всѣ служащіе принесли чтонибудь: почтовую бумагу, одеколонъ, кофе, кусокъ ростбифу, все что могли найти по тогдашнимъ голоднымъ временамъ. Когда всѣ собрались — пошли за тетенькой. Въ залѣ было темно.

— Вотъ удивительно, — говорила она. — Позвали меня, и даже огня не потрудились зажечь! — Въ эту минуту залу освѣтили. Увидавъ всѣхъ насъ въ нарядныхъ платьяхъ, накрытый столъ, подарки, тетенька разволновалась, расплакалась, бросилась всѣхъ по очереди цѣловать, благодарить и побѣждала надѣвать свѣтлое платье.

Въ этотъ вечеръ она пѣла! Моя двоюродная сестра Елена Сергѣевна Денисенко аккомпанировала ей. Голосъ тетеньки дрожалъ, нѣкоторыя ноты она не могла вытянуть. Она раскраснѣлась, разволновалась. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надо было ускорить темпъ, она толкала въ спину Елену Сергѣевну — сила жизни была въ ней еще огромная!

Слышу ли голосъ твой
Звонкій и ласковый...

Я слушала ее и мнѣ хотѣлось плакать. Когда она кончила, я обняла ее:

— Милая тетенька, — говорила я ей, — ты только не умирай! Что я буду безъ тебя дѣлать?

— Нѣтъ, нѣтъ, — утѣшала она меня. — Нѣтъ!

А черезъ нѣсколько дней, когда всѣ собрались въ сто-

ловую къ обѣду, пришла тетенька, тихо сѣла на диванъ ждуть одного изъ сотрудниковъ, собиравшагося ѣхать въ Тулу.

Вдругъ кто-то сказалъ:

— Что это съ Татьяной Андреевной?

Я вскочила. Она тихо склонилась на одинъ бокъ. Ее взяли на руки и понесли наверхъ, безжизненно болталась правая рука, отнялся языкъ.

Черезъ нѣсколько дней она умерла.

И когда мы выносили гробъ изъ Яснополянскаго дома и слезы помимо моей воли текли по щекамъ, я вдругъ вспомнила:

— Таня, а вѣдь ты умрешь!

— Вотъ глупости! Никогда!

ХП.

ИСПОВѢДЬ.

Впервые я подошла къ отцу, когда мнѣ было 15 лѣтъ. Это время я считаю началомъ моей близости съ нимъ. Съ годами она все увеличивалась.

Была шестая недѣля поста. По всей Москвѣ слышался звонъ колоколовъ, только что отошла всенощная. Несмотря на постъ, въ воздухѣ чувствовалось что-то праздничное — и въ журчащихъ вдоль троттуаровъ ручейкахъ, и въ веселомъ перезвонѣ, и въ заходящемъ солнцѣ, бросающемъ красно-желтые отблески на окна дома.

Я шла отъ всенощной изъ небольшой церкви на Пречистенкѣ, гдѣ пѣлъ прекрасный хоръ слѣпыхъ дѣвушекъ. Пѣли очень хорошо, особенно одна изъ нихъ съ свѣтлыми волосами и грустнымъ лицомъ. Отъ ея голоса было даже немного жутко, столько печали и тоски слышалось въ немъ.

Въ ранней молодости часто бываетъ состояніе какого-то восторженнаго умиленія, когда кажется, что всѣхъ любишь и что ты самъ такой добрый, хороший, что и другіе не могутъ не любить тебя.

Именно это чувство я испытывала, когда шла изъ церкви. Мнѣ было легко, весело, внутри все пѣло и радовалось. Рядомъ со мной въ церкви стояла сторбленная, нищенски одѣтая старушка съ трясущейся головой. Я оказывала ей

мелкія услуги — ставила за нее свѣчи къ иконамъ, приносила стулъ, помогала сходить съ приступокъ. Отъ чернаго, позеленѣвшаго салоп старушки пахло затхлостью и, стоя за ея спиной, я наблюдала, какъ по желтовато-сѣрымъ волосамъ ея и по салопу ползли крупныя вши. «А я все-таки, несмотря на то, что она такая грязная и отъ нея скверно пахнетъ, люблю ее и помогаю ей», — думала я, все болѣе и болѣе на себя умиляясь. «Завтра пятница, я пойду къ исповѣди и очищусь отъ всѣхъ грѣховъ». Я старалась припомнить, въ чемъ надо было покаяться священнику.

Я быстро шла по улицѣ, громко стуча каблуками по высохшему уже троттуару, какъ вдругъ лицомъ къ лицу столкнулась съ отцемъ. Онъ шелъ неспѣша съ палочкой, въ мягкой сѣрой шляпѣ и разстегнутомъ пальто, изъ-подъ котораго виднѣлась бѣлая полотняная блуза.

— Ты откуда? — спросилъ онъ меня.

— Изъ церкви.

Его сѣрые, глубокіе, всепонимающіе глаза на минуту остановились на мнѣ. Я внутренне сжалась отъ этого взгляда.

— Почему это на тебѣ такой ярко-красный галстукъ?

Я молчала.

Онъ еще разъ внимательно, точно заглядывая въ душу, посмотрѣлъ на меня и пошелъ дальше.

«Почему на тебѣ такой ярко-красный галстукъ?» повторила я. «Ярко-красный, да, очень яркій, нескромный, нехорошій галстукъ». Стало грустно, въ сердцѣ что-то сжалось. «Нехорошій галстукъ, а я... хорошая? Нѣтъ, нехорошая, нехорошая. Какая-то фальшивая, неискренняя».

Я шла домой въ глубокомъ раздумьи, тѣло отяжелѣло и казалось безобразнымъ, неуклюжимъ. Я была противна самой себѣ и все старалась понять, что же такое случилось? Не было слѣда того восторженно-умиленнаго состоянія, въ которомъ я только что находилась. Я бичевала себя, подвергая всѣ свои поступки и переживанія суровой строгой критикѣ. «А пу-ка, — говорила я самой себѣ, — отдала ли бы ты все, что имѣешь грязной старушкѣ? Нѣтъ? Чего же стоять твои сантиментальныя ухаживанія, твое умиленіе?»

Иногда въ душѣ помимо желанія, невѣдомо для насъ, происходитъ сложный, душевный процессъ и достаточно самаго незначительнаго толчка, чтобы дать иное направ-

леніе мыслямъ, чувствамъ... Можетъ быть именно это и случилось со мной? Я не могла уже ни къ себѣ, ни къ тому, что меня окружало, относиться просто. Я все замѣчала, все анализировала.

Въ такомъ возбужденномъ состояніи я пошла на другой день съ матерью исповѣдываться. Послѣ коротенькой вечерни, священникъ сталъ вызывать прихожанъ къ исповѣди. Мы стояли позади всѣхъ. Старушка была впереди. Она опиралась на палочку, переминалась съ ноги на ногу, вздыхала и голова ея тряслась больше обыкновеннаго. По видимому она очень устала.

Вышелъ священникъ. Старушка двинулась впередъ, но священникъ обошелъ всѣхъ и подошелъ къ моей матери.

— Пожалуйста, графиня, — сказалъ онъ, почтительно кланяясь и пропуская насъ впередъ. Старушка покорно попятилась назадъ. «И это священникъ, служитель Божій!» — подумала я съ возмущеніемъ.

Когда я пошла на исповѣдь, я уже не чувствовала, что священникъ можетъ освободить меня отъ грѣховъ. Я видѣла въ немъ обыкновеннаго, грѣшнаго человѣка, такого же какъ всѣ. Мнѣ было противно отвѣчать на его вопросы: бранила ли я когонибудь? врала ли? слушалась ли старшихъ? «Какое ему дѣло?» — думала я, односложно отвѣчая: грѣшна, батюшка, грѣшна.

Я пришла домой въ еще болѣе смутномъ состояніи. Здѣсь меня ожидало большое огорченіе. Когда я вошла въ комнату, меня сразу охватило ощущеніе пустоты. Я взглянула на крѣтку — она была пуста. Куда же дѣвался мой чижъ? Онъ былъ ручной, леталъ по всей комнатѣ и нерѣдко затягивалъ свою пѣсенку, сидя у меня на плечѣ или на головѣ. Гдѣ же онъ?

Въ комнатѣ я его не нашла и пошла къ горничной спросить, не видала ли она чижа? За ширмами я услышала хрустъ, на кровати сидѣла сѣрая кошка Машка и блаженно мурлыкала, доѣдая остатки моего чижа. По одѣялу были разбросаны желтенькія перышки.

Я схватила палку и въ изступленіи начала бить кошку, носясь за ней по всей комнатѣ. Я убила бы ее, если бы она не ухитрилась шмыгнуть въ форточку.

Злоба спирала дыханіе, сердце учащенно билось. И вдругъ я вспомнила, что только что исповѣдывалась. «Вздоръ, пустяки все!» Но на душѣ стало еще мучитель-

нѣе, еще нестерпимѣе. Я упала ничкомъ на подушку и зарыдала.

На другой день на меня надѣли бѣлое платье и мы съ матерью отправились въ церковь причащаться. Когда мы вошли, церковь была уже полна народу. Мы съ трудомъ пробрались впередъ. Началась обычная, длинная служба.

Съ критическимъ вниманіемъ слѣдила я за ходомъ обѣдни, ловила каждое слово священника. Его выходы, движенія, громкіе возгласы, чтеніе евангелія, въ которомъ ничего нельзя понять, все возбуждало во мнѣ сомнѣніе.

Во всемъ этомъ я видѣла что-то фальшивое, неискреннее. «Вотъ и причастіе, кто больше положитъ на тарелку, тому даютъ больше вина и просфоры», — думала я.

Въ вербную субботу, когда мать крикнула, чтобы я собиралась съ ней въ церковь, я сказала, что не пойду. Она не сразу меня поняла.

— Почему? Ты нездорова?

— Нѣтъ, я здорова, а въ церковь больше не пойду.

— Да почему же?

— Не хочу. Не нужно, фальшиво все это.

Мама была такъ потрясена, что сразу не нашла, что мнѣ отвѣтить. Мое заявленіе было для нея страшнымъ ударомъ. Двѣ старшія дочери уже давно отошли отъ церкви, проникшись ученіемъ отца. Меня мать старалась воспитать въ православіи, часто водила въ церковь, она надѣялась, что хоть одна изъ ея дочерей не собьется съ истиннаго пути и останется православною. Въ раннемъ дѣтствѣ она сама учила меня Ветхому Завѣту и радовалась, что я хорошо занимаюсь. А меня очень забавляли исторіи Іосифа, Давида, Голіафа и Іоны, котораго проглотилъ китъ, хотя и тогда уже я знала, что отецъ считаетъ Ветхій Завѣтъ сказками, въ которыя нельзя вѣрить. Помню рядомъ съ нашимъ за высокимъ заборомъ былъ клиническій садъ для душевно-больныхъ. Сидя на высокомъ заборѣ, болтая ногами, я философствовала съ сумасшедшими на религіозныя темы.

Вотъ папа говоритъ, что Ветхій Завѣтъ — глупости. Я думаю, онъ правъ. А вотъ онъ еще говоритъ, что мясо ѣсть нельзя. Этому я не вѣрю, мясо по-моему можно ѣсть сколько угодно. — Больные, улыбаясь, смотрѣли на меня.

— А я и въ Бога не вѣрю, — сказала одинъ изъ нихъ.

— Нѣтъ, я вѣрю! — отвѣтила я.

Повидимому взгляды отца въ какой-то примитивной формѣ уже коснулись моего дѣтскаго сознанія, но мама не подозрѣвала этого. Теперь, когда я отказалась итти въ церковь, она рѣшила, что отецъ говорилъ со мной, и повліялъ на меня.

Мама тотчасъ же пошла къ нему въ кабинетъ объясняться. Они говорили долго. Когда она, шурша шелковой юбкой, спустилась внизъ, щеки ея горѣли, а глаза были красны отъ слезъ.

— Тебя отецъ зоветъ! — сказала она. Я побѣжала въ отцовскій кабинетъ.

Онъ сидѣлъ за круглымъ столомъ въ большомъ кожаномъ креслѣ съ книгой въ рукахъ.

— Ты что же это мать огорчаешь? — спросилъ онъ, строго и пристально глядя мнѣ въ глаза. И снова, какъ и тогда при его вопросѣ о красномъ галстукѣ, я почувствовала, что онъ все видитъ и понимаетъ.

— Почему въ церковь не хочешь итти?

— Не могу! — сказала я, чувствуя, какъ слезы подступаютъ къ горлу.

— Не плачь, — сказалъ онъ мягко. — Но я заплакала.

— Прежде чѣмъ бросать старое, — сказалъ онъ, — надо твердо знать, есть ли у тебя что-нибудь новое, чѣмъ ты можешь замѣнить. Есть у тебя это?

— Не знаю.

— Тогда почему же ты мать огорчаешь, не идешь съ ней въ церковь?

— Ложь, фальшь тамъ одна, не могу! — выкрикнула я, сквозь душившія меня рыданія. — Лицо отца еще больше смягчилось, глаза стали ласковыми, добрыми.

— Вотъ какъ. Да ты не плачь, голубушка.

Почувствовавъ его ласку, я поняла, что должна все рассказать ему. И записываясь и захлебываясь, я рассказала про слѣпыхъ, про старушку, про свое умиленіе, почему оно кончилось, рассказала про священника, про чижа, котораго съѣла кошка.

Отецъ казался взволнованнымъ. Онъ уже не сидѣлъ, а ходилъ по комнатѣ, засунувъ руки за поясъ, а я слѣдила за нимъ, ловя выраженіе его лица.

— А все-таки пойдѣ съ матерью въ церковь сегодня, можешь? — спросилъ онъ, и ласково и вмѣстѣ съ тѣмъ

многозначительно, какъ на взрослою, взглянулъ на меня. Я поняла его взглядъ.

— Хорошо.

Онъ нагнулся и поцѣловалъ меня въ лобъ. Глаза его весело сіяли. Я быстро сбѣжала внизъ, одѣлась и къ удивленію и радости моей матери сказала ей, что иду ко все-нощной.

Съ этого дня отецъ уже никогда не былъ для меня недоступнымъ, чужимъ...

Александра Толстая.

ШКОЛА СТИХА.

Глыбами лбу
Лавры похваль.
Пѣть не могу!
— Будешь! — Пропаль

(На толокно
Переводи!)
Какъ молоко
Звукъ — изъ груди.

Пусто, суха:
Въ полную веснь
Чувство сука.
— Старая пѣснь!

Брось, не морочь!
— Лучше мнѣ впредь
Камень толочь.
— Тутъ-то и пѣть!

На-зло врагу.
— Коли двухъ строкъ
Свесть не могу!
— Кто когда — м о г ъ?!

— Чтò я, снигирь,
Чтобъ день деньской
Пѣть? — Не моги,
Пташка, а пой!

— Пытка! — Терпи.
— Скошенный лугъ —
Глотка. — Хрипи:
Тоже вѣдь -- звукъ!

— Львовъ, а не жень
Дѣло. — Дѣтей:
Распотрошень
Пѣль же — Орфей!

— Такъ и въ гробу?
— И подъ доской,
.....
— Пѣть не могу!
— Это воспой.

Медонъ, іюнь 1928 г.

ПЛАЧЪ МАТЕРИ ПО НОВОБРАНЦУ.

Ужъ вы батальоны-
Эскадроны!
Сынокъ береженный,
Порожѣнный!

Ужъ ты по младенцу-
Новобранцу
Слеза деревенска,
Океанска!

Въ который разъ вспоротъ
Животь — мало!
Сколько бъ васъ Егорокъ
Ни рожала —

Мало! Денекъ учать,
Потомъ въ Польшу...
Мало! Мала куча:
Больше! Больше!

Хоша-бъ цѣльный городъ
Склала — живы,
Сколько-бъ васъ Егорокъ
Ни ложила

Въ землю. Большеротый,
Башка -- вербой
Вьется. Людямъ — сотый,
А мнѣ — первый.

Теки, мои соки,
Брега черезъ!
Сосцы пересохла —
Очамъ чѣредъ.

Ревя, долговласа,
По армейцу!
Млецомъ отлилася —
Слезой лейся!

Марина Цвѣтаева.

Медонъ, июнь 1928 г.

БАЛЛАДА.

Былъ домъ, какъ пещера. О, дай же мнѣ вспомнить,
Одно только имя, очнуться, понять!
Надъ соснами тучи рѣдѣли. У дома
Никто на порогъ насъ не вышелъ встрѣчать.

Мужчины съ охоты вернулись. Звенѣли
И перекликались прощально рога.
Какъ ленъ были волосы надъ колыбелью,
И ночь надвигалась, темна и долга.

Лазарю дышу я — не сумракомъ дымнымъ.
Скрипѣли веревки и голосъ могилъ,
И вѣрность, какъ лебедь, надъ озеромъ-міромъ
Взлетала и падала тутъ же, безъ силъ.

Былъ домъ, какъ пещера. И слабыя, зимнія,
Зеленія звѣзды.. И снѣгъ, и покой.
— Концъ, навсегда. Обрывается линія.
Поэзія, жизнь! Я прощаюсь съ тобой.

Георгій Адамовичъ.

I.

Страшно жить, не любя никого,
Но быть можетъ страшнѣе всего
У высокихъ ночныхъ фонарей
Проститутки съ глазами дѣтей.

— Подойди, молодой человѣкъ
— Я съ такими не знался... пока...
(Изъ нодъ дѣтскихъ измученныхъ вѣкъ
Подавляемой страсти тоска).

Или ты не сгоралъ по ночамъ
На широкой своей простынь —
Плечи этихъ, какъ плечи у дамъ,
О которыхъ ты плачешь во снѣ.

Не сегодня, такъ завтра, не тотъ,
Такъ другой, поблѣднѣвъ, подойдетъ
И обниметъ въ холодномъ раю
Ледяную невѣсту свою.

II.

Ни смерти, ни жизни, а только подобіе
Того и другого не только у тѣхъ,
Чье солнце на русскомъ, на дальнемъ сугробѣ
(То солнце жестоко еще не для всѣхъ)

Но страшно сіяетъ оно, иностранное,
Надъ садомъ у моря, надъ визгомъ дѣтей,
И думать нельзя и загадывать рано, —
Земля какъ земля — оставайся на ней.

Подъ бурями вѣка и звѣздъ мириадами
Ни злобы, ни мести — холодный распадъ,
И даже друзья понимающимъ взглядомъ
Другъ въ друга, какъ въ черную пропасть, глядятъ.

Ник. Оцупъ.



Темень воздухъ. Въ небѣ розы рѣютъ
Скоро время уличныхъ огней,
Тихо душный городъ вечерѣтъ.
Медленно становится темнѣй.

Желтый дымъ подь низкою луною.
Поздній часъ, необъяснимый свѣтъ.
Боже мой! какъ тяжело весною
И нельзя уснуть и счастья нѣтъ.

Ясно слышно, какъ трещить въ баракѣ
Колесо фортуны въ свѣтѣ газа,
Запахъ листьевъ. Голоса во мракѣ,
А въ окнѣ горятъ всѣ звѣзды сразу.

Боже мой, зачѣмъ опять вернулись
Эти листья въ небѣ яркихъ дней,
Эта яркость платьевъ, шумность улицъ,
Вечеръ — хаосъ счастья и огней?

Выставки у городской заставы.
На вѣтру плакаты надъ мостами.
И въ пыли, измученный, усталый
Взглядъ людей, вернувшихся съ цвѣтами.

Вечеромъ въ сияни весеннемъ
Мостовыхъ граниты лиловѣй
Городъ тихъ и пусть по воскресеньямъ,
Вечеромъ сияетъ соловей.

Въ поздній часъ среди бульваровъ звѣздныхъ
Не ищи, не плачь, не говори,
Слушай дивный голосъ бесполезный,
Къ темной страшной правдѣ припаднѣ!

Міръ ужасенъ. Солнце дышитъ смертью.
Слава губить и сирени душать.
Все жалѣйте, никому не вѣрьте,
Сладостно губите ваши души!

Смѣйся, плачь, цѣлуй больныя руки,
Превращайся въ камень, лги, кради.
Все здѣсь только соловьи разлуки
И всему погибель впереди.

Все здѣсь только алая усталость,
Темный сонъ сирени надъ водой.
Въ синемъ небѣ только пыль и жалость
Страшный блескъ мятели неземной.

1931.

*
**

Все спокойно раннею весною.
Высоко вдали труба дымить,
На мосту, надъ рѣчкою больною
Поѣздъ убѣгающій шумить.

Пустыри молчатъ подъ солнцемъ блѣднымъ
Обогнувъ заборъ, трамвай уходитъ.
Въ высотѣ, блестя моторомъ мѣднымъ
Въ синеву аэропланъ восходитъ.

Выйди въ поле бѣдный горожанинъ,
Посиди въ кафе, у низкой дачи.
Насладись, какъ бѣглый каторжанинъ.
Нищетой своей и неудачей.

Пусть надъ домомъ ласточки несутся,
Слушай тишину, смежи рѣсницы.
Значить только нищѣ спасутся.
Значить только нищѣ и птицы.

Ты одинъ наплачешься, устанешь,
Отойдешь ко сну, и тамъ во снѣ
Можетъ быть иное солнце встанетъ?
Можетъ быть иного солнца нѣтъ?

Незамѣтно чахнетъ воскресенье.
Семафоръ качнулся на мосту.
Въ блѣдно-сѣромъ сумракѣ весеннемъ
Спать закатъ, поднявшись въ чистоту.

Тише... Скоро фонари зажгутся.
Дождь пойдетъ на темные дома,
И во тьмѣ, гдѣ дѣвушки смѣются,
Зазвенитъ печально синема.

Все, какъ прежде. Надъ пожарной частью,
Всходятъ звѣзды въ саванѣ вѣковъ.
Сни душа, тебѣ приснилось счастье.
Страшно жить проснувшимся отъ сновъ.

Б. Поплавскій.

ИЗЪ ЦИКЛА «ЗИГЛИНДА».

*Siegmund: ...ihres Blickes Strahl streifte mich da
Wärme gewann ich und Tag.*

Wagner «Walküre».

Посвященіе.

Какъ въ бурный день на пажити и нивы
Сквозь облаковъ внезапные разрывы
Широко хлынетъ цѣлый хоръ лучей, —
Во мракъ встревоженной души моей,
Такъ свѣтъ вошелъ. И, пѣніемъ охваченъ,
Я встрѣтилъ съ ликоваіемъ и плачемъ
Тотъ образъ, что отъ высшаго огня
Былъ посланъ сжечь и сохранить меня.

1.

Любовь моя, сестра моя,
О если бь знала ты, съ какою
Печальной бережностью я
Тогда склонился надъ тобою.

Нѣтъ, нѣтъ, дыханья твоего
Я не обжегъ, не тронулъ страстью, —
Но мнѣ была тоска по счастью
Отраднѣй счастья самого.

2.

«Люблю, какъ друга, какъ большого друга...»
— Не стойтъ, другъ: вѣрнѣе, — какъ врага!
Летить, летить неистовая вьюга,
И вспять рѣка бѣжитъ на берега.

И дѣтскимъ лепетомъ, и жалкимъ бредомъ
Звучатъ о мирномъ счастіи слова:
Ихъ вѣтеръ мнетъ и рветъ, — за нами слѣдомъ
Они шумятъ, какъ листья, какъ трава.

Но этотъ дикій голосъ: въ непогоду,
Въ ночь, вѣтеръ, мракъ и стужу — онъ поетъ,
И кто на звукъ его выходитъ, — тотъ
Встрѣчаетъ страшную свою свободу.

3.

Какъ снимаютъ съ руки кольцо,
Какъ бросаютъ въ глубокую воду, —
Возвращаю тебѣ, сестра,
Возвращаю тебѣ свободу.

Возвращаю, — но ты сама
Скажешь мнѣ: «храни ее, милый!», —
Если смѣлости у тебя,
Если вѣры больше, чѣмъ силы.

4.

Любовь моя! Нѣтъ, ты не умерла,
Нѣтъ, — дикой, грозной птицею изъ пепла
Возстала ты, возстала и окрѣпла.
И вотъ молніевидныя крыла

Тебя несутъ. И страшно мнѣ слѣдить,
И страшно мнѣ взирать на путь твой горній.
Свирѣли дѣтской ты была покорнѣй. .
Когда бъ я зналъ, какъ можешь ты парить.

Георгій Раевскій.

Дневникъ сельской учительницы

(Деревня Красное, Веденской волости, Приморской области, Иманскаго уѣзда).

4-го сентября 1915 года.

Пришла немного въ себя на новомъ мѣстѣ, уже второй день, какъ наконецъ-то добралась сюда. Во-первыхъ, Красное оказалось не краснымъ, а зеленымъ! Вокругъ деревни ничего не видать кромѣ лѣса и сами улицы поросли лѣсомъ. Въ деревнѣ 90 дворовъ, жители переселенцы изъ Черниговской и другихъ малороссійскихъ губерній. Остановилась въ хатѣ крестьянина Калинича. Едва доѣхала, условія дороги сквернѣйшія, очень устала. Впрочемъ разскажу объ этомъ подробнѣе.

1-го сентября рано утромъ пріѣхала на станцію Имань — это тридцать верстъ отсюда. Лилъ дождь и на вокзалѣ люди шлепали по лужамъ, а китайцы распустили свои колоссальные зонты. Тащусь въ вокзалъ и вдругъ вижу Оису Матафонову или, какъ въ семинаріи мы ее называли, Матафошку. Она назначена въ село Покровку. вмѣстѣ упрятали вещи подъ диванъ въ буфетѣ и стали пить чай. Намъ предстояло важное событіе — явиться нашему начальству, инспектору народныхъ училищъ Иманскаго района. Мы посоветовались, записали вопросы, чтобы не забыть чего-нибудь, разспросили буфетчика и пошли искать квартиру инспектора. Грязь была страшная, глина вся прилипла къ калошамъ. Наконецъ нашли домикъ съ желтымъ крылечкомъ. На двери мѣдная дощечка со знакомымъ именемъ. Долго вытирали ноги о траву и наконецъ, «со страхомъ и трепетомъ» позвонили. Прислуга открыта, снова накинула крючекъ и исчезла. Мы стояли въ полутемной прихожей и не знали, что дѣлать. Но зеленая портьера заколебалась, и появился высокій угрюмый человѣкъ, придерживая на шеѣ поднятый воротникъ пиджака.

Мы сказали ему: «здравствуйте». Онъ молча кивнулъ и остановился.

— Намъ нуженъ господинъ инспекторъ.

— Я? А что вамъ? — сказалъ онъ замогильнымъ голосомъ.

— Мы учительницы въ Покровку и въ Красное...

— Ну и что-жь изъ этого? — еще угрюмѣе сказалъ онъ. Мы растерялись.

— Хотѣли съ вами поговорить...

— Завтра придете, часовъ въ 9, — бросилъ онъ и вышелъ.

На минуту я почувствовала себя совершенно несчастной, будущая дѣятельность потускнѣла и какъ то скверно сморщилась. Не зря ли намъ въ семинаріи четыре года долбили о «великомъ и славномъ» трудѣ народнаго учителя? Не смѣшны ли всѣ мои мечты о школѣ? И несомнѣнна глупа приписка въ прошеніи: «Прошу не назначать меня въ городъ». Мы вышли на улицу и молчали. Матюшка предложила пока поискать подводу. Встрѣчнаго парня спросили, не знаетъ ли онъ, какъ намъ доѣхать до такихъ-то деревень. Онъ сказалъ:

— Окромѣ, какъ надо вамъ понутчиковъ найти. Идите прямо, потомъ повернете въ проулочекъ влѣво и идите до самой желѣзной огорожи, къ Самсону.

Пошли къ Самсону. Это оказался постоянный дворъ. Тамъ мы долго толкались между телегъ, но мужики сказали, что были попутчики, да утромъ уѣхали. Послали насъ на базаръ, можетъ быть тамъ кто-нибудь окажется. Огромная базарная площадь заставлена была возами. Мы, измокшія и грязныя, шлепали отъ воза къ возу, предлагая сидѣвшимъ на возахъ закутаннымъ бабамъ одинъ и тотъ же вопросъ. Ужь начало темнѣть, когда мы вернулись на станцію, напрасно потерявши цѣлый день. Буфетчикъ хотѣлъ насъ выселить, но начальникъ станціи позволилъ намъ переночевать въ буфетѣ.

На завтра, 2-го сентября, день былъ сѣрый, но дождь пересталъ. Въ девять часовъ мы были у инспектора. Тамъ мы застали стараго священника изъ села Покровки. Онъ сразу же предложилъ Оисѣ довести ее, только просилъ обождать до обѣда — ему нужно сходить въ магазинъ. А мнѣ инспекторъ посовѣтовалъ обратиться къ крестьянскому начальнику и даже написалъ мнѣ бумагу съ просьбой: «Оказать учительницѣ такой-то всяческое содѣйствіе по проѣзду на мѣсто назначенія».

Мы съ Оисой пошли къ Крестьянскому, но не застали,

онъ куда то ушелъ. Стали ждать, когда онъ вернется и прохаживались отъ дома до дороги, уходящей куда-то въ поле. Ходили такъ часа два. По дорогѣ проходила какая то дѣвочка, несла бѣлый большой эмалированный тазъ. Вдругъ она съ радостнымъ крикомъ бросилась бѣгомъ навстрѣчу намъ...

— Маруся, Маруся! — узнали мы ее и тоже побѣжали къ ней: — это была Маруся Горская! Она была назначена въ деревню Рождественку, пріѣхала еще позавчера и поѣхала съ мужикомъ на деревню. Но тутъ на полпути мужика дальше не пропустилъ какой-то фельдшеръ съ солдатами, говорить — карантинъ, на коняхъ дальше нельзя. Такъ они вернулись обратно, мужикъ приворотилъ къ харчевнѣ и запьянствовалъ. Маруся была въ отчаяніи, ходила за мужикомъ отъ одной харчевни до другой и ночевала на своихъ вещахъ на телѣгѣ.

-- А тутъ еще купила тазъ этотъ!

Маруся бросила тазъ на траву. Несмотря на всю неприятную исторію, она была такъ уморительна, что мы не могли не расхохотаться. Смѣялась и она, наша плясунья и тутъ же представила намъ, какъ она будетъ ходить по Иману, колотить въ тазъ и выплясывать, пока мужикъ не протрезвится. Думали, думали втроемъ, какъ помочь дѣлу и такъ и не придумали. Я сбѣгала полпровѣдать — Крестьянский еще не приходилъ. Мы пошли на станцію и втроемъ съѣли одинъ обѣдъ — денегъ у всѣхъ было только на дорогу. Потомъ пріѣхалъ Оисинъ батюшка и она уѣхала съ нимъ. Мы попрощались съ Марусей. Я пошла опять къ крестьянскому, а бѣдная Маруся — караулить пьянаго мужика.

Мнѣ сказали, что крестьянский только что съѣлъ обѣдать, подождите. Ждала, прохаживаясь у воротъ, черезъ часъ опять сирашиваю. Дѣвица недовольно оглянула меня и сказала, что крестьянский легъ спать и до пяти часовъ не выйдетъ.

Я разсвирѣлила и побѣжала къ инспектору, — не могу же я вторую ночь ночевать на станціи, да и не пустятъ! Отдала ему обратно пакетъ о «всяческомъ солдѣйствіи» и спросила какъ мнѣ быть.

— Придется поискать подводу, -- равнодушно сказала онъ.

Я вышла. Еще вчера я слышала о какой то Бѣлой Рѣчкѣ, гдѣ живутъ казаки и иногда возятъ проѣзжающихъ.

Посчитала свои деньги — было шесть рублей — и отправилась на Бѣлую Рѣчку. Разыскала Рѣчку, обошла все двory казаковъ, — никто и разговаривать не хочетъ. Наконецъ одинъ рыжий дѣтина просилъ подождать до завтра, но послѣ многихъ моихъ уговоровъ согласился довезти до половины пути до волостного села Веденки за четыре рубля. Мы, слава Богу, выѣхали все-таки съ Имана. Былъ уже вечеръ, часовъ пять-шесть. Я сидѣла на своей корзинкѣ, скорчившись отъ вѣтра, (мое синее семинарское пальто вымокло еще вчера) и думала: «Только бы куда нибудь пріѣхать, скорѣе высохнуть и согрѣться!» Казакъ, какъ нарочно ѣхалъ шагомъ. Начало темнѣть, и самочувствіе мое все падало. Я начинала бояться и ненавидѣть рыжую бороду моего возницы. Мнѣ думалось, что онъ нарочно шагомъ ѣдетъ, и можетъ быть не туда везетъ меня и даже посмѣивается въ темнотѣ. Темные кусты то обступали дорогу, то мерещились въ сторонѣ. Куда ѣдемъ — ничего не видно, лошадь ползла куда-то въ темноту. Сколько такъ ѣхали — не знаю; мнѣ показалось невыносимо долго. И когда вдали залаяли собаки и блеснули огонекъ, я обрадовалась такъ, словно избавилась отъ лютой смерти; крестилась и повторяла: «Слава Богу, слава Богу!» Казакъ спросилъ: «Гдѣ будешь ночевать, на земской, али у знакомыхъ гдѣ?»

И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же? А что это такое «земская»? Платить тамъ надо, или не надо? Спрашиваю у казака. Онъ усмѣхнулся и сказалъ: «Какъ хошь, можно и не платить, а только всегда платять».

На земской равнодушныя бабы махнули мнѣ рукой въ другую половину хаты. Тамъ горѣла свѣчка, чисто и тепло, на стѣнахъ лубочныя картинки и такса... Но взглянувши въ нее, я отказалась отъ самовара. Лягу спать лучше.

Утромъ 3-го сентября первое, что я увидела — лепешки, которыя старуха пекла. Но такса!.. Пошла отыскивать волостное правленіе. Только какъ спросить — староста или старшина? И какъ это я до сихъ поръ не знаю, какая между ними разница. Въ правленіи сидѣло три какихъ-то важныхъ мужика. Я ко всемъ троимъ обратилась, не скажутъ ли они мнѣ, гдѣ достать подводу. Они переглянулись и одинъ спросилъ лаконически:

— Открытый листъ?

Я не поняла — что такое. Оказывается, такая бумажка, по которой возятъ казенныхъ людей. Я имъ сказала, что

я и куда мнѣ надо. Лица ихъ стали привѣтливыѣ, они засуетились и жалѣли, что нѣтъ старшины, онъ уѣхалъ какъ разъ домой въ Красное на дняхъ. Послѣ многихъ предположеній двое другихъ стали уговаривать третьяго отвезти меня. Наконецъ тотъ сказалъ:

— За три цѣлковыхъ отвезу.

- У меня всего два рубля...

- Скупое же вы ѣдете. Ну что дѣлать, тамъ въ деревнѣ у когонибудь займете.

Мужикъ пошелъ запрягать, а я побѣжала на земскую, связала вещи, взяла у бабы лопать хлѣба за двѣ копейки и сѣла на бревно у воротъ. Жую и жду. Раза три прошлась отъ земской до волости, встрѣтила неизвѣстнаго бородача, который уже откуда то зналъ, что я — учительница въ Красное, раскланялся и приглашалъ меня къ батюшкѣ. Онъ заикался, такъ что я едва сообразила, что онъ говорить. Кромѣ этого, у него не было большого пальца на правой рукѣ. Это былъ учитель изъ сосѣдней деревни Соловьевки. Вернулась обратно на земскую, а мужикъ все не ѣдетъ. На сосѣднемъ дворѣ пронзительнымъ голосомъ пѣла дѣвочка хохлацкую пѣсню. Свинья наслаждалась передо мной в ѣлужѣ и бѣлая дворняжка неотступно все время лаяла на меня... Господи! Да они меня совсѣмъ извести хотятъ — вездѣ жди, жди, жди...

Наконецъ, гдѣ то задрезжала телѣга и въ концѣ улицы показался этотъ растреклятый мужикъ. Съ нимъ сидѣлъ какой то франтъ солдатскаго вида. Назвался фельдшеромъ села Срѣтенки, ближайшей къ моей деревнѣ. Сѣли, поѣхали. Я была зла и молчала, а фельдшеръ всю дорогу раздражалъ меня своими разговорами. Между прочимъ разсказалъ, что онъ на дняхъ женится на дѣвушкѣ изъ нашего села и пригласилъ меня на свадьбу. Встрѣтились плѣнные турки — они исправляли дорогу. Фельдшеръ закричалъ имъ: «Дарданеллы взяты!» Они опустили лопаты и смотрѣли намъ вслѣдъ. Версты за три до моей деревни мы свернули съ большой дороги и поѣхали лѣсомъ по ухабамъ и рытвинамъ. Потомъ началось кочковатое болото. Колеса то увязали по ступицы, то взмывали на кочку. Мы съ фельдшеромъ стукались другъ о друга, хватались за края телѣги и клевали носомъ въ спину мужика. Фельдшеръ гоготалъ на все болото. Посрединѣ болота возвышался горбатый мостъ. Лошадь съ усиленъ

вздернула на него телѣгу. Тутъ я уже не выдержала, соскочила и стала за телѣгой пробираться по кочкамъ.

Мужикъ остановился у одной изъ хатъ. Хозяйка выскочила за ворота и пригласила насъ «до хаты». Это домъ Калинича, гдѣ я сижу и сейчасъ. Съ фельдшеромъ мы распрощались — онъ поѣхалъ къ ѣневѣстѣ. Хозяйка провела меня въ чистую половину хаты. Скоро передо мной стояла кипящая яичница и еще скорѣе вмѣсто нея очутилась пустая сковородка. Хозяйка такъ хлопотала около меня, что мнѣ просто было совѣстно. Она притащила и чаю и сметаны. Ахала, что хозяинъ на полѣ и хата не прибрана. Она говорила на своемъ малорусскомъ нарѣчьи. До этихъ поръ я слышала только малорусскія пѣсни и анекдоты, а обыкновенный разговоръ слышала только въ шутку, когда дѣвчата семинаристки хотѣли кого-нибудь разсмѣшить. И сейчасъ многіе обороты рѣчи мнѣ были такъ смѣшны, что я едва удерживалась отъ смѣха. Чтобы скрыть этотъ неумѣстный смѣхъ, я шутила съ дѣвочкой Палашкой, которая выглядывала изъ-за сундука большими испуганными глазами.

Потомъ чистила на улицѣ свое платье и ноги. Среди кудлатыхъ бѣлыхъ малороссійскихъ мазанокъ недалеко на пригоркѣ виднѣлось большое деревянное зданіе подъ желѣзной крышей. Конечно, это школа. Баба покликнула дѣвочку подростка съ огорода и велѣла ей сбѣгать къ старожу за ключами. Я отправилась въ школу. Надъ новымъ съ перилами крылечкомъ висѣла доска съ крупной надписью: «Красновское Министерство Народнаго Просвѣщенія училище». Большія веселыя окна съ распахнутыми ставнями, рѣзьба по карнизу и кругомъ множество щепокъ, чурбановъ и досокъ. Внутри хуже — на полу твердо утоятаны съ грязью подсолнухи неизвѣстно на какую толщину, пазы между бревнами наполнены пыльной паутиной. Я спросила дѣвочку, почему столько сѣмячекъ. Она смотрѣла на меня, какъ на икону, наконецъ сказала, что мужики, когда собираются на сходъ, такъ всегда «лузаютъ соняхи» (подсолнухи). Ну, уже этого теперь не будетъ, тыфу, грязищи сколько натацияли! «А сторожа развѣ нѣтъ?» — спрашиваю дѣвочку. — «Салыхвонъ сторожъ, тутъ недалече живетъ», — отвѣтила она. Что за странное имя — Салыхвонъ?

Классовъ два — большой свѣтлый и другой поменьше; погомъ коридорчикъ, и на другой сторонѣ зданія —

квартира для учителя, двѣ комнаты и кухня. Смущаетъ только рѣшительное отсутствіе мебели. Ну, да это ничего, устроимъ. А въ общемъ все отлично, лучшаго трудно и желать въ такой небольшой деревнѣ.

Обратно зашли къ сторожу. Здоровенный молодой мужикъ во дворѣ молотилъ. Онъ расплылся улыбкой и сказалъ, что такой школы кругомъ на 50 версть нѣту.

«Оце учителькой у насъ будете?» — еще разъ полуспросилъ онъ, недовѣрчиво оглядывая мою несолидную фигуру. Потомъ, какъ бы въ утѣшеніе мнѣ, прибавилъ съ угрозой: «Ну ничего — я имъ баловаться не дамъ». Поговорили немного еще о плохомъ нынѣшнемъ годѣ, онъ жаловался, что бурундукъ весь хлѣбъ съѣлъ.

Вечеромъ я стояла на крыльцѣ, подходятъ два мужика съ сѣтками на картузахъ, увидѣли меня и одинъ старый воскликнулъ: «Яка це баба?» Это былъ Калинычъ съ сыномъ. Подошли. Калинычъ былъ радъ, что наконецъ имъ прислали учительницу. Сколько приговоровъ посылали и крестьянскому и инспектору, боялись, что и нынче школа закрыта по случаю скарлатины.

Послѣ ужина мы долго разговаривали. Калинычъ любить поговорить. Онъ сидѣлъ на сундукѣ, вытянувъ длинныя ноги на середину комнаты и размахивалъ правой рукой, при чемъ указательный палецъ у него не сгибался и онъ точно грозилъ кому то. Въ разговорѣ онъ употреблялъ мало малорусскихъ словъ, но юморъ не утрачивался въ его рѣчи. Домочадцы тоже участвовали въ бесѣдѣ. Хозяйка складывала руки на животъ и въ смѣливыхъ мѣстахъ разказовъ мужа говорила: «Ты годи, ужъ годи тоби...» убѣжала опять за порогъ и тамъ стучала горшками. Сынъ Яковъ, имѣющій ночему то еврейскій носъ, толстыя губы и глаза на выкатѣ, сидѣлъ на порогѣ и поворачивалъ рыжее съ веснушками лицо то ко мнѣ, то къ отцу. Изъ-за колоды выглядывала еще чья то лохматая голова, но всякій разъ, какъ я оглядывалась, она пряталась за колоду.

Меня томилъ сонъ, усталое тѣло ныло въ каждомъ суставѣ, но хозяйнѣ все говорилъ. Наконецъ онъ видимо замѣтилъ, что я совсѣмъ силю — отпустилъ мою душу на покаяніе.

Итакъ, сегодня — первое утро на самостоятельномъ пути моей жизни. Оно было великолѣпно. Въ одно окошко

моей комнаты бѣжала съ востока разсвѣтъ, въ другое, противоположное, глядѣлась огромная красно-желтая луна. Она тяжело висѣла надъ самыми жердями огорода и казалось, ее можно достать рукой. Я не могла улечься и выбѣжала. Луна поблѣднѣла и упала въ лѣсъ. Съ востока на полнеба брызнули розовые лучи. На сонкахъ надъ лѣсомъ неподвижно стояли бѣлыя кучи облаковъ, а надъ головой протянулись гигантскія бѣлыя перья и казалось, что они колыхались. Лучи отъ невидимаго еще солнца позолотили имъ края. Потомъ облака стали таять, изъ-за горъ показалось солнце. Закричали и захлопали пѣтухи, отчаянно закудахтали куры, пошли, поѣхали люди — начался деревенскій день. За ночь, видно, стало извѣстно по всей деревнѣ о моемъ прѣздѣ. Проходившіе мимо обрачивались съ любопытствомъ на хату Калиныча, тутъ и тамъ появились ребяташки, съ таинственнымъ видомъ выглядывавшіе изъ-за заборовъ все въ томъ же направленіи.

Пришелъ за мной сторожъ и сказалъ, что старшина и староста ждутъ меня въ школѣ. На крыльцѣ школы стояли двое — одинъ въ малороссійской свиткѣ съ всклокоченной бородой былъ староста Сидоренко, а другой мужикъ интеллигентнаго вида, осанистый и степенный — старшина Веденской волости, крестьянинъ нашей деревни, онъ же попечитель нашей школы — Трофимъ Даниловичъ Дьяченко. Тутъ я внезапно постигла разницу между старшиной и старостой! Мы вмѣстѣ вошли въ школу. Попечитель выговорилъ сторожу за грязь, а тотъ почесалъ за ухомъ и сказалъ:

— Насорили трохи...

Попечитель сказалъ, что завтра уже распорядится, чтобы вымыли и прочій сдѣлали ремонтъ кое-какой. «А сейчасъ, пока я не уѣхалъ въ Веденку, я покажу вамъ все наше имущество и вы его примете въ свое владѣніе». По окончаніи пріемки несложнаго «имущества», которое все помѣщалось на верхнихъ полкахъ шкафа, попечитель пригласилъ меня къ себѣ пить чай съ медомъ — у него пасѣка, какъ и у многихъ жителей деревни. Были потомъ на пасѣкѣ, и онъ отрѣзалъ мнѣ домой полъ рамки сотоваго меда. Когда мы распрощались и я вышла на улицу, держа въ рукахъ тарелку съ медомъ, меня начало мучить угрызение совѣсти — зачѣмъ я взяла медъ. Первый разъ съ чловѣкомъ вижу и на-тебѣ, взяла этотъ медъ. Правда

онъ простякъ такой и жена у него ничего, а все-таки.. Занесла медь въ школу и заперла въ шкапъ.

Но къ вечеру совѣсть моя успокоилась и я преспокойно пожеываю сейчасъ душистыя соты и прихлебываю горячей чай, стараясь не капнуть на тетрадь.

7-го сентября.

Всѣ эти дни приводила въ порядокъ школьную «библиотеку». Написала каталогъ, наклеила нумерки. Книжки обычныя для дѣтей, милыя, старыя знакомыя. Но видимо читателей здѣсь было немного — книжечки новыя, даже тѣ, которыя обычно во всѣхъ дѣтскихъ библиотекахъ бываютъ «исчиситаны» до дыръ.

Вчера вечеромъ меня позвали въ гости къ крестьянину Веприкову. Хозяева выказали необыкновенное радушіе, угощали страшно и даже по случаю субботы предложили сходить въ баню, отъ чего я не отказалась. Они не малороссы, а вятскіе. Баня у нихъ и еще у однихъ другихъ, не малороссовъ, у всѣхъ же остальныхъ жителей, малороссовъ, баня не въ обычаѣ. Послѣ бани опять пили чай. Они рассказывали какъ пріѣхали сюда 10 лѣтъ тому, когда еще деревня была вся въ лѣсу. У нихъ бѣлки жили на дворѣ и дикія козы ночевали однажды въ сѣняхъ, а въ 1908 г. мелвѣдь жилъ подѣ стогомъ всю зиму. Хозяйка съ дѣтьми боялась оставаться дома. Веприковъ — охотникъ и каждый годъ добываетъ кабановъ. «Самъ Вепрь и вепрей бую», — сострилъ онъ. Впрочемъ на вепря онъ совѣтъ не походилъ — русобородый, съ веселыми, свѣтлыми глазами — типичный великороссъ. На немъ была длинная розовая рубаха съ заплатами, она прилипла къ вспотѣвшей отъ бани и отъ чая спинѣ. Жена его маленькая, коренастая и такъ быстро говорила, что я сначала мало понимала. Домъ у нихъ большой великорусскій въ нѣсколько комнатъ, свѣжевымытые полы; кипящій самоваръ — все было по хорошему — уютно. Они угостили меня кедровыми орѣхами собственнаго сбора и обѣщали взять меня въ кедровникъ, когда пойдутъ. Въ эти лѣса зимой пріѣзжаютъ казаки-охотники, живутъ въ тайгѣ по нѣскольку недѣль, бьютъ крупнаго звѣря, чаще кабана и «зубру» (изюбря), рѣдко тигра. Послѣдній разъ убилъ тигра въ 1912 году теперешній школьный сторожъ (это «Салыхвонъ»-то!). Такой огромный былъ, что не входилъ въ однѣ сани. Теперь тигръ встрѣчается рѣдко въ этихъ мѣстахъ,

вшелъ вглубь. «А раньше охота была «красная», оттого и рѣчку казаки назвади Красная рѣчка, а отъ нея и деревня называется Красное», — говорилъ Веприковъ. — «Разъ мы тутъ съ товарищемъ четыре дня шли за тигрой въ тайгу, и лѣсъ не кончился...»

11 сентября.

Однако съ ремонтомъ школы не торопяся. Долго ли я буду такъ сидѣть? Отправила на дняхъ инспектору «рапортъ»... «Имѣю честь... на мѣсто назначенія прибыла и вступила въ исполненіе обязанностей во ввѣренномъ мнѣ училищѣ... При семъ прилагаю списокъ необходимыхъ учебныхъ пособій и ходатайствую о скорѣйшей присылкѣ таковыхъ»... Это насъ въ семинаріи передъ выпускомъ научили.

15 сентября.

Ходила вчера въ лѣсъ съ цѣлой толпой народу. Въ праздники здѣсь полъ деревни уходятъ въ кедровникъ за орѣхами и виноградомъ. Надѣваютъ самую драную одежду и лапти, чтобъ не жалко было оставлять ее на колотушкахъ и вымазать въ смолѣ. Получается какая-то толпа пущихъ съ котомками. Я надѣла свой семинарскій экскурсионный костюмъ — онъ крѣпкій и измазать можно.

Мы перешли болото по кочкамъ и вошли вглубь ливеннаго лѣса... Знакомый милый уссурійскій лѣсъ! Не знаю есть ли гдѣ еще въ нашихъ широтахъ столь разнообразныя, причудливыя, красивыя лѣса. Не знаю, встрѣчаются ли гдѣ еще кедръ съ араліей и барбарисомъ и ливенница съ орѣхомъ и бархатомъ. Не даромъ о нашемъ краѣ существуетъ такая легенда: когда Богъ сотворилъ на землѣ животный и растительный міръ, то увидѣлъ еще голое незастроенное мѣсто. Онъ смѣшалъ всѣ оставшіяся сѣмена и вытряхнулъ лукошко на это мѣсто. Это мѣсто и было Уссурійскій край. Намъ эту легенду рассказывалъ В. К. Арсеньевъ. Не знаю, слышалъ ли онъ ее отъ инородцевъ, гольцовъ, гиляковъ и орочей, или отъ болѣе просвѣщенныхъ китайцевъ, корейцевъ и японцевъ, но эта легенда очень вѣрно выражаетъ сущность дѣла и прелестна въ своей простотѣ. Хороша здѣсь раззолоченая осень! Шумящій коверъ по лѣснымъ тропинкамъ, темно-багровыя разнообразныя клены, ноблескльый ясень съ пучками плодовъ, оголенный ужъ, съ крупными плодами орѣхъ,

двойная липа, любимица пчеловодовъ, вѣчно-юная бѣлая береза и береза оранжевая, стрѣловидная осина, великаны дубы, грабъ, вязъ, — мелькаетъ все знакомое лѣсное общество по сторонамъ узкой тропинки... Изрѣдка слышится призывный свистъ рябчиковъ. Ихъ тутъ такъ много — почему-то не стрѣляетъ никто.

Но вотъ лиственный лѣсъ порѣдѣлъ, и мы вошли въ сплошной, величественный кедровникъ. Точно храмъ съ безчисленными стройными колоннами, и межъ нихъ мы казались маленькими, безпокойными двуножками. Стволы кедровника часто обвиты змѣями винограда, толщиною въ человѣческую руку. Иногда онъ струною протягивается отъ подножья кедровника до кроны, тамъ влетаетъ въ нее, образуя ярко-багровый шатеръ, перекидывается на другія деревья, арками и гирляндами покачивается надъ нашей головой. Но эту красоту люди варварски уничтожили, сдергивая на землю изъ-за гроздей, висящихъ на нихъ. Пышная листва, съ трескомъ обрывая вѣтки и плоды, падала безобразной кучей на скрутившійся обручъ ствола. Тутъ виноградъ былъ доступенъ людямъ — они обрывали сизыя грозди ягоды и шли дальше, а разрезанная кона оставалась навсегда лежать на землѣ... Виноградъ заплеталъ и низкіе кустарники, образуя яркія бесѣдки и нерѣдко преграждая путь, разросшись цѣлой сѣтью по землѣ. Но чаще кусты заплеталъ кишмышь, сѣть его была непроходима, и ее лучше обойти. Массой встрѣчалась и третья мѣстная «ліана»-лимонникъ. Его красныя сережки увѣшивали иногда цѣлую площадь кустарниковъ, но люди проходили мимо — ягоды его страшно кислы и ихъ не собираютъ. Часто лимонникъ вросласть своей спиралью въ стволъ, служащій ему опорой, и нерѣдко душитъ его. Люди разбрелись по лѣсу, забирались на кедровники и трясли вѣтки. Шишки сыпались дождемъ. Люди собирали ихъ въ мѣшки, а если успѣвали — вылуцивали и брали чистые орѣхи. Изрѣдка слышался стукъ топора. Это гдѣ-то срубали кедровники, чтобы не взлѣзать на нихъ, а когда дерево грохнется на землю — тутъ и обобратъ шишки... Какъ видно, жители цѣнятъ дешево этотъ вѣсковой лѣсъ...

Я набрала чистыхъ орѣховъ половину моей желѣзной банки. Руки захлѣпало смолой, едва смыла керосиномъ. Мои орѣхи сохнутъ на окнѣ.

Калинычи свои шишки закатили въ вольную печь, и теперь ребята сидятъ въ той половинѣ на земляномъ по-

ду передъ черной кучей шишекъ и лущать ихъ. Одинъ уголь ихъ хаты заваленъ громадными тыквами, а другой подсолнечными кругами. У порога стоитъ деревянное корыто и толстая важная свинья доѣдаетъ свою «вечерю». Отъ удовольствія она то скручиваетъ винтомъ свой хвостъ, то распускаетъ его. Калинычиха къ ней питаетъ особую нѣжность. Чтобы не обидѣть добродушную хозяйку, я не затворяю двери моей комнаты, но сижу закрывши носъ платкомъ.

16 сентября.

Написала старшинѣ такую сердитую записку: «Господинъ попечитель, Трофимъ Даниловичъ! Официальную бумагу Вамъ не пишу и надѣюсь, что дѣло относительно ремонта школы мы покончимъ безъ этого. Дѣло въ томъ, что я уже полъ мѣсяца живу здѣсь, а школа какъ стояла грязная, такъ и стоитъ... Задача моя состоитъ не въ томъ, чтобы жить въ Красномъ и любоваться на стѣны училища — не правда ли? А поэтому убѣдительно прошу Васъ посодействовать скорѣйшему ремонту школы».

Сегодня зазывала меня въ хату баба Удовиченко — читать письмо съ войны. Показывала мнѣ фотографіи обоихъ сыновей, «Васыля» и «Грыцька», особенно сокрушается о младшемъ, все время вытирала слезы и приговариваетъ, что онъ «якъ лозынка». Служать они покамѣстъ вмѣстѣ и младшій старшему былъ какимъ-то маленькимъ начальствомъ. Мать особенно гордилась этимъ и тыча пальцемъ по карточкѣ говорила: «Оцей, оцего учивъ». Въ утѣшеніе я сказала ей, что будто въ газетахъ пишутъ, что война скоро кончится. Баба крестилась и говорила: «Колы-бъ давъ Богъ...»

17 сентября.

Беруть ополченіе I и II разряда, пришла старостѣ бумага. Вотъ тебѣ и конецъ войнѣ. Изъ Краснаго 27 человекъ черезъ 3 дня уйдуть. На дворѣ поють «Послѣдній нонѣшній денечекъ». Хозяйка моя все время вздыхаетъ и смахиваетъ слезы. У нихъ тоже сынъ Петро на войнѣ. Давеча убирала въ комнатѣ, вѣшаетъ карточки и что то шепчетъ. Я спросила. Она заморгала, вся сморщилась и говорить: «Сыны мои, мабуть тильки васъ и побачу».

18 сентября.

Наконецъ сегодня бабы пришли мыть школу. Отъ радости я дѣйствовала съ ними заодно — онѣ полы и стѣны моютъ, а я окна. Приходилъ старшина, бесѣдовали съ нимъ по душамъ. А славный все-таки этотъ старшина, напрасно я на него сердилась, душевный человѣкъ.

Сейчасъ пока я ужинала, Калинычъ рассказывалъ про учителя Медвѣдева, какъ онъ выдавалъ себя за... князя. Вѣдь придетъ же этакое въ голову! Рассказывалъ имъ здѣсь всякія небылицы о богатствѣ и тонкомъ аристократизмѣ своихъ родителей, которые якобы имѣютъ въ Россіи большія земли, а сами живутъ въ Никольскѣ, имѣютъ тамъ виллу. Онъ съ ними будто бы поссорился и не хотѣтъ у нихъ жить. Свое высокое происхожденіе онъ пытался доказывать разными способами — самъ не снималъ себѣ сапогъ, спалъ до 9 часовъ и проснувшись кричалъ: «Яковъ! подай сонникъ». Хотя сонникъ этотъ лежалъ вотъ на этомъ угловомъ столикѣ надъ его головой. Яковъ подавалъ. Онъ долго искалъ въ сонникѣ объясненія своихъ сновъ и рассказывалъ окружающимъ. Часамъ къ 11 онъ шелъ въ школу, гдѣ ребятъ усмирять сторожъ. Когда дѣти садились, онъ говорилъ, махнувъ рукой направо: «Вы читайте», и налево, «а вы пишете». Изъ старшихъ парней лѣтъ по 18-ти (изъ нихъ одинъ былъ вотъ этотъ Яковъ Калинычъ) назначалъ двоихъ, чтобы показывали, какъ надо читать и писать, а чтобы не баловали, они брали въ руки здоровыя линейки и похлопывали. А самъ учитель садился за столъ, подбиралъ голову рукой и что-то писалъ... Изрѣдка онъ морщилъ лобъ или вѣднлялся въ волосы и ставилъ ихъ дыбомъ. Свои писанья онъ читалъ иногда Калинычу и говорилъ, что онъ посылаетъ ихъ въ газету и въ журналы. Съ княжествомъ ему скоро не повезло. Калинычъ ѣздилъ какъ-то въ Никольскъ и отыскалъ тамъ родителей Медвѣдева, «такихъ же хохловъ, какъ и я», по выраженію Калиныча. Этотъ ядовитый мужикъ даже привезъ ему отъ родителей «гостинчикъ» — узелокъ съ какими-то домашними галушками. Мать его старуха жаловалась, что сынокъ такъ сталъ ученъ, что и родителей не признаетъ. Не знаю, правда ли это все, но смѣшно и жалко въ достаточной мѣрѣ. Теперь я понимаю, что значили тѣ письма въ брачную газету въ Германію и потомъ портретъ какой-то толстой Берты, которые попались мнѣ въ школьномъ шка-

пу. Тамъ описывается обворожительная наружность молодого писателя, желающаго вступить въ бракъ съ молодой особой и т. д. Я спросила Якова: «какъ же вы на экзаменѣ отвѣчали?» Онъ сказалъ, что задачу учитель своимъ ученикамъ растолковалъ накануне, а на завтра они «блестяще» переписали ее. О диктовкѣ онъ съ ними уговорился такъ: при встрѣчѣ буквы «ѣ» онъ будетъ почесывать лѣвую бровь. Такъ и сдѣлали. Онъ ходитъ по классу и медленно произноситъ: «На морѣ поднялась буря», и какъ бы между прочимъ при словѣ «морѣ» почесываетъ лѣвую бровь... Въ результатѣ его ученики отличились среди окрестныхъ другихъ. Это похоже на добрый анекдотъ, но видимо Медвѣдевъ былъ любитель анекдотовъ!

19 сентября.

Въ школѣ стало совсѣмъ хорошо — полы чистые, полумракъ, печи потрескиваютъ... Вѣдь я тутъ теперь хозяйка! Давеча я выбирала картинки кое-какія повѣсить на стѣну. Вдругъ баба «Прыська» давай-ка голосить — увидѣла картину изъ «Первой помощи раненымъ»: «Оцежь и мій чоловикъ такъ лежитъ гдѣсь, або зовсиль немає». Я удивилась — такая отчаянная баба и вдругъ плачетъ. «Якъ бы вернувся сичасъ — уси гроши отдала бѣ, їй Бо!» — сказала она. Это онѣ всѣ солдатки получаютъ казенный «паекъ» за мужей деньгами, а иногда продуктами.

21 сентября.

Начала сегодня запись учениковъ. Работы въ крестьянствѣ еще не кончены, поэтому пришло ихъ пока мало. Масса впечатлѣній! Забавные, я все время не могла удержаться отъ улыбки. Мальчики держать шапку въ рукахъ и въ затруднительныхъ случаяхъ теребить ее. А дѣвочки такія робкія, что глядятъ въ землю и не дышатъ

22 сентября.

Сооружала сегодня въ своей школьной квартирѣ «мебель». Пригодился таки нашъ семинарскій «ручной трудъ». Мы бывало подшучивали надъ нашей столярной мастерской — стругаешь какуюнибудь глупую вѣшалку или полочку. Но сегодня — радуйтесь «Цене!» — я распилила доски и сколотила письменный столъ и «этажерку». Отличные, только качаются, но я подставила ихъ къ стѣнѣ, чтобы не упали.

24 сентября.

Первый день занятій съ дѣтьми. Еще вчера цѣлый день выбирала занятія, которыя помогли бы мнѣ познакомиться съ дѣтьми и которыя «съ перваго же дня привлекли бы сердца дѣтей къ училищу», какъ говорится въ методичкахъ. Чѣмъ больше я углублялась въ выборъ предметовъ бесѣдъ, сказокъ и картинъ, тѣмъ почва подъ ногами у меня все больше расшатывалась и я въ концѣ концовъ совсѣмъ растерялась. Вѣдь тамъ прямо сказано «привлечь сердца». А что, если я выберу такія, которыя оттолкнуть дѣтей? Чуть было не пришла въ отчаяніе отъ своей бездарности. Но вечеромъ рѣшила провести урокъ такъ, какъ рекомендуютъ методики.

Солнце еще не взошло, какъ я шла съ книжками и подобающе принаряженная въ школу. Сижу у себя въ комнатѣ, жду, когда ребята соберутся. Слышу на кухнѣ у старухи, сторожевой тещи, кто-то меня спрашиваетъ. Входитъ высокая баба Вавилиха, мать Никифора, самаго маленькаго, нузатаго, смѣшиного мальчика. — «Здравствуйте». «Здравствуйте». Баба таинственно вынимаетъ изъ подъ шали какой-то узелокъ и говоритъ: «А я вамъ гостинчикъ принесла, чтобъ вы моего Никишку добре учили...»

— Нѣтъ, нѣтъ, гостинцевъ мнѣ не надо, — стараюсь казаться серьезной, отвѣчаю ей, — я и такъ буду хорошо учить вашего Никишку. — А сама думаю, — хоть бы не засмѣяться, а то все дѣло пропало.

— Трохи яичекъ, масличко... — продолжала баба.

— Благодарю васъ сердечно, но сейчасъ у меня есть и масло и яйца, а какъ нужно мнѣ будетъ — приду къ вамъ купить... Вы тутъ около за школой живете?

Разочарованная баба ушла. Я вышла на крыльцо. Тамъ шла работа. Кто отметалъ щепки отъ крыльца, кто отгискивалъ чурбаны и доски въ сторону. Эта картина, залитая ослѣпительнымъ солнцемъ, заставила мое сердце запрыгать, мнѣ хотѣлось тоже возиться здѣсь съ ними. Но вспомнила «привлечь сердца» — велѣла дѣтямъ идти въ классъ. Ребята гурьбой побѣжали въ классъ, косясь на меня. Я вошла за ними и какъ будто ничего особеннаго нѣтъ (а вѣдь начинался мой «первый урокъ!») велѣла вынести парту, мѣшавшую проходить, закрыла форточку и

сѣла за столъ. «Кто еще не записанъ?» — спрашиваю. «Всѣ» — кричатъ.

— А я васъ ужъ не помню всѣхъ то. Максѣмъ Никифоръ, это ты? — спрашиваю едва виднаго изъ-за парты Никишку. Онъ оглядывается, какъ будто ищетъ — нѣтъ ли еще такого. Потомъ отвѣчаетъ: «Я — Никихворъ». — «А кто это Гоголя Ѳедотъ?» На задней партѣ встаетъ юноша, больше меня ростомъ. — «Да сколько тебѣ лѣтъ?» — въ ужасѣ спрашиваю я. Онъ весь покраснѣлъ, даже подъ короткой щетиной волосъ кожа на головѣ, а изъ глазъ чуть не выкатились слезы.

— Тринадцать, — басомъ сказалъ онъ.

— Въ какомъ отдѣленіи учился раньше?

— Я еще не ходывъ до школы... — сказалъ онъ.

— Ну садись, садись, — машу ему рукой, видя, что изъ красного онъ побѣлѣлъ, какъ полотно, и лицо его выразило полное отчаяніе. Видно было, что онъ мучительно стыдился своего возраста, — у него усы ужъ пробивались.

— Ѳедора Гоголя? А, это ты брата записывала, помню. Тебѣ, говоришь, одиннадцать? Вы ужъ оба больше очень, смотрите-ка, мы всѣ здѣсь какія крошки...

Всѣ повеселѣли, даже солидный Никихворъ зачмыхалъ носомъ.

— Теперь посмотримъ вотъ эти картинки, вы мнѣ скажете, какихъ животныхъ тутъ узнаете, — сказала я, боясь со стола картины.

— Це лысыця, — сказалъ одинъ.

— А це ливень, — воскликнулъ другой.

Мало-по-малу дѣти оживились, придвинулись къ столу и наперерывъ говорили. Бѣлку видѣли всѣ, даже разсказывали, какъ прошлый годъ ихъ было такое множество, что онѣ заходили въ село. Медвѣдя, волка, кабана знали почти всѣ и даже видѣли многіе живыхъ. О тигрѣ разговоровъ было много — сторожевъ сынъ Яковъ восторженно заявилъ, что его «батькѣ» одинъ изъ всѣхъ краснянн убилъ тигра, а другой разсказывалъ, какъ гдѣ-то въ другомъ селѣ, гдѣ его дядя живетъ, тигръ заѣлъ «человика вмѣстѣ съ жинкою». Маленькій забавный мальчишка Ѳедоръ, указывая на ласку, сказалъ: «Це — кить». Я удивилась и сказала, что это ласка, а кить — вотъ онъ. Вытащила кита и показываю, пояснивъ, что онъ громадный и живетъ въ морѣ. На лицѣ Ѳедора отразилось недоумѣніе. Послѣ урока ужъ я случайно открыла, что «кить» это

значить котъ. Значить я показала вмѣсто кошки — кита? Изъ птицъ общее вниманіе привлекъ лебедь. Гоголя склзаль, что видѣлъ живого «у панивъ въ Россіи», а Бондаренко, бѣлоглазый замурышка, увѣрялъ, что такая «чапня» однажды у нихъ хотѣла утащить курченка. Въ связи съ лебедемъ стала читать рассказъ Мамина-Сибиряка «Примышь». Сначала всѣ сидѣли смирно, но потомъ начали двигать ногами, зашентались, а Федоръ даже всталъ и прогулялся въ корридоръ, волоча со стукомъ по полу огромные сапожищи. Я вижу, что чтеніе мое утомительно и мало понятно, дѣти не въ силахъ больше слушать. Пронцкая описанія, скомкала рассказъ, кончила его наконецъ, закрыла книжку и спрашиваю: «Кто понялъ, о чемъ здѣсь написано?» Всѣ молчатъ. «Ты, Никифоръ, понялъ?» Онъ сидѣлъ, подперши круглыя щеки кулаками и не сводитъ съ меня сѣрыхъ глазъ. «Ни», — спокойно отвѣтилъ онъ. Я Федора, — «ничего не понявъ». Тутъ вижу двое подняли руки, — раньше ходили въ школу, они выручили меня: «Трохи понялы, якъ дидъ птыцю годувавъ». Я была недовольна собой — зачѣмъ взяла этотъ рассказъ? Мыслимо ли съ мѣста въ карьеръ такую длинную штуку выслушать! Какъ бы въ угѣшеніе непонявшимъ, я сказала, что вотъ будемъ учиться читать, и тогда они сами прочтуть.

Потомъ продолжаю дальше по расписанію — «знакомство съ окружающимъ»:

Кто скажетъ, гдѣ мы находимся?

— Въ школѣ, — отвѣтили дѣти.

— А комнату эту какъ называютъ?

— Это помѣщеніе, — сказали одинъ.

Уже учившіеся сказали — «классъ».

— Что у насъ въ классѣ находится? — Молчаніе, постъ многихъ наводящихъ вопросовъ и раздумій одинъ склзаль:

— Ну можно сказать, что это — ремонтъ.

Откуда онъ взялъ? Называю — мебель и переходимъ къ стѣнамъ. Сзади меня виситъ карта Россійской Имперіи. Спрашиваю, не знаетъ-ли кто, что это? Всѣ молчатъ. А одинъ пожалъ плечами и сказалъ: «Кто ёго знае, що воно таке?» Тогда я говорю: «Здѣсь нарисована наша русская земля... Только не такъ, какъ мы видимъ ея, а проше... Чтобы вся она тутъ помѣстилась на бумагѣ, ее уменьшили... Планъ такой...» Чувствую, что чѣмъ дальше объясняю, тѣмъ больше они не понимаютъ и глаза у всѣхъ на

роко раскрыты — какъ это землю уменьшили?.. «Планъ»? — зоть такъ объясненіе! А что такое планъ? Прекращаю, дальше таблица «скелеть человѣка»

— А это что? — спрашиваю.

— Це — смерть, — увѣренно отвѣтилъ одинъ. Всѣ за-смѣялись, а онъ угрюмо сказалъ:

— Мени Василь казавъ, що це смерть...

Скоро отпустила дѣтей и въ окончательномъ недовольствѣ собой пошла обѣдать. Дома перечитала «Первый урокъ» въ методикѣ. Все то же глупое знакомство съ окружающимъ, какъ будто бы дѣти безъ этого не познакомятъ-ся съ нимъ. **Зачѣмъ это забѣганіе впередъ и неизбежный рискъ нарваться на какую-нибудь «смерть», либо «планъ»?** И чтеніе меня подвело. Что мнѣ этотъ старикъ съ лебедями дался, будто проще ничего не было даже въ той же книжкѣ Мамина. Какъ то въ Семинарскомъ Образцовомъ училищѣ уроки такъ гладко давала, все было умѣстно, хорошо, а тутъ. Правда, что намъ тамъ такихъ то дѣтей не показывали. Только подумай, а онъ, тебѣ уже и на отвѣтъ. Это должно быть «знакомство» — то для нихъ написано. А потомуъ этотъ «китъ»! И какъ я до сихъ поръ — живу здѣсь скоро мѣсяць — а «китъ» отъ меня ускользнулъ?

Хожу и терзаюсь. Но, во-первыхъ, въ чемъ главная бѣда? Дѣти всѣ малороссы, плохо понимаютъ меня, а я ихъ. Стало быть чѣмъ скорѣе я познакомлюсь съ ихъ нарѣчіемъ, тѣмъ бѣда эта будетъ меньше. Потомъ, забросить методики, которыя написаны для городскихъ дѣтей.

Пошла въ школу. Тамъ топились печи. Опять стало хо-рошо. Какая то успокаивающая музыка въ трескотнѣ горящихъ дровъ. Я заплѣла и принялась устраивать свои комнаты.

26 сентября. Воскресеніе.

Была сегодня въ церкви, потомъ заходила къ Аннѣ Лукичишнѣ. Ходили съ ней гулять, зашли къ одной бабѣ, смотрѣть шелковицу. Баба привезла ее изъ Россіи и вотъ уже пять лѣтъ шелковица растетъ здѣсь, но зимой сильно примерзаетъ и выше человѣческаго роста не поднимается. Въ окрестностяхъ Никольска шелковица прекрасно растетъ — громадныя деревья усыпанныя ягодами и корейскіе ребятишки «пасутся» на нихъ по цѣлымъ днямъ, какъ мнѣ довелось видѣть это въ прошломъ году въ окрестностяхъ деревни Синельниково. На сколько же здѣсь

холоднѣе Никольска! Баба оригинальная — толстая, добродушная, разное у нея тамъ въ огородѣ насажено. «Люблю, говорить, заботиться, а еще больше люблю, когда зацвѣтутъ». Полдесятины засажено клубникой, она обѣщала весной дать нѣсколько кустиковъ мнѣ. Угостила насъ хлѣбомъ съ медомъ, мы ходили за ней по огороду и жевали. Погода сегодня прекрасная — бабѣ лѣто. Изъ Срѣтенки наше Красное какъ на ладони, въ кольцѣ рдѣющаго лѣса. Какая прелесть въ цвѣтномъ осеннемъ уборѣ Уссурийскихъ лѣсовъ! Сколько красокъ перегоняютъ яркостью другъ друга, сочетаясь въ непонятный и затѣйливый узоръ. Куда ни взглянешь, вездѣ разсыпались какъ будто осколки лѣта, дышутъ, дышутъ въ послѣдній разъ, полны предсмертной жаждой жизни, не шадя, выбрасываютъ свою послѣднюю красоту передъ уходящимъ горячимъ своимъ богомъ-солнцемъ...

29 сентября.

Раздѣлила дѣтей на двѣ группы — ходившихъ уже въ школу и новичковъ. Послѣднихъ громадное большинство. Они интересуютъ меня больше старыхъ. Всѣмъ раздала карандаши и тетради, подписала и показала какъ держать то и другое. Потомъ начала мѣломъ на доскѣ рисовать постепенно божью коровку. Сначала длинный кружокъ — спинку, потомъ поменьше — головку и т. д. Когда коровка у всѣхъ была готова я принесла свои цвѣтные карандаши и раздала (жаль, что всѣмъ не хватило). Сначала они не знали, что съ ними дѣлать и стали обводить контуры. Вотъ было радости, когда я показала имъ раскрашенную божью коровку. Съ такимъ усердіемъ принялись малевать, выхтыять, за карандаши чуть не дерутся. Для развлечения нарисовала на доскѣ послѣ коровки домъ, изъ трубы дымъ идетъ и кошка бѣгаетъ по крышѣ, поднявши хвостъ. Что смѣху было! Когда восторгъ ихъ началъ остывать, я отправила группу младшихъ домой, а со старыми занялась «экзаменомъ».

1 октября. Покровъ.

Праздника не замѣтно, очевидно Покровъ у малоросовъ не считается такимъ большимъ праздникомъ, какъ у насъ въ Сибири. Послѣ обѣдни мнѣ встрѣтилась запоздавшая компанія въ кедровникъ. Они подождали меня минутку и мы скоро опять скакали по болоту съ кочки на ко-

ку. Сегодня я не собирала орѣховыхъ шишекъ, а сидѣла на толстомъ корнѣ подѣ кедромъ и слушала, какъ шумить задумчиво кедровникъ. Этотъ шумъ наполнялъ собою все, онъ былъ вездѣ вокругъ, какъ будто это гудѣлъ самъ воздухъ. Изрѣдка ворвется рѣзкій людской голосъ, разорветъ эту шумящую тишину, прокатится троекратнымъ эхомъ между стволами и потонетъ въ ровномъ непрерывномъ шумѣ. И опять притягиваетъ погрузиться въ бездумную задумчивость, сидѣть такъ долго, долго подѣ высокимъ зеленымъ сводомъ...

Пробираясь сквозь хвойную молодую заросль по дну небольшой балки, я неожиданно наскочила на цѣлый выводокъ черныхъ поросятъ. Они съ хрюканіемъ порснули отъ меня въ чащу зарослей. Вокругъ была изрыта земля и мохъ. Я подкралась осторожно къ чащѣ и замерла, услышавъ трескъ сучьевъ и шорохъ. Огромная, горбатаа, черно-сѣдая матка пролѣзла мимо меня съ тѣми же поросятами. Я не стала выслѣживать ихъ дальше, вышла изъ чащи и пошла на зовъ — было уже поздно и публика возвращалась домой.

На обратномъ пути мои пріятели срѣзали мнѣ длинный лимонникъ. При паденіи онъ скрутился пружиной. Я надѣла ее на себя, чтобы не измять сочныхъ ягодъ. Кромѣ этого я нарѣзала букетъ разныхъ своихъ любимцевъ — барбарисъ съ лапкой колючекъ, бересклетъ съ плодами — звѣздочкой, висящей на ниточкѣ, какъ серьга, золотыя гремучки діоскореи, кровавыхъ кленовъ.

На опушкѣ дѣса изъ густого шелестящаго вѣтника то и дѣло выпархивали парочкой фазаны и тяжело летѣли надъ травой, потомъ опять падали.

4 октября.

Вчера перешла отъ Калинычей въ школу. Очень довольна. Хотя еще нѣтъ кровати, постель моя лежитъ на табуретѣ, а спала на полу. Да вотъ еще ни одна дверь не затворяется на ключъ, сторожъ говоритъ, что это косяки свело.

Сегодня былъ въ школѣ молебень. Познакомилась съ батюшкой отцемъ Феодоромъ. Послѣ молебна онъ говорилъ «слово» собравшимся крестьянамъ. Мнѣ не понравилось, зачѣмъ онъ такъ искусственно, неискренно говорить. Послѣ молебна онъ подошелъ ко мнѣ, поговорилъ покровительственнымъ тономъ, между прочимъ просилъ

заниматься съ дѣтьми по Закону Божьему, потому что такая у насъ подѣ Краснымъ дорога, что онѣ ѣздить не будетъ, пока не замерзнетъ болото. Батюшка какъ бы шутя обратился къ старостѣ:

— Вотъ ты, староста, всей деревнѣ голова, главнокомандующій, можно сказать, долженъ распорядиться.

Староста сказалъ:

— Да батюшка, у меня четыре сына на войнѣ, самъ я старій, дѣтей кормить надо, хозяйство и на заимокъ и туда и сюда, все одинъ.

— Да вѣдь ты жалованіе получаешь, ты распорядиться обязанъ.

Староста вдругъ разсердился:

— Что про жалованіе толковать — всего 23 рубля въ годъ, проѣмъ больше того въ разъѣздахъ. Это не то, что вы, батюшка, покрутили вокругъ аналая, да и десять рублей просите.

— Какихъ десять!? Ты что говоришь-то? Подумай!

— А, якихъ, якихъ! съ меня самого за Мехводія девять рублей узялы.

— Девять? Да девять вездѣ берутъ, — пробормоталъ растерявшійся батюшка.

Какъ я устояла на ногахъ? Зачѣмъ я присутствую при этомъ дикомъ разговорѣ? Но ноги мои точно приросли къ полу. И вдругъ слышу еще:

— А ты нось-то выше держи, такъ тебѣ все дешевле будутъ дѣлать. Да ты меня попросилъ-ли, что «вотъ, молю, батюшка, нельзя ли», ты поклонялся-ли мнѣ? Въ ноги-то мнѣ поклонился-ли, а? Ты какъ думаешь?..

И что-то еще въ этомъ родѣ. Я оторвала таки ноги отъ пола и убѣжала въ свою комнату. Батюшка тоже накрылся котелкомъ и пошелъ къ выходу, а староста не унимался и говорилъ вслѣдъ: «Нехай, я его не боюсь». Ахъ Боже мой, да что же это такое! Иванъ тутъ, который батюшку привезъ, бабы на крыльцѣ, все слышать.

Послѣ обѣда ходила съ дѣтьми на Лысую сопку, это ближайшая къ деревнѣ, версты двѣ. Маленькихъ я не взяла, устанутъ, но прошли мы немного — смотримъ они за нами крадутся, прячутся отъ меня, пришлось ужъ взять и ихъ. На улицѣ встрѣчныя бабы, глядя на насъ «мило» шутили: «Квочка, курчатъ разгубишь». И показывая на мою желѣзную банку, говорили: «И выпивку съ собой узялы?»

Когда вошли въ лѣсъ, ребята подняли содомъ, заплѣли, заевистали, кувыркались по травѣ, полѣзли на деревья. Лазили всѣ какъ кошки. И кто ихъ гимнастикѣ обучалъ? Обратили вниманіе на омелу, которая кудрявыми пучками висѣла на липахъ. Лишь я выразила желаніе достать одну изъ нихъ, какъ полдюжины кустовъ свалилось къ моимъ ногамъ. Я было вступилась за омелу, какъ они мнѣ: «Чего жалѣть? Она деревья сушитъ». Такъ и всходили на сон-ку живымъ зеленымъ кустомъ — у каждаго въ рукахъ была зелень съ красными ягодами. Одинъ изъ ребятъ былъ съ ружьемъ. Я взяла съ него слово не стрѣлять безъ моего разрѣшенія и не отпускала его отъ себя.

Вершина горы была дѣйствительно лысая. Дѣти говорили, что это землемѣры вырубилъ лѣсъ. Видъ съ горы широкій: далеко бѣлая церковь блестящая на солнышѣ въ селѣ Семеновкѣ. Ближе растинулась Веденка. Между нею и Семеновкой выглядываютъ нѣсколько избушекъ Соловьевки. Дальше по равнинѣ долженъ быть Иманъ, но какъ мы ни вглядывались, приставивъ кулаки къ глазамъ — Имана разглядѣть не могли. На востокъ и на югъ отъ насъ густая щетинистая тайга. Надъ нею тутъ и тамъ стояли тучи отъ пала. Я рассказала дѣтямъ, что тамъ, за этими лѣсистыми хребтами, верстъ 250-300 отъ насъ — начинается море — самое большое море на всей землѣ и называется Великій океанъ. По немъ надо плыть долго-долго, чтобы увидѣть снова землю. Тутъ я рѣшила познакомиться ихъ съ компасомъ. Продѣлала обычное «встать лицомъ на полдень, вытянуть руки крестомъ, впереди будетъ югъ, сзади сѣверъ и т. д. «А какъ мы узнали бы страны свѣта, если бы мы были въ лѣсу, солнце зашло въ тучи и мы не знали бы куда итти?» Одинъ тотчасъ отвѣтилъ: «Я бы взлѣзъ бы на кедр и побачивъ бы нацу деревню». Другой сказалъ ему: «Дурный! Тоби жъ кажутъ — дощъ идѣ. Наши хлопцы въ прошломъ году охъ и попили жъ мамалыги...» (Бѣсть мамалыгу — это значитъ заблудиться). Когда-то въ первые годы переселенія компанія здѣшнихъ людей блуждала въ лѣсу три дня и вышла въ сосѣднюю молдаванскую деревню, гдѣ ихъ накормили кукурузною кашей — мамалыгой. Теперь это выраженіе употребляютъ вся деревня вмѣсто — заблудиться). Среди общаго напряженнаго молчанія Денисъ серьезно сказалъ: «А якъ не знаешь, такъ не ходы». Всѣ съ облегченіемъ засмѣялись. — нашли выходъ. Я была побита. Тогда я говорю: «А вотъ

на Великомъ океанѣ, какъ же люди узнаютъ какъ плыть? Берега не видно, только вода да небо и дождь еще если пойдетъ?» Опять напряженные лица, — какъ быть? Коснутся другъ на дружку, не придумалъ ли кто. И какъ же это на самомъ дѣлѣ — ни земли не видать, ни солнца? Тутъ ужъ я торжествую — вынимаю компасъ и кладу на пенекъ: «Смотрите, паруходъ слушается вотъ этой стрѣлки!» Не вѣрятъ, вертятъ круглую коробочку во всѣ стороны, но потомъ замѣчаютъ, что стрѣлка то все въ одну сторону показываетъ. Всѣ навалились на пенекъ, всплескиваютъ руками, удивляются: «Грыщъ его знае!» Въ концѣ концовъ пришлось мнѣ спасать замысловатую коробочку отъ излишняго любопытства.

Когда волненіе по поводу открытія компаса улеглось, мы отправились смотрѣть барсучью нору на склонѣ. Вдругъ кто-то крикнулъ: «Заяцъ, заяцъ!» Всѣ бросились за зайцемъ. Не знаю, промелькнулъ ли въ самомъ дѣлѣ заяцъ, или это ложная тревога, но шуму, спору, смѣху что было! Одинъ кричитъ, что самъ видѣлъ, какъ онъ проскакалъ вотъ у этого ння и тутъ пропалъ, другой говоритъ, что тоже самъ видѣлъ зайца, но въ противоположной сторонѣ, съ горы летѣлъ, здоровый! Охотникъ горячился больше всѣхъ: «Якъ дурни — заяцъ, заяцъ! А чего за нимъ тикать безъ ружья? Только мнѣ помѣщали, я бы его убилъ!» Шутники утѣшали его, что придутъ въ деревню, поймаютъ ему курицу и будутъ ее держать. Подъ гору ребята съ визгомъ катились кувыркомъ. Перекликаясь, разошлись по своимъ хатамъ.

Дома застала гостя — Марченко, крестьянинъ пасѣчникъ. Онъ сидѣлъ въ моей комнатѣ за столомъ и преспокойно читалъ мои газеты...

8 октября.

Пробовала сегодня устроить пѣніе. Голоса есть отличные, особенно у дѣвочекъ и слухъ у всѣхъ хорошій, кромѣ Степана, онъ все тянетъ басомъ. Когда я сказала это, поднялся оглушительный хохотъ. Пришлось рассказывать, что такое басъ и даже про Шалапина. При этомъ имени опять хохотъ. Можетъ-быть у нихъ что-нибудь смѣшное обозначаетъ? Успокоились, я спрашиваю, какія пѣсни они знаютъ. Смѣются опять. Кузьма говоритъ: «Послѣдній нѣнѣшній денечекъ, а большіе некихъ», а Оксана, закрывшись платкомъ, сказала: «Я хочъ богато знаю, да тильки

погано спиваю». — Другіе запротестовали: «Э, ни ты жь гарно спиваешь». Федоръ вызвался: «Ось я гарно заспиваю», и сдѣлалъ на губахъ пальцами бр-р-р. Всѣ засмѣялись, а онъ залѣзъ въ парту. Спрашиваю пѣли-ли они въ школѣ раньше, говорятъ, что съ учителемъ не пѣли, а когда учитель не приходилъ, такъ сторожъ старикъ училъ ихъ пѣть, «Царю Небесный». «Хорошо пѣли?» «Якъ просята», — сказали Кузьма. Я во все время разговора перебираю въ умѣ легкія дѣтскія пѣсни и какъ на грѣхъ ни одной не приходитъ на умъ. Наконецъ запѣла имъ «Транка зеленѣеть, солнышко блестить». Они насторожились, впились десятками глазенокъ мнѣ въ ротъ. Я пропѣла два раза одинъ куплетъ, а третій разъ они уже начали подтягивать. дѣвочки забыли стѣсняться и Оксанинъ голосъ уже сливался съ моимъ. Даже маленькіе дѣлали движенія губами и лица ихъ выражали такое усердіе, что мнѣ большихъ усилій стоило удержаться отъ смѣха. Научились пѣть эту пѣсню и были всѣ предовольны. Потомъ я сказала, что научимся «Царю Небесный» и будемъ по утрамъ вмѣсто чтенія ея — пѣть всѣмъ классомъ. Запѣла, они за мной. На бѣло мы пропѣли молитву стоя, повернувшись къ иконѣ и этимъ покончили сегодняшнія занятія.

9 октября.

Съ маленькими разучивали стихотвореніе «Дѣдъ и дѣти». Потѣшно рассказываютъ: «Первый каже... другій каже... дидъ каже: добре дитки, трохи подождите — усѣ вамъ буде, и свистокъ и бѣлка и усѣ». Потомъ стали рисовать этого дѣда и дѣтей. Никишка нарисовалъ такъ: дѣдъ съ синей бородой, но колѣна ему «кедры» — палочки съ крючками направо и налево, на одномъ изъ нихъ красное пятно — бѣлка. Авторъ пояснилъ мнѣ: «Це дидъ ловить бѣлочку, це хатка дидова (подъ ногами у дѣда нарисована хатка), а це собака». «Собака» — лежащая палочка, ее подпирають четыре и одна въ сторону. У маленькаго Борща была въ центрѣ вниманія бѣлка — она была больше дѣда, а стояла на хвостѣ, ногами въ сторону: «Прыгаетъ», объяснилъ авторъ.

Меня начинаютъ одолевать мыши и крысы — ихъ въ квартирѣ множество. Полы проѣли въ нѣсколькихъ мѣстахъ, особенно на кухнѣ.

Скребуть по ночамъ ужасно. Сегодня утромъ беру ботинки, а оттуда посыпались орѣхи. А вчера изъ постели

тоже — пока спала, они, каналы, устроили складъ у меня на постели! Проснусь ночью, а они трудятся надъ шишками. Пущу въ нихъ маленькой подушкой или ботинкомъ — затихнуть, а потомъ опять за то же. Всѣ орѣхи и шишки вынесла сегодня въ кладовую. Вечеромъ вчера одна мышь попалась таки мнѣ на глаза. Я со злости и пристукнула ее вѣшникомъ и положила на дрова. Сегодня встаю, а ее и слѣдъ простыль — ожила.

14 октября.

Снѣжный день. Совсѣмъ зима. Послѣ уроковъ вышла погулять, сидѣла на бревнѣ. Бѣло, бѣло кругомъ, только деревья голыя, черныя. Снѣгъ по зимнему скрипитъ подъ ногами. Холодно, безотраднo вверху и внизу. А снѣгъ все валить и валить. Мнѣ начинаетъ казаться, что онъ завалитъ меня и никто не узнаетъ объ этомъ. Одишoko. Всѣ забыли обо мнѣ, никто не помнитъ... Почему такъ тихо? Напоминаетъ что то эта тишина и это море-безстрастныхъ снѣжинокъ. Какъ будто это уже было когда то, эта всюду бѣлая пелена. — Далекое воспоминаніе... Совсѣмъ было вскочить въ дверку сознания, но дверка захлопнется и опять оно мучительно неуловимо... Но въ то же время спокойно-радостно. Гдѣ то въ глубинѣ души бьется жизнь! И это ничего, что я такая маленькая, одна здѣсь среди бѣлыхъ безконечныхъ снѣжинокъ — въ душѣ своей я закрыла въ себѣ весь огромный міръ и держу его, живой и прекрасный. Вотъ въ этомъ грань того, чего я не могу вспомнить, что близко и далеко, давно, но — сегодня...

29 октября.

Сегодня пріѣзжалъ священникъ съ фельдшеромъ. Батюшка еще первый разъ былъ на урокъ. Пока онъ занимался, фельдшеръ сидѣлъ у меня, крутилъ усы, молодцовато выставлялъ грудь и вообще старался «не ударить въ грязь лицомъ». Послѣ батюшки фельдшеръ пошелъ въ классъ — онъ пріѣхалъ осматривать дѣтей. Онъ посмотрѣлъ дѣтямъ въ ротъ и нашелъ всѣхъ дѣтей здоровыми. Руки у него огромныя, неуклюжія, похожія на кузнечныя клещи. Ахъ, какъ онъ раскрывалъ ими дѣтямъ рты, прижималъ пальцемъ языки... Точно съ лошадиной дѣло имѣлъ, всю жизнь, а не съ людьми.

Батюшка много разговаривалъ, разспрашивалъ есть ли у меня родные, гдѣ живутъ и что дѣлаютъ. Хвалили мои украшенія и все экзаменовалъ меня. «Гордячка, гордячка вы я вижу», сказалъ онъ, прощаясь, — «мимо меня изъ церкви ходите, а не заглянете». И онъ погрозилъ мнѣ пальцемъ.

3 ноября.

Вернулась сегодня съ Имани. Погода проклятушая — поѣхала туда на саняхъ, а оттуда пѣшкомъ всю дорогу тащилась. Снѣгъ растаялъ, сани ползутъ по грязи и дождь льетъ. Глина на ноги намазывается, прямо кажется, что вся дорога къ ногамъ прилипла — вотъ тебѣ и шоссейная. Результаты поѣздки плачевныя. Кромѣ тетрадей и букварей инспекторъ безмолвно вычеркнулъ все остальное. Никакихъ баночекъ, пробирокъ, цвѣтныхъ карандашей въ инспекціи не водится. Термометръ оказался, лежало три штуки на окнѣ. Едва выпросила, махнулъ рукой, берите, дескать, что съ вами подѣлаешь, для двухклассныхъ училищъ не хватаетъ, а вы тутъ еще. Ночевать отправилась вмѣстѣ со старой какой-то учительницей въ Иманское двухклассное училище. Тамъ оказалась одной изъ учительницъ Ревекка Бланкъ, еврейка, которая училась у насъ въ Семинаріи, старше меня выпускомъ. Тряслась отъ холода въ классѣ на столѣ цѣлую ночь подъ своимъ мокрымъ пальто.

Въ Веденкѣ ночевала у учительницы. Тамъ церковно-приходская школа. Учительница такъ встрѣтила меня, словно сидѣла и дожидалась. Она заговорила такимъ сладкимъ голосомъ и съ такими ужимками, что меня съ первыхъ словъ подмывало прыснуть. Ну, точно она выскочила изъ какой то комедіи. Кромѣ этого походила сильно на корейку, смѣшно при ходьбѣ трусила и разставляла руки, точно несла что нибудь на головѣ. Она поставила передо мной стаканъ какой то мутной жидкости, которую называла важно «кофе». Къ довершенію всего, о, ужасъ! у нея всѣ пальцы загнуты къ ладонямъ и не разгибаются, будто когти. Какъ же она пишетъ? Она разсказывала, что была пятнадцать лѣтъ въ корейской школѣ. Пятнадцать лѣтъ! Знаю я, что такое глухая корейская деревня — за это время можно не только перенять манеры, но и совсѣмъ сдѣлаться корейкой. Вспоминаютъ ли ее съ

благодарностью корейцы, приобщенныя къ краю русской культуры, и кто сказалъ-ли ей спасибо?

6 ноября.

Тоскливо. Какая-то растерянность, неуверенность во всемъ, хорошо или дурно все, что я дѣлаю. Можетъ быть, то, что я считаю важнымъ, не стоитъ выдѣннаго яйца. Не съ кѣмъ посоветоваться, обсудить, потолковать, спросить. Какъ въ самомъ дѣлѣ провѣрить себя? Тутъ «миръ» мой внутренній не помогаетъ. Онъ вродѣ нашихъ солнечныхъ часовъ, годится только въ солнечную погоду, а въ морочной день бесполезенъ. Живешь, какъ на необитаемомъ островѣ — никому ты не нужна. Или — будто, спустили тебя въ темной колодезь, обрубили веревки и уши. Надъ головой твоей проносятся птицы, расцвѣтаютъ и вянутъ цвѣты, проходятъ смѣющіеся люди, а ты все сидишь тамъ и ковыряешь мохъ на стѣнахъ этого черного колодца...

8 ноября.

Неожиданно письмо. Милая Валя! Пишетъ, что онѣ случаютъ обо мнѣ и ждутъ Рождества, когда мы всѣ увидимся въ Семинаріи. Тарасъ Петровичъ пріѣхалъ и рассказываетъ обо мнѣ. Это письмо отогрѣло меня, я опять «воспрянула духомъ», а то начала было хандрить.

Бондаренко приводилъ своего братца — маленькій такой «Грыць». Читаетъ лучше своего брата Андрея, хочи въ школу еще не ходилъ. Онъ сказалъ, что пришелъ посмотреть планъ Русской земли и гдѣ на немъ рѣки нарисованы. Вотъ удивилъ меня, долго стоялъ передъ картой и внимательно разсматривалъ, вытянувъ тонкую шейку. Неужели онъ что то въ ней понимаетъ? И откуда? Такой клопъ, стѣ земли не видать. Я показала ему простѣйшій планъ класса, который мы недавно составили со вторымъ отдѣленіемъ (самый аккуратный виситъ у насъ въ классѣ на стѣнѣ). Потомъ принесла планъ Красновскихъ земель, спяный мною у писаря, и сказала, что я и его научу рисовать такіе планы, если онъ будетъ ходить ко мнѣ въ школу. Онъ недоуменно засмѣялся и сказалъ, что онъ бы ходилъ, да у него «чобитъ немає» Правда, на ногахъ у него колоссальныя чоботы, онъ угружаетъ въ нихъ до самаго живота. Дала ему карандашъ и тетрадь, но приведшій его Иванъ Шитко сказалъ, что у него руки, какъ у котенка, и онъ не можетъ писать.

10 ноября.

Крупное происшествіе — сегодня анатомировали мышъ. Вышло дѣло такъ: мышы разгуливаютъ у насъ по классу нерѣдко и вотъ на перемѣнѣ Падей изловилъ одну изъ нихъ и летитъ ко мнѣ, зажавши въ кулакѣ бѣдную илѣнницу. Конечно, она уже выпучила глазки и разинула ротъ, въ которомъ дрожаль синѣющій язычекъ. Падей сказалъ, что у нея бьется сердце. Всѣ подняли сго на смѣхъ. — «Развѣ у мышей есть сердце?» Поднялся споръ. Мнѣ пришлось вступить въ этотъ споръ — я стала на сторону Падея и въ доказательство предложила разрѣзать мертвую мышъ и посмотрѣть сердце. Окончили уроки и принялись за дѣло. Ребята сначала недовѣрчиво и насмѣшливо смотрѣли, какъ я прикалывала къ дощечкѣ мышиныя лапки. Но когда я распоролла перочиннымъ ножикомъ шкурку и показались ребра, они окружили столъ и дѣвочки перестали закрываться. Потомъ разрѣзала грудную клетку и показалась диафрагма (кто то назвалъ «плева»). Дальше увидѣли нѣжно розовые легкіе, а подъ ними то и оказалось на лицо мышиное сердце, «съ горошину», какъ кто-то изъ ребятъ замѣтилъ. Всѣ наклонились надъ столомъ и разглядывали его. Я вынула и остальные органы и разложила ихъ на дощечкѣ. Сердце же положила на стекло и вотъ каждый убѣдился, что мышъ дѣйствительно сердце имѣетъ. Мы съ Падесмъ торжествовали, онъ заливался своимъ бурундучьимъ смѣхомъ и говорилъ: «А що, бачишь?»

Въ концѣ въ классъ вошла баба, солдатка Шитько, она дожидалась у меня въ комнатѣ писать письмо, я и забыла о ней. Она въ недоумѣніи остановилась. «Що ле вы робите?» сказала она. Мы рассказали въ чемъ дѣло. Но баба не обрадовалась нашему открытію, она съ сомнѣніемъ покачала головой и презрливо сплюнула въ уголокъ.

12 ноября.

Ребята мои заинтересованы — что это такое, елка? Они сначала недоумѣвали: «елка у лиси ростѣ». Рассказала имъ, какъ и что устроимъ. Но все таки имъ странно — срубить елку, повѣсить на нее игрушки и вокругъ играть. «Это для маленькихъ?» спрашивали они. «Нѣтъ, это для всѣхъ и родители придуть». Думаютъ, сидятъ, морщатъ лбы, стараются понять. Объявили, что на это веселье деньги со-

бираемъ: «Вотъ попечитель три рубля подписалъ, я рубль и отды ваши кто сколько можетъ пусть подпишутъ».

Горе теперь — всѣ карандаши цвѣтные исписались. Экономила я ихъ всячески, нѣчто даже вродѣ наказанія установилось: «Ты вотъ не слушаешься, огорчаешь меня, за это не будешь карандашами раскрашивать сегодня», скажу иной разъ кому-нибудь. И когда привожу эту угрозу въ дѣйствіе — для виноватаго нѣтъ тягчайшей кары. Часто этой карѣ подвергается Василій, но ни за что просить не будетъ и не заплачетъ. Онъ вообще храбрецъ — маленькій, коренастый, ходитъ грудью впередъ, руки въ карманахъ и всегда участвуетъ въ сраженіяхъ. Но какъ бы ему ни попало, не плачетъ и не жалуется. Мальчишкѣ его почему то не любятъ. Онъ правда, задира и упрямецъ, но всегда упряместву своему какойнибудь резонъ приводить и стоять крѣпко на своемъ.

14 ноября.

Который часъ, неизвѣстно, еще темно. Вчера рано легла спать, потому такъ рано поднялась. Просмотрѣла тетради второго отдѣленія, что не успѣла сдѣлать вчера, нагрѣлась у топящихся печей — а все темно. Наконецъ съѣла жареную картошку, которую эта старая корга, сторожева теща, посыпала сначала сахаромъ, а потомъ посылила. Вообще старуха эта изрядное чучело. Салыхвонѣ то хитрить, посылать вмѣсто себя тещу свою — все равно отъ нея дома толку мало. То ли она глухая, то ли не понимаетъ ничего. Вызвалась стряпать мнѣ, расскажу, растолкую ей, но она все спутаетъ и такую штуку сварить, что кого угодно стошнить.

15 ноября.

Вчера вечеромъ читала шестопсалміе и пѣла на клиросѣ съ дьячкомъ Цюманомъ. Было очень хорошо. Церковь маленькая, полуосвѣщенная, иконы убраны малороссійскими полотенцами, старухи лежатъ ницъ передъ черными образами... мнѣ не нравится только, что батюшка недостаточно проникновенно служить. Какъ то ужъ слишкомъ привычно благословляетъ, слишкомъ размашисто чадить, громко капаляетъ. За обѣдней не было того жертвеннаго умиленія, которое переживалось у вечерни. На клиросѣ пришло нѣсколько мужчинъ и моя ученица Дуна

дочь дьячка. Не спѣвшись, мы всё тянули кто въ лѣсъ, кто по дрова. Одна какая-то іерихонская труба стояла у меня подъ ухомъ и глушила меня. Потомъ Цюманъ отчего-то заважничаль — онъ высоко подняль бороду, величественно размахиваль рукой, пытался задавать тонъ и вообще изображалъ регента огромнаго хора. Читая, онъ перевираль немилосердно, но невозмутимо сохраняль свой важный видъ. «Иже херувимы» онъ зятянулъ такое мудреное, что никто изъ насъ не могъ къ нему пристать. Онъ киваль намъ и голосомъ и бородой и рукой, но мотивъ былъ такой тягучій и съ такими неожиданными выкрутасами, что слѣдовать этимъ кивкамъ было положительно опасно. Цюманъ одинъ такъ и закончилъ низкой нотой, онъ изобразилъ, конечно, октаву — прижалъ бороду къ груди и исподлобья устремилъ на насъ уничтожающій взглядъ. Я сильно подозреваю, что мотивъ этотъ никакого не кievскаго распѣва, а просто его собственное произведеніе, или вѣрнѣе — всѣ распѣвы, перепутанные вмѣстѣ.

22 ноября.

Сижу при сальномъ «каганцѣ», лампу выбросила въ форточку на улицу, пусть тамъ валяется. Этотъ «школьный инвентарь» годился бы развѣ только для того, чтобы старость бороду подпалить. Сколько разъ просила: «Дайте мнѣ лампу, Христа ради». Мучилась съ той каждый вечеръ или со свѣчкой сидѣла, а сегодня въ нее какъ сатана вселился — окончательно не горитъ и свѣчки нѣтъ. Обидно, что даже такого пустяка тебѣ не позаботятся сдѣлать...

Получила изъ семинаріи заказное письмо: справка отъ Н. Г. по пѣнію и отъ В. Г. о пособіяхъ къ рисованію и простѣйшей лѣпкѣ. Надъ послѣдними хохотала — смѣта въ 35 рублей! Что они тамъ рехнулись? Да моя вся школа не имѣетъ пособій на 35 рублей, а они для одного рисованія, для такого «вольномудства».

Холодно и крысы скребуть отчаянно. Старуха все затыкаетъ дыры, хлопаетъ себя руками по поламъ свитки и приговариваетъ: «Трещитъ и трещитъ, лыха година».

26 ноября.

Наскандалила сегодня со сторожемъ. Пылицу такую развели въ классахъ, что прямо задыхаешься. А ничего мудренаго нѣтъ, — полъ еще ни разу не мыли съ начала

занятій. Сторожъ говоритъ, что у нихъ съ обществомъ уговоръ такой, чтобы только мести, а мыть нанимають отдѣльно. Да и чего, дескать, мыть-то, все равно хлопцы зачачкають и раньше-де не мыли, да учились. Я такъ и этакъ — нѣтъ, выметутъ да и ладно. Жду старосту, передавала ему сколько разъ, не является. Утромъ сегодня холодище (на улицѣ было 29°) просто зубъ на зубъ не попадаетъ. Я прибѣжала въ классъ, надѣясь согрѣться у печки (жельзную печь поставили въ классѣ на дняхъ), а тамъ даже и дровъ нѣту. А старуха еще спрашиваетъ: «Чи топыть, чи не тоныть?» Во всемъ домѣ мѣстечка теплаго нѣтъ! Затопили. Слышу, стучить чѣмъ-то тяжелымъ въ корридорѣ. А она это полѣно забиваетъ въ печку! Душчики нигдѣ не закроеть, дымище. Потомъ начала мести, да такъ, что въ двухъ шагахъ ничего не видно отъ пыли. Взяла у печвѣнникъ, притащила ведро съ водой и вымела сама вездѣ, а старухѣ велѣла идти домой. Ворчитъ еще что-то беззубымъ ртомъ. Послѣ обѣда является Салыхвонъ, помялетъ у двери и вошелъ. Я попросила его отнести пакетъ старостѣ. «Пишу ему о томъ, что я не могу заниматься съ дѣтьми до тѣхъ поръ, пока мнѣ въ школѣ не вымоютъ полы», сказала я Салыхвону. Онъ молча взялъ разносную книгу и вышелъ.

Вчера вечеръ провела у Веприковыхъ. Хозяинъ рассказывалъ, какъ у нихъ въ Вятскомъ городѣ Глазговѣ жилъ одно время В. Г. Короленко и какъ онъ ходилъ къ одному сапожнику учиться шить сапоги. Потомъ онъ это все житье описалъ въ книгѣ «Ненастоящій городъ». Сговорились достать эту книгу. Потомъ рассказывали они про соборъ, построенный въ этомъ городѣ. Михаилъ Андреевичъ былъ тогда еще мальчикомъ, когда одинъ мечтатель протоіерей сталъ строить соборъ. Это было дѣло всей его жизни. Въ соборѣ уже начали возводить куполъ и протоіерей проводилъ въ немъ дни и ночи. Храмъ былъ дѣйствительно такъ красивъ, что Михаилъ Андреевичъ говоритъ: «Я ужъ чего понималъ тогда, а и то, бывало, стою въ углу площади и по цѣлымъ часамъ гляжу и стою то хорошиъ, столь-то святъ казался мнѣ новый соборъ»... Только однажды ночью соборъ съ оглушительнымъ грохотомъ обвалился и завалилъ кирпичами всю площадь.. Бѣдный протоіерей былъ разбитъ параличемъ и вскорѣ скончался. Случай этотъ хорошо помнила мать Веприкова, къ которой онъ обращался за поправками во время

разказа. А хозяйка всегда вставляла число и годъ — удивительная у нея память на числа, прямо ходячій календарь какой-то.

28 ноября.

Сейчасъ была на сходѣ, просила поставить въ мою квартиру желѣзную печку — холодъ у меня, какъ на улицѣ. Въ большой хатѣ съ землянымъ поломъ сидѣло много народу. Накурено, шумъ голосовъ и трескъ сѣмячекъ. Я сѣла рядомъ съ Никишкинымъ отцомъ Вавилой. Онъ, весь закиданный шелухой, подвинулся и сказалъ: «Молодѣнька, та веселѣнька, посидимъ съ тобой гарнѣнько». И въ знакъ своего расположенія высыпалъ мнѣ на колѣни цѣлую пригоршню сѣмячекъ. Мужики все подходили и слышались шутки, иногда такія, что я хотѣла малодушно сбѣжать. Вавила время отъ времени фыркалъ и стряхивалъ съ бороды цѣпочку висящей шелухи, осыпая меня мокрой шелухой. Вдругъ поднялась оглушительная ругань — ругались староста и подрядчикъ по постройкѣ школьной ограды, хромой Назаренко. Накричавшись, они, къ моему удивленію, стали разговаривать совершенно мирно. Писарь сѣлъ въ уголь и сталъ записывать присутствующихъ. Староста надѣлъ свой знакъ, помѣстился на середину хаты и закричалъ, размахивая руками: «Замовчить! Слушайте, воспода!» Шумъ началъ утихать. Староста продолжалъ: «Вотъ учителька пришла, въ училищѣ ей никакъ не можно удержаться. Я бувъ тамъ учѣра, такъ вона у шуби такъ и сыдыть. Дуже холодно у ней у хати». — «Отчего жъ не поставыть! Обязательно надо, надо, надо», загалдѣли мужики.

— Отчего и холодно въ школи, що хундаменту нѣту, — высунулся какой-то рыженькій резоннымъ тономъ.

— Нѣтъ это стѣны не штукатурены, — сказалъ другой.

Я казавъ тогда, що безъ хундаменту ничѣго не буде, — настаивалъ рыженькій.

— Да цементу гдѣ бы взывъ, чудакъ? — спросилъ другой.

— А на що твій цементъ, ранѣ его не було, а строили?

— Такъ согласны, воспода, учителькѣ печку поставыть? олять прокричалъ староста.

— Согласны! — закричали всѣ въ разъ.

— Таки годи, — успокоился староста и указалъ писарю корявымъ пальцемъ: «Пыши, Кирила!» И староста и я

были рады. Староста вытеръ лобъ краснымъ платкомъ и опять закричалъ: «Слушайте, воспода! Теперь старосту треба новаго выбирать, бо мой срокъ уже кончився. Кого выкликните?» — «Можно Дырду, або Дарнолиха».

Опять загалдѣли мужики. Староста подождать немного и спросилъ:

— Такъ на Дырду согласны?

— Согласны! — нестройно отвѣтили мужики. Но въ углахъ слышался какой-то неясный протестъ и писарь не писалъ. Староста своимъ чередомъ предлагалъ выбирать десятскихъ, сотскихъ. Всѣ отпирались отъ этихъ должностей. Сборщика податей нѣсколько разъ мѣняли. Наконецъ всѣ были выбраны. Изъ другой половины хаты вдругъ послышался зычный голосъ Салыхвона: «Якъи тамъ изъ Дырды буде староста, баба больше настаростуеть!»... — «Вѣрно, вѣрно». — «Отъ то жъ и правда!» И загалдѣли опять всѣ сразу.

— Староста всей деревнѣ три года батько.

— Ну такъ кого жъ тоди? Выкликайте, воспода, — разводилъ руками староста и вытиралъ мокрый лобъ. Галдѣли со всѣхъ сторонъ. Наконецъ одинъ закричалъ:

— Да вотъ дядѣ Евгѣну быть старостой.

— Ну васт! У меня здоровье не позволяетъ, забилъ руками и ногами дядя Евгѣнъ, рыжий дородный мужикъ. Тутъ всѣ словно очумѣли, орутъ хохочуть, кто что говорить не разберешь.

— Онъ въ старшины мѣтитъ, кричатъ изъ одного угла хаты.

— Ну, выберуть старшиной, такъ старосту отмѣнить можно! — возражали изъ другого.

— Четверть ставъ, дядя Евгѣнъ! — гоготали на серединѣ.

Староста, пытаясь перекричать толпу, завопилъ:

— Такъ Евгѣна Воицеховскаго согласны старостой?

— Согласны! — такъ крикнули, что хата затряслась.

— Ну всѣ въ разъ! — махнулъ рукой староста.

— Согласны! — Еще разъ крикнуло подсолтни плотокъ изъ всей силы.

— Вотъ какъ мы тебя гукнули, а ты еще не доволенъ! — смѣялись мужики.

— И ходыты до меня далеко, — продолжалъ стираться Евгѣнъ. Но улыбка удовольствія выглядывала изъ его рыжей бороды.

- Самъ красный и будень въ Красномъ старостыт..
- сострилъ кто-то.
- Такъ писать? — спросилъ писарь.
- Пыши, а то що-жь.

До конца схода я не досидѣла, разболѣлась голова отъ табачища и отъ крика.

30 ноября.

Писарь принесъ листокъ: «Обязанности школьнаго сторожа». Увиѣчевала сторожа вмѣстѣ съ писаремъ и онъ наконецъ сказалъ, что пришлетъ бабу мыть.

Замѣтила сегодня, что Никишка прячетъ въ парту свою шапку. Ребята засмѣялись и говорятъ: Вавилуха сказала, что и учительку и всю школу разорветъ, если у ея Никишки порвутъ ѣновую шапку. Я отвѣтила, что теперь придется намъ всѣмъ охранять Никишкину шапку, иначе насъ всѣхъ ожидаетъ печальный конецъ. Въ деревнѣ создалось мнѣніе, что дѣтей я распустила, потому что не бью ихъ и на колѣни не ставлю. Бабы говорятъ:

— Молоденька, еще не знаетъ, якъ изъ ними треба.

Педагогика несложная — деревня признаетъ только одинъ «педагогическій» методъ: бей!

3 декабря.

Приятная неожиданность: старшина привезъ волшебный фонарь. Онъ ѣздилъ по волости и случайно «открылъ» его въ деревнѣ имени нашего губернатора Гондательевкѣ. Тамошняя школа снабжена пособіями не въ примѣръ другимъ прочимъ, но по какой то невѣдомой причинѣ не дѣйствуетъ.

Старшіе ребята помогли мнѣ настраивать фонарь. Въ свободномъ классѣ поставили его на табуретку, а потомъ на столъ. На стѣну натянули мокрую простыню. Публика рано начала осажать школу. Маленькихъ я рассадила впереди, а большимъ осталось мѣсто стоять. Надо было видѣть восхищенное изумленіе дѣтей и взрослыхъ, когда на стѣнѣ появилась трогательная картина «Рождество Христово». Старухи крестились и шептали. Недавно мы со вторымъ отдѣленіемъ читали по славянски это Событіе и я попутно съ этимъ рассказывала и маленькимъ, какъ родился Христосъ. Сейчасъ я напомнила имъ вкратцѣ и показала на картинѣ: это Дѣва Марія, это мудрецы, которые шли по звѣздѣ искать, гдѣ родился Христосъ и т. д.

Всѣ 12 картинъ Новаго Завѣта были въ краскахъ. Я называла каждую картину и кратко рассказывала Событіе. Послѣ этого стали читать небольшой рассказъ «Сигналь». Ребятъ мало занимало чтеніе, они всецѣло были поглощены картинами. Среди тишины вдругъ кто-нибудь громко подѣлится съ сосѣдомъ: «Дывысь, дывысь! Задавыть, ій Бо!» или: «Бачь, якъ чертяка разогнавсь». А другихъ занималъ самъ фонарь. Они заглядывали въ него и говорили: «Що воно тамъ сыдыть?» Но съ той и другой стороны ихъ ослѣплялъ свѣтъ, а увидѣть такъ ничего и не удавалось. Въ этотъ вечеръ я поднялась въ ихъ глазахъ — я знала, «що въ немъ сыдыть».

Послѣ картинъ кое-кто изъ мужиковъ и бабъ зашелъ ко мнѣ. Они ласково оглядывали мою комнату, широко крестились на образъ и сѣли на кровать. Пока я прибирала фонарь, они растопили мнѣ печку и ца ней кипѣлъ чайникъ. Хотѣла напоить моихъ гостей чаемъ, да не хватило чашекъ. Такъ было хорошо, я чувствовала открытыя ко мнѣ души этихъ людей, принедавшихъ съ молчаливой лаской. Сегодня они поняли, что и я люблю самое дорогое имъ — ихъ дѣтей.

6 декабря. Николинъ день.

Ѣздила съ Анной Лукивишной въ Ново-Троицкое къ К., но не застали, она уѣхала на Имань. Мы вернулись из-мерзшія. Погрѣлись у А. Л. и рѣшили отправиться къ батюшкѣ.

Батюшка рассказалъ совершенно невѣроятное — учитель сосѣдней деревни Ч. ловить чертей. На дняхъ батюшка ѣздилъ въ эту деревню и ночевалъ у него. Онъ рассказаль это такъ: «Онъ навелъ на меня ужась, я хотѣлъ будить мужика и ѣхать среди ночи. Ложимся мы спать, а онъ огня не гасить и все оглядывается горящими глазами во-кругъ и встряхиваетъ одѣяло, а потомъ ловить кого-то и говорить: «Вотъ пакость, выскользнулъ промежь пальцевъ». А то вдругъ захохочеть и хватается за бокъ: «Ахъ ты, хвостатая шельма, проскочилъ меня насквозь». Ужъ совсѣмъ было начали засыпать, онъ вдругъ какъ завилжить, да подкинется на кровати, скатился на полъ и ну топтать кого-то, бѣгаетъ по комнатѣ, стучается, шныряетъ подъ кровать... Наконецъ вылетѣлъ въ сѣни и я слышалъ, какъ онъ запираеть сѣнную дверь. Весь дрожа и обливаясь потомъ, онъ вернулся и началъ крестить на двери

всѣ сучки, какіе только замѣчалъ. Наконецъ торжествующе улыбнулся и заявилъ, что «онъ» остался на улицѣ и на сегодня не будетъ ему надоѣдать. Неужели это правда? Несчастнѣйшій! Какъ же тамъ школа? А школы, говорятъ, почти нѣтъ. Родители не пускаютъ дѣтей въ школу, особенно дѣвочекъ. Учитель почти всегда сидитъ на заборѣ и на стукъ отворяетъ неохотно, выглянувъ предварительнo въ маленькую щель. Иногда онъ бываетъ въ нормальномъ состояніи и собираетъ по деревнѣ дѣтей, но идутъ только ослушники для озорства. Матушка подтвердила, что когда онъ заѣзжалъ какъ то къ нимъ, то среди разговора отмахивался и кого-то отпихивалъ ногой, а когда она на минутку вышла и затѣмъ вернулась, онъ стоялъ на стулѣ и маленькими крестиками крестилъ сучки на потолокъ. При ея приходѣ онъ извинился и слѣзъ со стула. Анна Лукинишна тоже слыхала о немъ отъ другихъ, будто онъ уже второй годъ вотъ такъ «ловить чертей», но хорошей человѣкъ и зла никому не дѣлаетъ.

Подъ впечатлѣніемъ этого разговора я пошла домой со старухой Цюманихой — она принесла къ батюшкѣ просфоры въ узелкѣ. Было темно, когда мы шли по нашей времянкѣ. Спутница моя стара-стара, а я едва послѣдовала за ней. У нея на темени тряслись концы платка, которыми она была повязана, и она широко размахивала дорожной палкой. Вся она походила на какое-то диковинное рогатое, бѣгущее по лѣсной дорогѣ, и въ лѣсу за деревьями чудились страшныя фигуры, бѣгущія вслѣдъ за ними...

24 декабря. Сочельникъ.

Ѣздила на Иманъ за игрушками. Все страшно дорого. Вчера и сегодня шили мѣшечки изъ разноцвѣтнаго каленкора, насыпали въ нихъ орѣхи, пряники «конхветки», клеемъ изъ бумаги хвостатыя звѣзды и красили орѣхи. А самое главное — отбирали для каждаго именной подарокъ. Мои помощники (изъ всѣхъ отдѣленій выбрала великовозрастныхъ дѣвочекъ и мальчиковъ) поднимали споръ около каждаго имени. Одни утверждали, что Ивану или Грыцьку понравится дѣдь-морозъ, а другіе лѣзли на стѣну, что онъ мечтаетъ о слонѣ, третьи же не совѣтывали ни дѣда, ни слона, а ужъ если дѣйствительно хотимъ его обрадовать, то — свистокъ. Вотъ и выбирай. У меня глаза разбѣгаются, я бы хотѣла подарить ему и мороза и слона и свистокъ, но что же другимъ останется? Тутъ надо

такъ распредѣлить эти сокровища, чтобы у всѣхъ былъ подарокъ, и чтобы всѣмъ онъ былъ по вкусу. Или вотъ хитрое дѣло — Манька, Марія и Маруся только и думаютъ о золотой рыбкѣ, а она всего одна и красивая, блестятъ, какъ настоящее золото. Ну, какъ ее раздѣлить? Мнѣ хочется наградить рыбкой Маньку. Мальчики совѣтуютъ Марусю, а дѣвочки Марію. «Ну, бросайте жребій, чтобы намъ не согрѣшить». Наконецъ перебрали всѣхъ 54 чловѣка и сложили мѣшки будущихъ счастливыхъ обладателей въ ящики. Всѣ волшебства завтрашняго дня стоятъ готовыя, а елки еще нѣтъ, завтра привезутъ.

Со сторожемъ опять скандалъ — не хочетъ вымытъ на завтра полъ. Все равно, говоритъ, затопчутъ его.

Сегодня была у попечителя на кутьѣ. У иконъ горитъ лампадка, торжественно вездѣ, накинута полотенца, тепло и тихо въ низкой хатѣ. Все хорошо, только ѣдятъ она, хохлы, очень ужъ наканунѣ великаго праздника. У насъ, наоборотъ, въ этотъ день ничего не ѣдятъ, кромѣ вечерней кутьи — рисовой или ячменной каши, а у нихъ столъ уставленъ всякой всячиной, вплоть до домашней колбасы. Конечно, противъ народнаго обычая не пойдешь, да и Гоголь, можно сказать, его воспѣлъ, но мнѣ этотъ обычай кажется дикимъ. Въ самомъ дѣлѣ, наѣвшись до отвала и напившись наканунѣ, можетъ ли чловѣкъ съ благоговѣніемъ встрѣтить родившагося въ міръ Спасителя и пережить умиленіе при пѣснѣ «Слава въ Вышнихъ Богу?» Какое ужъ тутъ, когда въ головѣ послѣ доброй чарки «Гопъ кума не журишь»...

27 декабря, 3-й день Рождества. Никольскъ-Уссурийскій.

Сіжу сейчасъ у сестры Дуни. Тихо, всѣ спятъ только что вернулись изъ театра. Я отдыхала днемъ и теперь спать не хочется. Вчера вечеромъ я приѣхала въ Никольскъ. Хорошо, что успѣли ночью послѣ елки довести меня изъ Краснаго на Имань. Тогда я прямо съ елки, несмотря на усталость, рѣшила выѣхать. За 25 декабря, въ первый день Рождества много было пережито счастливыхъ минутъ. Я видѣла восторженные фигурки дѣтей передъ зажженной елкой и счастливыя благодарныя лица родителей. Но начну по порядку.

Первымъ дѣломъ — утромъ столкновение со сторожемъ. Я сказала, чтобы онъ и не являлся ко мнѣ въ школу, я сама буду все дѣлать. вмѣсто рождественской обѣдни я на-

носила воды, затопила вездѣ печи, и принялась мыть полы. Въ классахъ такая стужа, что вода на полу замерзаетъ (печку вчера убрали, чтобъ не мѣшала). Въ самый разгаръ входитъ старшина. Заахалъ, забѣгалъ, самъ схватилъ швабру и давай тереть полъ. Я была очень рада — пусть пойметъ, что нельзя же въ школѣ конюшню устраивать. Старшина бѣгалъ, приносилъ воду, уносилъ грязную и метался, какъ угорѣлый. Такъ мы вымыли съ нимъ вездѣ сообща и претолчно. А потомъ сѣли пить чай, послѣ трудовъ праведныхъ.

Мужикъ, посланный за елкой, не возвращался. Собрались мои помощники, ждемъ всѣ, нѣтъ мужика съ елкой. Онъ томилъ насъ до самаго обѣда, наконецъ видимъ. Какое же было мое отчаяніе, когда вмѣсто елки у него на саняхъ лежитъ цѣлый возъ кедр! Говорить, ѣздить въ кругъ верстъ 20, обыскалъ до самаго Ракитнаго весь лѣсъ, а елки не нашелъ. Рѣшилъ срубить нѣсколько кедринъ, выбирайте, которая лучше. Я чуть не плакала — этотъ лохматый, съ рѣдкими толстыми вѣтками, развѣ замѣнить густую пирамидальную елочку. Ну, нечего дѣлать, стали изъ нѣсколькихъ составлять одинъ — тутъ привязывали новыя вѣтви, тамъ прибавляли гвоздями. Поставили въ классѣ, уперли въ потолокъ, и начали украшать. Ребята священнодѣйствовали. Ласковые межъ собой сдѣлались. Совѣтуются, что куда прицѣпить, какую игрушку, какой стороной. Наконецъ фонарики, хлопушки и колокольчики, верблюды, морозы и малиновки, домики, угоды и бусы — все повисло въ зелени нашей «елки». Прицѣпили разноцвѣтныя свѣчи, опутали серебряной паутиной и протянули сверху до полу магнѣву полоску. Помощникамъ моимъ я нацѣпила по красному банту на грудь — «полицію» отмѣтить, — двоимъ дала въ надзоръ свѣчи, чтобы «елку» намъ не спалить, двоимъ караулить ящики съ подарками и двоимъ форточки.

Публика съ улицы уже начала облѣплять окна, пришлось закрыть ставни. Въ маломъ классѣ настроили фонарь, а дверь въ большой заперли. Начали впускать народъ. Усаживаю ребятъ, младшіе впереди. И наряднѣе же они сегодня, рубахи новыя, топорчатся отъ крахмала, у дѣвочекъ ленты, монисты. А народъ все прибавляется, классъ биткомъ набить, толпятся въ корридорѣ. Наконецъ, старшина сталъ въ пучокъ свѣта фонаря и обратился съ поздравленіемъ съ праздникомъ Рождества Христова къ

всѣмъ присутствующимъ и выразилъ свою радость по поводу нашего маленькаго школьнаго торжества. Онъ говорилъ умѣло и просто, видно было, что съ толпою онъ говоритъ привыкъ. Приступили къ «программѣ».

Когда мы открыли обѣ двери большаго класса, — толпа ахнула, какъ одинъ человекъ. По серединѣ класса искрилась до потолка зажженная елка. Дѣти растерялись отъ неожиданнаго зрѣлища, а толпа взрослыхъ такъ наперла на нихъ, что послышались крики придавленныхъ. Старшина догадался урезонить народъ и «сдѣлать милость ... не давить дѣтей». Мы прошли впередъ и расположились вокругъ елки. Тогда часть взрослыхъ вошла въ свободные углы. Когда движеніе поутихло, мы торжественно подожгли магниевую ленту и запѣли гимнъ — такъ установили программу «елочная коммисія». Тутъ официальная часть программы кончилась и началась декламация и пѣсни съ играми. Милые мои «артисты»! На репетиціяхъ все выходило прекрасно, а теперь — путаются, стѣсняются, говорить тихо. Вызвали храбрую Марію. Она свою «Веселу дивчину» такъ отрѣзала, что всѣмъ стало весело. Хороводъ заходилъ вокругъ елки. Конечно, кому то наступили на юбку, конечно, задѣвали за вѣтки и съ нихъ падали игрушки и, конечно, кто-то запалилъ волосы. Но этихъ пустяковъ никто не замѣчалъ, всѣ вытянувъ шеи старались заглянуть въ середину круга, гдѣ подъ елкой кто-то нарядный что-то рассказывалъ. Никишка вызвалъ общій восторгъ — такой забавный вышелъ «мужичекъ съ ноготокъ». Мужики и бабы глядѣли на важнаго парнишку и сами переживали все разыгрываемое. Они радовались всему не меньше дѣтей и, кажется, были не прочь взяться за руки, тутъ же съ дѣтьми. Хохотали всѣ надъ Аныськой — она шарикомъ выкатилась на середину круга, держа въ рукахъ тряпичную куклу и тонкимъ, дрожащимъ голоскомъ запѣла: «Во сырѣмъ темномъ бору, я малинки наберу»... Съ страху все это у нея вышло такъ комично, что всѣ такъ и покатались отъ смѣху, а бѣдная Аныська въ недоумѣніи уставила на меня испуганные глаза. Пришлось мнѣ самой начинать ея пѣсенку сначала. Вдругъ поднялся переполохъ. Полиція прозѣвала таки и одна сторона елки загорѣлась. Но мужики зашлепали огонь ладонями и веселье возобновилось. Стали играть въ игры. Взрослые не меньше волновались, когда кошка настигала «мышку», побладривали возгласами то ту, то другую и спорили обѣ иг-

рокахъ. Особенный восторгъ вызвали четыре пары танцоровъ, плясавшихъ подъ пѣсню «Вышли въ поле рано утромъ до зари».

Наконецъ поставили на середину круга ящикъ съ подарками, я вынимала подарки, вызывая каждого и оиъ, трепеща, подходилъ. Сколько тутъ было радости, жаднаго любопытства! На ходу спѣшили разузнать, что досталось, сыпались орѣхи, катились по полу круглые пряники...

Елка подходила къ концу, до-школьникамъ братцамъ и сестрицамъ мы тоже роздали кое-что къ немалой ихъ радости.

Огни потушили, елка кончилась. Шумная радостная толпа вывалила на улицу и стала растекаться отъ школы въ разныя стороны. Счастливые ребята, еще ослѣвленные елочными огнями, пробираются по сугробамъ домой...

8 января 1916 г. Красное.

Сегодня утромъ прѣѣхала. Грѣюсь у печки и жарю картошку. Новый сторожъ (слава Богу!) стучитъ дровами въ классъ. Цѣлый день снѣгъ, бѣло-бѣло кругомъ.

Пурга на дворѣ. Вѣтеръ воетъ въ трубъ, осыпаетъ сухимъ снѣгомъ ставни и кружится вокругъ дома. Сторожъ не спитъ теперь въ школѣ — холодно. Никого нѣтъ, жутко въ темную ночь одной. Въ душѣ тоскливо, нервы напряжены, вездѣ какой то подозрительный шорохъ... Отчего такъ страшно воетъ въ трубъ, точно тамъ сидитъ кто-нибудь и жалобно завываетъ: «у-у-у». Не спится, дума за думой пробѣгаетъ и не даютъ уснуть. Сегодня въ деревнѣ получена вѣсть — объявленъ опять наборъ — самыхъ молодыхъ. Притихшую, придавленную новымъ горемъ деревню заматаетъ снѣгомъ пурга. Вотъ здѣсь сегодня мы ихъ лелѣемъ, учимъ, расчесываемъ каждый волосокъ на ихъ головѣ, а завтра ихъ возьмутъ въ неизвѣстное и страшное. Навсегда. Да, они не вернуться, навѣрнос не вернуться. Послѣднихъ также не будетъ, какъ первыхъ уже нѣтъ. Есть ли слова, могущія облегчить горе отцовъ, повернется ли языкъ сказать матерямъ «Не плачьте»?.. Кошмаръ войны повисъ надъ всѣми нами. Кровавый смерчъ закружилъ насъ, мы потеряли равновѣсiе и падаемъ въ какую то бездонную пропасть.

Ахъ, когда же конецъ этой ночи! Такъ страшно здѣсь и холодно...

23 января.

Пошли сегодня къ вечернѣ, всѣхъ насъ было 24. Маленькіе увязались. Я думала замерзнуть — какое! Жарко стало. Разыгрались, смѣху, веселья сколько. Бѣгомъ, бѣжали и еще нарочно валились кучей въ снѣгъ. Подошли къ церкви, но что это? — огня не видно, пусто, все заперто. Послала ребятъ къ Цюману. Бѣгутъ обратно и говорятъ: «Служить не будутъ, батюшки нѣтъ». Что такое? Сама пойду. Дѣти остались на крыльцѣ храма, а я отправилась къ батюшкѣ. Прихожу. Матушка сидитъ въ столовой съ сыновьями. Здороваюсь. «А что, батюшки нѣтъ?» А онъ изъ спальни идетъ: «Здѣсь, здѣсь я». «А сказали, что васъ дома нѣтъ. Я школу къ вечернѣ привела». «А я сегодня ѣздилъ на поминки», лукаво подмигиваетъ мнѣ батюшка, «и потому рѣшилъ сегодня не служить. Завтра утромъ уже отслужу». Я невольно смутилась. «А мы... надѣялись... можетъ быть хоть вечерню отслужите сегодня, а утреню завтра...» «Нѣтъ ужъ, не хочется... Въ церкви холодно. Не стоитъ, завтра ужъ заодно... Такъ и пошли мы домой.

28 января.

Вчерашній день былъ непрятенъ, и сегодня не лучше. Федоръ ударилъ маленькаго Борща между ногъ сапогомъ, да такъ, что тотъ закричалъ, побѣлѣлъ весь и завертѣлся отъ боли. Я такъ испугалась, что просто ума лишилась. Не знала, что и дѣлать. Притащила Борща въ комнату, но никакихъ пораненій или ушибовъ у него не оказалось. Онъ впрочемъ скоро пересталъ плакать и успокоился и игралъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Но Федора я послала домой: «Иди домой, я не хочу тебя видѣть, драчуна». Онъ долго бродилъ вокругъ школы, наконецъ ушелъ. Сегодня онъ приходитъ, я его едва узнала — лицо все исцарапано и одно ухо совершенно синее. «Что съ тобою, Федоръ?» спрашиваю въ ужасѣ, «кто это тебя такъ?..» Онъ отвернулся и сказалъ: «Маты лозыною». Господи, и это только изъ-за того, что я прогнала его вчера изъ школы. Не дай Богъ еще разъ примѣнить это наказаніе. Цѣлый день я чувствую будто это не у него, а у меня болятъ на лицѣ царапины и ность распухшее ухо...

4 февраля.

Притащила мнѣ Малаша, сторожева дочь, ужасный снѣрядъ для крысъ. Это корыто съ дыркой въ боку у дна, въ

корыто надасть тяжелая дубовая доска, подставленная на палочкѣ. Этой доской можно «вола ушибить», не только крысу. Я торжествую — крысы теперь побѣждены. Настроила мнѣ ее Малаша съ вечера, такъ: на дно корыта насыпаются тыквенныя сѣмячки, поджаренныя, и подъ палочку, подпирающую доску, тоже сѣмячко, подставленное ребромъ. Когда крыса, прогуливаясь мимо, учуетъ запахъ сѣмячекъ, сейчасъ же вскочить въ дырочку и начать грызть ихъ, да нечаянно и схватить то, которое подставлено ребромъ подъ палочку. Доска на крысу и грохнется — отъ крысы останется одинъ хвостъ.

Обычно, за ночь раза два вскакиваю, чтобы печку раздуть, а сегодня съ крысами всю ночь не спала. Сплю и сквозь сонъ слышу — хлопъ! Высовываю голову — холодно, какъ на сѣверномъ полюсѣ. Вставать не хочется, а надо, и печка погаснетъ, все равно дровъ надо подложить. Протягиваю руку къ табуреткѣ — тутъ у меня всегда приготовлены валенки и пальто. Изъ одѣяла переселяюсь въ нихъ, приспособилась дѣлать это моментально. Зажигаю свѣчу, раздуваю печку, погрѣю руки и бѣгу изслѣдовать «добычу». Поднимаю доску — есть! Охъ, и здоровая же! То-то и кошка ихъ никакъ не брала. Поднимаю «дичь» за хвостъ и выкидываю въ форточку. Снова привожу снарядъ въ боевую готовность, погрѣюсь у раскрасившейся печки и такимъ же манеромъ переселяюсь изъ пальто въ одѣяло.

Холодъ у насъ въ школѣ адскій, вчера въ классѣ было — 4°, при наружномъ морозѣ — 37°. Печку въ классѣ топимъ непрерывно, но, тепло только пока топится, а погасла — морозъ. Да и тепло только около печки, ближніе ребята красные, головы даже у нихъ разболются, а на заднихъ партахъ чернила какъ съ вечера замерзли такъ и не оттаяли. Къ концу урока всѣхъ заднихъ, посинѣлыхъ, перегоняю къ печкѣ, сидятъ на полу грѣются, дрова наталкиваютъ въ печку. И у меня въ комнатѣ то же самое — сижу у стола, спину жжетъ, а ногъ подъ столомъ не чувствую. Повернусь, грѣю ноги, руки, опять спина мерзнетъ. Такъ цѣлый вечеръ и верчусь на стулѣ. Подмету и поставлю мокрый вѣшникъ въ уголъ, онъ примерзнетъ къ полу. А черезъ кухню пробѣгаю стрѣлой, зажавши уши — тамъ просто Верхоянскъ. Въ классѣ у насъ одинъ уголъ занушился инеемъ, тамъ просвѣчиваетъ между бревнами на улицу и въ нѣкоторыхъ пазахъ тоже иней лежитъ. Конеч-

но, въ классѣ кашель — одинъ кончаетъ, другой начинаеть и я не отстаю. Кашель это ничего, а вотъ у меня правая нога распухла — это хуже. Въ большемъ пальцѣ нѣтъ, такъ что иногда хотъ плачь, переступить не могу. Ботинки ужъ давно забросила, ношу постоянно валенки, но и въ нихъ ноги, какъ ледь. Говорятъ, цыганъ съ Рождества шубу продаетъ. Ну, у насъ бы онъ не продалъ.

6 февраля.

Сегодня на картинахъ опять произошелъ у меня конфликтъ съ хлопцами и дѣвчатами. Они забрались въ уголь и начали щелкать сѣмячки. Я попросила прекратить. Но они продолжали да еще начали хихикать. Я разсвирѣпѣла и сказала: «Кто желаетъ грызть сѣмячки, тотъ пусть идетъ домой и тамъ грызетъ на здоровье. Люди здѣсь собрались слушать чтеніе, а не ваши сѣмячки». Они пошептались и гурьбой двинулись къ выходу, громко стуча сапогами. Съ молодежью у меня вообще не клеится — прошлый разъ выгнала двухъ хулигановъ. Ребята, слава Богу, прекратили эти сѣмячки, а первое время они меня извели. Натащутъ въ школу по цѣлому узлу, насорятъ кругомъ, да еще за урокомъ нѣтъ-нѣтъ, да и куснуть. Тогда я стала дѣлать такъ — передъ уроками ставлю на столъ тарелку и говорю: «Кто принесъ съ собою сѣмячки, идите и высыпьте ихъ сюда». Дѣлать нечего, подходятъ и вытряхиваютъ всѣ до одного въ тарелку, а я ихъ тутъ же въ печку. Такъ съ недѣлю стояла на столѣ тарелка, пока носить это добро не перестали.

11 февраля.

Сегодня Степанъ пришелъ съ распухшимъ лицомъ — вчера отецъ его билъ за то, что онъ у сосѣда кололъ дрѣва. Дома, говоритъ не работаешь, а у людей. Вотъ дикарь, за что, только подумалъ бы! Битье дѣтей здѣсь вообще поразительное; да не какъ нибудь, не дѣтская шорка, а именно битье, звѣрское, безжалостное

— Батько его добре бивъ — дугою, — говорятъ мнѣ дѣти про Степана.

— Чѣмъ?..

— Дугою, коняку запрягавъ, та и хватывъ его у хвортки.

Матери у Степана нѣтъ, а мачеха его не любитъ, а отецъ не жалуется. Онъ всегда лохматый, точно его только что побили.

У Садовенки пропалъ новый карандашъ, купленный на Иманѣ. Она воетъ и говоритъ, что кто-то укралъ. Я сказала, что такъ какъ у насъ воровъ здѣсь нѣтъ, то и украсть его никто не можетъ, а его надо поискать, онъ тутъ гдѣ-нибудь завалился. Стали искать. Обыскали все, каждую соринку на полу перевернули — нѣтъ нигдѣ. Тогда я сѣла за столъ, а имъ велѣла искать: «Садовенку дома мать будетъ ругать за карандашъ, а потому мы должны его найти». Я объѣдать не иду и ихъ не пускаю, ищите, молъ. Сидѣли такъ, сидѣли, а карандашъ то вдругъ и нашелся — лежить у Садовенки подъ ногами.

12 февраля.

Кончается сегодня батюшка урокъ, я выхожу по обыкновенію, чтобы попрощаться съ нимъ, а онъ еще въ классѣ. Слышу онъ спрашиваетъ: «Какъ звали перваго человѣка?» А Федоръ отвѣчаетъ: «Мадамъ». Всѣ засмѣялись, а батюшка закричалъ: «Дуракъ». Что за дикій тонъ? Слышу дальше: «А какъ зовутъ Наслѣдника?» Дѣти замаялись, потомъ Ольга тихонько сказала: «Алеша». — «Тебѣ онъ, дурища, не Алеша, а Его Императорское Высочество, Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ. А Государыню? А мать?» Ребята запинаются, онъ кричитъ, ругаетъ ихъ, а потомъ выскакиваетъ изъ класса. Увидавъ меня, смутился, но сейчасъ же сказалъ: «Что это у васъ дѣти Государя и Государыню не умѣютъ назвать и титуловъ не знаютъ!»

Зло меня взяло. «Зачѣмъ, батюшка, титулы? Они и не выговорятъ». «Какъ зачѣмъ? Обязательно нужно — вдругъ инспекторъ! Они и меня не знаютъ, какъ звать».

— Я и не знала, что это обязательно нужно. Въ программѣ этого, представьте, нѣтъ.

И чего онъ вмѣшивается — это вѣдь не церковно-приходская школа и онъ миѣ не имѣетъ права наставленій дѣлать. Не въ титулѣ вѣдь заключается секретъ воспитанія и я безъ него знаю, что надо и чего не надо.

13 февраля.

Встрѣтила въ тетрадахъ дѣтей II-го отдѣленія такіе курьезы: На вопросъ «кто воркуетъ?» Отвѣчено: «Волкъ». «Кого любятъ родители?» Отвѣтъ: «Родители любятъ въ праздникъ». «Кого должны почитать дѣти?» «Дѣти должны почитать воскресеніе». «Кто блеетъ?» Отвѣтъ: «Человѣкъ». «Кто щебечетъ?» «Сорока».

19 февраля.

Праздновали сегодня день освобожденія крестьянъ. Передъ нами висѣлъ портретъ Царя-Освободителя между двумя картинами: «Осѣни себя крестьянъ знаменемъ русскій народъ» и «Посмотри, въ избѣ мерцающая». Я рассказала дѣтямъ о крѣпостномъ времени и о сегодняшнемъ днѣ. Дѣти слушали съ большимъ любопытствомъ, но я видѣла, что они не могутъ представить себѣ этихъ историческихъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ. Судя по выраженію ихъ лицъ, помѣщики представлялись имъ какимъ то многоголовымъ кошемъ безсмертнымъ, а Императоръ Александръ II, какъ храбрый Иванъ Царевичъ. Они понимали, переживали мой рассказъ, какъ чудную сказочную быль. Но развѣ дѣти не живутъ сказкой и развѣ весь міръ для нихъ не преломляется въ сказкѣ? И пѣсня «ахъ ты воля, моя воля, золотая ты моя», которую мы разучили сегодня, развѣ не говоритъ о той же свѣтлой, чудесно бывшей сказкѣ?

22 февраля.

Новость — ребята принесли двухъ воробушковъ. Смастерили имъ клетку и повѣсили у окна. «Хай живутъ, а на Благовѣщеніе выпустимъ», рѣшили дѣти. Натолкали имъ туда всего, вплоть до сала. «Горобии» веселенькіе, веселятъ насъ своей трескотней. Среди урока, вдругъ: «Чирикъ!» Лица у всѣхъ расплываются: «Спиваютъ».

24 февраля.

Увы, одинъ воробей издохъ, не дождавшись Благовѣщенія. Рѣшили его разрѣзать, такъ какъ читали недавно о желудкѣ птицъ и я обѣщала имъ показать птичій желудокъ. Живого воробья выпустили на волю, такъ какъ и онъ приунылъ, боялись, что и этотъ не дожидется. Сегодня

съ утра отпразднили домой Грыцька, у него на рукахъ «пузырчики наробылись». Видимо чесотка, пусть поидеть къ фельдшеру.

26 февраля.

Второй день не занимаюсь — у меня тоже «пузырчики», — сирѣчь чесотка. Усыпала руки между пальцами, нестерпимый зудъ. Намазала руки какой-то дрянью — фельдшеръ далъ и сижу умничаю. Ребята поймали синицу и сунули ее въ клѣтку, говорятъ, что синица ни за что не пропадетъ.

27 февраля.

Ходила сегодня по деревнѣ, зашла провѣдать Грыцька. Онъ ушелъ къ «шепталкѣ», зубы заговаривать. Сидѣла въ хатѣ, разговаривала съ бабой. У нихъ типичная для здѣшнихъ крестьянъ хата — земляной полъ, громадная «груба» (печка), отъ нея до стѣны широкія нары, на нихъ скатана постель. На иконахъ накинуто полотенце. Довольно чисто, ребятишки притаились по угламъ. Зашла къ нимъ Христи, молодая солдатка. Она за эту зиму выучилась читать и писать теперь сама мужу письма. Она бѣдная нездоровѣ, блѣдная и худая, какъ щенка. Спрашивала, не знаю ли я какого средства отъ ея болѣзни. Я сказала, чтобъ съѣздила къ доктору на Имань, но она увѣрена, что мужчины только мужчины могутъ лѣчить, и въ доказательство сего говорила: «Далъ мнѣ хвершалъ якись порошки, а я ще дужче боліу отъ нихъ»... Шла обратно съ тяжелымъ сердцемъ. Бѣдные мы всѣ! Эти люди, какъ овцы, не имѣющія пастыря, а я... я такая маленькая и безсильная, тону въ этихъ безчисленныхъ нуждахъ.

5 марта.

Сижу у раскаленной печки открывши дверку, — нѣтъ керосину. Казенный весь вышелъ, а нашъ «магазинъ» сегодня торгуетъ только спичками и бобовымъ масломъ. У печки свѣтло, а главное тепло. Двери я заложила подушкой, окна завѣсила половикомъ, чтобы не дуло. Но пальто все-таки не снимаю. Смѣшно мнѣ теперь надъ нашей семинарской маниловщиной. Бывало, старательно сочиняемъ «Планъ моего школьнаго зданія», любовно раздѣлываемъ цоколь, ванную комнату, теплыя уборныя. А. З. и сейчасъ, вѣрно, продолжаетъ начинатьъ будущихъ

учительницъ этой прекрасной неправдой. Научилъ бы ихъ лучше, какъ затыкать щели въ полу, чтобы изъ нихъ не дуло, какъ изъ погреба, или какъ замазать ихъ на потолокъ, чтобы оттуда не сыпались на голову опилки.

Читаю «Звѣздные вечера» Клейна, привезенные изъ семинаріи, бѣгаю смотрѣть на звѣздное небо. Картина захватывающая и если бы не холодно, простояла бы всю ночь...

12 марта.

Пріѣзжалъ батюшка, рассказывалъ такое, что уши вянуть. Увѣряетъ, что въ Россіи ждутъ революціи, въ арміи — сѣкутъ. Вретъ онъ вообще много, а про войну особенно.

Всю эту недѣлю у насъ спѣшная работа — подарки въ армію собираемъ. Каждый въ свой кулечекъ кладетъ письмо. Письма даютъ мнѣ на «неизуру», я просматриваю, а кто еще не одолѣлъ письма, то диктуютъ мнѣ и прицарапываютъ внизу свое имя. Письма въ общемъ мало содержательны, но въ большинствѣ они проникнуты трогательной любовью, хотя и нескладно выраженной. Вотъ итъ-сколько изъ нихъ.

«Здравствуй дяденька солдатъ! Какъ вы поживаете? У насъ около школы копаютъ колодець. Мы посылаемъ вамъ подарки. Дай Богъ вамъ здоровья, чтобы вы воевали, да насъ не забывали. Мы васъ любимъ и посылаемъ вамъ подарки: сало, табакъ и цибулю. До свиданія. Андрей Петровичъ Бондаренко».

Другое письмо: «Здравствуйте дорогіе братики-солдатики! Пишемъ вамъ письмо и посылаемъ подарочекъ. И зачѣмъ вы насъ покинули? И солнышко безъ васъ не свѣтитъ и травонька не растетъ. Якъ были бы у насъ крылышки, улетѣли бы мы къ вамъ. Пишемъ мы вамъ поклонъ и цѣлуемъ несчетно разъ. Что могли послать, то и посылаемъ. Пишите намъ поскорѣй отвѣтъ. Ольга Дырда».

Еще одно: «Здравствуйте братцы! Присылаемъ вамъ подарки. Мать сказала не сердиться, бо нашъ батько таки пишовъ. Я литомъ ходывъ въ лисъ по орѣхи, такъ лисъ дуже великій. Чи прійдете вы скоро до дому? Денисъ».

25 марта.

Ходили на лыжахъ въ кедровникъ. Настя отличный сегодня, неслись, какъ на конькахъ. Быстро достигли кедровника. Какъ тамъ зелено и привѣтливо! Снѣгъ тяжелымъ

пластомъ лежитъ на подростѣ и кустарникахъ, а также на нижнихъ вѣтвяхъ невысокихъ кедровъ. Встрѣтили огромную площадь заваленную свѣже-спиленными великанами, усыпанную желтыми опилками. Это хищническая рубка лѣса на «клепку». Свалютъ лучшія деревья, отпилятъ отъ комля сажени на двѣ, а остальной стволъ бросаютъ, «не стоитъ распиливать», «тонкій». Чурбаны расколютъ, увезутъ на Иманъ и продадутъ на заводы, изготовляющіе бочки для Николаевскихъ кэтовыхъ рыбалокъ. А этотъ «тонкій» остается лежать здѣсь, потому что вывезти его изъ лѣсу не могли бы никакіе волаы, а на дрова тоже «не стоятъ», потому что дровъ подъ деревней сколько угодно. Такими мертвыми великанами устланъ весь лѣсъ. Воображаю, когда подбираются сюда лѣсные пожары, что остается отъ этого роскошнаго лѣса! Плохо же бережетъ лѣсное начальство русское добро, если населеніе такъ грабительски распоряжается въ казенныхъ лѣсахъ. Бѣжимъ все дальше и дальше въ кедровникъ. Проруби уже не встрѣчаются. Марсъ бѣжалъ впередъ и неустово кидался на мелькавшихъ бѣлокъ. Вдругъ ему отвѣтилъ звонкій собачій лай. Выскочили двѣ злющихъ собаки и такъ налетѣли на Марса, что мы бросились его спасать. Собаки побѣжали назадъ, мы за ними и увидѣли костеръ. Подошли. У костра сидятъ два казака. Они удивились, увидя меня: «Смотрите, баба на лыжахъ приспособилась!» воскликнула молодой. Подъ деревомъ у нихъ на снѣгъ постель, лежатъ дохи, ружья стоятъ, у саней лошадь привязана. «Отдохните, чай скоро закипитъ», — пригласили они насъ. Мы отвязали лыжи и къ костру. Недалечко изъ-подъ снѣга выбивался незамерзающій ключъ, вотъ удивилъ меня! Журчить весело по камешкамъ, какъ весной. Пробѣжавъ сажени двѣ, прячется подъ снѣгомъ.

— Теперь кака охота, — рассказывалъ старшій казакъ, — кабанъ да бѣлка. Ранѣ звѣря хотъ руками лови, а теперь вглубь ушелъ. Тайгу жгутъ шибко, а звѣрь огня боится. Лонись этта выслѣдили тигру, такъ не далась, язви. Хитеръ звѣрь сталь, право...

Они уже два дня тутъ стоятъ, убили двухъ кабановъ, зарыли въ снѣгъ тутъ, недалеко. Разговоръ перешелъ на войну. «Неужели наши кабаки не открываютъ»? спросилъ съ тревогой молодой. Я ему говорю: «Да зачѣмъ ихъ открывать, безъ нихъ преступность понизилась». — «Какое! душегубовъ да мошенниковъ теперь еще больше стало. А

спирту и китайскаго таскають, хотъ залейся, да не идетъ онъ насупротивъ нашей водки». Среди разговоровъ вдругъ всѣ обернулись на какое-то фырканье. Ага, это наша Дамка, догнала таки насъ. Но что это? Она вся въ крови, шатается и мотаетъ головой... Увы, она опять воевала съ барсукомъ! На этотъ разъ онъ откусилъ ей не одну нижнюю губу, а всю переднюю часть морды. Бѣдная Дамка! Она подошла къ ручью, опустила туда морду и хотѣла пить, но клочья мяса и хрящей полоскались въ ледяной водѣ и она только совалась мордой въ воду, а пить не могла. «Хотъ бы ты выла, что-ли», совѣтовала я ей. Но она молчала, понуро отошла въ сторону и легла, мотая головой и брызгая кровью на снѣгъ.

Мы дружелюбно попрощались съ казаками, просили заѣзжать въ Красное и направились домой. Раненая Дамка поплелась за нами.

28 марта.

Получила отъ инспектора бумагу — «произвести въ школѣ экзамены между 27 марта и 6 апрѣля и распустить дѣтей на лѣтніе каникулы».

2 апрѣля.

Только что пришла съ ребятами изъ Ново-Троицкаго. По дорогѣ ручьи бѣгутъ. Ну, слава Богу, экзамень прошелъ благополучно, мои ребята выдержали успѣшно, а одинъ даже отлично. Ночевали тамъ двѣ ночи, ребята спали въ классѣ съ Ольшевскими учениками, а я и одноглазая Еремѣвна у К. въ комнатѣ. Хозяйка была очень мила, ученики ея тоже произвели хорошее впечатлѣніе. Еремѣвна ужасно трусила за своихъ учениковъ и дѣлала имъ свирѣпое лицо. Но это не помогало, ученики ея, особенно дѣвочки, еще болѣе смущались и совсѣмъ замолкали. Потѣпятся и теребятъ себя за фартукъ, а Еремѣвна чуть въ обморокъ не падаетъ. Но все прошло, слава Богу хорошо, изъ ея десяти учениковъ только одинъ не выдержалъ, совсѣмъ слабый и его оставили на слѣдующій годъ.

14 апрѣля. Никольскъ-Уссурійскій.

Вечеромъ ходила въ Народный Домъ слушать лекцію поэта Бальмонта. Народу биткомъ набито — еще бы, въ кои вѣки видимъ знаменитостей въ нашей окраинѣ. Передъ нами выступилъ лохматый старикъ и началъ нарас-

лѣвъ, закатывая глаза декламировать стихи о... жеребцахъ. Сначала мы не повѣрили своимъ ушамъ, оглядывали море головъ, встрѣчали знакомые лица гимназистовъ и гимназистокъ, красныя и потныя лица солдатъ, масляныя лысины внизу. Но лошадиная поэма продолжалась и мы рѣшили, что этотъ сумасшедшій лохматый старикъ все не Бальмонтъ, а какой то самозванецъ, расписывающій одуроченной публикѣ непристойныя картины. Грохотъ рукоплесканій залилъ театръ. Солдаты, наши сосѣди по галлеркѣ, гоготали и подмигивали намъ и какъ въ трубу вопили «би-исъ». Сверху намъ было видно, какъ старикъ, войдя за занавѣсъ, поцѣловался съ какой-то тоже кудлатой женщиной, ждавшей его за кулисами...

Выйдя изъ театра, одни громко ругались и утверждали, что лекторъ пьянъ, а другіе ехидно доказывали, что люди ругаются потому, что они жалкіе провинціалы, мѣщане и не понимаютъ поэзіи.

21 апрѣля.

Привезла изъ Никольска сажены — тополь, сливы, малину. Подъ деревней у насъ дороги совершенно нѣтъ — сплошное болото. Вчера цѣлый обозъ застрялъ въ грязи — везли мѣшки съ мукой, для солдатокъ «паекъ». Такъ возы и ночевали въ болотѣ, а лошадей и воловъ выпрягли. И мои сажены ночевали тамъ на возу.

Ребята сбѣжались со всей деревни — смотрѣть «золотую рыбку», привезенную мной изъ Никольска. Рыбка плаваетъ въ банкѣ изъ-подъ варенья, а они сидятъ на полу вокругъ банки и любятъ.

Дорогой поражаело обиліе выпаленныхъ мѣстъ около желѣзной дороги. Вблизи и вдали вездѣ палы. Иногда пать подходилъ къ самому полотну, поѣздъ пролеталъ мимо огненнаго моря, выхватывая на минуту зной и гарь, искры и трескъ пожара. На небѣ ни звѣздочки — всегда при пожарѣ небо кажется особенно чернымъ — и огненная пелоса паловъ казалась особенно зловѣщей, было свѣтло какъ днемъ — костры изъ живыхъ лѣсовъ освѣщали путь.

Окрестность Краснаго тоже выпалена. Сейчасъ вокругъ деревни по сопкамъ ползутъ огненные змѣи, деревня плаваетъ въ дыму, дышать больно, отъ запаха гари кружится голова... Но въ деревнѣ все по старому, слышны знакомые

голоса дѣтей, въ болотѣ страстно кричатъ лягушки, въ школьномъ «озерѣ» отражается тонкій серпокъ молодого мѣсяца.

23 апрѣля.

Иду сейчасъ по нашей улицѣ, темно, впереди шумить толпа нарубковъ. Замолчали, пропустили меня, потомъ какъ свиснеть одинъ, а другіе захохотали... Хулиганство, къ которому я все еще не могу привыкнуть. Молча прошла на крыльцо школы, проглотивъ слезы.

Ограду начали строить. Разсаживаю тополя вдоль школьной ограды и около крыльца.

30 апрѣля.

Хвораю, простудилась, пью липовый цвѣтъ и горячее молоко.

Дымъ въ деревнѣ не прекращается — все тѣ же огненные змѣи по ночамъ лежать на сопкахъ, а днемъ деревня плаваетъ въ сизомъ, тяжеломъ дыму. Когда я сокрушалась о такомъ безжалостномъ выжиганіи лѣсовъ, мужики говорили: «Нехай горыть! На що винъ, проклятый?» Удивительная ненависть у нихъ къ лѣсу. Они даже въ минуты особой досады говорятъ, что если бы имъ дали на прежнихъ мѣстахъ въ Малороссіи по полторы десятины земли они уѣхали бы назадъ. «Отъ такъ и похováють въ оцимъ лису, та въ грязюкѣ оцей», говорятъ они. Завидуютъ Никольскому району, ѣздятъ туда въ гости, пріѣдутъ и рассказываютъ, какъ тамъ хорошо, мѣсто ровное, а у насъ сонки да лѣсъ, да болото. Я смѣюсь, чего, молъ, вы не ѣхали раньше, поселили бы васъ въ Никольскомъ районѣ, сѣяли бы вы тамъ свою пшеницу двадцать лѣтъ на одномъ мѣстѣ и разводили бы бахчи. Они говорятъ, что тутъ земля «дюже хорошая», только вотъ лѣсъ этотъ, раскорчевать его подъ пашню адская работа. А потому и палать его немилосердно.

12 мая.

Чудеса! Изъ моей прошлогодней коллекціи по шелководству вывелись червячки — прибирала въ шкафу и положила ее на солнце, а яички и начали лопаться да выпускать червячковъ, крохотныхъ, какъ соръ. Что дѣлать? Нащипала имъ молодыхъ листочковъ отъ тополей и посыпала. Тотчасъ забрались червячки на зелень и сидятъ. Я

собралась и пошла въ Срѣтенку къ старухѣ, у которой есть шелковицы. Но деревцо еще не распустилось и я пришла ни съ чѣмъ. Чѣмъ же ихъ кормить? Если я опицплю имъ весь тополь, то что же изъ него будетъ? Тогда я нарвала листьа одуванчика и насыпала имъ. Переползли червячки на нихъ и начали и это выѣдать, оставляя на листьахъ кружевные дыры. Вотъ умницы!

15 мая.

Ребята принесли ежа, колючій, не приступишься. Лежитъ на полу комкомъ и не двигается. Тогда мы съ ребятами спрятались за дверь и притихли. Ежикъ лежитъ, какъ мертвый, намъ ужъ надоѣло ждать, а онъ вдругъ разжался, зашевелился и началъ медленно путешествовать вдоль стѣны. Ребята душили смѣхъ, они фыркали, толкали друга друга подъ бокъ и зажимали рты, наконецъ не выдержали и выскочили изъ засады. Ежикъ залѣзъ за шкафъ и тамъ застрялъ. Какъ мы его не выцарапывали — все зря, онъ нашелъ тамъ прочное убѣжище.

Черви продолжаютъ ѣсть одуванчикъ и замѣтно выросли. Дѣвочки приносятъ имъ по охапкѣ одуванчика — хватило бы для коровы. Ребята рѣшительно не вѣрятъ, чтобы такіе ничтожные черви сумѣли сѣлать шелкъ. Коллекція ихъ не убѣждаетъ, хотя на ней и коканъ и сырой размотанный шелкъ и тутъ же кусочекъ готовой матеріи. Ребенокъ — дикарь, который вѣритъ только тому, что наблюдаетъ самъ и можетъ пощупать руками. Мы рѣшили кормить червей, чтобы они начали завивать коконы тутъ у насъ на глазахъ. На мое счастье они такъ ѣдятъ одуванчикъ, что просто диву даешься.

22 мая.

Весна! Весна... Все цвѣтетъ, нисать некогда. Хожу черезъ день на пасѣку. Тамъ шумъ стоитъ отъ лета работающей пчелы, радостное рабочее настроеніе. А запахъ медовый смѣшивается съ запахомъ цвѣтущей надъ рѣкой черемухи... Марченко цѣлый день въ сѣткѣ съ дымаремъ и большимъ ножомъ бѣгаетъ между ульями, кричитъ на домочадцевъ и главное на Степана, шестилѣтняго птицелова моего. Его затормошилъ отецъ, къ вечеру онъ совсѣмъ обалдѣваетъ и какъ сѣрый, понурый песикъ ходитъ за отцемъ по пасѣкѣ. Марченко — старый пчеловодъ и въ этомъ для него авторитетомъ служатъ Потѣхинъ. Сдвинувъ на-

висшія сѣдыя брови и стараясь сдѣлать серьезнымъ обезьянье мохнатое личико, онъ просвѣщаетъ меня, поднявши палець кверху: «Потѣхинъ говорить... у Потѣхина сказано... полагаясь на Потѣхина...» Вотъ надоѣлъ. И дался ему этотъ Потѣхинъ! Впрочемъ, старикъ дѣло говорить, надо слушать.

Въ хатѣ у нихъ кавардакъ. Хозяйка и дочь Анна цѣлый день заняты въ хозяйствѣ, а въ хатѣ все время сидитъ надъ люлькой прозрачная, восковая, тихая дѣвочка, качаетъ зеленаго ребенка. Зато другая дѣвочка, трехлѣтняя толстушка «Мархвутка», моя пріятельница, презабавна. Она поетъ мнѣ всегда одну и ту же пѣсню:

Сыдыть сова на печи
 Выталаци оци
 А жулавель на полу
 Тай дывыться на сову...
 А сова то съ печи
 Та жулавля въ плечи и т. д.

Я катаю ее на плечѣ, достаю для нее изъ-за кочекъ желтыя саранки, устраиваю качели. Она бѣгаетъ босикомъ по пасѣкѣ въ бѣлой до пять рубахѣ и постоянно съ ней что-нибудь случается: то наступить на пчелу, то схватить крапиву, то упадетъ въ канаву, гдѣ силится накрыть рубахой огромныхъ «метеликовъ»-махаоновъ. При этомъ поднимаетъ такой ревъ, что бѣжишь и думаешь -- ну, убилась, либо змѣя ужалила. Но Марфутка скоро унимается, слезы еще катятся, а голубые глазки уже смѣются и кривыя ноженки несутъ Марфутку къ новымъ опасностямъ.

4 іюня.

У насъ горе. Ушла я сегодня на пасѣку, а доску съ червями поставила съ окна на полъ, чтобы солнышко не испекло моихъ разжирѣвшихъ питомцевъ. Прихожу домой, смотрю -- доска стоитъ на полу, а червей нѣтъ. Кругомъ шныряють огромные черные муравьи! Сколько я ни перебирала листьа одуванчика, какъ ни искала кругомъ, ни одного червя не осталось. А были уже до четырнадцати миллиметровъ, начали уже свѣтлѣть... И какъ эти разбойники пронюхали!.. Никогда раньше не заползали, а тутъ какъ будто знали, что меня дома нѣтъ. Пошли, прослѣдили му-

равневъ до самой муравьиной кучи - никакихъ слѣдовъ. Ясно, что бѣдные шелковичные червячки погибли безсланной смертью отъ муравьиныхъ челюстей...

5 июля.

Липа въ полномъ цвѣту. Пасѣчники работаютъ день и ночь. Мой Марченко съ ногъ сбился. Магазины на ульяхъ полны, а выкачивать три человека не успѣваютъ. Залиты медомъ все бочки, посуды не хватаетъ. А тутъ то и дѣлрой за роемъ вылетаетъ, того и гляди улетитъ рой въ тайгу, либо сядетъ на вершину дерева, доставая потомъ. Степанъ не успѣваетъ раздуть дымарь, весь въ сажѣ, потный, перетаскиваетъ пустую роевню съ одного конца пасѣки на другой. Запахъ меда вчера ночью привлекъ медвѣдя. Марченко напуганъ ужасно и только объ этомъ и говорить, рассказываетъ въ десятый разъ, какъ было дѣло, а именно: Ганна ночевала на подволокъ и, когда собаки завыли, она вскочила, смотритъ — ворочается что-то огромное въ одномъ углу пасѣки. Она слѣзла, думала, что лошадь чья-нибудь заблудилась и побѣжала выгонять. Но въ ужасѣ отскочила къ порогу хаты, когда увидѣла, что ночной посетитель — медвѣдь. Собаки тоже прижались къ порогу. Марченко выскочилъ изъ хаты и сталъ стрѣлять. Медвѣдь опрокинулъ два улья, но меду достать не могъ - - рамокъ вынуть не умѣлъ... Когда раздался выстрѣлъ, онъ взялъ одинъ улей въ охапку и пошелъ въ лѣсъ, ломая вѣтви. Но скоро бросилъ и этотъ недалеко отъ пасѣки.

14 сентября 1916 г. Воздвиженіе.

Скучный день, все время идетъ снѣгъ. Пусто, тихо. Приходили мужики, въ десятый разъ осматривали школу, соглашались, что въ школѣ ремонтъ необходимъ... Эхъ-хе-хе! Надоѣло съ ними толковать. Можно сдѣлаться порядочной идиоткой, пока они сдвинутся съ мѣста.

Получила письмо отъ Х. Она уже въ Гайворонѣ, приглашаетъ меня пріѣхать пока не начнутся занятія. Поѣду, оставлю старостѣ ключи, пусть съ ремонтомъ, какъ хотятъ, такъ и дѣлаютъ.

28 сентября. Село Гайворонь.

Рано утромъ Балюкъ выволокъ лодку изъ кустовъ и мы сѣли въ нее втроемъ. Рѣчка черезъ край полна водой. затопила кусты и камыши. Гладь на ней такая, что отра-

жается небо и берега и временами не знаешь, что настоящее — верхъ или низъ. Тутъ бездонная бирюза и тамъ такая же синь, съ зелеными берегами. Зачаровываетъ, заманиваетъ глазъ убѣгающая голубая дорога. Только по временамъ разбивается кругами зеркальная гладь — рыба играетъ. Балюкъ зацѣпилъ весломъ за купающійся кустъ и сталъ вытаскивать изъ травы «вентиль». Ого! Да тамъ цѣлое населеніе. Вытряхнулъ его на дно лодки, подѣхали къ другому, третьему, къ пятому. Рыба ворочается на днѣ лодки, какъ откормленные поросята. Х. въ веслахъ, а я на рудѣ. Рѣчка никуда не течетъ, ни впередъ ни назадъ, полна, полна водой, какъ черезъ край блюдечко. Балюкъ стоитъ въ лодкѣ, подперши могучую фигуру руками въ бока. По его высокимъ сапогамъ бьются аршинныя щуки, скользкіе усатые сомы, толстобрюхіе сазаны, плюшеватые караси, окуни, красноперы и какія-то совсѣмъ незнакомыя трехгранныя красавицы съ черными іероглифами на бокахъ. Я ужъ поджала ноги, а Балюкъ все еще трясетъ свои ловушки. Наконецъ, выѣхали, вотъ оно — Ханка, горизонтъ весь занимаетъ, смирно лежитъ, спитъ подъ осенними прощальными лучами. Въ устьѣ Сентахезы рѣчки этой, крохотный островокъ, щепки на немъ и кирпичи. «Хайканъ убралъ тутъ домишко одинъ», снисходительно осклабься, сказалъ Балюкъ, — «какъ войнѣ быть, сталъ Хайканъ переходить берега, версты на двѣ подвинулся». Мы пристали къ островку, Балюкъ высадилъ насъ и сбросилъ три караса въ двѣ ладони шириной каждый и мѣшокъ съ котелкомъ. «Уху варите, а я тутъ посмотрю у берега...» Вишь ты, повелитель какой. Вообще, Балюкъ — «сурьезный» мужчина, говоритъ мало и женскій полъ презираетъ. Что онъ любитъ, такъ это ясно — «Хайканъ», тридцать лѣтъ на немъ живетъ. А какой просторъ, какая гладь кругомъ. Тамъ на горизонтѣ, за синимъ маревомъ маячитъ будто колоколенка — это на той сторонѣ озера, тридцать верстъ отсюда, село Астраханка, либо Турій Рогъ. Фиолетовыя горы — это уже за Ханкой, Манджурская грядица. Мы разожгли костеръ, очистили карасей и о, жестокость! живьемъ повѣсили въ котелкѣ надъ огнемъ. Разулись и стали бродить около островка. Нашли черепаху съ добрую тарелку, вытянули маленькую невѣдомую водяную лилию. Вдругъ — ура! ура! Мы обнаружили цѣлая заросли валлиснеріи. Забыли и про костеръ, а Балюкъ тутъ какъ тутъ! Валлиснерію эту не нашелъ здѣсь и самъ Комаровъ,

а ее находила на Ханкѣ какая-то старая французская экспедиція.

Солнце уже садилось, когда мы покинули островокъ, поверхность озера начала розовѣть и дали исчезли. Мы все оглядывались изъ лодки на озеро и наблюдали, какъ солнце бѣжало все ближе и ближе къ водѣ. Наконецъ, оно дошло до края воды и озеро ослѣпительно заблестѣло. Нестерпимо ярко горѣло озеро, какъ будто солнце погружалось въ него и отдавало ему свой огонь... Мы добрались до пристани, гдѣ Балочка дожидалась мужа съ телѣгой. Они начали выгружать рыбу изъ лодки, а мы пошли домой. Теперь озеро было похоже на расплавленное золото. Потому по обѣ стороны заката собрались тучи и розовыя полосы поднялись выше, а озеро стало закутываться въ синій туманъ...

30 сентября. Гайворонъ.

Были у вечерни, завтра Покровъ. Миѣ казалось сейчасъ, что служилъ не о. Сиворекша, а кто то Иной... Слова старыя съ дѣтства знакомыя, но сегодня они освѣтились новымъ свѣтомъ. Онъ не говорилъ, а молился. Миѣ было легко и радостно, какъ въ дѣтствѣ, оттого, что мы — и онъ, и я, и старухи, и мужики — все молились одними словами, однимъ сердцемъ. Со свѣчекъ капалъ воскъ на деревянный полъ и дѣвушки пѣли на клиросѣ. Все мы становились на колѣни и миѣ хотѣлось заплакать, склонившись среди склоненныхъ передъ темными ликами свя-тыхъ...

Колокола зазвонили неожиданно. Мы вышли на темную паперть, а сверху на насъ падалъ этотъ радостный звонъ.

3 октября. Деревня Красное.

Опять я здѣсь. Тутъ ничего не переѣнилось, только вмѣсто ремонта бабы вымазали внутри стѣны моей комнаты... навозомъ. Навозъ еще не высохъ и ой-ой... хоть бы скорѣе высохъ! Опять я сижу у топящейся лечки грѣюсь и слушаю, какъ осенній вѣтеръ качаетъ ставни и они по осеннему жалобно поскрипываютъ, напоминаютъ, что надвигается опять бѣлая, холодная, одинокая зима...

Н. Шкляева.

Жизнь Тургенева

Шестидесятые годы.

...Тургенева всегда раздражала неустроенность и «отсталость» Россіи — деспотическое правительство, крепостное право. Съ раннихъ лѣтъ сталъ онъ западникомъ. Преклонился передъ болѣе культурнымъ государственнымъ устройствомъ, передъ болѣе свободой общества. Настолько преклонился, что иной разъ недалеко оказывался отъ зауряднаго либерала. Величайшей глубины Россіи — ея религіи — почти не чувствовалъ. Вѣрнѣе, разумомъ не признавалъ: нѣкій «Вѣстникъ Европы» заслонялъ ему се (а сердце, по временамъ, давало удивительные образы святой Руси). Онъ Гоголя мало зналъ лично. Литературно цѣнили высоко, но при близкомъ знакомствѣ конечно разошелся-бы. Славянофиловъ всегда не любилъ. Но съ Аксаковымъ-патріархомъ находился въ добрыхъ отношеніяхъ — правда, больше изъ-за охоты. Собираясь сблизиться съ Константиномъ Аксаковымъ въ пятидесятыхъ годахъ, да не вышло. Вѣра Сергѣевна Аксакова записала о Тургеневѣ, навѣщавшемъ ихъ въ Абрамцевѣ, тяжелыя вещи: онъ казался ей не-духовнымъ, лишь слегка склоннымъ къ «душевности». Человѣкомъ ощущеній, утопающимъ въ гастрономіи. По ея взгляду, онъ и художество чувствовалъ физически — вродѣ вкуснаго блюда. Духовное-же шло мимо.

Въ семьѣ Аксаковыхъ была теплота, свѣтъ, связанные съ ихъ глубоко-христіанскимъ складомъ. Тургеневъ нѣсколько иной — прохладнѣй, это вѣрно. Сойтись они не могли. Но Вѣра Сергѣевна неправа, отрицая въ немъ запредѣльный порывъ. Только мистика его не-православна. Магическое, таинственно-колдовское наиболѣе его влекло.

*) Современныя Записки № 44 и 45

Изъ-за «разумнаго» своего западничества разошелся Тургеневъ со многими писателями, крупнѣйшими: Толстымъ, Достоевскимъ, Тютчевымъ, Фетомъ, даже съ Герценомъ (не считая славянофиловъ). Тутъ оказался упоренъ, послѣдователенъ: какъ западная Вярдо проишла черезъ всю его сердечную жизнь, такъ тепловатый либерализмъ не оставилъ его ума. Онъ признавалъ очень правильныя и разумныя вещи: гуманность, просвѣщеніе, свободу, «дѣльныхъ» и «честныхъ» людей, «надо работать», всѣ потугинскія благонамѣренныя разсужденія вплоть до пользы желѣзныхъ дорогъ и необходимости реформъ. Но не этимъ истинно себя украсилъ.

Время шло. Выигрывала ставка Тургенева: наступили «шестидесятые годы», смѣнялось царствованіе Николая болѣе мягкимъ — Александра II-го. Готовилось освобожденіе крестьянъ, судебныя реформы. Стали появляться и имѣли успѣхъ люди, возросшіе на французской революціи и европейскомъ позитивизмѣ. «Дворянское гнѣздо» уходило. Нельзя было его задерживать. Жизнь надвигалась, дикая и трагическая. Одной рукой руша рабство, давая справедливый судъ, отмѣняя шпицрутены — другой вносила ядъ мелкихъ идеекъ, создавая ничтожества, улицу, шумно лѣзшую въ литературу. Шестидесятые годы! Молодость нашихъ отцовъ, «время великихъ реформъ», — и оплеванія Пушкина, непониманія Толстого, Фета, Достоевскаго, время торжествующаго нигилизма, Базаровыхъ, бѣсовъ, Нечаева.

Странно отозвались шестидесятые годы на судьбѣ Тургенева. Ему хотѣлось отаѣчать времени. Толстой и Достоевскій шли наперекоръ, и одолѣли. Тургеневъ болѣе поддавался, да какъ разъ этихъ временъ и ждалъ, правда, въ болѣе мягкомъ обликѣ (какъ мы революцію). Дождется тѣхъ, кто его-же и заушилъ. Частію и талантъ свой направилъ на трудные, художнически невыгодные пути. Илучилъ здѣсь шумную славу и великія поношенія.

Первый его «общественный» романъ — «Наканунъ», вещь съ большими поэтическими достоинствами и нѣкъсей эжигательностью. «Тургеневская» дѣвушка выходитъ, наконецъ, изъ «гнѣзда», бросаетъ домъ, родителей и увлеченная борцомъ за освобожденіе родины, отдается полвигу.

Тургеневъ попалъ здѣсь въ точку: не одна провинціальная дѣвица, сходясь съ какимъ нибудь нигилистомъ,

воображала себя Еленой. Романъ вызвалъ одобрение одной части публики (молодежь, интеллигенція), недовольство другой. Изъ свѣтскихъ друзей Тургенева графиня Ламбертъ такъ порицала произведение, что авторъ собирался рвать рукопись.

Главныя огорченія ждали его, однако, не справа отъ графини, а слѣва, отъ критики. Тургеневъ «природно» не нравился новой породѣ въ литературѣ — маленькимъ, безталаннымъ Бѣлинскимъ. Удивительное дѣло: они появились въ томъ самомъ «Современникѣ», который Тургеневъ и создавалъ. За двѣнадцать лѣтъ «Современникъ» занялъ въ литературѣ мѣсто крупное. Его редакторомъ былъ Некрасовъ — замѣчательный, высокоталантливый плебей изъ дворянъ. Некрасовъ острый и умный, оборотистый и темный, пронзительный и двусмысленный, почти гениальный въ изрядной сути своей, злой и рыдательный, прожитый нечистой жизнью, глубоко страдавший, ливившій моментъ и невыигравшій, поэтъ, журналистъ, дѣлецъ, челоѣкъ, котораго первые люди времени называли «мерзавцемъ» и авторъ «Власа», «Рыцаря на часъ»... Нѣтъ въ русской литературѣ фигуры, болѣе дающей обликъ славы и паденія, возношенія и презрѣнья.

Тургеневъ долго былъ съ нимъ пріятелемъ, на «ты» писалъ ему вещи интимныя. Шестидесятые годы развели ихъ. Развелъ «Наканунъ» — будто-бы виѣшне, но истинная причина глубже. Некрасовъ вполне объединился съ «семинарами», Тургеневъ навсегда остался художникомъ-баринномъ. Тургеневъ любилъ Фета, выдвигалъ Тютчева — тончайшія блюда поэзии. Отъ некрасовскихъ стиховъ отзывало для него тиной, «какъ отъ леща или карпа». Въ зрѣломъ развитіи эти два челоѣвка не могли быть вмѣстѣ.

И не зря пришло «виѣшнее» (то, что «Наканунъ» со всею своею зажатостью оказалось не въ «Современникѣ», гдѣ писали Чернышевскій и Добролюбовъ, а въ «Русскомъ Вѣстникѣ» у Каткова). Новыхъ людей, «разночинцевъ», весьма лѣво устремленныхъ, не могъ не раздражать Тургеневъ своею барственностью, громадною просвѣщенностью, избалованностью, краснорѣчіемъ, французскимъ языкомъ салоновъ XVIII вѣка, изыществомъ одежды, астрономіей, легкимъ пришепетываніемъ — можетъ быть, небрежной снисходительностью иногда, тономъ «сверху внизъ». А сло задѣвало плебейство ихъ, невоспитанность, грязные ногти, самоувѣренность, иногда прямо наглость.

(Добролюбовъ — одинъ изъ наиболѣе порядочныхъ среди нихъ — могъ позволить себѣ фразу: «Иванъ Сергѣевичъ, мнѣ скучно говорить съ вами, и перестанемъ говорить» — всталъ и перешелъ на другую сторону комнаты).

«Наканунѣ» появилось въ январьской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» 1860 г. и тотчасъ начался обстрѣлъ въ «Современникѣ». Въ мартовскомъ номерѣ статья Добролюбова, гдѣ утверждалось, что Тургеневу не хватаетъ таланта для такой темы и вообще нѣтъ «яснаго пониманія вещей». Въ апрѣльской — насмѣшки надъ только что появившеюся «Первою любовью». (Чернышевскій-же упрекалъ Тургенева въ томъ, что въ угоду богатымъ и вліятельнымъ друзьямъ онъ окаррикатурилъ Бакунина въ «Рудинѣ»).

Нравы юмористики того времени невысоки. Въ «Искрѣ» Курочкинъ писалъ: «Людская пошлость заявляетъ, что въ слѣдующемъ году она будетъ угощать почтеннѣйшую публику — Фетомъ, балетомъ, нашлетомъ и вновь — Бертами, Минами, Фринами». «Свистокъ» (юмористическій отдѣлъ «Современника») глумился надъ жизнью Тургенева. Первый русский писатель переживалъ самыя черныя времена сердца, а некрасовскіе «писатели» смѣялись надъ тѣмъ, что онъ «слѣдуетъ въ хвостъ странствующей пѣвицы» и «устраиваетъ ей оваціи на подмосткахъ провинціальныхъ театровъ за границей». Къ концу года они такъ осмѣляли, что въ объявленіи о подпискѣ на «Современникъ» 1861 г. заявили, что отказываются отъ сотрудничества автора «Записокъ Охотника», ибо «расходятся съ нимъ въ убѣжденіяхъ» (Некрасовъ только что заманивалъ его къ себѣ, предлагалъ большія деньги за романъ, и т. п!). И это лишь начало. Тургеневу предстояло пройти сквозь строй: въ 61 году онъ окончилъ «Отцовъ и дѣтей». На слѣдующій годъ романъ появился въ томъ-же «Русскомъ Вѣстникѣ».

Въ тургеневской литературной жизни ничего не было равнаго «Отцамъ и дѣтямъ» по шуму. «Тихій» Тургеневъ оказался вполне на базарѣ. Причины тому ясны. Въ романѣ клубилась кипѣла современность. Отойдя отъ нѣдръ своихъ, питавшихъ въ немъ поэта, Тургеневъ попробовалъ изобразить «героя нашего времени» внѣшне. Лермонтовъ не то чтобы писалъ Печорина, Печоринъ самъ в слѣдовалъ изъ него: Тургеневъ далъ Базарова «со стороны», точный, вѣрный и умный портретъ. Но сердце

его не могло быть съ первымъ въ нашей литературѣ большевикомъ. Не было и великаго гнѣва Достоевскаго. Тургеневу просто хотѣлось быть справедливымъ и наблюдательнымъ. Онъ отнесся къ Базарову какъ ученый — глубины Тургенева этотъ Базаровъ, нигилистъ и отрицатель, никакъ не задѣвалъ.

Романъ получился замѣчательный, но безъ обаянія. Въ немъ новый человѣкъ показанъ ярко (хотя и смягченно) и ни тепло отъ него, ни холодно. Вѣрнѣе, прохладно, хотя Базаровъ умираетъ и очень трогательно, самая смерть его автора волновала.

Поднялись вопли. Молодежь обидѣлась. Разные гейдельбергскіе студенты собирали собранія, автора судили, выносили резолюціи, писали ругательныя письма. «Современникъ» былъ въ восторгѣ, что можно лишній разъ лягнуть. Нѣкій Антоновичъ «тиснулъ» статью «Асмодей нашего времени» — съ бранью на Тургенева.

Авторъ страдалъ, пытался что-то объяснить, но ничего, конечно, измѣнить не могъ: не подходилъ онъ къ людямъ, наполнявшимъ своимъ шумомъ, нигилизмами, «эмансипаціями» преддверіе освобожденія крестьянъ. Въ нѣкоторомъ родѣ онъ ихъ и взращивалъ. Теперь грызли его они же. Они же и отвлекали отъ влажнаго, женственнаго въ литературѣ — истинно-тургеневской стихіи.



Елизавета Георгіевна Ламбертъ (дочь графа Канкринъ, въ замужествѣ за блестящимъ адъютантомъ молодого наследника — гр. Юсифомъ Ламбертъ) — появилась въ жизни Тургенева къ концу пятидесятихъ годовъ, въ самое трудное для него время.

Извѣстно о ней мало. Вѣрдо много знаменитѣе ея, да и то вѣрдовскихъ писемъ не сохранилось. Елизавету Георгіевну можно почувствовать лишь сквозь письма Тургенева (къ ней). Это даетъ ея облику черту летеиской тѣни. Ея не видно и не слышно. Она за сценой. Говоритъ всегда Тургеневъ. То, что говоритъ, и какъ говоритъ — косвенно, нѣжно и туманно изображаетъ ее самое.

Была-ли она красива? Сомнѣваюсь. Была-ли счастливой, довольной? Безспорно нѣтъ. Натура благородная и строгая, чистая и незадачливая, явилась она для Тургенева

ва «утѣшительницей», изящнымъ другомъ. Ей да вѣрному своему Анненкову, писалъ онъ самыя задушевныя о себѣ вещи еще изъ Италіи, въ 57-58 г. г. Въ Петербургѣ (тогда же, и въ шестидесятыя годы), часто бывалъ у нея на Фурштатской — цѣлыми вечерами сидѣлъ въ будуарѣ и бесѣдовали они — объ этихъ свиданіяхъ не разъ вспоминаетъ онъ почти съ нѣжностью. Нѣчто отъ блѣднаго, дорогого дагерротипа есть въ ощущеніи отъ графини Ламбертъ — всегда съ присутствіемъ грусти. Женщина съ какими-то своими сердечными ранами. Когда болѣли раны Тургенева, онъ въ ней находилъ сотоварища. Одинаково томившіеся, они хорошо понимали другъ друга. Рѣшали вопросъ о жизни «безъ счастья» — вѣчный и безнадежный вопросъ! — но Тургеневу приходилось еще труднѣе: у графини, по крайней мѣрѣ, была вѣра (не единственный-ли вблизи него вѣрующій человекъ, со сложною внутреннею жизнью?). Но и ея положеніе не совсѣмъ легко. Ея дружественность къ нему готова была, временами, прорваться и въ большее: но не встрѣчала отвѣта.

Близость душевная была довольно большой. «Помните, какъ вы плакали однажды? Я напоминаю это вовсе не для того, чтобы потрунить надъ вами, что-ли, нѣтъ, сохрани Богъ. Не слезы ваши меня трогали, а то, что вы могли и не стыдились плакать» — свѣтская женщина, очень чинная, при немъ, однако, плакала. Это писано въ 1859 году, когда самъ онъ, отмучившись первыми, горькими страданіями изъ-за Віардо, все-таки никакъ смѣяться не могъ.

Онъ живетъ то въ Спасскомъ, то во Франціи, пишетъ изъ Куртавенеля, изъ «грязнаго городишки Виши», изъ Москвы, изъ самого Петербурга. Душевно какъ-то «мотается», пристанища у него нѣтъ, тонкія руки графини Ламбертъ для него нѣкоторое успокоеніе (Тургеневъ любилъ красивыя женскія руки). Облегчало и то, что онъ видѣлъ участіе къ себѣ прекрасной, изящной женщины (но не той, когорая нужна!).

«Съ радостью думаю о вечерахъ, которые буду проводить нынѣшнею зимою въ вашей милой комнатѣ. Посмотрите, какъ мы будемъ хорошо вести себя, тихо, спокойно — какъ дѣти на Страстной недѣлѣ. За себя я отвѣчаю».

Значитъ, не всегда было «тихо и спокойно»? Онъ какъ будто самъ чувствуетъ смѣлость фразы и добавляетъ: «ч хотѣлъ только сказать, что вы моложе меня».

Это письмо какъ разъ изъ Куртавенеля. Тамъ онъ со-
щерцалъ гробъ прошлаго своего. «Не чувство во мнѣ умер-
ло, нѣтъ, но возможность его осуществленія. Я гляжу на
свое счастье, какъ я гляжу на свою молодость, на
молодость и счастье другого; я здѣсь, а все это тамъ; и
между этимъ здѣсь и этимъ тамъ — бездна, кото-
рую не наполнить ничто и никогда въ цѣлую вѣчность.
Остается держаться пока на волнахъ жизни и думать о
пристани, да отыскавъ товарища дорогого и милаго, какъ
вы, товарища по чувствамъ, по мыслямъ и, главное — по
положенію (мы оба съ вами уже немного ждемъ для се-
бя), крѣпко держать его руку и плыть вмѣстѣ, пока...»

Вотъ что въ немъ было, когда задумывалось «Накану-
нѣ», когда близились шестидесятые годы, освобожденіе
крестьянъ, осуществленіе его же собственныхъ надеждъ
и когда начинался весь шумъ его романовъ съ «обществен-
нымъ» содержаніемъ.

Въ октябрѣ того-же 59 г. получилъ онъ въ Спасскомъ
отъ графини письмо болѣе нѣжное, чѣмъ обычно. («Какое
странное, милое, горячее и печальное письмо -- точно тѣ
короткія, нешумныя лѣтнія грозы, послѣ которыхъ все
въ природѣ еще болѣе томится и млѣетъ»). Здѣсь-же —
первый упрекъ (вѣрнѣе -- мягкое указаніе), что онъ на-
чинаетъ съ нею скучать. Тургеневъ это отвергаетъ. Нѣтъ,
не скучаетъ нисколько. И не можетъ такъ быть, ибо есть
ли свѣтъ только два существа, которыя онъ любитъ боль-
ше, чѣмъ ее: «одно потому, что она моя дочь, другое по-
тому... Вы знаете почему».

Переписка оживляется, разрастается. Вотъ остано-
вился Тургеневъ въ Москвѣ, у пріятеля своего Маслова, въ
Удѣльной Конторѣ на Пречистенскомъ бульварѣ (чудес-
ный особнякъ!). Морозы, ухабы, милый московскій иней
на деревьяхъ, розовое солнце... Онъ захворалъ, у него гор-
ло простужено. Масловъ почтительно за нимъ ухаживаетъ.
Конечно, Тургеневъ мнителенъ и избалованъ -- такъ ясно
чувствуешь всѣ эти плады, въ которые онъ кутается, туф-
ли, микстуры, всѣ его страхи, томныя жалобы, возню съ
докторами. Видны и завсегдатаи: Фетъ, Борисовъ, Нико-
лай Толстой. Въ промежуткахъ успѣваетъ онъ познако-
миться съ двумя-тремя дамами («два, три интересныя
женскихъ существа»). Держитъ корректуру «Наканунѣ» --
это январь 1860 года. «Я васъ не забывалъ все время --
и все-таки не писалъ вамъ. Примиряйте, какъ умѣете, это»

противорѣчіе». Въ сущности, графиня не могла жаловаться. Онъ и съ Віардо иногда такъ поступалъ: помнилъ, но не писалъ... Правда, за это и поплатился.

Изъ Москвы вернулся онъ въ Петербургъ, и все кашляетъ, все хандритъ, возится съ докторами, не можетъ пріѣхать къ Ламбертъ — не выпускаютъ на улицу; переписывается съ ней записочками — не безъ элегіи и кокетливости. Она рассказываетъ ему о своихъ снахъ, называетъ балованнымъ ребенкомъ... а онъ успѣлъ уже познакомиться «съ одной молодой милой женщиной восемнадцати лѣтъ, русской, рожденной въ Италіи, которая плохо знаетъ по-русски» — и сейчасъ-же предложилъ ей читать вмѣстѣ Пушкина. (Очень вообще любилъ читать вслухъ дамамъ).

Но въ Петербургѣ долго не засиживается — опять Западъ — Парижъ, Соленъ, Висбаденъ. Віардо все время въ тѣни, за сценой, все время больное мѣсто. Тургеневъ все время не на якорѣ, его покачиваетъ на зыби, — одинъ вѣтеръ тянетъ туда, другой сюда, вѣтры несильные и никакъ его не задѣваютъ. Но главное направленіе (лишь дружеско с), все-же на графиню Ламбертъ. (Отъ скуки, однако, болтаетъ часами въ Соленѣ съ сосѣдкой. Провожая «одну даму» въ Швальбахъ, заѣхалъ въ Висбаденъ. Дамъ эта — писательница Марко-Вовчокъ. Съ нею онъ тоже, конечно, немало разговаривалъ и читалъ).

Такъ и слѣдишь, живешь двумя ушедшими жизнями. Одна въ другой отражается. Вотъ опять зима, начинается Парижъ, всегда для Тургенева тяжелый, незадачливый. Растрavляется сердце, вновь близокъ источникъ страданій, вновь горечь, глубокая грусть и серьезность. «Да, сверхъ того, на дняхъ мое сердце умерло. Сообщаю вамъ этотъ фактъ. Какъ его назвать, не знаю. Вы понимаете, что я хочу сказать. Прошедшее отдѣлилось отъ меня окончательно, но разставшись съ нимъ я увидалъ, что у меня ничего не осталось, что вся моя жизнь отдѣлилась съ нимъ. Тяжело мнѣ было, но я скоро окаменѣлъ. И я чувствую теперь, что такъ жить еще можно. Вотъ если-бы снова возродилась малѣйшая надежда возврата, она потрясла-бы меня до основанія» (декабрь 1860).

Приближалось освобожденіе крестьянъ (манифестъ 19 февраля 1861 г.) — то, изъ-за чего давалъ Тургеневъ нѣкогда «аннибалову клятву». Подъ звукъ колоколовъ, возвѣщавшихъ освобожденіе, писалъ онъ: «Несомнѣнно и яс-

но на землѣ только несчастье». Къ этому падо прибавить, что только что вынустить «Первую любовь» -- ужъ дѣйствительно «для себя», не для публики: во время вспомнилъ исторію юношеской своей, высокой и нераздѣленной любви.

Графиня Ламбертъ собралась въ Тихвинскій монастырь, подь Калугою. Жила тамъ нѣкоторое время, занесенная снѣгомъ, въ тишинѣ службъ, размѣренной, чистой монастырской жизнью. Эту жизнь Тургеневъ не совсѣмъ понималъ. Она казалась ему «холодной, печальной», хотя и находилъ онъ ее «пріятной». Какъ человѣкъ глубоко свѣтскій, представлялъ себѣ монашество могилой, не зная, что въ духовной жизни есть именно радость. Но успокоеніе (такъ самому ему нужное), все-таки чувствовалъ.

«Я увѣренъ, что самый стукъ башмаковъ монахини, когда она идетъ по каменному полу корридора въ церковь молиться, ей говорить что-то... И это что-то, если не убиваетъ, не душитъ человѣческое, нетерпѣливое сердце, должно дать ему невыразимое спокойствіе и даже живучесть».

Онъ былъ гораздо болѣе одинокъ, чѣмъ графиня. Она, какъ и тѣ скромныя тихвинскія монахини, знала, что кромѣ несомнѣнности несчастія есть несомнѣнность Истины.

Жизнь дочери Тургенева слагалась неестественно. Рожденная отъ «рабыни», дѣвочка сразу оказалась не къ мѣсту. Рано оторвали ее отъ матери, родины. Домъ Вярдо не далъ ласки. Отца она знала мало. Онъ ничего для нея не жалѣлъ, училъ, воспитывалъ, нанималъ гувернантокъ -- все это считалъ «долгомъ»: такъ-же, черезъ нѣсколько лѣтъ, выдалъ замужъ. Въ сущности-же она ему ни къ чему. Всѣ его заботы о ней внѣшни, ничѣмъ не согрѣты. А потому бесполезны.

Подростки, Полина маленькая стала ревновать къ отцу Полину взрослому. Его это раздражало. Онъ писалъ ей ласковыя письма, въ которыхъ не такъ много ласки, и нерѣдко -- упрекъ. Графинѣ-же Ламбертъ признался, что между нимъ и дочерью («хотя она и прекрасная дѣвушка») мало общаго. Она не любитъ ни музыки, ни поэзіи,

ни природы, ни собакъ, и онъ относится къ ней, какъ къ Инсарову: «я ее уважаю, а этого мало».

Дочь была въ нѣкоторомъ смыслѣ грѣхомъ Тургенева — въ этомъ грѣхѣ онъ держался безупречно... но сердца своего не далъ. Отгѣнокъ кары легъ на ихъ отношенія.

Въ маѣ 1861 г. гостилъ у Тургенева въ Спасскомъ Толстой. (Другъ друга они не любили, но и влекло ихъ другъ къ другу). Собрались въ гости къ Фету, незадолго предъ тѣмъ купившему имѣннице Степановку — тамъ выстроилъ онъ домъ и наново обзаводился хозяйствомъ. Приѣхали въ добромъ настроеніи. Отправились съ хозяиномъ въ рощицу, лежали на опушкѣ, много, оживленно разговаривали. Затѣмъ пили чай, ужинали все, какъ полагается. Остались почевать. Фету съ женой пришлось даже потѣсниться: новый домъ былъ невеликъ.

Утромъ вышли Тургеневъ съ Толстымъ къ чаю, въ столовую... быть можетъ, вставъ съ лѣвой ноги (оба и вообще-то калризные!). Усѣлись Тургеневъ справа отъ хозяйки, Толстой слѣва. Бородатый, загорѣлый Феть съ узкими глазками, полный посѣвовъ, заботъ о вывозѣ навоза, о какихъ нибудь жеребяткахъ — на противоположной сторонѣ стола. Жена Фета спросила Тургенева о его дочери. Онъ сталъ расхваливать ея гувернантку, г-жу Иннисъ, которая просила его установить точную сумму, какую дочь можетъ расходовать на благотворительность. Кромѣ того, она заставляетъ ее брать на домъ бѣлье бѣдняковъ, чинить и возвращать выштопаннымъ.

Толстой сразу разсердился.

— И вы считаете это хорошимъ?

— Конечно, это сближаетъ благотворительницу съ насущной нуждой.

Въ Толстомъ именно въ эту минуту, въ свѣже-срубленной, пахшей сосною столовой Фета проснулось тяжелое упрямство, связанное съ неуваженіемъ къ собесѣднику.

— А я считаю, что разряженная дѣвушка, держащая на колѣняхъ грязные и зловонные лохмотья, играетъ неискреннюю, театральную сцену.

Тонъ его былъ невыносимъ. Любилъ Тургеневъ или не любилъ свою дочь — это его дѣло. Толстой-же посмѣялся надъ бѣдной Полиной, да и надъ отцомъ. Этого Тургеневъ не могъ вынести.

Дальше все поразительно для Тургенева мягкаго.

свѣтски-воспитаннаго почти непонятно. Будто въ одно изъ рѣдкихъ мгновеній прорвалась материнская кровь (тяжелый костыль, которымъ чуть не убила однажды Варвара Петровна дворецкаго).

Послѣ возгласа:

— Я прошу васъ объ этомъ не говорить!

И отвѣта Толстого:

— Отчего-же мнѣ не говорить того, въ чемъ я убѣжденъ! — Тургеневъ въ полномъ бѣшенствѣ крикнулъ — не дворецкому, а будущему «великому писателю земли русской»:

— Такъ я васъ заставлю молчать оскорбленіемъ!

Ноздри его раздувались, онъ схватилъ голову руками и «взволнованно зашагалъ въ другую комнату». Черезъ секунду вернулся и извинился предъ хозяйкой за «безобразный поступокъ», прибавивъ, что глубоко въ немъ раскаивается.

Бѣдный Фетъ попалъ въ передѣлку. Оба знаменитыхъ гостя считались его друзьями. За минуту все было мирно, весело, майскій вѣтерокъ похлопывалъ парусиной на террасѣ, яровыя лоснились за окномъ, грачь ухабами летѣлъ противъ вѣтра... Вышли бы на воздухъ, посмотрѣли бы коровъ, телятъ. А теперь... слава Богу, что не зашло еще дальше!

Тургеневъ уѣхалъ тотчасъ. Толстого пришлось отправлять отдѣльно. Лошадей не было, экипажа тоже. Но это, конечно, мелочи. Ихъ нетрудно преодолѣть. Хуже получалось по существу. Два лучшихъ русскихъ писателя россорились на семнадцать лѣтъ, обмѣнялись оскорбительными письмами, дѣло чуть не дошло до дуэли... изъ-за чего? Бѣдная Поля встала между ними, раздѣлила такъ: Тургеневъ по внѣшности оказался неправъ, но внутренне его позиція гораздо лучше — онъ вскипѣлъ, сказалъ ненужное и извинился. Самъ страдалъ изъ-за своей рѣзкости. Въ положеніе праведника, не вызывающаго сочувствія, попалъ Толстой, требовавшій дуэли послѣ извиненія, вообще «удовлетворенія» своимъ интересамъ — слава Богу, онъ его не получилъ.

Изъ Богуслава, гдѣ остановился на ночлегъ, выѣхавъ отъ Фета, послалъ Толстой домой за ружейными пулями. Предлагалъ Тургеневу дуэль «на ружьяхъ», чтобы она кончилась непременно какъ слѣдуетъ. Тургеневъ принялъ дуэль только на европейскихъ условіяхъ, т. е. на пистоле-

тахъ. Тогда Толстой написалъ ему грубое письмо. Въ дневникѣ-же записалъ о Тургеневѣ... «Онъ подлецъ совершенный, но я думаю, что со временемъ не выдержу и прощу его».

Въ то самое время, когда Тургеневъ грызъ себя за недержанность, а Толстой восхищался своей добротой, некрасивая Поля Тургенева разрисовывала во Франціи какіе-нибудь благонамѣренные кипсэки, помогала бѣднымъ, училась пѣть, подчинялась добродѣтельной г-жѣ Иннисъ, ненавидѣла Віардо. Никакъ не могла она думать, что изъ за нея въ той Россіи, которую она совсѣмъ забыла, отецъ такъ взволновался. Толстого она вовсе не знала. Ее гораздо больше занимало то, пустятъ-ли ее потанцовать на балъ, или нѣтъ.

*

**

Тургеневъ отписалъ о ссорѣ графинѣ Ламбертъ. Онъ признавалъ свою вину. Дѣло-же въ цѣломъ объяснялъ давней вѣлюбью, отталкиваніемъ отъ Толстого. Неизвѣстно, что отвѣчала графиня. Но ихъ отношенія вообще нѣсколько мѣнялись. Она сама переживала тяжелыя потрясенія: смерть единственнаго сына, смерть брата, собственныя болѣзни. Раньше она являлась «утѣшительницей». Теперь ее самое надо было утѣшать и поддерживать — что Тургеневъ съ дружеской добротой и дѣлалъ. Но ей все казалось, что мало. Что онъ начинаетъ съ нею скучать, что ея печаль «стѣнной стала» между ними. Сама она замыкалась, уходила въ религію. Онъ казался ей «преисполненнымъ земной жизнью и преданнымъ ей». Тургеневъ отвѣчалъ, что если не успѣлъ приникнуть къ неземному, то земное все давно ушло отъ него. (По крайней мѣрѣ, такъ, ему казалось). «Я нахожусь въ какой-то пустотѣ, туманной и тяжелой».

Къ неземному приникнуть какъ графиня, онъ и вообще не могъ. Не былъ вѣрующимъ и скорбѣлъ объ этомъ, именно теперь, видя, съ какимъ достоинствомъ переносить свои бѣды графиня (въ человѣческомъ, однако, утѣшеніи тоже нуждавшаяся). Къ христіанскому ея смиренію относился почти благоговѣйно. Но себя христіаниномъ не считалъ. Или, вѣрнѣе, не называлъ. Христіанскими-же качествами души и высокими тяготѣніями обладалъ. «Имѣющій вѣру имѣетъ все, и ничего потерять не можетъ; а кто

ея не имѣеть, тотъ ничего не имѣеть» — это слова Тургенева. «Ничего не хотѣть и не ждать для себя и глубоко почувствовать другому — это и есть настоящая святость». Не видя послѣдняго въ себѣ, онъ чрезвычайно цѣнилъ его въ графинѣ. Это и ставило его въ положеніе скромности.

Ему самому смиреніе было необходимо. Трудности шли отовсюду. Нападки за «Отцовъ и дѣтей» превзошли все возможное. На Тургенева дѣйствовали они болѣзненно. Свою правоту онъ зналъ. Характеромъ-же достаточнымъ не обладалъ, какъ-то подавался, падалъ духомъ. Будучи избалованнымъ, слишкомъ любилъ любовь и поклоненіе. Пробовалъ возражать. Кажется, не всегда былъ достаточно твердъ съ молодежью. Въ общемъ-же ему казалось, что онъ устарѣлъ, что новое поколѣніе не признаетъ его и ненавидитъ. Въ награду за труды, сѣдины, годы, получалъ поношенія. Ему хотѣлось тишины, мира, свѣта — и не хотѣлось Россіи. Въ эти годы онъ сильно отходилъ отъ Родины.

А съ другой стороны: прежнес, куртавенельское съ Віардо ушло навсегда. Надо было свыкаться съ инымъ. Здѣсь онъ, повидимому, успѣлъ больше, чѣмъ въ литературѣ. Та струйка смиренія, что впервые открылась въ годъ «Дворянскаго гнѣзда» черезъ Лизу, ширилась — можетъ быть, и не безъ вліянія графини Ламбертъ. Разумѣется, до того настроенія, въ которомъ писала она ему изъ Тихвинскаго монастыря, онъ не доходилъ. Но одно то, что могъ написать: «Глядя на какое нибудь прекрасное молодое лицо, я такъ-же мало думаю при этомъ о себѣ, о возможныхъ отношеніяхъ между этимъ лицомъ и мною, какъ будто-бы я былъ современникомъ Сезостриса» — уже говорить нѣчто. Многое въ немъ мѣнялось. Что-то онъ могъ принять, что-то простить... Сердце растоплялось. Но Віардо еще вдали. Писемъ отъ нея нѣтъ. Ее самое онъ видитъ, но какъ-то урывками.

А въ Россіи шель праздникъ. Священники читали съ амвоновъ: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный русскій народъ» — слова освободительнаго манифеста. Многіе, среди нихъ самъ Тургеневъ, могли съ радостнымъ волненіемъ повторять «Нынѣ отцущаещи» — сбывалось то, изъ-за чего давались аннибаловы клятвы. И хоть сбывалось неуклюже, тягостно, шершаво, иногда съ насиліемъ, неодобреніемъ и даже противленіемъ, все-же шла новая Россія Александръ II зналъ и цѣнилъ Тургенева,

зачитывался «Записками Охотника». Доля Тургенева въ освобожденіи рабовъ безспорна. Освобождавшуюся Россію привѣтствовалъ онъ всѣмъ сердцемъ. Россія отвѣтила ему свистомъ.

Бадень.

Къ концу пятидесятихъ годовъ у Полины Віардо сталъ пропадать голосъ. Въ глюковскомъ «Орфеѣ», котораго она нѣкогда создавала, теперь ей больше приходилось играть, чѣмъ пѣть. Это кажется страннымъ. Віардо не исполнилось еще сорока. При силѣ ея натуры, при всемъ правильномъ, спокойномъ складѣ бытія она довольно рано выбываетъ изъ строя. Какъ женщина, долго еще хранитъ обаяніе. Какъ мать — щедра, плодovitа: къ этому времени у нея четверо дѣтей — Луиза, Клавдія (Диди, любимица Тургенева, но врядъ-ли его дочь), Маріанна и сынъ Поль, родившійся лѣтомъ 57-го года. Можетъ быть, у ней появилась сѣдина. Но женщина, о которой въ шестьдесятъ лѣтъ говорили, что въ нее можно еще влюбиться, въ глубокой старости не потерявшая бодрости, живого блеска выпуклыхъ, черныхъ, рѣдкой красоты глазъ, раньше всего сдала именно въ искусствѣ. Она чуть не на тридцать лѣтъ пережила Тургенева и мужа... и такъ рано отцвѣла въ пѣніи.

Она встрѣтила судьбу мужественно, играть въ прятки не стала. Въ унижительное положеніе себя не ставила и свистковъ не дождалась. Пока могла — гремѣла славою. Когда инструментъ ослабѣлъ, отступила. Что при этомъ переживала понятно. Но врядъ-ли ныла, плакалась. Дѣйствія Полины Віардо были всегда разумны, ясны и рѣшительны.

Оставаться въ Парижѣ, видѣвшемъ ея триумфы, не хотѣлось. Если мѣняется жизнь, пусть измѣнится мѣсто, люди, даже языкъ.

Она выбрала Бадень. Былъ и хорошій предлогъ бросить Францію: она не любила Наполеона, отрицала его режимъ (какъ и мужъ, какъ Тургеневъ), могла объяснить переѣздъ преимуществами Германіи. Въ небольшомъ, изящномъ городѣ-курортѣ можно жить тихо, но среди свѣтскаго общества. Зелень, музыка, чудесныя окрестности — для людей, перешагнувшихъ нѣкій возрастъ очень

подходяще. Полина вѣрно разсчитала: свѣтскія и простоэ зажиточныя дѣвицы, сѣвзжавшіяся со всей Европы, будутъ дорого платить за уроки.

Все-же сначала предприняли какъ бы развѣдку: въ 1862 году семья Віардо жила въ Баденѣ еще въ наемномъ помѣщеніи. Черезъ два года Полина прощалась съ Парижемъ, пѣла въ Théâtre lyrique знаменитаго «Орфея». Одновременно купили въ Баденѣ виллу и переѣхали окончательно -- устроились широко и удобно.

Вилла стояла на прекрасномъ мѣстѣ — Thiergartenthal — у подошвы лѣсистой горы Зауербергъ. Просторно, зелено, благородный и мягкій пейзажъ съ невысокими холмами, дуга...

Теперь Тургеневу приходилось выбирать: жить-ли по-прежнему въ Парижѣ съ дочерью, возвращаться-ли въ Россію, переселиться-ли въ Баденъ. Россія казалась враждебной. Въ Парижѣ пусто. Оставался Баденъ. Тургеневъ тоже сдѣлалъ развѣдку: осенью 62-го года въ Баденѣ у Віардо погостилъ. Жилъ тамъ хорошо. Встрѣчался со стиринскими пріятелями, охотился, серьезнаго ничего не дѣлалъ. Мѣстность очень ему понравилась. Радовался онъ солнцу, чудеснымъ осеннимъ днямъ — и очевидно у Віардо вновь пришелся ко двору. Что-то вновь между ними произошло -- сблизило. Годы, его великій умъ, великая любовь превозмогли многое. Какъ будто-бы увѣнчивалось его терпѣніе, смиреніе.

Весною 1863 г. Тургеневъ снялъ квартиру на Schillerstrasse въ Баденѣ и покинулъ Парижъ. Этотъ шагъ его оказался очень удачнымъ. Какъ въ свое время Куртавенель, Баденъ тоже ему подходилъ: благородствомъ своимъ, зеленовато-золотистымъ покоемъ, природой мирной и мягкой, голубыми горами на горизонтѣ. И Тургеневъ подходилъ къ Бадену. Его здѣсь полюбили. Ему удобно и покойно было тутъ работать. Своей сѣдою, барскою фигурой украшала онъ скамейки близъ Конверсаціонсгауза, подъ столѣтними деревьями, одно изъ которыхъ называлось «русскимъ». Живописно слушала музыку, живописно прогуливался по Лихтенгаевской аллеѣ, раскланиваясь съ принцессами и герцогинями. И даже тѣ самые русскіе студенты (изъ близкаго Гейдельберга), которыхъ издали считала онъ врагами, нерѣдко почтительно окружали его на гуляньѣ.

Той-же весною заканчивалъ онъ «Призраки» -- вещь,

ничего общаго не имѣвшую съ общественными его романами. Онъ задумалъ ее давно, еще въ 57 году. Но вплотную принялся только послѣ «Отцовъ и дѣтей». Современность, новые люди, общественность, шумъ — отъ всего этого захотѣлось уйти. Вновь, какъ въ «Фаустѣ», тронуть таинственное. (Эта линия, «Фаустромъ» намѣченная, «Призраками» укрѣплялась. Въ дальнѣйшемъ ей предстояло расти). Загадочная Эллисъ летала съ нимъ по міру, показала (всю печаль, всю бренность)... сама кровью его напиталась. Муза? Такъ нѣкоторые думали. Врядъ-ли тутъ было опредѣленное. Но врядъ-ли не испытывалъ онъ живости, остроты, изображая, какъ кровь его уходитъ, выпитая женщиной.

«Призраки» помѣстили Тургеневъ въ журналъ Достоевскаго. Ихъ не поняла публика, какъ и позднѣйшее «Довольно», гдѣ онъ какъ-бы вообще пропался съ литературою. Шедеврами эти произведенія не были. Но для исторіи души Тургенева значеніе ихъ огромно.

**

Въ первый-же годъ баденской жизни съ нимъ случилась непріятность, довольно неожиданная. Еще въ Парижѣ, передъ отъѣздомъ въ Баденъ, получилъ онъ черезъ посольство предписаніе явиться въ Петербургъ: его обвиняли въ сношеніяхъ съ эмигрантами, врагами правительства — Герценомъ, Бакунинымъ и Огаревымъ. Онъ долженъ былъ дать объясненія. Въ противномъ случаѣ грозили конфискаціей имущества.

Тургеневъ отправился къ послу, лично ему знакомому. Удивилъ его рѣшительнымъ заявленіемъ: въ Петербургъ онъ не поѣдетъ.

— Очень вѣроятно, что все это кончится вздоромъ. Но я старикъ, больной: пока я оправдаюсь, меня тамъ затаскаютъ.

«Старику» было сорокъ пять лѣтъ. У него, правда, начиналась подагра, все-же онъ много разъѣзжалъ, любилъ общество, музыку, охоту — стрѣлялъ фазановъ и куропатокъ. Отговорка, разумѣется, неосновательная. Но это говорилъ Тургеневъ, прославленный писатель и такой-же баринъ, какъ самъ посолъ. Посолъ посовѣтовалъ ему написать личное письмо Государю.

- Государь васъ любить, какъ писателя. Напишите прямо къ нему совершенно откровенно.

Онъ такъ и сдѣлалъ. Все это его тревожило, при живомъ воображеніи казалось очень мрачнымъ. Но Государь, дѣйствительно, отнесся мягко: Тургеневу предложили отвѣтить на опросные пункты.

Въ отвѣтъ частію воскрешается молодость его, дружба съ Бакунинымъ въ 40-мъ году въ Берлинѣ, ихъ философскія бесѣды и увлеченія, знакомство съ Герценомъ и Огаревымъ въ Москвѣ 42-го года — время романа съ Бакуниной и премухинскихъ заоблачностей. Тургеневъ взялъ тонъ спокойный и достойный. Выходило такъ: да, съ этими людьми онъ не только знакомъ, но съ Бакунинымъ даже и дружилъ -- когда тотъ еще не отдавался революціи. Далѣе они расходятся. (Что впоследствии онъ выслалъ деньги женѣ Бакунина для возвращенія изъ Иркутска, Тургеневъ не отрицалъ). Герцена тоже зналъ близко. Въ 48-мъ году Герценъ еще не былъ рѣшительнымъ революціонеромъ, и даже въ 56-мъ, когда Тургеневъ вновь появился въ Парижѣ, а Герценъ издавалъ «Колоколъ», критика его была умѣренной. Дальнѣйшему его пути Тургеневъ не сочувствовалъ... «Герценъ пересталъ отрицать и началъ проповѣдывать преувеличенно, шумно, какъ обыкновенно проповѣдуютъ скептики, рѣшившіе сдѣлаться фанатиками». Въ послѣдніе годы онъ все меньше и меньше съ Герценомъ видѣлся. А послѣ «Отцовъ и дѣтей» отношенія прекратились и вовсе: Герценъ счелъ Тургенева «охлаждѣвшимъ эпикурейцемъ, человѣкомъ отсталымъ и отжившимъ» (какъ разъ то-же говорили тогда болѣе лѣвые о самомъ Герценѣ).

Герцена Тургеневъ, дѣйствительно, зналъ близко, и въ 48 г. постоянно посѣщалъ его. Но «пріятельства» особеннаго между ними не вышло — тутъ Тургеневъ нѣсколько сгустилъ даже, изъ добросовѣстности. Не могъ онъ и вдаваться въ подробности: въ то, какъ медленно, но основательно они расходились. Герценъ относился почти мистически къ народу русскому и общинѣ, Тургеневъ все это отрицалъ. Для Герцена Западъ боленъ, Россія можетъ показать невиданную самобытность. Тургеневъ считалъ, что Россія должна продѣлать путь Запада или погибнуть въ варварствѣ — споръ давній, до нашихъ дней дошедшій.

Въ концѣ концовъ свое положеніе Тургеневъ обозначилъ такъ: съ революціонерами въ молодости дружилъ,

въ среднемъ возрастѣ водилъ знакомство, иногда по чужовѣчеству оказывалъ услуги, помощь, но въ «заговорахъ» участія не принималъ, за послѣдніе годы идейно спорить и разошелся... Хотите судите меня, хотите нѣтъ.

Сенатъ этимъ не удовлетворился. Предстояло ѣхать въ Петербургъ. Тургеневу не хотѣлось. Сколько могъ, онъ оттягивалъ, ссылаясь на болѣзнь. Наконецъ, въ январѣ 1864 года пришлось выѣхать.

Поѣздка эта, вполне безсмысленная для русскаго государства, оказалась нервостатейной въ другомъ родѣ. ея открылся новый рядъ писемъ къ Віардо, свидѣтельство о новой, удивительной полосѣ его любви.

Двадцать одинъ годъ! Влюбленность, горячая близость, разлука надолго, связь во время этой разлуки, увлеченіе, чуть не женитьба. Встрѣча, страданія ревности и расхожденія, годы мучительнаго томленія, сложный и горестный путь примиренія; годы «утѣшительныхъ» встрѣчъ и переписки съ другою изящной душой; и вотъ, на сорокъ шестомъ году жизни, этотъ «старикъ», которому трудно дѣлать въ первомъ классѣ отъ Бадена до Петербурга и остановиться въ хорошемъ отелѣ у Полицейскаго моста — онъ то и пронизанъ (вновь!) чистѣйшимъ, возвышеннѣйшимъ Эросомъ. Съ Полиною, будто-бы, все выяснено, все сказано. Еще три года назадъ казалось, что прошедшее «отдѣлилось окончательно», что сердце умерло и онъ жить въ окаменѣніи — и даже если-бы возродилась надежда возврата, она «потрясла-бы окончательно».

Но вотъ возвратъ произошелъ! Неизвѣстны его подробности — тайна, не зачѣмъ и касаться ея. Новая-ли это связь, или новая форма влюбленной дружбы? Одно ясно: есть пафосъ, расцвѣтъ, восторгъ... «Баденскій» періодъ любви — «по своему», или по настоящему — но счастливой!

Тургеневъ выѣхалъ въ Петербургъ. Всего только еще Берлинъ. Но какъ-бы и не уѣзжалъ. «Все время я точно во снѣ; не могу привыкнуть къ мысли, что я уже такъ далеко отъ Бадена, и все, люди и предметы, проходятъ предо мною какъ будто не касаясь меня». Онъ сидитъ одинъ въ гостиницѣ, ждетъ вечерняго поѣзда въ Книгсбергъ, но ни Книгсбергъ, ни Петербургъ, гдѣ его будутъ судить, насколько не интересны. Интересно, плѣнительно только то, что происходитъ въ Баденѣ. Какъ Полина сидитъ въ гостиной, играетъ на роялѣ и поетъ романсы — собственна-

го-ли сочиненія (она занялась этимъ въ Баденѣ) или, можетъ-быть, Шуберта, напримѣръ, тотъ, рѣдко исполняемый, который онъ такъ любилъ: «Wenn meine Grillen schwirren». Вiардо-мужъ «дремлетъ у камелька». Дѣти рисуютъ, особенно Клавдія отличается, «Диди», его любимица.

Наконецъ, Петербургъ, «Hôtel de France» — красная бархатная мебель, почтительные лакеи, старые друзья Анненковъ и Боткинъ, близкій судъ. Но черезъ два часа по приѣздѣ, снова вечеромъ, онъ уже пишетъ въ Баденъ. «Не хочу лечь, не начавъ этого письма, которое кончу и отправлю завтра».

На другой день дѣлъ много. Во-первыхъ, заѣзжаетъ къ «преступнику» предсѣдатель той самой сенатской коммисіи, которая будетъ его судить. Затѣмъ, толчется вообще всякій народъ. Но самое главное — и объ этомъ подробно опишетъ онъ Полинѣ въ тотъ-же день — видѣлъ онъ Антона Рубинштейна. Не только видѣлъ, но Рубинштейнъ успѣлъ (не для Вiардо-же, въ самомъ дѣлѣ) сыграть всѣ пятнадцать романсовъ Полины на слова русскихъ поэтовъ, успѣлъ одобрить ихъ, и многие его «поразили» (слава этихъ романсовъ такъ и погребена въ письмахъ Тургенева). На слѣдующій день обѣщана встрѣча съ издателемъ, «и тутъ ужъ мы насядемъ на него вдвоемъ» — издателю явно не отвергъться. А за всѣмъ тѣмъ... «какъ только я остаюсь одинъ, на меня нападаетъ страшная тоска. Я такъ хорошо приспособился къ тихой, очаровательной жизни, которую велъ въ Баденѣ... Все время думаю о ней, не въ состояніи не думать, и то впечатлѣніе — будто я во снѣ — ...не покидаетъ меня.

Чувствую, что буду счастливъ и доволенъ только когда вернусь въ благодатный край, гдѣ я оставилъ лучшую часть самого себя. Съ завтрашняго дня начинаю ждать писемъ отъ насъ. О, какъ я буду радоваться имъ!»

И вотъ начинается петербургская жизнь: обѣды съ Анненковымъ и Боткинымъ, театры, посѣщенія графини Ламбергъ, Филармоническое общество, гдѣ Рубинштейнъ дирижируетъ, засѣданія Комитета помощи литераторамъ, званый вечеръ у итальянскаго посла. Князь Долгорукій бесѣдуетъ съ нимъ, князь Суворовъ «въ высшей степени любезенъ», одинъ изъ будущихъ судей его, «толстый Венсвитинъ», котораго вы знаете, объявилъ мнѣ, что дѣло мое пустяшное». И вообще все это пустяки, шумный и

пестрый сонъ, а важно то, что «я почувствую себя счастливымъ только когда вернусь въ мою милую маленькую долину». Важно то, чтобы не запоздало и не пропало письмо отъ Полины. А Петербургъ, мягкая сыроватая зима, балъ въ Дворянскомъ собраніи, гдѣ присутствуетъ Государь и у всѣхъ дамъ волосы напудрены или просто распущены по плечамъ и связаны только широкой лентой, сборище, гдѣ больше красивыхъ туалетовъ чѣмъ лицъ, нарядный Петербургъ, задающій тонъ модамъ — тоже случайное, тоже сонъ.

Въ концѣ января рѣшилось его дѣло. О немъ онъ ни слова не писалъ Полинѣ. Но вотъ что интересно: Віардо выступаетъ въ Карльсруэ («Орфей» для провинціи), такъ пусть она не забудетъ сообщить о днѣ спектакля. Не хотѣлось-бы возвращаться въ Баденъ, когда ея тамъ нѣтъ. «Надо, чтобы мнѣ дано было счастье видѣть васъ на вокзалѣ -- вѣдь вы, надѣюсь, встрѣтите меня! *Das Herz mir im Leibe hupfen...* Не хочу объ этомъ много думать; это такое огромное счастье, что я навѣрно буду мучиться предчувствіями и страхами, что оно не сбудется... Но нѣтъ! Богъ добрый, и Ему пріятно будетъ посмотреть на человека, обезумѣвшаго отъ радости»...

Наконецъ, «судъ» состоялся. Тургеневъ пріѣхалъ (вѣроятно, въ каретѣ), въ Сенатъ. Чинные служители, пристава, письмоводители. Молчаливая зала — свѣтлая и парадная. За зеркаломъ важные старики въ мундирахъ, генералы, сенаторы -- все знакомые. Передъ подсудимымъ извилились, что не могутъ его посадить — и боялись его больше, чѣмъ онъ ихъ. Задали нѣсколько мелкихъ вопросовъ. Потомъ провели въ отдѣльную комнату, посадили, дали толстую переплетенную тетрадь.

— Видите, гдѣ заложено бумажками, дѣло васъ касается. Просимъ письменно отвѣтить.

Онъ отвѣтилъ, и съ такимъ-же парадомъ уѣхалъ, въ великолѣпной шубѣ, съ палкой, кутая зябнувшія ноги въ теплое мѣховое одѣялѣ. Вечеромъ ужиналъ, опять съ кѣмънибудь изъ судей. А Полинѣ писалъ такъ: «Не умѣю сказать вамъ, до какой степени я постоянно думаю о васъ. Сердце мое положительно таетъ отъ умиленія, какъ только вашъ милый образъ -- не скажу: является мнѣ мысленно, такъ какъ онъ не покидаетъ меня — но какъ будто приближается».

Далѣ не выдерживаетъ, переходитъ на нѣмецкiй языкъ: всегда у него признакъ глубокаго волненiя. «Все время чувствую на своей головѣ дорогую тяжесть вашей руки и такъ счастливъ сознаниемъ, что принадлежу вамъ, что хотѣлъ-бы изойти любовью, непрерывнымъ обожа-нiемъ».

Судь вынесъ рѣшенiе 28-го января. Тургеневу разрѣшили выѣхать за границу — обязали только немедленно явиться въ случаѣ вызова. (Окончательно оправданъ онъ былъ позже, 1 iюня).

Въ мартѣ возвратился Тургеневъ въ свой Бадень.



Ясно, онъ пускалъ тутъ корни. Хотѣлось осѣсть какъ въ Спасскомъ. Хозяева дома, гдѣ онъ жилъ, любили его, но считали неосновательнымъ, *kindisch*: у немолодого, знаменитаго писателя на дверяхъ прищиплена, на примѣръ, записочка: «г. Тургенева нѣтъ дома» — тщетная защита отъ посягателей. *Herr Turgenieff* постоянно ходитъ къ Вiардо, а если у ней малѣйшее нездоровье, или Дида лишнiй разъ чихнула, то тревожится безмѣрно, навѣщаетъ по нѣскольку разъ въ день, посылаетъ записки. Все это выглядѣло «несолидно».

Тургеневъ и самъ чувствовалъ, что пора устроиться удобнѣе (и еще ближе къ Вiардо!). Онъ рѣшилъ стронуть домъ.

Мѣсто выбралъ рядомъ съ виллой Вiардо — десятины полторы земли, съ фруктовымъ садомъ и старыми, вѣковыми деревьями. Очень нравились они ему мощью своею, зеленью. Даже кора деревьевъ была покрыта изумруднымъ мхомъ. Особенно-же восхищалъ родникъ въ саду — чудесная, ключевая вода, крѣпость, прозрачность, холодъ...

Домъ строилъ архитекторъ-французъ, въ стилѣ Людовика XIII, съ башенками, аспидной крышей, просторными свѣтлыми комнатами, огромной театральной залой, стеклянными дверями на полукруглую террасу. Нужны были деньги — и немало. Спасскимъ управлялъ въ это время дядя Тургенева, Николай Николаевичъ, бывшiй блестящiй офицеръ, потоу опустившiйся неряшливый старикъ, склочный къ плотоугодiю и хозяйство ведшiй неважно: Иванъ

Сергѣевичъ и половины не получалъ того, что стѣдо-
ло-бы.

Дядя вѣчно кряхтѣлъ, жаловался на огромныя траты и вмѣстѣ съ Фетомъ осуждалъ расточительность Тургенева (а Тургеневу не нравилась дядина безтолковость, что и привело къ тягостному разрыву).

Постройка шла медленно, болѣе трехъ лѣтъ. Пока-же тургеневско-виардовская жизнь сосредоточивалась въ домѣ Полины.

Романсы ея въ Петербургѣ напечатали, и вѣроятно, кѣмъ-то они пѣлись. Но сама она не только сочиняла ихъ: въ Баденѣ создала изящный музыкальный центръ. Въ саду у ней былъ павильонъ съ роялемъ, висѣли картины, со-
бранныя мужемъ. По воскресеньямъ здѣсь устраивались музыкальныя утра. Пѣла хозяйка, пѣли ея ученицы, выступали извѣстные музыканты. Все это — очень модно, блестяще, съ избранной публикой.

Позже, когда заканчивался домъ Тургенева (1867-68 г.), собранія перенесли въ его театральную залу: тамъ все получалось еще наряднѣе. Мудрая Полина придумала удачную вещь: чтобы давать возможность ученицамъ исполнять легкія партіи, ставила небольшія оперетки. Тургеневъ тутъ оказался ксати — нѣкій русскій Бембо при дворѣ герцогини урбинской: сочинялъ текстъ. Поэтъ, слава котораго продвигалась уже въ Европу, писалъ для спектаклей Виардо фантастическія бездѣлушки: «Le dernier des sorciers», «L'ogre», «Trop de femmes» музыку къ нимъ сочиняла Полина. Пьески содержали много женскихъ ролей. Сама Виардо пѣла какого-нибудь принца, ученицы — гаремныхъ женъ, и т. п. Людоѣда, колдуна, пашу изображалъ Тургеневъ. Выходило тонко и художественно. Король Вильгельмъ, королева Августа, великій герцогъ баденскій, принцы, принцессы, дамы общества, знатныя иностранцы, артисты, русскіе князья, развлекавшіеся въ Конверсационсгаузѣ и гулявшіе по Лихтенгаузенской аллеѣ — все это засѣдало въ зрительной залѣ. Утра проходили успѣшно (одно представленіе перенесли даже въ Веймаръ. въ настоящій театръ — какъ бы возстановляя времена Гете. Музыку Полины обрабатывалъ Листъ). Попасть на эти собранія — честь. Послушать Виардо, свѣтскихъ дѣвицъ — пріятно. Поглядѣть извѣстнаго русскаго писателя, нѣкоего благаго медвѣдя въ роли колдуна — забавно.

Награда Полины, кромѣ рукописей и рекламы шко-

лы — королевскіе подарки. Она получила, напริมѣръ, браслетъ. Луи Віардо — прекрасную вазу. Тургеневъ награда не получаетъ. Иногда ему весело, смѣшно. Всегда — радостно содѣйствовать успѣху Полины. Но случается, что и тоскливо. «Долженъ сознаться, что во мнѣ что-то дрогнуло, когда я въ роли паши лежалъ на полу и замѣтилъ легкую усмѣшку презрѣнія на неподвижныхъ губахъ вашей надменной кронпринцессы».

Но тутъ-же прибавляетъ: «При всемъ томъ, наши спектакли были очень милы и пріятны».

*

**

Въ первомъ-же письмѣ Тургенева графинѣ Ламбертъ изъ Бадена есть опасенія, что ихъ переписка и дружественныя отношенія могутъ прерваться. Онъ оказался правъ. Различія во многомъ между ними ширились. Писаніе въ духѣ «Отцовъ и дѣтей» мало графинѣ нравилось, хотя по другому, чѣмъ молодежи. Ей хотѣлось, чтобы онъ далъ «простую и нравственную повѣсть для народа». (Тургеневъ блестяще защищалъ свои художественскія вольности: пишу о чемъ хочу — куда клонится сердце — это сущность искусства). Казалось ей, что онъ отходитъ отъ родины. При ея мистическомъ настроеніи — что онъ слишкомъ далекъ отъ вѣры, главное, удаляетъ отъ нея дочь. Насчетъ родины Тургеневъ признался ей самъ: «Россія мнѣ стала чужда, и я не знаю, что сказать о ней». Противъ упрековъ за вліяніе на дочь возражаетъ — и не безъ горячности: «Я не только «не отнялъ Бога у нея», но и самъ хожу съ ней въ церковь... И если я не христіанинъ, то это мое личное дѣло, пожалуй, мое личное несчастье».

Но главное, конечно, въ томъ, что измѣнилось у него съ Віардо. Что нашелъ онъ нѣкій способъ нѣжнаго «вблизи-бытія», и вновь загорѣлся. Правда, говоритъ онъ объ этомъ скромно: «Оттого-ли, что мои требованія стали меньше, оттого-ли, что тамъ (въ Баденѣ) мое настоящее гнѣздо, только я замѣчаю, что съ нѣкотораго времени счастье дается мнѣ гораздо легче». Но вѣдь не могъ онъ описывать графинѣ слишкомъ ярко, какъ онъ любитъ Віардо.

Во всякомъ случаѣ, утѣшительница теперь не нужна. Никогда графиня Ламбертъ не могла соперничать съ Віар-

до — даже въ самыя трудныя времена. Теперь побѣда великой, двадцатилѣтней любви надъ чувствами смутно-тонкими — окончательна. Письма становятся рѣже. Попадаютъ фразы: «изъ нѣкоторыхъ вашихъ выраженій я долженъ заключить, что вы сами почли за лучшее умолкнуть». И далѣе, уже въ 64-мъ году: «Я вамъ очень благодаренъ за ваше письмо, хотя вы и браните меня, и прощаетесь со мной».

Грустно слѣдить за умираніемъ долгихъ, чистыхъ и прекрасныхъ отношеній. Переписка увядаетъ — ничто не возстановить уже ея. Утѣшительница необходима, когда Тургеневъ одинокъ. Но съ приближеніемъ Віардо — не нужна. Въ одномъ изъ «предсмертныхъ» писемъ предлагаетъ онъ графинѣ сдѣлать такъ: если она, послѣ глубокихъ потрясеній, ее постигшихъ, хочетъ совсѣмъ покончить съ прошлымъ гдѣ одна горечь: пусть ему не отвѣтитъ — онъ пойметъ. Онъ хотѣлъ-бы весьма скромнаго: не поднимая ничего «со дна», установить простой обмѣнъ дружескихъ писемъ, освѣщающихъ жизненные событія.

На этомъ удержаться было нельзя. Графиня умолкаетъ. Быть можетъ, въ своей печальной и холодноватой чистотѣ она и недовольна нѣсколько Тургеневымъ. Передѣлать его, обратить — не удалось. Она навсегда сошла съ его пути. Нигдѣ далѣе нѣтъ о ней ни слова. Но ея обликъ навсегда съ нимъ связанъ, сквозитъ въ каждомъ письмѣ его къ ней.

Мы знаемъ о ней лишь еще то, что Тургенева она не пережила: скончалась въ 1883 году.

**

Итакъ, Віардо рядомъ — Віардо въ хорошей полостѣ, какъ то «отвѣчающая», какъ то «позволяющая» себя любить. Природа, лѣса, зелень. Довольство, охота. Медленно возводящійся, но, наконецъ, готовый собственный домъ. Въ немъ бываетъ прусскій король. Есть и вѣрные друзья — Полонскій, Фетъ. Есть и нѣмецкіе: Людвигъ Пичъ, литераторъ, критикъ, восторженный обожатель Тургенева. Онъ нерѣдко гоститъ въ Баденѣ — дружить и съ Віардо. Въ новомъ домѣ всегда ждетъ его компаня: «la chambre de Pictch vous attend». Въ саду, у любимаго ручейка, небольшой павильонъ. Тамъ утромъ можно пить чай съ

тѣмъ-же Пичемъ, любоваться видомъ горъ, заросшихъ лѣсомъ, зелеными лугами Тиргартенталя. Гдѣ нибудь вдалекѣ руины древнихъ замковъ — Иффецгейма, еще иныхъ. Тургеневъ много и добродушно рассказываетъ — онъ въ домашнемъ костюмѣ, несмотря на западничество свое — иногда въ русской косовороткѣ, сверхъ нея сюртукъ. Пичъ слушаетъ съ благоговѣніемъ. Для честнаго, немудрящаго нѣмца каждое слово Тургенева — золото. Говорятъ объ искусствѣ, Россіи, литературѣ. Передъ завтракомъ обсуждаютъ трудныя мѣста переводовъ — «Дыма»-ли, другихъ-ли произведеній. Завтракъ въ столовой, отдѣланной деревомъ — окна глядятъ на просторъ, зелень. Кабинетъ съ картинами старыхъ голландцевъ. Библіотека — не такая, какъ въ Спасскомъ, но все-же библіотека. За садомъ и за заборомъ дорогіе сосѣди. Туда во второй половинѣ дня направляется Тургеневъ, иногда въ той-же косовороткѣ — запросто, какъ домой. Опирается слегка на палку, поправляетъ сѣдые кудри, на ногахъ его мягкая обувь — начинается подагра, иногда мучить его. За нимъ лохматый Пегасъ. Старикъ Віардо что-нибудь работаетъ — знаменитый другъ обрусилъ весь домъ: Полина сочиняетъ романсы на слова русскихъ поэтовъ, Луи переводить на французскій русскіихъ авторовъ, и самого Тургенева. Дѣвочки уже большія. Поютъ, рисуютъ. Диди можетъ прекрасно изобразить ко дню рожденія Тургенева Св. Семейство. Въ домѣ постоянно и «чужія» дѣвицы: ихъ обучаетъ Полина пѣнію. Есть иностранки, есть русскія. Изъ Карльсруэ пріѣзжаетъ съ мамашей молоденькая русская графиня, одна изъ богатѣйшихъ невѣстъ Европы — за большія деньги беретъ уроки (пѣвицы изъ нея не вышло, но Віардо въ ней слѣтъ оставила). Полина сѣдовата, но жива, бодра, черные глаза сіяютъ. Если графиня не разучила какихъ нибудь упражненій, она недовольна, глаза неласковы.

— Я не могла, мадамъ Віардо... мнѣ не удается... это трудно.

Дѣвушка робѣетъ и стѣсняется.

— Еще разъ. Продѣлаете еще разъ.

— Это, кажется, мнѣ не по голосу.

— Нѣтъ, это вамъ по голосу.

Полина Віардо знаетъ, что говорить. И опять начинаютъ упражненія.

Иногда осторожно отворяется дверь, на порогѣ огромный Тургеневъ. Онъ придерживаетъ своего Пегаса. Віардо

■юотрнть на него тоже не безъ строгости. На лицѣ его слегка виноватое выраженіе. Она продолжаетъ свой урокъ.

— Только чтобы вашъ Пегасъ не завылъ. Ужь, пожалуйста.

Тургеневъ садится — покорно, скромно. Грозитъ Пегасу. Тотъ усаживается у его ногъ, высовываетъ длинный, розовый языкъ. Дышитъ часто, оттягивая назадъ брыли, умными глазами глядитъ на графиню, иногда слегка повизгиваетъ. Хозяинъ испуганно зажимаетъ ему ротъ, отрываясь отъ палки, на которую опирается.

— Ну вотъ, вы видите, теперь у васъ понемногу налаживается. Не думайте, что искусство простая вещь. Вездѣ нужна воля, надо преодолѣть себя. Тогда и выйдетъ. То, что я говорю вамъ, вы должны исполнять. И все будетъ хорошо.

Если мѣсяць этотъ — августъ, или сентябрь, то Тургеневъ съ Луи Вярдо могутъ и закатиться на охоту. Въ Баденѣ не то, что въ Спасскомъ: Аванасія и Полѣсья нѣтъ, но есть отличные фазаны, куропатки. Охотники наѣзжаютъ нарядные, титулованные, съ титулованными собаками. Но тургеневскій Пегасъ тоже на высотѣ. На примѣръ, подѣ Оффенбургомъ, выходитъ линія охотниковъ изъ лѣсу на опушку. Впереди поле. Пегасъ прямо тянетъ на купу земляныхъ грушъ. Сосѣднія собаки ничего не чувуютъ, а онъ ведетъ — какъ-бы не осрамиться — вдругъ окажется жалкій зайчишка. Но Пегасъ ведетъ увѣренно. Стойка. Два чудесныхъ фазана вырываются изъ подъ него. Тургеневъ дуллстомъ кладетъ обоихъ — и счастливъ. Зато какой ужасъ, когда смажетъ! Немолодой, громадный человекъ бросается на землю, кричитъ:

- Нѣтъ, послѣ этого жить нельзя!

По вечерамъ ходятъ они съ Пичемъ къ Вярдо. Тамъ серьезная музыка — Бетховенъ, Шубертъ, пѣніе хозяйки, долгіе разговоры. Раньше часа, а то и двухъ, не расходясь. Бываетъ, что вернувшись, Пичъ бесѣдуетъ съ Тургеневымъ еще въ саду — въ лѣсу аукаетъ сова, ручей тургеневскій журчитъ. Грушевые, орѣховыя деревья чуть шелестятъ. Пегасъ прислушивается. Что-то чувствуетъ, ворчитъ, фыркаетъ. Надъ дальними дугами блѣдно-романтическій туманъ, звѣзды на небѣ, безотвѣтная луна, восторженный Пичъ.

Миръ и идиллія. Казалось-бы, вотъ жизнь полная, муд-

рая, среди поэзии, любви, искусства, книгъ — далекая отъ шума и базара.

Но у ней есть и другая сторона. Не одинъ блескъ звѣзды и мелодіи Шуберта доходятъ въ Баденѣ до Тургенева. Есть и «дѣйствительность». Есть накапливающийся горькій о ней опытъ. Въ томъ-же сердцѣ живутъ яды, его отравляющіе.

Послѣ «Отцовъ и дѣтей» нѣтъ покоя душѣ Тургенева. Съ Віардо такъ или иначе налажено, съ Россіей, литературой разлажено. Трудно забыть оскорбленія — и они все растутъ. Число недруговъ не убываетъ. Не только Некрасовъ и «Современникъ», но и Катковъ со своимъ «Русскимъ Вѣстникомъ» оказываются врагами. Само то, что въ Россіи дѣлается — и радуетъ, и раздражаетъ.

Нелѣпое чванство молодежи, разгулъ «лѣвизны», нигилизма, готовящаяся нечаевщина... А на другомъ концѣ — «свѣтъ», чиновничество, мракобѣсіе — тоже не лучше.

Изъ сложныхъ и горькихъ чувствъ возникъ «Дымъ» — главнѣйшая вещь баденской полосы. Въ «Дымѣ» нѣтъ мира и благословенія зеленыхъ лѣсовъ. Въ немъ давняя черта, еще молодого Тургенева — холодная насмѣшка, и пренебреженіе, ядъ, хуже того: брезгливое презрѣніе къ обществу и людямъ. Всѣмъ досталось, генераламъ и политикамъ, Губаревымъ и молодежи, болтунамъ и лжепророкамъ — одно вознесено: любовь. Она одна священна, написана полнымъ тономъ. И это — любовь страсть, разрушеніе, любовь-бѣда, болѣзнь. Ирина и Литвиновъ — лишь вокругъ нихъ кипитъ пламя — остальнымъ нѣтъ пощады. «Добрый» Тургеневъ, умѣвшій и обласкать, и помочь, очаровать — тутъ жестокъ. Въ «Дымѣ» мало чело-вѣколюбія. Надо прибавить: именно это язвительное, нечеловѣколюбивое и не удалось ему. Гоголь стоялъ на великомъ сарказмѣ, трагическомъ. Насмѣшка Тургенева вышла не крупной — не идетъ въ сравненіе съ любовью и не емъ лучшихъ его вещей.

И, все-же «Дымъ» замѣчательный романъ, двусторонній, двухсторончатый, неудачно-удачный, окрыляюще-пригнетающий. Отразилъ онъ создателя своего, двуликаго Януса. Въ воздухѣ «Дыма», въ душевномъ настроеніи: «все дымъ», все бѣлые клочья, летящіе изъ трубы паровоза, безвѣстно развѣивающіеся — жилъ одной стороной себѣ баденскій Тургеневъ. Какъ связать это съ высочайшими, вѣжнѣйшими чувствами къ Віардо?

Въ 67-мъ и 68-мъ г. г. онъ вновь ѣздилъ въ Россію — по дѣламъ Спасскаго (денежнымъ). Былъ опять и въ Берлинѣ, и въ Петербургѣ, видѣлъ нѣмецкихъ художниковъ, петербургскихъ Анпенковыхъ, миенскихъ Борисовыхъ и орловскихъ купцовъ, купившихъ у него ронцу (изъ этой ронцы и началъ онъ «откладывать на приданое Диди»). Прошло двадцать пять лѣтъ, какъ онъ познакомился съ Біардо, и вотъ что онъ ей пишетъ изъ всей нестрой суетливицы путешествія: «Пожалѣйте вашего бѣднаго друга — въ особенности за то, что онъ разстался съ вами. Н и к о г д а еще разлука не была такъ тяжела: я ночью плакалъ горькими слезами». «Ахъ, мое чувство къ вамъ слишкомъ велико, могуче. Я больше не могу, не въ состояніи больше жить вдали отъ васъ»... «День, когда миѣ не свѣтили ваши глаза, для меня потерянный день».

Опять то-же, что было и въ 64-мъ году: жизненные дѣла, счеты съ дядей, школа, устроенная на его средства въ Спасскомъ, мужики, «запахъ дегтя отъ смазныхъ сапоговъ двухъ попозъ изъ Спасскаго, которые пришли навѣстить меня» — все это пустяки, скучно, ненужно. А вотъ, въ Петербургѣ: «Я съ нѣжностью прохожу мимо дома, гдѣ вы останавливались, когда были въ Питерѣ. Сколько воспоминаній! Такъ давно это было — четверть вѣка, а я такъ живо все помню... Это потому, что эти воспоминанія связаны съ другими, которыя продолжаются и понынѣ почти безъ перерыва...» Горькіе годы забыты? Забыты страданія Куртавенеля, стенанія въ письмахъ къ графинѣ Ламбертъ? А осталось такое: «Не зачѣмъ и говорить вамъ, какъ много я думалъ и думаю о Баденѣ. Буду счастливъ только когда вернусь туда».

Точно бы двѣ половины, два міра. Въ одномъ Некрасовы и Губаревы, Катковы, Суханчиковы и Бамбаевы. Газеты, денежные дѣла, семейныя, ссоры, политика, можетъ быть даже «прогрессъ», можетъ быть, родина. Здѣсь всегда можно ждать оскорбленій, непониманія. Вѣчно надо что то устраивать: добиваться отъ дяди побольше доходовъ, выдавать замужъ дочь, выслушивать истерическія нападкы Достоевскаго (посѣтившаго его въ Баденѣ, безумно раздражившагося барствомъ Тургенева и тѣмъ, что былъ долженъ ему, и западничествомъ «Дыма» и каретой Тургенева). Этотъ міръ точить, мельчить, разжигаетъ тщеславіе.

Въ другомъ мірѣ — «только у вашихъ ногъ могу я ды-

шать» - Полина Віардо, Ирина, безмѣрность любви, горы, зелень, родникъ, птицы, звѣзды надъ Баденомъ. Любовь и природа — это дѣйствительно его животворило.

Одной ногою здѣсь, а другой тамъ, предъ зрѣлищемъ послѣдней тайны: Смерти, все упориѣ заглядывавшей въ глаза, и жилъ Тургеневъ въ Баденѣ. Быть можетъ, онъ не прочь былъ и закончить дни свои на берегахъ Ооса, въ германской свѣтло-зеленой странѣ, на подобіе Гете, Петrarки въ Воклюзѣ, Бембо близъ Падуи.

Но все вышло иначе. И мирное житіе кончилось, и любовь, еще разъ, обманула.

Катастрофа.

«Въ человѣческой жизни Богъ воленъ, — и если-бы и внезапно окачурился, — то ты долженъ знать, что оставленные у тебя на сохраненіи акціи мною куплены для моеѣ милой Клавдіи Віардо — и потому должны быть — въ случаѣ какой нибудь катастрофы — доставлены г-жѣ Полинь Віардо, въ городъ Баденъ-Баденъ». Такъ писалъ Тургеневъ пріятелю своему Маслову, вѣрному исполнителю порученій, въ іюнѣ 1870 г.

Письмо это помѣчено Спасскимъ. Тургеневъ часто вѣдиль лѣтомъ въ Россію — всегда теперь за однимъ: продавать какую нибудь рощицу, «землицу», и т. п. Для широкой жизни въ Баденѣ деньги необходимы. Невредны онъ и для семьи Віардо — дѣвушки подрастали, приходилось думать и о приданомъ. Вотъ деревенская жизнь Тургенева: «Я здѣсь работаю двояко: по части литературы — переправляю и перепахиваю мою повѣсть... — и по части финансовъ — продаю клочки земель и вообще стараюсь извлечь какъ можно больше «пенѣзы».

Въ Спасскомъ въ это время хорошо. Солнечныя пятна въ паркѣ, благоуханіе покоса, пчелы, земляника. Горлилки курлыкаютъ, шмели гудятъ. «А кругомъ двѣсти десятинъ волнующейся ржи! Приходишь въ какое-то неподвижное состояніе, торжественное, безконечное и тупое, въ которомъ соединяется и жизнь, и животность, и Богъ».

Повѣсть, которую онъ перепахивалъ, была «Степной король Лиръ» — вновь родная земля, воспоминанія юности. поля, черноземъ, тѣнь Варвары Петровны — на сей разъ не грозная. Баденъ далеко. Віардо тоже. Нельзя ска-

этого, чтобы все было мирно съ Полиной — нѣкія тучи появились... И писемъ изъ Спасскаго въ Баденъ за этогъ прѣздъ не видно. Все-таки и особаго мрака въ Тургеневѣ не замѣтно. Онъ мирно трудился и «торговалъ», можетъ быть, стрѣлялъ первыхъ утокъ по болотцамъ, и вѣроятно, не весьма слѣдилъ за газетами. А между тѣмъ, на любимомъ его Западѣ нарастали событія. Пока въ Спасскомъ шумѣла ржи, въ Парижѣ, Эмсѣ, Берлинѣ совершались между наполеономъ III, герцогомъ де Граммономъ, Бисмаркомъ и тѣмъ самымъ королемъ Вильгельмомъ, который слушалъ на виллѣ Тургенева оперетки — дѣла тайныя перелѣйшей важности. Объ этихъ дѣлахъ «мы» узнаемъ лишь когда раздадутся выстрѣлы.

Окончивъ деревенскія свои занятія, Тургеневъ какъ обычно выѣхалъ въ Петербургъ. И пока объѣдалъ у Анненкова въ Лѣсномъ, дружественно бесѣдовалъ съ многословнымъ Полонскимъ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ нажималъ на Пруссію съ ультиматумами. Нельзя было пустить немудрящаго нѣмецкаго принца на испанскій престолъ (предлагавшійся ему какъ удобное «мѣсто» съ хорошимъ складомъ). Тургеневъ читалъ друзьямъ въ Петербургѣ повѣсть, а самоувѣренные французы упорствовали, Вильгельмъ не очень то желалъ войны, Бисмаркъ же и Мольтке именно ее желали (и не зря) — хитрили, вызывали. И вызывали.

Революцію Тургеневъ нѣкогда, въ Парижѣ, пережилъ. Для заполненія опыта наступала его теперь война.

Онъ попалъ въ Берлинъ изъ Петербурга чуть-ли не въ мобилизацію — во всякомъ случаѣ, въ предвоенную суматоху и, вѣроятно, не безъ труда добрался до Бадена — слѣдалъ это, все-таки, во-время, ибо скоро поѣзда вовсе прекратились (для частныхъ лицъ). Все заняла война.

Иначе и быть не могло. Нѣмцы вели большую игру. Выступить противъ Франціи — это не то, что воевать съ австрійцами или датчанами. Франція считалась первой военной державой. Но нѣмцы вѣрили въ свою молодость, силу, дисциплину и на этомъ отыгрывались. Ихъ мобилизація шла безупречно. Дороги работали какъ на маневрахъ. Арміи сосредоточивались и развертывались быстрѣе, точнѣе французскихъ — наступательный порывъ тоже на ихъ сторонѣ: война начиналась удачно.

Въ Баденѣ Тургеневъ засталъ положеніе сложное. Луи-Полина Віардо — французы, «враги». Правда, они Наполе-

ону несочувствуютъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ «пораженцы» — все-же представители враждебнаго народа. Рядомъ съ этимъ, въ послѣднее время сталъ завсегдатаемъ дома новый пріятель Полины, баденскій докторъ, нѣмецъ. Онъ очень близко вошелъ въ ея жизнь, такъ близко, что надо было быть старикомъ Віардо, чтобы терпѣть это — да Тургеневымъ, тоже ко многому уже приученнымъ. (Его сопротивление могло быть лишь пассивнымъ — вотъ и не писалъ онъ писемъ изъ Спасскаго). Такъ что теперь оказались одновременно въ Баденѣ Франція, Россія, Германія. Всѣ были въ волненіи. Запутанность семейная, разноплеменность, натянутость между мужчинами, война — все тревожило. Осѣдность перестали ощущать. Баденъ недалеко отъ границы. Какъ война сложится, толкомъ не знали. Но слава Франціи была велика, и нашествія опасались. Очевидно, жили «на сундукахъ». «Мы на все готовы», писалъ Тургеневъ Милютиной 20 іюля 1870 г.: «и въ случаѣ нужды уѣдемъ въ Вильдбадъ — въ каретахъ, такъ какъ всѣ сообщенія по желѣзнымъ дорогамъ прерваны. Я горюю: «мы», т. е. семейство Віардо и я; я съ ними не разстанусь».

«На первыхъ порахъ въ успѣхахъ французскаго оружія сомнѣваться невозможно. Лишь-бы пожаръ не охватилъ всю Европу!» (Какія знакомыя слова). Такъ что Тургеневъ и Віардо предполагали бѣжать изъ Бадена «въ каретахъ» отъ французовъ, отъ «тюрокосовъ», которые якобы перейдутъ Рейнъ.

Но война развилась явно не такъ, какъ думали мирные артисты. Нѣмцы сразу взяли инициативу и повели наступательную кампацію. А французы оказались столь-же неподготовленными, какъ мы въ Крымскую войну. Войсками командовали неспособные генералы. Армія была плохо снабжена, плохо вооружена, плохо маневрировала. Событія пошли очень быстро. Неправильно сосредоточенная французская армія натыкалась отдѣльными корпусами на превосходныя силы нѣмцевъ и терпѣла пораженія. (Макъ-Магонъ подъ Фрейшвиллеромъ, Фроссаръ подъ Форбахомъ). Главнокомандующій Базэнъ сталъ отступать въ районъ Меца, на Верденъ. 18-го августа разыгралось — неизвѣстно даже, хотѣлъ этого или не хотѣлъ загадочный Базэнъ — большое сраженіе при Гравелоттѣ подъ Мецомъ — французы были попросту разбиты (обходнымъ движеніемъ саксонцевъ). Теперь нечего было беспокоиться за

Бадень Тургеневу и Виардо. Французы отступали, въ Баденѣ радостно звонили колокола, возвѣщая побѣду. Базена заперли (съ цѣлой арміей!) въ Мецѣ, начался осада Страсбурга. А 2-го сентября произошелъ величайшій скандалъ войны — сдача подъ Седаномъ, гдѣ французы попали прямо въ ловушку — въ плѣну оказался самъ Наполеонъ.

Тургеневъ и оба Виардо вначалѣ были вполне на стороне нѣмцевъ — по нелюбви къ французскому режиму. Седанъ встрѣтили одобрительно. Однако, у Тургенева въ самомъ этомъ одобреніи была уже тревога. («Я не скрываю отъ самого себя, что не все впереди розоваго цвѣта — и завоевательная алчность, овладѣвшая всей Германіей, не представляетъ особенно утѣшительнаго зрѣлища»). Бомбардировка Страсбурга совсѣмъ его не радовала. Въ сентябрьскомъ письмѣ Пичу говорится ясно: «Паденіе имперіи было большимъ удовлетвореніемъ для бѣднаго Виардо. Конечно, теперь сердце его обливается кровью, но онъ сознаетъ вполне, что все это -- заслуженная Франціей кара. Что касается меня, то я, какъ вамъ хорошо извѣстно, настроенъ совершенно какъ нѣмецъ. Уже потому, что побѣда Франціи была-бы гибелью свободы. Вотъ только не слѣдовало жечь Страсбурга».

Подходило время и тургеневскому сердцу обливаться кровью: раззоряли Францію, родину Подины. Громилъ тогда самый Куртавенель, гдѣ столько было пережито. Если плохъ Наполеонъ, то противень и Бисмаркъ со всей прусской воениной, тупой и грубой. Тургеневъ любилъ Германію. Но Германію «Аси» и Гейдельберга, Бадена, гетевского Веймара. Эта Германія въ побѣдоносной войнѣ кончалась, какъ на нашихъ глазахъ кончилась «милая» Италія, великая Россія. Машина, духъ которой впервые почувствовала онъ нѣкогда въ Парижѣ, читая въ Пала-Роялѣ объ успѣхахъ Америки, теперь выступила и въ Европѣ. Машина разгромляла старую, пусть и порочную, но артистическую Францію.

Завѣщая Маслоу акціи для Диди, Тургеневъ думать о собственной смерти — эту катастрофу имѣлъ въ виду. Жизнь преподнесла ему другую.

Въ домѣ Виардо работали для нѣмецкихъ раненыхъ, театръ войны удалялся, кареты въ Вильдбадѣ были ненужны. Но все-же Луи и Полина Виардо — французы. Въ извѣстный (и быстро наступившій) моментъ имъ пришлось

Бадень покинуть. Мирно-идиллическая жизнь кончилась. И не только покинуть, но и потерять достоинствѣ. Виардо собрались и уѣхали — такъ спѣшили и такъ, очевидно, были подавлены, что многого не доглядѣли: напимѣръ, того, что таинственный докторъ въ суматохѣ похитилъ у Полины всѣ письма Тургенева, съ 1844 по 1870 годъ.

Самъ Тургеневъ нѣсколько запоздалъ — изъ-за болѣзни (въ эти годы подагра уже мучила его). Но одному въ Бадень не усидѣть. Въ концѣ октября онъ укладывается, а въ ноябрѣ уже въ Лондонѣ — тамъ и семья Виардо.

Мракъ, туманъ Лондона, холодная квартира, болѣзни, полу-эмигрантская жизнь. Полина даетъ уроки, выступаетъ кое-гдѣ публично. Держится бодро, мужественно. Весна ея плечахъ. Имя и жизненность выручаютъ: уроки по-прежнему цѣнятся высоко — 100 фр. часъ — семья не опускается.

А во Франціи продолжается война. формируются арміи въ провинціи, Парижъ осажденъ, взять, торжество нѣмцевъ полное.

Зимніе мѣсяцы Тургеневъ провелъ въ Лондонѣ. На февраль-мартъ выѣхалъ въ Петербургъ — снова за деньгами. Теперь трудно приходится не только Виардо, но и собственной его дочери (вышедшей въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ замужъ за французскаго коммерсанта Брюэра). Вѣроятно, въ связи съ войной Брюэры на краю гибели: вновь является пріятель Масловъ. «Любезный Иванъ Ильичъ! Анненковъ прислалъ мнѣ письмо моей дочери, которое состоитъ изъ одного воля; если она въ скорости не будетъ имѣть 40.000 франковъ, то она съ мужемъ погибла» — и далѣе ясно, что продавая имѣніе Кадное, можно «уступить двѣ-три тысячи рублей» — лишь-бы продать.

Это посѣщеніе Петербурга тѣмъ лишь отличается отъ прежнихъ, что всѣ — и дружескія, и свѣтскія встрѣчи, и обѣды, и выступленія идутъ на фонѣ войны. (Русское общество за Францію, жалѣютъ взятый Парижъ, ужасаются условіямъ мира, контрибуціи, и т. п.). Обо всемъ этомъ пишетъ Тургеневъ Полину въ Лондонѣ. Пишетъ спокойно, сдержано — совсѣмъ не въ тонѣ писемъ въ Бадень отсюда-же, въ шестидесятыхъ годахъ. Нѣтъ прежняго раскрытія сердца, восторга... Не зря таинственный докторъ сидѣлъ ежедневно передъ войной у Полины. Пусть сейчасъ его нѣтъ въ Лондонѣ — все-же онъ былъ, довольно дол-

го, уиорно — увезъ в сѹю прежнюю переписку Тургенева: въ сущности, похитить цѣлую жизнь!

Эти петербургскія письма (февраль-мартъ 1871 г.) — послѣднiя къ Вiардо. Изъ нихъ можно узнать многое о настроенiяхъ столицы, о концертахъ, Рубинштейнѣ, композиторѣ Сѣровѣ, Антокольскомъ, объ успѣхѣ «Степного короля Лира», о великой княгинѣ Еленѣ, и т. п. — только не о сердцѣ Тургенева: оно какъ бы завѣшено легкой, но горестно-непроницаемой вуалью.

Онъ вернулся въ Лондонъ весной. Францiя была въ отчаянiи. Недостаточно свергнуть Наполеона. Тяжкiя чувства пораженiя искали еще выходовъ — болѣе кровавыхъ. Коммуна въ Парижѣ продолжила тотъ-же 48-й годъ, который пришлось ему нѣкогда видѣть вблизи. Парижъ бунтовалъ, бушевалъ. Нѣмцы злорадно взирали на братоубийственную брань — теперь Тьеру и версальцамъ приходилось усмирять, съ высотъ С. Клу, обезумѣвшiй городъ. До Тургенева, въ Лондонъ, какъ и до Флобера, въ Руанъ, доносились лишь стоны этой новой войны. Впечатлѣние отъ нея, даже издали, было ужасное (такъ-же чувствовали и Флоберъ). Тургеневу просто казалось, что отъ Францiи остается «мокрое пятно».

Но ни Францiя, ни Парижъ не пропали. Тьеръ пролил море крови, чуть не все рабочее населенiе города погибло (одолѣла Францiя крестьянская и мелко-собственническая), но Парижъ уцѣлѣлъ, хоть и пострадалъ въ бомбардировкахъ и бояхъ. Кровь быстро замывается. Погибшихъ забываютъ, дома застраиваются, мостовыя чинятъ... жизнь идетъ. Миръ заключенъ. Начинаютъ — безъ особыхъ затрудненiй — платить контрибуцiю. Скоро страна, противъ всякихъ ожиданiй, зацвѣтетъ вновь. Вiардо временно возвращаются въ Баденъ. Тамъ распродаютъ, что можно. Плодаль заодно и Тургеневъ свой домъ, надъ которымъ столько трудился, гдѣ, можетъ быть, собирался кончать дни. И великiй Парижъ, оживающiй, вновь всасываетъ эту странную русско-французскую семью. Въ декабрѣ всѣ уже на rue Douai.

Чужiя бѣды мало задѣли Тургенева. На «событiя» французскiя онъ никакъ не откликнулся. Внутренняя жизнь шла своими, особенными путями. На новомъ мѣстѣ, послѣ мытарствъ, изгнанничества, потрясенiй написалъ онъ (быстро и оживленно), послѣднюю свою повѣсть о любви здѣшной — «Вещнiя воды», столь-же не имѣвшую связи съ

войной, какъ «Первая любовь» съ освобожденіемъ крестьянъ. Вспомнился давній Франкфуртъ, кондитерская, прекрасная еврейка (обратившаяся въ итальянку Джемму), и еще разъ явилась «роковая женщина». Еще разъ показана «страшная» сила любви, владычество женское, слабость, позоръ мужчины. Нѣкогда Пѣтушковъ погибъ у булочницы. Потомъ «Алексѣй Петровичъ» поддался ничтожной танцовщицѣ, Литвиновъ бросилъ невѣсту для Ирины — а теперь въ «любовь-болѣзнь» попалъ Санинъ. Основная тургеневская черта все еще неизжита...

«Всшія воды» вещь глубоко-тургеневская, фатальная, очень значительная. Она рождена важными душевными событіями. Недаромъ писалъ онъ изъ Петербурга Пзлинъ о только что привезенномъ въ Эрмитажъ сфинксѣ: «Я-бы очень хотѣлъ, чтобы Віардо посмотрѣлъ этого сфинкса».

Самъ онъ насмотрѣлся на него въ жизни достаточно.

Бор. Зайцевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

И з ъ п р о ш л а г о

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ *).

XII.

Я останавлиюсь теперь вкратцѣ на польскомъ вопросѣ. Въ немъ за либеральною мыслью была большая заслуга; правда и вопросъ былъ прощѣ финляндскаго. Если Финляндія была въ такомъ привилегированномъ положеніи, что было несправедливо клеймить какъ реакцію всякую попытку измѣнить status quo, то грѣхи старой русской политики относительно Польши бросались въ глаза. Не только постыдное участіе Россіи въ польскихъ раздѣлахъ, т. е. отдача славянскихъ земель ихъ пѣмечкимъ сосѣдямъ, но и позднѣйшая анти-польская политика въ этнографической Польшѣ, стремленіе вытравить изъ польскихъ умовъ ихъ національныя воспоминанія, были со стороны русской власти и жестокостью и ошибкой. А эта ошибка заслоняла въ глазахъ Польши и прочаго міра всѣ другія стороны дѣла. Сочувствіе обиженной Польшѣ со стороны либеральной общественности было естественно. Польша являлась въ ея глазахъ угнетенною жертвою, тѣмъ болѣе заслуживающей состраданія, что она свое угнетеніе хорошо сознавала. Но общественность не только рѣзко осуждала нашу официальную политику; на земскихъ сѣздахъ ея лѣвое радикальное крыло, будущая к.-д. партія сумѣла дать польской проблемѣ реальное разрѣшеніе: она предложила польскую автономію въ составѣ Россіи. Это было не книжной выдумкой, а простымъ возвращеніемъ къ эпохѣ Александра I, когда онъ сдѣлалъ свой рискованный жестъ и присоединилъ этнографическую Польшу къ Россіи. Ошибка этого присоединенія была смягчена тогда тѣмъ, что оно сопровождалось дарованіемъ Польшѣ государственной автономіи. Но мѣст-

*) «Соврем. Записки» № 44.

ная автономія естественно не ужилась съ Самодержавной Россіей и въ результатѣ осталось голое подчиненіе этнографической Польши русскому Самодержцу. Предстоящее превращеніе Россіи въ конституціонное государство давало поводъ вернуться къ старому опыту и на этотъ разъ онъ имѣлъ болѣе шансовъ удался. Во всякомъ случаѣ болѣе благопріятнаго для Польши рѣшенія въ то время быть не могло; о независимости говорить было рано; своей «независимости» противъ нѣмецкихъ сосѣдей одна русская Польша отстоять не смогла бы. Потому до войны автономія Польши была не только справедливой, но и вполнѣ достаточной программой для либерализма. Либыло, что на этомъ вопросѣ либерализмъ тѣмъ не менѣе раскололся. На земскихъ сѣздахъ противникомъ радикальной польской программы выступило земское меньшинство, будущая октябристская партія, которая утверждала, что Польша не должна имѣть болѣе правъ, чѣмъ остальная Россія. На этомъ вопросѣ впервые тогда намѣтилось расхожденіе двухъ крыльевъ передового земства: либерализма и радикализма. Аргументъ земскаго меньшинства не былъ удаченъ; онъ былъ въ сущности отрицаніемъ особенныхъ правъ національностей, отрицаніемъ историческихъ правъ. Въ этомъ аргументѣ была и непослѣдовательность; октябристская партія не отвергала умѣстности для Польши особаго законодательства, Кодекса Наполеона, спеціального крестьянскаго устройства и т. п.; но допуская особое законодательство, она не хотѣла, чтобы для него былъ особенный законодательный органъ, хотѣла слѣдовательно, чтобы мѣстные законы вотивались тѣми, кто ихъ и не будетъ къ себѣ примѣнять. Это было противорѣчіемъ самому принципу самоуправленія. Такимъ образомъ позднѣйшую кадетскую программу — Польскую автономію въ предѣлахъ Россіи, — можно было считать разумной и максимальной программой. Независимость Польши, предполагавшая ея воссоединеніе, была международной проблемой и могла явиться только въ условіяхъ войны; до войны возвѣщать такую программу было бы фанфаронствомъ. А во время войны и знаменитый Манифестъ Великаго Князя, обѣщавшій воссоединеніе польскихъ частей въ предѣлахъ Россіи, становился уже нереальной утопіей. Воссоединенная Польша не могла остаться частью Россіи; она могла стать ея другомъ и союзникомъ, соединиться

съ ней разнообразными договорами, но не могла остаться ея хотя бы автономною частью. Для такого рѣшенія не было ни исторической, ни политической почвы.

И однако, несмотря на всю разумность польской программы, либерализмъ въ своей тактикѣ не избѣжалъ рокового влiянiя «освобожденской психологiи». Тактика видѣла главный фронтъ въ борьбѣ съ Самодержавiемъ и должна была устранять все, что могло разстраивать коалицію. Широкая передовая общественность стала поэтому замалчивать тѣ стороны русско-польской проблемы, гдѣ правда была на сторонѣ не Польши, а національной Россiи. Интересы Россiи защищало ея правительство и этого было достаточно; либерализмъ той эпохи солидарнымъ съ правительствомъ быть не хотѣлъ. Какъ послѣдствiе такой тактики защита національных интересовъ Россiи сдѣлалась монополией праваго лагеря и стала восприниматься широкимъ общественнымъ мнѣнiемъ какъ признакъ реакционности.

Этой другой скрываемой стороной проблемы были отношенiя поляковъ къ русской национальности тамъ, гдѣ поляки почему-либо были сильнѣе. Уничтоженiе Польши, какъ государства, уничтожило и тотъ гнетъ ея надъ непольскими национальностями, который былъ главной причиной вражды Польши съ Россiей въ 18 вѣкѣ. Но слѣды этого стараго гнета остались въ иныхъ формахъ; ихъ можно было наблюдать и въ Восточной Галиции и въ нашемъ Сѣверо-Западномъ краѣ и даже въ части конгрессовой Польши, въ Холмской Руси. Формы его были различны. Только съ натяжкой можно было бы говорить объ единой польской политикѣ въ трехъ частяхъ прежней Польши и дѣлать одну отвѣтственной за другую. И если даже такая ихъ солидарность была бы на дѣлѣ, она явилась бы только законной карой за грѣхъ польскихъ раздѣловъ. Но это не мѣняло вопроса.

Русскiй либерализмъ, если онъ хотѣлъ быть не утопiей, а реальной программой, очевидно могъ ставить польскую проблему не въ европейскомъ, а только въ русскомъ масштабѣ. Но и въ немъ она имѣла двѣ стороны. Проблему этнографической Польши присоединенной къ Россiи, гдѣ идея автономiи была совершенно достаточно, и проблему Сѣверо-Западнаго края, оторваннаго отъ Польши Екатериной II, гдѣ польскiй элементъ былъ въ меньшинствѣ, но гдѣ польскiй гнетъ далъ когда-то поводъ Россiи вмѣ-

шаться. Тотъ же Б. Н. Чичеринъ, который еще въ 90-хъ годахъ рекомендовалъ вернуть Польшу ея государству, утверждалъ, что Северо-Западный край не Польша и долженъ оставаться въ составѣ Россіи. Мало того. «Полонизація» въ немъ русскаго населенія, возможная благодаря культурному и соціальному преимуществу польскаго меньшинства, съ русской точки зрѣнія была конечно нежелательна и съ ней должно было бороться. Не тѣми пріемами, которые употребляла наша неумѣлая власть, но все же бороться и защищаться. Было бы односторонней правдой, т. е. неправдой представлять весь русско-польскій конфликтъ какъ преслѣдованіе русскою властью культурнаго польскаго населенія. Наши правыя партіи, которые съ радостью говорили о томъ, что больше нѣтъ Польши, а есть только Привислянскія губерніи, и польскіе патріоты, которые повсюду видѣли въ себѣ жертву только русской физической силы, были одинаково односторонни. Либерализмъ долженъ былъ показать сложность русско-польской проблемы и указать способы ея полнаго разрѣшенія. Война съ Самодержавіемъ въ этомъ ему помѣшала. А между тѣмъ отъ справедливаго разрѣшенія этой проблемы зависѣлъ не только внутренней миръ въ Россіи, возможность соглашенія между славянствомъ, что мы ясно ощутили на Славянскомъ Съѣздѣ въ Прагѣ въ 908 году; отъ нея зависѣлъ миръ даже Европы, ибо русско-польская распря бросала свой отпечатокъ на всѣ международныя отношенія. И такую громадную проблему Освободительное Движеніе разсматривало тогда исключительно подъ угломъ своей борьбы съ Самодержавіемъ и съ правительствомъ. Преходящія выгоды, которыя въ тотъ моментъ принесла ему такая упрощенная постановка вопроса, сторицей окупались тѣмъ зломъ, которое она причиняла не только либерализму, но всему русскому дѣлу, давая оружіе въ руки врагамъ и того и другого. До 1917 года отъ этого страдалъ русскій либерализмъ, который разрѣшеніе этихъ вопросовъ передавалъ правымъ партіямъ, позволяя заподозривать себя въ равнодушіи къ національному дѣлу; а послѣ 1917 г. мы могли увидать, какъ отъ этого страдало и наше русское дѣло. Мы и въ польскомъ вопросѣ столкнулись съ послѣдствіями не только нашей близорукой официальной политики, но и тактическихъ либеральныхъ ошибокъ.

Объ этомъ тоже можно вспоминать безъ горечи. Об-

стоятельства сложились такъ, что и эти ошибки практическихъ послѣдствій для насъ не имѣли. На Версальскомъ конгрессѣ, когда за Россіей никакихъ реальныхъ силъ не стояло и вопросъ объ ней рѣшался только европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ, мы нашего спора за нее не потеряли. Онъ былъ проигранъ позднѣе не нами, а большевиками. Говорю пока лишь о цѣлости Россіи; только она встала на обсужденіе конгресса. Въ этой же постановкѣ сталъ тогда на очередь и русско-польскій вопросъ. Онъ обсуждался на конгрессѣ не безъ участія русскихъ. Официальнаго русскаго представительства не было и быть не могло. Никто въ этотъ моментъ не могъ выносить рѣшенія за Россію и ее этимъ связывать. Претензіи въ этомъ смыслѣ, на которыхъ настаивало наше военное командование*), приняты въ уваженіе не были. Равноправнымъ членомъ на конгрессѣ отъ Россіи никто не былъ допущенъ. Это было не только логично, но для Россіи, пожалуй, и лучше. Мы не были столько сильны, чтобы имѣть возможность настоять на своихъ притязаніяхъ. Намъ могли заставить присоединиться къ рѣшеніямъ, отъ которыхъ было лучше избавить Россію. Но если мы не могли рѣшиться за нее, то мы по крайней мѣрѣ могли ее защищать, напоминать о ея правахъ и интересахъ, предоставляя Конгрессу дѣлать изъ этого выводы. Конгрессъ ими не пренебрегъ; польскій, бессарабскій, прибалтійскій вопросы не были рѣшены противъ насъ. По всѣмъ этимъ вопросамъ мы были приглашены давать объясненія и они тогда были уважены. Неблагопріятныя рѣшенія были приняты уже послѣ, когда большевистская власть показалась упроченной и характеръ ея опредѣлился. Продолжать считать фактически отдѣлившіяся отъ Россіи окраины частью Россійской державы государства не захотѣли; отдѣленіе ихъ отъ Россіи они признали законнымъ. Но это уже другая страница исторіи.

На Версальскомъ конгрессѣ мы были приглашены изложить свою точку зрѣнія по польскому вопросу 14 мая 1919 года въ многолюдной комиссіи подъ предсѣдательствомъ Жюля Камбона. Въ качествѣ посла я получилъ приглашеніе съ правомъ привести съ собой другихъ лицъ по назначенію Политическаго Совѣщанія. Со мной въ

*) Красный Архивъ. XXXVII, стр. 81. Телеграмма Нератова Сазонову.

этой комиссіи были: Сазоновъ, ген. Занкевичъ, Третьяковъ, Струве и Манделъштамъ. Послѣ приветственной рѣчи Ж. Камбона намъ было предложено высказаться. Наша позиція была очень ясна. Мы отрицали право конгресса распорядиться русской территоріей помимо Россіи. На этой же почвѣ мы стояли въ вопросѣ о Балтикѣ и Бессарабіи и конгрессъ сталъ на нашу точку зрѣнія. Но съ Финляндіей и Польшей это было невозможно. Намъ было необходимо дать объясненіе, почему независимость этихъ странъ могла быть законно установлена и безъ Россіи. Въ Финляндскомъ вопросѣ, какъ я указывалъ раньше, этому помогло особенное правовое положеніе Финляндіи; въ польскомъ же мы къ счастью могли опираться на декларацию Польской независимости, уже сдѣланную Революціоннымъ Правительствомъ. Можно было сомнѣваться, чтобы этотъ вопросъ входилъ въ ея компетенцію; но это сомнѣніе было нашимъ внутреннимъ дѣломъ. Для Европы Россія высказалась, и мы могли не протестовать противъ выводовъ, которые изъ этой деклараціи были Европой сдѣланы. А такъ какъ въ этой деклараціи было указано, что Россія признаетъ независимость Польши въ ея этнографическихъ границахъ, то передъ конгрессомъ сталъ одинъ вопросъ, гдѣ именно эти границы проходятъ. Мы обратились къ статистикѣ, даже къ польской статистикѣ и она была краснорѣчива. Этнографическій споръ поэтому нами былъ выигранъ; Комиссія, а потомъ Конференція провели Восточную границу Польши тамъ, гдѣ мы ее хотѣли (за однимъ исключеніемъ). Эта граница стала позднѣе извѣстна подъ именемъ линіи Керзона и почти совпадала съ линіей конгрессовой Польши. Но рѣшеніе Конгресса привело поляковъ въ такое смущеніе, что они убѣдили конгрессъ этой линіи пока не опубликовать; она-де вызоветъ негодованіе въ Польшѣ. вмѣстѣ съ нею Конгрессъ помѣстилъ въ договорѣ пресловутую статью 87*), гдѣ вопросъ о восточныхъ границахъ Польши былъ оставленъ открытымъ, но зато Польша обязывалась принять линію, которая будетъ ей указана великими державами, т. е. въ сущности ту линію, на которую эти державы фактически уже согласились. Это было замаскиро-

*) Les frontières de la Pologne qui ne sont pas spécifiées par le présent traité seront ultérieurement fixées par les principales puissances alliées et associées.

вано соглашеніемъ Польши на ту линію, которую державы ей уже назначили. Чтобы позднѣе отъ нея отступить надобно было поставить Европу передъ совершившимся фактомъ, вызвать войну и новый миръ, уже Рижскій. Если бы большевики въ это время, какъ всѣ ожидали, свалились, или если бы они вели себя умнѣе, были всѣ шансы, что русско-польская граница осталась бы тамъ, гдѣ она была державами впервые указана Польшѣ.

Итакъ споръ былъ нами выигранъ; это не мѣшало намъ все же замѣтить вредныя отголоски прежней либеральной позиціи. Члены комиссіи задавали много вопросовъ, почерпнутыхъ изъ оппозиционныхъ думскихъ рѣчей, сказанныхъ какъ по поводу введенія земства въ Сѣверо-западномъ краѣ, такъ и по поводу выдѣленія Холмичины. Намъ указывали, что мы сами тогда оспаривали тѣ статистическія данныя, на которыхъ теперь мы ссылаемся. Обо всемъ этомъ члены комиссіи были превосходно освѣдомлены поляками. Мнѣ, какъ единственному члену Государственной Думы изъ нашей делегаціи, приходилось на эти вопросы давать объясненія и ослаблять силу нашихъ прежнихъ нападокъ. Я долженъ былъ раскрывать политическую подкладку преній въ Государственной Думѣ, тенденціозность обѣихъ сторонъ, относительную цѣлность тогдашнихъ этнографическихъ аргументовъ. Одинъ изъ представителей американской делегаціи Лордъ, задававшій много вопросовъ, 20 мая пріѣхалъ ко мнѣ поговорить обстоятельнѣе. Онъ не понималъ, почему либеральная оппозиція Думы, если она была согласна, что польскій элементъ и въ Холмищинѣ и въ Сѣверо-западной Россіи былъ въ меньшинствѣ, могла вести кампанію противъ столыпинскихъ законопроектовъ? Почему мы отрицали ихъ въ принципѣ, вмѣсто того, чтобы ограничиться только поправками къ нимъ? Я старался это ему объяснить и Лордъ меня какъ будто бы понималъ. Но европейское общественное мнѣніе нашей тонкой позиціи безъ комментариевъ не понимало. И характерно, что единственный пунктъ, который, какъ я выше указывалъ, на Конгрессѣ мы проиграли, былъ пунктъ о Холмищинѣ. Она была оставлена за Польшей и при лиціи Керзона. Этого мало; въ числѣ аргументовъ, которыми Комиссія, а затѣмъ и Великія Державы это свое рѣшеніе официально мотивировали, былъ также и тотъ, что «*l'opinion liberale en Russie a condamné le projet*» (выдѣленіе Холмичины) и, что слѣдова-

тельно весь законопроектъ былъ изобрѣтеніемъ русской «reakція», «qui poursuivait dans le pays une politique de russification».

Все это имѣетъ сейчасъ только академическій интересъ. Но именно потому можно объ этомъ судить объективно. Становилось ясно, насколько либеральная позиція была бы сильнѣе и понятнѣе для Европы, если бы въ рамкахъ либеральнаго воззрѣнія мы отстаивали бы полностью наши государственные интересы, вмѣсто того, чтобы ихъ замалчивать, а иногда отрицать; если бы вмѣстѣ этого мы въ свое время не заботились болѣе всего о томъ, чтобы дискредитировать весь нашъ старый государственный строй и даже попытки нашей прежней власти защищать наши національные интересы.

Этимъ я менѣе всего хочу нашу официальную политику идеализировать и ея грѣхи игнорировать. На Версальскомъ Конгрессѣ мы неоднократно имѣли случай убѣдиться и въ томъ злѣ, которое эта политика причиняла русскому дѣлу. Это пришлось увидѣть хотя бы въ той же польской комиссіи и въ тотъ же день, когда мы защищали въ ней русскіе интересы. Покончивъ съ русско-польской границей председатель Камбонъ неожиданно предложилъ намъ изложить нашъ взглядъ на вопросъ о Восточной Галиціи. Этотъ вопросъ формально насъ не касался, и мы давать по нему объясненій не приготовились. Но основныя положенія были въ нашей средѣ все-таки выработаны. Я отвѣтилъ Камбону, что по вопросу о Восточной Галиціи мы никакихъ притязаній не заявляемъ. «Если мы отстаивали цѣлость Россіи и утверждали, что Версальскій Конгрессъ безъ согласія Россіи не можетъ располагать ся территоріей, то тамъ, гдѣ рѣчь идетъ не о русскихъ, а объ австрійскихъ земляхъ, мы оставляемъ за Конгрессомъ свободу и аннексіи не требуемъ. Какъ русскіе мы претендуемъ лишь на одно: чтобы по общему праву русскому населенію Восточной Галиціи предоставлено было самому сказать чего оно хочетъ и никакихъ ограниченій ему въ его волѣ не ставили. Если оно захочетъ быть независимымъ или хочетъ остаться въ предѣлахъ Польши, это дѣло его; мы не возражаемъ и его рѣшеніе принимаемъ заранѣе. Но зато, если бы это населеніе захотѣло присоединиться къ Россіи, ему въ этомъ мѣшать не должны. Въ моментъ переустройства Европы на національныхъ началахъ исключеніе для одной Восточной Галиціи было бы

и непослѣдовательно и опасно. Русское населеніе, которое противъ его желанія оставлено было въ польскихъ предѣлахъ, прибѣгло бы впослѣдствіи къ защитѣ Россіи. Не во имя историческихъ правъ и политическихъ притязаній Россіи, а во имя будущаго мира Европы, мы можемъ настаивать, чтобы съ Восточной Галиціей поступили такъ же точно, какъ съ другими національностями». Помню сочувственное изумленіе Комиссіи, вызванное этимъ отвѣтомъ. Намъ болѣе трогать не стали и дополнительныхъ вопросовъ намъ не задавали. Но тотъ-же американскій делегатъ подтвердилъ мнѣ потомъ, что это заявленіе произвело на комиссію большое и благоприятное для насъ впечатлѣніе: Онъ прибавилъ, что если бы мы заняли другую позицію и стали бы требовать присоединенія Восточной Галиціи, онъ самъ сталъ бы намъ возражать; въ рукахъ его и комиссіи былъ богатѣйшій и убійственный для насъ матеріалъ о нашей политикѣ во время недолгой военной оккупации нами Галиціи. Этотъ матеріалъ непременно былъ бы использованъ противъ насъ.

Такъ въ общественномъ мнѣніи Европы, сила котораго всего рѣшительнѣй сказалась именно на Версальскомъ конгрессѣ, ибо отъ него тогда зависѣла участь нашихъ желаній, наша прежняя официальная политика сыграла роль отрицательную. Намъ приходилось отъ нея отречься и намъ было выгодно, что мы имѣли право солидарности съ ней отклонять и что новой Россіи въ этомъ вѣрять могли. Но все-таки было печально, что защита нами національныхъ интересовъ Россіи въ рядѣ вопросовъ могла казаться измѣной прежней либеральной позиціи; и такъ могло казаться не потому, что русскій либерализмъ къ этимъ интересамъ былъ равнодушенъ, а потому, что на первомъ планѣ у него стояла не борьба за нихъ, а только борьба противъ русскаго строя и русскаго правительства. Тамъ шелъ его главный фронтъ.

Тѣ же явленія въ разнообразныхъ формахъ повторялись со всѣми національными меньшинствами Россіи. Позиція либерализма относительно ихъ всѣхъ была правильна; либерализмъ уважалъ права Русской Имперіи, но признавалъ и права національныхъ меньшинствъ. Онъ не хотѣлъ давить на меньшинства, но не соглашался и разбазаривать русское достояніе. Онъ ставилъ задачей примиреніе двухъ равно законныхъ стремленій, частей и цѣлаго. Но условія Освободительнаго Движенія де ф о р м и

ровали эту его настоящую программу. Самодержавіе вызвало къ жизни «Освободительное Движеніе» съ его односторонностью, и этимъ превратило либерализмъ изъ государственнаго міровоззрѣнія въ исключительно оппозиционную категорію. Государство въ свое время не умѣло быть «либеральнымъ» и этимъ отучило либерализмъ быть «государственнымъ». Будучи виртуозомъ въ борьбѣ съ властью, либерализмъ впоследствии не сумѣлъ ни самъ быть властью, ни даже на власть морально вліять.

ХІІІ.

Ни въ чемъ это перерожденіе либерализма въ радикализмъ не сказалось съ такой рѣзкостью, какъ въ его пораженческомъ настроеніи по отношенію къ русско-японской войнѣ.

Вспоминаю объ этомъ сейчасъ болѣе всего потому, что наша позднѣйшая пресса это иногда отрицала. Такъ въ № 21 іюня 1928 г. «Послѣднія Новости» въ передовой статьѣ написали: «не мы были пораженцами въ Дальне-Восточной войнѣ Россіи». Поскольку передовица есть личное произведеніе, я не имѣю права оспаривать ея автора. Очевидно самъ онъ пораженцемъ въ то время не былъ. Но поскольку рѣчь идетъ не объ личности, а о политическомъ направленіи въ цѣломъ, мои воспоминанія идутъ въ полный разрѣзъ съ такимъ утвержденіемъ. Я его могу объяснить лишь предположеніемъ, что послѣ пережитыхъ настроеній великой войны, психологія пораженчества представляется либерализму настолько чужой, что онъ не можетъ вѣрить ей и въ нашемъ прошломъ. Но это самообманъ.

Конечно и тогда среди либеральныхъ людей могли быть лица, которыя желали побѣды Россіи. Но общее настроеніе, которое вліяло и на отдѣльныхъ людей, было не таково. Пусть радость отъ Японскихъ побѣдъ публично не выражалась; хотя были примѣры и этого, и либеральное общественное мнѣніе ихъ тогда не касалось. Но зато передовое общество опредѣленно недружелюбно относилось ко всѣмъ патріотическимъ выступленіямъ этого времени, находя, что ему необходимо отъ нихъ «отмежевываться». Оно относилось къ нашимъ военнымъ несчастьямъ такъ равнодушно, какъ будто пораженія терпѣ-

до только правительство и какъ будто эти пораженія давали обществу лишь поводъ изливаться за это на правительство свое негодованіе. Въ эти годы не было ничего похожаго на то патріотическое настроеніе общества, которое мы пережили въ началѣ Великой войны. Въ моей памяти живы многія яркія сцены давно прошедшаго времени эпохи 1904 года; я вспоминаю о нихъ безъ всякаго удовольствія; завидую тѣмъ, кто ихъ тогда не замѣчалъ или о нихъ такъ легко позабылъ.

Но когда имѣешь дѣло съ явленіемъ настолько общимъ его надо не отрицать, а объяснять. Пораженчество этого времени не было равнозначуще равнодушію къ интересамъ Россіи. Тогда по Москвѣ ходила фраза, будто бы сказанная Чичеринымъ незадолго до смерти: «Ужасъ нашъ въ томъ, что мы не смѣемъ желать побѣды Россіи». Не знаю, была ли эта фраза дѣйствительно сказана; но въ недавно вышедшемъ томѣ воспоминаній Чичеринъ говорить то-же самое о Крымской войнѣ. А эта мысль и есть типичная формула пораженчества. Въ основѣ ея лежитъ одна предпосылка: внѣшнія неудачи Россіи, даже потеря ея территорій принесутъ ей меньше вреда, чѣмъ продолженіе режима, который въ ней существуетъ. Такъ ли это — вопросъ факта; ошибка возможна. Но за самое разсужденіе, повидимому, никто не имѣетъ права другихъ порицать; всѣ иногда такъ разсуждаютъ. И тѣ, кто сейчасъ при большевизмѣ клеймятъ пораженчество, хотя сами были пораженцами въ 905 г., и тѣ, которые клеймили его въ 905 г., но зато стали пораженцами при большевикахъ. И для объясненія нашего прошлаго пораженчества не лишено интереса, что если Японская война не была предотвращена, то между прочимъ потому, что ея хотѣлъ Плеве по соображеніямъ внутренней политики, для торжества надъ освободительнымъ движеніемъ. Если временщикъ той эпохи видѣлъ въ войнѣ средство спасти заколебавшійся подъ общимъ напоромъ режимъ, то въ этомъ лежитъ доля оправданія тѣмъ, кто по той же причинѣ не хотѣлъ успѣха. Это о у средству. И не является ли смягчающимъ вину обстоятельствомъ, что интересовъ Россіи въ Японской войнѣ наше политически неразвитое общество не понимало и не цѣнило и видѣло въ нихъ интересы вообще не Россіи, а только режима и его паразитовъ?

Если мои личныя воспоминанія, какъ и всякія воспоминанія, субъективны и могутъ быть отведены, то любо-

пытно посмотрѣть на официальный органъ движенія, на «Освобожденіе». Въ немъ сохранились характерные слѣды этого столкновенія мировоззрѣній, поучительные для тѣхъ, кто сейчасъ ихъ хочетъ забыть.

Въ первомъ «Листкѣ Освобожденія» (11/24 февраля 904 г.) появилась статья — «письмо къ студентамъ», за подписью Струве; авторъ, не покидая борьбы съ Самодержавіемъ, не рекомендуя во имя войны забыть внутреннія распри и идти на помощь правительству, т. е. не предлагая позиціи, которую русскій либерализмъ занялъ въ 914 г., все же рѣшился высказать мнѣніе, что патріотическое воодушевленіе страны, вызванное войной съ внѣшнимъ врагомъ, совмѣстимо и съ либерализмомъ, и даже съ борьбой противъ Самодержавія. Нѣ бойтесь быть патріотами, говорилъ Струве; не смущайтесь тѣмъ, что интересы Россіи отстаиваются ненавистной для всѣхъ насъ властью; не расходитесь съ народомъ въ его патріотическомъ воодушевленіи; не предавайте арміи, русскихъ солдатъ, которые вызваны силой вещей проливать кровь и гибнуть. И Струве рекомендуетъ въ качествѣ лозунговъ военнаго времени, кричать: «да здравствуетъ Россія! Да здравствуетъ армія! Да здравствуетъ свободная Россія!»

Характеренъ тотъ откликъ, который вызвало это несколько не ретроградное, но только патріотическое выступленіе Струве. Его выразителемъ былъ С. С., занимавшій видное мѣсто среди сотрудниковъ Освобожденія и руководителей общества. Въ письмѣ къ Редактору въ № 43 Освобожденія (7 марта 904 г.) онъ высказалъ недоумѣніе передъ совѣтами Струве. Въ Освобожденіи былъ только что оглашенъ происходившій въ Россіи характерный случай. На одномъ изъ земскихъ собраній при чтеніи «патріотическаго адреса» одинъ, находившійся въ публикѣ студентъ не всталъ, а остался сидѣть. Профессоръ Московскаго Университета Зографъ усмотрѣлъ въ этомъ враждебную демонстрацію и набросился на него съ упреками, крича: «вы русскій или не русскій»? Этотъ банальный примѣръ шовинистической нетерпимости далъ поводъ С. С. развить свою руководящую аргументацію. «Пока Зографы, т. е. патріоты въ кавычкахъ, объясняютъ онъ, кричать: да здравствуетъ Россія и да здравствуетъ армія, мы кричать этого не можемъ. Мы рѣшительно не хотимъ, чтобы здравствовала та Россія, въ которой Зографы «та-

щуть и не пушаютъ». Мы ничего не имѣемъ противъ арміи, но пока она будетъ кулацкимъ символомъ русскаго нахальства и безотвѣтственной жертвой Зографской русскои внѣшней политики, мы не станемъ кричать, «да здравствуетъ русская армія». И какъ выводъ С. С., совѣтуетъ и во время войны повторять «испытанный лозунгъ» — долой самодержавіе.

Элементы пораженчества всѣ въ этомъ заявленіи. Въ моментъ серьезной войны съ внѣшнимъ врагомъ, когда на карту были поставлены національные интересы Россіи и за нихъ на фронтѣ проливали не чернила, а кровь, когда для успѣха войны патріотическій подъемъ страны былъ необходимъ, въ этотъ моментъ руководители либеральной общественности порицали возгласы въ честь арміи и даже Россіи, а рекомендовали кричать только «Долой самодержавіе». Это была та же позиція, которую въ 916 и 917 г. изъ тѣхъ же побужденій и тоже для пользы Россіи рекомендовали тѣ, которые въ тылу войны стремились создать въ странѣ «широкое политическое движеніе» и упрекали кадетъ прогрессивнаго блока за то, что они отъ правительства не «отмежевываются» и даютъ поводъ себя съ нимъ смѣшать.

Такъ въ 1904 году на страницахъ Освобожденія столкнулись двѣ концепціи изъ одного и того же либеральнаго лагеря. Формальная логика была на сторонѣ С. С., а не Струве. Самъ Струве писалъ въ томъ же номерѣ, что Плева для Россіи опаснѣй, чѣмъ японцы; если принять это утвержденіе не за полемическое преувеличеніе, а за справедливую оцѣнку момента, т. е. если считать войну съ Самодержавіемъ главнымъ фронтомъ, побѣда на которомъ сама улучшить положеніе и на другихъ второстепенныхъ фронтахъ, то равнодушіе къ временнымъ неудачамъ на этихъ второстепенныхъ фронтахъ должно было считать разумной тактикой. Самъ Струве могъ поэтому противопоставить логикѣ С. С. только ссылку на потребность національной солидарности, на свое «настроеніе», на «инстинктъ». И интересно, характерно и важно, что въ этомъ вопросѣ Освободительное Движеніе шло за С. С., а не за Струве. Въ № 43 самъ Струве призналъ, что его письмо къ студентамъ вызвало «рѣзкія возраженія», а въ № 45, послѣ новаго письма С. С., заявилъ, что «съ точки зрѣнія холоднаго политическаго расчета его позицію нельзя оправдать» и только ссылаясь, что «санкція расчета не представ-

ляется ему въ политикѣ ни достаточной, ни верховной и что онъ искалъ опоры для политическаго расчета въ моральномъ чувствѣ». Такъ Струве капитулировалъ передъ общественнымъ настроеніемъ. Я хорошо помню это настроеніе и этой капитуляціи не удивляюсь. Передовая Россія, что бы ни говорили сейчасъ, дѣйствительно была тогда почти вся пораженческой.

А между тѣмъ къ первоначальному заявленію Струве можно было бы примѣнить слова Талейрана: «*méfiez-vous du premier mouvement; c'est le bon*». Вопросъ былъ глубже, чѣмъ онъ казался тѣмъ, кто свою стычку съ Самодержавной властью считалъ главнымъ фронтомъ этого времени. Рѣчь должна была бы идти не объ этой стычкѣ или вѣрнѣе не только о ней. Надо было думать, если даже не о вѣчныхъ интересахъ Россіи, то во всякомъ случаѣ о задачахъ той власти, которой придется стать на мѣсто Самодержавія и вѣдать дѣла Россіи. Пораженческія настроенія, чѣмъ бы они ни оправдывались, т а к о й власти создать не могли.

Если даже Чичеринъ былъ правъ въ томъ наблюденіи, (о которомъ онъ говорилъ въ Воспоминаніяхъ), что несчастныя войны вообще, а въ Россіи, особенно приводятъ къ благу, то это только при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы въ этихъ войнахъ обнаруживалась негодность одного правительства, а не самаго народа, не культурнаго общества. Крымская война, которая считается образцомъ счастливой для побѣжденныхъ войны, показала негодность старой административной машины Россіи, но зато обнаружила и тотъ высокій народный духъ, о которомъ свидѣтельствовали Севастопольскіе рассказы Толстого. Народъ, который равнодушно и даже радостно принималъ бы пораженія отъ внѣшняго врага, не хотѣлъ бы изъ политическихъ соображеній противъ него защищаться, былъ бы достоинъ внутренняго деспотизма; напротивъ деспотизмъ былъ бы нуженъ и полезенъ ему, чтобы его отъ самаго себя охранить.

Если пораженіе, полученное отъ Японіи, тоже привело къ благу Россіи, то потому, что пораженцемъ былъ совсѣмъ не народъ, а только большинство передоваго русскаго общества. Но за то оно въ своемъ пораженствѣ шло очень далеко. У меня въ памяти застряло характерное воспоминаніе. Я зачѣмъ-то былъ у М. Горькаго въ день начала войны съ Японіей; Горькій объ этомъ еще

не зналъ, и я сообщилъ ему вѣсть о ночномъ нападеніи на наши суда. Онъ пришелъ въ буйный восторгъ; война! Онъ радовался этой войнѣ; онъ не сомнѣвался, что это начало Революціи, полной анархіи въ государствѣ. «Вы увидите, говорилъ онъ; будутъ взрывать фабрики, желѣзныя дороги, жечь лѣса и помѣщиковъ и т. д.». Такъ смотрѣлъ на предстоящій намъ военный разгромъ одинъ изъ властителей думъ нашей радикальной общественности. А настоящій народъ смотрѣлъ совершенно иначе. Онъ войны не понималъ и конечно ея не хотѣлъ; но и нашимъ неудачамъ нисколько не радовался; онъ не видѣлъ въ нихъ пораженія только правительства. Онъ способенъ былъ даже радоваться нашимъ побѣдамъ, и наши лидеры опасались, что онъ могутъ его развратить, примирить съ нашей властью. Я хорошо помню свои встрѣчи съ крестьянами и откровенные разговоры съ ними. Они не понимали, зачѣмъ мы воюемъ за «арендованную землю»; но зато хорошо чувствовали, что «нашихъ бьютъ», оскорблялись и огорчались нашимъ неудачамъ; злорадствующихъ словъ при нихъ никто произнести не рѣшился бы. Это народное настроеніе и могло привести къ тому, что военныя неудачи 904 года заставили провалившуюся власть уступить, т. е. заставили ее повѣрить народу, его благоразумію и патріотизму. Либерализмъ на этомъ народномъ настроеніи пожалъ свою жатву.

Вотъ почему здравая тактика, даже продиктованная тѣмъ холоднымъ расчетомъ, отъ котораго Струве отрекся, должна была бы заставить русскую общественность не терять въ эти минуты своей солидарности съ народными чувствами. При этомъ я говорю только объ нашей излюбленной «тактикѣ». Ибо, если бы въ это время передовая общественность и по существу была настроена иначе и свой главный фронтъ видѣла бы не противъ Самодержавія, то всѣ событія послѣ 905 г. пошли бы иначе. Все поведеніе либеральнаго общества въ этотъ рѣшающій годъ оказалось бы инымъ.

XIV.

Какъ среди всякаго общества, среди нашей передовой общественности существовали люди различныхъ способностей и направленій. Жизнь выдвигаетъ спросъ то на

тѣхъ, то на другихъ и тогда соответственные люди появляются на авансценѣ. Военные таланты, которые украшаютъ эпоху войны вянутъ въ условіяхъ мирнаго времени; главы революціонныхъ правительствъ внѣ Революціи сидятъ въ тюрьмахъ и ссылкахъ. То же повторялось въ 902-905 годахъ. Въ Россіи было немало людей — мы ихъ знали и видѣли — которые могли создать либеральную власть, т. е. охранить интересы государства, какъ цѣлаго и поддержать въ странѣ порядокъ на почвѣ уваженія къ закону, къ правамъ гражданина и общества. Если бы Самодержавіе понимало необходимость либеральной политики, оно и хъ давно привлекло бы къ сотрудничеству; но оно ихъ боялось, какъ разрушителей и люди этого направленія могли работать съ нимъ не иначе, какъ подъ надѣтой умышленно маской. Въ результатѣ и они пришли къ заключенію, что при Самодержавіи никакая либеральная политика невозможна и, что надо сначала во что бы то ни стало Самодержавіе разрушить. Этотъ взглядъ захватилъ всю общественность и въ качествѣ руководителей ея выдвинулъ лицъ радикальнаго темперамента, наиболѣе преданныхъ войнѣ съ Самодержавіемъ и наилучше къ ней приспособленныхъ. Ихъ отличала ихъ непримиримая ненависть къ Самодержавію, неспособность съ нимъ помириться до полной побѣды надъ нимъ и наивная или самовнушенная вѣра въ то, что все зло только въ немъ. Только люди готовы подать руку всѣмъ, кто вмѣстѣ съ ними шелъ противъ Самодержавія, казались въ то время послѣдовательны и находили откликъ въ средѣ, которая интересовалась этой внутренней войной. Представители мирной государственной и земской работы, либералы стараго типа, поскольку они сами не увлеклись новой атмосферой, теряли вліяніе, а иногда и пуганные тѣмъ, что наблюдали, переходили въ лагерь враговъ. Торжествовалъ и властвовалъ радикализмъ.

Все это было совершенно естественно. Серьезную войну можетъ выиграть только тотъ, кто для нея жертвуетъ всѣмъ; передовая общественность инстинктомъ чувствовала, что только радикальная «освободительская тактика» могла свалить Самодержавіе, что склонность къ мирнымъ переговорамъ и соглашениямъ съ нимъ равносильна проигрышу кампаніи. Руководители Освободительнаго Движенія заняли свое первенствующее мѣсто въ странѣ по заслугамъ, по праву; популярность, которую они то-

гда завоевали, была справедливой оцѣнкой ихъ военныхъ заслугъ; страна въ нихъ не ошиблась.

Она ошиблась только въ томъ, въ чемъ всегда ошибается; война — ненормальное состояніе, которое должно окончиться миромъ; военные, сумѣвшіе сломить живую силу противника, вовсе не тѣ люди, которые могутъ установить съ побѣжденнымъ прочныя условія мира. Свойства, которыя имъ дали побѣду, порой же противъ нихъ обращаются. Наступленіе мира ставитъ другія проблемы, которыя для своего разрѣшенія требуютъ людей иной психологіи. Но такъ какъ въ моментъ заключенія мира военные бываютъ въ апогеѣ успѣха и славы и военная психологія самими народами еще не изжита, то у военныхъ есть соблазнъ не уступать пока мѣста другимъ, которые ихъ побѣду не сумѣютъ использовать и считать, что ихъ собственная роль еще не окончена. И въ этой вредной иллюзіи страна всегда ихъ поддерживаетъ.

Война съ Самодержавіемъ должна была окончиться 17 октября. Въ этотъ день Самодержавіе признало себя побѣжденнымъ. Правда 17 октября было однимъ обѣщаніемъ; но 23 апрѣля это обѣщаніе было исполнено. Какъ ни критиковать Основные Законы 906 г., они были «конституціей» и передовая критика къ нимъ вовсе не была справедлива. Поскольку «Освободительное Движеніе» волею противъ Самодержавія во имя конституціоннаго принципа, оно 17 октября своей цѣли достигло. Конечно, для тѣхъ, которые хотѣли установленія сейчасъ же полнаго народоправства, а тѣмъ болѣе социализма, 17 октября не дало еще ничего, кромѣ удобной позиціи для дальнѣйшей борьбы. Но тѣ дѣятели, которые возрожденія Россіи на началахъ свободы и права хотѣли въ рамкахъ конституціонной Монархіи, въ порядкѣ «реформы», а не Революціи, должны были понимать, что 17 октября есть бѣлый флагъ, выкинутый исторической властью, прекращеніе военныхъ дѣйствій на фронтѣ и начало мирныхъ переговоровъ. Мирный договоръ долженъ былъ быть заключенъ съ исторической властью; она была еще громадной силой и для страны очень полезной. Коль скоро эта сила нашла въ себѣ достаточно патриотизма, чтобы отречься отъ притязаній на неограниченнаго Самодержавіе, общественность должна была и могла установить съ ней прочное соглашеніе. Такова была задача момента. Но какъ послѣ великой войны, державы по-

бѣдительницы были руководимы тѣми, кто войну велъ и выигралъ, и потому не сумѣли заключить справедливаго мира, поддались соблазну считать Германію уже уничтоженной, ультимативно продиктовали ей свои условия, въ результатѣ чего уже черезъ нѣсколько лѣтъ эти условія пришлось заново пересматривать, такъ на несчастіе Россіи выработка соглашенія между общественностью и исторической властью выпала тоже на долю тѣхъ, кто побѣдоносно провелъ внутреннюю войну, и не отдѣлался еще отъ побѣдительной, праздничной психологіи. И тогда на полученное отъ исторической власти предложеніе совместной работы, увлеченные успѣхомъ побѣдители отвѣтили гибельнымъ ультиматумомъ, — требованіемъ созыва Учредительнаго Собранія по четырехвосткѣ, для выработки основъ конституціи.

Эти условія, переданныя Витте отъ имени бюро земскихъ Съѣздовъ, были показателемъ того, что руководство обществомъ уже перешло въ новыя руки. Годы освободительной борьбы прошли не безслѣдно; движеніе ушло въ глубину, демократизировалось; вмѣсто земскихъ съѣздовъ на первый планъ выступили Союзы Союзовъ, въ составѣ которыхъ былъ и Крестьянскій Союзъ. Съ этой новой общественной массой надо было говорить на другомъ языкѣ, ей болѣе понятномъ, и для этого идти по пути народовластія до конца. Это было необходимо для того, чтобы не дать недобросовѣстной демагогіи обойти себя слѣва. Передвиженіе влѣво шло сознательно до самыхъ границъ здраваго смысла. Самая мысль объ Учредительномъ Собраніи, если только имъ не сразу упраздняялась Монархія, казалась со стороны торжествующаго радикализма такой крайней уступкой, за которую историческая власть будто бы должна была бы ухватиться для своего же спасенія. Но это выходитъ за рамки разсказа, относится къ эпохѣ не борьбы, а побѣды, уже послѣ 17 октября. Сейчасъ я хочу только напомнить, что мирные и умѣренные элементы либеральнаго лагеря, надѣявшіеся на созданіе безъ Революціи либеральной Имперіи въ Россіи существовали, но что затянувшееся «Освободительное Движеніе» ихъ дискредитировало и отодвинуло. Съ этой точки зрѣнія поучительна полемика, которую мы можемъ найти въ № 50 Освобожденія въ іюнѣ 904 г. еще при Плеве.

Въ этомъ номерѣ появилась статья отъ имени группы

«конституціоналистовъ». Но мысли, даже по слогу мнѣ кажется я узнаю ея автора, одного изъ либеральныхъ предводителей Тамбовской губерніи. Въ самой статьѣ я вижу отголоски тѣхъ споровъ, которые велись въ это время въ томъ, сыгравшемъ свою историческую роль, кружкѣ «Бесѣда», о которомъ я позднѣе буду имѣть случай припомнить. Статья — и это самое интересное — стоитъ на точкѣ зрѣнія безусловнаго отрицанія Самодержавія. По мнѣнію автора оно виновато во всемъ; авторъ не считаетъ возможнымъ и справлять его представительнымъ собраніемъ съ совѣщательнымъ голосомъ. Въ этомъ отношеніи между конституціоналистами различныхъ отбѣнокъ разногласія нѣтъ. Но конституціоналисты упомянутой статьи все же находятъ, что пора думать не только о томъ, какъ Самодержавіе свергнуть, но и о томъ, что либерализмъ будетъ дѣлать, когда станетъ властью и что пора поэтому свою тактику приспособить къ этой будущей роли. Этой разновидности либерализма статья присваиваетъ и особое названіе «государственное общественное мнѣніе». Терминъ неуклюжъ; но онъ любопытенъ тѣмъ, что черезъ 20 лѣтъ онъ снова воскресъ. Послѣ катастрофы 917 г. появилось и было широко использовано тѣми, кто тогда этотъ терминъ осмѣивалъ, не менѣе неуклюжее названіе — «государственно-мыслящіе люди и направленія». Это было недаромъ.

Чѣмъ это «государственное общественное мнѣніе» отличается отъ либеральнаго общественнаго мнѣнія просто? Въ статьѣ идетъ только нащупываніе позиціи. Большинство вопросовъ, которые встали позднѣе и на которыхъ общественность срѣзалась, въ то время практически поставлены еще не были. Статья поневолѣ носитъ пока очень отвлеченный характеръ; но новое настроеніе все же въ ней сказывается. «Государственное» общественное мнѣніе ставитъ вопросъ, что должно дѣлать либеральное правительство, отвѣтственное за судьбы Россіи? Оно не можетъ въ своей дѣятельности довольствоваться критеріемъ одной борьбы съ властью; какъ довольно наивно, но правильно объясняетъ статья, оно должно исходить изъ тѣхъ же цѣлей и задачъ, которыя лежатъ въ основѣ всякой правительственной дѣятельности. Но изъ этого отвлеченнаго утвержденія все же дѣлаются и нѣкоторые практическіе выводы. Во-первыхъ, «государственное общественное мнѣніе» несогласно съ пораженчествомъ освобожден-

цевъ, которые не хотѣли замѣчать, что въ этотъ моментъ правительство защищало подлинныя русскіе интересы. «Государственное общественное мнѣніе» имѣло смѣлость уже въ 905 г. занять ту позицію, которую думская оппозиція заняла такъ рѣшительно 26 іюля 914 г. Совершенно послѣдовательно оно смущалось и близостью освобожденцевъ съ революціонными партіями; отрекалось отъ навязыванія правительству программъ какого-либо отдѣльнаго класса, если онъ думалъ не о государственныхъ, а о своихъ классовыхъ нуждахъ; отрекалось отъ полного усвоенія программъ тѣхъ національныхъ меньшинствъ насильственно присоединенныхъ къ Россіи, которыя заботились только о себѣ, а не объ общегосударственныхъ интересахъ. Во имя этихъ сдѣланныхъ имъ указаній «государственное общественное мнѣніе» призывало къ измѣненію тактики общества; оно хотѣло приспособить ее къ обстановкѣ войны, чтобы правительству въ этой войнѣ не мѣшать; напротивъ принести ему посильную помощь, доказать всѣмъ пользу общественности. Это плохо сформулированное настроеніе было выраженіемъ того государственнаго либерализма, который велъ не къ Революціи, а къ ея устраненію, къ «оздоровленію» власти. Въ немъ была та же самая психологія, на которой въ 915 году произошло объединеніе Думскаго большинства съ либеральной, не революціонной оппозиціей, на платформѣ прогрессивнаго блока. Въ 915 г. правительство Горемыкина имѣло грѣхъ отвергнуть это объединеніе. А въ 904 г. возраженіе противъ такой постановки вопроса вышло изъ самого Освободительнаго лагеря, отъ радикализма, отъ нашихъ «военныхъ» руководителей.

Въ слѣдующемъ же номерѣ Освобожденія, № 52, появилась отвѣтная статья того же С. С., къ которой въ подстрочномъ примѣчаніи всецѣло присоединился редакторъ. Отвѣтъ, написанный со свойственнымъ С. С. полемическимъ искусствомъ, характеренъ. С. С. не скрываетъ тревоги, которую этотъ «уклонъ» встрѣтилъ въ средѣ право вѣрныхъ освобожденцевъ. «Мы конечно предполагали», говоритъ авторъ, «что среди конституціоналистовъ есть и такія настроенія, но не ожидали, что они могутъ обнаружиться такъ открыто и стать даже господствующими. Въ послѣднемъ онъ, къ сожалѣнію, ошибался; эти настроенія господствующими не были и быть не могли; ихъ малочисленность ярко свидѣтельствовала, какъ глубоко про-

никло въ страну развращающее вліяніе Самодержавія. Но эти настроенія все же произвели на С. С. «тяжелое впечатлѣніе». Почему? Да потому, говоритъ онъ, что это пониманіе, къ которому онъ приклеиваетъ насмѣшливую кличку «національ либерализмъ», дѣлало его носителей «союзниками Плеве». Въ этомъ все дѣло. Низверженіе Плеве, послѣдняго защитника Самодержавія было главной задачей, гораздо болѣе важной, чѣмъ наша побѣда и даже спасеніе страны отъ анархіи. Такъ въ это время смотрѣло все Освободительное Движеніе; а поскольку онъ такъ смотрѣло, оно не могло одобрить новой тактики, которая предлагалась. Это значило бы «выпустить» непріятеля. Широкое общественное мнѣніе было не съ конституціоналистами приведенной статьи, не со старыми либералами, а съ радикалами, съ С. С. Представителямъ «государственнаго мнѣнія» съ своей измѣненной тактикой приходилось мало-по-малу уходить на задній планъ. Въ первое время они преобладали въ земскихъ совѣщаніяхъ; но уже въ ноябрѣ 904 г. они остались въ нихъ въ меньшинствѣ. Третій элементъ въ земствѣ, Союзы Союзовъ въ обществѣ, давили ихъ своей массой и даже заражали своимъ настроеніемъ. Ихъ тактика стала считаться уже измѣнной, переходомъ къ врагу. Общество сдвинулось влево.

Надо быть справедливымъ. Конечно, не рекомендуемая статьей новая тактика могла Самодержавіе свергнуть и заставить его уступить. Освобожденская непримиримая радикальная тактика была для этой цѣли много дѣйствительнѣй. Но зато существованіе въ передовой общественной средѣ такихъ «государственныхъ» элементовъ и заявленія, которыя неоднократно публично отъ имени дѣлались *), словомъ наличность, по новѣйшей терминологіи, въ средѣ либеральной общественности людей «государственно мыслящихъ» были все-таки не только полезны, но прямо необходимы для побѣды надъ Самодержавіемъ. Они были одной изъ причинъ, почему Самодержавіе, имѣвшее еще въ своемъ распоряженіи много моральныхъ и матеріальныхъ силъ для сопротивленія, въ 905 г., предпочло, не борясь болѣе, уступить. Оно думало, что усту-

*) Напримѣръ, знаменитая рѣчь кн. С. Н. Трубецкого на Петергофскомъ пріемѣ.

пасть государственнымъ элементамъ, какъ въ 917 г. открывающійся Императоръ думалъ, что склонится не передъ разбушевавшейся улицей, а передъ Государственной Думой. Въ обоихъ случаяхъ это было оптическимъ обманомъ. Благоразумные элементы страны въ этотъ моментъ были уже обезсилены; настроеніе широкаго общества было совершенно другое и оно опредѣлило и политику и судьбу либерализма послѣ побѣды. Такъ эти разумные элементы оказались только использованы въ интересахъ «Революціи».

Мнѣ хочется по этому поводу привести личное воспоминаніе этой эпохи. Въ октябрѣ 905 г. была учредительный съѣздъ К. Д. партіи. Я участвовалъ въ немъ какъ представитель одной изъ группъ Союза Освобожденія. Это было чуть-ли не первымъ шагомъ моей политической дѣятельности, когда я опять къ ней вернулся; со времени студенчества я лѣтъ 15 занимался только профессиональной работой, поэтому въ 905 году я въ политикѣ былъ почти новичкомъ. На собраніи обсуждалась наша программа; по поводу вопроса о перлюстраціи писемъ я высказалъ мнѣніе, что кадеты, какъ партія, которая завтра можетъ стать властью и будетъ отвѣчать за порядокъ, должна въ своей программѣ помнить объ этомъ и отстаивать не только права населенія, но и права всякой государственной власти. Эти слова произвели на многихъ впечатлѣніе неблагопріистойности. Е. Н. Чириковъ пластическимъ возгласомъ съ мѣста высказалъ свое возмущеніе отъ одного предположенія, что мы собираемся быть правительствомъ. Въ антрактѣ на меня напустились другіе. Помню, какъ меня серьезно и дружески разнюсиль почтенный и умный общественный дѣятель, которому послѣ 917 г. пришлось быть членомъ правительства и который по сей день ведетъ упорную борьбу съ большевиками. Тѣмъ убѣжденнымъ и убѣдительнымъ тономъ, которымъ онъ всегда говорилъ, онъ разъяснилъ мнѣ нелицемеріе моего замѣчанія: «мы не должны считать себя правительственной партіей; не можемъ обсуждать программы, исходя изъ нуждъ правительства и сообразуясь съ тѣмъ, что будетъ нужно ему; это значило бы, по Шеллинскому выраженію, разсуждать «примѣнительно къ полности»; мы должны рѣшать вопросы не какъ будущіе министры, а какъ защитники и народныхъ правъ».

Не думаю, чтобы въ памяти этихъ людей сохранился

мимолетный разность, который я отъ нихъ получилъ; но мнѣ въ политической жизни были тогда еще «новыя всѣ впечатлѣнія бытія» и я его не забылъ. Я очень многое, понималъ. Понялъ, что идеологія нашей общественности носила неискоренимый отпечатокъ профессиональной оппозиционности противъ власти. Мы дѣйствительно умѣли защищать только права народа противъ власти. Сама же власть была нашимъ извѣчнымъ врагомъ; представить себя на ея мѣстѣ, сознавать ея долгъ передъ страной и отстаивать ея права противъ демагогіи, мы не умѣли и не хотѣли. Мы могли думать о томъ, какъ эту власть ослабить и свергнуть и только. А дальше? Дальше уже дѣло народа, Учредительнаго Собранія по четырехвосткѣ, которое будто бы само сумѣетъ къ общему удовольствію возродить страну на началахъ «свободы и права».

Таково было настроеніе передовой общественности наканунѣ 17 октября 1905 г., когда на ея долю выпала обязанность заложить основанія примиренія съ исторической властью. Этого она органически не умѣла. Она либо довела бы Россію до Революціи, либо должна была эту задачу уступить другимъ. Довести страну до анархіи историческая власть въ 1906 г. къ счастью ей помѣшала; но зато и укрѣпленіе конституціи выпало на долю тѣхъ, кто за нее до сихъ поръ не боролся и принималъ ее поневолѣ. Яркимъ представителемъ этой категоріи государственныхъ дѣятелей сталъ ненавистный либеральной общественности Столыпинъ. Естественно, что она его ненавидѣла; но она забывала, что ей самой, ея тактикѣ Столыпинъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ и успѣхомъ въ роли ему несвойственной. Не либеральная общественность Столыпина создала; но ея неприспособленность къ выпавшей на ея долю задачѣ обнаружилась въ политической жизни пробѣлъ, который кто-то былъ долженъ заполнить. Его и заполнилъ Столыпинъ, и этого она ему не простила. Но то, что было слабостью нашей общественности во время «строительства» — было ея силой въ эпоху войны. Ея непримиримость, неумѣніе быть справедливой къ врагу, ея непониманіе своихъ недостатковъ и трудности положенія, ея наивная увѣренность, что полномочное Учредительное Собраніе по четырехвосткѣ со всѣмъ справится, а потому съ него надо начать, эти свойства, которые въ своей совокупности составляли обратную сторону интеллигентскаго «идеализма», дали ей полную по-

бѣду надъ властью и привели къ 17 октября. Эти же ея свойства въ свое время мѣшали и запоздалымъ попыткамъ наиболее дальновидныхъ представителей Самодержавія направить режимъ на другую дорогу и если не остановить, то затинуть процессъ его разложенія. Объ этихъ попыткахъ интересно припомнить.

В. Маклаковъ.

Конецъ КОМУЧ-а

Уфимскій разгромъ съѣзда.

Уфа, въ сравненіи съ Екатеринбургомъ, предоставляла намъ относительный покой и безопасность. Здѣсь гражданская власть находилась въ рукахъ Совѣта Управляющихъ Вѣдомствами; здѣсь же были и воинскія части, которыя, казалось, могли защитить Съѣздъ отъ возможныхъ на него покушеній.

Совѣтъ У. В., получивъ первое извѣстіе о переворотѣ, немедленно (19 ноября) обратился со слѣдующей протестующей телеграммой на имя Вологодскаго: «Узнавъ о государственномъ переворотѣ въ Омскѣ, Совѣтъ Упр. Вѣд. заявляетъ: узурпаторская власть, посягнувшая на Всероссийское Пр-во и Учредительное Собраніе, имъ никогда не будетъ признана. Противъ реакціонныхъ бандъ Красильникова и Ашиенкова Совѣтъ готовъ выслать свои добровольческія части. Не желая создавать новаго фронта междоусобной войны, С. У. В. предлагаетъ вамъ немедленно освободить арестованныхъ членовъ Пр-ва, объявить врагами Родины и заключить подъ стражу виновниковъ переворота, объявить населенію и арміи о возстановленіи правъ Всероссийскаго Правительства. Если наше предложеніе не будетъ принято, С. У. В. объявитъ Васъ врагомъ народа, доведетъ объ этомъ до свѣдѣнія союзныхъ правительствъ, предложитъ всѣмъ областнымъ правительствамъ активно выступить противъ реакціонной диктатуры въ защиту У. С., выдѣливъ необходимыя силы для подавленія преступнаго мятежа». Протестъ былъ подписанъ: В. Филипповскимъ, П. Климушкинымъ, Нестеровымъ и Веденяпинимъ.

Телеграмма въ копіяхъ была сообщена Колчаку, Съѣзду Чл. У. С., Чехо-Совѣту, Оренбургскому и Уральскому войсковымъ кругамъ и ихъ правительствамъ, правительствъ:

*) См. «Современныя Записки» № 45.

вамъ Башкиріи и Алашъ-Орды, а также находившемуся въ Уфѣ члену Д-ріи генералу Болдыреву.

Одновременно была отправлена телеграмма въ Лондонъ, Парижъ, Римъ, Вашингтонъ, Токио, Прагу, Министрамъ Иностраннхъ Дѣлъ. Копіи: Омскъ, Екатеринбургъ дипломатическимъ представителямъ Америки, Англии, Франціи, Италіи, Японіи, отдѣлу Чехословацкаго Национальнаго Совѣта въ Россіи.

Такъ реагировалъ С. У. В. на омское беззаконіе. Характеристика факта, даваемая событію, и мѣры, предлагаемыя къ его ликвидаціи, конечно, по существу были правильны. Но едва ли самъ Сов. У. В. вѣрилъ въ осуществимость того, что онъ предлагалъ. Фактически С. У. В. былъ отстраненъ отъ власти, армія его отъ него отдѣлена актами Директоріи, въ его распоряженіи не было никакихъ силъ, необходимыхъ и достаточныхъ для реализаціи его угрозъ и мѣръ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же было разумно вѣрить въ созданіе боевыхъ силъ путемъ призыва «становиться всѣмъ въ ряды русско-чешскихъ полковъ У. С., въ ряды отряда Фортунатова и добровольческихъ полковъ Народной Арміи». Все, что могло идти въ ихъ ряды, было уже тамъ. А положеніе ихъ было едва-ли лучше положенія самого С. У. В. — Гласомъ вопіющаго въ пустынѣ было и обращеніе къ союзникамъ. Вѣра въ ихъ безкорыстную помощь русскому народу у русскихъ демократовъ къ тому времени уже достаточно поблекла и развѣялась. Значеніе этого обращенія могло заключаться лишь въ одномъ: въ выясненіи передъ иностранными правительствами рѣзко отрицательнаго отношенія С. У. В. къ омскимъ событіямъ. Реальной же помощи отъ него ждать было нельзя.

Не могъ не учитывать этого и самъ С. У. В. Въмѣсто ликвидаціи послѣдствій Омскаго переворота, онъ вскорѣ вынужденъ былъ заняться вопросами объ охранѣ отъ новаго покушенія со стороны переворотчиковъ достоянія, которое находилось на его попеченіи и отвѣтственности. 28 ноября онъ вынесъ постановленіе о передачѣ золотого запаса подъ охрану чеховъ. Очевидно, онъ отлично понималъ, насколько велика и дѣйствительна была угроза захвата его колчаковскими сподвижниками. Омская вакханалія убійствъ и арестовъ, насилія надъ С. О. Д., Екатеринбургскій налетъ на Съѣздъ — все это совершилось на его глазахъ, и Совѣтъ не могъ не ожидать попытокъ по-

дѣбнаго рода и надъ собой и надъ всѣми представляемыми имъ кругами и лицами.

Обстановка повелительно требовала принятія мѣръ безопасности. Что въ этомъ отношеніи могли сдѣлать Съѣздъ и въ частности С. У. В.? Вѣрныя имъ по духу войска стояли на фронтѣ и продолжали борьбу. Оставался единственный исходъ — положиться на чеховъ, на ихъ защиту и помощь. Для этого, въ первую очередь, необходимо было поддерживать съ ними связь какъ въ Уфѣ, такъ и въ Челябинскѣ и Екатеринбургѣ. Въ Уфѣ связь поддерживалась съ д-ромъ Власакъ — представителемъ Национальнаго Совѣта чеховойскъ при С. У. В., и съ г. Ребенда — комендантомъ города Уфы, а для связи съ Национальнымъ Совѣтомъ на мѣстѣ были командированы: въ Екатеринбургъ — И. М. Брушвиль и Герштейнъ, а въ Челябинскъ — Н. В. Фоминъ. Черезъ нихъ мы были въ курсѣ предположеній и настроеній чешскихъ руководящихъ круговъ, черезъ нихъ же доводили до свѣдѣнія чеховъ о нашемъ положеніи и нашихъ пожеланіяхъ.

Окружающая атмосфера изо дня въ день сгущалась и накалялась. Чувствовалось приближеніе неминуемой грозы; почти физически ощущалась всѣми, такъ или иначе вовлеченными въ круговоротъ событий и борьбы, угроза возможной въ ближайшемъ будущемъ расправы надъ «учредилловцами» и новыхъ насилій надъ ними.

Трудно было не ощущать и не осознать того, что происходило вокругъ.

Почти полгода тому назадъ на Волгѣ былъ начатъ опытъ преодоленія большевизма силами и методами демократіи. На исходѣ этого полугодія почти до очевидности становилось яснымъ, что опытъ этотъ постигнетъ такая же участь, какая постигла годъ тому назадъ подобный опытъ въ масштабѣ всероссійскомъ. Становилось ясно, что углая ладья демократіи очутилась въ желѣзныхъ тискахъ диктатуры, между Сциллой ея и Харибдой. Съ двухъ сторонъ сжимали ее двѣ разновидности одной политической силы, одного практически осуществляемаго политическаго начала. Одна изъ нихъ называлась диктатурой пролетаріата, другая — диктатурой военной. Но названіе не мѣняло природы ихъ. По существу, въ принципѣ, за Волгой и въ Приуральѣ на демократію ополчилась диктатура.

Но въ борьбѣ двухъ этихъ началъ и формъ властнова

нїя преимущества и выгоды часто оказываются, по крайней мѣрѣ временно, на сторонѣ диктатуры. Природа демократїи, какъ формы власти, по существу внутренне противорѣчива. Власть ея центробѣжна и потому слаба. Диктатура — антиподъ и врагъ демократїи — центростремительна и не терпитъ соучастїя съ цсю во власти. Она исключительна и мстительна и въ борьбѣ за власть безпощадна.

Одно изъ этихъ двухъ началъ въ Россїи того времени хотѣло возродить и построить жизнь государства Россійскаго на началахъ народоправства, основаннаго на взаимномъ довѣрїи власти и народа; другое — хотѣло взнудать Россїю и заковать ее въ цѣпи, литая къ волѣ народной чувство презрѣнїя и утверждая себя насилїемъ.

Но предощущенїе приближавшейся катастрофы внушалось не только теоретическими выкладками. О ней сильнѣе и ошутительнѣе говорилъ тотъ рядъ фактовъ, свидѣтелями котораго и участниками въ коихъ были представители демократїи.

Члены Учредительнаго Собранїя въ Уфѣ были размѣщены въ разныхъ мѣстахъ: на частныхъ квартирахъ, въ гостиницахъ и въ общежитїяхъ. Совѣтъ Управляющихъ Вѣдомствами, состоявшій въ то время всего изъ четырехъ лицъ: В. Н. Филипповскаго, П. Д. Климушкина, М. А. Веденяпина и И. П. Нестерова, помѣщался въ «Сибирской гостиницѣ».

Нѣсколько человекъ членовъ Съѣзда помѣщалось въ номерахъ «Волга». Въ числѣ ихъ былъ и я. Около половины второго ночи въ дверь моей комнаты кто-то постучался. Я отворилъ дверь. Постучавшій оказался молодымъ безусымъ мальчикомъ въ кавалерїйской формѣ. Былъ не тотъ, кого я ожидалъ. Онъ передалъ, что меня просятъ незамедлительно явиться на совѣщанїе въ квартиру, которую часто посѣщала В. К. Вольскій и которая находилась тутъ же во дворѣ нашей «Волги». Я наскоро одѣлся и давъ желѣ нѣкоторыя указанїя на случай ожидаемаго визита, отправился къ Вольскому. Здѣсь, кромѣ Вольскаго, были Климушкинъ, Розенблюмъ, Д. Сургучовъ и еще нѣсколько человекъ.

Климушкинъ сообщилъ намъ слѣдующее:

Въ понедѣльникъ утромъ 2 декабря на станціи Уфа прибылъ особый военный отрядъ подъ командой полковника Круглевскаго. Назначенїе и цѣли прибытїя его въ

Уфу никому тогда не были извѣстны. Въ виду ходивших уже ранѣ по городу слуховъ о предполагаемомъ прибытіи воинскаго отряда для ареста членовъ У. С. и С. У. В. послѣднимъ были приняты мѣры къ выясненію цѣлей прибывшаго отряда. Всѣ первыя собранныя о немъ свѣдѣнія были вполне успокоительны. Русская и чешская контръразвѣдка, комендантъ города и начальникъ гарнизона г. Ребенда и Командующій фронтомъ генераль Войцѣховскій единогласно утверждали, что прибывшій отрядъ направляется на фронтъ и никакихъ спеціальныхъ цѣлей не имѣеть. Однако около пяти часовъ вечера одинъ изъ телефонистовъ станціи «Уфа» позвонилъ Климушкину, прося его пристать на вокзалъ довѣренное лицо для сообщенія ему чрезвычайной важности и срочности свѣдѣній, которыя, по его словамъ, не могутъ быть сообщены по телефону. На станцію немедленно былъ посланъ Управляющій Дѣлами Вѣдомства Иностранныхъ Дѣлъ И. И. Девятовъ. Долго онъ не возвращался со станціи; это обстоятельство вызвало тревогу и Климушкинъ, взявъ съ собой охрану въ 12 человекъ, отправился лично на станцію. На телефонной станціи ему сообщили, что съ утра на одной изъ вѣтокъ дороги, недалеко отъ станціи, стоитъ прибывшій изъ Сибири поѣздъ съ воинскимъ отрядомъ, и что прибывшій И. И. Девятовъ былъ вызванъ кѣмъ-то съ вокзала и задержанъ, надо полагать, чинами названнаго отряда. Не имѣя возможности провѣрить послѣднее сообщеніе и не замѣтивъ на станціи особо подозрительнаго, Климушкинъ вернулся въ городъ и здѣсь отъ Веденяпина узнать, что незадолго передъ ихъ встрѣчей д-ръ Власакъ -- представитель Національнаго Совѣта чеховойскъ при С. У. В. -- сообщилъ Веденяпину, что по имѣющимся у него, Власака, свѣдѣніямъ, прибывшій отрядъ имѣеть своею цѣлью арестъ членовъ У. С. и С. У. В., и что подчиненныя генералу Войцѣховскому войска имѣють приказъ Главнаго Командованія о соблюденіи при этомъ дѣлѣ нейтралитета. Сообщая объ этомъ, Власакъ предложилъ принять мѣры къ оповѣщенію объ этомъ всѣхъ лицъ, коимъ могла угрожать опасность ареста. Послѣ этого Климушкинъ отправился къ коменданту города ген. Ребенда и просилъ его принять въ отношеніи членовъ У. С. обѣщанныя имъ мѣры охраны и защиты. Послѣдній вновь подтвердилъ ранѣ данное свое обѣщаніе. Въ это время Веденяпинъ посѣтилъ ген. Войцѣховскаго. На вопросъ Веденя-

нина: «Что намъренъ генераль предпринять противъ угрожающей членамъ У. С. опасности, согласно его ранѣ даннаго обязательства?», генераль отвѣтилъ: «Ничего-съ!» При этомъ ген. Войцѣховскій подтвердилъ, что поступилъ приказъ Главнаго Командованія о невмѣшательствѣ въ ожидаемые конфликты между разными русскими политическими группами. Приказъ этотъ былъ подписанъ ген. Сыровымъ и начальникомъ его штаба ген. Дитерихсомъ. Впослѣдствіи, однако (черезъ Б. Павлу и полковника Медека), выяснилось, что этотъ приказъ не могъ быть подписанъ ген. Сыровымъ, такъ какъ онъ отсутствовалъ въ то время изъ Челябинска, и что подпись послѣдняго была подложная.

Полученный отъ ген. Войцѣховскаго отвѣтъ не оставилъ у Веденяпина и Климушкина никакого сомнѣнія въ томъ, что предстоящая расправа надъ членами У. С. готовится, если и не при содѣйствіи, то, по крайней мѣрѣ, при попустительствѣ нѣкоторыхъ высшихъ чиновъ чешской арміи. Поэтому Веденяпинъ и Климушкинъ сочли необходимымъ немедленно приступить къ организациі отпора имѣвшимся въ распоряженіи Совѣта военными силами. Въ распоряженіи С. У. В. тогда были русско-чешскій батальонъ примѣрно въ 400-450 штыковъ, отрядъ Фортунатова въ 100 сабель и отрядъ имени У. С. — 250 штыковъ, всего около 800 человекъ. Всѣ они были расположены въ Уфѣ, и привести ихъ въ боевую готовность ничего не стоило. Къ сожалѣнію, состояніе ихъ вооруженія было самое плачевное. Лучшая часть отряда имени У. С., около 1000 человекъ, находилась на фронтѣ, куда она недавно была отправлена; оставшаяся въ Уфѣ его часть и отрядъ Фортунатова были разоружены, подъ предлогомъ, что стоящимъ въ тылу частямъ нѣтъ нужды имѣть надлежащее вооруженіе. Въ ихъ распоряженіи были оставлены лишь берданки, и то въ недостаточномъ количествѣ, и нѣсколько дрянныхъ пулеметовъ. Тѣмъ не менѣе, силъ для должнаго отпора было вполне достаточно, и потому всѣмъ имъ было дано распоряженіе быть въ боевой готовности и по первому требованію явиться къ номерамъ «Волга». Здѣсь было предположено собраться членамъ У. С. и С. У. В. Однако, несмотря на уговоры Веденяпина и Климушкина, другіе два члена С. У. В. — Фидишовскій и Нестеровъ, имѣя полную увѣренность въ неминуемомъ арестѣ ихъ, рѣшили остаться на своихъ мѣстахъ въ Сибирской Гости

лицъ, не покидая своихъ постовъ передъ угрожающею опасностью. Къ нимъ была послана Мина, отчаянно храбрая дѣвушка, исполнявшая всѣ рискованныя порученія С.-р., съ предложеніемъ немедленно покинуть «Сибирскую Гостиницу» и явиться въ «Волгу». Но ни Мина, ни Нестеровъ съ Филипповскимъ не являлись.

Далѣе, собравшимся у Вольскаго Климушкинъ сообщилъ, что отрядъ Фортунатова уже на коняхъ и что для вывода отряда имени У. С. и русско-чешскаго батальона посланы люди съ надлежащими полномочіями.

Однако, время шло, и воинскія наши части къ намъ не являлись. Впослѣдствіи выяснилось, что посланный былъ задержанъ колчаковцами, до его прихода окружившими отрядъ имени У. С., и потому онъ не могъ сообщить приказа ни чешско-русскому батальону, ни отряду Фортунатова. Послѣдній въ недоумѣніи пробылъ на коняхъ до утра, офицеры русско-чешскаго полка разошлись по домамъ; Ребенда время провелъ въ гостяхъ, а ген. Войцеховскій въ кинематографѣ.

Едва успѣли собравшіеся выслушать это сообщеніе, какъ всѣ комнаты въ номерахъ «Волга», выходящія окнами на дворъ, одновременно освѣтились. Это могло означать одно: пришли налетчики. Тѣмъ не менѣе, на провѣрку послали какого-то бывшаго около насъ матроса. Вскочивъ онъ вернулся и сообщилъ, что въ номерахъ полное спокойствіе. Не помню, повѣрили мы этому или нѣтъ, — но всѣ рѣшили немедленно покинуть помещеніе и скрыться. Выйти на улицу было признано опаснымъ, и многіе изъ насъ перелѣзли черезъ заборъ и исчезли гдѣ-то въ садахъ. Д. С. Розенблюмъ скрылся въ дровахъ, сложенныхъ на дворѣ. Не желая оставить жену въ невѣдѣніи о мѣстѣ, куда я предполагалъ уйти, я направился въ номера; но у самаго входа со двора меня остановила группа военныхъ съ офицеромъ во главѣ. Послѣдній держалъ въ рукѣ револьверъ съ взведеннымъ куркомъ и, направивъ его на меня, командовалъ: «Стой, ни съ мѣста, руки вверхъ!» Я подчинился. На поставленный имъ мнѣ вопросъ, кто я?, — я отвѣтилъ, что я членъ У. С. такой-то. Тогда онъ грубо и громко сталъ меня спрашивать — почему я спелъ ночи хо-жу по двору? На этотъ вопросъ я не далъ отвѣта. Постоявъ около меня вооруженнаго «нижняго чина» съ винтовкой на изготовкѣ, онъ со всей своей группой отправился въ расположенія въ двухъ деревянныхъ флигеляхъ квар-

тиры въ поиски за членами У. С. и, въ частности, Вольскаго. Было видно, что они имѣютъ довольно вѣрныя свѣдѣнія о томъ, гдѣ кто живетъ.

Я остался стоять подъ карауломъ. Положеніе мое было таково, что всякое мое движеніе могло быть истолковано моей стражей, какъ «попытка къ бѣгству» или приготовленіе къ нападенію на стражу, и я рисковалъ быть приколотымъ на мѣстѣ. Между тѣмъ, при мнѣ была печать Комуча. Если бы она попала въ руки налетчиковъ, она могла бы имъ оказать неисчислимыя услуги по подготовкѣ фальшивыхъ документовъ и бумагъ. Во что бы то ни стало, надо было сдѣлать такъ, чтобы она не сдѣлалась достояніемъ колчаковцевъ. Находилась она у меня въ карманѣ гимнастерки подъ полушубкомъ. Соблюдая строжайшую осторожность, я съ большимъ трудомъ извлекъ ее изъ кармана и футляра и бросилъ въ глубокой снѣгъ подомной. Мой постовой ничего не замѣтилъ.

Устранивъ эту опасность, я замѣтилъ, что въ комнатѣ моей жены свѣтъ то гаснетъ, то опять зажигается. Замѣтилъ это и одинъ изъ бѣгавшихъ по двору налетчиковъ и сталъ кричать, что это сигнализациа. Ужасъ охватилъ меня, когда одинъ изъ стоявшихъ тутъ налетчиковъ заявилъ, что они уже гдѣ-то имѣли такой случай и однимъ махомъ прикончили какъ «эти штучки», такъ и занимавшихся этимъ дѣломъ людей. «То же самое будетъ и здѣсь», — зловѣще добавилъ онъ. Я сказалъ ему, что въ этой комнатѣ находится моя жена, и что не можетъ быть оттуда никакой сигнализации, и просилъ повести меня туда и удостоверить въ томъ, что это простая случайность. Мое замѣчаніе и просьба, естественно, были оставлены безъ вниманія. Мнѣ такъ и не удалось, до встрѣчи моей съ женой въ Омскѣ, узнать, какія были приняты мѣры къ устраненію «сигнализации».

Обойдя всѣ квартиры въ обоихъ флигеляхъ и не найдя въ нихъ членовъ У. С., налетчики стали осматривать дворъ. Оставалось только удивляться, какъ они не нашли скрывавшагося въ дровахъ Розенблома. Чтобы не выходить со двора съ небольшою добычей, они извлекли изъ одной квартиры наборщика и разсыльнаго-мальчика при редакціи уфимской газеты «Народъ и Армія». Крайне спѣша, налетчики провели насъ черезъ помещеніе «Волги» и повели въ «Сибирскую гостиницу». Гостиница снизу доверху представляла вооруженный лагерь во время тревоги

Офицеры и солдаты кричали и бѣгали по всѣмъ направленіямъ и комнатамъ. Ревѣль одинъ генераль, жалуясь на нарушеніе его ночного покоя. Опредѣлить, что тамъ творится, было трудно. Насъ ввели въ одну комнату, гдѣ уже было нѣсколько человѣкъ арестованныхъ. Приводили еще кого-то и оставляли насъ безъ всякаго наблюденія. Успѣли переброситься короткими словами о томъ, кто какъ сюда попалъ. Оказалось, что налетчики около часа ночи на присланныхъ имъ изъ города грузовыхъ автомобиляхъ двинулись со станціи въ городъ, оставивъ на станціи резервъ около 150 человѣкъ. Разбившись на нѣсколько группъ, они одновременно задержали всѣхъ находившихся въ своихъ помѣщеніяхъ членовъ У. С., подвергнувъ ихъ обыску и захвативъ все принадлежащее имъ имущество, вплоть до нижняго бѣлья. Были задержаны также частныя лица, бывшіе въ то время у членовъ У. С. Предоставленіе грузовиковъ изъ города и одновременное нападеніе на разные мѣста не оставляло сомнѣнія въ томъ, что налетчики дѣйствовали въ полномъ контактѣ съ мѣстными офицерскими кругами.

Черезъ нѣкоторое время насъ вывели на улицу, выставили колонной и быстро повели по направленію къ вокзалу, приказавъ идти безъ шума.

Сопровождала насъ, окруживъ со всѣхъ сторонъ, винская команда. Инцидентовъ не было. Только чья-то шапка изъ арестованныхъ понравилась одному изъ солдатъ. А другой ему рекомендовалъ: «Дай ему прикладомъ по головѣ, и шапка тебѣ останется на память». Однако, по какому то причинамъ «прикладоприкладство» не послѣдовало, но впечатлѣніе у насъ отъ этого короткаго діалога осталось неважное. Что же могло быть съ нами за предѣлами Уфы, когда даже то или другое качество шапки могло легко рѣшать судьбу ея хозяина?

На станціи стоялъ поѣздъ изъ товарныхъ вагоновъ. Въ одинъ изъ нихъ заперли насъ, поставивъ стражу внутри вагона. Вскорѣ поѣздъ нашъ тронулся и, усиливая ходъ съ минуты на минуту, помчался съ неслыханной для поѣзда изъ товарныхъ вагоновъ быстротой. Везди «грузъ большой скорости». Мы забрались на полки, и ребра и головы наши на голыхъ доскахъ не успѣвали считать толчковъ, прыжковъ и т. п. прелестей. Мы удивлялись — какъ удерживался поѣздъ нашъ въ колеяхъ дороги и какъ наши похитители не боялись крушенія. Правда насъ было жалѣть

нечего, но вмѣстѣ съ нами случай не пощадилъ бы и ихъ. Но... начальство, надо думать, было размѣщено въ удобномъ вагонѣ, а «пужніе чины», сопровождавшіе насъ, какъ и мы, могли въ счетъ не пойти.

Такъ везли насъ верстъ сорокъ, до станціи Иглино, послѣ которой ходъ нѣсколько замедлился. Очевидно, похитители наши рѣшили, что опасность преслѣдованія миновала, а съ другой стороны, надо было подсчитать и уловъ. Къ намъ явился поручикъ, вооруженный, какъ говорятъ, съ ногъ до головы. Въ рукахъ у него была винтовка, а по бѣкамъ револьверы. Онъ насъ опрашивалъ, составлялъ якобы протоколъ, обыскивалъ, и отобралъ у насъ все: начиная съ денегъ и кончая перочиннымъ ножомъ. Оставлялись только часы.

Каковъ же былъ уловъ?

Среди насъ оказались люди самаго разнообразнаго возраста, званія, положенія, партійно-политической принадлежности и вовсе безпартійные. Всего въ нашей кѣлтѣ:† поручикъ насчиталъ 25 человекъ. Членовъ У. С. здѣсь было 13 человекъ: В. Н. Филипповскій, И. П. Нестеровъ (членъ С. У. В.), Н. Н. Ивановъ, Ф. Ф. Федоровичъ (члены Ц. К. п. с.-р.), В. Подвицкій, Д. М. Лотошниковъ, В. Е. Павловъ, С. Н. Николаевъ, И. В. Васильевъ, К. Т. Почекуевъ, В. А. Алексѣевскій, Владыкинъ, одинъ изъ киргизовъ-членовъ У. С., фамиліи котораго не помню. Изъ служащихъ были: Н. Я. Барсовъ — старикъ лѣтъ 60 — управляющій дѣлами Съѣзда, Марковецкій — кассиръ Съѣзда, И. И. Девятовъ — управляющій дѣлами В. И. Д., Брудереръ — управляющій дѣлами В. В. Д., два пожилыхъ кадета, нѣкто Хрыжановскій и Заблоцкій-Десятовскій, имѣвшіе отношеніе къ С. У. В. лишь по службѣ въ какихъ-то учрежденіяхъ. Изъ постороннихъ были: Лиссау — членъ уфимской уѣздной земской управы, посѣтившій въ тотъ злосчастный вечеръ своего друга Подвицкаго, Саровъ — редакторъ уфимской газеты «Народъ и армія», наборщикъ и разсылный мальчикъ той же газеты, вѣнтеръ-офицеръ, носившій фамилію Полковниковъ, А. Н. Сперанскій — соц.-рев., близкій тогда къ В. М. Чернову.

Уловъ этотъ едва-ли удовлетворялъ ловцовъ. По впечатленію Гинса, отлично осведомленнаго въ настроеніяхъ и оцѣнкахъ «сферы», въ Уфѣ «попались и были зѣлками чины въ тюрьму менѣе видные дѣятели». Черновъ и Волоскій, наиболѣе интересовавшіе Омскъ, опять, какъ и въ

Екатеринбургѣ, «скрылись». Помимо того, изъ «попавшихся» с.-р. рѣдко кому можно было предъявить обвиненіе въ дѣвизнѣ, или другихъ «преступленіяхъ»; а изъ членовъ Ц. К. «попались» только двое — Ивановъ и Федоровичъ. Остальные едва-ли представляли для налетчиковъ интересъ. Они скорѣе были вывезены изъ Уфы для счета. Иначе 13 человѣкъ членовъ У. С. для спеціального отряда въ 450 штыковъ — могло показаться для начальства мало-вато, а, слѣдовательно, и признаніе заслугъ соответственно могло быть понижено. Впрочемъ, впоследствии эти несчастные плѣнники пригодились и для другой цѣли — удовлетворенія кровожадныхъ инстинктовъ омской военщины.

Отъ Иглина до Вязовой или Бердянушъ (точно не помню) ѣхали безъ особыхъ приключеній. Осталось отъ этого пути одно лишь впечатлѣніе. На одной изъ указанныхъ станцій поѣздъ нашъ простоялъ необычно долго. Стояли мы тамъ часовъ семь. Причинъ этой долгой стоянки мы не знали и никого объ этомъ не спрашивали: не сказали бы правды. Дѣлали разныя предположенія; изъ нихъ одно казалось намъ болѣе всего правдоподобнымъ: думали, что оставшіеся въ Уфѣ наши товарищи успѣли сообщить о налетѣ въ Челябинскъ чехамъ, и тѣ потребовали нашего освобожденія. Но такое наше предположеніе основывалось, конечно, больше на нашемъ желаніи, чѣмъ на учетѣ реальныхъ фактовъ и отношеній того времени.

Челябинскъ проѣхали мы безъ остановки. Чѣмъ это было вызвано — я не знаю. Вѣдь, если насъ повезли черезъ эту станцію, то, очевидно, безпрепятственный проѣздъ заранѣе былъ обезпеченъ. Надо думать, что несмотря на это, колчаковцы не вполне довѣряли даннымъ чехами: обѣщаніямъ и, чтобы не создавать для нихъ соблазнительныхъ возможностей, было рѣшено не задерживаться въ мѣстѣ, не внушающемъ надлежащаго довѣрія.

Изъ вагона въ первый разъ насъ выпустили на ст. Петропавловскъ. Отъ Челябинска мы были уже далеко, и до Омска оставалось всего 200 съ чѣмъ-то верстъ. Первый разъ накормили насъ здѣсь обѣдомъ. По пути нашего слѣдованія изъ вагона въ столовую и за нашими спинами во время обѣда стоялъ хорошо вооруженный караулъ. Собралось много любопытныхъ зѣвакъ. Впоследствии мы узнали, что они пришли смотрѣть большевиковъ-комис-

саровъ. Но никакихъ враждебныхъ по отношенію къ намъ чувствъ они не проявляли.

Послѣ обѣда полковникъ Круглевскій пригласилъ къ себѣ Филипповскаго и очень долго съ нимъ бесѣдовалъ. Былъ галантенъ и любезенъ и все уговаривалъ покаяться и прекратить борьбу съ Колчакомъ. Довѣрчивый ко всѣмъ В. Н. былъ почти обворожень полковникомъ. Онъ передалъ намъ всѣ подробности бесѣды и быть почти увѣренъ, что какъ только мы пріѣдемъ въ Омскъ, немедленно будемъ отпущены на свободу.

Въ Омскъ мы пріѣхали, но свободы, конечно, не получили.

6. Омская тюрьма и декабрьскія убійства.

Прибыли мы въ Омскъ часовъ въ пять вечера 5 декабря. На станціи, гдѣ-то далеко отъ вокзала, мы просидѣли часа три. Что дѣлало начальство и какія мѣры въ отношеніи насъ предполагало оно принять, мы не знали. Охрана наша была усилена, и насъ никуда не выпускали. За это время долгаго нашего сидѣнія и томительнаго ожиданія чья-то сердобольная душа и попечительная рука позаботилась, чтобы мы проводили эти часы не безъ пріятности и удовольствій. Намъ былъ доставленъ № 14 «Правительственнаго Вѣстника» отъ 4 декабря 1918 года. Въ немъ на первой страницѣ на самомъ видномъ мѣстѣ крупнымъ шрифтомъ былъ напечатанъ приказъ «Верховнаго Правителя и Верховнаго Главнокомандующаго» отъ 30 ноября за № 56 *).

*) Этотъ приказъ заслуживаетъ того, чтобы привести его здѣсь полностью. Онъ гласитъ:

«Бывшіе члены Самарскаго Комитета членовъ Учредительнаго Собранія Уполномоченные Вѣдомствами бывшаго Самарскаго Правительсва, не сложившіе своихъ полномочій до сего времени, несмотря на указъ объ этомъ бывшаго Временнаго Правительства, и примкнувшіе къ нимъ нѣкоторые антигосударственные элементы въ Уфимскомъ районѣ, въ ближайшемъ тылу сражающихся съ большевиками войскъ, пытаются поднять возстаніе противъ Государственной власти; ведутъ разрушительную агитацію среди войскъ, задерживаютъ телеграммы Верховнаго Командованія, прерываютъ сообщеніе Западнаго фронта и Сибири съ Оренбургскими и Уральскими казаками; присвоили громадныя суммы денегъ, направленные атаману Дутову для

Грамматически нескладный, юридически безграмотный документъ этотъ представлялъ изъ себя исключительный образчикъ политическаго цинизма, беззащитной лжи и легкомысленной игры человѣческими жизнями. Пытаясь дать въ сбивчивыхъ и путаныхъ понятіяхъ и формулировкахъ опредѣленіе рода и характера вмѣняемыхъ намъ преступныхъ дѣяній, и круга лицъ, подлежащихъ военно-полевому суду, приказъ, отъ имени «Верховнаго Правителя и Верховнаго Главнокомандующаго» открыто призываетъ къ самосудамъ надъ членами У. С. Мы тогда не знали и не могли знать, слѣдствіемъ чего была эта сбивчивость и путаница, — юридической безпомощности или предумышленной предательской предусмотрительности и лазейки для всяческаго его толкованія и примѣненія. Но мы отлично поняли, въ чьихъ рукахъ находится наша судьба и какой опасности подвергаемся.

Не разбирая правыхъ и виновныхъ, не опредѣляя въ точныхъ юридическихъ понятіяхъ и терминахъ приписываемыхъ цѣлому кругу лицъ преступленій, не указывая преступниковъ поименно, приказъ открывать «всѣмъ военнымъ начальникамъ» широкую возможность, до суда и безъ суда расправляться съ нами на мѣстѣ ареста, «не стѣсняясь примѣнять оружіе». Эта свобода «примѣненія оружія» не ограничивалась никакими условіями: ни повѣденіемъ при арестѣ задерживаемыхъ, ни степенью ихъ ви-

организации борьбы казаковъ съ большевиками, пытаются распространить свою преступную работу по всей территоріи освобожденной отъ большевиковъ.

ПРИКАЗЫВАЮ:

§ 1. **Всѣмъ русскимъ военнымъ начальникамъ** самымъ рѣшительнымъ образомъ пресѣкать преступную работу вышеуказанныхъ лицъ, не стѣняясь примѣнять оружіе.

§ 2. **Всѣмъ русскимъ военнымъ начальникамъ**, начиная съ командировъ полковъ (включительно) и выше, всѣмъ начальникамъ гарнизоновъ арестовывать лицъ для преданія ихъ военно-полевому суду, донося объ этомъ по командѣ и непосредственно — Начальнику Штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

§ 3. **Всѣ начальники и офицеры**, помогающіе преступной работѣ вышеуказанныхъ лицъ, будутъ преданы мной военно-полевому суду.

Такой-же участи подвергнуть начальниковъ, проявляющихъ слабость и бездѣйствіе власти.

Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующій, Адмиралъ Колчакъ. (Подчеркнуто всюду мною С. Н.).

новности и преступности поведения, ни тою или ипою политическою значимостью арестуемаго. Даже болѣе. Открылась не только свобода «примѣненія оружія», но почти вмѣнялось въ обязанность это «примѣненіе», такъ какъ военные начальники всѣхъ степеней, подѣ страхомъ суровой отвѣтственности, приглашались не допускать «слабости и бездѣйствія власти». Какъ должны были понять эти призывы, сопровождаемые угрозою, исполнители приказа? Не означала ли угроза суровыми наказаніями прямого приказа — «не стѣсняться примѣнять оружіе»? Последующія событія доказали, какъ мало было ошибокъ въ такомъ толкованіи приказа. 22 декабря, черезъ двѣ съ лишнимъ недѣли послѣ ареста, былъ умученъ съ 8 другими лицами Н. В. Фоминъ; въ концѣ того же декабря былъ захваченъ въ Златоустѣ Димитрій Сургучовъ съ Янушкевичемъ и оба разстрѣляны безъ суда на мѣстѣ задержанія; въ томъ же декабрѣ, спасаясь отъ ужасовъ полевого суда, замерзъ за Омскомъ К. Т. Почскуевъ; черезъ годъ послѣ того на озерѣ Байкалѣ были умучены безъ суда Марковъ и Михайловъ и съ ними 30 человѣкъ ихъ товарищей; въ 1919 году погибъ отъ злодѣйской руки Г. Ф. Алюновъ.

Стоитъ ли здѣсь говорить о тѣхъ сотняхъ и тысячахъ жертвъ, павшихъ отъ руки сподвижниковъ «Верховнаго Правителя» при возстаніяхъ, усмиреніяхъ и т. п.

Понималъ ли значеніе своего приказа «Верховный Правитель» и предвидѣлъ ли онъ тѣ ужасныя послѣдствія, къ которымъ долженъ былъ вести его приказъ?

Я лично не зналъ Колчака и никогда его не видалъ и не слыхалъ. Потому не могу судить, какъ онъ относился къ своимъ распоряженіямъ и къ возможнымъ отъ нихъ послѣдствіямъ. Не могу также судить о нравственной его личности, достоинствахъ и недостаткахъ его характера, умственныхъ и нравственныхъ его качествахъ. О достоинствахъ его говорятъ и еще скажутъ непосредственные свидѣтели и историки. А о недостаткахъ его личности, передъ ужасомъ его личной трагедіи, должна умолкнуть человеческая совѣсть.

Но Колчакъ олицетворялъ собою опредѣленный политическій принципъ, и въ мѣру своего разумѣнія, посредствомъ принудительнаго аншарата государственной власти, осуществлялъ этотъ принципъ въ жизни.

Можно быть сторонникомъ или противникомъ этихъ принциповъ. Но даетъ ли это право и основаніе для того,

чтобы освобождать носителя и осуществителя этого принципа отъ всякой отвѣтственности за исполненіе его и за методы и формы практическаго его осуществленія?

Можно быть апологетомъ его, можно быть поклонникомъ и почитателемъ личности несчастнаго адмирала. Но даетъ ли это право облекаться въ тогу безпристрастія, и «здороваго чувства подлинной исторической объективности» и снимать съ него, Колчака, отвѣтственность за тѣ злодѣянія, которыя творились его именемъ, по его приказамъ и подъ его властью?

Отвѣтственно-ли лицо, взявшее на себя всю полноту государственной власти, за все творимое во имя осуществленія имъ политическаго идеала?

Какъ назвать и опредѣлить образъ поведенія «верховнаго правителя», не только систематически уклонявшагося отъ преслѣдованія по закону лицъ, виновныхъ въ предумышленномъ совершеніи тягчайшихъ преступленій, но и послѣдовательно и неизмѣнно одобрявшаго эти злодѣянія и награждавшаго исполнителей ихъ раздачей высшихъ чиновъ и высшихъ государственныхъ, военныхъ и административныхъ постовъ, если онъ признавалъ эти дѣянія противными закону и его волѣ?

Заглядывая въ глубину «трагедіи Колчака», дѣлали ли они — апологеты и историки — какое-либо усиліе для того, чтобы бросить хоть мимолетный взглядъ въ глубину трагедіи принесенныхъ на алтарь диктатуры кровавыхъ человѣческихъ жертвъ?

Если не сдѣлали этого усилія, то почему?

А если дѣлали, то почему они, посылая проклятія по адресу виновниковъ гибели Колчака, умалчиваютъ о трагедіи тѣхъ, которымъ пришлось пережить свою трагедію, уготованную имъ Колчакомъ и его агентами? Или они считаютъ, что трагедія диктатора и «Верховнаго Правителя» глубже, чище и возвышеннѣе трагедіи нетитулованнаго Нила Фомина и восьми съ нимъ, исколотыхъ штыками и изрубленныхъ шашками въ страшную декабрьскую ночь, при 40 градусахъ мороза раздѣтыхъ до-нага. Или то, что пережили Марковъ и Михайловъ со своими 30 товарищами на озерѣ Байкаль не заслуживаетъ высокаго названія трагедіи, когда ихъ перебили прикладами и еще живыми сбрасывали со штыковъ въ воды Байкала?

Или человѣческая жизнь неравноцѣнна? Или эти по-

слѣдніе не носили не только образа и подобія Божія, но и образа человѣческаго?

Страшны трагедіи Екатеринбургa и Иркутска, и ужасомъ и отвращеніемъ переполяется сердце отъ злодѣяній людей, кровавою рукой завершившихъ эти трагедіи. Но не менѣе страшны трагедіи Иртыша и Байкала и не менѣе отвратительны и чудовищны дѣянія ихъ виновниковъ. И не одна ли потому должна быть и мѣра ихъ оцѣнки?

Я знаю, мнѣ возразятъ ссылкой на то, что Колчакъ лично неповиненъ въ тѣхъ злодѣяніяхъ, которыя совершались его именемъ, что онъ хотѣлъ бороться противъ нихъ, осуждалъ ихъ.

Возраженіе это бьетъ, однако, мимо цѣли. Вѣдь, рѣчь идетъ здѣсь не о личности Колчака, не о личныхъ его достоинствахъ и недостаткахъ, а о той политической системѣ, высшимъ и отвѣтственнымъ предводителемъ которой онъ захотѣлъ быть и проводить которую въ жизнь онъ взялся. А дѣянія его въ такомъ качествѣ подлежатъ и должны подлежать суду общественнаго мнѣнія и общественной совѣсти. Подъ его верховной властью нашли себѣ свободу для безнаказанныхъ преступленій худшіе элементы реакціи, и онъ ничего не сдѣлалъ для ихъ обузданія, для пресѣченія ихъ злодѣяній. Прикрывая ихъ, онъ приная на себя ихъ вину, и за это долженъ отвѣчать передъ исторіей и передъ народомъ...

Около 8 часовъ вечера намъ объявили, что сейчасъ поведутъ. Куда, -- не сказали. Посадили насъ по-двое въ извозничьи санки и повезли то безконечными пустырями, то городскими улицами. Насъ сопровождала конная казачья стража. По обѣимъ сторонамъ и сзади каждаго санокъ скакала отдѣльная тройка всадниковъ съ ружьями на перевѣсѣ, а вся цѣпь санокъ была окружена другою цѣпью всадниковъ. Даже видавшій многіе виды омскій обыватель навѣрно думалъ, что везутъ опасныхъ преступниковъ или партію большевицкихъ комиссаровъ. Да и само начальство, видимо, на это рассчитывало. Надо же было создать нужное общественное настроеніе и стоило это того усердія, какое было проявлено въ дѣлѣ разгрома Съезда.

Около 9 часовъ вечера наша цѣпь остановилась передъ Омской областной тюрьмой. Расположена она въ концѣ двухъ сходящихся у тюрьмы улицъ: Тобольской и Бутырской. Погнали насъ черезъ двойной дворъ тюрьмы, завели всѣхъ въ одну комнату, гдѣ, очевидно, помѣщался тю-

ремный писарь. Кратко опросивъ фамиліи и званія, записали въ дневникъ и, какъ полагается, подвергли обыску. Былъ онъ необычайно поверхностенъ. Опытная рука пожилого надзирателя словно намѣренно скользила мимо кармановъ нашихъ, и, благодаря этому ни у кого ничего не было отобрано. Отношеніе это нами сразу было замѣчено, и кассиръ Съезда Марковецкій успѣлъ предъ своимъ осмотромъ передать мнѣ на время его обыска находившіяся у него суммы.

Сдѣлать это тѣмъ болѣе было легко, что осмотрѣнныхъ не отдѣляли отъ ожидающихъ осмотра и, помнится, пользуясь этимъ, нѣкоторые изъ насъ совсѣмъ избѣгли осмотра. Однако, для насъ это не имѣло почти никакого значенія, ибо все, что у насъ было, уже было отобрано у насъ въ теплушкѣ.

Размѣстили насъ въ самомъ верхнемъ этажѣ трехэтажнаго зданія, въ правомъ переднемъ углу его, рядомъ съ открытымъ общимъ клозетомъ. Трехъ изъ насъ: Филипповскаго, Нестерова и Девятова, подписавшихъ телеграмму съ протестомъ противъ переворота, помѣстили въ одиночныя камеры, дверями также противъ указаннаго мѣста.

Камера наша рассчитана была нормально на 8 человѣкъ, по четыре человѣка на двухъ нарахъ. Насъ же было, кромѣ одиночниковъ, 22 человѣкъ. По службѣ своей по судебному вѣдомству мнѣ много приходилось посѣщать и видѣть тюремъ. Омская тюрьма, бывшая нѣкогда пересыльной, изъ всѣхъ видѣнныхъ мною тюремъ была наихудшей.

Режимъ для насъ начальство установило довольно суровый. Однако, какъ всегда и вездѣ, и у насъ нашлись пути и средства, прорвавшіе эту цѣпь строгостей и ограниченій. Благодаря чистой случайности, мы на другой же день по заключеніи насъ въ тюрьму установили съ внѣшнимъ міромъ наилучшія связи.

Произошло это слѣдующимъ образомъ. В. В. Подвижкій, въ бытность свою особоуполномоченнымъ Комитета въ Симбирскѣ, назначилъ моего двоюроднаго брата штабсъ-капитана В. С. Сергѣева начальникомъ Симбирской губернской тюрьмы. При обратномъ занятіи Симбирска красными, братъ мой, вмѣстѣ со своимъ помощникомъ Пульхеровскимъ и тюремнымъ инспекторомъ Хтыбовымъ эвакуировались изъ Симбирска. Ища пріюта, очу-

тились они сначала въ Самарѣ, затѣмъ въ Уфѣ, наконецъ, изъ Уфы были эвакуированы въ Сибирь и остановились въ Омскѣ. Всѣ трое были прикомандированы къ омской областной тюрьмѣ.

На слѣдующій день по прибытіи нашемъ въ тюрьму, вступили въ дежурство мой братъ. Ознакомившись по дневнику со спискомъ вновь прибывшихъ, онъ немедленно поднялся въ нашу камеру. Всегда на службѣ строгій и выдержанный, онъ въ присутствіи дежурнаго надзирателя официально поздоровался съ нами, а затѣмъ вызвавъ меня въ корридоръ, наскоро сказалъ: «Я такъ и зналъ, что этимъ кончится. Ну, дѣлать нечего. Я пойду съ повѣркой по другимъ камерамъ, а вы, въ частности ты, заготовьте всѣ ваши порученія ;я зайду за ними».

Такъ и было сдѣлано. Онъ взялъ всѣ наши письма и адреса, и на другой же день къ намъ стали поступать отъ вѣтныя письма, передачи и проч. Такимъ путемъ мы были въ курсѣ всѣхъ происходящихъ въ Омскѣ дѣлъ и событій. Даже въ Уфѣ о новомъ мѣстѣ нашего пребыванія узнали лишь изъ его телеграммы моей женѣ. Благодаря этой связи, мы не особенно нуждались въ свиданіяхъ съ родными. Къ сожалѣнію, путь этотъ къ внѣшнему міру скоро для насъ закрылся. Ровно черезъ недѣлю братъ мой былъ призванъ въ войска и покинулъ тюрьму. Этимъ, однако, не все для насъ было потеряно. Его, до нѣкоторой степени, замѣщаль въ отношеніи къ намъ его помощникъ Пульхеровскій.

Дни проходили за днями. А мы все сидѣли и не знали, въ чемъ насъ обвиняютъ и что предполагаютъ съ нами дѣлать. Никакихъ обвиненій намъ не предъявляли, и мы даже не знали, за кѣмъ мы числимся. Въ тѣ дни посѣтилъ насъ однажды прокуроръ Омскаго Окружного суда. Спросилъ, не имѣемъ ли мы какихъ претензій. Мы напомнили ему о его обязанностяхъ по 9 и 11 ст. У. У. С. и указали, что «Верховный Правитель» въ своемъ актѣ о принятіи на себя власти обѣщаль соблюдать «закопъ и правопорядокъ». Но «око государево» и блюститель закона на это ничего не отвѣтилъ. Больше онъ насъ не посѣщаль и что дѣлалъ онъ съ указанными статьями названнаго Устава, — мы не знали.

Однако, мы не совсѣмъ были забыты. Въ тюрьму прибыли два товарища прокурора казанской судебной палаты г. Делюлинъ и Ф. А. Карасевъ. Оказалось, что наше

«дѣло» поручено разслѣдовать прокурорскому надзору казанской судебной палаты. Дедюлинъ и Карасевъ нѣкогда состояли прокурорами симбирскаго окружного суда. Я зналъ ихъ обоихъ. Ни тотъ, ни другой никогда не слыли за «свирѣпыхъ». Назначеніе ихъ было хорошимъ для насъ предзнаменованіемъ. Первымъ вызвали В. Подвицкага. «Вотъ при какихъ обстоятельствахъ мы съ вами встрѣчаемся», сказалъ кто-то изъ нихъ съ сожалѣніемъ. Этотъ участливый вопросъ сразу установилъ къ допрашивающимъ довѣрчивое съ нашей стороны отношеніе. Кажется, вторымъ былъ на допросѣ я. Карасевъ меня зналъ лично. Допросъ производился необычайно доброжелательно. Ставились подсказывающіе вопросы. Прокуроры дали мнѣ понять, что они направляютъ дѣло въ томъ смыслѣ, что никто изъ насъ къ Ц. К. п. с.-р. не принадлежитъ, въ составленіи известной деклараціи Ц. К. участія не принималъ и ея не подписывалъ. При дальнѣйшихъ вопросахъ отвѣты въ такомъ смыслѣ и были даны. Впечатленіе отъ допроса было у насъ очень хорошее. Прокуроры были настроены къ намъ благожелательно и опредѣленно дали намъ понять, что для привлеченія насъ къ отвѣтственности не имѣется никакихъ основаній. Это значительно подняло наше настроеніе и мы были увѣрены, что въ скоромъ времени будемъ освобождены. Эта наша увѣренность подкрѣплялась еще и другими источниками.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего прибытія въ тюрьму, однажды на прогулкѣ кто-то кликнулъ намъ въ форточку изъ одной камеры второго этажа. Это оказался Н. В. Фоминъ. Съ нимъ были одновременно доставлены въ тюрьму Кириенко, Маевскій и Локотовъ. Такъ какъ на прогулкѣ всегда присутствовалъ надзиратель, то наша бесѣда не могла быть продолжительной и откровенной. Нашли для этого другой путь. Вскорѣ отъ Н. В. черезъ одного изъ надзирателей мы получили большое письмо, въ которомъ онъ излагалъ намъ обстоятельства своего ареста, а также и разныя омскія новости. Надо сказать, что онъ также установилъ съ внѣшнимъ міромъ очень крѣпкія связи. Какимъ путемъ и черезъ кого — мы не знали. Онъ очень регулярно получалъ извнѣ новости и каждый разъ дѣлился ими съ нами. Кажется, шло онъ отъ кооператоровъ Закупсбыта. Въ названномъ письмѣ онъ между прочимъ писалъ, что прѣхавшій въ Сибирь и бывший въ Омскѣ чешскій военный министръ Стефанекъ потребовалъ отъ Колчака осво-

божденія «учредилловцевъ». Это еще болѣе окрылило насъ, и мы со дня на день ждали освобожденія.

Но день проходилъ за днемъ, и мы не имѣли никакихъ свѣдѣній о ходѣ и положеніи нашего дѣла. Отъ бездѣлн и неизвѣстности стали напоминать о себѣ наши нервы, и иногда вспыхивали между нами непонятныя въ обычныхъ условіяхъ стычки и словесныя перепалки. Но среди насъ были товарищи, имѣвшіе за собой десять лѣтъ каторжной тюрьмы и привыкшіе ко всякой обстановкѣ. Они придумывали всякія мѣры для незамѣтнаго коротанія времени. Особенно большимъ мастеромъ этого дѣла былъ Н. Н. Ивановъ. Уже однимъ своимъ спокойствіемъ и безмятежностью вселяя оны и въ насъ всѣхъ спокойствіе. Онъ лѣпиль намъ изъ хлѣба шахматы, организовывалъ чтенія вслухъ и т. п. А. Н. Сперанскій оказался прекраснымъ чтецомъ. Особенно памятно мнѣ его первое чтеніе отрывка изъ «Пошехонской Старины». Въ *вечеръ онъ прочиталъ пять разказовъ и всѣ пять оканчивались повѣствованіемъ о смерти героевъ разказовъ.

Въ страшную декабрьскую ночь изъ нашей камеры были взяты и разстрѣляны пять человекъ. Памятно въ связи съ этимъ и слѣдующее обстоятельство. Въ предпоследнюю ночь своей жизни всѣ эти пять нашихъ товарищей сидѣли и пѣли «Святый Боже» и «Со святыми упокой». Пѣніе это въ напряженной атмосферѣ тюремнаго житія на нѣкоторыхъ изъ нашихъ товарищей произвело гнетущее впечатлѣніе, и одинъ изъ нихъ взволнованно сказалъ: «Да бросьте вы это. На свою голову что-ли поете»? Послѣ, когда мы въ тюрьмѣ узнали о гибели нашихъ товарищей, это обстоятельство неоднократно служило предметомъ нашихъ разговоровъ. Въ самомъ дѣлѣ, что же это было? Случайность и совпаденіе? Или предчувствіе того страшнаго, что уже висѣло невидимо надъ головами нашихъ товарищей. Случайность!.. Но неужели ее можно считать объясненіемъ? Неужели такое «объясненіе» способно удовлетворить умъ и успокоить совѣсть?

Книгами для чтенія снабжалъ насъ политическій староста по тюрьмѣ Михельсонъ. Иногда онъ задерживался у насъ и разказывалъ объ успѣхахъ красныхъ на фронтѣ, о непрочности положенія Колчака и т. п. Но мы были осторожны къ этому «интернационалисту». Не внушали намъ довѣрія ни его разказы, ни онъ самъ. Поэтому онъ скоро потерялъ охоту къ бесѣдамъ съ нами и прекратилъ свои

визиты въ нашу камеру. Но надо сказать, что у тюремной администраціи этотъ будущій «комиссаръ мѣсть заключенія» пользовался большимъ довѣріемъ и свободой. Онъ во всякое время и во всѣ камеры входилъ по собственному усмотрѣнію. Бывали случаи, что ему «подъ честное слово» давали даже разрѣшеніе на отпускъ въ городъ. Однажды, вернувшись изъ такого отпуска, онъ зашелъ къ намъ очень оживленный. Говорилъ какими-то полунамеками. Видно было, что человѣкъ чувствуетъ себя недурно. И было чего торжествовать! Въ слѣдующую ночь онъ уже распорядился въ тюрьмѣ, какъ полноправный диктаторъ, во власти котораго была наша жизнь и наша смерть.

Въ такой обстановкѣ подошли страшныя ночи 22-23 декабря.

Около часа ночи или нѣсколько позже, съ субботы на воскресенье шумъ. Раздались крики, звякали желѣзные запоры дверей камеръ, топали многочисленныя ноги и стучали приклады о каменные полы. Вскорѣ послышался стукъ и въ нашу дверь и при этомъ кто-то крикнулъ: «Какъ быть съ учредилловцами? Прикончить ихъ?» Тутъ же мы услышали распорядительный знакомый намъ голосъ, Михельсона: «Никого изъ политическихъ не трогать и всѣхъ освободить». Тутъ же дверь нашей камеры открылась и вошедшій Михельсонъ продолжалъ: «Товарищи! Колчаковская власть пала. Въ городѣ возстаніе и власть захвачена рабоче-крестьянскою властью. Объявляется всѣмъ свобода. Никто изъ политическихъ не долженъ оставаться въ тюрьмѣ».

Что было намъ дѣлать? Наскоро одѣлись и всѣ вышли во дворъ тюрьмы. Здѣсь мы при 40 градусномъ морозѣ простояли не менѣе получаса. Пришедшіе въ тюрьму люди ходили по разнымъ камерамъ политическихъ и освобождали. Но среди насъ не оказалось Фомина и другихъ, помѣщавшихся во второмъ этажѣ. Н. Н. Ивановъ и Федоровичъ вновь пошли въ тюремное зданіе и, по ихъ указанію, были выпущены изъ одиночныхъ камеръ и Фоминъ, Кириенко, Маевскій и Локотовъ. Ни одинъ изъ уголовныхъ не былъ выпущенъ. Слыша происходящее освобожденіе политическихъ, они подняли въ разныхъ камерахъ изъ оконъ крикъ, прося освободить и ихъ и называя себя политическими. Поднятый ими шумъ становился опаснымъ. Пришедшій отрядъ, всѣ въ военной формѣ и съ винтовками, въ числѣ около 30-40 человѣкъ, стали насъ торопить

и вывели на улицу. Тутъ одинъ изъ нихъ сказалъ: «Товарищи, немедленно скройтесь! Можете попасть подъ пулеметный огонь». Большевики немедленно исчезли. А мы, группа «учредилловцевъ», въ недоумѣніи остались у тюремныхъ воротъ и рѣшительно не знали, что дѣлать. Никто изъ насъ совершенно не зналъ Омска, и мы недоумѣвали, въ какую сторону собственно идти, чтобы попасть въ центральныя части города.

Городъ лежалъ въ абсолютной тишинѣ и глубокомъ мракѣ. Нигдѣ ни одного звука, никакого движенія. Нелыханный холодъ до костей пронизывалъ насъ. Одѣти мы были всѣ легко. Оставаться около тюрьмы нельзя было ужъ и потому, что чувствовалась потребность въ движеніи, чтобы не окоченѣть окончательно. Нестройной гурьбой пошли внизъ по улицѣ (оказалась она Тобольской). Куда, — никто этого не могъ сказать. Предполагали — въ Центросоюзъ или Закупсбытъ. Шли мы тихо, т. к. среди насъ былъ одинъ хромоу товарищъ (Владыкинъ). Это было очень неудобно и двое изъ насъ — Федоровичъ и Ивановъ — понесли его на рукахъ. Само собою разумѣется, и это не особенно ускорило наше движеніе. Лично я могъ отправиться къ женѣ. Я зналъ черезъ брата, что она помѣстилась недалеко отъ тюрьмы, по Бутырской улицѣ № 36. Но гдѣ искать эту улицу? Вдвоемъ съ И. В. Васильевымъ мы все же рѣшили идти на поиски. Спросить было некого. Подходили къ каждому углу и пытались, гдѣ можно, читать надписи съ названіемъ улицы. Искали долго, не отходя далеко, но нужной улицы не находили. Потерявъ надежду, направились къ виднѣвшейся недалеко церкви, рассчитывая попасть туда къ началу службы въ шесть часовъ. Къ радости наткнулись мы на человѣческую фигуру, оказавшуюся ночнымъ сторожемъ. Онъ указалъ намъ дорогу на Бутырскую улицу и приблизительно мѣсто, гдѣ былъ домъ № 36. Вскорѣ послѣ этого мы нашли нужный домъ. Какъ караульщику, такъ и впустившему насъ домовладѣльцу, у котораго квартировала моя жена, мы сказали, что только-что прибыли съ фронта. Благо, на мѣсть былъ полунабоекъ, покрытый солдатскимъ сукномъ. Для прибывшаго съ фронта нѣсколько подозрительнымъ могло показаться штатское одѣяніе И. В. Васильева.

Въ комнату вошли мы около половины четвертаго ночи. Не прошло и пяти минутъ, какъ по нашей улицѣ проскакалъ какой-то конный отрядъ. О снѣ, конечно, не мог-

до быть и рѣчи. Но, чтобы не привлекать вниманiя, огонь мы погасили. Первымъ дѣломъ, когда мы встали, было установить, что произошло ночью въ городѣ и какова обстановка сейчасъ.

Объ этомъ безошибочно можно было догадаться, не выходя изъ комнаты: показались вѣрные признаки того, что мы сдѣлались жертвою обмана. Вооруженные съ ногъ до головы, съ пулеметными лентами черезъ плечо и на поясахъ, проходили по улицамъ города офицеры съ погонами. Было ясно, что никакого переворота не было, или, если и была попытка къ нему, то она въ корни подавлена. Было необходимо все это провѣрить. Отъ хозяина мы узнали, что на улицахъ города ходятъ вооруженные офицеры и солдаты и у каждаго появляющагося на улицѣ мужчины требуютъ удостовѣренiя личности и провѣряютъ, кто, куда и зачѣмъ идетъ. Это обстоятельство заставило насъ послать мою жену разузнать истинное положенiе въ городѣ. Въ первую очередь она пошла къ брату; но оказалось, что онъ въ составѣ отряда отпавленъ въ Куломзино для подавленiя возстанiя рабочихъ. Жена побѣжала къ Девятовой. Тамъ оказались Фоминъ и Девятовъ. Они также уже знали о провалѣ большевистской затѣи и знали также, что на улицахъ за подписью атамана Сибирскаго казачьяго войска и командующаго Сибирской армiей генерала Иванова-Ринова расклеено объявленiе*), угрожающее военно-полевымъ судомъ всѣмъ ушедшимъ въ прошлую ночь изъ тюрьмы, если они къ 2 часамъ дня добровольно не вернуться въ тюрьму. Смертная казнь грозила и хозяевамъ квартиръ и домовъ, у которыхъ будутъ обнаружены названныя лица. Положенiе требовало безотлагательнаго рѣшенiя: скрыться или вернуться въ тюрьму. И то, и другое представляло очевидную опасность и требовало обдуманнаго и общаго согласованнаго рѣшенiя. Вернувшись, моя жена сообщила, что Фоминъ, Девятовъ, Брудереръ и др., черезъ кооператоровъ, кажется черезъ Балакшина, обращались къ министру юстиции Старынкевичу съ вопросомъ — какъ быть, и тотъ будто рекомендовалъ немедленно вернуться въ тюрьму, — лишь въ такомъ случаѣ гарантируя намъ безопасность.

Вскорѣ появился приказъ начальника гарнизона Бржозовскаго, предписывавшiй всѣмъ незаконно освобожден-

*) Приказъ № 160 отъ 22 дек. 1918 г.

нымъ изъ тюрьмы, вернуться обратно въ тюрьму, угрожая «разстрѣливать на мѣстѣ всѣхъ не явившихся задержанныхъ», если они не вернутся въ тюрьму къ шести часамъ вечера *).

Положеніе было угрожающимъ. Опять отправилась жена къ Фоминымъ и узнала тамъ, что всѣ рѣшили вернуться въ тюрьму. Оставалось только присоединиться къ этому рѣшенію тѣмъ болѣе, что г. Шевченко, нашъ домохозяйинъ, обнаруживалъ явные признаки безлокойства и подозрительности. Впослѣдствіи мы узнали, что отъ доноса на насъ его удержалъ квартировавшій у него братъ т-ща министра продовольствія г. Кропачинскій.

Мы отправились въ тюрьму засвѣтло: думали, что это обережетъ насъ отъ расправы на улицѣ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи насъ сопровождала жена. Тюрьма была объявлена на осадномъ положеніи и, дѣйствительно, представляла стариннаго образца осажденную крѣпость. Со всѣхъ сторонъ она была окружена войсками, спереди и по угламъ ограды стояли пулеметы; отъ сильнаго холода были разведены костры. Мы подошли къ группѣ солдатъ и спросили начальника. Явился молодой офицеръ. Мы сказали ему, кто мы и зачѣмъ пришли. Онъ удалился въ тюремную канцелярію и, вернувшись минутъ черезъ 5-10, повелъ насъ въ канцелярію. Здѣсь принялъ насъ казачій полковникъ**).

Кромѣ него тутъ были: г. Пульхеровскій, бывшій товарищъ прокурора симбирскаго окружного суда А. Траугманъ и безпомощно стоявшій у двери въ своемъ лѣтнемъ пальто съ поднятымъ воротникомъ прокуроръ казанской судебной палаты Н. И. Миролобовъ.

Полковникъ, установивъ нашу личность, спросилъ насъ, почему мы явились съ опозданіемъ. На это мы отвѣтили, что это не такъ, что согласно приказа мы могли явиться лишь къ шести часамъ вечера, а въ данную минуту лишь три часа дня. При этомъ мы обратились къ прокурору Миролобову, прося его удостовѣрить, что мы явились ровно въ три часа. Прокуроръ промолчалъ. Въ это время г. Траугманъ отозвалъ полковника въ сторону и сталъ ему что-

*) Гинсъ говорить: «Оба приказа ноощряли къ расправѣ» (II, 96 стр.). Оспаривать это мнѣніе едва ли есть какая необходимость.

**) Жена Н. В. Фомина удостовѣряетъ, что «въ тюрьмѣ распорядился отрядъ Красильникова» (Е. Колосовъ, стр. 81). Надо думать, что этотъ полковникъ быть самъ атаманъ.

то шептать. Мы знали другъ друга. Полное ничтожество, способное на любую пакость и угодничество передъ всякимъ, Траутманъ даже въ эту страшную минуту могъ пойти на неслыханную мерзость. Поэтому у меня сразу мелькнула мысль, что онъ доносителъствуетъ на меня. Вернувшись къ намъ, полковникъ сталъ допытываться, гдѣ мы были въ теченіе времени отъ освобожденія до возвращенія въ тюрьму. Чтобы не подвергнуть жену неприятностямъ обыска и допросовъ, мы съ Васильевымъ заранѣе условились, какъ отвѣтить на подобный вопросъ. Мы отвѣтили, что ходили по улицамъ, были потомъ въ церкви, а затѣмъ пили чай и обѣдали въ одномъ изъ ресторановъ на Любимовскомъ проспектѣ. Онъ не вѣрилъ и потомъ вдругъ заявилъ, что мы должны были быть у моей жены. Я не ошибся, что Траутманъ донесъ на меня. Онъ зналъ, что моя жена была въ Омскѣ. Полковникъ злился, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Не знаю, почему ему особенно хотѣлось знать, гдѣ мы были. Онъ предъявилъ насъ арестованному и отстраненному отъ должности начальнику тюрьмы г. Веретенникову. Тотъ посмотрѣлъ на меня и, замѣтивъ, что я въ гимнастеркѣ, сказалъ, что раньше въ тюрьмѣ я сидѣлъ въ пиджакѣ. Полковникъ олять кинулся допытываться, гдѣ мы были. Но, не добившись ничего и передавъ насъ караульному офицеру, сказалъ: «А этихъ — въ одиночныя камеры!» Мы поняли, что кое-кто уже вернулся и что наше положеніе должно быть хуже, чѣмъ другихъ.

Я попалъ въ камеру, гдѣ раньше помѣщался И. И. Девятовъ, а Васильевъ — рядомъ со мной, въ камеру Нестерова. Однако, около шести часовъ вечера, меня перевели въ прежнюю общую камеру, освободивъ одиночную для вернушагося, вмѣстѣ съ Фоминымъ и Брудереромъ, Девятова. Къ тому времени въ общей камерѣ были уже всѣ ея прежніе обитатели, за исключеніемъ Н. Н. Иванова, Ф. Ф. Федоровича, Почекуева, Владыкина и Сперанскаго. Послѣдніе двое вернулись черезъ сутки, проведя одну ночь въ милиціи. Не вернулись также Филипповскій и Нестеровъ. Одиночники изъ второго этажа — Фоминъ, Мзенскій, Киріенко и Локотовъ также были въ своихъ камерахъ.

За истекшія сутки послѣ нашего подневольнаго освобожденія въ тюрьмѣ произошло слѣдующее. Обманутый большевиками, пришедшими въ тюрьму якобы на под-

крѣпленіе караула, весь составъ караула (около 20 человекъ) былъ разстрѣлянъ (говорили, на тюремномъ же дворѣ). Начальникъ тюрьмы былъ отстраненъ отъ должности и арестованъ, и въ исполненіе обязанностей начальника вступилъ симбирскій тюремный инспекторъ Хлыбовъ. Былъ арестованъ и весь составъ надзирателей, дежурившихъ въ прошлую ночь. Они содержались въ сосѣдней съ нами камерѣ, гдѣ раньше были ушедшіе большевики. Въ воскресенье утромъ часовъ въ 11 въ тюрьму прибылъ одинъ изъ допрашивавшихъ насъ прокуроровъ для освобожденія насъ, согласно постановленія производившихъ разслѣдованіе чиновъ прокурорскаго надзора, за отсутствіемъ состава преступления. Но... оказалось некого освобождать.

Осадное положеніе тюрьмы, расправа съ карауломъ, строгости въ отношеніи ни въ чемъ неповинныхъ надзирателей и, наконецъ, пережитое нами за истекшія сутки — все это не давало намъ поводовъ для спокойной встрѣчи наступающей ночи. Всѣми чувствовалось, что кругъ событий еще не сомкнулся и впереди могутъ возникнуть новыя неожиданности. Лишь одинъ Брудереръ былъ настроенъ не плохо. Онъ увѣрялъ, что по выполненіи нами приказовъ о явкѣ въ тюрьму и послѣ данной Старынкевичемъ гарантіи нѣтъ основаній для беспокойствъ о нашей судьбѣ.

Однако, событія вскорѣ доказали противное. Какъ и въ минувшую ночь, около половины второго ночи въ камеру нашу явились въ сопровожденіи дежурнаго надзирателя два казака и по принесенной записи стали вызывать Барсова, Марковецкаго, Лиссау, Брудерера и Сарова. Неописуемый ужасъ объялъ насъ всѣхъ. Съ застывшимъ дыханіемъ каждый изъ насъ ждалъ, вотъ-вотъ произнесетъ казакъ его фамилію. Но казакъ остановился и вызваннымъ приказалъ одѣваться. В. Е. Павловъ глухимъ, сдавленнымъ голосомъ спросилъ: «Куда вы ихъ берете?» — Казакъ отвѣтилъ: «На допросъ». Каждый изъ насъ зналъ, что значить въ такіе часы и послѣ такихъ событий идти «на допросъ». Я не видѣлъ, какъ вели себя остальные вызываемые. Но не могу безъ ужаса вспомнить, что творилось съ Саровымъ, лежавшимъ со мною рядомъ. Его трясло невообразимой дрожью; зубы его стучали другъ о друга, у него почти остановилось дыханіе; обуваясь, онъ путался въ чулкахъ и сапогахъ и не сразу могъ ихъ надѣть на себя. Зловѣщее, невыразимое молчаніе стояло въ камерѣ.

Каждый звукъ, каждое слово, каждое движеніе, нарушающее это ужасное молчаніе, казалось преступленіемъ, оскверненіемъ какой-то святыни. Молчали и уводимые. Лишь передъ самымъ уходомъ Павловъ нарушить это молчаніе словами: «Прощайте, товарищи». — «Нѣтъ, зачѣмъ прощайте, мы еще вернемся, мы еще увидимся», — неувѣреннымъ голосомъ отозвался старикъ Барсовъ. Остальные молчали и молча ушли съ приходшими. А мы послѣ нихъ продолжали также молчать. Но опять это молчаніе было нарушено Павловымъ: «А помните, товарищи, какъ они пѣли «Святый Боже»... И опять страшное, холодное молчаніе. Никто не спалъ, но не говорилъ. Всѣ почти знали, куда ихъ повели. Но никто не осмѣливался высказать свои мысли вслухъ.

Наступило утро, а наши товарищи все еще не возвратились съ «допроса». Наступилъ и прошелъ день, все то же.

Значить вѣрно, что ихъ повели туда, откуда нѣтъ возврата?

А чья очередь въ слѣдующую ночь? А она неминуема, эта очередь, этотъ жребій. Вотъ опять среди ночи щелкаютъ желѣзные запоры дверей въ сосѣднихъ камерахъ. Кого-то ведутъ. Опять щелкаютъ и опять ведутъ. Такъ всю долгую-долгую ночь. Страшно напрягаются нервы, сохнеть языкъ, нѣмѣютъ руки и ноги. Страшно двинуться, шевельнуться. Лишь слухъ настораживается до послѣднихъ предѣловъ. Ждешь вотъ-вотъ желѣзные запоры защелкаютъ у нашей двери. Но нѣтъ. Чуть-чуть начинается брезжить утренній свѣтъ. Значить, не пришли. Можно нѣсколько соснуть.

А утромъ приходитъ къ намъ писарь изъ уголовныхъ. Онъ рассказываетъ, что въ прошлую ночь опять было взято нѣсколько человѣкъ и никто изъ нихъ не вернулся. Высказываетъ догадку, что въ слѣдующую ночь повторится то же самое. Но въ слѣдующую ночь къ намъ никто не приходилъ. Значить ли это, что писарь былъ къ намъ къмъ-то подосланъ и продѣлывалъ надъ нами недобрую шутку?

Такъ провели мы четыре дня и четыре ночи. Каждый вечеръ, около 8 часовъ вечера, начальникъ караула, офицеръ, производилъ повѣрку. Выводилъ насъ изъ камеры, вызывалъ по имени, а потомъ пересчитывалъ. Нѣкоторые, очевидно, особенно обстоятельные, когда мы стояли въ

корридорѣ, осматривали нашу камеру, заглядывали подъ нары. Мы вообще ничего не знали. Вся наша связь съ внѣшнимъ міромъ была порвана окончательно. Мы не знали даже о томъ, знаютъ ли о страшныхъ событіяхъ, происшедшихъ въ тюрьмѣ, наши родные и знакомые?

Но они знали, что и «какъ это было». «Такія дѣла», какъ бы ихъ ни скрывали, всегда узнаются скоро. Названный выше братъ мой В. С. Сергѣевъ, возвратился изъ подѣ Куломзина въ воскресенье поздно вечеромъ. На другой день рано утромъ среди военныхъ онъ услышалъ о происшедшей въ тюрьмѣ расправѣ надъ «учредивовцами». Не зная, въ точности, кто именно пострадалъ, онъ немедленно отправился въ тюрьму къ исполняющему обязанности начальника тюрьмы г. Хлыбову и узналъ отъ него слѣдующее.

Ночью съ 22 на 23 декабря на грузовомъ автомобилѣ прибыла въ тюрьму группа военныхъ во главѣ съ офицеромъ. Офицеръ обратился къ Хлыбову съ устнымъ требованіемъ отъ имени какого-то военного начальства (къ сожалѣнію, не помню, отъ кого именно) о выдачѣ «учредивовцевъ». Такъ какъ письменнаго ордера не было, то Хлыбовъ, имѣя передъ собой опытъ прошлой ночи, отказался удовлетворить требованіе офицера. Въ подтвержденіе своего требованія офицеръ предложилъ Хлыбову созвониться съ соответствующимъ начальствомъ*). Последнее подтвердило требованіе офицера, не давъ, однако, указаній, кто именно изъ заключенныхъ долженъ быть отпущенъ. Было ли при этомъ указано, для какихъ именно цѣлей требовались заключенные, я не знаю. Офицеръ потребовалъ тогда списокъ учредивовцевъ, а также и другихъ политическихъ заключенныхъ, и, по своему усмотрѣнію, сталъ отмѣчать и выписывать подлежащихъ увозу. По мнѣнію Хлыбова, офицеръ выбиралъ большею частью лицъ съ не русской фамиліей. Имена Брудереръ, Лиссау, Марковицкій, Киріенко, Фонъ-Мекка дѣйствительно лагютъ нѣкоторое основаніе для такого предположенія. Взято было всего четырнадцать человѣкъ: пять изъ нашей камеры, пять изъ одиночныхъ камеръ, а именно: Н. В. Фоминъ, И. И. Девятовъ, Киріенко, Маевскій и Локотовъ и еще четверо изъ камеры, считавшейся большевицкой; въ числѣ

*) Е. Е. Колосовъ удостовѣряетъ, что это былъ начальникъ гарнизона Бржозовскій.

послѣднихъ былъ Фонъ-Меккъ (говорили, что онъ былъ офицеръ въ чинѣ поручика *)). Что стало съ увезенными изъ тюрьмы, всѣ уже знали.

Получивъ эти свѣдѣнія и удостовѣрившись у Хлыбова, что я уцѣлѣлъ и нахожусь въ тюрьмѣ, братъ отправился къ моей женѣ и, сказавъ, «Семень цѣль и невредимъ, а нѣсколько человекъ изъ нихъ разстрѣляны прощлою

*) Авторы, писавшіе о декабрьскихъ омскихъ убійствахъ, часто расходятся не только въ оцѣнкѣ, но и въ установленіи фактовъ этого ужаснаго дѣла. Одни изъ нихъ (Е. Е. Колосовъ и Л. Ф. Раковъ) утверждаютъ, что за увезенными изъ тюрьмы прѣзжали два раза; другіе (Гинсъ) — одинъ разъ. Первые утверждаютъ, что декабрьскія жертвы шли по суду (эту версию поддерживалъ и самъ Колчакъ при его допросѣ); другіе (Гинсъ) утверждаютъ, что онъ документально установилъ, что убійства были слѣдствіемъ не судебного приговора. Я полагаю, что за заключенными прѣзжали въ тюрьму одинъ разъ. О томъ свидѣтельствуетъ Хлыбовъ; о томъ же говорилъ намъ посѣщавшій насъ писарь, и кромѣ того, послѣ увоза нашихъ товарищей, мы не слышали, чтобы еще разъ прѣзжалъ грузовой автомобиль.

Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ погибшіе въ декабрьскіе дни «учредилловцы» были приговорены къ смерти военно-полевымъ судомъ. Легенда объ «офицерскомъ самосудѣ» совершенно разбита Е. Е. Колосовымъ. Самъ Колчакъ удостовѣряетъ, что убитые были преданы военно-полевному суду и разстрѣляны по приговору послѣдняго (см. Арх. Русской Революціи, т. X, стр. 312). За это говорятъ и нѣкоторыя косвенныя указанія. Такъ, приходившіе въ камеру «учредилловцевъ» казаки говорили, что вызываемыхъ они берутъ «на допросъ»; а опытный въ тюремномъ дѣлѣ Хлыбовъ безъ формальнаго требованія суда, едва-ли бы отпустилъ заключенныхъ.

Главными виновниками гибели 14-ти всѣми указанными авторами, а также и самимъ Колчакомъ, признаются генералъ Ивановъ-Риновъ и Матковский и начальникъ Омскаго гарнизона полковникъ Бржозовскій

Косвенно вина въ гибели безвинныхъ падаетъ на Минъ Юстиціи С. С. Старынкевича. Въ оцѣнкѣ его поведенія согласны и Колосовъ, и Гинсъ, и Колчакъ. Это онъ безъ нужды и незаконно задержалъ въ тюрьмѣ арестованныхъ; это онъ гарантировалъ безопасность добровольно вернувшимся въ тюрьму

Нѣтъ расхожденія и въ опредѣленіи мотивовъ убійства Е. Е. Колосовъ удостовѣряетъ, «что Ивановъ-Риновъ, усиленно соперничавшій съ Колчакомъ, сознательно бросилъ ему (Колчаку) въ лицо трупы «учредилловцевъ», какъ вызовъ и какъ залогъ кроваваго сообщничества въ дальнѣйшемъ» (101 стр.) А Колчакъ на допросѣ заявляетъ: «Этотъ актъ былъ направленъ персонально противъ меня съ цѣлью дискредитировать мою власть въ глазахъ иностранцевъ» (А. Р. Р.,

ночью», онъ повелъ ее въ тюрьму, чтобы она сама непосредственно могла удостовѣриться въ томъ, что я дѣйствительно живъ и здоровъ. Выходя изъ тюрьмы, они встрѣтились съ С. И. Девятовой и сообщили ей о происшедшемъ.

Съ этого момента задачи нашихъ родныхъ и знакомыхъ, съѣхавшихся къ тому времени въ Омскъ, раздѣли-

т. X, стр. 313). Но само собой разумѣется, что убійцы этимъ актомъ не только дискредитировали власть Колчака, но и истребляли часть «учредиловцевъ», что составляло одну изъ главнѣйшихъ ихъ задачъ. Почему погибли только эти 14 и избѣгли этой участи остальные «учредилорцы»? На этотъ вопросъ Е. Е. Колосовъ и Д. Ф. Раковъ на основаніи имѣвшихся въ ихъ распоряженіи данныхъ, отвѣчаютъ, что «первоначально предполагалось разстрѣлять всѣхъ «учредиловцевъ», безъ изъятія, но въ эту ночь не успѣли, и кто случайно уцѣлѣлъ, спасенъ (Колосовъ, стр. 96, Раковъ, стр. 20).

Физическими исполнителями приговора военнаго суда были два офицера: капитанъ Рубцовъ и поручикъ Барташевскій. Въ этомъ также нѣтъ расхожденія у Колосова съ Колчакомъ.

О большомъ впечатлѣніи, произведенномъ на Колчака разстрѣломъ «учредиловцевъ», говорятъ Колосовъ и полк. Уордъ. Первый сообщаетъ, что «узнавъ о разстрѣлахъ «учредиловцевъ», онъ (Колчакъ) бился въ истерику» (стр. 103). А Уордъ пишетъ: «Колчакъ былъ ошеломленъ сначала отъ бѣшенства изъ-за самого преступленія, затѣмъ отъ своего безсилія предотвратить его» (стр. 94). Этимъ отношеніемъ Колчака къ гибели «учредиловцевъ», очевидно, объясняется и то, что послѣ разстрѣловъ каждый караульный начальникъ по вечерамъ производилъ строгую повѣрку заключенныхъ «учредиловцевъ». Не лишне здѣсь отмѣтить, что послѣ разстрѣловъ 14, никто изъ «учредиловцевъ» въ одиночныхъ камерахъ больше не содержался; всѣ они были переведены въ общую камеру.

Не выяснено, какое было предъявлено в.п. судомъ обвиненіе подсудимымъ. Обвиненіе въ бѣгствѣ изъ тюрьмы и въ несвоевременной явкѣ въ тюрьму было до очевидности нелѣпо. Никто изъ подсудимыхъ изъ тюрьмы не бѣжалъ и всѣ вернулись въ тюрьму въ установленный срокъ.

Здѣсь мнѣ бы хотѣлось исправить одну часто повторяемую многими ошибку. Въ декабрьскіе дни изъ членовъ У. С. непосредственно отъ руки палачей палъ одинъ Н. В. Фоминъ. Называемые членами У. С. Ив. Девятовъ и Брудереръ, а также другіе, членами У. С. не были. Косвенной жертвой этого злодѣянія оказался еще лишь одинъ членъ У. С. — К. Т. Почекуевъ. Не имѣя знакомыхъ въ Омскѣ, и уходя отъ ужасовъ военно-полевого суда, онъ, по нѣкоторымъ свидѣніямъ, отправился пѣшкомъ изъ Омска и ночью по дорогѣ замерзъ въ степи.

лись. Одни занялись розыскомъ погибшихъ; другіе, боясь за судьбу оставшихся въ тюрьмѣ въ живыхъ, безъ отдыха и сна бѣгали и хлопотали о скорѣйшемъ избавленіи насъ, узниковъ, отъ возможной расправы.

Не могу безъ чувства глубокой признательности не отмѣтить здѣсь того участія, которое было проявлено къ намъ чинами прокурорскаго надзора казанской судебной палаты. Узнавъ страшную вѣсть, жена моя немедленно поспѣшила товарища прокурора палаты Ф. А. Карасева, ведшаго вмѣстѣ съ Дедюлинымъ наше дѣло. Оказалось, что именно онъ 22 декабря въ 11 часовъ утра являлся въ тюрьму для освобожденія насъ изъ тюрьмы за прекращеніемъ нашего дѣла въ виду отсутствія состава преступления.

Съ 22 декабря «дѣло» наше было изъято изъ вѣдѣнія гражданской юстиціи и, безъ соблюденія всякихъ закономъ установленныхъ формальностей, захвачено военными властями. Какъ и въ началѣ, по возникновеніи нашего «дѣла», стоило и теперь немовѣрныхъ усилій и трудовъ выяснить, — за кѣмъ мы числимся, кому поручено разслѣдованіе нашего «дѣла», гдѣ и у кого получить необходимыя справки, кого и о чемъ просить. Прокуроръ палаты Н. И. Миролюбовъ, мой профессоръ по казанскому университету, по просьбѣ жены лично самъ ѣздилъ изъ одного конца города въ другой, изъ одного штаба въ другой, третій и т. д., чтобы установить, наконецъ, болѣе или менѣе точно, кто вѣдаетъ нашимъ «дѣломъ» и за кѣмъ мы числимся. И это при 40 градусномъ морозѣ въ одномъ лѣтнемъ пальто! Отдавая себѣ полный отчетъ въ той страшной опасности, которая была связана съ каждой лишней минутой нашего пребыванія въ тюрьмѣ, онъ всюду торопиль, просиль, побуждалъ къ ускоренію изготовляемыхъ бумагъ и справокъ. Добившись, наконецъ, къ 27 декабря, что мы ни за кѣмъ изъ военныхъ властей не числимся и опредѣленнаго «дѣла» о насъ нигдѣ не возбуждено, онъ немедленно пріѣхалъ лично въ тюрьму съ формальнымъ постановленіемъ прокуратуры объ освобожденіи насъ «изъ подъ стражи».

Этапъ нашихъ мытарствъ былъ законченъ.

А въ это время другіе продолжали выясненіе другого «дѣла».

Нечеловѣческую силу воли и духа проявили въ эти дни въ поискахъ своихъ мужей С. И. Девятова и жена Фомина. Не щадя своихъ силъ, не зная отдыха и не считаясь со

временемъ и холодомъ, онѣ побывали у всѣхъ должностныхъ лицъ, обѣгали всѣ присутственныя мѣста, всѣ полицейскіе участки, ища всюду и вездѣ нужныя имъ свѣдѣнія о мѣстѣ и обстоятельствахъ гибели ихъ мужей. Берега Иртыша, Загородная Роща, покойницкія при больницахъ и полицейскихъ участкахъ, гдѣ грудями, «какъ дрова», были сложены трупы павшихъ въ тѣ страшные дни — все осмотрѣли онѣ, ища дорогія имъ тѣла. Наконецъ, на лѣвомъ берегу Иртыша, недалеко отъ Гарнизоннаго собранія въ крѣпости, гдѣ засѣдалъ военно-полевой судъ, въ небольшой ложбинѣ были найдены 12 полуголыхъ труновъ. Съ нихъ «снято было верхнее платье, шубы, пальто, куртки, — шапки оставили» (Колосовъ). Это значило — убійцы «раздѣлили ризы» погибшихъ, ограбивъ ихъ. Всѣ трупы были изуродованы. Озвѣрѣлые палачи рубили свои жертвы шашками, кололи штыками, разстрѣливали въ упоръ изъ револьверовъ.

Всѣ погибшіе въ этомъ мѣстѣ были именно тѣ лица, которые въ ночь на 23 декабря были взяты изъ тюрьмы. Среди нихъ былъ опознанъ и Фоминъ.

Судебно-медицинскимъ осмотромъ трупа Фомина было установлено 13 ранъ: 5 нанесенныхъ при жизни, и 8 послѣ смерти. Руки и плечи были перерублены. «Въ области теменной лѣвой кости, во всю длину ея рѣзана я *) рана до кости». Въ области лѣваго сосцевиднаго отростка револьверная пулевая рана; пулевая рана подъ шестымъ ребромъ, съ лѣвой стороны; подъ седьмымъ ребромъ той же стороны штыковая рана и т. д., и т. д. (Колосовъ, 95).

Все это говорило о томъ, какимъ ужаснымъ физическимъ страданіямъ и истязаніямъ были подвергнуты жертвы. Но о томъ, какія нравственныя пытки должны были они переносить, молчали изуродованныя тѣла умученныхъ. Но нельзя было о нихъ не думать, нельзя было не чувствовать. Люди, способные съ холодной расчетливостью организовывать убійства, люди, совершившіе ихъ съ безчеловѣчною жестокостью, могли ли эти люди не глумиться и не издѣваться надъ беззащитными своими жертвами? Могли ли они отказаться отъ соблазна нравственной пытки надъ попавшими въ ихъ жестокія руки политическими

*) Разрядка всюду моя. С. Н.

врагами, за которыми они давно и не всегда удачно охотились?

Среди этихъ двѣнадцати не оказалось Девятова и Кириенко. Ихъ трупы были обнаружены лишь послѣ нашего освобожденія изъ тюрьмы. С. И. Девятова, послѣ неимоверныхъ трудовъ, при самоотверженномъ содѣйствіи А. Н. Сперанскаго, получила отъ властей разрѣшеніе на поиски трупа своего мужа въ братскихъ могилахъ. Въ одной изъ такихъ могилъ въ Загородной Рошѣ, въ которыхъ паскоро были погребены казенные солдаты караула въ тюрьмѣ на 22 декабря въ количествѣ около 40, были опознаны трупы Девятова и Кириенко, также изуродованные.

Какъ относилось къ этому поистинѣ вопіющему злодѣянію омская власть, сибирская общественность и сибирская печать?

«Верховный Правитель», подъ влияніемъ взволнованной совѣсти нѣкоторой части общества, а болѣе — для поддержанія своего престижа передъ иностранными правительствами и общественнымъ мнѣніемъ, поручилъ разслѣдованіе этого дѣла сначала главному военному прокурору г. Кузнецову, а затѣмъ особой Комиссіи подъ предсѣдательствомъ сенатора Висковатова. Но, по признанію самого Колчака, это разслѣдованіе, ведшееся около полугода, «вслѣдствіе остраго противодѣйствія со стороны всѣхъ прикосновенныхъ лицъ», не дало желанныхъ результатовъ, и въ концѣ концовъ изъ этого ничего не вышло*) Слѣдствіе обнаружило лишь «стрѣлочниковъ» — кап. Рубцова и поручика Барташевскаго. Однако, около дѣла создана была такая обстановка, что обоимъ этимъ «стрѣлочникамъ» была предоставлена полная возможность уклониться отъ суда и слѣдствія. Главные же зачинщики, организаторы и руководители убійства — генералы штаба и генералы Ивановъ-Риновъ и Матковский и полковникъ Бржозовскій, вмѣсто слѣдуемаго возмездія, получили, какъ уже упоминалось, награду. Министръ юстиціи Старинкевичъ, преданѣреннымъ затягиваніемъ слѣдствія и бездѣйствіемъ котораго, а затѣмъ и лживымъ обѣщаніемъ обезлечить добровольно вернувшимся въ тюрьму безопасность, дѣло доведено было до гибели ни въ чемъ не повинныхъ людей, — оставался въ составѣ правительства,

*) Показанія Колчака, стр. 317.

возлагая тѣмъ самымъ отвѣтъственность за содѣянное злодѣяніе на все правительство въ цѣломъ.

Реакціонная Сибирь и монархически-кадетская печать «безмолвствовала». Жардецкий -- «бардъ» сибирской реакціи и лидеръ мѣстныхъ кадетовъ, въ своей «Сибирской Рѣчи» не обмолвился о случившемся ни однимъ словомъ; безстыдство своего лидера и своего органа не могли вспомнить безъ краски стыда даже однопартийцы «барда», сидѣвшіе съ нами въ одной камерѣ — Хрыжановскій и Десятковскій.

Молчалъ — но не по своей винѣ — и другой полюсъ общественности. Загнанные въ подполье социалисты и демократы, съ одной стороны, не имѣли возможности открыто протестовать противъ беззаконія и преступленій безчинствующей реакціи, съ другой, — въ виду полной бесполезности протеста, не считали нужнымъ протестовать. Лишь голосъ старика-шлиссельбуржца Вас. Сем. Панкратова какъ въ пустынѣ прозвучалъ негодованіемъ и осужденіемъ въ издаваемомъ имъ «Словѣ» для того, чтобы ни слѣдующемъ номерѣ... замолкнуть навсегда.

С. Николаевъ.

Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф. М. Достоевского и Вл. Соловьева

6.

Свою первую систему философии Соловьев изложил в трех своих, почти одновременно написанных, сочинениях: «Критика отвлеченных начал» (1880), «Чтения о богочеловечестве» (1877-1881) и «Духовные основы жизни» (1882-1884) ¹⁾. Уже в самом выборе тем этих сочинений сказывается влияние Достоевского. Идея богочеловечества, как основы личной и общественной жизни, составляет содержание обоих последних популярных трудов. Идея свободной теократии, только блуждавшая в философско-историческом введении к «Философским началам цельного знания», получает во всех трех сочинениях свое подробное развитие и обоснование. Наконец, в «Критике отвлеченных начал» исходным пунктом всей философской системы Соловьева становится проблема добра, его внутренней ограниченности и укорененности его в Боге. Здесь впервые, под очевидным влиянием Достоевского, идея свободной теократии вступает в борьбу с идеей автономии добра, преодоление «своеволия отвлеченного добра» становится центральной проблемой Соловьева, хотя по методу развития и обоснования своих мыслей Соловьев в своей докторской диссертации проводит в сущности до конца знакомую нам основную идею своей магистерской работы: и здесь собственное положительное воззрение развивается путем критики «отвлеченных начал», т. е. этих частных начал в составе конкретного всеединства сущаго, которые, будучи выделены из него мыслью в процессе познания, сначала утверждаются ею в их односторонней исключительности («гипостазируются»), а за-

1) Первоначальное заглавие: «Религиозные основы жизни»

змъ становятся жертвой разоблачающаго ихъ мнимую самодостаточность отрицанія.

Въ обоихъ популярныхъ сочиненіяхъ усвоеніе Соловьевымъ любимыхъ мыслей Достоевскаго особенно очевидно. Такъ и въ «Чтеніяхъ о Богочеловѣчествѣ» и въ «Религіозныхъ основахъ жизни» центральное мѣсто занимаетъ толкованіе евангельскаго разсказа о трехъ искушеніяхъ. Въ первомъ изъ названныхъ сочиненій (чтеніе 11-12) оно развертывается Соловьевымъ въ цѣлую философію исторіи западнаго христіанства, вставленную въ извѣстную уже намъ изъ «Философскихъ началъ» общую философско-историческую рамку. Процессъ воплощенія Божественнаго начала, составляющій содержаніе историческаго процесса, прошелъ, какъ показываетъ Соловьевъ, три стадіи: «стадію виѣшняго подавленія челоуѣческаго начала божественнымъ, стадію его просвѣщенія и, наконецъ, стадію его живого перерожденія». Въ первой стадіи, осуществленной въ Индіи, челоуѣческая душа осознала свою свободу отъ природнаго міра, но осталась замкнутой въ себѣ самой, и эта точка зрѣнія первоначальнаго единства и безразличія, выраженная въ буддизмъ и приводящая къ требованію отреченія отъ существованія, есть послѣднее слово этой первой чисто отвлеченной стадіи боговоплощенія. На второй стадіи, осуществленной въ эллинскомъ мірѣ, божественное начало открылось челоуѣку какъ идеальный космосъ, какъ міръ отвлеченныхъ идей, пребывающихъ въ абсолютной неизмѣнности и открывающихся созерцающему уму въ мѣру ухода его отъ реальной дѣйствительности. Если божественное начало открылось индійскому духу какъ нирвана, эллинамъ какъ идея, то какъ личность, какъ живой субъектъ, какъ «я» оно явилось въ народѣ іудейскомъ. Въ полной мѣрѣ явленіе правды Божіей въ живомъ лицѣ вочелоуѣчившагося Бога, Иисуса Христа, произошло тогда, когда идеальныя начала въ древнемъ мірѣ исчерпали сами себя и, въ своей отвлеченной безжизненности, уступили на землѣ мѣсто чисто челоуѣческому началу, обожествившему себя въ лицѣ римскаго кесаря. Воплощеніемъ Бога въ индивидуальномъ лицѣ Богочелоуѣка закончился первый, до-христіанскій періодъ историческаго процесса. Христіанскій періодъ исторіи означаетъ процессъ воплощенія Бога во всеединую личность всего челоуѣчества. Челоуѣчество возвращается къ Богу, какъ универсальный духовный организмъ, какъ все-

ленская Церковь, являющаяся тѣломъ Христовымъ, и залогомъ успѣшности этого процесса возвращенія челоуѣчества къ Богу, залогомъ совершеннаго воплощенія въ универсальномъ челоуѣкѣ Бога является совершившееся уже нисхожденіе Бога въ міръ, воплощеніе Бога въ индивидуальномъ челоуѣкѣ. Процессъ этотъ, составляющій содержаніе христіанскаго періода исторіи челоуѣчества, есть въ такой же мѣрѣ дѣло Божественной мудрости какъ и челоуѣческой свободы. Богъ хочетъ, чтобы челоуѣкъ свободно пришелъ къ Нему, слѣдуя одному только образу Христа. И какъ Христа въ пустынѣ, такъ и челоуѣчество на этомъ пути подстерегаютъ искушенія. Первос искушеніе, которому оно подпало въ лицѣ католической церкви, было искушеніе властолюбія, соблазнъ покорить Христу и Его церкви міръ насильно. Совершенно въ духѣ Достоевскаго вскрываетъ Соловьевъ невѣріе, какъ послѣдній корень этого пути, невѣріе въ то, что истина Христова сама своей духовной нравственной силой способна побѣдить зло и привести его къ добру. Поэтому грѣхъ, соотвѣтствующій искушенію властолюбія, есть грѣхъ духа. Въ іезуитизмѣ, этомъ крайнемъ выраженіи римско-католическаго принципа, невѣріе, подмѣняющее Христа церковной властью, становится уже совершенно очевиднымъ. Протестантизмъ является осознаніемъ ложности этого пути. Онъ означаетъ возвращеніе къ вѣрѣ, но, въ протестѣ своемъ противъ авторитета, онъ утверждаетъ вѣру на личномъ, чисто челоуѣческомъ началѣ разума. Здѣсь подстерегаетъ его второе искушеніе, искушеніе гордости, которая является специфическимъ грѣхомъ ума. Рационалистическая философія есть плодъ этого второго искушенія, которому подпало западное христіанство. Крушеніемъ Гегелевой философіи, привелшемъ къ осознанію ограниченности разума, не завершился однако путь самоутвержденія челоуѣческаго начала въ западномъ христіанствѣ. За крушеніемъ разума слѣдуетъ искушеніе плоти, рационализмъ смѣняется экономическимъ социализмомъ, являющимся самовозвеличеніемъ матеріальнаго начала въ челоуѣкѣ. Такъ полное развитіе челоуѣческаго начала въ западномъ челоуѣчествѣ есть не что иное, какъ повтореніе въ обратномъ порядкѣ всѣхъ трехъ искушеній, которыми Сатана искушалъ въ пустынѣ челоуѣческую природу Христа. Во-стокъ не подпалъ тремъ искушеніямъ злого начала, сохранилъ въ неприкосновенности начало божественное, но онъ

не далъ ему реального выраженія, не создалъ христіанской культуры, какъ Западъ создалъ культуру антихристіанскую. Задача христіанства въ будущемъ, призвать къ которой человѣчество есть назначеніе России, заключается въ томъ, чтобы осуществить въ полной мѣрѣ синтезъ обоихъ началъ, т. е. воплотить Бога въ универсальномъ человѣчествѣ, а это и означаетъ преобразеніе всей культуры въ культуру богоносную въ видѣ тріединства свободной теургіи, свободной теософіи и свободной теократіи.

Та же тема трехъ искушеній развивается Соловьевымъ и независимо отъ философско-историческаго толкованія, въ примѣненіи къ ученію о грѣхѣ. Въ «Религіозныхъ основахъ жизни» (гл. I) Соловьевъ различаетъ три главныхъ формы грѣха соотвѣтственно тройственной природѣ чело-вѣка: грѣхъ плоти, соотвѣтствующій чувственному (животному) началу въ чело-вѣкѣ, грѣхъ гордости, соотвѣтствующій уму, какъ специфически чело-вѣческому началу въ чело-вѣкѣ, и грѣхъ властолюбія, соотвѣтствующій волѣ, являющейся чисто духовнымъ, или божественнымъ началомъ въ чело-вѣкѣ. Какъ въ этомъ различеніи трехъ началъ въ чело-вѣкѣ, такъ и въ тріадѣ грѣха Соловьевъ, какъ мы видимъ, вполне совпадаетъ съ Достоевскимъ, съ тѣмъ, впрочемъ, немаловажнымъ различіемъ, что у Достоевскаго грѣхъ воли, являющийся вмѣстѣ съ тѣмъ первогрѣхомъ вообще, опредѣляется не какъ властолюбіе, а какъ уныніе. И хотя существо унынія есть то же самое безвѣріе сердца, которое по Соловьеву составляетъ существо властолюбія, — все же въ толкованіи Соловьева чувствуется суженіе проблемы въ результатѣ чрезмѣрнаго значенія, придаваемого имъ его философско-исторической схемѣ, нужной ему для оправданія своего идеала свободной теократіи. Ибо властолюбіе есть по Достоевскому только одинъ возможный путь унынія: наряду съ этимъ путемъ сверхчело-вѣка впередъ маловѣрной волей Великаго Инквизитора и Ивана Карамазова открывался, мы знаемъ, и иной путь, путь отрѣшеннаго аскетизма, или отрицательнаго добра, эгоистически предпочитающаго личное спасеніе вселенскому преобразенію, или нирвану воскресенію.

Аналогичное согласіе мысли Соловьева съ мыслью Достоевскаго наблюдаемъ мы и въ общей схемѣ «Критики отвлеченныхъ началъ». Соловьевъ начинаетъ съ критики эмпирической нравственности, т. е. этическихъ ученій, пытающихся обосновать добро какъ чисто природное на-

чало. Гедонизмъ, эвдемонизмъ, утилитаризмъ представляютъ собою все болѣе отвлеченныя формы такого эмпирическаго пониманія добра, самой утонченной попыткой котораго является однако, по мнѣнію Соловьева, теорія симпатіи Шопенгауэра. Правда всѣхъ этихъ эмпирическихъ, или матеріальныхъ теорій нравственности, пытающихся обосновать добро на фактъ чувственного опыта, заключается въ томъ, что уже въ чувственной природѣ человѣка, въ его инстинктивной жизни дѣйствительно коренятся зачатки нравственности. Но чувство симпатіи, будучи простымъ фактомъ опыта, не въ состояніи объяснить общезначимости и необходимости добра какъ дѣйствительнаго. Это прекрасно понималъ Шопенгауэръ, который, въ отличіе отъ теоріи симпатіи шотландской школы, принужденъ былъ подвести подъ свое эмпирическое начало нравственности метафизическое обоснованіе. Со страданіе, въ которомъ одно существо отождествляется или внутренне соединяется съ другимъ, означаетъ, по Шопенгауэру, утвержденіе метафизической сущности всѣхъ существъ, которая едина и тождественна во всемъ и во всѣхъ. Между тѣмъ, съ другой стороны, состраданіе, требуя отъ нравственнаго существа отказа отъ его обособленнаго, индивидуальнаго бытія, противорѣчивымъ образомъ стремится къ утвержденію этого самаго индивидуальнаго бытія другихъ существъ, которое вѣдь, по метафизической теоріи Шопенгауэра, есть точно также призракъ и обманъ. Такимъ образомъ оно въ сущности ничѣмъ не отличается отъ противоположной состраданію эгоистической дѣятельности, стремящейся къ утвержденію призрачнаго существованія самого дѣйствующаго субъекта. Въ подчеркиваніи родового характера природнаго добра, простая фактическая всеобщность котораго безсилна устойчивымъ и однозначнымъ образомъ отграничить его отъ зла, заключается своеобразіе критики Соловьевымъ эмпирическихъ, или матеріальныхъ теорій нравственности, сближающее его критику съ изображеніемъ природнаго добра у Достоевскаго 2).

Независимость добра отъ природы обнаруживается по

2) Интересно, что критика Соловьевымъ Шопенгауэровской этики въ общемъ совпадаетъ съ критикой Ницше, высказанной послѣднимъ одновременно съ Соловьевымъ. Срв. *Menschliches, Allzumenschliches*, § 103. *Morgenröthe*, § 133.

Соловьеву уже въ томъ, что сама эмпирическая этика, представляя требованіе освобожденія всѣхъ существъ отъ всякаго страданія, тѣмъ самымъ въ послѣднемъ счетѣ полагаетъ добро въ независимости воли отъ власти чуждаго ей природнаго бытія, т. е. въ ея автономіи, или самозаконности. А это значитъ, что эмпирическое матеріальное основаніе нравственности оказывается недостаточнымъ и требуетъ своего восполненія началомъ формальнымъ, или раціональнымъ. Въ выдѣленіи этого начала въ этикѣ Соловьевъ усматриваетъ вѣчную заслугу Канта. Недостаточность Кантова морализма заключается однако въ томъ, что формальное начало нравственности, правильно выдѣленное Кантомъ въ своей особености, обособилось у него въ отвлеченное и самодостаточное основаніе нравственности. Отвлеченность эта сказывается въ ригористическомъ противоборствѣ долга и склонности, которое было отмѣчено еще Шиллеромъ. Неправомѣрно отвлекаясь отъ эмпирическаго содержанія долга, ригоризмъ ведетъ къ отрыву ноуменальной сущности человѣка, пребывающей въ вѣчномъ и понимаемой какъ способность опредѣляться всеобщимъ нравственнымъ закономъ, отъ его эмпирической природы, подчиненной, какъ и всѣ явленія, причинной необходимости. Подъ очевиднымъ вліяніемъ Шопенгауэра Соловьевъ требуетъ распространенія категорическаго императива съ «разумныхъ» на всѣ существа вообще. Съ другой стороны, формализмъ Кантовой этики связанъ, по его мнѣнію, съ ея чисто индивидуалистическимъ, субъективнымъ характеромъ, почему, вмѣстѣ съ Гегелемъ, Соловьевъ считаетъ, что окончательное разрѣшеніе діалектики субъективной этики возможно только въ этикѣ объективной.

Однако, внутри объективной этики, т. е. нравственности, какъ она реализуется въ исторической жизни общества, въ свою очередь развивается аналогичная діалектика. Хозяйственный элементъ, составляющій эмпирическое, или матеріальное начало общества, стремится обособиться въ самодостаточное отвлеченное начало. Этотъ отвлеченный экономизмъ проявляется въ томъ господствующемъ и почти исключительномъ значеніи, которое въ современномъ мѣщанскомъ царствѣ принадлежитъ вещественному богатству. Соціализмъ, справедливо протестующій противъ капиталистическаго строя, обращающаго человѣка въ простое орудіе накопленія вещественнаго богатства, зараженъ

однако темъ же самымъ отвлеченнымъ экономизмомъ. Онъ представляетъ собою даже крайнее выраженіе послѣдняго, поскольку явно провозглашаетъ, что объективная нравственность или правда, т. е. нормальный строй общества и общественной жизни всецѣло зависитъ отъ правильнаго устройства экономическихъ отношеній. Въ этой оцѣнкѣ социализма, какъ послѣдняго слова мѣщанства, существо котораго заключается въ отвлеченномъ экономизмѣ, а единственная правда — въ простомъ отрицаніи неправды современнаго капитализма, Соловьевъ вполне совпадаетъ съ Достоевскимъ. Сплоченіе людей въ общество невозможно во имя однихъ хозяйственныхъ благъ. Изъ недостаточности отвлеченнаго экономизма вытекаетъ необходимость ограниченія индивидами личныхъ своихъ интересовъ во имя общаго блага, т. е. необходимости права, какъ конституирующаго общество начала. Въ правѣ человѣкъ не есть уже простое орудіе накопленія богатства, а есть лицо, имѣющее самостоятельную цѣнность, субъектъ правъ и обязанностей. Право есть формальное и рациональное начало объективной этики, аналогично долгу этики субъективной, и въ характеристикѣ права, опредѣляемаго имъ какъ «свобода, обусловленная равенствомъ» Соловьевъ въ общемъ примыкаетъ опять таки къ воззрѣнію Кантовскаго либерализма. вмѣстѣ съ нимъ онъ мыслитъ государство какъ чисто правовой союзъ и полагаетъ, что свобода, составляющая содержаніе права, есть чисто отрицательная свобода, сводящаяся къ запрету нарушать чужую свободу. Какъ въ субъективной этикѣ абсолютированіе формально-раціональнаго начала приводитъ къ отвлеченной этикѣ долга (Кантъ), такъ и въ объективной этикѣ оно приводитъ къ абсолютированію государства, видящему въ универсальномъ царствѣ права апогей человѣческой исторіи (Гегель). Но свобода и разумность и основанное на нихъ право опредѣляютъ только форму или способъ человѣческой дѣятельности. Поэтому, какъ въ Кантовой этикѣ долгъ противоборствуетъ склонности, такъ и правовое государство необходимо оказывается въ противорѣчій съ обществомъ, съ конкретными, матеріальными цѣлями общественной дѣятельности. Безусловное въ человѣкѣ, его разумъ и его свобода превращаются въ служебное орудіе матеріальныхъ интересовъ. Но разъ человѣкъ, какъ разумное существо, возвышается надъ матеріальной природой, онъ, очевидно, не можетъ

имѣть ее своєю цѣлью. «Безусловная форма требуетъ безусловнаго содержанія, и выше правомѣрнаго порядка — порядка относительныхъ средствъ долженъ стоять положительный порядокъ, опредѣляемый абсолютной цѣлью».

Эта абсолютная цѣль заложена въ духовномъ, божественномъ началѣ, составляющемъ высшую природу человѣка. Ибо человѣкъ «является себѣ не только какъ человѣкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ столько же какъ животное и какъ богъ». Чисто человѣческое начало въ человѣкѣ — его разумъ — имѣетъ значеніе только формально посредствующее. Способность дѣйствовать изъ себя, опредѣляться самимъ собой требуетъ безусловнаго предмета, или абсолютнаго содержанія, каковымъ можетъ быть только полнота всеединства. На этой высшей ступени «другіе должны быть для человѣка не границей его свободы, а ея содержаніемъ, объектомъ; онъ долженъ восполнять себя ими». Такое единеніе существъ, опредѣляемое безусловнымъ, или божественнымъ началомъ въ человѣкѣ, обнаруживается субъективно въ чувствѣ любви, а объективно въ обществѣ мистическомъ или религіозномъ, т. е. въ церкви. Высшая ступень добра есть добро какъ любовь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи укоренено въ божественномъ началѣ, добро объективно воплощается въ церкви, которая, какъ общество мистическое, есть закваска Царства Божія на землѣ. Однако, и это божественное начало въ человѣкѣ, являющееся верховнымъ основаніемъ добра, можетъ, обособившись въ своей исключительности, изъ полноты всеединства, выродиться въ отвлеченное начало. Такое вырожденіе мы имѣемъ въ отвлеченномъ клерикализмѣ, и, прежде чѣмъ дать описаніе своего положительнаго идеала свободной теократіи, Соловьевъ завершаетъ свою критику отвлеченныхъ началъ въ этикѣ анализомъ теократіи ложной, нашедшей, по его мнѣнію, свое самое яркое выраженіе въ католической церкви. Существо послѣдней Соловьевъ усматриваетъ въ отвлеченіи безусловнаго или божественнаго начала отъ начала чисто человѣческаго и отъ начала природнаго, въ утвержденіи Бога, вишняго человѣку и природѣ, Бога исключительнаго и въ себѣ замкнутаго. «Но такъ какъ въ качествѣ безусловнаго Онъ не можетъ терпѣть рядомъ съ собою ничего другого, то здѣсь необходимымъ для него является отрицательное отношеніе къ этому другому, т. е. отрицательное отношеніе къ началу человѣческому и началу природному — разуму и ма-

теріи». Въ отвлеченномъ клерикализмѣ этотъ отказъ отъ истины Богочеловѣчества сказывается въ подавленіи человѣческаго начала, т. е. разума и свободы. Въ области знанія это проявляется въ отрицаніи свободы изслѣдованія и свободы совѣсти. Разумъ понимается какъ начало возмущенія: онъ признается некомпетентнымъ не только въ вопросахъ вѣры, но даже въ своей собственной области — философской и научной. Онъ замѣняется здѣсь церковнымъ авторитетомъ. Точно также и природное начало, начало страсти, увлеченія, интереса, признается зломъ. Чувственность признается за нѣчто злое, недолженствующее быть. Въ общественной сферѣ отвлеченный клерикализмъ стремится виѣшнимъ, насильственнымъ образомъ подчинить государство и экономическій союзъ (земство) власти церкви. Церковь стремится здѣсь не только указывать общія цѣли, но и опредѣлять частныя средства соціальной дѣятельности человѣчества — управлять и хозяйничать во всѣхъ областяхъ человѣческаго общества. На первый взглядъ это опредѣленіе отвлеченнаго клерикализма противорѣчитъ тому, которое Соловьевъ развиваетъ въ «Чтеніяхъ о Богочеловѣчествѣ». Тамъ, какъ мы видѣли, ложная теократія понимается какъ самопревознесеніе человѣческаго начала, какъ рецидивъ римскаго рационализма и этатизма въ христіанствѣ, или, выражаясь словами Достоевскаго, какъ «обращеніе церкви въ государство». Но суть дѣла заключается именно въ томъ, что безусловное, или божественное начало несовмѣстимо, какъ таковое, съ отрицаніемъ свободы другого. Поэтому въ отвлеченномъ клерикализмѣ оно неизбежно подмѣняется человѣческими началами разума и государства, вслѣдствіе чего вѣра и вытѣсняется авторитетомъ, а любовь — свѣтской властью церкви.

Въ описаніи своего положительнаго идеала Соловьевъ тоже слѣдуетъ во всемъ Достоевскому. Характеризуя добро какъ любовь, онъ показываетъ, что любовь не есть простое состояніе субъекта (каковымъ является простое чувство симпатіи или Кантова «склонность» въ порядкѣ естественномъ), но не есть также и отвлеченный законъ долга (въ безграничной общности котораго исчезаетъ характерное для любви индивидуальное отношеніе къ ближнему). «Любовь, какъ нравственное начало, по необходимости есть вмѣстѣ и живая личная сила и универсальный законъ, а потому предметомъ и содержаніемъ такой люб-

ви не можетъ быть человѣкъ какъ эмпирическое явленіе, ниже какъ понятіе разума: первое (эмпирическое явленіе) не удовлетворяетъ любви какъ всеобщему безусловному закону, второе (понятіе разума) не соотвѣтствуетъ любви какъ живой личной силѣ: невозможно любить истинною, т. е. совершенною любовью ни человѣка вообще ни cadaго человѣка въ его внѣшней исчезающей дѣйствительности». Если такимъ образомъ нравственное начало въ своей высшей формѣ не можетъ корениться ни въ натуральномъ ни въ рациональномъ порядкѣ, то, очевидно, имъ предполагается высшій, абсолютный порядокъ, соотвѣтствующій третьему, высшему элементу въ существѣ человѣческомъ — элементу мистическому и божественному. Характеристика Соловьевымъ этого высшаго порядка вполне совпадаетъ съ той, которую Достоевскій даетъ Царствію Небесному своей формулой «всѣ за все и за всѣхъ виноваты». Для Соловьева этотъ высшій порядокъ есть «абсолютная полнота бытія, т. е. все или всѣ въ одномъ (всеединое или абсолютное)», и слѣдовательно каждый «извѣстнымъ образомъ содержитъ или носитъ въ себѣ это все, извѣстнымъ образомъ выражаетъ собою это всеединое, или, иными словами, каждый по самой своей сущности или идеѣ есть необходимый и незаменимый членъ въ составѣ всеединого организма, такъ что, ставя себѣ цѣлью (или любя въ истинномъ смыслѣ этого слова) каждаго, я ео ipso, въ силу внутренней неразрывной связи, имѣю цѣлю и всѣхъ; и точно такъ же наоборотъ — ставя себѣ цѣлю всѣхъ, я ео ipso имѣю предметомъ и каждаго въ частности, поскольку дѣйствительное все, т. е. совершенное цѣлое, немисливо безъ какой либо изъ своихъ составныхъ единицъ». «Образу единный божественный организмъ или живое тѣло Божіе», порядокъ этотъ существуетъ не какъ готовая реальность, а какъ идея, какъ мысль Бога о человѣчествѣ, такъ же какъ и внутри его идея каждаго отдѣльнаго человѣка есть мѣнѣе всего нѣчто разъ навсегда готовое и данное, обрекающее человѣка на пассивное подчиненіе своей разъ навсегда уже опредѣленной судьбѣ. Напротивъ, «составляя вѣчную сущность человѣка, идея его вмѣстѣ съ тѣмъ должна быть ему свободно усвоена», т. е. будучи въ немъ, она должна стать также для него и отъ него, онъ долженъ отъ себя, своею собственною дѣятельностью, овладѣть этой идеей, т. е. сознать ее и «разумно осуществить во внѣшнихъ яв-

леніяхъ». Выражая мысль Соловьева въ нѣсколько иныхъ терминахъ, мы можемъ сказать, что идея чловѣка, какъ члена Царства Небеснаго, есть его идеальное назначеніе, его индивидуальное долженствованіе, которое онъ призванъ осуществить въ мѣрѣ силами своей свободы и которое онъ воленъ отвергнуть. Въ этомъ смыслѣ Соловьевъ и опредѣляетъ чловѣка и чловѣчество какъ «существо, содержащее въ себѣ (въ абсолютномъ порядкѣ) божественную идею, т. е. всеединство, или безусловную полноту бытія, и осуществляющее эту идею (въ естественномъ порядкѣ) посредствомъ разумной свободы въ матеріальной природѣ». И совершенно правильно замѣчаетъ Соловьевъ, что содержащееся въ этомъ опредѣленіи «признаніе чловѣческой свободы въ усвоеніи божественнаго начала» въ равной мѣрѣ направлено и противъ отвлеченнаго клерикализма, или ложной теократіи, съ одной стороны, и противъ самоутвержденія чловѣческаго начала, съ другой.

Въ нашемъ изложеніи первой философской системы Соловьева мы достигли высшей точки совпаденія съ пониманіемъ добра Достоевскимъ, какъ оно изображено въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Открывшаяся ему подъ вліяніемъ Достоевскаго интуиція всего его философскаго дѣла выступаетъ здѣсь особенно явственно. Добро укоренено въ высшемъ божественномъ мѣрѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно есть дѣло чловѣческой свободы. Автономія добра должна быть одинаково ограничена и отъ свосвоія, въ которое она выродилась въ Кантовой этикѣ и въ Гегелевой теоріи государства, и отъ гетерономіи, все равно, означать ли она одностороннюю опредѣляемость добра природными началами, какъ въ этикѣ утилитаризма и въ общественномъ идеалѣ социализма, или безусловнымъ метафизическимъ началомъ, какъ въ рраціоналистической этикѣ докантовскаго типа и въ ложной теократіи. Вотъ проблема, которая встала передъ Соловьевымъ въ дни его философской юности и отъ которой онъ не отступалъ въ теченіе всей своей философской дѣятельности. Достоевскій не далъ философскаго рршенія этой проблемы. Но онъ воплотилъ его въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» въ монументальныхъ образахъ. И сила его изображенія въ значительной мѣрѣ была обусловлена тѣмъ, что онъ преодолѣлъ въ своемъ послѣднемъ твореніи всякую тенденцію, въ частности свое собственное политическое мѣровозрожденіе. Соловьевъ, и въ этомъ отношеніи находив-

шійся подь сильнѣйшимъ вліяніемъ своего старшаго друга, не могъ преодолѣть своихъ субъективныхъ политическихъ чаяній и симпатій. Тамъ, гдѣ Достоевскій молчитъ, онъ высказываетъ ихъ со всей рѣшимостью молодости. Немудрено, что они врываются и въ его философскія построенія, отдаляя его и отъ его собственнаго замысла и отъ того рѣшенія проблемы, которое символически выражено Достоевскимъ въ образахъ его послѣдняго романа.

Въ отличіе отъ старца Зосимы, который часть полнаго преобразенія общества, нынѣ «союза почти еще языческаго», «во единую вселенскую и владычествующую церковь» въ сущности только «въ концѣ вѣковъ», Соловьевъ вѣритъ въ осуществленіе Царства Божія на землѣ. Въ его описаніи Царство Божіе представляетъ собою не только абсолютный порядокъ бытія, какъ онъ существуетъ извѣчно въ божественной идеѣ, но пріобрѣтаетъ всѣ черты общественнаго строя, какъ онъ осуществляется на землѣ руками человѣка. Въ этомъ общественномъ строѣ, въ которомъ «неограниченный федерализмъ совпадаетъ съ безусловною централизаціей», будетъ окончательно рѣшена проблема гармоническаго взаимнаго отношенія между обществомъ и личностью. Въ качествѣ всеустройстваго начала въ немъ будетъ господствовать любовь. Правда, любовь не должна, по замыслу Соловьева, отмѣнять права и хозяйства, а напротивъ «должна посредствомъ справедливости быть реализована въ пользѣ», въ чемъ и заключается отличіе свободной теократіи отъ ложной. Но на дѣлѣ оказывается, что никакой особой формы правопорядка и хозяйственнаго строя не предвидится, начало любви поглощаетъ собою всѣ подчиненныя ему начала, которыя становятся для него безразличными и потому сохраняются въ своемъ нынѣшнемъ видѣ (т. е. такомъ, который существовалъ въ Россіи во времена Соловьева). Въ свободной теократіи, пишетъ Соловьевъ, «степень внутренняго достоинства опредѣляется мѣрою преобладанія идеи всеединства надъ личною исключительностью или эгоизмомъ». Поэтому «лица, стояція на высокой степени достоинства и соотвѣтственно этому по праву обладающія и обширнѣйшими матеріальными средствами, очевидно будутъ пользоваться этими средствами лишь на благо другимъ и, слѣдовательно, владѣя богатствомъ на основаніи справедливости, будутъ употреблять его на служеніе любви» «Та-

нимъ образомъ хотя цивилизованныя формы производста и экономической дѣятельности вообще, именно раздѣленіе труда, свободная конкуренція и раздвоеніе труда и капитала, сохраняются въ нормальномъ экономическомъ строѣ, но здѣсь, благодаря тому, что вся экономическая дѣятельность и результатъ ея — богатство является не какъ цѣль въ самомъ себѣ, а лишь какъ средство или матеріалъ для полнѣйшей реализаціи высшаго религіознаго начала, всѣ эти формы утрачиваютъ свой острый исключительный характеръ, перестаютъ служить эгоизму нѣкоторыхъ и быть источникомъ бѣдствій для большинства; ибо здѣсь — въ нормальномъ обществѣ, управляемомъ религіознымъ началомъ, или въ свободной теократіи всѣ солидарны въ одной общей цѣли, и то, что идетъ на благо однимъ, служитъ благу всѣхъ».

Внутренняя противорѣчивость, или утопизмъ идеи свободной теократіи, характеристика которой Соловьевымъ вполне совпадаетъ съ политическимъ идеаломъ Достоевскаго, выступаетъ здѣсь особенно явственно. Соловьевъ хочетъ спасти свободу и относительную автономію права и хозяйства. Но передъ безусловнымъ началомъ, сполна осуществленнымъ въ идеальной общинѣ, эти относительныя начала естественно меркнутъ и утрачиваютъ всякое значеніе. Любовь, если она мыслится всеустроющимъ и всеразрѣшающимъ началомъ общественной жизни, не можетъ не поглотить и сдѣлать совѣмъ ненужными принципы справедливости и пользы. Поэтому въ Царствіи Небесномъ, дѣйствительно, нѣтъ ни права, ни государства, ни хозяйства. Вознесенное падъ противоположностями земного бытія, оно преодолеваетъ и обособленность и ограниченность отдѣльныхъ его сферъ. Но потому оно и выходитъ за предѣлы времени, означаетъ «конецъ вѣковъ», будучи вмѣстѣ съ тѣмъ для каждаго времени мѣриломъ его собственной правды. Утопизмъ идеи свободной теократіи заключается именно въ смѣшеніи вѣчнаго и временнаго плановъ бытія. Самъ Соловьевъ прекрасно показываетъ это своей критикой ложной теократіи, существо которой, какъ мы знаемъ, одинаково можетъ быть опредѣлено и какъ самопревознесеніе человѣческаго начала (обращеніе государства въ церковь) и какъ релятивизація начала безусловнаго (обращеніе церкви въ государство). Неудивительно поэтому, что онъ измѣняетъ своему замыслу, при чемъ въ этихъ именно пунктахъ систематическія

построенія его отходить и отъ концепціи добра «Братьевъ Карамазовыхъ».

Внутреннее противорѣчіе это выступаетъ вполне явно уже въ развитіи самой схемы объективной этики Соловьева. Какъ это правильно замѣтили уже кн. Е. Трубецкой 3), ни право ни государство сами по себѣ не представляютъ собою отвлеченныхъ началъ. Таковыми они становятся лишь въ отвлеченномъ либерализмѣ и элитизмѣ, придающимъ имъ абсолютное значеніе. Между тѣмъ, правильно отвергая въ другихъ пунктахъ своей этики утилитаризмъ, а не пользу, ригоризмъ, а не долгъ, экономизмъ, а не хозяйство, Соловьевъ въ данномъ случаѣ усматриваетъ именно въ самихъ правѣ и государствѣ отвлеченныя начала. И это безусловное отрицаніе ихъ какъ отвлеченныхъ началъ сказывается гораздо сильнѣй во всей философіи Соловьева, чѣмъ утопическое желаніе сохранить внутри теократіи принципъ свободы.

Начало свободы очень дорого Соловьеву. И, конечно, совершенно неправильно, какъ это дѣлалъ Б. Чичеринъ въ своей критикѣ этической системы Вл. Соловьева 4), приписывать ему мысль о принудительномъ обращеніи еретиковъ въ лоно церкви. Соловьевъ былъ рѣшительнымъ и активнымъ защитникомъ свободы совѣсти, всякое покушеніе на которую онъ считалъ «безумнымъ и безплоднымъ». Правда, вмѣстѣ съ Достоевскимъ онъ полагалъ, что истинная свобода возможна для человѣка только тогда, когда онъ «связалъ себя вѣрою съ абсолютнымъ началомъ всякаго добра». «Пока мы дѣйствуемъ только отъ себя или отъ своей воли, мы неизбѣжно дѣйствуемъ отъ грѣха, дѣйствуемъ какъ рабы и невольники грѣха». «Фактически мы уже несвободны и возможность освобожденія для насъ только въ такой силѣ, которая идетъ дальше факта и соединяетъ насъ съ тѣмъ, что еще не имѣетъ для насъ онцутительной дѣйствительности. Такая сила есть вѣра». Однако, вмѣстѣ со старцемъ Зосимой, Соловьевъ понимаетъ подъ «вѣрой» въ данномъ случаѣ не столько умозрѣніе, сколько волезрѣніе. «Коренное освобожденіе силою вѣры, говоритъ онъ, доступно для всѣхъ людей, независимо отъ вѣроисповѣданія. Ибо нравственный подвигъ вѣры возможенъ и при самомъ недостаточномъ

3) Міросозерцаніе Вл. Соловьева, I, 167 сл.

4) Мистицизмъ въ наукѣ, 1881.

познаніи объ истинномъ Богѣ. Встрѣча сердца чело-
вѣческаго съ ищущею его благодатью Божіею можетъ
совершиться далеко отъ прямой линіи сознанія, но гдѣ бы
ни состоялась эта встрѣча, только черезъ нее мы подуча-
емъ дѣйствительную свободу 5). Но въ такомъ случаѣ цер-
ковь, въ которую въ свободной теократіи должно обра-
титься государство, обнимаетъ собою людей не по призна-
ку вѣроисповѣданія, а охватываетъ и еретиковъ и даже,
быть можетъ, атеистовъ, если только они вѣрятъ въ абсо-
лютное начало добра своей волей, или сердцемъ, какъ о
томъ и училъ старецъ Зосима. Колебанія Соловьева въ
этомъ вопросѣ показываютъ, что онъ самъ сознавалъ это
основное противорѣчіе своего идеала свободной теокра-
тіи 6).

Отсюда проистекаютъ также колебанія Соловьева въ
опредѣленіи метафизическаго существа свободы. Выше
мы видѣли, что Соловьевъ не считаетъ волю челоѣка ре-
ально связанной той индивидуальной идеей, которой вы-
ражается незамѣнимое мѣсто каждаго челоѣка, какъ лич-
ности, въ абсолютномъ порядкѣ бытія. Совершенно въ ду-
хѣ символизированной въ «Братяхъ Карамазовыхъ» концеп-
ціи добра, Соловьевъ понимаетъ эту «идею личности»
какъ замысль Бога о челоѣкѣ, какъ его индивидуальное
долженствованіе или назначеніе, которое онъ воленъ вы-
полнить или отвергнуть. Съ другой стороны, однако, онъ
называетъ эту идею «вѣчной сущностью» челоѣка,
говоритъ объ абсолютномъ порядкѣ бытія какъ о с у б-
с т а н ц і а л ь н о м ъ 7) и прямо отождествляетъ эту сущ-
ность челоѣка, какъ неизмѣнную и разъ навсегда опредѣ-
ленную Богомъ, съ «умопостигаемымъ характеромъ» въ
смыслѣ Шопенгауэра. Вліяніе этого нѣмецкаго мыслителя
на Соловьева было чрезвычайно сильно, и оно не только
опредѣлило собою одностороннее пониманіе Соловьевымъ

5) Духовныя основы жизни, III, 293.

6) Въ «Критикѣ отвлеченныхъ началъ» Соловьевъ предполагаетъ,
что «всѣ члены» теократическаго общества «принадлежатъ одинаково
и церкви и государству». Въ послѣдующихъ сочиненіяхъ онъ этого
уже не считаетъ, а въ статьѣ «Великій споръ и христіанская полити-
ка» онъ косвенно признаетъ даже право государства принимать ка-
рательныя мѣры по отношенію къ еретикамъ. Срв. Е. Трубецкой, тамъ-
же, I, 564 сл.

7) Особенно въ 9 чтеніи «О Богочелоѣчествѣ».

въ этотъ первый періодъ его развитія философіи Канта, но и способствовало вообще тому искаженному пониманію имъ началъ автономіи добра и человѣческой свободы, къ которому его и безъ того склоняла утопія свободной теократіи.

Это особенно ясно сказывается еще въ одномъ пунктѣ, въ которомъ философія «Критики отвлеченныхъ началъ» опять-таки существенно отступаетъ отъ выраженной въ «Братяхъ Карамазовыхъ» этической концепціи. Подъ безспорнымъ вліяніемъ Достоевскаго Соловьевъ отходитъ въ «Критикѣ отвлеченныхъ началъ» отъ принятаго имъ самимъ ранѣе (въ «Философскихъ началахъ цѣльнаго знанія») порядка изложенія философской системы и начинаетъ свое изложеніе съ самой важной, по его мнѣнію, части системы, съ этики, очевидно считая, что всѣ основныя этическія понятія могутъ быть выведены безъ предположенія какихъ-либо этическихъ истинъ метафизическаго характера. Выше мы видѣли, что хотя Соловьевъ и дѣлалъ истинную свободу зависимой отъ вѣры, онъ однако понималъ самую вѣру не какъ умозрѣніе, а какъ волезрѣніе, самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждая независимость добра отъ познанія Абсолютнаго. Въ признаніи этой автономіи добра Соловьевъ опять-таки совпадалъ со старцемъ Зосимой, который, какъ мы знаемъ, училъ, что «философы правильно говорятъ, что мы не можемъ познать существа вещей», что «доказать здѣсь ничего нельзя», и что «убѣждаться въ бытіи Бога и въ безсмертіи души» можно лишь «въ мѣру того, какъ будете преуспѣвать въ любви». Достоевскимъ, когда онъ вкладывалъ эту мысль въ уста старцу Зосимѣ, менѣе всего, конечно, руководилъ мотивъ чисто теоретическаго агностицизма. Отрицаніе познанія Абсолютнаго опредѣленно мотивируется имъ соображеніями защиты человѣческой свободы и правильно понятой автономіи добра. Какъ вѣра, вынужденная чудесами, не была бы свободнымъ приходомъ чело-вѣка къ Богу, почему и «не вѣра отъ чуда рождается, а чудо отъ вѣры», точно также и постиженіе абсолютныхъ метафизическихъ истинъ есть слѣдствіе добра какъ дѣятельной любви, есть результатъ свободнаго усвоенія чело-вѣкомъ образа Христа какъ реального воплощенія абсолютной любви, ибо добро, зависящее отъ рационально доказанныхъ человѣческихъ истинъ, было бы вынужденнымъ добромъ. Мысль Достоевскаго совершенно совпа-

дасть здѣсь съ мыслью молодого Шеллинга, который въ своихъ «Письмахъ о критицизмѣ и догматизмѣ» точно также утверждалъ, что мы не столько не можемъ познавать Абсолютнаго (въ силу немощи нашего ума), сколько не должны его познавать (въ силу нашей свободы) 8). Таковъ же былъ безспорно и замыселъ Соловьева. Тѣмъ замѣчательнѣе, что подъ давленіемъ своей утопіи свободной теократіи и, можетъ быть, подъ вліяніемъ также Шопенгауэра, провозгласившаго вновь зависимость этики отъ метафизики, Соловьевъ въ концѣ этической части «Критики отвлеченныхъ началъ» опредѣленно измѣняетъ своему замыслу. Подводя итогъ своимъ этическимъ разсужденіямъ, онъ готовится переходъ ко второй, теоретической, части своей философской системы въ видѣ критики послѣдняго изъ относящихся еще къ этикѣ «отвлеченныхъ началъ», именно — «отвлеченнаго морализма». Существо послѣдняго заключается, по его мнѣнію, «въ обособленіи нравственнаго ученія, въ отрицаніи всякой зависимости должнаго отъ сущаго, этики отъ метафизики». Для этики необходимо, наоборотъ, «убѣжденіе въ этихъ метафизическихъ истинахъ (т. е. въ бытіи Божіемъ, безсмертіи и свободѣ человѣка), какъ такихъ, т. е. въ ихъ собственной теоретической достовѣрности, независимо отъ ихъ практической желательности». Какъ въ другихъ, такъ и въ этомъ пунктѣ Соловьевъ, очевидно болѣе приближается къ точкѣ зрѣнія Шатова, который разсудочными доказательствами хочетъ принудить себя вѣровать въ Бога, чѣмъ къ взглядамъ старца Зосимы, пришедшаго къ своей вѣрѣ свободнымъ путемъ опыта дѣятельной любви.

7.

Мы не можемъ прослѣживать здѣсь подробно медленный, дискурсивный путь преодоленія Соловьевымъ его утопіи свободной теократіи и одновременно приближенія его къ пониманію автономіи добра, какъ оно выражено въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Отмѣтимъ только, что мечты Соловьева объ объединеніи церкви и сношенія его съ католическими іерархами усилили одно время въ немъ его утопическое умонастроеніе, и въ концѣ 80-хъ годовъ Соловьевъ

8) Sämtl. Werke, Bd. I, S. 290 f.

издаетъ цѣлый рядъ работъ (*La Russie et l'Église universelle*, Исторія и будущность теократіи), въ которыхъ развиваемый имъ идеаль свободной теократіи особенно близко подходитъ къ католическому теократическому идеалу, разоблачая тѣмъ самымъ свою противорѣчивую сущность. Парадоксальнымъ образомъ именно это приближеніе къ католицизму усиливаетъ разочарованіе Соловьева въ славянофильствѣ, съ которыми онъ и порываетъ въ это же время въ своихъ извѣстныхъ статьяхъ о «Национальномъ вопросѣ». Разрывъ со славянофильствомъ, бывшимъ источникомъ утопін Соловьева, оказался для нея роковымъ, и временное приближеніе къ католицизму, явившееся слѣдствіемъ заложеннаго внутри ея противорѣчія, не могло служить уже достаточной для нея опорой. Начало девяностыхъ годовъ означаетъ въ развитіи Соловьева крушеніе его утолическаго идеала и вмѣстѣ съ тѣмъ опять-таки возвращеніе его къ чисто философской дѣятельности 9). «Оправданіе добра», которое было написано Соловьевымъ въ результатѣ предпринятой имъ для новаго изданія коренной переработки «Критики отвлеченныхъ началъ» 10), подводитъ итогъ этому сдвигу въ возрѣніяхъ философа. Въ «Оправданіи добра» Соловьевъ вторично изложилъ во всей полнотѣ свою этическую систему, уже тогда, когда ушли «призраки загадочныхъ очей», мелькавшіе ему четырнадцать лѣтъ тому назадъ 11). Сравненіе

9) Поэтому мы считаемъ болѣе правильной слѣдующую периодизацію философскаго развитія Соловьева: 1) періодъ подготовительный («Кризисъ западной философіи», «Философскія начала цѣльнаго знанія»), 2) періодъ утопической (восьмидесятые годы: «Критика отвлеченныхъ началъ» — «Идея и будущность теократіи»), начинающійся дружбой съ Достоевскимъ и завершающійся разрывомъ со славянофильствомъ («Национальный вопросъ») и 3) періодъ окончательный («Оправданіе добра», «Теоретическая философія», «Три разговора»). Кн. Е. Трубецкой неправильно, на нашъ взглядъ, относитъ и «Критику отвлеченныхъ началъ» къ періоду подготовительному: 1) между нею и предыдущими сочиненіями Соловьева имѣется существенное различіе, определяемое рѣшающимъ вліяніемъ Достоевскаго; 2) самъ Е. Трубецкой, характеризуя теократическую утопію Соловьева, все время принужденъ обращаться и къ «Критикѣ отвлеченныхъ началъ», и вполнѣ правильно, ибо идея свободной теократіи въ своихъ наиболѣе существенныхъ чертахъ въ ней уже цѣликомъ изложена.

10) Срв. Е. Трубецкой, и. с. II, 40.

11) Срв. стихотвореніе Вл. Соловьева «На томъ же мѣстѣ» (29-VI 1898).

«Оправданія добра» съ «Критикой отвлеченныхъ началъ» поэтому особенно поучительно. Если Соловьевъ такъ и не разрѣшилъ въ своей второй системѣ проблемы автономіи добра, то все же преодоленіе въ ней его прежней утопін одновременно и подвело его вплотную къ ея разрѣшенію и приблизило его къ символикѣ «Братьевъ Карамазовыхъ». Замѣчательно, что самъ Соловьевъ не сознавалъ повидимому этой своей возрастающей близости къ «Братьямъ Карамазовымъ». По словамъ его племянника онъ въ это время на вопросъ, что онъ больше всего любитъ у Достоевскаго, отвѣчалъ: нѣкоторыя мѣста изъ «Бѣсовъ» 12). Преодоленіе утопін само собой устраняло тѣ искаженія, которыя внесены были ею въ общее у него съ Достоевскимъ пониманіе добра.

На первый взглядъ общія схема «Оправданія добра» существенно отступаетъ отъ знакомой намъ архитектоники «Критики отвлеченныхъ началъ». Соловьевъ исходитъ на этотъ разъ не изъ «отвлеченныхъ началъ», т. е. не изъ одностороннихъ философскихъ теорій добра, а изъ реальныхъ фактовъ нравственной жизни. Соответственно этому первая часть «Оправданія Добра» посвящена разсмотрѣнію естественныхъ корней нравственной жизни: «Добро въ человѣческой природѣ». Анализъ учений, пытающихся обосновать добро какъ простой фактъ природы, выдѣленъ на этотъ разъ въ особую главу о «мнимыхъ началахъ практической философін». Показавъ невозможность чисто эмпирической, или только человѣческой нравственности, Соловьевъ во второй части всесторонне развиваетъ основное положеніе всей своей этической системы объ укорененности добра въ Абсолютномъ: «Добро отъ Бога». Но ни чисто человѣческое ни чисто божественное начала въ отдѣльности своей не могутъ дать полнаго оправданія добра. Объективная и вмѣстѣ съ тѣмъ общинная нравственность раскрывается въ исторіи, какъ свободная реализація человѣкомъ въ его природѣ безусловнаго нравственнаго начала. Прослѣживая въ третьей части «добро черезъ исторію человѣчества», Соловьевъ специально останавливается на вопросахъ національномъ, уголовномъ, экономическомъ и на проблемѣ войны. Идея богочеловѣчества лежитъ такимъ образомъ въ основѣ его

12) Срв. біографію Вл. Соловьева, составленную С. М. Соловьевымъ, въ приложеніи къ 7-му изд. «Стихотвореній», 1921 г., стр. 18.

новой схемы. И однако, хотя и прикрытая новой схемой изложения, внутренняя архитектура его второй этической системы остается въ существѣ своемъ прежней. Болѣе того: она еще болѣе приближается къ архитектурѣ символическаго изображенія добра у Достоевскаго.

Въ самомъ дѣлѣ, Соловьевъ опредѣленно различаетъ въ развитіи своей этической системы три ступени добра: добро какъ оно непосредственно явлено въ природѣ чело-вѣка, добро рациональное, или автономное и, какъ высшую ступень добра, уходящую корнями своими въ царство Божіе, — добро какъ любовь. Соловьевскій анализъ природнаго добра особенно близко совпадаетъ при этомъ съ той характеристикой этой ступени добра, которая была дана ей Достоевскимъ въ образѣ Димитрія Карамазова. Въмѣсто отвлеченнаго начала состраданія Соловьевъ устанавливаетъ на этотъ разъ три нравственныхъ данныхъ чело-вѣческой природы: чувства стыда, жалости и благоговѣнія, которыя въ основѣ исчерпываютъ всю область возможныхъ нравственныхъ отношеній чело-вѣка: къ тому, что ниже его, что равно ему и что выше его. Недостаточность этихъ чисто естественныхъ основъ нравственности усматривается имъ въ томъ, что онѣ лишены признаковъ всеобщности и необходимости. Признаки эти вносятся въ нихъ разумомъ. Только «послѣ того, какъ разумъ вывелъ изъ этихъ природныхъ данныхъ ихъ внутреннее этическое содержаніе и утвердилъ его, какъ д о л ж н о е, оно становится самостоятельнымъ принципомъ нравственной дѣятельности, независимо отъ своихъ психологическихъ основъ». «Безъ сознанія долга всѣ эти естественныя побужденія къ нравственнымъ дѣйствіямъ не прочны и не имѣютъ рѣшающаго значенія при столкновеніи противоположныхъ мотивовъ» 13).

Опредѣленіе Кантомъ разумной формы нравственности Соловьевъ считаетъ въ «Оправданіи Добра» «безукоризненнымъ». По его словамъ «разложеніе Кантомъ нравственности на автономный и гетерономный элементы и формула нравственнаго закона представляютъ одинъ изъ величайшихъ успѣховъ чело-вѣческаго ума». «Нравственность дѣйствительно самозаконна — въ этомъ Кантъ не ошибся, и этотъ великій успѣхъ сознанія, связанный съ

13) Оправданіе добра, VII, 130

его именемъ, не пропадетъ для человѣчества» 14). Въ чемъ же заключается недостаточность рациональнаго добра по Соловьеву? Какъ и прежде, Соловьевъ усматриваетъ ее въ его отвлеченности. На этотъ разъ однако онъ только мимоходомъ останавливается на критикѣ ригоризма и основную ограниченность этики долга видитъ въ ея субъективизмѣ, въ томъ, что ею полагается лишь возможность добра, а не его реальность. «Ты долженъ, значитъ ты можешь. Но эта возможность нисколько не ручается за дѣйствительность, и слѣдовательно совершенный нравственный порядокъ вообще можетъ остаться неосуществленнымъ». Чтобы преодолѣть пропасть между должнымъ и дѣйствительнымъ, Кантъ самъ вынужденъ былъ признать и моментъ эвдемоніи и наличие высшаго порядка бытія, т. е. выйти за предѣлы чисто разумнаго, или человѣческаго начала нравственности въ сторону какъ матеріальнаго, такъ и божественнаго бытія. Таковы «постулаты» Канта, утверждающіе бытіе Бога и безсмертіе души, какъ залогъ совпаденія въ дѣйствительности добра съ блаженствомъ. Вл. Соловьевъ показываетъ, что какъ блаженство не можетъ мыслиться въ видѣ отдѣленнаго отъ добра его слѣдствія 15), а есть «только другая сторона добра», точно также и «существованіе Бога и безсмертной души не есть требованіе чего то другого, привходящаго къ нравственности, а есть ея собственная внутренняя основа. Богъ и душа суть не постулаты нравственнаго закона, а прямыя образующія силы нравственной дѣйствительности».

Поэтому высшая ступень добра — добро какъ любовь — въ обоихъ этихъ отношеніяхъ конкретна. Она не знаетъ разлада между долгомъ и склонностью, столь характернаго для отвлеченнаго «несчастливаго сознанія». Съ другой стороны, она не предполагаетъ предметовъ разумной вѣры, а сама, какъ любовь, есть уже вѣра въ абсолютное Начало добра. Совершенно въ духѣ старца Зосимы полагаетъ и Соловьевъ, что съ ростомъ любви одинаково растетъ и счастье и вѣра человѣка въ Бога и безсмертіе. Болѣе того: укорененное въ Богѣ, какъ въ своемъ

14) Тамъ-же, 169, 173

15) И въ этомъ пунктѣ Вл. Соловьевъ опять-таки совпадаетъ съ молодымъ Шеллингомъ: «*Seligkeit ist nicht Lohn der Tugend, sondern die Tugend selbst*», *Briefe über Dogmatismus und Kriticismus*, S. W. 1, 322.

абсолютномъ началѣ, добро само по себѣ уже означаетъ безсмертіе. Ибо «полная и дѣйствительная самозаконность духа» означаетъ «неподчиненіе его чуждому закону плотскаго бытія — смерти и тлѣнію». «Нравственность, не ведущая къ дѣйствительному безсмертію и нетлѣнію, не можетъ, строго говоря, называться самозаконною, ибо она явно подчиняется чуждому закону матеріальной жизни». Впрочемъ въ «Оправданіи добра» Соловьевъ почти не останавливается на характеристикѣ добра какъ любви. Въ этомъ отношеніи «Критика отвлеченныхъ на чаль» гораздо ближе къ ученіямъ старца Зосимы. Соловьевъ ограничивается на этотъ разъ только обоснованіемъ своей исправленной формулы безусловнаго начала нравственности: «въ совершенномъ внутреннемъ согласіи съ высшею волею, признавая за всѣми другими безусловное значеніе или цѣнность, поскольку и въ нихъ есть образъ и подобіе Божіе, принимаемъ возможно полное участіе въ дѣлѣ своего и общаго совершенствованія ради окончательнаго откровенія Царства Божія въ мірѣ». Отличіе этой новой формулы категорическаго императива отъ той, которую Соловьевъ далъ въ «Критикѣ отвлеченныхъ началъ», двойное: съ одной стороны, Соловьевъ отказывается въ ней отъ распространенія формулы императива на всѣ живыя существа, что свидѣтельствуетъ о преодолѣніи имъ вліянія Шопенгауэра. Находя формулу Канта «всѣ разумныя существа» двусмысленной, онъ ищетъ выхода въ выраженіи «поскольку въ нихъ есть образъ и подобіе Божіе», тѣмъ болѣе, что, съ другой стороны, онъ считаетъ вообще необходимымъ подчеркнуть уже въ самой формулѣ безусловнаго начала нравственности свой основною тезисъ о томъ, что «добро отъ Бога» 16).

Въ какой мѣрѣ Соловьеву удалось разрѣшить эту проблему, завѣщанную ему еще въ дни его молодости Достоевскимъ: проблему укорененія добра въ Богѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ сохраненія свободы человѣка и, значитъ, автономіи добра? Не есть ли это по существу своему неразрѣшимая проблема? Автономія добра, какъ она была утверждена Кантомъ, означала вѣдь какъ разъ независимость добра отъ какого бы то ни было бытія и тѣмъ самымъ независимость добродѣтели отъ знанія, а этики отъ метафизики, — все равно эмпирической, сводившей добро къ чувствен-

16) Оправданіе добра, VII, 169, 172, 189

ному бытію, или рациональной, производившей добро отъ бытія сверхчувственного. Утвержденіе Соловьева «Добръ отъ Бога» и введеніе идеи Царства Божія въ самую формулу безусловнаго начала нравственности — не означаетъ ли это возвращеніе Соловьева назадъ, на ступень гетерономной этики?

Если взять ученіе Соловьева о личности и о свободѣ, то надо признать, что хотя въ эпоху «Оправданія Добра» онъ и сдѣлалъ рѣшительный шагъ впередъ къ преодолѣнію гетерономнаго характера своей первой философской системы, все же разрѣшить проблему автономіи, т. е. отграничить автономію отъ своеволія, такъ чтобы она однако не вырождалась и въ гетерономію, ему не удалось. Мы знаемъ, что въ «Чтеніяхъ о Богочеловѣчествѣ» Соловьевъ опредѣляетъ личность какъ сущность, составляющую необходимое и незамѣнимое звено въ абсолютномъ порядкѣ бытія, полагая вмѣстѣ съ тѣмъ, что эта вѣчная идея человѣка должна быть имъ свободно усвоена, какъ его идеальное назначеніе, и реализована имъ въ матеріальномъ мірѣ. Это колебаніе между опредѣленіемъ личности какъ идеальнаго долженствованія и какъ бытійственной сущности въ точности соответствовало колебанію Соловьева между свободой и теократіей, и въ той же самой мѣрѣ, въ какой Соловьевъ склонялся въ сторону теократической утопіи, онъ склонялся къ тому, чтобы видѣть въ личности только модусъ всеединого бытія. Онъ самъ формулировалъ это свое колебаніе въ слѣдующихъ стихахъ (1874):

Мы всѣ навѣкъ незримиы цѣлями
Прикованы къ нездѣшнымъ берегамъ.
Но и въ цѣляхъ должны свершить мы самѣ
Тотъ путь, что боги очертили намъ.

Кромѣ обусловленнаго теократической утопіей смѣшенія абсолютнаго всеединства съ относительнымъ временнымъ бытіемъ здѣсь сказалось также еще вліяніе Шопенгауэра, мыслившаго, какъ извѣстно, умопостигаемый характеръ человѣка какъ его разъ навсегда опредѣленное метафизическое бытіе (*esse* въ противоположность *operari*). Съ одновременнымъ преодоленіемъ въ девяностыхъ

годахъ теократической утопіи и вліянія Шопенгауэра 17) Соловьевъ пытается найти новое болѣе безукоризненное рѣшеніе вопроса. Личность не есть только временное явленіе человѣка, но она не есть и субстанція, т. е. сверхвременное вѣчное бытіе, обладающее неизмѣннымъ, постояннымъ содержаніемъ. «То, что въ извѣстномъ евангельскомъ изреченіи, говоритъ онъ, называется душою, что мы обыкновенно называемъ нашимъ я или нашей личностью, есть не замкнутый въ себѣ и полный кругъ жизни, обладающій собственнымъ содержаніемъ, сущностью или смысломъ своего бытія, а только носитель или подставка (*hypostasis*) чего-то другого, высшаго. Отдаваясь этому другому, забывая о своемъ я, человѣкъ какъ будто теряетъ себя, жертвуетъ собою, но на самомъ дѣлѣ онъ утверждаетъ себя въ своемъ истинномъ значеніи и назначеніи, наполняетъ свою личную жизнь испытаннымъ содержаніемъ, съ которымъ она нераздѣльно сливается, превращаетъ ее въ вѣчную жизнь. Напротивъ, обращая свои душевныя силы на самую свою душу, въ отдѣльности взятую, подставку жизни принимая за содержаніе жизни и носителя за цѣль, т. е. отдаваясь эгоизму, человѣкъ губитъ свою душу, теряетъ свою настоящую личность, повергая ее въ пустоту или безсодержательность» 18). Если личность какъ сущность опредѣляется извнѣ абсолютнымъ бытіемъ, модусомъ котораго она является, то личность какъ «ипостась» опредѣляется свободой. Она вольна принять или не принять свое идеальное долженствованіе, выполнить или не выполнить свое индивидуальное назначеніе, т. е. или утвердить себя какъ незамѣнимое звено во всеединствѣ абсолютной жизни или погрузиться въ уносимое «рѣкою время» небытіе. Но въ такомъ случаѣ и самое абсолютное всеединство, включая въ себя начало свободы, пребываетъ по ту сторону простого бытія, есть сверхбытіе. Соловьеву такъ и не удалось найти окончательной, вполнѣ безукоризненной формулы для рѣшенія проблемы свободы. Въ «Оправданіи добра» онъ считаетъ возможнымъ отвести этотъ во-

17) Что оборотной стороной преодоленія вліянія Шопенгауэра было приближеніе Соловьева къ Канту, — это правильно чувствовалъ А. И. Введенскій (Вопр. филос., кн. 56, стр. 26 сл.). Разумѣется — не къ историческому Канту, а къ Канту, какъ его понимали молодой Шеллингъ и Фихте.

18) Срв. статью «Понятіе о Богѣ», VIII, стр. 17-18

прось, полагая, что, какъ метафизическій, онъ выходитъ за предѣлы чисто этической проблематики. Обѣщанное имъ спеціальное изслѣдованіе о свободѣ воли, которому должна была быть посвящена значительная часть его теоретической философіи, такъ и осталось ненаписаннымъ. Слѣдуетъ предполагать, что кромѣ чисто внѣшнихъ причинъ на пути къ рѣшенію Соловьевымъ проблемы свободы стояло также и его метафизическое ученіе о Софіи съ сильно выраженнымъ въ немъ пантеистическимъ вліяніемъ философіи Шеллинга и Баадера 19).

Пониманіе абсолютнаго начала нравственности какъ метафизическаго бытія привело въ первой философской системѣ Соловьева не только къ утратѣ добромъ его автономіи, но и къ поглощенію Царствомъ Божіимъ земныхъ государства и права. Тамъ, гдѣ осуществлена полнота божественной любви, естественно нѣтъ мѣста человѣческому добру и тѣмъ болѣе умаленной сферѣ добра, которая есть право и отличіе которой отъ сферы нравственности Соловьевъ, вслѣдъ за Шопенгауэромъ, усматривалъ въ чисто отрицательномъ характерѣ правовыхъ нормъ. Обратной стороной этого поглощенія права добромъ, а добра — абсолютной любовью было искаженіе Царства Божія въ теократическое государство, управляемое особымъ божественнымъ правомъ и существующее на землѣ на основѣ своеобразнаго абсолютнаго хозяйственнаго строя. Въ «Оправданіи Добра» Соловьевъ не только ни разу не упоминаетъ термина «свободная теократія», но и по существу совершенно порываетъ съ утопическимъ идеаломъ своей молодости. Возставая противъ разобщенія государства и церкви, ведущаго къ смѣшенію обоихъ и затѣмъ къ раздору и гибели, онъ требуетъ однако опредѣленнаго разлеченія ихъ функций въ обществѣ, «такъ чтобы у церкви не было никакой принудительной власти, а принудительная власть государства не имѣла никакого соприкосновенія съ областью религіи». И хотя общую задачу государства и права Соловьевъ видитъ въ томъ, чтобы «обезпечить опредѣленное минимальное добро, или такой порядокъ, который не допускаетъ извѣстныхъ крайнихъ проявленій зла», онъ отказывается отъ опредѣленія права какъ совъ-

19) Подробности колебаній Соловьева по вопросу о личности и свободѣ воли превосходно освѣщены Е. Трубецкимъ во второмъ томѣ его сочиненія (стр. 240-287).

кулности чисто отрицательныхъ нормъ. Право имѣеть положительную задачу обезпеченія каждому лицу достойнаго человѣческаго существованія. Въ связи съ этимъ онъ признаетъ и положительную правду социализма, которая выходитъ за предѣлы простого отрицанія капитализма, и пытается, хотя и не достигая въ этомъ вопросѣ необходимой отчетливости, построить новую теорію относительной, или функциональной собственности, какъ основы справедливаго правопорядка. Тѣмъ самымъ Соловьевъ признаетъ грань, отдѣляющую право, какъ сферу умаленнаго добра, отъ самого добра. Право не можетъ разсчитывать на любовь, которая, пронизавъ собою традиціонныя правовыя и хозяйственныя реформы, сдѣлала бы всякое преобразование ихъ, какъ правовыхъ формъ, излишнимъ. Соловьевъ рѣшительно возстаетъ противъ смѣшенія сферъ права и нравственности 20), признавая тѣмъ самымъ относительную автономію этихъ сферъ.

Соотвѣтственно этому очищается отъ всего земнаго и идея Царства Божія. Въ пониманіи ея Соловьевъ приближается вплотную къ ученіямъ старца Зосимы и къ традиціи отрицательнаго богословія. Царствіе Небесное не есть уже болѣе тысячелѣтнее царство, являющееся утопическимъ завершеніемъ на землѣ человѣческой исторіи. Оно пребываетъ въ совершенно иномъ планѣ міра, будучи отдѣлено отъ земнаго бытія гранью времени, почему оно и не можетъ мыслиться какъ послѣдній во времени этапъ историческаго развитія. Но именно потому оно представляетъ собой вѣчную основу историческаго процесса, будучи связано «незримой цѣпью» съ каждымъ даннымъ моментомъ историческаго бытія. Означая полноту вѣчной, божественной жизни, въ которой зло окончательно преодолѣно, оно не нуждается уже ни въ хозяйствѣ ни въ государствѣ, которыми нѣтъ мѣста въ Царствіи Небесномъ. Оно пребываетъ по ту сторону отдѣльныхъ сферъ культуры, даже по ту сторону самого добра. Менѣе всего, однако, отрицательное богословіе, къ которому приближается Соловьевъ, означаетъ ночь безразличія. Если въ царствѣ Божіемъ нѣтъ мѣста ни хозяйству, ни государству, ни праву, если оно пребываетъ даже по ту сторону противоположности добра и зла, то не потому, что оно поглощаетъ ихъ сво-

20) Разграниченію ихъ С. посвящаетъ особое сочиненіе «Право и нравственность», 1897, — срв. VII, 468, 511.

имъ къ нимъ безразличіемъ, какъ это характерно для всякой утопіи, а потому, что въ полнотѣ вѣчной жизни снимается та ограниченность ихъ, которая составляетъ ихъ предѣлъ, какъ умаленныхъ и потому раздѣльныхъ областей земной человѣческой жизни, подвластной закону смерти и небытія. Въ абсолютномъ всеединствѣ поглощаются не самыя эти области, а только ихъ ограниченность, но поэтому то какъ разъ грань между абсолютнымъ и относительнымъ выступаетъ особенно явственно. Вплотную приближаясь къ высказанному въ символикѣ «Братьевъ Карамазовыхъ» различію между безразличіемъ под-этической сферы и сверхпротивоположностью сферы божественной, Соловьевъ говоритъ: «Но отношеніе Бога ко всему не есть равнодушіе. Богъ выше противорѣчія между добромъ и зломъ, но это не есть безразличіе. Бездушные предметы безразличны въ отношеніи добра и зла, но это низшее состояніе не можетъ быть приписано Божеству. Если по евангельскому слову Богъ возводитъ солнце свое надъ добрыми и злыми, то вѣдь этотъ единый свѣтъ, освѣщающая разныя лица и дѣла, именно и показываетъ ихъ различіе; и если по тому же слову Богъ посылаетъ дождь свой и праведнымъ и грѣшнымъ, то вѣдь эта единая влага Божьей благодати на разной почвѣ и изъ разныхъ сѣмянъ производитъ плоды не одинаковыя. Нельзя допустить ни того, чтобы Богъ утверждалъ зло, ни того, чтобы Онъ отрицалъ его безусловно: перваго — потому, что тогда зло было бы добромъ, а втораго — потому, что тогда зло не могло бы вовсе существовать, а однако оно существуетъ. Богъ отрицаетъ зло какъ окончательное или пребывающее, и въ силу этого отрицанія оно и погибаетъ, но Онъ допускаетъ его какъ преходящее условіе свободы, т. е. большаго добра. Богъ допускаетъ зло, поскольку... прямое его отрицаніе или уничтоженіе было бы нарушеніемъ человѣческой свободы, т. е. большимъ зломъ, такъ какъ дѣлало бы совершенное (свободное) добро въ мірѣ невозможнымъ» 21). Въ этихъ словахъ самъ Соловьевъ выразилъ съ совершенной опредѣленностью тѣсную связь, существующую между отрицательнымъ богословіемъ, съ одной стороны, и идеей свободы и автономіи добра, съ другой.

Въ статьяхъ своихъ, написанныхъ послѣ «Оправданія

21) Оправданіе добра, VII, 188 сл.

Добра», Соловьевъ окончательно преодолеваетъ остатки пантеизма, къ которому онъ тяготѣлъ въ предыдущемъ періодѣ своего развитія. Опредѣляя Божество какъ существо сверхличное, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленно настаиваетъ на сверхбытійномъ существѣ Бога, который «не можетъ быть только Богомъ геометріи и физики», но необходимо есть также «Богъ исторіи». Ссылаясь на Діонисія Ареопагита, Максима Исповѣдника и «Добротолубіе», Соловьевъ считаетъ отрицательное богословіе необходимымъ элементомъ истиннаго понятія о Богѣ 22). Завершеніемъ этого развитія является, наконецъ, и преодоленіе имъ оптимизма, составляющее, по словамъ самого Соловьева, собственную задачу его послѣдняго сочиненія, «Трехъ разговоровъ». Доказательство «реальности чорта», въ котораго онъ, по его словамъ, въ молодости не вѣрилъ 23), доводитъ до конца тѣ мысли, которыми «Оправданіе добра» отличается отъ «Критики отвлеченныхъ началъ», и приближаетъ этическое міровоззрѣніе Соловьева вплотную къ ученію о добрѣ и злѣ «Братьевъ Карамазовыхъ». Изъ реальности зла слѣдуетъ, съ одной стороны, и оправданіе государства и права, какъ относительно самостоятельныхъ сферъ человѣческой жизни, и пониманіе Абсолютнаго начала не только какъ Сверхбытія, но и какъ Сверхдобра, пребывающаго въ извѣстномъ смыслѣ по ту сторону противоположности добра и зла, съ другой. Наконецъ, изъ него слѣдуетъ также и оправданіе свободы человѣка, какъ самостоятельнаго сотрудника и соучастника Бога, призваннаго въ своей нравственной жизни произвести выборъ между добромъ и зломъ и активно содѣйствовать побѣдѣ жизни вѣчной надъ началомъ смерти и небытія.

Отсюда становится понятнымъ и основное различіе между второй этической системой Соловьева и точкой зрѣнія «Критики отвлеченныхъ началъ», сформулированное самимъ Соловьевымъ съ особенной рѣзкостью во введеніи къ «Оправданію Добра». Если ранѣ Соловьевъ утверждалъ зависимость этики отъ метафизики и даже видѣлъ основное заблужденіе отвлеченнаго морализма въ отрицаніи этой зависимости, то сейчасъ Соловьевъ рѣшительно отрицаетъ «одностороннюю зависимость этики отъ поло-

22) Срв. статью «Понятіе о Богѣ» (1897), VIII, 1-26

23) Письма Соловьева, т III, 88.

жительной религии или же отъ умозрительной философіи, — такую зависимость, которая отнимала бы у нравственной философіи собственное содержаніе и самостоятельное значеніе 24). Преодоленіе Соловьевымъ его утопіи ни въ чемъ не высказывается съ такой яркостью, какъ въ этой защитѣ имъ относительной автономіи добра. Дискурсивно, какъ это и подобаешь философу-мыслителю, Соловьевъ приблизился тѣмъ самымъ къ концепціи «Братъевъ Карамазовыхъ», которая открылась Достоевскому сразу въ художественной интуиціи и которая, какъ показано выше, одинаково отличается и отъ точки зрѣнія гетерономной этики, дѣлающей добро зависимымъ отъ познанія міра и Бога, и отъ точки зрѣнія абсолютной автономіи, превращающей независимость нравственной сферы отъ познавательной (ея самобытность въ теоретическомъ отношеніи) въ совершенную независимость ея отъ какого бы то ни было высшаго начала. Если и вѣрно, что Соловьеву не удалось съ достаточной ясностью высказать свою мысль, то все же непонятно, какъ кн. Е. Трубецкой, ставящій задачей дальнѣйшаго философскаго развитія какъ разъ «всестороннее утвержденіе обоюдной свободы божескаго и человѣческаго начала въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ» 25), могъ пройти мимо самаго замысла Соловьева. Не трудно, конечно, доказать зависимость этики Соловьева отъ цѣлага ряда предпосылокъ теоретическаго порядка 26). Будучи сама знаніемъ, этика, какъ наука, естественно зависитъ отъ законовъ знанія, а будучи знаніемъ одной частичной сферы міра, она не можетъ не опираться на скрытое или явное знаніе цѣлокупности міра, поскольку такое возможно. Но Соловьевъ и не думалъ утверждать полную разобщенность между этикой и теоретической философіей. Напротивъ, въ устанавливаемомъ Кантомъ развѣдѣ, или по крайней мѣрѣ *séparation de corps* между теоретической философіей и нравственною, онъ самъ видѣлъ «основное заблужденіе этого мыслителя» 27). Точно также не думалъ онъ утверждать, конечно, полного самодовлѣнія добра. Если Соловьеву и не удалось найти точной формулы для своей мысли, то мысль эта во всякомъ слу-

24) VII, 23.

25) II соч. II, стр. 397.

26) Тамъ-же, гл. 18, § 3.

27) Срв. статью «Мнимая критика» (отвѣтъ Б. Чичерину), VII, 648.

чаѣ была ясна. Думается, ее можно формулировать въ слѣдующихъ терминахъ.

Существо гетерономной этики заключается въ утвержденіи зависимости добра отъ познанія Бога, который тѣмъ самымъ понимается ограниченнымъ и умаленнымъ образомъ какъ абсолютное бытіе. Пониманіе добра какъ еверхчувственнаго бытія, а этики какъ части метафизики означаетъ одинаково и отрицаніе челоувческой свободы и приниженіе Бога, пребывающаго по ту сторону бытія, до одного только атрибута божественнаго всеединства. Въ утвержденіи сверхбытійственности Абсолютнаго начала и его непознаваемости заключается правда автономной этики. Она правильно утверждаетъ независимость добродѣтели отъ знанія, непознаваемость Бога какъ условіе свободнаго принятія добра. Но автономія вырождается въ своеволіе, когда добро провозглашается самодостаточнымъ, покоющимся только на себѣ самомъ, не нуждающимся ни въ какомъ высшемъ началѣ. Такое добро дѣйствительно отвлеченно, и вмѣсто независимости добра отъ бытія оно означаетъ безусловное отрицаніе послѣдняго первымъ. Истинная автономія утверждаетъ, напротивъ, укорененность добра въ сверхблагомъ Абсолютномъ началѣ, и такъ какъ Абсолютное одинаково пребываетъ по ту сторону какъ добра такъ и бытія, то утвержденіе укорененности добра въ Богѣ не означаетъ отпизда назадъ къ точкѣ зрѣнія зависимости добра отъ бытія. Добро есть самостоятельный, самобытный путь къ Богу, независимый отъ пути знанія, доступный одинаково мудрымъ и неразумнымъ. Добро находится въ такомъ же непосредственномъ отношеніи къ Абсолютному, какъ и бытіе, и потому этика, какъ познаніе добра, не зависитъ отъ метафизики, какъ познанія бытія. Конечно, будучи наукой, этика, какъ всякое знаніе, зависитъ отъ логики, въ частности отъ логики философіи. Но эта зависимость науки о добрѣ отъ общихъ принциповъ философскаго знанія 28) отнюдь не влечетъ за собою зависимости отъ послѣднихъ ея предмета, т. е. самого добра.

28) Независимость этики отъ метафизики не означаетъ, конечно, **нейтралитета** этики въ спорѣ между собою метафизическихъ точекъ зрѣнія, т. е. совмѣстности этики съ любой метафизической теоріей. Такъ совершенно неправильно толкуетъ мысль Соловьева кн. Е. Трубецкой, и ему, конечно, безъ труда удается ее опровергнуть. Соловь-

Ни обусловленность науки о добрѣ теоретической философій ни укорененность добра въ Богѣ не создаютъ еще гетерономіи этики, настоящей смыслъ которой заключается въ утвержденіи зависимости добра отъ познанія міра или Бога, т. е. отъ исповѣданія той или иной теоретической истины. Только противъ такой порождающей гетерономію зависимости и направляется аргументація Соловьевского «введенія» къ «Оправданію Добра». И въ этомъ онъ вполне согласенъ со старцемъ Зосимой, для котораго, какъ мы видѣли, убѣжденіе въ бытіи Бога и въ безсмертіи души не предваряетъ нравственности, а напротивъ опытомъ дѣятельной любви только и утверждается; для котораго «касаніе мірамъ инымъ» есть не столько теоретическій актъ созерцанія, сколько практический актъ любовнаго дѣланія. Не потому ли именно практически оно невѣріе, «непріятіе Божьяго міра», т. е. унынїе, а отнюдь не отрицаніе Бога, или теоретическое безвѣріе полагается Достоевскимъ въ качествѣ основного грѣха? Ибо, какъ правильно формулировалъ это Соловьевъ еще въ утопическій періодъ своей философїи, «человѣчество обязано не созерцать божество, а само дѣлаться божественнымъ. Согласно этому новая религія не можетъ быть только пассивнымъ богопочитаніемъ (teosebeia) или богопоклоненіемъ (teolatreia), а должна стать активнымъ богодѣйствіемъ (teurgia), т. е. совмѣстнымъ дѣйствіемъ Божества и человѣчества для пересозданія сего послѣдняго изъ плотскаго или природнаго въ духовное и божественное» 29). Не это ли имѣлъ въ виду и Апостоль, говоря, что «Царствіе Божіе не теоретично, а динамично» (и gar en logo, all en dinamci, 1-ое Коринф., 4, 20)?

С. I. Гессенъ.

евъ, напротивъ, имѣеть въ виду то, что въ настоящее время выставляется, напр. феноменологіей, какъ условіе правильнаго философскаго анализа: не совмѣстимость этики съ любой метафизической теоріей, а непредвзятость этического анализа, его свободу отъ всѣхъ метафизическихъ точекъ зрѣнія. Если относить къ метафизикѣ самую критику метафизическихъ теорій и всякое выходящее за предѣлы формальной логики общее теоретическое ученіе о мірѣ, то этика, конечно, зависитъ отъ метафизики.

29) Срв. Духовныя основы жизни, III, 343.

О классовомъ сознаниі

Въ проектѣ программы, который былъ предложенъ конгрессу австрійской социаль-демократической партіи въ ноябрь 1926 года въ Линцѣ, значилось:

«Австрійская социаль-демократическая рабочая партія, опираясь на ученія научнаго социализма и на опытъ десятилѣтій успѣшной борьбы, тѣсно связанная съ социалистическими рабочими партіями другихъ народовъ, ведетъ освободительную борьбу трудящихся классовъ народа».

Эта формулировка о «трудящихся классахъ народа» явилась въ извѣстномъ смыслѣ идеологической сенсацией въ средѣ тѣхъ круговъ социализма, которые привыкли къ точности и однозначности классовой точки зрѣнія ортодоксальнаго марксизма. Заговоривъ объ освободительной борьбѣ «трудящихся классовъ» народа, программная коммиссія австрійской социаль-демократіи, представляющей, вообще говоря, наиболѣе ортодоксально - марксистское крыло въ современномъ социализмѣ, какъ бы заявила, что партія является не одно-классовой, а многоклассовой, партией не пролетаріата только, а всѣхъ трудящихся классовъ. Это было сенсационно потому, что въ свое время большіе протесты вызвала формулировка Герлицкой программы германской социаль-демократіи, когда въ такъ называемомъ «большинствѣ» крайне сильно были представлены тенденции радикальной ревизіи наслѣдія Маркса. Первый пунктъ Герлицкой программы гласилъ: «Германская социаль-демократическая партія есть партія трудящихся народа въ городѣ и деревнѣ». Въ этой формулировкѣ справедливо усматривали отказъ отъ выраженной классовой позиціи и полное торжество тѣхъ теченій, которыя давно уже настаивали на необходимости и неизбежности превращенія германской рабочей партіи въ партію обще-народную, партію всѣхъ трудящихся.

Въ 1925 году на Гейдельбергскомъ конгрессѣ объединенная германская социаль-демократическая партія приня-

ла новую программу, въ которой интересующій насъ пунктъ Герлицкой программы исчезъ и пролетарскій характеръ партіи былъ декларированъ въ программѣ достаточно отчетливо. И вотъ черезъ годъ съ небольшимъ, послѣ того, какъ въ умѣренномъ Гейдельбергѣ были уничтожены слѣды совѣмъ праваго Герлица, эти слѣды появились въ такомъ неожиданномъ мѣстѣ, какъ въ лѣвой и ортодоксальной Вѣнѣ.

Необходимо признать, что въ формулировкѣ программной комиссіи австрійской партіи крылись несомнѣнные противорѣчія. Если партія называетъ себя «рабочей партіей», то конечно она ведетъ освободительную борьбу не «трудящихся классовъ народа», а рабочаго класса. Если же она ведетъ борьбу «трудящихся классовъ народа», тогда се логичнѣе будетъ называть не «рабочей», а «трудо-вой», «народно-трудо-вой» и т. п. Во всякомъ случаѣ на Линнскомъ конгрессѣ партіи почувствовали, что въ проектѣ программной комиссіи кроется опредѣленный «уклонъ», если не прямой разрывъ съ традиціей всѣхъ до сихъ поръ существовавшихъ социаль-демократическихъ программъ и формулировка программной комиссіи была отвергнута. Конгрессъ въ цѣломъ оказался «выдержаннѣе» группы партійныхъ идеологовъ, составившихъ программную комиссію, и въ окончательномъ видѣ «трудящіеся классы народа» изъ программы исчезли, а на ихъ мѣсто появилось прежнее однозначное понятіе «рабочій классъ».

Конечно, покушеніе на разрывъ съ классической точкой зрѣнія не есть еще самый этотъ разрывъ. Однако самый тотъ фактъ, что выдающіеся теоретики лѣвой ортодоксальной партіи допустили хотя бы временную слабость въ формулировкѣ классово-пролетарскаго характера своей партіи, — самый этотъ фактъ показываетъ, что въ прежней концепціи социалистическаго движенія, выдержанной въ строго классовыхъ тонахъ, образовалась идеологическая трещина. Пользуясь обиходными выраженіями, можно сказать, что классовое сознание современнаго социализма въ значительной мѣрѣ ослабло. Въ чемъ это выражается?

Для отвѣта на этотъ вопросъ возьмемъ одинъ частный примѣръ изъ практики того же австрійскаго социаль-демократическаго движенія. Въ составѣ австрійской партіи имѣется до 30.000 мелкихъ собственниковъ — ремеслен-

никовъ и торговцевъ, образующихъ внутри общепартийнаго организма отдѣльную автономную группу. Задача этой группы сводится къ защитѣ своихъ социальнo-экономическихъ интересовъ, которые не противорѣчатъ интересамъ рабочаго класса, но которые вмѣстѣ съ тѣмъ являются специфическими классовыми интересами данной группы мелкихъ собственниковъ. Они въ партіи ведутъ борьбу бокъ-о-бокъ и въ полной гармоніи со всѣми остальными элементами, составляющими партійный организмъ, за общія цѣли социальнoй и политической демократіи, за преодоленіе современнаго капитализма и замѣну его строемъ социалистическимъ. Но у нихъ есть свои собственные классовые интересы въ современномъ капиталистическомъ обществѣ и эти интересы они хотятъ защищать при помощи социаль-демократической партіи. Если рабочій имѣетъ право требовать отъ партіи: «Защити мои классовые интересы», то формально съ этимъ же имѣютъ право обратиться къ партіи и эти организованныя группы мелкихъ собственниковъ. Дѣло тутъ идетъ не о той помощи, на какую всякій членъ партіи имѣетъ право рассчитывать именно постольку, поскольку онъ вошелъ въ это большое единство. Дѣло тутъ идетъ о помощи социальнаго типа, о поддержкѣ данной социальнoй группы въ ея специфическихъ классовыхъ интересахъ. Таково же примѣрно и положеніе въ партіи такъ называемаго «Союза свободныхъ трудовыхъ крестьянъ въ Австрійи». Организациа эта, входящая въ социаль-демократическую партію, численно значительно слабѣе организации ремесленниковъ и торговцевъ, но принципиальной разницы здѣсь никакой нѣтъ и мелкіе крестьянскіе собственники, организованные въ партіи, имѣютъ право требовать отъ партіи защиты своихъ классовыхъ интересовъ, именно какъ мелкихъ крестьянскихъ собственниковъ.

Конечно, въ общей массѣ членовъ партіи эти не пролетарскія группы составляютъ все еще ничтожное меньшинство. Если бы они въ партію входили только въ своемъ индивидуальномъ качествѣ, какъ отдѣльныя лица, занятая той или иной профессіей, пусть на основѣ частной собственности, то въ ихъ пребываніи въ партіи ничего проблематическаго бы не было. Въ концѣ концовъ партія ни у кого не спрашиваетъ, чѣмъ онъ занимается и откуда получаетъ источники существованія, если только нѣтъ основаній для какихъ-либо тяжелыхъ подозрѣній.

Но въ данномъ случаѣ мы стоимъ передъ радикально инымъ положеніемъ: хотя этихъ людей чакто не спрашиваетъ чѣмъ они занимаются, они сами объ этомъ весьма настойчиво заявляютъ и желаютъ, чтобы рабочая социалистическая партія не только терпѣла ихъ принадлежность къ мелко-буржуазнымъ социальнымъ группировкамъ, но и содѣйствовала бы имъ внутри этихъ социальныхъ группировокъ оставаться и впредь и имѣть возможность вести достойное челоуѣка существованіе.

Велико ли, мало ли количество такихъ членовъ въ общемъ составѣ партіи, ихъ формально и принципиально признанная претензія на защиту своихъ классовыхъ интересовъ, не противорѣчающихъ интересамъ рабочаго класса, но и съ ними не совпадающихъ, все-таки дѣлаетъ изъ ихъ пребыванія въ партіи большую угрозу для чисто классовой концепціи всего партійнаго строительства и водительства. Тысяча членовъ партіи, являющихся лавочниками, не столь опасна для этой классовой концепціи, чѣмъ двадцать лавочниковъ, образующихъ внутри партіи группу по защите интересовъ лавочниковъ, хотя бы и мелкихъ, хотя бы и мельчайшихъ. Тысяча отдѣльныхъ членовъ партіи, принадлежащихъ къ классу мелкихъ торговцевъ, все-таки никогда не будетъ имѣть ни формальныхъ ни реальныхъ возможностей вліять на практику работы социалистической кооперации, вообще говоря очень опасной для мелкаго торговца, а организованная группа членовъ партіи изъ мелкихъ торговцевъ имѣетъ и реальное и формальное право заявлять тѣ или иныя претензіи относительно работы социалистическихъ кооператоровъ и добиваться какого то «согласованія» интересовъ, вообще столь противоположныхъ.

Это не теоретически придуманный случай. Я нахожу такую постановку вопроса въ статьѣ, напечатанной въ руководящемъ органѣ австрійской социаль-демократической партіи «Деръ Кампфъ». Авторъ излагаетъ основы организации и борьбы социаль-демократическихъ ремесленниковъ и торговцевъ и выражаетъ недовольство тѣмъ, что партія до сихъ поръ еще мало считается съ интересами этихъ слоевъ. «Иногда въ партіи спокойно смотрятъ какъ раззоряется ремесленникъ и торговецъ, который является нашимъ партійнымъ товарищемъ и оставляютъ свои трудовые гроши у своихъ политическихъ противниковъ. Проходятъ мимо социаль-демократическаго бакалейщика

и заходятъ къ христіанско-соціальному, слушаютъ тамъ, какъ тотъ клянеть соціаль-демократическую партію, огмалчиваются и въ слѣдующій разъ опять заворачиваютъ къ христіанско-соціальному бакалейщику, мяснику, булочнику, саложнику, портному и т. д.»

Авторъ требуетъ, чтобы подобныя явленія были прекращены и чтобы создавалось какъ бы моральное обязательство покупать и заказывать именно только у членовъ партіи. Но вѣдь наряду съ этими частными лавочниками и ремесленниками, входящими въ партію, имѣется социалистическая кооперация и вѣдь эта кооперация говоритъ членамъ партіи: «Минуйте частнаго лавочника и закупайте все въ кооперативѣ!»... Какъ же быть? Передъ авторомъ статьи въ центральномъ соціаль-демократическомъ журналѣ имѣтъ даже этого вопроса. Наоборотъ, его кооперативное движеніе интересуется совѣмъ съ другой стороны. Онъ пишетъ: «Желательно, чтобы при агитаціи за кооперативныя общества не имѣли бы мѣста тѣ несуразности и вывихи, которые кооперативамъ никакой пользы не приносятъ, но нашему движенію вредятъ и питаютъ необоснованныя предубѣжденія. Оба движенія, и соціаль-демократическихъ ремесленниковъ и торговцевъ, и кооперативное, могутъ вполнѣ хорошо уживаться другъ съ другомъ, какъ напримѣръ въ нашей партіи находятъ себѣ мѣсто свободомыслящіе рядомъ съ религіозными социалистами, «сухіе» рядомъ съ «мокрыми» и т. д. (№ 7, 1928 г.).

Легко видѣть, что проблема сожительства въ предѣлахъ партіи кооперации съ частнымъ торговцемъ совѣмъ иного принципиальнаго содержанія, чѣмъ проблема сожительства внутри партіи религіозныхъ и антирелигіозныхъ социалистовъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою противорѣчіе взглядовъ и міроощущенія, а въ первомъ противорѣчіе реальныхъ экономическихъ интересовъ. Демагогическія крайности ходовой кооперативной агитаціи, заостренной противъ «вампира»-лавочника, могутъ и должны быть оставлены внѣ всякой зависимости отъ чувствительныхъ къ этому членовъ партіи, занимающихся ремесломъ и торговлей. Но отъ этого сложность самой проблемы сожительства разныхъ социальныхъ группъ въ единой партіи, обязанной защищать всѣ эти интересы, — отъ этого сложность самой проблемы нисколько не уменьшается. Нынѣшняя малочисленность этой группы мелкихъ собственниковъ въ рамкахъ партіи

ровно ничего здѣсь не мѣняется, потому что партія заинтересована въ томъ, чтобы малое число такихъ членовъ партіи стало бы большимъ числомъ и возможности роста въ этомъ направленіи далеко еще не исчерпаны, во всякомъ случаѣ относительно гораздо менѣе исчерпаны, чѣмъ возможности роста за счетъ индифферентныхъ или прямо враждебныхъ чисто пролетарскихъ группъ.

**

Съ этой же проблемой мы встрѣчаемся и во французской социалистической партіи.

Здѣсь положеніе осложняется тѣмъ, что французская социалистическая партія является пролетарской партіей гораздо больше въ идеѣ, чѣмъ въ своей социальной реальности. Ея пролетарская «выдержанность» имѣетъ чисто догматическій характеръ, ибо французская социалистическая партія является не столько рабочей партіей, сколько партіей для рабочихъ. Это въ очень осторожной, но достаточно ясной формѣ, выразилъ Э. Вандервельде въ своей статьѣ, излагавшей впечатлѣнія отъ конгресса французской партіи въ Бордо лѣтомъ 1930 года.

Задумываясь надъ причинами рѣзкаго раздѣленія партіи на лѣвыхъ и правыхъ и надъ ихъ битвами до и во время конгресса, Вандервельде пришелъ къ выводу, что здѣсь огромную роль играетъ отсутствіе пролетарскихъ массъ въ составѣ партіи. Сравнивая французское социалистическое движеніе съ бельгійскимъ, онъ пишетъ: «На конгрессѣ бельгійской рабочей партіи сразу бросается въ глаза тотъ фактъ, что большинство делегатовъ это рабочіе или бывшіе рабочіе, представители союзовъ, больничныхъ кассъ и кооперативовъ, включенныхъ въ партію. На конгрессѣ же французской партіи господствуютъ политики, интеллигенты, часто извѣстные представители социалистической мысли. Несомнѣнно, французская социалистическая партія на сторонѣ рабочаго класса. Но нельзя сказать, что она представляетъ самый рабочій классъ, политически и социально организованный. Во всякомъ случаѣ, она его представляетъ не въ такой мѣрѣ, какъ въ Бельгіи, Англии и Германіи. При такихъ условіяхъ, становится неизбѣжнымъ, что центръ тяжести переносится на чистую политику, причемъ у однихъ это избирательные успѣхи, а у дру-

гихъ это строгія формулы классовой борьбы, за которыя они держатся съ тѣмъ большею страстью, чѣмъ больше самый пролетаріатъ находится гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, въ генеральной конфедерации труда, если не въ коммунистическихъ союзахъ, или въ кооперативахъ, въ аполитическихъ организаціяхъ, которыя совсѣмъ не связаны или связаны только слабыми персональными узами съ партией» *).

Въ этихъ замѣчаніяхъ Вандервельде, по его положенію въ качествѣ предсѣдателя Интернаціонала, весьма осторожно, крѣпко тѣмъ не менѣе горькое содержаніе. Выходитъ, что во французской социалистической партіи потому такъ строго блюдутъ классовую догму, что основной классовой опорой социалистическаго движенія, пролетаріата, во французской партіи очень мало. Строгость классовой пролетарской точки зрѣнія во французской партіи — это строгость группы интеллигентскихъ идеологовъ, заслуги которыхъ въ дѣлѣ развитія теоріи классовой борьбы пролетаріата значительно превышаютъ ихъ заслуги въ дѣлѣ привлеченія этого пролетаріата въ ряды борющагося социализма. Классоваго пролетарскаго самосознанія много, а самаго пролетаріата мало. Получается какъ бы обратная пропорція между классовой сознательностью и классовымъ составомъ французскаго социализма.

Это, впрочемъ, не первый случай въ исторіи современнаго социалистическаго движенія. Въ европейскомъ социализмѣ наиболѣе строгая классовая точка зрѣнія господствовала въ русской социаль-демократіи. Но русская социаль-демократія и въ хорошія свои времена была очень мало связана съ дѣйствительно пролетарскими кадрами. И здѣсь царствовала обратная пропорція между классовымъ составомъ и классовымъ сознаниемъ. Эта обратная пропорція представлена и въ очень интересномъ противоположномъ случаѣ: англійская рабочая партія несомнѣнно является одной изъ самыхъ пролетарскихъ партій современнаго социализма. Однако, классовое пролетарское самосознаніе въ ея догматической формѣ менѣе всего представлено здѣсь, гдѣ классовый составъ партіи не внушаетъ ужь абсолютно никакихъ сомнѣній.

Но если вернуться къ французскому социализму, то его

*) См. «Arbeit. Zeitung» отъ 22-VI 1930 г.

строгое классовое самосознаніе оказывается порою и все чаще чрезвычайно оппортунистичнымъ. Какъ извѣстно, между французской социалистической партіей и генеральной федерацией труда, гдѣ сосредоточены главныя силы французскаго пролетаріата, отношенія весьма далеки отъ полнаго единодушія. Имѣются элементы взаимнаго политическаго недовѣрія, такъ какъ для лѣваго большинства французской социалистической партіи генеральная конференція труда является очагомъ всякаго реформизма и правыхъ настроеній. Основная проблема французскаго социалистическаго движенія — овладѣніе рабочими кадрами — не можетъ быть рѣшена, покуда между партіей и синдикатами существуютъ такія отношенія. Для того, чтобы распространить свое вліяніе на профессионально-организованныя рабочія массы, партія должна была бы во многомъ уступить реформизму синдикатовъ и генеральной федерации труда. Но на это не хватаетъ пока еще идеологической рѣшимости. По отношенію къ организованному пролетаріату партія еще очень строга въ своей классовой выдержанности.

Тѣмъ удивительнѣе, какъ она становится идеологически весьма снисходительной какъ только рѣчь заходитъ о французскомъ крестьянствѣ. Въ резолюціи, принятой на конгрессѣ въ Бордо, заявляется:

«Партія будетъ бороться за то, чтобы земля крупныхъ собственниковъ перешла къ сельско-хозяйственному пролетаріату, мелкимъ и среднимъ арендаторамъ, которые будутъ ее обрабатывать въ формѣ коллективныхъ, кооперативныхъ, коммунальныхъ, профессиональныхъ или семейныхъ хозяйствъ. Партія стремится къ тому, чтобы указанные слои крестьянства могли воспользоваться для себя социальнымъ и рабочимъ законодательствомъ и получить доступъ къ собственности... Побѣдоносный социализмъ будетъ считать своимъ долгомъ охрану собственности мелкихъ и среднихъ собственниковъ, которые обрабатываютъ землю безъ наемнаго труда или которые вмѣстѣ съ семьей даютъ хозяйству наибольшую часть необходимаго для его веденія труда... Социалистическая партія весьма далека отъ равнодушія или враждебности къ будущимъ судьбамъ крестьянина и наоборотъ, — она хочетъ осуществить социализмъ вмѣстѣ съ крестьянами, при помощи крестьянъ и для крестьянъ».

Резолюція эта была принята единогласно, т. е. и тѣми

частями партій, которыя удивляли Вандервельде своей страстью въ защитѣ строго-классовыхъ позицій. Какъ бы ни смотрѣть на возможность согласованія въ современномъ обществѣ интересовъ пролетаріата съ интересами мелкой и средней крестьянской собственности, необходимо признать одно: согласовать формулы крестьянской резолюціи французскаго социалистическаго конгресса съ прежними строгими формулами пролетарской классовой борьбы, наврядъ-ли возможно, если не пользоваться путями чистѣйшей схоластики, согласовывающей не понятия и цѣли, а только болѣе или менѣе расплывчатыя слова о нихъ.

Если для правыхъ теченій во французскомъ социализмѣ такая позиція въ крестьянскомъ вопросѣ входитъ еще болѣе или менѣе легко въ общую ихъ концепцію социальнаго развитія и борьбы за социализмъ, то для лѣвой части французской партіи эта крестьянская программа не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ абсолютнымъ оппортунизмомъ, принимающимъ и выдвигающимъ формулы, приспособленныя не столько къ принципамъ, сколько къ надобностямъ избирательной борьбы и текущей политики. Для партіи, не желающей быть оппортунистичной въ вопросѣ о томъ, какъ быть съ профессионально-организованными кадрами пролетаріата, эта готовность быть оппортунистичнымъ по отношенію къ мелкому и среднему крестьянскому собственнику, является весьма показательной.

Какъ этотъ оппортунизмъ отражается не въ программныхъ деклараціяхъ, а въ текущей политической работѣ партіи, можно видѣть изъ слѣдующаго характернаго примѣра. Я беру рѣчь социалистическаго депутата Жоржа Ришара при обсужденіи въ палатѣ смѣты министерства земледѣлія въ февралѣ 1931 г. Ораторъ подробно останавливается на кризисѣ французскаго винодѣлія. Годовое потребление вина пало во Франціи съ 155 литровъ на душу населенія въ 1925 г. до 140 литровъ въ 1929 г. И хотя Франція и нынѣ стоитъ далеко впереди другихъ винодѣльческихъ странъ по душевому потребленію вина, и хотя она обнаруживаетъ устрашающій съ точки зрѣнія интересовъ народнаго здоровья рекордъ душевого потребленія чистаго алкоголя (около 18 литровъ!), тѣмъ не менѣе забота социалистической партіи направлена не на уменьшеніе, а на увеличеніе потребленія вина. Среди мѣръ, предлагае-

мыхъ ораторомъ социалистической партіи, фигурируютъ: пониженіе розничныхъ цѣвъ на вино, болѣе высокое обложеніе тѣхъ ресторановъ, гдѣ вино не входитъ въ составъ меню (вѣтъ нонъ компри); субсидіи синдикатамъ и отдѣльнымъ лицамъ, рекламирующимъ французское вино на національныхъ и интернаціональныхъ выставкахъ; усиленіе виннаго раціона въ казармѣ («что способно поднять духъ нашихъ войскъ») и въ государственныхъ школахъ («апплодисменты на различныхъ скамьяхъ»). Относительно школъ социалистической ораторъ устанавливаетъ, что «тамъ какъ будто объявлена война потребленію вина». Выражается это въ этомъ, что въ одномъ учебникѣ натуровѣдѣнія и другомъ учебникѣ гигиены авторы ихъ рѣшаются оспоровать потребленіе вина. Ссылаясь на авторитетъ Пастера, ораторъ приходитъ къ выводу, что въ интернатахъ французскихъ государственныхъ школъ вино не можетъ быть ни запрещено, ни дисквалифицировано. Вообще говоря, надо возможно скорѣе создать организацію по пропагандѣ вина. Эта организація могла бы выпустить спеціальныя плакаты. «Когда мы путешествуемъ по Франціи мы видимъ громадныя плакаты, рекомендующіе минеральныя воды. Но мы не видимъ плакатовъ, рекомендующихъ бутылку добраго французскаго вина». Ораторъ требуетъ, чтобы при помощи государства были изготовлены подобныя плакаты и розданы 500.000 французскимъ кабатчикамъ. Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ мѣропріятій по вытѣсненію изъ Франціи иностранныхъ винъ, въ томъ числѣ повышеніе тарифныхъ ставокъ, по снабженію французскимъ виномъ колоній и т. п. *)...

Конечно, французы не слишкомъ увлечены борьбой съ алкоголизмомъ и члены социалистической партіи — добрые французы. Но все-таки въ такой защитѣ интересовъ весьма значительнаго въ странѣ кадра крестьянскихъ собственниковъ, въ такомъ заступничествѣ за бутылку добраго французскаго вина, которое посягаетъ даже на свободу научной и педагогической совѣсти составителей учебниковъ, — во всемъ этомъ слишкомъ много отъ лукаваго оппортунизма, страннымъ образомъ совмѣщающаго выдержанную классовую точку зрѣнія пролетаріата съ выдержанной точкой зрѣнія собственниковъ плохо реализующейся сейчасъ винодѣльческой продукціи.

*) Цитирую по отчету въ «La Vie Socialiste» отъ 28-II 1931 г.

Я взялъ примѣры двухъ социалистическихъ партій, считающихся и себя считающихъ болѣе лѣвыми, болѣе блюдушщими классовую чистоту своихъ помышлений и поступковъ, по сравненію съ другими социалистическими партіями. Обѣ эти партіи — одна уже болѣе 10 лѣтъ, другая ни разу послѣ войны — не грѣшили участіемъ въ какой либо коалиціи съ представителями буржуазныхъ партій и классовъ. И тѣмъ не менѣе и здѣсь, и тамъ реальность политической и социальной борьбы вынуждаетъ на помышленія и поступки, стоящіе въ рѣзкомъ и принципиальномъ противорѣчьи съ чисто классовой концепціей социалистическаго движенія. Если бы мы обратились къ практикѣ партій, менѣе претендующихъ на вѣрность формуламъ классическаго марксизма, то отходъ отъ классовой концепціи социалистическаго движенія вырисовался бы въ еще болѣе отчетливой формѣ.

Въ чемъ заключаются общія длительныя причины этого практическаго и теоретическаго отхода?

**

Нѣтъ сейчасъ, кажется, ни одной социалистической партіи, которая не стояла бы на той точкѣ зрѣнія, что видъ завоеванія на путяхъ демократіи сочувствія прочнаго большинства населенія нѣтъ иныхъ путей осуществленія социалистической программы. Вопросъ о завоеваніи большинства сталъ основнымъ тактическимъ вопросомъ современнаго социализма. Но откуда, изъ какого социального матеріала должно, можетъ образоваться это большинство?

Было время, когда этотъ вопросъ рѣшался сравнительно просто. Пролетаріатъ по неотвратимымъ законамъ социального развитія станетъ большинствомъ населенія, социализмъ завоеуетъ симпатіи пролетаріата, и такимъ образомъ на сторонѣ социализма и будетъ большинство населенія. Обѣ задачи: завоеваніе большинства и сохраненіе пролетарско-классоваго характера социалистической партіи стояли въ функциональной зависимости другъ отъ друга и разрѣшались одновременно. Никто не тѣшилъ себя надеждами на слишкомъ скорое превращеніе большинства населенія въ пролетаріатъ, но вѣдь и осуществленіе социализма отодвигалось въ нѣкую хилиастическую даль, на

которую только и проектировался послѣдній и рѣшительный бой. Существовала несомнѣнная органическая слитность между двумя музыками будущаго: будущаго пролетарскаго большинства и будущей побѣды социализма. Между средствами и цѣлью существовала связь, позволявшая со спокойной научной и политической совѣстью отстаивать чисто классовый характеръ движенія.

И вотъ эта органическая слитность рушилась. Радикально измѣнились представленія объ эволюціи классовъ въ современномъ обществѣ. Предсказанное превращеніе крестьянскихъ массъ въ наемныхъ рабочихъ не осуществилось, и въ гораздо болѣе медленномъ темпѣ шла пролетаризація среднихъ классовъ города. Аграрныя революціи и глубоко идущія аграрныя реформы создали изъ элементовъ, стоявшихъ на самой границѣ пролетаризаціи или даже эту границу уже переступившихъ, миллионы новыхъ мелкихъ собственниковъ. Если капитализмъ убивалъ въ городѣ нѣкоторыя отрасли ремесла и торговли, то одновременно возникали новыя ихъ отрасли, связанныя со все большимъ проникновеніемъ техники въ частную домашнюю жизнь (электричество, радіо, автомобилизмъ и т. п.). Одновременно съ громадной силой росли кадры новаго «средняго сословія» профессиональной интеллигенціи, служащихъ, чиновниковъ. Ростъ производительныхъ силъ капиталистическаго хозяйства, благодаря методамъ рационализаціи труда и производства, сталъ сопровождаться относительно меньшимъ вовлеченіемъ живой рабочей силы, чѣмъ это было до войны. Въ составѣ арміи наемнаго труда въ гораздо болѣе быстромъ темпѣ росла рубрика служащихъ, чѣмъ рубрика рабочихъ.

Всѣ эти факты, вмѣстѣ взятые, не могли не поколебать прежней увѣренности въ томъ, что «сама исторія» работаетъ на превращеніе большинства населенія въ наемныхъ пролетаріевъ. Прогносъ пролетаризаціи вырисовался въ чертахъ гораздо болѣе сложныхъ, запутанныхъ и противорѣчивыхъ, чѣмъ онъ казался раньше. Во всякомъ случаѣ довѣрія къ имманентнымъ законамъ историческаго развитія, обезпечивающимъ въ какомъ то предѣлѣ социализму большинство населенія и при томъ пролетарское большинство, — довѣрія къ этому будущему оказались гораздо меньше.

Случилось это въ такое время, когда это большинство, относимое прежде къ болѣе или менѣе далекому будуще-

му, до зарѣзу понадобилось уже въ настоящемъ. Соціалистическія партіи стали послѣ войны и революцій обѣими могами на почву отвѣтственной положительной политики и тутъ парламентское, избирательное и всякое вообще политическое большинство понадобилось уже не будущей «конечной цѣли», а для разрѣшенія ряда конкретныхъ задачъ сегодняшняго дня, увязанныхъ съ конечной цѣлью только въ томъ смыслѣ, въ какомъ борьба за социализмъ включаетъ въ себя борьбу за всякія формы культурнаго, социальнаго и политическаго прогресса. Пусть даже теорія о неизбежномъ превращеніи большинства населенія въ пролетаріатъ и будетъ вѣрной подъ всѣми политическими и социальными широтами, — все равно она не дастъ отвѣта на вопросъ о томъ, что дѣлать сейчасъ, когда интересы и пролетаріата и всего народа въ цѣломъ требуютъ осуществленія ряда нашихъ сегодняшнихъ требованій, для чего необходимо имѣть сколько нибудь прочное большинство уже въ настоящемъ, хотя бы это большинство было не «нашимъ», а социальнo разнороднымъ.

Такъ социализмъ начинаетъ искать большинство тамъ, гдѣ... его можно найти.

При этомъ обнаруживается, что и въ тѣхъ странахъ, гдѣ армія наемнаго труда уже и нынѣ составляетъ большинство правоспособнаго населенія, социалистическія партіямъ до большинства остается, если порою и не длинный, то во всякомъ случаѣ очень трудно проходимый путь. При арміи труда, составляющей 60-80% всего самодѣятельнаго населенія, социалистическія партіи передовыхъ странъ собираютъ пока отъ 25 до 40 съ небольшимъ процентовъ голосовъ, включая уже сюда всѣ голоса, полученные отъ непролетарскихъ избирателей. Въ то время, какъ больше половины избирателей изъ рабочаго класса голосуетъ еще за буржуазныя и враждебныя социализму партіи, все большая и большая масса избирателей, стоящихъ внѣ социальныхъ рамокъ пролетаріата, начинаетъ голосовать за социалистическую партію.

При томъ условіи, когда анти-капитализмъ не обязательно является, какъ въ прежнее время, социализмомъ, а иногда даже сочетается съ самыми энергичными, до изступленія доходящими, формами анти-социализма, при этомъ условіи разочарованіе въ капитализмъ широкихъ трудящихся массъ еще не является тѣмъ факторомъ, который гарантируетъ ростъ социализма. Эти анти-капиталистиче-

скія чувства широкихъ массъ, шедшія прежде прямымъ путемъ на мельницу социализма, нынѣ идутъ еще и на мельницы коммунизма и фашизма. Фактически процессъ слишкомъ быстрой пролетаризаціи населенія, когда кадры пролетаріата пополяются выходцами изъ другихъ классовъ, крайне неприспособленныхъ къ темпу, ритму и всей композиціи современнаго капитализма, фактически такія формы увеличенія кадровъ пролетаріата являются съ точки зрѣнія прямыхъ интересовъ современнаго социализма не плюсомъ, а минусомъ. Фактически эти духовно смятенныя и социальнo нестойкія пролетаризованныя массы поставляютъ новобранцевъ не столько социализму, сколько фашизму и коммунизму.

Можно думать, что когда нибудь эта анти-капиталистическая энергія коммунистическаго и фашистскаго типа покинетъ берега реакціи и войдетъ въ русло социальнаго, политическаго и культурнаго прогресса. Тогда изъ этой энергіи анти-капитализма родится энергія социализма. Но даже при самой твердой вѣрѣ въ эту будущую трансформацію современному социализму приходится затрачивать значительную долю своихъ силъ не на посредственную борьбу съ капитализмомъ и капиталистическими классами, а на борьбу со страстями и утопизмомъ социальнo очень близкихъ къ нему трудящихся массъ. Иногда эта борьба на фронтѣ пролетарской реакціи принимаетъ гораздо болѣе напряженныя и внѣшне драматическія формы, чѣмъ борьба на фронтѣ, гдѣ происходитъ встрѣча съ представителями незавуалированной капиталистической реакціи. Сейчасъ во всей трагической обнаженности передъ социализмомъ стоитъ фактъ такого глубокаго раскола и рабочаго движенія и рабочаго класса, что борьба за социализмъ является ужъ не только борьбой противъ буржуазіи, но и въ немаломъ числѣ случаевъ и борьбой противъ опредѣленныхъ кадровъ пролетаріата.

При этомъ нѣтъ теперь того утѣшенія, которое бывало раньше, когда изъ среды рабочихъ вербовались кадры штрейкбрехеровъ, «избирательное мясо» для капиталистическихъ кандидатовъ и т. п. Тогда легко было и правильно было все это охарактеризовать, какъ «подкупленную», «темную» и т. п. массу. Въ фактахъ штрейкбрехерства, «желтыхъ синдикатовъ», въ различныхъ формахъ «зубатовщины», во всякой социальнo-политической или социальнo-полицейской мерзости, свивавшей себѣ то тамъ, то

здѣсь, внутри рабочаго класса, отдѣльныя звѣзда, не было ничего социологически угрожающаго, что могло бы въ какой-то степени подорвать или ослабить классовую концепцію современнаго социализма.

Но съ этими формами отсталости, темноты, несознательности и т. п. нынѣшнія явленія консолидаціи антисоциалистическихъ силъ внутри рабочаго класса имѣютъ весьма мало общаго. Это тоже темнота, отсталость, но это уже не «несознательность» въ прежнемъ смыслѣ слова, когда она была связана съ пассивностью, безволіемъ, благодаря которымъ отдѣльныя группы внутри рабочаго класса и становились жертвами тѣхъ или иныхъ реакціонныхъ комбинацій. Нѣтъ, теперь это стало формами вполне сложившагося сознанія, порою болѣе даже догматически закругленнаго и безнадежно окончательнаго, чѣмъ сознаніе социалистическое, какъ разъ освободившееся отъ значительной доли прежняго догматизма. А что касается активности въ смыслѣ «прямого дѣйствія», то ея у представителей пролетарской «темноты» и «отсталости» хотѣ отбавляй.

При такихъ условіяхъ проблема социалистическаго большинства, ставшая изъ проблемы будущаго проблемой настоящаго, не можетъ уже въ социалистическомъ сознаніи находиться въ такой исключительной связи съ рабочимъ классомъ, въ какой она находилась раньше. Если раньше это социалистическое сознаніе было, такъ сказать, пролетарско-моногамичнымъ, то теперь оно все болѣе становится народно-полигамичнымъ.

*
**

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, изъ всѣхъ классовъ современнаго общества пролетаріатъ легче всего воспринимаетъ идеи социализма. Въ этомъ нѣтъ ничего мистическаго, мета-исторически предопредѣленнаго, потому что идеи социализма и сложились главнымъ образомъ изъ анализа положенія пролетаризованныхъ массъ и изъ поисковъ радикальнаго выхода изъ этого тягчайшаго положенія. Не въ томъ дѣло, что пролетаріатъ былъ «предрасположенъ» къ социализму, а въ томъ, что социализмъ былъ «предрасположенъ» къ пролетаріату. Въ этомъ смыслѣ социализмъ былъ и есть, и покуда будетъ существовать об-

щество раздѣленное на классы, всегда будетъ пролетарскимъ. Пролетарскимъ социализмъ будетъ, по крайней мѣрѣ въ странахъ наибольшаго своего развитія, и по социальному составу большинства своихъ постоянныхъ и переменныхъ человѣческихъ массъ, составляющихъ его реальную политическую и социальную силу. Современный социализмъ вообще очень слабо учитываетъ социальный составъ своихъ послѣдователей. Но для цѣлага ряда европейскихъ странъ не подлежитъ никакому сомнѣнію совершенно исключительное преобладаніе рабочихъ въ составѣ членовъ социалистическихъ партій и во многихъ случаяхъ также и въ составѣ избирателей.

Такимъ образомъ и по своимъ историческимъ и духовнымъ истокамъ и по социальному составу своихъ дѣйствующихъ массъ современный социализмъ несомнѣнно является пролетарскимъ. Даже при самыхъ большихъ успѣхахъ социализма въ другихъ классахъ населенія эти факты и численнаго преобладанія пролетаріата и его, такъ сказать, социальной первозванности въ социалистическомъ движеніи не будутъ вычеркнуты изъ характеристики современного социализма.

Но тутъ-то какъ разъ и начинается центръ проблемы: вотъ этотъ несомнѣнно пролетарскій социализмъ становится все менѣ классовымъ. Ибо самый пролетаріатъ, составляющій кадры социалистическаго движенія, противится все больше и больше тому типу социалистическаго классоваго сознанія, которое было характерно для того періода, когда рабочій классъ былъ и объективно, и въ сознаніи другихъ классовъ, а главное въ своемъ собственномъ сознаніи «визшимъ классомъ общества»; когда онъ былъ только субъектомъ, но не объектомъ всѣхъ социальныхъ, общественныхъ и культурныхъ процессовъ, совершавшихся въ странѣ; когда «ему нечего было терять кромѣ своихъ цѣпей», а выиграть ему въ его сознаніи надо было только «цѣлы й міръ», потому что на выигрышъ «частей» этого міра у него не было надеждъ, и социализмъ къ такого рода надеждамъ относился отрицательно. Вотъ такому классовому сознанію современные передовые элементы рабочаго движенія чужды и становятся все болѣе чуждыми. Объективно существуютъ еще тысячи причинъ для того, чтобы и теперь, послѣ ряда революцій, послѣ громадныхъ успѣховъ рабочаго движенія, послѣ чрезвычайнаго развитія социальнаго законодательства рабочій

классъ чувствовалъ бы себя остро обиженнымъ всей системой современныхъ социальныхъ отношеній. Достаточно только вспомнить о десяткахъ милліоновъ безработныхъ, изъ которыхъ значительная часть какъ будто безнадежна безработна. И тѣмъ не менѣе даже въ качествѣ безработнаго современный рабочий, участникъ социалистическаго движенія, въ массѣ своей не подчинится чарованію того классоваго сознанія, которое характерно было для рабочаго движенія еще лѣтъ 15-20 тому назадъ. Даже въ качествѣ безработнаго онъ не объектъ социальной филантропіи другихъ классовъ, а правомочный претендентъ на опредѣленные части общенациональнаго дохода, на помощь изъ своихъ же собственныхъ средствъ въ профессиональномъ союзѣ. И крайне характерно, что тамъ, гдѣ помощь безработнымъ поставлена на болѣе обидный для социального самосознанія рабочихъ основанія, тамъ рабочіе очень часто совсѣмъ минуютъ органы учета и помощи безработнымъ. На это указываютъ во Франціи, это очень широкое явленіе въ Сѣв. Америкѣ, гдѣ значительные кадры организованнаго труда отвергаютъ всякаго рода государственное страхованіе рабочихъ «принципіально», видя въ этомъ какое-то ущемленіе ихъ ...классоваго самосознанія.

Нѣтъ ничего болѣе поверхностнаго, какъ объяснять ослабленіе классовой точки зрѣнія въ современномъ социализмѣ соблазнами «ревизионизма» и вообще идеологіи интеллигентскихъ секторовъ социалистическаго движенія. Не у интеллигентовъ теоретиковъ ослабѣло прежнее классовое сознаніе, а у рабочихъ практиковъ. У послѣднихъ оно всегда было слабѣе, чѣмъ у первыхъ. Но тутъ произошло нѣчто исторически весьма значительное: въ руководствѣ социалистическимъ рабочимъ движеніемъ все большее и большее вліяніе пріобрѣтали практики движенія, непосредственно связанные съ массами, этими массами выдвинутые, изъ рядовыхъ выбившихся на руководящіе посты. И чѣмъ болѣе росла роль пролетаріевъ въ руководствѣ движеніемъ, тѣмъ болѣе слабѣла пролетарская гочка зрѣнія самаго руководства. Такъ получился тотъ парадоксъ, который такъ удивилъ Вандервельде на конгрессѣ французской социалистической партіи въ Бордо: представители партіи, которые довольно далеки отъ рабочаго класса, болѣе доки по части пролетарскаго классоваго сознанія, чѣмъ отнюдь нельзя сказать про представите-

лей партіи бельгійской, которая и сама весьма рабочая партія и представители которой сами нынѣшніе или вчерашніе рабочіе «отъ станка». Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что во французской социалистической партіи уровень классовой сознательности руководства весьма значительно понизился бы, если бы партія стала пролетарской не по точкѣ зрѣнія, а по точкѣ опоры.

Откуда берется эта обратная пропорція между точкой зрѣнія и точкой опоры? Для интеллигента-идеолога приходъ въ социализмъ есть въ значительномъ числѣ случаевъ сниженіе своего социальнаго состоянія. Во всякомъ такомъ приходѣ всегда имѣется элементъ какого-то добровольнаго выхода изъ стана преуспѣвшихъ или преуспѣвающихъ. Пусть за даннымъ человѣкомъ осталось все его богатство, положеніе, всякаго рода наслѣдственные и благопріобрѣтенные ранги, онъ все-таки осуществляетъ какой-то актъ разрыва съ современнымъ ему обществомъ. Въ этой психологіи разрыва всегда кроется потребность опоясать себя такимъ мечемъ духовнымъ, передъ разящей силой котораго въ паникѣ отступали бы все соблазны стараго міра, однажды сознательно отвергнутаго. Такимъ мечемъ духовнымъ часто является «классовая точка зрѣнія», заключающаяся въ томъ, что какаютосумма необходимыхъ добродѣтелей и оцѣнокъ, ставящихъ даннаго отщепенца въ боевую позицію къ его прежней социальной родинѣ, воспринимаются какъ «пролетарскія», какъ имманентныя самому «существу» пролетаріата и какъ единственно способныя привести этотъ классъ къ побѣдѣ. Въ значительномъ числѣ случаевъ «классовое пролетарское сознание» является не болѣе чѣмъ крестнымъ знаменіемъ отщепенцевъ современнаго общества, при помощи котораго они охраняютъ себя отъ бѣсовскихъ искушеній этого общества.

Между тѣмъ социально-психологическій комплексъ прихода къ социализму рабочаго во многихъ отношеніяхъ прямо противоположенъ предыдущему. Входя въ социализмъ и въ рабочее движеніе для того, чтобы объявить современному буржуазно-капиталистическому обществу войну, рабочій именно при помощи институтовъ и достижений современнаго социалистическаго движенія становится соучастникомъ нѣкоторыхъ значительныхъ социальных-экономическихъ, политическихъ и культурныхъ благъ этого общества. Социализмъ подымаетъ въ этомъ рабочемъ

вѣру въ будущее, но эта вѣра тѣмъ сильнѣе и крѣпче, чѣмъ сильнѣе и крѣпче рабочей начинаетъ себя чувствовать въ настоящемъ. Онъ приходитъ въ социализмъ не для того, чтобы отряхнуть съ себя прахъ современнаго общества, а для того, чтобы стать равноправнымъ и все болѣе энергичнымъ потребителемъ и обладателемъ тѣхъ благъ, которыя въ этомъ обществѣ въ нынѣшнемъ его состояніи имѣются въ наличности.

Во всякомъ приходѣ въ социализмъ интеллигента имѣется когда видимый, когда скрытый, но неизмѣнно присутствующій элементъ опрощенія. Иногда это выражается въ опрощеніи костюма, стиля письменной и устной рѣчи, въ произвольной добавочной акцентировкѣ разнообразныхъ прежде подспудныхъ сторонъ духовнаго существа обращеннаго. Но во всякомъ приходѣ въ социализмъ рабочаго всегда почти и видимо имѣется осязательный элементъ осложненія. Для сотенъ тысячъ и милліоновъ рабочихъ хорошая книга, хорошій спектакль, честная чистая газета, передовой фильмъ, своя собственная болѣе чистая рѣчь, иная болѣе «буржуазная» манера обращенія съ существомъ другого пола, болѣе чистый костюмъ и чистыя руки начинаются только вмѣстѣ съ вступленіемъ въ ряды социалистическаго организованнаго пролетаріата. То, что даетъ внутренній подъемъ, жизненную силу всему его социалистическому сознанию, — это какъ разъ не исключеніе себя изъ современнаго общества, а включеніе себя въ него путемъ внутренняго и внѣшняго приобщенія къ созданной и накопленной въ прошломъ и настоящемъ культурѣ, которая есть культура буржуазная и никакой иной для ближайшей эпохи быть не можетъ. И именно этимъ приобщеніемъ къ современному обществу, а не изоляціей отъ него, и дорогъ современный социализмъ рабочимъ массамъ.

Естественно, что социальная оріентація этихъ пролетарскихъ массъ будетъ далека отъ замыкающаго классоваго догматизма интеллигентскаго «пролетарскаго сознанія». Въ возможности соединенія своихъ силъ съ силами другихъ классовъ для осуществленія задачъ, лежащихъ на пути къ его борьбѣ за социализмъ, онъ увидитъ не ущербленіе силы рабочаго класса, а манифестацію своей силы упражненіе ея на политическихъ и социальныхъ позиціяхъ, завоеванныхъ въ значительной мѣрѣ усилиями самого рабочаго класса. У него будетъ потребность демонстриро-

вать свою классовую сознательность не въ томъ, что ставитъ его внѣ общества, невольнымъ или добровольнымъ изгоемъ изъ него, а въ томъ, что свидѣтельствуетъ о его успѣхахъ по части овладѣнія социальными и культурными позиціями внутри этого общества.

Даже въ области непосредственнаго столкновения его интересовъ, какъ продавца рабочей силы, съ капиталистами, какъ покупателями этой силы, онъ займетъ менѣе подчеркнутую классовую позицію, чѣмъ иной представитель чистой классовой идеологии. Это совсѣмъ не новое явленіе, вызванное «правымъ» повѣтріемъ. Неоспоримымъ историческимъ фактомъ является то, что въ довоенной и до-революціонной Германіи с.-д. профессиональные союзы были гораздо правѣе и съ тогдашней точки зрѣнія гораздо менѣе классово сознательными и выдержанными, чѣмъ партійныя организациі германской социаль-демократіи. Профессиональные союзы служили опорой всего германскаго ревизионизма и линія треній, иногда довольно острыхъ, между партіей и профессиональными союзами проходила какъ разъ въ вопросѣ о томъ, что есть и что не есть классовая политика рабочаго класса.

Во всякомъ случаѣ не только въ настоящемъ, но и въ прошломъ были достаточно показательные факты, говорившіе о томъ, что классическія формы классоваго пролетарскаго сознанія были въ гораздо большей мѣрѣ удѣломъ непролетарскихъ пришельцевъ въ рабочее движеніе, чѣмъ пролетарскихъ. Когда выходны изъ рабочаго класса стали въ гораздо большей мѣрѣ чѣмъ раньше опредѣлять социальную-идеологическую физиономію всего социалистическаго движенія, тогда догматика классовой точки зрѣнія значительно потускнѣла. И между этими двумя явленіями обнаружилась прямая причинная связь.

Эта догматика встала въ социальную-психологическое противорѣчіе со всѣмъ міроощущеніемъ рабочаго класса, переставшаго и субъективно и объективно быть «самымъ низкимъ классомъ общества», классомъ, которому ничего не жаль, потому что у него ничего нѣтъ, кромѣ цѣпей. И, вставъ въ противорѣчіе со всѣмъ міроощущеніемъ рабочаго класса нашей эпохи, эта догматика должна была подвергнуть себя самокритикѣ и отступить отъ наиболѣе крайнихъ своихъ позицій. Это и происходитъ въ современномъ социализмѣ, даже на наиболѣе ортодоксальныхъ его участкахъ.

*
**

При этомъ, конечно, не обходится безъ обычной консервативной хватки нашего мышленія, безъ вѣчнаго стремленія совѣмъ новыя и непохожія вещи называть все-таки старыми похожими именами. Я старался это нѣсколько разъ показать по отношенію ко понятію революціи, которое стало примѣняться къ явленіямъ, ничего общаго съ революціей не имѣющимъ. Стали злоупотреблять этимъ понятіемъ именно потому, что употреблять его стало все труднѣе и труднѣе. Изъ этихъ трудностей родилось понятіе «мирной революціи» и рядъ не менѣе произвольныхъ образныхъ условностей.

Подобныя условности, когда совѣмъ невинныя, когда совершенно сбивающія съ толку, появились и въ связи съ классовой борьбой. Я останавлиюсь на нѣсколькихъ характерныхъ примѣрахъ. Было время, когда участіе представителей социалистическихъ партій въ буржуазныхъ правительствахъ считалось абсолютнымъ противорѣчіемъ съ идеей и принципомъ классовой борьбы. Коалиція отрицалась принципиально. Сейчасъ нѣтъ ни одной социалистической партіи, которая стояла бы на точкѣ зрѣнія принципиальной недопустимости коалиціи. Даже французская социалистическая партія, наиболѣе упорно сопротивляющаяся коалиціи, откровенно мотивируетъ свою тактику тѣмъ, что она для коалиціи еще слишкомъ... слаба *). Воздержаніе отъ коалиціи является въ данномъ случаѣ для партіи всего только «достоинствомъ ея недостатковъ». Теперь никто не утверждаетъ, что коалиція противорѣчитъ классовой борьбѣ. Наоборотъ, нѣтъ недостатка въ заявленіяхъ о томъ, что коалиція — это... тоже классовая борьба, но только ведомая другими средствами.

Въ этомъ утвержденіи имѣется много отъ лукавства консервативнаго разума, стремящагося идеологическаго спокойствія ради примѣнять старый терминъ къ совершенно новому явленію. Если освободиться отъ желанія путемъ діалектическихъ переуточненностей «пристроить» новое явленіе къ старымъ понятіямъ, то становится совершенно очевиднымъ, что та «тоже классовая борьба», ко-

*) См., напр., статью Comperre-Mogel въ партійномъ бюллетенѣ «La Vie du Parti» № 2 отъ 6-XII 1929 г.

торая заключена въ коалиціи съ буржуазными партіями, является прямой противоположностью той просто классовой борьбы, во имя которой участіе въ такой коалиціи рѣзко и принципиально отвергалось. И если современный социализмъ принялъ идею коалиціи, то это не потому, что впоследствии онъ понялъ, что коалиція не есть измѣна принципу классовой борьбы, а потому, что онъ настолько силенъ, что коалиція стала политической необходимостью независимо отъ того, хорошо или плохо или совсѣмъ она не укладывалась въ прежнюю теорію классовой борьбы.

Передъ нами другой примѣръ такого же подведенія новыхъ явленій подъ старыя понятія. Въ своемъ докладѣ въ Брюссельскомъ университетѣ «о социалистической доктринѣ» Э. Вандерверде коснулся и эволюціи формъ классовой борьбы. «Существуетъ разница, — говорилъ онъ, — между классовой борьбой силезскихъ ткачей, въ отчаяніи своемъ бросающихся разрушать ткацкія машины и разстрѣливаемыхъ за это прусскими солдатами, и классовой борьбой организованныхъ англійскихъ рабочихъ, усаживающихся за одинъ столъ съ представителями двухъ крупнейшихъ капиталистическихъ организацій, для того чтобы въ качествѣ равноправныхъ участниковъ выработать такія мѣры для увеличенія производства, которыя не вредили бы интересамъ рабочихъ. Вступая въ такіе переговоры, англійскій рабочий не отказывается отъ послѣдняго средства, отъ стачки, и отъ своихъ симпатій къ социализму» *).

Несомнѣнно, и впаившая въ дикое отчаяніе толпа силезскихъ ткачей, съ которой разговариваютъ языкомъ разстрѣловъ, и прочно и строго организованный современный тредъ-юніонъ, членъ котораго сидитъ въ правительствѣ величайшей міровой имперіи — оба они ведутъ классовую борьбу, потому что и тогда, въ 1844 году, и теперь существуетъ противорѣчіе классовыхъ интересовъ между трудомъ и капиталомъ, и тогда и теперь рабочіе и капиталисты свои интересы, какъ умѣли, отстаивали. Мы, однако, сразу чувствуемъ, что это признаніе наличности классовой борьбы и въ дикомъ бунтѣ силезскихъ ткачей и въ мирномъ организованномъ давленіи англійскихъ тредъ-юніоновъ ровно ничего не дастъ намъ для пониманія прин-

*) Напечатано въ «Die Gesellschaft» № 8 за 1930 г.

ципальной разницы между этими двумя явлениями, отдѣленными другъ отъ друга почти столѣтїемъ; перевернувшимъ весь міръ и въ томъ числѣ рядъ устарѣвшихъ представленій о немъ. Въ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ рабочимъ классомъ, который пока что еще только классъ для другихъ, но совсѣмъ еще не классъ въ своемъ собственномъ сознаніи. Классовая борьба — это здѣсь гораздо больше та борьба, которую противъ него ведутъ, чѣмъ та, которую онъ самъ ведетъ. Въ другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ рабочимъ классомъ, который составляетъ уже подавляющее большинство населенія страны, который уже второй разъ стоитъ у власти, который политически является руководящей силой страны. Этотъ классъ рѣзко отвергаетъ всѣ классовыя концепціи, потому что въ своемъ сознаніи онъ считаетъ себя чѣмъ то гораздо болѣе и чѣмъ классъ, онъ считаетъ себя «всѣмъ» въ духѣ Сіейса и для него классовая концепція просто непонятна: какой же онъ, прости Господи, классъ, когда онъ... 80 процентовъ всего населенія страны и образуетъ правительство «Его Величества» короля англійскаго?

Если про пролетаріатъ стили «Ткачей» Гауптмана надо сказать, что онъ еще не классъ, то про пролетаріатъ современного англійскаго социализма можно съ извѣстнымъ правомъ сказать, что онъ уже не классъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это понятіе фигурировало въ принципахъ социалистической тактики дѣтъ 20-30 тому назадъ.

Тѣ методы защиты пролетаріатомъ своихъ интересовъ, которые нынѣ идеологическаго спокойствія ради тоже именуются классовой борьбой или «тоже классовой борьбой», когда то именовались методами «соціального мира» и именно поэтому отвергались. Теперь они не отвергаются, а практикуются и признаются, при этомъ еще въ формахъ, далеко превосходящихъ самыя мрачныя подозрѣнія бывлыхъ противниковъ «соціального мира». Что же произошло за это время: измѣна идеологовъ? Нѣтъ, произошло такое усиленіе позицій рабочаго класса, при которомъ и онъ самъ и его идеологи перестали пугаться методовъ борьбы, когда то заклеянныхъ «соціальнымъ миромъ». Теперь уже идеологи боятся не столько этихъ методовъ, сколько всего только такихъ сужденій о нихъ, которыя бы нарушили стройность прежнихъ теорій, эти методы отвергавшихъ. Поэтому на скорую руку создаютъ

ся успокоительныя концепціи о томъ, что вся эта неслышанная и невиданная новизна социалистическаго движенія вполне совмѣстима съ теоріей, когда то эту новизну въ первыхъ ея зачаткахъ проклинали.

*
**

Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ отъ себя скрывать всю глубину происходящаго идеологическаго сдвига. За старыми названіями кроется новое содержаніе. Практика социалистическаго движенія съ его разнообразными формами, съ его социально разнообразными группами участниковъ и попутчиковъ явно не укладывается въ старыя идеологическія схемы. Ихъ частично подновляютъ всегда съ нѣкоторымъ опозданіемъ и съ нѣкоторой неохотой, благодаря чему бывшая стройность этихъ схемъ пропадаетъ и идеологическій покровъ движенія становится доскутнымъ.

При этомъ нѣтъ уже прежней тревоги за «цѣлостность» и «выдержанность» теоріи. Движеніе стало гораздо болѣе эмпиричнымъ и прежній идеологическій монизмъ его смѣнился идеологическимъ плюрализмомъ. Всякаго рода торжественно декларированныя несовмѣстимости социализма съ тѣми или иными умственными теченіями, возникшими внѣ его духовной сферы, нынѣ отпали, и самая марксистская партія въ настоящее время, австрійская, является одновременно одной изъ наиболѣе «махистскихъ» и даже «кантіанскихъ». Во главѣ наиболѣе далеко идущей ревизіи классическаго марксизма становится нынѣ самъ Карлъ Каутскій, въ свое время скрестившій свою шпагу съ Берпштейномъ въ защиту ортодоксіи.

Эта ревизія Каутскаго не щадитъ и основного положенія классическаго марксизма, выраженнаго въ «Коммунистическомъ Манифестѣ», о томъ, что «исторія всего прѣдшествующаго общества есть исторія борьбы классовъ». Въ своемъ обширномъ компендіумѣ «Материалистическое пониманіе исторіи», вышедшемъ въ 1927 г., Каутскій послѣ сложной цѣпи соображеній приходитъ къ выводу, что классовая борьба отнюдь не законъ всей исторіи человѣчества, а весьма краткаго ея отрѣзка, примѣрно отъ возникновения промышленнаго капитализма. Въ развитіи человѣческихъ обществъ Каутскій придаетъ громадное зна-

чение «біологическому апіоріи» человѣческаго рода и множество социологическихъ явленій онъ объясняетъ не классовой борьбой, а такими элементами этого «біологическаго апіоріи», какъ стремленіе къ знанію, красотѣ, какъ инстинктъ любви и т. п. Подъ перомъ Каутскаго оживаютъ и нѣкоторыя теоріи Дюринга, видяція въ насиліи, въ завоеваніяхъ одну изъ движущихъ силъ историческаго развитія. Въ частности возникновеніе государства и классовъ онъ тоже склоненъ выводить изъ факта завоеванія.

Въ мою задачу не входитъ изложеніе современныхъ взглядовъ Каутскаго на роль классовой борьбы въ исторіи человѣческихъ обществъ. Важно только установить, что само это понятіе классовой борьбы перестало быть предметомъ не критическаго теоретическаго и тактическаго почитанія и изъ чудеснаго стивоспасающаго средства нахожденія теоретической и практической истины она превратилась всего только въ одно изъ средствъ нахожденія этой истины, хотя и очень важное. Это низведеніе классовой борьбы изъ принципа въ фактъ, продолжаемое нынѣ въ теоріи, стало возможнымъ только потому, что сама практика социализма вмѣстѣ съ расширеніемъ своихъ задачъ и возможностей должна была отступить отъ прежнихъ нормъ и догмъ классовой борьбы. Критическія дерзанія теоріи явились только знаменательнымъ откликомъ на бурный ростъ самаго движенія, для котораго прежнія рамки теоріи оказались слишкомъ узкими.

Такъ создались матеріальныя и психологическія предпосылки для замѣтнаго ослабленія классоваго сознанія современнаго социализма. Это ослабленіе классоваго сознанія социализма было только другой стороной усиленія въ немъ сознанія своей духовной и социальной избранности для всѣхъ людей, которые изъ духоты современнаго капиталистическаго режима стремятся на просторы свободнаго организовавшаго и коллективнаго труда. Претензіи социализма стали болѣе универсальными, онъ сталъ значительно шире класса и, выйдя черезъ рабочій классъ въ моральный міръ и другихъ классовъ, онъ ощутилъ въ себѣ свою всенародно и всечеловѣчески освободительную миссію съ такой ощутимо убѣдительною силой, при которой прежнія концепціи классовой борьбы оказались для него духовно стѣснительными.

Потеря перспективы такой пролетаризаціи населенія, при которомъ промышленный пролетаріатъ станетъ абсо-

лютымъ большинствомъ населенія во всѣхъ промышленныхъ странахъ; необходимость социалистическаго большинства не въ далекомъ будущемъ для совершенія социальной революціи, а для ближайшаго будущаго для проведенія социальныхъ и политическихъ реформъ; ростъ социального и культурнаго сознания рабочаго класса, ослабленіе въ немъ чувства своей изоляціи въ современномъ обществѣ и государства, продвиженіе передовыхъ элементовъ рабочаго класса на руководящія позиціи въ современномъ демократическомъ государствѣ; усиленіе въ рабочемъ и социалистическомъ движеніи руководящей роли поднимающихся вверхъ рабочихъ за счетъ ослабленія роли спускающейся или падающей социальнo интеллигенціи — вотъ изъ суммы подобныхъ явленій, вкратцѣ характеризованныхъ на предыдущихъ страницахъ, и складывается кризисъ классоваго сознания въ современномъ социализмѣ.

Кто за этимъ кризисомъ почувствуетъ мощное дыханіе новой эпохи, открывающей передъ социализмомъ широчайшіе горизонты, того не огорчитъ тотъ фактъ, что до поры до времени, до новаго теоретическаго синтеза, прежніе теоретическіе чертежи будутъ фигурировать въ сильно испорченномъ видѣ.

Ст. Ивановичъ.

Проблемы будущей Россіи

Организація культуры.

Преувеличенныя надежды и мрачныя предчувствія связываются съ завтрашнимъ днемъ русской культуры. Переоцѣняются и разрушительныя силы революціи и ея творческія силы. Революція — половодье, смывающее культурныя насажденія и постройки: но половодье оплодотворяетъ — въ Египтѣ — иломъ и влагой засохшую землю. Революція — водопадъ, на динамической энергіи котораго спекулируютъ мечтатели: но забываютъ, что это не постоянная энергія Ніагары, а краткая бурливость потока, который завтра оставитъ послѣ себя стоячія болота и мелкія воды заливныхъ займищъ. Послѣреволюціонная Россія — богатая почва, жаждущая сѣмени, но бѣдная естественными источниками энергіи.

Мы говоримъ, конечно, лишь объ энергіи духовной культуры. Только здѣсь можетъ итти рѣчь объ обмелѣніи. Для хозяйственниковъ и техниковъ силы найдутся. Найдутся онѣ, можно вѣрить, и для чисто духовнаго (внѣкультурнаго) творчества, обладающаго способностью постояннаго самовоспроизведенія. Но тема духовной культуры ставитъ особыя проблемы — для Россіи всегда мучительныя. Какъ духовная культура, она движется приливами подземныхъ водъ, лишь отчасти и рѣдко связанныхъ съ надземнымъ неистовствомъ стихій. Какъ культура, она всегда хозяйство: строй, ладъ, согласіе — надъ хаосомъ и стихіей. Она всегда аполлинична, хотя бы все подлинно цѣнное въ ней притекало изъ откровеній ночныхъ мистерій. Пьяный богомъ дикарь не творитъ культуры: онъ убиваетъ бога и ѣстъ его плоть. Для культуры существенны: творческая аскеза, учительство, преданіе, іерархія. Учительство и ученичество возможны лишь при различіи уровней и уваженіи къ нему. Дѣйствительно осуществленное — или мнимо утверждаемое — духовное равенство дѣлаетъ

невозможнымъ движеніе: движеніе водъ зависитъ отъ разницы уровнейъ.

Русская интеллигенція считала чѣмъ-то ненормальнымъ строительство новой русской культуры, которое начиналось съ Академіи Наукъ и черезъ полтора вѣка пришло къ народной школѣ. Но другого пути не бываетъ. Западъ тоже начиналъ съ академій, только академія его создавались еще при Карлѣ Великомъ. Большевизмъ сознательно поставилъ своей задачей нивелирование культуры, и въ этомъ преуспѣлъ, какъ ни въ чемъ. Подъемъ народныхъ массъ сопровождался закрытіемъ для нихъ источниковъ высшей культуры. Въ мірѣ еще не было опыта подобнаго обезглавливанія цѣлой націи.

Это ставитъ передъ русскимъ національнымъ возрожденіемъ совершенно особую задачу, обозначаемую нами, какъ организація культуры. Сама постановка этой задачи требуетъ оправданія.

Если подъ культурой понимать высшія формы духовной дѣятельности націи, то а priori можно оспаривать законность такой темы. Слишкомъ много развелось нынче охотниковъ организовывать культуру. Большевики, вѣдь, ничѣмъ инымъ не занимаются, какъ организаціей пролетарской культуры. Какая, собственно, разница между организаціей культуры и ея удушеніемъ?

Культура, какъ высшая форма творчества, прежде всего нуждается въ свободѣ. Единство національной культуры слагается изъ бессознательно ориентированнаго потока индивидуальныхъ энергій, въ которомъ каждое противорѣчіе имѣетъ свою цѣнность. Если организація означаетъ планомѣрность, или хотя бы воспитаніе, то по отношенію къ высшимъ формамъ творчества хочется сказать: поменьше воспитанія!

Какъ въ сферѣ хозяйства, такъ и въ сферѣ культуры ликвидация коммунизма есть прежде всего освобожденіе.

И однако проблема организаціи существуетъ. Ея необходимость вытекаетъ изъ двухъ основныхъ и трагическихъ фактовъ большевистской диктатуры: 1) уничтоженія стараго образованнаго класса въ Россіи и 2) искусственной выгонки цѣлаго поколѣнія въ марксистскомъ парникѣ. Организація русской культуры означаетъ поэтому: 1) воссозданіе культурнаго слоя и 2) выпрямленіе дугообразнаго вывиха цѣлой націи.

Конечно, объ уничтоженіи интеллигенціи можно гово-

рять лишь съ большой осторожностью. Что характерно для революціи, такъ это экстенсификація культуры, приобщеніе къ ней массъ «отъ станка и отъ сохи». Такая буйная демократизація сама по себѣ несетъ опасность: рѣзкаго сниженія уровня, измельчанія духовныхъ водъ. Эта опасность удесятерится сознательнымъ и планомѣрнымъ истребленіемъ дворянства и буржуазіи, которыя были естественнымъ резервуаромъ пополненія интеллигенціи. Старые кадры рѣдѣютъ, на смѣну имъ приходитъ новый типъ: практически ориентированный варварь-специалистъ, относящійся съ презрѣніемъ къ высшимъ культурнымъ благамъ.

Не одна цензура повинна въ оскуднѣніи русской научной литературы, но и отсутствіе читателя, дѣлающее невозможнымъ серьезное издательское дѣло.

Въ Россіи образовался тонкій слой, созданный Нэпомъ, который имѣетъ матеріальныя возможности поддерживать высшія формы культуры: обучается въ университетѣ «безцѣльнымъ» наукамъ, покупаетъ книги по искусству, составляетъ публику концертныхъ залъ. Личныя вкусы влекутъ его по преимуществу къ западнымъ (или восточнымъ) космополитическимъ блюдамъ. Переводный романъ его любимое чтеніе. Духовно, онъ является воплощеніемъ съезицизма, безразборчиво гутурирующаго все экзотическое, но естественно отгалкиваемого цѣльной, органической силой вѣры. Для русскаго духовнаго возрожденія этотъ духовный типъ таитъ большія опасности. До сформированія почвенной русской буржуазіи, этотъ классъ могъ бы оказаться единственнымъ носителемъ высшей культуры. Во всякомъ случаѣ, онъ можетъ опредѣлить русскій либерализмъ и русское западничество. Уже сейчасъ онъ явился питательной средой для развитія самой значительной въ Россіи литературно-критической школы формалистовъ. Другими словами, столь существенная для національнаго возрожденія отрасль культуры, какъ изученіе національной словесности, можетъ быть потеряна для русскаго дѣла.

Кажется, ликвидація Нэпа ликвидируетъ и этотъ поверхностный культурный слой. При всей его духовной безсодержательности, онъ могъ вынести на себѣ продукцію тѣхъ тонкихъ и сложныхъ формъ, безъ которыхъ немислимо духовное народное хозяйство. Съ его отмираніемъ

ницета становится вопиющей; впрочемъ, исчезновение его можетъ быть только временнымъ.

Что сулитъ все это для русскаго будущаго? Предоставленная самой себѣ, Россія — «новая Америка» — можетъ обернуться безбрежнымъ Пошсхоньемъ, раскинувшимся на одну шестую часть свѣта, съ островками богемной культуры берлинскихъ и парижскихъ кафе.

Есть сила въ Россіи — и сила огромная, — отъ которой можно, казалось бы, ожидать почина въ организаціи культуры. Эта сила — православная церковь. Она объединяетъ теперь въ своей оградѣ высококвалифицированное культурное меньшинство, жаждущее творческаго выраженія православія. Однако, мы не думаемъ, чтобы русская церковь уже въ ближайшіе годы могла поднять на себѣ всю русскую культуру. Для этого у нея, прежде всего, мало и матеріальныхъ возможностей. Но гораздо важнѣе то, что въ процессѣ русскаго религіознаго возрожденія вопросы духовной жизни занимаютъ и будутъ занимать первенствующее мѣсто, сравнительно съ периферическими вопросами религіозно-культурнаго творчества. Радикализмъ возвращающейся въ церковь интеллигенціи — новая фаза стараго русскаго радикализма — въ соприкосновеніи съ западническимъ обскурантизмомъ старой церковности — создаютъ неблагоприятныя условія для православнаго творчества. Революціонная эпоха рѣзко обрываетъ русскій православный ренессансъ пачала 20 вѣка. Лишь слѣдующее церковное поколѣніе, свободное отъ революціоннаго шока, сможетъ найти въ себѣ душевное спокойствіе, вкусъ и досугъ для культурной работы.

Остается государство, на которое вторично, какъ въ 18 вѣкѣ, выпадаетъ задача воссозданія русскаго культурнаго слоя. Конечно, и государство не можетъ итти въ разрѣзъ съ общимъ потокомъ народной жизни. Оно получаетъ въ наслѣдство отъ большевизма двѣ задачи: удовлетвореніе разбуженнаго культурнаго голода народныхъ массъ и организацію технической культуры, столь необходимой для возстановленія національнаго хозяйства. Мы не останавливаемся на этихъ задачахъ, потому что онѣ самоочевидны. Онѣ будутъ выполняться «самотекомъ», не требуя особыхъ творческихъ усилій. Для многихъ ими и исчерпывается русская по-революціонная культура. Такой, думается, будетъ внѣшній показной фасъ Россіи: Россіи официальной, Россіи демократической, Россіи-Америки.

И однако государство обязано взять на себя и третью задачу — ибо кромѣ него взять ея не кому — сохраненія высшихъ формъ національной культуры. Трудность заключается въ томъ, что здѣсь придется преодолѣть немалое сопротивленіе со стороны низовъ. Для русскаго крестьянина, даже для рабочаго непонятна цѣнность Эрмитажа, государственныхъ театровъ... Въ голодные годы продажа картинныхъ галлерей была очень популярнымъ низовымъ лозунгомъ. Будущее государство русское должно будетъ поставить передъ культурнымъ народничествомъ великодержавное призваніе Россіи, имѣющее свое единственное оправданіе, какъ и всякое великодержавіе, во вселенскомъ значеніи русской культуры.

Первая задача организациі по-революціонной культуры — воссозданіе культурнаго слоя въ Россіи — разрѣшима лишь черезъ школу. Но общая народная школа, открытая революціей для низовъ, долго еще не сможетъ подняться надъ уровнемъ рабочаго техникума. Для обезпеченія непрерывной работы въ области духовной культуры необходимо воссозданіе разрушенной системы гуманитарнаго воспитанія и гуманитарныхъ наукъ. Въ университетѣ это означаетъ возстановленіе историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ, въ строѣ народнаго образованія — гуманитарной классической школы. Классическая школа была непопулярна въ Россіи, и ея широкое воскрешеніе будетъ непонятно, да и не нужно для демократіи. Болѣе того, оно будетъ вредно, какъ вредна была толстовская школа, профанировавшая утонченную культуру гуманизма. Классическая школа въ Россіи, еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ на Западѣ, должна быть школой элиты, разсадникомъ культурнаго меньшинства, которымъ творится національная, зиждущаяся на исторической традиціи культура.

Эта элита не можетъ быть уже ни сословной, ни классово-цензовой. Единственнымъ исходомъ было бы созданіе привилегированной (въ смыслѣ академическомъ), обезпеченной государственными стипендіями классической школы для избранныхъ, лучшихъ учениковъ народныхъ школъ. Черезъ нихъ интеллектуальный отборъ демократіи, съ замѣтной прослойкой старой и служилой интеллигенціи, явился бы питомникомъ университета. Такихъ школъ Россія можетъ создать очень немного, на первыхъ порахъ, можетъ быть, всего двѣ: по одной въ Москвѣ и

Петербургъ. Иначе неизбежно сниженіе качества, раствореніе въ пошехонскомъ морѣ.

Наша задача сейчасъ создать небольшой, но мощный, прекрасно вооруженный штабъ для завоеванія Пошехонья. Разжижить, обезкровить первый призывъ — значитъ подорвать его творческую активность, — въ конечномъ счетѣ, и его педагогическое вліяніе. Въ первыхъ школахъ воспитываются не народные учителя, а учителя учителей. Лишь второе или третье поколѣнія донесутъ плоды новой гуманитарной школы до деревенскихъ избъ.

Много споровъ вызоветъ характеръ этой новой гуманитарной школы. Здѣсь столкнутся всѣ теченія, раздѣляющія нынѣ русское національное сознаніе. Вопросъ о направленіи школы непосредственно отражаетъ всю проблематику русской исторіософіи. Въ спорѣ остается національная традиція: въ исторіи, литературѣ, искусствѣ. Спорной—ся вселенская ориентированность: греческая, латинская или восточная. По нашему глубокому убѣжденію, греческая школа является единственно вѣрной русской идеѣ. Наше христіанство, наше средневѣковье отвѣтвляется отъ греческаго ствола, какъ католическій міръ отъ Рима. Платонъ живетъ въ русской философской мысли, доселѣ опредѣляя ее, а пріоткрывшаяся намъ глубина до-сократовской Греціи волнуется созвучіемъ древне-славянской душѣ. Живой, неотвлеченной можетъ быть въ Россіи лишь школа, построенная на Эсхилѣ и Платонѣ, съ просвѣтами въ Византію и классиковъ христіанской патристики. Латинскій міръ не исключается совершенно, но получаетъ приличествующее ему вторичное значеніе. Проблемы Востока, столь важныя въ грядущихъ судьбахъ Россіи, находятъ свое освѣщеніе на урокахъ землевѣдѣнія и исторіи, но проектъ евразійцевъ извратить русскую идею путемъ ориентализаціи школы долженъ быть отвергнутъ.

Общая народная школа сохранить сообщенный ей революціей реально-технической характеръ, съ замѣной идеологическихъ элементовъ матеріализма и марксизма основами національнаго воспитанія. Ихъ сочетаніе съ реальной программой представляетъ новое задание для русской педагогической мысли, доселѣ строившей національное воспитаніе лишь на гуманитарной основѣ. Вопросъ о релігіозномъ воспитаніи гораздо сложнѣе. Безспорно, школа должна предоставить для него возможности, но сама еще не можетъ быть на немъ построена. Этому препятствуетъ.

какъ отсутствіе религіозно мыслящаго учительства, такъ и глубокой религіозный кризисъ народнаго сознанія.

Гуманитарная средняя школа питаетъ гуманитарные факультеты. Университетъ системой экзаменовъ замыкается отъ захлестывающаго варварства, системой стипендій (положительная сторона совѣтскаго Вуза) обезпечиваетъ притокъ въ высшую школу изъ демократическихъ извозъ и остатковъ старой интеллигенціи.

Отъ университетскихъ кадровъ къ организаціи преподаванія: здѣсь возникаетъ въ новой постановкѣ національный вопросъ. Чрезвычайно великъ соблазнъ использовать университетъ для націонализаціи культуры. Большевики принципиально отрицаютъ за высшей школой значеніе лабораторіи чистаго знанія, оставляя за ней лишь педагогическія и соціально-техническія функціи. Фактически, путемъ пониженія уровня, имъ удалось въ значительной мѣрѣ изгнать науку изъ университета. Необходимость широкой чистки личного состава въ оставшемся послѣ большевиковъ хозяйствѣ сама по себѣ можетъ соблазнить къ заполненію кафедръ стопроцентными патриотами. Современная доктрина: «Наука дѣлается въ Главнаукѣ, а Вузы лишь популяризируютъ ее», можетъ найти очень много послѣдователей въ національной Россіи. Послѣвоенное поколѣніе не понимаетъ смысла культуры, и политическая благонадежность можетъ очень легко замѣнить ученая степени. Отсюда угроза наукѣ, какъ служенію истинѣ, угроза культурѣ, какъ сложному многоединству.

Противъ этой опасности должна возвысить голосъ вся культурная элита страны. Политическія разногласія не должны мѣшать образованію единаго культурнаго фронта. Ясно, что въ политической борьбѣ, въ эпоху переворотовъ, фельдфебель въ университетѣ, то черный, то красный, но всегда по существу тотъ же самый, не шадитъ ничего. Но и никакія юридическія, никакія конституціонныя гарантіи не спасутъ отъ него, если не будетъ создано независимаго голоса «элиты». Свободная наука можетъ попирается и диктатурой и демократіей, можетъ попирается и самими учеными подъ флагомъ автономіи. Только культура можетъ спасти культуру. Только реакція стыда и негодованія можетъ помѣшать власти заполнить своими креатурами всѣ отвѣтственные посты въ организаціи національной культуры.

Разумѣется, идея національной культуры требуетъ учре-

ждения и государственной оплаты определенных кафедр, может быть, и несущественных с точки зрения международной. Но мировая республика ученых существует лишь как федерация национальных организаций, и Russia представляет особый научный мир, недостаточно признанный в старой, на Запад ориентированной России. Установление границ и распорядка этого мира есть задание самой русской науки и не может быть предвосхищено государством.

Слѣдуетъ опредѣленно сказать: государство не призвано къ высшему руководству въ творчествѣ національной культуры — хотя бы потому, что само содержаніе этой культуры не подлежитъ его вѣдѣнію. Это содержаніе всегда остается не даннымъ, а искомымъ, ибо національная культура не есть завѣщанный предками мертвый капиталъ, а живая творческая сила, создающая новое, еще не бывалое, еще не расцѣненное. Какими критеріями располагаетъ государство для опредѣленія того, что національно, и что относится къ культурѣ? Живая національная идея въ своемъ ростѣ перѣдко впитываетъ въ себя то, что вчера казалось антинациональнымъ. И то, что вчера казалось апробированной культурой, сегодня — въ мусорномъ ящикѣ. Въ высшихъ вопросахъ духа призвано рѣшать лишь избранное меньшинство. Но и оно не обладаетъ непогрѣшимостью, и его *communis opinio* вырабатывается въ процессѣ борьбы и общихъ исканій. Настоящая свобода возможна при условіи уваженія къ этому меньшинству и самоограниченія меньшинства.

Но, оставляя за государствомъ лишь роль техническаго организатора культуры, на кого возложить выполненіе необходимой послѣдсволюціонной задачи, которую мы опредѣлили, какъ «выпрямленіе духовнаго вывиха націи»?

Мы стоимъ передъ фактомъ духовнаго искаженія народа, искусственно питаемаго фальсифицированными продуктами или опредѣленными ядами. Предоставить лѣченіе времени? Но это все равно, что предоставить времени воспитаніе безпризорныхъ. «Время» движется, какъ старинный дилижансъ, по сравненію съ темпами нашего вѣка. Историческіе сроки Россіи отмѣрены строго и скупомъ. Мы не можемъ ждать.

Задача воспитанія — національнаго, культурнаго — народныхъ массъ сама собой падаетъ на плечи русской интеллигенціи, т. е. свободно организованныхъ культурныхъ

силъ націи. Даже большевизмъ, обладающій всею мощью государственнаго аппарата, свой аппаратъ агитаціи создаетъ отдѣльно отъ него — въ партіи, въ «Союзѣ безбожниковъ» и проч. Въ этой полусвободной «совѣтской общественности» заключается огромное преимущество коммунизма, по сравненію съ классической неуклюжестью полицейскаго государства. Но лишь отказъ отъ монополіи культурной работы обезпечиваетъ общественнымъ организаціямъ необходимую имъ внутреннюю свободу.

Должна быть создана «Лига русской культуры», какъ свободный союзъ, поставившій себѣ цѣлью пропаганду русской идеи въ массахъ. Именно «Лига», а не государственная полиція можетъ осуществить ликвидацію духовнаго наслѣдія большевизма. Но борьба съ марксизмомъ, съ привычками классоваго мышленія — является лишь отрицательной ся стороной. Положительныя задачи Лиги — въ изученіи Россіи, историческомъ, художественномъ, этнографическомъ, въ постановкѣ передъ массами русскихъ проблемъ, въ воспитаніи культурной національной традиціи. Эта Лига должна объединить разрозненную дѣятельность разбросанныхъ по всѣмъ уголкамъ Россіи «краевѣдческихъ» обществъ, собрать культурныхъ одиночекъ, еще не расплющенныхъ большевистскимъ молотомъ. Она обезпечитъ провинцію развѣдными лекторскими силами, дешевой народнои литературой, поможетъ организаціи народныхъ университетовъ и вообще дѣла внѣшкольнаго образованія. Она поставитъ въ центрѣ изданіе органовъ, объединяющихъ всю эту національную педагогическую работу.

Необходимымъ условіемъ работоспособности Лиги должны быть широкій идеологическій фронтъ ся. Все національно годное для строительства новой Россіи должно найти мѣсто въ ея рядахъ. Это значитъ, что она должна сохранить нейтралитетъ по отношенію ко всѣмъ острымъ политическимъ проблемамъ. Если это не удастся, если различные теченія русской мысли будутъ пытаться создавать свои самостоятельные аппараты для организаціи русской культуры, то это будетъ означать срывъ гражданскаго мира, столь насущно необходимаго послѣ революціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ — для государства — необходимость рокового выбора между разными схемами національной мысли.

Для государства, говоримъ мы, ибо Лига (или Лиги) въ послѣреволюціонныхъ условіяхъ, можетъ работать

лишь въ тѣсномъ сотрудничествѣ съ государствомъ и съ матеріальной его помощью. Духовнымъ источникомъ ея долженъ явиться свободный національный подъемъ, вольное горѣніе русской идеи. Но въ разоренной, социальнo обезличенной Россіи, въ этомъ эгалитарномъ царствѣ нищихъ только государство обладаетъ экономической силой, необходимой для всякой крупной организаціи. Возможныя силы частнаго капитала, естественный питомникъ меценатства, на первыхъ порахъ лишены національнаго лица. Вотъ почему (и это одно изъ многихъ основаній) интеллигенція должна отказаться отъ старой брезгливости къ тому, что связано съ государствомъ. Государство есть форма народной воли, русской воли. Служба ему, жалованье его несравненно почетнѣе службы и жалованья капитала, да еще иностраннаго. А виѣ государства жадуется лишь капиталъ. Интеллигенція должна вернуться къ традиціи 18 вѣка, чтобы вмѣстѣ съ государствомъ нести почетную службу на фронтѣ народнаго просвѣщенія.

И однако сказанное выше о непригодности государства къ организаціи культуры остается въ силѣ. Такимъ образомъ создается жизненное противорѣчіе: государство, поддерживая матеріально національную работу интеллигенціи, не имѣетъ права вмѣшиваться въ нее по существу. Таково, дѣйствительно, идеальное рѣшеніе, которое требуетъ большого самоограниченія обѣихъ сторонъ: отъ государства — отъказа отъ идеологическихъ притязаній, отъ всякой идеократіи, софократіи и прочихъ видовъ лже-теократіи; отъ интеллигенціи — установленія широкаго идейнаго фронта и величайшей осторожности (воздержанія) по отношенію къ чисто политическимъ и социальнымъ задачамъ государства.

«Лига русской культуры» призвана къ выполненію того національнаго дѣла, которое въ странахъ фашистской диктатуры (или въ идеологии евразійства) выпадаетъ на долю партій или «отбора». Не стать партіей, сохранить должную дистанцію отъ государства, при лояльной вѣрности ему — это значитъ спасти свободу культуры. Дѣло это требуетъ большого такта и жертвъ, къ которымъ мы не причлены исторіей. Переработка всего духовнаго облика интеллигенціи для этого необходима. Если ея не будетъ, Россія будетъ смѣнять одну «идеократію» на другую, проматывая послѣдніе рубли своего культурнаго достоянія.

Если удастся сохранить свободу, то будущее русской

культуры намъ не представляется мрачнымъ. Можно въ-рять въ природную талантливость, въ нерастраченность силъ великаго народа. Революція впервые эти силы актуализируетъ въ небываломъ размѣрѣ. Самая огромность вовлеченныхъ въ культурное движеніе массъ создаетъ исключительныя условія качественного отбора. Нужно помнить лишь одно: въ экономіи сегодняшняго дня первоочередной задачей является не дальнѣйшее накопленіе сырого культурнаго матеріала, а воспитаніе меньшинства, способнаго его переработать. Въ организаціи культуры національная задача параллельна задачѣ хозяйственной: тамъ воссозданіе и воспитаніе класса предпринимателей, здѣсь воссозданіе, на новыхъ духовныхъ началахъ, русской интеллигенціи.

Церковь.

О Церкви въ новой Россіи можно говорить въ двухъ планахъ. Разсматривая извнѣ, это частная тема — тема отношенія государства къ православнымъ культовымъ организаціямъ. Взятая изнутри, т. е. по существу, это тема безмѣрная, тема вселенская, въ которой скрыто рѣшеніе и всемірно-историческихъ судьбъ Россіи. Минимализмъ и максимализмъ одинаково умѣстны въ отношеніи къ церковной проблемѣ. И, что особенно значительно, — между обѣими установками нѣтъ зіянія: это единственная сфера реальности, гдѣ малое, земное, человѣческое соединяется съ величайшимъ, небеснымъ и божественнымъ. Поэтому лишь здѣсь дано преодоленіе остраго русскаго противорѣчія: между безкрылой практичностью и утопической беспочвенностью.

а) Государство и церковь.

Еще не закончено трагическое развертываніе революціи. Еще мы не знаемъ, гдѣ остановится ея богоборческая ярость. Будутъ ли закрыты всѣ храмы въ Россіи и уничтоженъ публичный культъ, какъ это намѣчено пятилѣткой «безбожниковъ»? Или экономизмъ большевиковъ возьметъ верхъ надъ ихъ изуверской теологіей и заставитъ ихъ остановиться передъ тѣмъ, передъ чѣмъ не отступили чистые теологи яковинскаго руссоизма.

До сих поръ можно лишь констатировать: 1) Революціи удалось оторвать отъ религіи широкія массы, воспитавъ религіозный индифферентизмъ въ большинствѣ и выковавъ активное богоборчество въ ничтожномъ численно, но весьма энергичномъ меньшинствѣ. 2) Революціи не удалось уничтожить православной церкви, которая въ гоненіяхъ проявила большую духовную силу и способность къ творческому возрожденію. 3) Революціи удалось расколоть православную церковь на нѣсколько -- около десятка -- организацій, при наличіи многомилліоннаго и растущаго сектантскаго движенія въ народныхъ низахъ. Этого достаточно, чтобы сдѣлать невозможной -- разумно и серьезно -- въ послѣреволюціонной Россіи государственную церковь. Лишь политическая реставрація могла бы произвести этотъ экспериментъ, одинаково роковой и для церкви и для государства. Внутренній религіозный опытъ, выстраданный русской церковью, заставляетъ ее дорожить свободой отъ государства. Этотъ принципъ, еще недавно бывший лишь доктриной либеральной богословской школы, теперь завоевалъ признаніе въ мистическомъ сердцѣ церковности. Еще на периферіи, и при томъ либеральной периферіи (парадоксъ исторіи) сказываются соблазны огосударствленія церкви: ея перекраска въ защитные революціонные цвѣта. Но путь патрiарха Тихона -- т. е. основное русло православной церковности -- пролегаетъ по срединѣ между ставроѵріемъ православнаго самодержавія и обновленчески-сергіанскимъ оппортунизмомъ революціонной синодальности. Нѣтъ сомнѣнія, что прекращеніе религіознаго террора и связанныхъ съ нимъ искушеній (банька 40 мучениковъ), будетъ означать побѣду «аполитической» церкви.

Передъ этой церковью открывается эпоха трудовъ и подвиговъ. Медленное завоеваніе народныхъ массъ потребуетъ серьезной научной культуры и совершенной перестройки пастырскаго миссіонерскаго аппарата. Раскаленные до-бѣла мистическія энергіи ждуть новыхъ формъ церковно-соціального служенія: новыхъ братскихъ и орденскихъ организацій соціального монашества. Наконецъ, изживаніе расколовъ возможно лишь въ опытѣ истинной соборности, предполагающей большую широту духовныхъ теченій, поскольку они не разрушаютъ единства церкви и ея православнаго исповѣданія. Мистики и рационалисты, реакціонеры-романтики и либералы-модернисты

могутъ и должны вести свою борьбу на паперти общаго храма. Только литургическое общеніе спасетъ отъ образованія новыхъ, какъ мистическихъ, такъ и рационалистическихъ сектъ, слагающихся уже на основѣ богословской культуры и потому болѣе опасныхъ для церковнаго единства. Безъ государственнаго принужденія, привычнаго в теченіе вѣковъ, и безъ монархическаго папизма, строеніе церковнаго единства представляетъ постоянную и трудную задачу, настоящій подвигъ соборности, къ которому призвано нынѣ русское православіе.

Отъ новаго государства церковь въ правѣ ждаты лишь признанія ея свободы. Значить ли это, что ихъ отношенія выльются непременно въ классическую форму «отдѣленія церкви отъ государства»? Эта формула можетъ покрывать самое разнообразное содержаніе: отъ скрытаго или открытаго гоненія на церковь (Франція, СССР) до тѣснаго сотрудничества (Америка). Въ Россіи нѣтъ политической почвы для антиклерикализма. Православіе уже доказало, вопреки 1600-лѣтней традиціи, свою способность примиряться со всевозможными формами власти. Съ другой стороны, всякая власть, дорожащая національной культурой, не можетъ отталкивать церковь — въ Россіи хранительницу самыхъ чистыхъ и глубокихъ національныхъ традицій. Отсюда основанія надѣяться, что свобода церкви въ грядущей Россіи не будетъ свободой изгоевъ и изгнанниковъ. Государство имѣетъ возможность, не измѣняя своей религіозной нейтральности, оказывать церкви серьезную поддержку: путемъ обезпеченія религіознаго (факультативнаго) преподаванія въ школахъ — для всѣхъ исповѣданій, — путемъ матеріальныхъ затратъ на содержаніе храмовъ, признанныхъ исторической и художественной цѣнностью, безъ профанирующаго обращенія ихъ въ музеи. Отъ дальнѣйшаго на первыхъ порахъ лучше отказаться: субсидіи обязываютъ и связываютъ. Церковь, политически лояльная по отношенію къ государству, должна сохранить передъ нимъ независимость своего нравственнаго суда.

Здѣсь открываются пути для медленнаго, молекулярнаго срастанія православной церкви съ тканью новаго демократическаго общества. Священники — кооператоры и дѣятели профессиональнаго движенія, епископы-ученые заполняютъ ровъ между церковью и міромъ. Россія приучится видѣть въ рядахъ церкви лучшіе кадры своей интелли-

генции. И церковь благословитъ народъ трудящихся и его власть, какъ благославляетъ она всякую плоть человеческую, и всякую душу, не противящуюся Христу. Ея высшимъ удовлетвореніемъ будетъ видѣть своихъ сыновъ правителями Россіи, мужественно исповѣдующими свою личную вѣру, задолго до того, какъ крестъ осѣнитъ Россію, и куполь Церкви покроетъ ея культуру.

б) Церковь и Россія.

Россія безъ креста, Россія — географическое мѣсто борьбы религій и сектъ, — ни одинъ православный человекъ не примирится съ этимъ. То, что кажется нормальнымъ въ самой ненормальной изъ цивилизацій — вавилонское смѣшеніе языковъ — для насъ нестерпимое уродство, тяжелый недугъ вырожденія. Мы жаждемъ цѣлостнаго единства жизни и творчества. Намъ мучитъ мечта о всенародномъ дѣйствіи, о внѣхрамовой литургіи, которая творится царственнымъ священствомъ христіанской націи. Мы видимъ ангела русской церкви въ разодранныхъ ризахъ, безутѣшнаго о погибшей красотѣ, и спасеніе остатковъ не примиритъ насъ съ отступничествомъ избраннаго народа.

Послѣреволюціонная Россія — отяжелѣвшая, грубая, вся въ алчности земнаго хлѣба и въ гордости земнаго могущества — Россія тракторовъ и пушекъ не можетъ быть страной великой культуры. Сейчасъ бессмысленны мечты о перевалѣ за исполинскій хребетъ 19 вѣка. Русскій 19 вѣкъ надолго останется непревзойденной вершиной нашего классицизма. Толстой, Достоевскій, даже Пушкинъ были голосомъ христіанскаго тысячелѣтія. За ихъ личной гениальностью стоялъ углубленный и просвѣтленный христіанствомъ геній народа. Такъ ошутима крестьянская (=христіанская!) деревня за графомъ-мужикомъ Толстымъ и монастырь за грѣшнымъ Достоевскимъ. Не въ занятіи сельско-хозяйственнымъ трудомъ и не въ близости къ землѣ-природѣ смыслъ народничества, какъ религіозной категоріи. Смыслъ его въ народномъ массивѣ, хранящемъ память о древней правдѣ и красотѣ. Европа этотъ массивъ давно разрушила, и крестьянинъ обернулся въ ней «аграріемъ». Въ Россіи онъ разрушенъ съ революціей. Теперь у насъ нѣтъ «народа», какъ нѣтъ интеллигенціи. Остались «хлѣборобы», «работники земли и лѣса», забывшіе все начисто, *tabula rasa* для сельско-хозяйственной ариѳметики.

Гдѣ, откуда на этой убогой землѣ подняться національному гению? Не замѣнить его и изоциренность мастерства, искушенность культурной традиціи, чѣмъ живетъ Западъ: Россія порвала всѣ традиціи, кромѣ традиціи презрѣнія къ мастерству.

Въ Россіи есть лишь одинъ центръ для духовнаго собиранія народа. Есть сердце Россіи, и пока оно не перестало биться, нельзя говорить о смерти націи. Въ Церкви, сжавшейся, сдавленной въ темной, подземной темницѣ, сохранились огромныя, еще небывалыя духовныя силы. Онѣ ждутъ своей актуализаціи. Придетъ пора, когда эта актуализація предстанетъ для нихъ не въ личномъ подвижничествѣ, а во всенародномъ служеніи. Это будетъ началомъ воскресенія Россіи.

Потеря «христіанскаго народа» имѣетъ и свое положительное значеніе. Благочестивая старушка перестаетъ быть идеальной представительницей православнаго мірянства. вмѣстѣ съ ней отпадаетъ и безхитростная установка на темноту. Христіанство снова становится — какъ въ Кіевѣ и въ Москвѣ, какъ въ Византіи и въ Римѣ -- религіей духовной аристократіи. Творящіе культуру слои освѣщаютъ ее въ купели мистерій, и оттуда воды ея текутъ до самой глубины народной жизни. Возстаетъ истинная іерархія духовнаго творчества націи. вмѣстѣ съ прекращеніемъ рокового разрыва между «духовной жизнью» и «духовной культурой» создаются предпосылки для оцерковленія культуры.

Оцерковленіе культуры -- эта наша христіанская утопія, которую мы противопоставляемъ всевозможнымъ утопіямъ современности. Всѣ остальные утопіи реализуются въ ней.

Оцерковленіе для насъ -- не подчиненіе вѣншнему авторитету Церкви. Оно есть осуществленіе религіозно-культурнаго единства, при которомъ Церковь не противопоставитъ культурѣ, но творить ее въ своихъ нѣдрахъ. Это понятіе не отрицательно-ограничивающее, но творчески-положительное. Его предпосылкой является не только признаніе міромъ религіозной правды Церкви, но и пробужденіе въ Церкви творчески-культурныхъ силъ. Въ этой утопіи находятъ свое утоленіе и тоска художника по единому монументальному стилѣ, немислимомъ внѣ религіозной цѣльности, и тоска ученаго по синтезѣ разсыпавшейся груды наукообразныхъ конструкцій. Лишь въ этой утопіи

вавилонская башня культуры становится храмомъ, оправдывающимъ свое священное имя (Вав-ЕИ). Куполь святой Софїи, какъ земное небо, слускается на исполинскіе стлпы вселенскаго храма. А вокругъ храма уже видны очертанїя новаго града — христіанской общественности.

Два недуга, которыми больно челоуѣчество — иные думаютъ, смертельно — ненависть классовъ и ненависть націй — принципиально разрѣшимы лишь на почвѣ христіанства. Не капитализмъ, т. е. анархїя личнаго произвола, и не коммунизмъ, т. е. деспотїя общества, а искомое и трудно опредѣлимое равновѣсіе личныхъ и коллективныхъ хозяйственныхъ воль. Кто же будетъ арбитромъ между личностью и государствомъ? Нельзя сомнѣваться, что однимъ изъ существенныхъ факторовъ рѣшенїя социальнаго вопроса является психологическая установка — на личность и общество одновременно. Но лишь въ христіанствѣ возможно парадоксальное равенство: часть = цѣлому. И лишь въ православїи — о, конечно, въ возможности — даны предпосылки соборной общественности. Достоевскїй былъ правъ, говоря, что Церковь — это нашъ русскїй социализмъ, — правъ, въ смыслѣ предвидѣнїя грядущаго. Тщетно многие обращаются къ современной Россїи за рѣшенїемъ социальной проблемы: для этого въ ней отсутствуютъ и матеріальныя и моральныя предпосылки. Но невозможное сегодня отодвигается въ будущее. Изъ обломковъ коммунистической и капиталистической стройки медленно воздвигнутся стѣны христіанскаго града.

Современное язычество съ его самодовлѣніемъ національныхъ культуръ дѣлаетъ невозможнымъ сожительство и сотрудничество народовъ. Война въ христіанствѣ — по крайней мѣрѣ, война между христіанскими народами — всегда остается дѣломъ грѣшнымъ и постыднымъ. Въ нашу историческую эпоху — на другой день послѣ міровой войны — раздался явственно голосъ христіанскихъ церквей о давно утраченномъ единствѣ. Но католичество, въ самомъ имени своемъ несущее обѣтованїе единства, не можетъ осуществить единства въ свободѣ. Православїе окрывается и здѣсь центральнымъ материкомъ христіанскаго міра. Между нимъ и протестантизмомъ уже устанавливается единство, если не вѣры, то любви. Православїе уже не хочетъ уступать протестантизму духовной свободы, но показываетъ ему возможность духовной общественности. Проблема соединенїя церквей необычайно трудна, но бли-

женіе церквей, практическое единеніе христіанства становится въ порядокъ дня.

За расколами христіанскаго міра встаетъ во всей своей остротѣ великій споръ между Востокомъ и Западомъ. Востокъ, начавшій на нашихъ глазахъ эпопею своихъ освободительныхъ революцій, скоро вступитъ въ эру завоевательной экспансіи. Россія, его ближайшая сосѣдка, Россія, насыщенная восточными вліяніями, становится призванной посредницей между Азіей и Европой. Она имѣетъ всѣ основанія смотрѣть съ сочувствіемъ на освободительное движеніе великихъ древнихъ народовъ. Она можетъ обильно и безъ вреда для себя черпать въ сокровищницѣ ихъ культуры. Но она не предастъ христіанства и духовнаго первородства эллинства, которымъ она усыновлена. Если христіанству, освобожденному отъ позорной связи съ колониальными злодѣяніями бѣлой расы, суждено вырваться изъ роковыхъ границъ греко-римскаго міра, то православіе, конечно, всего ближе міру Востока. Византія такъ много впитала въ себя этого Востока, задолго до вторичной ориентализаціи Московскаго царства. Древняя славянская мечта объ Индіи — мечта русскихъ былинъ и сказокъ — осуществится не въ видѣ новой, третьей по счету Индійской имперіи, а въ видѣ новой индійской Церкви, въ которой воскреснетъ почти угасшее христіанство ап. Фомы. Въ свѣтѣ новаго возрожденія — возрожденія Востока, — не мечтой, а точнымъ историческимъ фактомъ становится центральное положеніе Россіи въ мірѣ. Въ наше время неслыханныхъ историческихъ униженій, предъ лицомъ національнаго отступничества Россіи, снова раздаются голоса о ея христіанскомъ призваніи. Мессіанская идея — ветхозавѣтно-реакціонная — не имѣетъ права на бытіе въ христіанствѣ. Въ православіи особенно раскрывается идея христіанскаго призванія всѣхъ народовъ и ихъ соборнаго единства, исключаящаго подчиненіе: и Риму, и Царьграду, и Москвѣ. Но остается объективная истина особой тяжести служенія, возложеннаго на Россію, и — въ прошломъ — щедрости ея даровъ. Нельзя только забывать объ отступничествѣ Россіи и вытекающей изъ него утратѣ харизмъ. Лишь черезъ длительное очищеніе, черезъ суровую аскезу смиренія (мессіанство — гордыня) лежитъ путь къ землѣ обѣтованной. Лишь съ этимъ условіемъ чаемая нами утопія перестаетъ быть мечтательной и вредной.

И въ самой смѣлой изъ утопій нельзя забывать объ іерархіи состояній, о годахъ духовнаго роста. Оцерковленіе культуры, къ которому мы стремимся, многіе именуютъ православной теократіей. Въ понятіи теократіи на первый планъ выдвигается идея христіанскаго государства или христіанской власти. И вотъ здѣсь необходимо сказать со всей рѣшительностью и силой: да, государство подлежитъ оцерковленію, но государство есть послѣднее, что подлежитъ ему. Изъ всѣхъ культурныхъ сферъ государство столь тяжко насыщено грѣхомъ, столь несомнѣнно несетъ на себѣ печать основателя-Каина, что реальная христіанизация его встрѣчаетъ наибольшія трудности. Мнимая же или словесно символическая его христіанизация ощущается современной христіанской совѣстью — болѣе чуткой, чѣмъ совѣсть предковъ — какъ невыносимое тицемяріе. Нѣтъ болѣе страшной мысли, чѣмъ та, что Христосъ, распинаемый въ Россіи большевиками, будетъ распинаться въ ней православнымъ царемъ. Дѣло не въ томъ, что христіанская теократія предполагаетъ невозможное состояніе безгрѣшности. Но она во всякомъ случаѣ предполагаетъ такую іерархію цѣнностей, при которой все земное подчиняется Царству Божію. Совершенно ясно, что душа чело-вѣка, его мысль, его творчество, его трудовая жизнь должны прежде получить помазаніе Церкви, — лишь тогда будетъ благословенъ и его мечъ, котораго онъ не можетъ обнажить въ порядкѣ природномъ безъ страсти и злобы.

Но въ планѣ утопій, въ которой нѣтъ счета ни поклѣніямъ ни вѣкамъ, можно мыслить — и должно мыслить — христіанскую Россію, Россію правды и свободы, которая достойна быть увѣнчана православнымъ вѣнцомъ. Не зачѣмъ думать, что этимъ вѣнцомъ можетъ быть лишь царская корона. Если грядущая Россія будетъ страной народовластія, то она найдетъ церковныя формы его освященія. Какъ древній Израиль, какъ православный Новгородъ, Россія можетъ осуществить народную теократію. Всенародность государственнаго служенія раскроетъ себя, какъ выраженіе церковной соборности. Весь народъ будетъ увѣнчанъ и помазанъ въ лицѣ своихъ вождей и судій. Но здѣсь порогъ, у котораго останавливается и самая смѣлая изъ утопій.

Г. Федотовъ.

Судьбы земельного крѣпостного строя въ Россіи

«Предъ усѣпкой мужика.. умреть мнѣ
всѣмъ всякій нашъ смѣхъ, намъ станеть
страшно и не по себѣ». Ал. Блокъ.

II.

Русская свобода родилась 18 февраля 1762 года, въ день изданія знаменитаго указа Петра III Федоровича о вольности дворянства. Петровская реформа, съ точки зрѣнія организациі хозяйственно-правового строя была лишь окончательнымъ оформленіемъ, на европейскій ладъ отремонтированной, старой и испытанной московской системы всеобщаго «крѣпостного устава». Личной свободы не нужно искать въ дѣлѣ Петра: повелительная задача великодержавнаго самоутвержденія Россіи требовала такого напряженія со стороны всѣхъ членовъ государства, которое могло быть осуществлено лишь въ порядкѣ всеобщей боевой дисциплины. Частный человекъ, служащій за честь и въ какой-то мѣрѣ принципиально свободно распоряжающійся своей личностью, появился впервые въ эпоху хозяйственной демобилизациі Россіи, въ обликѣ освобожденнаго отъ обязательной службы дворянина.

Это была своего рода революція! Какъ въ послѣдствіи, при освобожденіи крестьянъ, боялись, что крестьяне не выдержатъ искуса свободы, такъ подобные голоса раздавались и при освобожденіи дворянъ. Извѣстный Артемій Волынский выражалъ опасенія, что послѣ отмены обязательной и безсрочной службы «всякъ захочеть лежать у себя дома». Онъ боялся и худшаго: «ежели, писалъ онъ, изъ арміи, изъ рядовыхъ выпущено будетъ подлое шляхетство,

*) См «Современныя Записки» № 45.

то уже имъ трудами своими отъ земли питать себя не привыкнуть для того развѣ рѣдкой будетъ получать хлѣбъ свой отъ своихъ трудовъ, а прочіе большая часть разбоємъ и грабежами прибыли себѣ искать стануть».

Эти опасенія, конечно, не оправдались. Дворянство «пережило» свободу, и очень по вкусу пришлось ему «изящнѣйшее благодѣяніе» Петра III. Къ несчастью, однако, дворянская свобода обернулась крестьянскимъ рабствомъ! Указъ о вольности дворянства занимаетъ, поэтому, двойное мѣсто въ исторіи русскаго соціального строя. Онъ, съ одной стороны, есть начальная точка эволюціи личности въ русскомъ строѣ: расширеніе правъ лица на протяженіи дальнѣйшихъ десятилѣтій, охватывающихъ полтора вѣка, шло въ порядкѣ приравненія остальныхъ гражданъ тому личному статусу, который сложился для дворянъ. И. С. Аксаковъ въ концѣ 61 года писалъ: «19-ое февраля 1861 года уничтожило на вѣки вѣковъ вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ и существеннѣйшій признакъ дворянскаго достоинства. Чѣмъ *de jure* и *de facto* отличается теперь дворянинъ отъ прочихъ сословій? Населенными землями по окончаніи выкупа будутъ имѣть право владѣть купцы и крестьяне. Избавленіе отъ тѣлесныхъ наказаній будетъ когда-нибудь распространено и на прочія сословія. Избавленіемъ отъ рекрутства пользуются и купцы; да и повинность, можетъ статься, будетъ также переорганизована. Избавленіе отъ платжеи подати вѣроятно не избавитъ отъ платежа поземельнаго налога. Право службы? Оно еще со времени Петра I предоставлено всѣмъ...» Аксаковъ тенденцію отмѣчалъ правильно. Онъ ошибался въ частности въ срокахъ. То приравненіе крестьянъ къ дворянамъ, въ смыслѣ признанія тѣхъ и другихъ равноправными гражданами, пользующимися опредѣленнымъ комплексомъ субъективныхъ публичныхъ правъ и частнохозяйственной автономіи, оказалось не слѣдствіемъ реформы 19 февраля 1861 года, а слѣдствіемъ того подлиннаго и окончательнаго освобожденія крестьянъ, которое состоялось примѣрно полвѣка спустя, въ процессѣ столыпинскихъ реформъ. Лишь тогда крестьяне въ сущности получили ту жалованную грамоту, которую не успѣла, да и не могла бы дать крестьянамъ, Екатерина и которую не сумѣли дать крестьянамъ, творцы Великой Реформы. А не сумѣли они этого сдѣлать именно потому, что указъ о вольности дворянства, какъ я выше отмѣтилъ, обернулся крестьянскимъ рабствомъ:

зловѣщая частнособственническая теорія помѣстнаго владѣнія, въ извѣстномъ смыслѣ погубившая Великую Реформу, неразрывно связана съ этимъ указомъ...

Тотъ фактъ, что дворянская вольность была подбита крестьянскимъ рабствомъ, наложилъ роковую печать на судьбы дворянства не меньше, чѣмъ на судьбы крестьянства. Почему не удался столь широко задуманный и столь блестяще начатый екатерининскій дворянскій selfgovernment? Дворянскія права и привилегіи, дворянскій общественный бытъ, дворянское социальное могущество не могли стать опорой имѣющаго твердыя правовыя очертанія и обладающаго сопротивляемостью политическаго владѣнія, поскольку весь дворянскій selfgovernment являлся лишь поверхностнымъ орнаментомъ надъ пучиной безправія, въ атмосферѣ котораго господствовало дворянство надъ массой русскаго населенія. Хилость и дряблость, отсутствіе вѣншей сопротивляемости и внутренней содержательности были неизбѣжными свойствами русскаго рабовладѣльческаго либерализма. Разсужденія о пользѣ для Россіи англійскаго «габеасъ-корпуса» и lamentація о вредѣ деспотичества въ Россіи были, на фонѣ принципиальнаго отрицанія самой идеи права и правъ по отношенію къ основной массѣ населенія, не отвѣтственнымъ и вліятельнымъ голосомъ политическаго разума, а безплотными, и потому безплодными мечтаніями, или безсильнымъ брюзжаніемъ.

Реформа 1861 года и другія, связанныя съ ней, реформы Александра II означали огромный шагъ на пути Россіи къ свободѣ. Россія становилась правовымъ государствомъ, т. е. государствомъ съ ясно очерченнымъ кругомъ личныхъ правъ граждавъ, защищенныхъ независимымъ судомъ. Въ этомъ смыслѣ реформы Александра II являются гораздо болѣе радикальными, чѣмъ реформы Петра Великаго. Здѣсь была дѣйствительно коренная перестройка Россіи. Но уввы! и здѣсь оказались на лицо пагубныя слѣдствія того разрыва между дворянствомъ и крестьянствомъ, которое произошло въ предшествующемъ вѣкѣ. «Главная цѣль, которую комитетъ постоянно долженъ имѣть въ виду при разсмотрѣніи всѣхъ работъ редакціонныхъ комиссій, это — дарованіе прежде всего правъ свободнаго состоянія». Такъ писалъ Главный Комитетъ, и государь отмычалъ на поляхъ: «Дай Богъ, въ добрый часъ». Въ манифестѣ 19 февраля государь писалъ своему народу: «Въ

силу означенныхъ новыхъ положеній крѣпостные люди получаютъ въ свое время полныя права свободныхъ сельскихъ обывателей».

Эти пожеланія и обѣщанія государя остались не исполненными. Пусть редакціонныя комиссіи, Главный комитетъ и государь добросовѣстно вѣрили въ то, что, послѣ истеченія переходнаго времени, послѣ окончанія выкупныхъ операций, крестьяне станутъ полноправными гражданами. Эта надежда, какъ мы видѣли, находилась въ противорѣчій съ нѣкоторыми основными положеніями реформы. Практическое же развитіе получили не тѣ элементы реформы, которые открывали крестьянству путь къ свободѣ, а тѣ которые замыкали надъ нимъ своды новаго крѣпостничества.

«Суть крѣпостнаго права - прикрѣпленіе къ землѣ. Въ Россіи съ отмѣной крѣпостнаго права это прикрѣпленіе осталось въ полной силѣ: крестьянинъ крѣпокъ по прежнему землѣ; не земля ему принадлежитъ, а онъ землѣ. Если земля его не въ состояніи прокормить, онъ все таки бросить ее не можетъ. Ища пропитанія на фабрикахъ, ручнымъ трудомъ, отхожимъ промысломъ, наймомъ, онъ все таки долженъ платить за землю и считается *de jure* земледѣльцемъ и сельскимъ обывателемъ, а *de facto* дѣлается амфибіей, не можетъ отстать отъ одного ни пристать къ другому». Такъ говорилъ одинъ изъ членовъ собранной въ 1872 году Валуевской комиссіи, долженствовавшей разобраться въ причинахъ упадка русскаго сельскаго хозяйства и выработать мѣры борьбы съ нимъ.

По единогласному почти отзыву всѣхъ выслушанныхъ въ комиссіи лицъ и собранныхъ ею письменныхъ заявленій, заявила Комиссія, общинное землевладѣніе составляетъ одно изъ главнѣйшихъ препятствій успешному развитію хозяйства въ средѣ крестьянскаго населенія. Къ числу наиболѣе вредныхъ сторонъ общиннаго землевладѣнія принадлежитъ, по мнѣнію комиссіи, стѣсненіе личной свободы крестьянина въ его хозяйственной дѣятельности. Прикрѣпленіе къ землѣ и поземельной общинѣ въ особенности тяжело отзывается на хозяйствѣ тѣхъ крестьянъ, которые, при обременительныхъ повинностяхъ и выкупныхъ платежахъ, тяготея своими надѣлами, впадаютъ въ бѣдность и снискиваютъ себѣ скудное пропитаніе на сторонѣ... Хотя положеніемъ 19 февраля и предоставлено сельскимъ обывателямъ выдѣлять крестьянамъ отдѣльные

участки за взносъ соответственной выкупной ссуды и при известныхъ условіяхъ увольнять изъ обществъ тѣхъ, которые пожелали бы выдѣлиться изъ мірскаго надѣла, но на самомъ дѣлѣ выходъ изъ общины сопряженъ со значительными затрудненіями, происходящими какъ отъ обременительности выкупныхъ платежей и круговой поруки, такъ и отъ другихъ стѣснительныхъ условій, зависящихъ отъ произвола обществъ. Между тѣмъ изъ собранныхъ фактовъ оказывается, что крестьяне обнаруживаютъ сильное стремленіе къ пріобрѣтенію въ собственности и арендованію земель и что въ средѣ крестьянъ собственниковъ развиваются прочныя зачатки будущаго разумнаго практическаго хозяйства.

«Необходимо прежде всего сознать ту истину, заявлялъ другой членъ комиссіи, что при существующемъ порядкѣ и ходѣ вещей, если онъ будетъ продолжаться, всякое бывшее помѣщичье или частное хозяйство должно уничтожиться. Мелкое почти уничтожилось, среднее едва держится и уже во многихъ мѣстахъ погибаетъ крупное; крупное продержится долѣе, но въ концѣ концовъ и его ожидаетъ та же участь. Единственнымъ лицомъ, которое является будущимъ сельскимъ хозяиномъ въ государствѣ при этихъ условіяхъ есть крестьянинъ, покупающій личную земельную собственность; купецъ, случайно положившій свой капиталъ въ сельско-хозяйственный промыселъ, не есть будущій прочный сельскій хозяинъ... Необходимо сознать другую истину, что общинное землевладѣніе и круговая порука въ сельскомъ населеніи не развиваетъ въ немъ никакого желанія и не открываетъ возможности улучшать свое хозяйство. Земли выпаживаются, недостаточно удобряются и урожаи постоянно уменьшаются. Опытъ и факты убѣждаютъ, что крестьянинъ жадно стремится пріобрѣтать земли въ личную собственность и тогда къ ней относится съ бережливостью, какъ хозяинъ опытный и хорошо понимающій землю и практическое хозяйство».

Валуевская комиссія устанавливала достаточно точно и причины упадка сельскаго хозяйства и мѣры борьбы съ нимъ: нужно было раскрѣпить крестьянъ и дать выходъ крестьянскому двору въ направленіи трансформациі его въ частнохозяйственное предпріятіе. вмѣсто этого крестьянъ ждало другое: окончательное утверженіе и систематическое развитіе началъ крѣпостной зависимости,

заложенныхъ въ реформѣ. Постепенно та хозяйственная диктатура міра, которая еще какъ-то могла быть оправдана, какъ временная мѣра въ цѣляхъ обезпеченія правильнаго поступленія крестьянскихъ платежей и сохраненія крестьянъ у земли, стала насыщаться своеобразной стойкой идеологіей. Сложился новый крѣпостной строй, являющійся въ извѣстной мѣрѣ кривымъ зеркаломъ того исходнаго крѣпостнаго строя, который созданъ былъ Московской Русью и воспринятъ и реформированъ былъ Петромъ Великимъ.

Въ центрѣ этого новаго земельного строя принято видѣть уравнительно-передѣльную общину. Въ огромной литературѣ, посвященной аграрному вопросу въ Россіи, и агитаціонной, и публицистической, и научной мы найдемъ обширный матеріалъ, посвященный общинѣ, и найдемъ сравнительно очень мало о подлинной основѣ этого строя: о крестьянскомъ дворѣ. Для такого выдвигенія общины на первый планъ имѣлось, конечно, очень существенное основаніе, которое, правда, едва ли проникало въ сознание большинства людей, занимавшихся земельнымъ вопросомъ. Существуетъ споръ о происхожденіи общины, въ которомъ ея возникновеніе относятъ либо къ XVIII вѣку, ставя его въ зависимость отъ правительственныхъ мѣропріятій по урегулированію крестьянскаго землевладѣнія, либо относятъ его въ глубь вѣковъ, а между тѣмъ можно безъ большой натяжки утверждать, что день рожденія уравнительно-передѣльной общины есть 19 февраля 1861 года.

Дѣйствительно, до Великой Реформы не было главное, что составляетъ специфическую особенность уравнительно-передѣльной общины: твердыхъ ея границъ. Раньше, какъ я уже бѣгло отмѣчалъ, дѣло шло о двухъ вещахъ: съ одной стороны, о самомъ принципѣ распределенія земли и съ другой стороны о техническомъ аппаратѣ этого распределенія. Уравнительная передѣльность, какъ въ смыслѣ коренныхъ передѣловъ, такъ и скидокъ-накидокъ, ни въ какой мѣрѣ не связана органически съ началомъ общиннымъ. Сплошь и рядомъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ эти передѣлы и скидки-накидки совершались прикащиками. Извѣстно, что въ частности на Украинѣ образовалось такое непостоянство крестьянскихъ надѣловъ, постоянно измѣняемыхъ помѣщичьими прикащиками въ зависимости отъ измѣненія состава двора, что мѣстныя

власти затруднялись высказываться о размѣрахъ крестьянскаго землевладѣнія. Мѣрскіе органы были естественнымъ подсобнымъ аппаратомъ въ дѣлѣ подобнаго распределенія земель, которое могло совершаться по преимущественному признаку или производственному (рабочей силы, тягла) или потребительному (душамъ). Для того, чтобы изъ этихъ элементовъ сложилась та уравнительно-передѣльная община, которая оказалась та уравнительно-реформенной деревней и которой суждено было владѣть судьбами русскаго народа и умами русскаго общества, нужно было возникновеніе двухъ обстоятельствъ: закрѣпленіе границъ опредѣленной территоріи и предоставленіе мѣрской организаціи крестьянъ, сидящихъ на этой территоріи, уравнительно-передѣльной автономіи. Эти два обстоятельства были впервые съ полной категоричностью установлены актомъ 19 февраля: группы крестьянъ были вдвинуты въ неподвижныя территоріальныя границы и, подъ жестокой санкціей круговой поруки, имъ вручено право передѣлять землю между крестьянскими дворами.

По какому признаку происходитъ распределеніе земли въ общинѣ, это вопросъ не ея юридическаго существа, а хозяйственной ея годности. Вопросъ оцѣнки общины, въ смыслѣ ея хозяйственной прогрессивности или регрессивности, стоитъ въ прямой зависимости отъ тѣхъ способовъ распределенія земли, которые примѣняются въ общинѣ и отъ того, въ какомъ соотношеніи эти способы распределенія находятся съ общей экономикой страны. Въ условіяхъ земельного избытка, въ условіяхъ экстенсивнаго хозяйства, въ условіяхъ необходимости направлять энергію землепашца на захватъ цѣлины, уравнительно-передѣльная община можетъ осуществлять весьма цѣнную роль въ народной экономикѣ. Вѣдь не забудемъ, что уравнительные передѣлы эпохи крѣпостнаго права, совершавшіеся и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и у казенныхъ крестьянъ, даже поскольку они послѣ истеченія опредѣленныхъ сроковъ смѣщали съ насиженныхъ мѣстъ тѣхъ хозяевъ, которые эту землю расчистили и тѣмъ пріобрѣли къ общей пахотной площади государства, открывали возможность для крѣпкихъ дворовъ (и есть случаи, когда въ основу передѣловъ клалось именно соображеніе о такой возможности!) примѣнить свои силы къ распашкѣ новой цѣлины и тѣмъ еще болѣе увеличить площадь пашни въ государствѣ. Свой регрессивный характеръ уравнительно-

передѣльная община принимаетъ тогда, когда ея методы начинаютъ примѣняться къ земельному недостатку и она превращается, по презрительному выраженію одного специализировавшагося на земельномъ вопросѣ коммуниста, въ «уравнительную земледробилку». Такая община не можетъ заставить хозяйственно-продуктивно итти вширь (некуда итти!) и только мѣшаетъ отдѣльнымъ хозяевамъ итти вглубь, обрекая всѣхъ на равенство нищеты.

Для Великой Реформы, въ ея правовомъ и хозяйственномъ развитіи, является какъ разъ характернымъ, что она, установивъ впервые указанные мною выше твердые юридическіе признаки общины и такъ сказать законодательно создавъ ее, поставила вмѣстѣ съ тѣмъ ее въ условія или, вѣрнѣе, оставила ее въ условіяхъ, которыя всѣхъ крестьянъ вообще, независимо отъ существованія или отсутствія общины, должны были неизбѣжно привести именно къ равенству нищеты. До какихъ предѣловъ могла доходить эта нищета — вотъ одинъ примѣръ недавно бросившійся мнѣ въ глаза: своеобразное явленіе крестьянской «лежки», описанное на страницахъ русской печати конца XIX вѣка. Оказывается среди псковскихъ крестьянъ существовалъ слѣдующій способъ экономіи хлѣба. Поскольку они замѣчали, что его можетъ не хватить до весны, они ложились на печку и впадали въ родъ летаргическаго сна, носившаго техническое названіе «лежки». Они пробуждались разъ въ день, чтобы съѣсть кусокъ хлѣба, напиться воды, иногда протопить печь. Очень осторожно исполняли они всякую работу, чтобы не двигаться и не вызывать аппетита. Въ такой избѣ всю зиму господствуетъ темнота и тишина: въ разныхъ углахъ ея, чаще всего на печи, кучами, либо отдѣльно, оледневается, экономя силы, вся семья. «Такое явленіе, замѣчаетъ описывающая его газета, не представляетъ исключенія. Оно встрѣчается не только въ разныхъ семьяхъ, но по цѣлымъ деревнямъ, волостямъ, уѣздамъ. Въ продолженіе долгой зимы глубокой сонъ господствуетъ въ крестьянскихъ хатахъ, день превращается въ ночь, подъ крыльями которой скрываются тысячи спящихъ тѣлъ почти безъ слѣдовъ жизни. Все спитъ и люди, и животныя, и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ живая человѣческая рѣчь замѣняется соннымъ храпомъ».

Пусть это явленіе исключительное, а, можетъ, и нѣсколько «стилизованное», но крестьянское обнищаніе, какъ

универсальный фактъ послѣреформеннаго крестьянскаго земледѣльческаго существованія едва ли будетъ къмъ-нибудь опровергаться. Какая связь этого явленія именно съ общиннымъ порядкомъ землепользованія? Ясно, что община не могла ничѣмъ помочь въ борьбѣ съ этимъ явленіемъ. Дѣйствительно, крестьяне были посажены на сокращенную земельную площадь, эта площадь была отгорожена непроницаемыми границами, отливъ крестьянскаго населенія былъ всячески затрудненъ: чѣмъ могла въ такихъ условіяхъ помочь уравнительность землепользованія? Она могла только уравнивать всѣхъ во всеувеличивающейся нищетѣ.

Ясно и другое, а именно, что, хотя община и выдвинута была на первый планъ, она все же не есть причина этого явленія, ибо сама она есть явленіе производное. Основой земельного строя остается крестьянскій дворъ и самое существованіе и дѣйствіе общины есть лишь выводъ изъ существованія крестьянскихъ дворовъ.

Это становится совершенно ясно, если всмотрѣться въ послѣреформенный земельный строй, который, вопреки кричащимъ требованіямъ жизни, пріобрѣлъ силу постоянного порядка, признаваемого и властью и обществомъ своеобразнымъ утвержденіемъ и обнаруженіемъ русскаго національно-государственнаго быта.

Всѣ крестьяне являются по своей сословной обязанности земледѣльцами. Въ этомъ своемъ качествѣ они имѣютъ право на землю, къ которой они вмѣстѣ съ тѣмъ и прикрѣплены. Каждый крестьянинъ есть членъ двора и въ составѣ этого двора имѣетъ право на приложеніе своего труда къ землѣ и на кормленіе отъ земли; каждый крестьянинъ вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпокъ двору, который въ лицѣ домохозяина осуществляетъ надъ всѣми своими членами весьма широко очерченную публичную власть. Каждый дворъ имѣетъ опредѣленный участокъ земли и на этой территоріи организуетъ земледѣльство силами своихъ членовъ, которые такимъ образомъ имѣютъ право и несутъ обязанность трудиться, кормя себя и неся установленныя повинности по отношенію къ государству.

Совершенно ясно, что между принципомъ твердости границъ, отгораживающихъ территорію двора отъ остальной сельско-хозяйственной площади и тѣмъ принципомъ, что на этой территоріи весь составъ двора можетъ и долженъ кормиться и трудиться, неся установленныя повин-

ности по отношенію къ государству, заключается не и р и м и р и м о е п р о т и в о р ѣ ч і е. Перенесеніе стараго принципа крестьянскаго трудового домоводства, рожденнаго въ условіяхъ безбрежнаго земельного простора, на маленькую замкнутую территорію, есть кричащая экономическая несообразность. Изъ нея для прибылаго населенія есть лишь два выхода: либо фактически разрывая или сводя на нѣтъ прикрѣпленіе къ этой территоріи, уходить отъ земли на другіе промыслы, либо во что бы то ни стало расширять территорію двора. Такъ какъ уходъ прибылаго населенія былъ всячески затрудненъ, то крестьянская энергія уходила въ направленіи прежде всего расширенія земельной площади. Какъ могло происходить это расширеніе? Въ тѣхъ случаяхъ, когда границы двора были окочечательными (подворное землевладеніе), оставалось лишь арендовать или прикупать землю, т. е. уже какъ бы выходить за предѣлы замкнутаго крестьянскаго земельного строя. Однако, для значительной части крестьянскихъ дворовъ границы двора не были сдѣланы постоянными: дворы были объединены въ общину, которая на протяженіи своей территоріи могла ихъ уравнивать: неподвижная граница передвигалась отъ двора къ предѣламъ общины. Но общинные передѣлы между дворами могли имѣть рѣшающее значеніе лишь въ мѣру возстановленія равновѣсія между силами двора и его земельной площади въ условіяхъ достаточнаго избытка земли по всей общинѣ. Поскольку же такого избытка не было, эти передѣлы не устраняли кричащаго экономическаго противорѣчія, которое заключалось въ сохраненіи принципа публичной обязанности и публичнаго права крестьянъ пахать землю, примѣнительно къ территоріи, на которой фактически они не могли осуществить ни этой обязанности, ни этого права. Какой тутъ оставался выходъ? Въ предѣлахъ дѣйствующаго земельного строя выхода не было. Нужно было либо выходить за эти предѣлы въ порядкѣ той же покупки или аренды сосѣднихъ земель, либо нужно было расширить дѣйствіе этого земельного строя, т. е. принципъ уравнивательной передѣльности вывести за неподвижныя границы общины и вернуться къ тѣмъ поправкамъ, которыя въ свое время осуществлялись и на помѣщичьихъ и на казенныхъ земляхъ, но теперь уже въ порядкѣ созданія нѣкой планомерной системы. Это была идея чернаго передѣла, -- и она была зато.

жена въ дѣлѣ великой реформы! Можно сказать, что червь передѣлъ былъ предрѣшенъ въ тотъ моментъ, когда было сказано, что земля дается крестьянамъ для обезпеченія ихъ быта и выполненія ихъ повинностей по отношенію къ государству и помѣщику, и когда они были вмѣстѣ съ тѣмъ прикрѣплены къ землѣ, въ условіяхъ невозможности итти вглубь въ смыслѣ интенсификаціи земледѣлія.

Экстатическая мечта о черномъ передѣлѣ сдѣлалась универсальнымъ умоначертаніемъ крестьянъ. Они всѣми доступными имъ способами расширяли запашку. Они расширяли ее на своихъ земляхъ въ прямой ущербъ техникѣ хозяйства; они арендовали, платя голодные цѣны, землю сосѣднихъ помѣщиковъ; они прикупали все, что можно было прикупить — и все же имъ становилось все болѣе тѣсно и голодно, ихъ давилъ прессъ налоговъ и земельная тѣснота. Правда, эта земельная тѣснота была явленіемъ очень условнымъ. Если выразить ее въ пифрахъ и сопоставить съ земельной тѣснотой другихъ странъ, она вызываетъ недоувѣрчивую и ироническую улыбку. Само скромное улучшеніе техники могло бы, казалось, разрешить вопросъ! Но въ томъ то и была бѣда, что земельный режимъ, который былъ созданъ въ цѣляхъ форсированія экстенсивной распашки дѣйственныхъ пространствъ XVI и XVII в. в. и который могъ благополучно существовать въ условіяхъ спокойнаго разсаживанія крестьянскихъ дворовъ въ земельномъ просторѣ XVIII вѣка, этотъ режимъ консервированный для испытаннаго огромнаго прироста населенія XIX вѣка, искусственно пресѣкалъ возможность технического усовершенствованія крестьянами ихъ хозяйства. И тутъ было бы несправедливо взваливать вину на общину: подворная система землевладѣнія съ ея стойкой черезполосицей ничѣмъ не была лучше, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можетъ быть и хуже землевладѣнія общиннаго. Пагубная роль общины сказывалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что она практикой поравненія мѣшала накопленію собственническихъ настроеній. Крестьяне укоренялись въ мысли о необходимости и естественности упраздненія тѣхъ искусственныхъ границъ, которыя мѣшали ихъ разсаживанію по землѣ и нарушали исконное положеніе ихъ, какъ монополистовъ землепашества. Не надо, однако, и здѣсь слишкомъ много взваливать на общину. Этого ждало крестьянство и общинное, и подворное.

«Убѣжденіе въ необходимости или точнѣе сказать въ

неизбѣжности всеобщаго дѣлежа земли, говоритъ А. Я. Ефименко примѣнительно къ 70-80 годамъ, господствуетъ повсемѣстно одинаково въ общинной Великороссіи и участковой Малороссіи: земля есть мірская да Божья... Община ли является въ данную минуту владѣльцемъ земли или отдѣльное лицо — все равно: право на землю безусловно связано съ трудомъ... Крестьяне смотрятъ на настоящій порядокъ землевладѣнія спокойно... потому что они вполне убѣждены, что ихъ *summa jus* находятся въ надежныхъ рукахъ верховной власти, которая ждетъ лишь удобнаго момента для осуществленія этого ихъ права... Какъ же господа то будутъ жить, если отъ нихъ отберутъ землю, спрашиваетъ крестьянъ одинъ наблюдатель. «Мужикамъ — земля, панамъ — жалованье», т. е. для крестьянства страстно желанный «слушный часъ» вовсе не есть какой-нибудь коренной соціальный переворотъ... «Вишь ты какой умный панъ: не ждетъ дѣлежа, самъ своими руками отдаетъ», толковали крестьяне про одного помѣщика Черниговской губерніи, который подарилъ имъ кусокъ земли».

Первая революція показала, какую грозную реальность представляютъ эти крестьянскія мечты. Она показала воочию то, что сейчасъ кажется логически неотвратимымъ и что тогда казалось многимъ, если не всемъ, непредставимымъ. Она показала, что сосуществованіе того специфическаго земельного строя, который сложился для крестьянъ («крестьянское право») и того частнохозяйственнаго земельного строя, который по X тому дѣйствовалъ для некрестьянъ («дворянское право», по терминологіи крестьянъ) было невозможно.

И вотъ что здѣсь должно быть со всей возможной силой подчеркнуто.

Мы видѣли, что полтора вѣка, предшествующіе освобожденію крестьянъ, прошли подъ искажающимъ знакомъ юридически несообразной и морально несостоятельной идеи частной собственности помѣщиковъ на землю. Эта точка зрѣнія упраздняла самую возможность юридическаго оформленія крѣпостнаго состоянія, выбрасывала крестьянъ изъ сферы права и создавала тотъ параллелизмъ двухъ взаимоисключающихъ правовыхъ міровоззрѣній дворянства и крестьянства, о которомъ мы въ свое время подробно говорили. Великая реформа, слѣлавъ рядъ усгупокъ по существу, формально утвердила теорію дворян-

скаго максимализма. Если бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, состоялось крестьянское раскрѣпощеніе, эта несправедливость была бы забыта и на путяхъ свободнаго сотрудничества и свободной конкуренціи дворянство и крестьянство смѣшились бы въ общую массу равноправныхъ и полноправныхъ гражданъ.

Этого не случилось, и вотъ въ послѣреформенную эпоху сложилась новая, столь же юридически несообразная и тоже морально несостоятельная навязчивая идея, наложившая свою искажающую печать на весь социально-политическій обликъ Россіи: идея о публичномъ правѣ крестьянина на землю. Эта идея была юридически несообразна, такъ какъ она вытѣсняла изъ области права и просто изъ реальной дѣйствительности всякое частнохозяйственное отношеніе къ землѣ: если крестьянинъ есть обязательный землепашецъ и, какъ таковой, имѣетъ право на землю, то передъ этимъ его публичнымъ правомъ должно вступить всякое частнохозяйственное притязаніе, и право крестьянъ должно быть удовлетворено, хотя бы для этого нужно было вовлечь въ передѣлъ всю сельскохозяйственную территорию Россіи. Это разсужденіе логически неотразимо, и революціонныя теоріи въ сущности лишь додумывали до конца то, что осуществляло консервативное правительство и о чемъ мечтательно разсуждала либеральная общественность. Эта идея была и морально несостоятельна, ибо публичное право крестьянъ она опирала не на принципъ государственной необходимости (какъ то было въ условіяхъ московскаго крѣпостнаго строя), а на принципъ личнаго потребительскаго интереса крестьянъ. Крестьянское право на землю теперь не было оборотной стороной его обязанности кормить государство, а было основой его притязаній кормиться самому. Если извращеніе крѣпостнаго строя до реформы опредѣлялось тѣмъ, что помѣщикъ свою помѣщичью должность сталъ эксплуатировать въ своемъ личномъ интересѣ, то дегенерация крѣпостнаго строя послѣреформеннаго сказалась въ томъ, что экономически обреченный крестьянскій дворъ искусственно сохранялся уже не въ интересахъ государства, а въ его собственномъ потребительскомъ интересѣ.

Если бы еще эта задача была осуществима! Если бы можно было остановить жизнь и создать ту систему равновѣсія, которая была характерна для XVIII вѣка! Если бы

можно было вернуть Россію къ домоводственнымъ началамъ! Это была утопія. Крестьянское домоводство все равно распадалось даже и въ условіяхъ искусственной его охраны. Имущественная дифференціація въ составѣ деревни шла полнымъ ходомъ, и искусственныя мѣры борьбы съ ней ее не останавливали и не парализовали ея вредныхъ дѣйствій, а достигали лишь того, что парализовали полезную ея работу. Пресловутая фигура кулака, совмѣщавшаго въ себѣ элементы здороваго и крѣпкаго предпринимательства съ элементами зловреднаго ростовщичества, была въ этой своей двуликости созданіемъ именно крѣпостного строя. Въдѣ въ старое время, при низкомъ и для всѣхъ одинаковомъ уровнѣ сельско-хозяйственной техники, при слабомъ развитіи рынка, при экономической не только оправданности, но и неустранимости крестьянскаго двора, какъ универсальной агротехнической единицы, борьба съ дифференціаціей была не только мѣрой по сохраненію тяглового, но и была способомъ борьбы съ запусканіемъ пашни и съ вовлеченіемъ крестьянъ въ кабальную зависимость отъ вырастающаго въ ихъ средѣ новаго помѣщика. Для пониманія экономическаго смысла уравнительной политики эпохи расцвѣта крѣпостного строя нужно ясно отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что въ тѣ времена имущественная дифференціація означала не концентрацію земли въ однихъ рукахъ для веденія крупнаго хозяйства, отличнаго по своей технике отъ хозяйства крестьянскаго, а прежде всего означало либо просто выведеніе крестьянскихъ дворовъ изъ строя съ запусканіемъ пашни, либо превращеніе ихъ въ крѣпостныхъ новаго помѣщика, такъ же распоряжающагося все тѣми же универсальными крестьянскими дворами, какъ то дѣлали остальные помѣщики. Какъ это ни покажется парадоксальнымъ, но вопросъ о пользѣ или вредѣ уравнительнаго государственнаго вмѣшательства въ землевладѣніе казенныхъ крестьянъ можетъ быть оцѣниваемъ только подъ угломъ зрѣнія именно такой перспективныя созданія «спонтанныхъ» помѣщиковъ. Это ясно логически; это подтверждается и нѣкоторыми весьма краснорѣчивыми фактами изъ жизни черносошныхъ крестьянъ XVIII вѣка.

Совершенно иная была хозяйственная обстановка послѣ реформы. Тутъ дифференціація крестьянъ естественно должна была привести къ созданію класса крѣпкихъ хозяевъ, имѣющихъ возможность развивать свое хозяйство

и технически улучшать его, и класса профессиональных сельских рабочих. Этот процесс былъ если не окончательно парализованъ — жизнь была такъ сильна, что и въ условіяхъ связанности крестьянской жизни слогались и прогрессивныя предпринимательскія хозяйства, — то былъ во всякомъ случаѣ совершенно искаженъ послѣреформеннымъ земельнымъ строемъ. И это искаженіе нашло свое выраженіе именно въ подобномъ превращеніи простой и здоровой фигуры хозяина-предпринимателя въ сложную фигуру кулака.

Кулакъ въ его обличительной стилизаціи имѣетъ давность вѣковую. Фигура «міроѣда», имѣющаго цѣлый рядъ, иногда необыкновенно красочныхъ, мѣстныхъ обозначеній, встрѣчается и въ XVII вѣкѣ и пріобрѣтаетъ исключительную популярность въ послѣ-реформенную эпоху. Кулакъ сталъ воплощеніемъ всѣхъ семи смертныхъ грѣховъ! Нельзя отрицать, что въ немъ были черты дѣйствительно уродливыя, обусловленныя въ значительной мѣрѣ тѣми уродливыми условіями, въ которыхъ ему приходилось проявлять свою предпринимательскую энергію. Но не нужно забывать, что уходящее въ глубь вѣковъ отрицательное отношеніе къ кулаку есть вмѣстѣ съ тѣмъ во обще отрицательное отношеніе къ предпринимательству. Это есть явленіе, родственное средне-вѣковому отрицанію роста. Въ условіяхъ натурально-хозяйственного быта, въ коихъ жила наша деревня, каждый крестьянинъ ощущалъ себя имѣющимъ право на отвѣчающее его положенію въ государствѣ средне-достаточное обезпеченіе. Поскольку онъ выпадалъ изъ этого состоянія, онъ попадалъ подъ экономическое вліяніе своего сосѣда, которое имѣло тенденцію обратиться въ кабальную отъ него зависимость, противорѣчающую моральнымъ основамъ деревенскаго домоводственнаго быта. Между началомъ домоводственнымъ и предпринимательскимъ былъ неизбывный антогонизмъ. Отталкиваніе не отъ отрицательныхъ сторонъ той или другой личности кулака, а отъ самой идеи предпринимательства и отъ кулака, какъ отъ воплощенія этой идеи, было характернымъ и для литературной оцѣнки этого явленія въ по-реформенную эпоху.

А между тѣмъ если взглянуть въ кулака подъ угломъ зрѣнія допустимости и даже объективной цѣнности его предпринимательскаго порыва, кулакъ вырастаетъ именно въ ту эпоху въ фигуру пусть непривлекательную, но во

всякомъ случаѣ въ высокой степени значительную и въ плоскости хозяйственной и въ плоскости гражданской.

Вотъ какъ описываетъ это явленіе одинъ образованный и наблюдательный нѣмецкій экономистъ, посѣтившій Россію нѣсколько десятилѣтій спустя послѣ великой реформы.

«Немногіе хозяева держатъ деревню въ полнѣйшей зависимости отъ себя; когда они проходятъ по улицѣ, мужики кланяются имъ такъ же низко, какъ нѣкогда кланялись помѣщику. На мірскихъ сходахъ они господствуютъ, пользуясь голосами своихъ должниковъ: общинное владѣніе, за которое держатся именно они, служитъ скрытому развитію новой формы отчужденія рабочей силы. Шаткость права владѣнія обращается въ средство увеличенія числа болѣе слабыхъ хозяевъ.

«Даже по внѣшнему виду эти богатые хозяева отличаются отъ извѣстнаго типа русскаго крестьянина; они уже не напоминаютъ многострадальнаго мужика, лицо котораго заботы избороздили морщинами и рѣзкія черты котораго какъ будто бы созданы для модели художника; у этихъ міроѣдовъ, какъ ихъ называетъ народъ, черты лица полнѣе и самонадѣяннѣе, какъ будто они сами смотрятъ на себя, какъ на носителей будущаго и какъ на классъ возвышающійся среди общаго упадка.

«Выѣзжая съ вечерней зарей изъ Лозовенки, мы любовались видомъ необозримой меланхолической степи. На горизонтѣ, на заходящемъ солнцѣ, вырисовывалась характерная современная картина: самый богатый крестьянинъ и фактической господинъ Лозовенки обрабатывалъ съ помощью своихъ сыновей и работниковъ поле своихъ должниковъ. Три сильныхъ трехлемешныхъ плуга (буккера), въ каждый изъ которыхъ было запряжено по три пары воловъ, и за каждымъ изъ нихъ по одной боронѣ, въ которую также было запряжено по парѣ воловъ, всего, слѣдовательно, двѣнадцать паръ воловъ, дѣлали свою работу; за ними гордо шагала, надсматривая надъ работниками, самъ хозяинъ, насчитывающій въ своемъ хозяйствѣ двадцать паръ воловъ и множество лошадей; рядомъ съ нимъ одинъ изъ его сыновей сѣялъ при помощи сѣялки. Эта картина говорила противъ столь распространеннаго утвержденія относительно всеобщаго упадка русскаго крестьянина и, конечно, также противъ ученія, по которому общинное землевладѣніе разсматривается какъ залогъ ра-

венства и справедливости... Между тѣмъ, какъ мы по достоинству оцѣнивали техническій прогрессъ, воплощенный въ этой картинѣ, насъ не покидалъ вопросъ, не обрабатывалъ ли бы этотъ самый человекъ землю съ большимъ стараніемъ и любовью, если бы она представляла его наследственную собственность и онъ могъ бы надѣяться, что будетъ имѣть неоспоримое право передать ее со временемъ дѣтямъ...? Теперь господство надъ землей легко можетъ ускользнуть изъ его рукъ; поэтому онъ прямо вынужденъ господствующей формой землевладѣнія опутывать сѣтями ростовщичества большинство своихъ односельчанъ».

Такъ говорилъ явный недоброжелатель народничества, вбѣжденный сторонникъ европейскаго денежно-хозяйственнаго уклада. Предоставимъ теперь слово человеку, котораго никакъ нельзя заподозрить въ предвзятости, одному изъ столповъ народничества, Глѣбу Успенскому. Отмѣчая, что въ деревнѣ слушаются кулаковъ, онъ пишетъ:

«Да какъ, собственно говоря, и не слушаться ихъ? Что такое этотъ деревенскій «знатокъ» или вообще говоря нарождающийся или народившійся кулакъ? Это такой же еще недавно на памяти у всѣхъ сѣрый, бѣдный мужикъ, какъ сѣры и бѣдны сотни ему подобныхъ; и вотъ этотъ-то человекъ, почти при одинаковыхъ условіяхъ съ сосѣдями, сумѣлъ (очевидно, благодаря уму и даровитости) выдвинуться на Божій свѣтъ, сумѣлъ устроиться лучше всѣхъ, сумѣлъ лучше всѣхъ одѣться, завести хорошую скотину, сколотить деньги. Всякій знаетъ, что, чтобы выбиться изъ нужды, этому злодѣю нужно было работать вдвое противъ своихъ братьевъ. Собрать вотъ не поѣхалъ ночью на станцію, больно вишь темно и грязно, и волковъ боится, а нарастающій кулакъ не задумался сѣзять съ теплой печи и погналъ лошадь въ непогодь. У собрата ничего, а у нарастающаго кулака одинъ рубль. Нарождающійся кулакъ, несмотря на вьюгу и холодъ, всталъ въ глухую полночь и повезъ хлѣбъ въ городъ; онъ двумя часами поспѣлъ на рынокъ раньше своихъ братьевъ и взялъ дорожку. А сколько надобно имѣть твердости духа, чтобы отказать отъ вина, чтобы не пить, т. е. быть трезвымъ на всѣхъ сходкахъ, праздникахъ и т. д. Словомъ, всякій знаетъ, что человекъ, достигшій кулачьяго званія, достигъ благодаря уму, твердости воли, выносливости, терпѣнію и множеству другихъ качествъ, отличающихъ даровитаго человека, крѣ-

честь, какія не у всякаго. Какимъ же образомъ не слушать совѣта такого человѣка, который «самъ» умѣлъ выбиться изъ нужды? Надо только слушать его однимъ ухомъ. это тоже всякій знаетъ — такой человѣкъ будетъ, разумѣется, гнуть въ свою сторону всегда, но вотъ это и нужно изучить и узнать, какъ именно нужно гнуть въ свою сторону, играть себѣ въ руку. Нѣтъ сомнѣнія, что кулака давно бы сокрушили, сожгли, словомъ извели; глухая злоба, касающаяся его возростающаго благосостоянія, волнуетъ его сельчанъ-неудачниковъ; если же кулакъ продолжаетъ здравствовать, продолжаетъ расти, то этимъ онъ обязанъ исключительно только обаянію, которое производитъ его умъ».

Что-же, съ точки зрѣнія интересовъ Россіи, нужно было бороться съ такими явленіями и съ такими людьми, которыхъ въ другомъ мѣстѣ Успенскій надѣляется чертами гениальности, или нужно было стремиться поставить ихъ въ условія нормальнаго, устойчиваго, свободнаго существованія, когда могли бы проявиться во всей полнотѣ положительныя ихъ свойства и когда, при свѣтѣ дня и на вѣтру хозяйственной свободы, легко было бы парализовать вредное дѣйствіе ихъ отрицательныхъ сторонъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ въ отвѣтомъ на вопросъ о всемъ хозяйственномъ будущемъ Россіи. Вопросъ оцѣнки кулака былъ, въ сущности, вопросомъ: быть ли крестьянской Россіи предпринимательской, или оставаться домоводческой.

Къ концу XIX вѣка въ отвѣтственныхъ кругахъ, близкихъ къ деревнѣ, стало складываться твердое убѣжденіе въ томъ, что необходимо дать выходъ собственническому началу деревни и подвести подъ него твердую юридическую базу, что именно это есть очередной русской вопросъ. Первая русская революція ускорила событія. Она показала, что вопросъ перевода крестьянской психологіи въ русло частно-собственническое есть не просто вопросъ разрѣшенія сельско-хозяйственнаго кризиса, а вопросъ бытія Россіи. Въ центръ становилась не задача экономическаго улучшенія быта русскихъ крестьянъ, а реконструкція всего ихъ правосознанія. Когда то Ростовцевъ говорилъ Александру II, что онъ, освобождая крестьянъ, создалъ русскій народъ. Это было превеличеніе. Установлена была лишь одна изъ предпосылокъ для такого созданія. Главное еще не было сдѣла-

но. Нужно было изъ крестьянина создать субъекта правъ, создать правовую личность... И здѣсь также, какъ это ни странно, мысль обращается снова къ уже цитированному мною Глѣбу Успенскому. Это была замѣчательная фигура! Онъ былъ въ плѣну своихъ народническихъ убѣжденій, но какъ художникъ, Богомъ отмѣченный, онъ то и дѣло вылъзаль, такъ сказать, изъ самого себя и, вопреки своимъ собственнымъ социально-политическимъ убѣжденіямъ, возвышаясь надъ ними, изображалъ вещи и высказывалъ мысли, которыя вели на пути, находящіеся въ полнѣйшемъ противорѣчій съ его взглядами, и которыя бывали отмѣчены порой печатью потрясающей правды. Вотъ одно размышленіе Успенскаго, которое способно буквально потрясти своей глубиной и пронизательностью. Его пугалъ «океанъ людей», его окружавшихъ, его пугало отсутствие въ немъ «личностей».

«...Если сдѣлать попытку опредѣленія характерныхъ чертъ русской земли, говорилъ онъ, которая, какъ уже сказано, одновременно и убога, и могуча, и обильна, безсильна, то и окажется, что и обильна она тѣмъ, что Господь Богъ далъ ей даромъ: обильна полями, лѣсами, морями, рѣками, и звѣремъ, и птицей, и камнемъ, желѣзомъ, серебромъ и золотомъ, а убога она тамъ, гдѣ надо распорядиться всѣмъ этимъ добромъ такъ, чтобы на этой большой и обильной землѣ не плакалъ и притомъ понапрасну бы не плакалъ человѣкъ. Истребить добро — можемъ. Превратить Волгу въ сухое мѣсто, также можемъ. И могучей она оказывается тамъ, гдѣ также безъ ея нравственныхъ усилій, волей ржаного поля и кормильца колоса, созданъ для нея великолѣпный типъ человѣка, который можетъ сказать про себя: «я самъ слуга и хозяинъ»; могуча она тою дисциплиной, которую вноситъ въ жизнь этого человѣка это ржаное поле, могуча она его терпѣливостью, воспитаннымъ тѣмъ же полемъ, его безропотностью, къ которой приучило его то же поле — ну, а вотъ тамъ, гдѣ надо стоять своей совѣстью и своею (разрядка Успенскаго) нравственною силой за правду и за благообразіе человѣческихъ отношеній, благообразіе не случайное, какъ узоръ мороза, а необходимое во имя справедливости, увы! тутъ она покуда «безсильна»...

Первая русская революція и поставила вопросъ о необходимости создать въ русскихъ крестьянскихъ низахъ именно такую «личность», способную стоять с во ей нрав-

ственной силой за благообразіе человѣческихъ отношеній. Столыпинскую реформу, чтобы правильно ее понять, нужно вдвинуть именно въ такой планъ, а не истолковывать ее, какъ своего рода техническую мѣру самозащиты русской государственности и русской культуры отъ вздымающагося моря крестьянской темноты. Впрочемъ, и для такой самозащиты наступали послѣдніе сроки: крестьянское море вздымалось и подступало. Требованіе крестьянства было очень ясно. Когда крестьянскихъ депутатовъ проводжали въ Государственную Думу имъ говорили: «ѣзжайте, но безъ права, безъ свободы, безъ земли не прѣзжайте». «Мы собрались послѣ аграрной войны, чтобы теперь закономъ закрѣпить землю», заявилъ одинъ крестьянскій депутатъ въ I-й Думѣ. «Господа дворяне, заявляя другой крестьянскій депутатъ во II-й Думѣ, знайте, что всякій родившійся человѣкъ долженъ быть съ землей. Но у насъ вы ее отняли, поэтому у насъ опять неприкосновенная, «священная собственность»... Богъ сотворилъ человѣка и вручилъ ему землю, но у насъ ея нѣтъ; почему это? Я прямо скажу и откровенно: украли у насъ землю, мы пришли сюда взять ее... Земля наша, мы пришли сюда не покупать ее, а взять».

Чѣмъ можно было остановить эту волну лугачевщины? Нужно было создать изъ крестьянъ собственниковъ; нужно было произвести не экономическую, а правовую реформу. Нужно было, какъ это правильно формулировалъ Чичеринъ, еще нѣсколько десятилѣтій передъ тѣмъ, перевести крестьянъ изъ одного «гражданскаго порядка» въ другой. Нужно было создать крестьянскую «личность», опирающуюся на укорененную въ немъ идею личной собственности.

Столыпинскую реформу часто мельчаютъ, сводя ее къ его политикѣ утвержденія въ Россіи отрубной и хуторской формы хозяйства и еще болѣе мельчаютъ, сводя оцѣнку этой реформы къ оцѣнкѣ тѣхъ пріемовъ, иногда можетъ быть бюрократически торопливыхъ, административной техники насажденія этой новой формы крестьянскаго хозяйства. Столыпинская реформа по справедливости должна быть оцѣниваема въ гораздо болѣе широкомъ планѣ, а именно, какъ подлинное и окончательное (такъ по крайней мѣрѣ, казалось въ то время!) освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Это освобожденіе было многообразно. Крестьянинъ,

былъ освобожденъ отъ административной крѣпости міру. Онъ былъ освобожденъ отъ хозяйственной крѣпости общинѣ. Онъ былъ освобожденъ отъ патріархальной крѣпости двору. Землеустроительная политика Столыпина была лишь агротехническимъ оформленіемъ земельныхъ правъ выдѣляющагося свободнаго крестьянина-собственника, созданнаго реформами Столыпина.

Столыпинская реформа была огромнымъ социальнополитическимъ переворотомъ. Она подводила фундаментъ подъ то здание правового государства, которое было сооружено въ эпоху Александра II и подъ нашу молодую конституцію. Въ исторической перспективѣ становится совершенно яснымъ, что та собственническая реорганизация крестьянства, которая началась при Столыпинѣ, была необходимой предисловіемъ нашего конституціоннаго строя и что поскольку этотъ строй у насъ началъ уже осуществляться, это происходило какъ бы въ кредитъ подъ наше будущее. Правильное и безперебойное функционированіе конституціонной системы въ Россіи могло наступить только послѣ прекращенія въ Россіи гражданской войны, а сейчасъ, въ исторической перспективѣ, опять-таки совершенно ясно, что осуществленіе столыпинской реформы было мирной гражданской войной.

Русскую историческую арену заполняли двѣ, находящіяся въ состояніи упорядоченной и безкровной гражданской войны, фигуры: крестьянинъ-общинникъ (сохранимъ за нимъ это условное обозначеніе) и крестьянинъ-собственникъ. Думскіе дѣятели того времени едва ли достаточно ясно сознавали, что подавляющими реальностями окружавшей ихъ политической обстановки были: личность Столыпина, какъ представителя милліоновъ слагающихся крестьянскихъ личностей, и безличный «океанъ людей», грозный шумъ котораго звучалъ въ настойчивомъ утвержденіи крестьянскихъ депутатовъ — «Земля наша, мы пришли ее взять». Они едва ли достаточно ясно понимали, что, пока эта борьба не разрешилась, ихъ роль не только въ значительной мѣрѣ декоративна, но просто призрачна.

Гражданская война въ деревнѣ обнаружила явный и сравнительно очень быстрый успѣхъ собственнической стороны. Царство середняка кончалось въ Россіи. Фланги стали все рѣзче и рѣзче обозначаться. Низъ деревни обезземеливался и переходилъ въ положеніе городскихъ или

сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, верхъ превращался въ стойкихъ крѣпкихъ маленькихъ сельско-хозяйственныхъ предпринимателей. Середина, конечно, должна была быть постепенно размыта и разслоиться по этимъ двумъ основнымъ направленіямъ. Означало ли это ухудшеніе экономическаго положенія деревенскихъ низовъ, въ частности сельско-хозяйственнаго пролетаріата? Предоставимъ слѣдовать одному изъ видныхъ экономистовъ, котораго нельзя занодозрять въ оптимистическую переоцѣнку экономическихъ послѣдствій столыпинской реформы, Н. П. Огановскому. Въ 1917 году онъ писалъ: «Положеніе нашего труда въ сельскомъ хозяйствѣ сильно измѣнилось. Ростъ городовъ, мобилизація земель, переселеніе, интенсификація, даже землеустройство разрѣдили огромные запасные кадры сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ перенаселенныхъ губерніяхъ земледѣльческаго центра. Полтора милліона дворовъ (считая вмѣстѣ съ переселенцами) расширили свою территорію, другіе нашли приложеніе своему избыточному труду въ интенсифицирующемся хозяйствѣ. Третьи эмигрировали въ Америку или нашли болѣе выгодный рынокъ труда въ Германіи. Эти и другія причины способствовали пониженію земледѣльческаго отхода изъ центра на югъ, который за послѣднее пятилѣтіе пагъ на 30-40 процентовъ. Въ то же время спросъ на рабочія руки со стороны помѣщиковъ, переходящихъ на болѣе интенсивное хозяйство, увеличился, благодаря чему конъюнктура рынка сельско-хозяйственнаго найма стала гораздо болѣе выгодной для рабочихъ».

Россійскія пространства стали расщипаться отъ обломковъ крѣпостничества. Въ быстромъ темпѣ слагались двѣ главныя опоры хозяйственно возрождающейся Россіи: мелкое предпринимательское хозяйство, идущее на смѣну крестьянскому двору, и крупное предпринимательское хозяйство, идущее на смѣну помѣщичьей усадьбѣ.

Война и революція смѣшали всѣ карты. Гражданская война, начавшая было затихать (любопытно, что число крестьянскихъ поджоговъ въ самые послѣдніе годы дробной войны стало замѣтно падать) застыла и какъ бы притаилась. Революція дала рѣшительный понятный ходъ процессу собственнической трансформации Россіи и обусловила исключительной силы рецидивъ крѣпостническихъ настроеній въ деревнѣ. Не мѣсто здѣсь разбираться въ социологической природѣ этого явленія. Существенно то,

что деревня какъ бы сбросила поверхностную накипь собственности и вся цѣликомъ, за ничтожными исключениями, окунулась въ XVII и XVIII вѣкъ.

Если всмотрѣться въ то, что произошло въ деревнѣ за первый годъ революціи, можно легко установить, что это было возстановленіемъ, въ демократическо-потребительскомъ вариантѣ, той неписаной конституціи московскаго земельного строя, о которой мы въ свое время говорили. Тамъ земля была царева, здѣсь она оказалась землей народа. Тамъ монополистомъ землепашества былъ крестьянскій дворъ, какъ трудовая сила, несущая обязанность по распашкѣ земельныхъ пространствъ; здѣсь—тотъ же крестьянскій дворъ, въ качествѣ такого же монополиста землепашества, но уже не по признаку трудовой обязанности пахать землю, а по признаку потребительскаго права кормиться отъ нея. Въ связи съ этимъ, чисто потребительскимъ обликомъ новаго крѣпостного строя оказался безъ примѣненія третій пунктъ бывшей неписаной конституціи. не только не было помѣщика, но не было и никого, кто бы выполнялъ его роль по осуществленію надзора за дѣятельностью крестьянскаго хозяйства, какъ государственнаго кормильца. Крестьянство получило «землю и волю» въ томъ смыслѣ, какъ оно привыкло понимать этотъ и ему подобные лозунги испоконъ вѣковъ — какъ нѣкое безпечально-анархическое состояніе, когда земли вдоволь, а обязанностей никакихъ.

Дѣйствительность очень разочаровала крестьянъ. Правда, она была очень осложнена такими существенными входящими обстоятельствами, какъ гражданская война, какъ экономическое захирѣніе города и перерывъ нормальныхъ сношеній съ нимъ, какъ принимающее все болѣе и болѣе грубую форму вмѣшательство совѣтской власти и т. д. Но, за всѣмъ тѣмъ, деревнѣ становилось ясно, что и внѣ этихъ осложняющихъ обстоятельствъ черныи передѣлъ неспособенъ дать ей никакого благополучія. Сказка, манившая крестьянъ въ теченіе многихъ десятилѣтій, разлетѣлась какъ дымъ.

А вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтская власть, принявъ новый, установленный для себя деревней, земельный строй, стала все съ большей и большей настойчивостью проводить въ жизнь третій выпавшій членъ изъ исконной крѣпостной конституціи: она стала возстановливать хозяйствен-

ную диктатуру надъ крестьянами на предметъ возвращенія ихъ изъ роли фдоковъ къ роли тягловцовъ...

Вмѣшательство совѣтской власти въ сельско-хозяйственную жизнь страны можетъ быть изображаемо въ двухъ разныхъ теоретическихъ планахъ. Оно можетъ быть излагаемо въ терминахъ социализма, какъ исчерпывающаго регулированія хозяйственной жизни страны. Оно можетъ быть, однако, совершенно точно и вразумительно излагаемо и виѣ всякаго обращенія къ этому циклу идей въ терминахъ крѣпостного строя. Этотъ фактъ самъ по себѣ очень интересенъ и многое можетъ открыть и изслѣдователю крѣпостного строя, и изслѣдователю социализма. Я, конечно, не могу здѣсь останавливаться на этой любопытнѣйшей проблемѣ и буду изображать, въ самыхъ общихъ чертахъ, совѣтскую земельную политику, отвлекаясь отъ социализма и вводя совѣтскія мѣропріятія въ термы и логику крѣпостного строя. Никакого насилія такой методъ надъ совѣтскими мѣропріятіями не совершаетъ. Никакого насилія онъ не совершаетъ и надъ институтомъ крѣпостного строя, поскольку они воспринимаются въ организационно-техническомъ, а не правовомъ аспектѣ.

Истекшіе годы совѣтскаго владычества представляютъ собой примѣнительно къ землѣ и сельскому хозяйству картину очень рѣзкихъ зигзаговъ. Возстановивъ однажды — правда болѣе на бумагѣ — послѣдовательно проведенный строй хозяйственной диктатуры, совѣтская власть раскрѣпостила было деревню, чтобы отъ довольно широкой свободы, предоставленной было крестьянству въ дѣлѣ хозяйствованія и земельного устроенія, вновь перейти къ очень глубокому и всеобъемлющему овладѣнію крестьянскимъ хозяйствомъ, зажатымъ въ конечномъ итогѣ въ такіе тиски, которые являются безпримѣрными въ анналахъ русскаго крѣпостного строя.

Каковы были главныя черты совѣтскаго крѣпостного строя въ его первой, въ значительной мѣрѣ бумажной, редакціи?

Совѣтская власть приняла, какъ нѣкоторый фактъ, результаты чернаго передела, т. е. распредѣленіе земли не по признаку силы, а главнымъ образомъ по принципу потребительскому. Ограничиваясь въ началѣ просто захватомъ пужаго ей хлѣба въ порядкѣ самого элементарнаго военнаго насилія, она къ 21 году остановилась на широко задуманномъ проектѣ видѣть въ порядкѣ универсальнаго

го плана всѣми крестьянскими дворами. Каждый дворъ долженъ былъ получить опредѣленное задание и необходимыя для выполненія этого задания средства въ видѣ сѣмянъ и инвентаря и т. д. и все свое производство долженъ былъ, за покрытіемъ установленныхъ нормъ потребления, отдать государству. Совѣтская власть захотѣла сыграть роль какъ бы «мужичьяго царя», владѣющаго крестьянами безъ посредства помѣщиковъ!

Эта система оказалась весьма неудачной для совѣтской власти: хозяйственные приказы, за которыми стоялъ одинъ лишь голый штыкъ, не оказали того дѣйствія, которое въ свое время оказывала помѣщичья хозяйственная диктатура. Поля остались незасѣянными въ той части, съ которой могъ бы идти хлѣбъ казнѣ. Крестьянство засѣвало только то, что ему было нужно для своего потребления. Поскольку у него отбирали хлѣбъ, оно само обрекалось на голодъ. Ленину пришлось уступить. Наступилъ НЭП, который означалъ отмѣну скороснѣлаго новаго крѣпостного строя.

НЭП означалъ эту отмѣну не только въ смыслѣ отъказа совѣтской власти отъ хозяйственной диктатуры по отношенію къ крестьянамъ. Онъ означалъ и прекращеніе крестьянскихъ передѣловъ. Крестьяне остались въ положеніи монополистовъ землепашества, но землевладѣніе ихъ должно было — таково было недвусмысленное заданіе НЭП-а! — пріобрѣсти устойчивый характеръ. Въ сущности говоря, въ новыхъ словесныхъ формахъ и въ декоративномъ убранствѣ народнической и марксистской фразеологии, оказалось восстановленнымъ то положеніе, которое было до революціи: деревня была предоставлена себѣ для разрѣшенія ея внутренняго спора между общинниками и единоличниками. Однако, если до революціи эта борьба велась въ условіяхъ настойчиваго поощренія правительствомъ единоличниковъ противъ пассивно и активно сопротивляющейся массы психологически еще косвѣющаго въ крѣпостничествѣ крестьянства, то теперь роли переменялись. Правительство, формально объявляя нейтралитетъ, сравнительно быстро отъ него отказалось и стало, болѣе или менѣе активно, бороться съ единоличниками и все рѣшительнѣе поощрять тѣ слои деревни, которые представляли собой общинно-домоводческую стихію крестьянства.

Я не могу излагать драматическихъ перипетій той борьбы, которая развернулась въ деревнѣ. Общій итогъ

ея свелся къ тому, что совѣтская власть на всѣхъ фронтахъ ея наступленія противъ крестьянина-единоличника оказывалась безнадежно разбитой. Пыталась ли она возродить къ жизни уравнительные передѣлы, сочетая землеустройство съ перераспредѣленіемъ земли по нормамъ или искусственно поддерживая общинное землепользованіе — въ порядкѣ внутре-общественныхъ сдѣлокъ земля оказывалась перераспредѣленной и попадала въ сферу экономического вліянія быстро окрѣпшаго зажиточнаго слоя деревни. Занималась ли совѣтская власть насажденіемъ коллективныхъ хозяйствъ, всячески ею привилегированныхъ и одаряемыхъ всякими благами — всѣ эти блага и выгоды либо шли на пользу случайнымъ участникамъ быстро распающихся колхозовъ, либо шли на пользу колхозу, который въ этомъ случаѣ самъ оказывался ширмой для укрывающагося въ немъ деревенскаго предпринимателя. Въ темпѣ исключительно быстромъ деревня разслоилась. Тотъ процессъ, который начался при Столыпинѣ, завершался съ такой скоростью, что если бы ходъ вещей въ деревнѣ былъ предоставленъ своему естественному теченію, собственническая трансформация деревни, съ превращеніемъ ея населенія въ классъ крѣпкихъ хозяевъ и классъ безземельныхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, оказалось бы завершенной на протяженіи, быть можетъ, немногихъ лѣтъ.

Въ нашемъ распоряженіи, конечно, нѣтъ матеріала, который давалъ бы возможность точно возстановить исторію деревни за истекшіе тринадцать лѣтъ революціи. Но и тотъ оффиціальнѣйшій матеріалъ, который сдѣлался достояніемъ гласности, и довольно многочисленный, въ отдѣльныхъ случаяхъ очень цѣнный, монографическія изслѣдованія по отдѣльнымъ районамъ, волостямъ и даже деревнямъ совѣтской Россіи, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что взлетъ крестьянской хозяйственной энергіи и тяга крестьянъ къ частной собственности на землю и къ свободному предпринимательству, достигали огромнаго напруженія. Можно безъ преувеличенія сказать, что если бы русская революція кончилась на НЭП-ѣ, деревня обнаружилась бы такой огромный хозяйственный расцвѣтъ, который быстро далъ бы возможность залѣчить раны и войны и революціи.

Мнѣ помнится фраза одного изъ убѣжденнѣйшихъ дѣятелей столыпинскаго землеустройства. Въ эпоху бѣлой

борьбы онъ какъ то говолил мнѣ: «Если бы можно было себѣ представить, что въ порядкѣ злосчастнаго чернаго передѣла, во всей его страшной разрушительности, оказалась бы похороненной уравнильно-передѣльская психологія крестьянъ, можетъ быть эта страшная цѣна оказалась бы въ значительной мѣрѣ оправданной». Я склоненъ думать, что въ существѣ подобный результатъ былъ достигнутъ: черно-передѣльская революція убила идею чернаго передѣла. Она убила и то исходное ея начало, которое было искусственно поддерживаемо и консервируемо въ послѣреформенную эпоху - - домоводческой крестьянскій дворъ. Въ бурѣ и грозѣ революціи получалъ боевое крещеніе крестьянинъ-предприниматель. И всѣ данныя говорятъ за то, что и этотъ результатъ можно было бы дѣйствительно записать въ активъ революціи, если бы...

Роковая роль совѣтской власти свелась къ тому, что она обрушилась всѣми силами своего неслыханнаго государственнаго принужденія на этого крестьянина предпринимателя. Я не могу излагать исторіи этой борьбы совѣтской власти съ русскимъ крестьянствомъ и долженъ перейти къ изображенію конечнаго этапа этой борьбы, когда она приняла форму вторичной реставраціи крѣпостного строя.

То, что сейчасъ дѣлаетъ Сталинъ представляетъ огромный интересъ подъ угломъ зрѣнія сопоставленія его мѣропріятій съ богатымъ крѣпостнымъ опытомъ Россіи. И здѣсь можно, опять не совершая никакого пасилія надъ его мѣропріятіями, отвлечься отъ его социалистическихъ заданій и изложить его земельную сельскохозяйственную политику въ терминахъ крѣпостного строя - эпохи его разложенія.

Сталинъ помнилъ неудачный опытъ хозяйственной диктатуры, примененной московскимъ центромъ непосредственно къ крестьянскимъ дворамъ, и Сталинъ понялъ, что организовать такую крѣпостную систему, которая бы смывала хлѣбъ, нельзя, опираясь на середняковъ, т. е. на крестьянъ потребителей. Для Сталина было два пути: либо нужно было ладить съ крестьяншномъ-предпринимателемъ. Это была теорія дояльнаго ИЭП-а, пріятіе параллельнаго существованія буржуазной деревни и социалистическаго города. Этотъ путь былъ исхоженъ до того мѣста, когда обнаружилось, что всякій дальнѣйшій шагъ на немъ есть конецъ совѣтской власти. И это не только въ томъ

смыслѣ, что нейтралитетъ совѣтской власти по отноше- нію къ предпринимательской деревнѣ создавалъ крупную политическую силу, которая начинала предъявлять претензіи на влияние и власть, но и въ томъ смыслѣ, что «да- дить» съ предпринимательской деревней значило давать ей за хлѣбъ городскіе товары, а для этого нужно было раскрѣпить и социалистическій городъ: казенная про- мышленность снабдить крестьянъ товаромъ оказывалась не въ силахъ. Другой путь былъ война съ крестьяниномъ- предпринимателемъ, но война не въ расчетъ на сплошное домоводческое осередняченье Россіи, а, напротивъ, въ раз- счетъ на упраздненіе и предпринимательскаго кулака и домоводственнаго середняка. Изъ людской крестьянской массы и изъ наличнаго крестьянскаго инвентаря нужно было создать большія экономіи, въ которыхъ, въ услови- яхъ принудительнаго труда, производился бы нужный со- циалистическому городу хлѣбъ.

Дикая мечта, бредъ сумасшедшаго! Такъ казалось. Но эта мечта и этотъ бредъ сейчасъ съ огромной энергіей и настойчивостью проводится въ жизнь.

Однако такой ли это бредъ, какъ это казалось? Нуж- но признаться, что когда казалось непредставимымъ об- ращеніе совѣтской власти на этотъ путь, мысль наша, зарубежныхъ наблюдателей совѣтской дѣятельности, опиралась, главнымъ образомъ, на политическую неосуществимость подобной реформы. Огорвать крестья- нина отъ земли и тѣмъ опрокинуть всемі, казалось бы, признанное социальное достиженіе революціи? Вещь не- возможная! Но если допустить, что политически эта невозможная вещь оказалась возможной, то нужно при- знать, что экономически планъ Сталина отнюдь не является бессмысленнымъ.

Первый вариантъ совѣтскаго крѣпостнаго строя былъ нелѣпъ и несообразенъ. Это была бумага. Нельзя коман- довать изъ одного центра 20 милліонами дворовъ, подѣ- лившихъ землю въ цѣляхъ собственнаго кормленія, и ду- мать, что изъ этого приказа, хотя бы за нимъ стоялъ штыкъ, можетъ получиться избыточный хлѣбъ, кормящій страну. Но лишить крестьянскіе дворы ихъ надѣловъ, об- разовать на болѣе или менѣе крупныхъ площадяхъ нова- го типа барскую запашку и заставить крестьянъ своимъ инвентаремъ обрабатывать эту папашку, свозя зерно въ но- ваго типа барскіе амбары, и такимъ образомъ создавать

хлѣбные запасы, необходимыя для социалистическаго города — здѣсь экономической нелѣпности и несообразности нѣтъ.

Я сейчас отвлекаюсь отъ тѣхъ сталинскихъ мѣропріятій, которыя опираются на новую техническую базу. Въ какой то мѣрѣ Сталину, можетъ быть, удастся созданіе огромныхъ латифундій, составленныхъ изъ бывшихъ крестьянскихъ надѣловъ и изъ бывшихъ помѣщичьихъ имѣній, на которыхъ съ примѣненіемъ тракторовъ и другихъ техническихъ приспособленій будутъ пущены въ ходъ американскаго типа зерновыя фабрики, обслуживаемыя принудительнымъ трудомъ крестьянской массы. Такое хозяйство находится уже внѣ логики и терминовъ крѣпостного строя. Это чистаго вида рабское хозяйство. Подобныя хозяйства являются сейчасъ единицами, еще не задающими тона.

Характеръ массоваго явленія носятъ другія формы эксплуатаціи народнаго труда, которыя допускаютъ достаточно точную аналогію съ явленіями крѣпостного строя и крѣпостного хозяйства.

Мы помнимъ, что разложеніе помѣщичьяго крѣпостного строя въ предреформенную эпоху выразилось въ томъ, что помѣщики стали согнать крестьянъ съ ихъ надѣловъ и на мѣсто исконнаго порядка, при которомъ крестьянскій дворъ половину своего времени отдавалъ барину, обрабатывая его пашию, а другую половину тратилъ на себя, обрабатывая свою пашию, начали устанавливать такой порядокъ, при которомъ трудъ крестьянъ бывалъ используется «на 100 процентовъ» въ пользу помѣщика. Я не останавливался на изображеніи тѣхъ разнообразныхъ приемовъ, которые тутъ примѣнялись помѣщиками. Всѣ они впирались въ одинъ и тотъ же принципъ: крестьянинъ есть лишь орудіе, часть инвентаря, который нужно какъ то содержать, но который своего самостоятельнаго домоводческаго существованія уже не ведетъ. Своеобразиемъ этого переходнаго типа хозяйствованія было то, что часто работа здѣсь велась крестьянскимъ инвентаремъ — остаткомъ величія прежняго крестьянскаго двора въ его прежнемъ качестве самостоятельнаго домоводства!

То, что сейчасъ происходитъ въ Россіи есть примѣненіе въ огромномъ, всероссійскомъ масштабѣ именно этого приема, сложившагося въ процессѣ разложенія хозяйственной диктатуры помѣщиковъ надъ крестьянами.

Дѣйствительно, всмотримся въ современный сталинскій колхозъ, получившій названіе артели и объявленный господствующей сейчасъ формой хозяйства.

Устанавливается опредѣленная территорія. Всѣ крестьянскіе дворы, сидящіе на этой территоріи лишаются своихъ пахотныхъ земель, которыя обводятся одной межей и превращаются въ одинъ сплошной земельный массивъ. На крестьянъ налагается обязанность своимъ инвентаремъ обработать всю эту землю. Для этого они извѣстнымъ образомъ объединяются, и тутъ детальное разсмотрѣніе практики сталинскихъ колхозовъ могло бы дать любопытныя и, можно было бы сказать, если бы было до смѣха, просто забавныя аналогіи съ нѣкоторыми помѣщичьими пріемами, сохраненными намъ исторіей крѣпостного хозяйства. Помѣщичье хозяйство, пытавшееся, пользуясь принудительнымъ трудомъ крестьянъ, организовать капиталистическое предпріятіе, встрѣчалось на своемъ пути съ организаціонными трудностями, связанными съ домоводственной неповоротливостью крестьянскаго двора. Что съ нимъ было дѣлать. Иногда его просто разбивали. Крестьянъ переводили въ бараки и сажали на мѣсячину. Пыталась это дѣлать и совѣтская власть. Это было даже объявлено всеобщимъ заданіемъ: предполагалось вывести крестьянъ изъ ихъ дворовъ и сдѣлать колхозными работниками. Быстро, однако, совѣтская власть отказалась отъ этого заданія: бараки нужно было строить и крестьянъ пришлось бы кормить! Болѣе распространеннымъ былъ у помѣщиковъ другой пріемъ: сгруппированіе крестьянскихъ дворовъ въ болѣе крупныя единицы и дача имъ совмѣстнаго заданія. А это и есть то, что сейчасъ является общепринятымъ методомъ организаціи колхозной работы: крестьянскіе дворы объединяются въ такъ называемыя «бригады». Повидимому въ рѣдкихъ случаяхъ сведеніе работниковъ колхоза въ бригады покоится на принципѣ раздѣленія труда между отдѣльными бригадами. Есть основаніе думать, что общепринятымъ методомъ является именно группированіе сосѣднихъ дворовъ и дача имъ общаго урока. Аналогія полная! Это — частныя сближенія. Онѣ сводятся къ общему: колхозные крестьяне выполняютъ на Сталина барщину, причѣмъ эта барщина не трехдневная, а сплошная, при которой они получаютъ произвольно опредѣляемый продовольственный пай за свою работу.

Эта система считается переходной. Куда она перейдетъ, это, конечно, гадательно. Сейчасъ можно констатировать одно: крестьянство въ значительной своей массѣ посажено на тотъ типъ барщины, которая была и з в р а щ е н і е м ъ крѣпостной барщины и была на грани превращенія крѣпостного крестьянина въ рабочаго раба. Если совѣтская власть не окончательно превращаетъ крестьянина въ рабочаго раба, то это опредѣляется однимъ соображеніемъ, которое она съ полной откровенностью и высказываетъ: брать крестьянина на свое полное иждивеніе совѣтская власть не хочетъ. Крестьянину оставляется его дворъ, чтобы онъ на своемъ усадебномъ участкѣ остающимися свободными силами его и его семьи велъ хозяйство, если не цѣликомъ его кормящее, то во всякомъ случаѣ въ значительной мѣрѣ облегчающее продовольственныя обязанности, лежащія на колхозѣ.

Такова модификація барщины, воспринятая совѣтской властью.

Есть и своеобразная модификація оброка.

Совѣтская власть знаетъ оброкъ и денежный, и натуральный. Денежнымъ оброкомъ является сельхозналогъ въ видѣ допущеннаго имъ индивидуальнаго обложенія зажиточныхъ крестьянъ. Поскольку этотъ сельхозналогъ не является въ такихъ случаяхъ просто способомъ конфискаціи крестьянскаго имущества, онъ есть индивидуальное обложеніе «по силѣ» даннаго крестьянскаго двора. Натуральный оброкъ облекается въ форму такъ называемой контрактации. По заданію контрактация должна была быть чѣмъ то вродѣ сплошной государственной организаціи крестьянскаго хозяйства съ предписаніемъ каждому двору опредѣленнаго хозяйственнаго заданія. Практически она свелась къ вещи гораздо болѣе простой: къ натуральному оброку, взимаемому на началахъ круговой поруки и подъ отвѣтственностью мірскихъ властей.

Мы видимъ, что арсеналъ мѣръ, примѣняемыхъ совѣтской властью, имѣетъ довольно солидную давность: все это орудія, выкованныя въ XVI и XVII вѣкѣ и, казалось раньше, навсегда сданныя въ историческій музей. Сейчасъ они технически подновлены и пущены въ ходъ. Для какой цѣли?

Для всякаго публично правового властвованія характерно начало цѣлевой осмысленности и цѣлевой связанности. Всякая публичная власть есть служеніе и не только

служеніе, совмѣсто съ подвластными, какимъ то общимъ цѣнностямъ и цѣлямъ, но, въ какой то мѣрѣ и смыслѣ, и служеніе своимъ подвластнымъ. Знаменитый принципъ этики Канта, согласно которому человѣкъ никогда не можетъ быть средствомъ, а всегда является цѣлью, является руководящимъ началомъ не только автономной морали, но и всякаго подлиннаго публично-правового властвованія. Монархъ, помѣщикъ, отецъ не только властвуютъ надъ своими подвластными членами государства, помѣстья или семьи, но и служатъ имъ. Иностранцы, наблюдавшіе крѣпостной строй, отмѣчали, какъ характерную особенность помѣщичьяго имѣнія, то, что оно какъ бы служить благосостоянію своихъ крестьянъ! Такъ оно и должно было быть при неизвращенномъ крѣпостномъ строѣ.

Мы видѣли, что крѣпостной строй былъ извращенъ въ двухъ направленіяхъ. Сначала извращеніе шло по линіи помѣщика: онъ сталъ эксплуатировать свою власть лишь въ своихъ личныхъ интересахъ. Потомъ извращеніе пошло по линіи крестьянства: и оно стало на путь эксплоатаціи своей привилегіи землепашца-монополиста въ своихъ потребительскихъ интересахъ.

Два варианта крѣпостного строя, осуществленнаго революціей, явились какъ бы доведенными до предѣла двумя этими типами извращенія крѣпостного строя. Первоначальный черныи предѣлъ былъ максимализаціей и универсализаціей крестьянски-потребительскаго извращенія крѣпостного строя. То, что мы сейчасъ наблюдаемъ въ советской Россіи, есть максимализація и универсализація помѣщичья-«плантаторскаго» извращенія крѣпостного строя.

Вѣдь что такое Сталинъ? помѣщикъ плантаторъ, который хочетъ посадить, въ видѣ переходной мѣры къ построению на рабовладѣльчествѣ технически усовершенствованному сельскому хозяйству, всю крестьянскую Россію на сплошную баршину или мѣсячину, превративъ все русское крестьянство въ «капиталь орудій».

К. Зайцевъ.

О судьбахъ Россіи

Помѣщая въ прошлой — и въ этой — книгѣ статьи К. І. Зайцева и Г. П. Федотова, редація «Современныхъ Записокъ» оговорила свое «рѣшительное расхожденіе» съ первымъ авторомъ и свое «несогласіе» по вопросу о диктатурѣ — со вторымъ.

Къ обсужденію экономической стороны земельной проблемы, въ освѣщеніи которой мы рѣшительно расходимся съ К. І. Зайцевымъ, журналъ вернется, конечно, еще не разъ. Сейчасъ мы остановимся только на государственно-правовой и политической сторонѣ вопроса, которая, при всемъ различіи темъ, подхода и устремленій обоихъ авторовъ, оказывается у нихъ все же схожей.

Хотя К. І. Зайцевъ говорить о землѣ, а Г. П. Федотовъ — о власти; одинъ — преимущественно о прошлыхъ судьбахъ Россіи, а другой — о Россіи будущей, оба они одинаково говорятъ о диктатурѣ, хозяйственной и политической. И, что еще существеннѣе, оба они говорятъ о диктатурѣ не только какъ о «причинной необходимости», въ порядкѣ изъясненія неизбежнаго и фактическаго, но и оправдываютъ диктатуру, какъ нѣкую морально-правовую и историко-государственную «цѣлесообразность».

Это позволяетъ, говоря о взглядахъ того и другого автора отдѣльно, все же сблизить ихъ, какъ явленіе политически одного порядка.

І. О землѣ.

Статья К. І. Зайцева поражаетъ въ тройкомъ отношеніи: своимъ методомъ — сверхъ-идеалистическимъ и доктринерски-правовымъ подходомъ къ истокванію земельныхъ судебъ Россіи; затѣмъ своеобразнымъ пониманіемъ режима права и свободы; и,

наконецъ, необычайной, даже для поклонниковъ Столыпина, переоцѣнкой его историческаго «дѣла» при одновременной, столь же необычной, особенно для исполненныхъ пѣтета къ царствовавшему въ Россіи дому, недооцѣнкой дѣла царя-Освободителя.

Можно не быть сторонникомъ матеріалистическаго пониманія исторіи и вовсе не надо объяснять всякое явленіе непременно по-марксистски, дѣйствіемъ исключительно классовыхъ мотивовъ и интересовъ. Но было бы противоположной и столь же вредной крайностью — просто игнорировать дѣйствіе матеріальнаго фактора, прямой хозяйственной заинтересованности, личной и групповой, которою исторія, конечно, не исчерпывается, но движется и опредѣляется. Между тѣмъ главной причиной всего нестроенія Россіи XIX и XX вѣка К. Зайцевъ считаетъ мысль, «несчастную» и «юридически несообразную» о томъ, что помѣщикъ — частный собственникъ владѣемой имъ земли. Укоренившись въ сознаніи помѣщиковъ и крестьянъ, эта мысль и сыграла будто бы главную и «роковую роль» во всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ. Ибо и правительство, «гипнотизированное «собственнической» теоріей помѣщичьяго землевладѣнія», уклонилось отъ публично-правового регулированія крѣпостнаго состоянія, а перенло и удовольствовалося, въ 1861 г. и въ послѣдующія десятилѣтія, фактическимъ и внѣправовымъ надѣленіемъ крестьянъ землей.

Отъ нея, отъ этой зловредной «собственнической, насквозь частнохозяйственной, точки зрѣнія на помѣщичье землевладѣніе», — всѣ бѣды и зло; въ частности и то, что неограниченная хозяйственная диктатура помѣщика пережила въ Россіи всѣ положенные для нея исторіей сроки, сохранившись и тогда, когда въ ней «утрачивалась неустраняемая государственная необходимость». Ею же объясняетъ Зайцевъ и тотъ «трагическій фактъ», что русское крѣпостное право оказалось лишь правомъ дворянъ, а для крестьянъ навсегда осталось лишь внѣправовымъ крѣпостнымъ состояніемъ. И въ Московской Русси вотчинникъ-феодалъ не былъ «квиритскимъ частнымъ собственникомъ». Совершенно напрасно возомнилъ онъ себя таковымъ послѣ дворянскаго «освобожденія» въ 18 вѣкѣ, истолковавъ свое освобожденіе отъ обязательной ратной службы, какъ переводъ его на землевладѣнію въ область частнаго права. Напрасно и столѣтіемъ позже

«каждый самый либеральный помѣщикъ» разсматривалъ освобожденіе крестьянъ, какъ освобожденіе отъ его помѣщичьей власти, а вопросъ о землѣ, какъ независимый отъ личнаго освобожденія и опирающийся на неколеблемый принципъ принадлежности земли помѣщику на началахъ квинитской собственности.

Именно эта мысль и эта точка зрѣнія, а не что-либо другое, и наложили, по мнѣнію Зайцева, «печать правовой неправды и экономической нецѣлесообразности на самую реформу 1861 г.»

Историкъ земельного строя не удовлетворяется тѣмъ, какъ понимала созидаемый ею строй власть и какъ воспринимало его заинтересованное населеніе, — «командующій» помѣстный классъ и подопечное крестьянство. Въ прямое отрицаніе правосознанія населенія и не считаясь съ заявленіями и мѣропріятіями законодателя онъ толкуетъ событія, прилагая къ нимъ черезъ десятки и сотни лѣтъ мѣрку собственнаго, какъ мы увидимъ невѣрнаго, пониманія права.

Вся русская исторія — официальная власть и правосознаніе населенія, русская исторіософія и общественное самосознаніе — говорить противъ схемы Зайцева, произвольной и взятой изъ головы. И единственное, что онъ могъ привести въ ея подкрѣпленіе, это — «особое мнѣніе русскаго крестьянства», формулированное «гениальнымъ» самочкой, «крестьяниномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ государственнымъ мужемъ» Посошковымъ, и оставшіяся «одинокимъ» и «похороненнымъ въ архивной пыли» указъ Павла I о трехдневной барщинѣ!. Указъ полоумнаго «мужичьяго» царя *) — единственный, по мнѣнію Зайцева, актъ русскаго законодательства, который идетъ по пути публично-правового регулированія крѣпостнаго строя и превращенія крестьянъ не больше-не меньше, какъ въ «субъектовъ права»! Въ актѣ 5 апрѣля 1797 г. былъ

*) Официальнаго каковаго нибудь Царя, вѣдь помнитъ, что никогда не производилась раздача населенныхъ земель въ частную руку во тѣхъ размѣрахъ, какъ при этомъ просмѣленномъ независимкѣ дворянъ За 4 съ небольшимъ года своего вѣствованія Павелъ роздалъ въ частную собственность свыше полумиліона крѣпостныхъ душъ, то-есть какъ даже Екатерина, извѣстная своей щедростью, оплачивавшая и издержки по перевороту, и чередующихся фаворитовъ, и прочую службу государынѣ, роздала всего около милліона крестьянъ за 34 года своего царствованія!..

«ключъ къ разрѣшенію всѣхъ вообще правовыхъ отношеній между помѣщикомъ и крестьяниномъ». И въ 61-мъ году достаточно было опереться на этотъ указъ, какъ на «нѣкую юридическую конституцію существующихъ крѣпостныхъ отношеній», чтобы найти главное для нашего историка — «строго юридическое разрѣшеніе вопроса».

К. Зайцевъ чрезвычайно преувеличиваетъ историческое и реальное значеніе указа о трехдневной барщинѣ. Указъ, дѣйствительно, пытался опредѣлить взаимоотношенія между помѣщиками и владѣльческими крестьянами установленіемъ «высшей нормы крестьянскаго труда въ пользу помѣщика», какъ выражается Ключевскій. Но когда Зайцевъ беретъ этотъ указъ за отправной пунктъ своей «собственнической» схемы, онъ толкуетъ его не въ его прямомъ смыслѣ, а отъ обратнаго. Трехдневная барщина ограничивала норму крестьянскаго труда въ пользу помѣщика, а Зайцевъ утверждаетъ, что ею ограничивалась помѣщичья собственность на землю. Отсюда и выводъ отъ обратнаго, якобы «логически вытекающій», — право крестьянина на землю, къ которой онъ прилагалъ свой трудъ въ дни свободные отъ барщины («Совр. Зап.» № 45, стр. 438).

Если бы авторы и творцы крестьянскаго освобожденія поняли въ 61-мъ году то, что понималъ сейчасъ К. Зайцевъ, они ограничились бы, по мнѣнію послѣдняго, разрѣшеніемъ правовой тяжбы между помѣщиками и крестьянами, а не задавались бы цѣлью устроенія быта того и другого сословія. Оба сословія оказались бы юридически разверстаны и стояли бы другъ противъ друга, какъ свободные и равноправные контрагенты, связанные на этотъ разъ уже навсегда только и исключительно узами частнаго права. Крѣпостной строй былъ бы въ такомъ случаѣ разбитъ окончательно, ибо — Зайцевъ совершаетъ тутъ головокружительный прыжокъ изъ отвлеченно-правовой сферы въ сферу хозяйственныхъ отношеній — открылась бы возможность «свободной мобилизаціи земли и свободной дифференціаціи крестьянства»...

Творцы реформы 61 года были далеки отъ этой мысли, они оказались во власти собственнической теоріи, и потому «освобожденіе» было мнимымъ, заключеннымъ Зайцевымъ въ кавычки, «такъ называемымъ», отмѣченнымъ «глубокой и роковой ошибочностью». Это еще до

Зайцева понялъ Столыпинъ. Его и считаетъ Зайцевъ подлиннымъ и окончательнымъ освободителемъ крестьянъ въ то «яркое, блистательное и смутное десятилѣтіе», которое предшествовало революціи 17 года...

*

**

Доктринерски-предвзятая методологія К. Зайцева описывается на право. Она апеллируетъ къ «правовой правдѣ», которая не есть ни право, ни правда не только на нашъ нынѣшній взглядъ, но и въ ощущеніи населенія 17-19 вѣковъ.

«Государевъ крѣпостной уставъ» Московской Руси Зайцевъ считаетъ совмѣстимымъ съ идеей права, а «крестьянскую собственность» — оправдываемой «морально-политически». Онъ говоритъ о «моральномъ искаженіи», «кривомъ зеркалѣ» и «деградациі» душе владѣнія во второй половинѣ 19 вѣка, считая рабовладѣніе въ условіяхъ «патріархально отческой диктатуры» 18 вѣка «сравнительно безобидной фразологіей»!..

Крѣпостной укладъ, который еще въ 1857 г. Герценъ характеризовалъ — «дворовыхъ съкутъ дома, съкутъ въ полицію, крестьянъ съчетъ баринъ, съчетъ управляющей, съчетъ староста, люди-вещи, люди-заклады, крѣпостные серали, продажныя семьи, изнасилованныя женщины», — этотъ самый укладъ кажется Зайцеву оправданнымъ, «поскольку онъ былъ повелительно вынужденъ». Онъ утратилъ свое оправданіе и для Зайцева въ условіяхъ хозяйственной демобилизаціи 18 вѣка. Но это не значитъ, по его мнѣнію, что крестьянъ надо было освободить уже въ 18 вѣкѣ. Нѣтъ! «Вопросъ стоитъ гораздо сложнее (!). «Освобожденіе» крестьянъ въ рамкахъ крѣпостного строя вообще было безпредметно (?)» *).

Чтобы оцѣнить всю мѣру условности такого морально-политического подхода, полезно сопоставить его съ общей философій публично правового властвованія, которую даетъ Зайцевъ въ заключеніе своего очерка.

*) Эта «безпредметность» напоминаетъ «дней Александровыхъ прекрасная мечта», когда конституціонныя мечтанія разбивались о реальность рѣзкаго сосоянія, а послѣднее обь отсутствіе просвѣщенія и свободы.

Оказывается «для всякаго публично-правового властвованія характерно начало цѣлевой осмысленности и цѣлевой связанности. Всякая публичная власть есть служеніе и не только служеніе, совмѣстно съ подвластными, какимъ-то общимъ цѣinnostямъ и цѣлямъ, но, въ какой-то мѣрѣ и смыслѣ, и служеніе своимъ подвластными. (Достаточно примѣнить это положеніе къ властвованію большевиковъ, чтобы стала самоочевидной неосновательность этой философіи. — М. В.). Знаменитый принципъ этики Канта, согласно которому человекъ никогда не можетъ быть средствомъ, а всегда является цѣлью, является руководящимъ началомъ не только автономной морали, но и всякаго подлиннаго публично-правового властвованія. Монархъ, помѣщикъ не только властвуютъ надъ своими подвластными членами государства, помѣстья или семьи, но и служатъ имъ»...

И все это будто бы было при «неизвращенномъ» крѣпостномъ строе! Все это будто бы могло быть при «государевомъ крѣпостномъ уставѣ»? И «человѣкъ-вещь» являлся «самоцѣлью» крѣпостника, по Канту?! Все это было при Петрѣ, при Биронѣ, Екатеринѣ, Павлѣ, Николаѣ?

Можно поставить вопросъ и въ болѣе общей формѣ: могли ли взаимоотношенія между помѣщиками и крестьянами вообще пріобрѣсти правовой характеръ въ рамкахъ хозяйственной и всяческой иной помѣстно-крѣпостной и самодержавной диктатуры? «Повелительная нужда» иногда можетъ оправдать и произволь. *Not kennt kein Gebot.* Но это не значить, что произволь въ такомъ случаѣ становится правомъ или можетъ быть выданъ за право. Кто не знаетъ безнадежныхъ попытокъ самодержцевъ и ихъ легистовъ сочетать самовластіе съ началами законности и права! *). Еще болѣе утопична мысль и помѣщичье само-

*) Напримеръ, историческій «Наказъ» Екатерины II и ея «поправки» къ Монтескье — «Мысль о сочетаніи самодержавія съ началами правочелвчней свободы лежала въ основѣ многихъ русскихъ политическихъ проектовъ конца XVIII и начала XIX стъ», — пишетъ А. А. Кизветтеръ въ Научныхъ трудахъ Русскаго Народнаго Университета въ Прагѣ 1928. Т. I, стр. 77 «И во второй половинѣ XIX ст. находились еще теоретики-государствовѣды, которые стремились прикрыть эти противорѣчія лгунной хитросплетенныхъ юридическихъ софизмовъ». — Нужды были даъ революціи, чтобы аналогичная попытка была порождена русскими государствовѣдами въ XX столѣтіи!

власти уложить въ термины права и личной свободы. То, что Зайцевъ выдаетъ за право, онъ беретъ не изъ общихъ принциповъ права и свободы, не изъ народнаго правоощущенія, даже не изъ того, что признавала законодательная власть, въ процессъ властвованія конкурировавшая съ началами права и свободы. Онъ беретъ его изъ содержания своего политическаго сознанія. Только потому и могло получиться, что «русскую свободу» Зайцевъ датируетъ 18 февраля 1762 г., т. е. днемъ изданія знаменитаго указа о вольности дворянства. Свобода и право дворянскія здѣсь совершенно явно отождествлены со свободой и правомъ общерусскими. Зайцева не смутило нисколько и то обстоятельство, что эта вновь обрѣтенная «русская свобода» не помѣнила матушкѣ Екатеринѣ ту же прежняго завинтить крѣпостной винтъ и санкціонировать на Украинѣ тѣ отношенія крѣпостной зависимости, которыя создавались фактически усилями войсковой казацкой старшины.

Между тѣмъ какъ разъ раскрѣпощеніемъ привилегированнаго сословія при еще болѣе тяжкомъ закрѣпощеніи сословія подлаго и должно быть датировано то окончательное раздвоеніе морально-политическаго, правого и всякаго иного сознанія, которое привело въ конечномъ счетѣ къ революціи. Государству, которое стало «пухнуть», противопоставленъ былъ народъ, которому не оставалось ничего другого, какъ только «хирѣть». Тѣ которымъ нужна была «Великая Россія» или, по выраженію Зайцева, «великодержавное самоутвержденіе Россіи», стали — не перестаютъ до сего дня — противопоставлять себя тѣмъ, которымъ будто бы нужны «великія потрясенія» сами по себѣ.

*
**

Въ чемъ ни усматривать историческую разумность или цѣлесообразность двухъ-яруснаго закрѣпощенія всѣхъ разрядовъ населенія Московской Руси обитателей нижняго яруса («людей волостныхъ» и «людей посадскихъ») для того, чтобы и жители верхняго яруса несли свою обязательную службу государству, — къ концу 18-го вѣка всякое морально-правовое основаніе къ тому отпало. Интересы отдѣльныхъ сословій замѣтно и далеко разошлись

еще въ царствованіе Петра. Прженяя «совокупная государственная дѣятельность сословій исчезаетъ». Какъ описываетъ этотъ процессъ Каючевскій: «Одно сословіе все рѣшительнѣе становится во главѣ общества, не только служить правительственнымъ органомъ, но и само дѣлаетъ правительства». Система социальнаго равновѣсія рушится вмѣстѣ съ достиженіемъ всѣхъ цѣлей, которыми послѣдующая исторіософія обыкновенно объясняла и оправдывала и самое самодержавіе, и его систему всеобщаго закрѣпощенія государевой службъ и землѣ.

Давно уже была доведена до побѣднаго конца борьба царя съ русскими «феодалами», съ удѣльными князьями и вѣчевыми домогательствами; закончилась побѣдой и его борьба съ Церковью и соперничество съ патриархомъ; завершились усилѣхомъ и «собираніе» земли и «борьба со степью», освоеніе внутренней территоріи и колонизація окраинъ. Русскій абсолютизмъ перешелъ уже отъ примитивно полницкаго, «приказнаго» строя первыхъ Романовыхъ къ «просвѣщенному» абсолютизму Петра и Екатерины. Помѣстная служба государству «конно, людно и оружно» уже отжила свое время и была упразднена закономъ. Но государево пожалованіе землей и душами и помѣщицье душевладѣніе остались непоколебимо, даже усилившись въ жестокости и численности. И на полтора столѣтія осталось неоправданнымъ и по существу повисло въ воздухѣ теократическое, патриархально-вотчинное властвованіе надъ людьми, какъ государственнымъ холодами и сиротами *).

*) Эта схема считалась, можно сказать, общимъ мѣстомъ въ русской исторіософіи. Ея не поколебали для историковъ-спеціалистовъ даже пореволюціонныя настрoenія. Сошлюсь хотя бы на изданную проф. Е. Шмурло въ Мюнхенѣ въ 1922 г. «Исторію Россіи». На стр. 368 этого труда мы читаемъ: «До сихъ поръ (до манифеста Петра III) оставалось по крайней мѣрѣ формальное основаніе оправдывать прикрѣпленіе крестьянъ за помѣщиками — во имя общаго служенія государству; генеръ же, въ глазахъ крестьянъ, оно стало исключительно дворянской привилегіей и потому превращалось въ несправедливость. Послѣдняя почувствовалась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе отяготительныя формы приняло крѣпостное состояніе за послѣдніе полвѣка. Крестьяне ждали, что свободу получатъ и они; но свободы они не получали, наоборотъ, петля рабства затягивалась все сильнѣе. Недовольство перешло въ волненіе, и послѣдующее царствованіе императрицы Екатерины ознаменовалось рядомъ крестьянскихъ бунтовъ» и т. д.

И тутъ необходимо подчеркнуть одну очень существенную ошибку, допущенную К. I. Зайцевымъ въ своемъ построении. Онъ упускаетъ изъ виду или сознательно не дооцѣниваетъ факта личнаго закрѣпощенія крестьянъ помѣщику. Сосредотачивая вниманіе на зависимости крестьянъ отъ земли и подчеркивая, дѣйствительно значительную, роль государственной власти въ установленіи крѣпостной зависимости, Зайцевъ проходитъ мимо того, что самая эта зависимость возникла на почвѣ частныхъ правовыхъ, имущественныхъ и юрисдикціонныхъ, отношеній къ владѣльческимъ крестьянамъ. Какъ будто онъ не знаетъ, что лишенная всякихъ элементовъ публично-правового характера вотчина старѣ помѣстья, и именно въ вотчинѣ складывалась исторически крѣпостная крестьянская зависимость. Это фактъ основоположный для всей исторіи русскихъ судебъ, земельныхъ и политическихъ.

К. Зайцевъ совершаетъ и другую элементарную, но совершенно недопустимую ошибку: не различаетъ поземельное прикрѣпленіе крестьянъ и крѣпостное право. Первое было государственнымъ мѣропріятіемъ, второе — право человѣка на личность другого — возникло первоначально въ силу частнаго юридическаго акта. Крѣпость отдавалъ крѣпостного, по выраженію Свода Законовъ, «въ частную власть и обладаніе» господина независимо отъ отношенія крѣпостного къ землѣ.

На основаніи поземельныхъ договоровъ и порядныхъ записей 16 вѣка, Ключевскій установилъ, что «какъ на казенныхъ земляхъ круговая порука привела къ поземельному прикрѣпленію крестьянъ, такъ на земляхъ владѣльческихъ ссуда подготовила крѣпостное право». Посредствомъ ссуды хозяйство расширялось и вмѣстѣ съ нимъ усиливалась и хозяйственная задолженность и закабаленіе крестьянина земледѣльцу-кредитору. Государственная власть и законодательство не устанавливали формально крѣпостной неволи, а слѣдили лишь за тѣмъ, чтобы крестьяне не перешли въ нетяглое, убыточное для казны, состояніе, и старались пресѣчь незаконное нарушеніе воз-

Характерно, что и «крестьянинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ государственный мужъ» Посошковъ уже въ началѣ 18 вѣка отмѣчать прямую взаимозависимость между помѣщичьей службой государству и крестьянской зависимостью отъ «не вѣковыхъ» ихъ владѣльцевъ-помѣщиковъ.

никавшихъ между сторонами частно-правовыхъ отношений. Это способствовало тому, что къ началу 17 го вѣка среди землевладѣльцевъ окончательно укоренился взглядъ на крестьянъ, какъ на свою собственность. Въ первыя два десятилѣтія 17 вѣка, когда уже дѣйствовали всѣ экономическія условія неволи владѣльческихъ крестьянъ, не было еще юридической нормы, которая закрѣпила бы эту фактическую неволю. Эту «норму» Ключевскій формулируетъ такъ: «Крестьянинъ, рядясь съ землевладѣльцемъ на его землю со ссудой отъ него, самъ отказывался въ порядной записи навсегда отъ права какимъ-либо способомъ прекратить принимаемыя на себя обязательства. Внесеніе такого условія въ порядную и сообщило ей значеніе личной крѣпости» *).

*) См. «Курь русской исторіи» изд. 1923 г. Ч. II, стр. 384, 393, 401-407.

Взгляды Ключевского на задолженность крестьянъ, какъ на основную причину крѣпостной зависимости, ни для кого, конечно, не обязательны. Можно не разделять мнѣнія, высказаннаго до Ключевского Ногодинымъ, а послѣ него защищавшагося Милюковымъ, Дьяконовымъ, Лапко-Данилевскимъ и др., что закрѣпощеніе крестьянъ подготовлялось эволюціей экономическихъ и бытовыхъ («староиницство») отношений. Можно, вслѣдъ за Татищевымъ, Карамзинымъ, Костомаровымъ, Чичеринымъ, Соловьевымъ, Бѣляевымъ, Сергѣевичемъ, Платоновымъ и другими историками-государствовѣдами, утверждать рѣшающую роль прямого «ужизного» вмѣшательства государственной власти. Нельзя, однако, отрицать того, что новѣйшіе изслѣдователи, устанавливающіе, на основаніи новаго матеріала и архивныхъ документовъ активное вліяніе власти въ процессъ закрѣпощенія, отмѣчаютъ частно-хозяйственный интересъ, лежащій въ основѣ мѣропріятій власти: съ середины 16 столѣтія господская запашка стала расширяться, увеличилась нужда въ рабочихъ рукахъ, необходимо было предупредить входъ крестьянъ къ крупнымъ землевладѣльцамъ-боярамъ. (См. у А. А. Кизеветтера: «Новѣйшія изслѣдованія по спеціальной исторіи Московскаго Государства» въ прошлой книгѣ «Современныхъ Зависокъ»).

Съ другой стороны, С. Б. Веселовскій въ Россіи и Ц. М. Одинецъ въ эмиграціи, независимо другъ отъ друга, отмѣтили громадную, едва ли не рѣшающую, роль **вотчинной юрисдикціи** въ процессъ закрѣпощенія.

Ссылаясь на отдѣльныя замѣчанія В. Сергѣевича относительно того, что «сельское населеніе, еще задолго до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, находилось уже подъ вотчиннымъ судомъ владѣльца» («Русскія Юридическія Древности» изд. 1902 г. Т. I, 367), оба историка согласно утверждаютъ, что вотчинный, т. е. **частно-правовой**

Не этой ли матеріальной ошибкой и упущеніемъ объясняется и та недооцѣнка реформы бѣ г. и освобожденія крестьянъ отъ личной зависимости, которая такъ характерна для всей юридической конструкціи Зайцева. Какъ ни нерѣшительно была проведена реформа, какъ ни была компромиссна, съ явнымъ креномъ въ пользу помѣщиковъ, какъ ни неудовлетворительно разрѣшала она вопросъ о землѣ, все же «цѣль великую» она порвала. Хотя порванная цѣль и ударила больно по мужику, но его вѣковой связанности съ бариномъ, какъ субъектомъ владѣнія имъ, все-таки конецъ былъ положенъ. Пусть звучитъ преувеличеніемъ комплиментъ Ростовцева Александру II — : освобождая крестьянъ, онъ будто бы создалъ русскій народъ! Пусть правъ Зайцевъ, когда, поправляя Ростовцева, онъ отмѣчаетъ, что реформа упразднила лишь основное препятствіе къ тому, чтобы народъ могъ сложиться въ націю. Но развѣ можно согласиться съ Зайцевымъ, что «главное еще не было сдѣлано»; что для созданія изъ крестьянина субъекта правъ и правовой личности необходимо было предварительно «реконструировать» все крестьянское правосознаніе, обезпечивъ «выходъ собственническому началу деревни»?!

*
**

К. Зайцевъ не пріемлетъ ни крестьянскаго «воспріятія» дворянскаго освобожденія, ни дворянскаго взгляда на свое освобожденіе отъ государственнаго тягла съ одновременнымъ сохраненіемъ въ частной собственности землю и душу. Онъ пытается истолковать указъ о вольности дворянства по своему: какъ освобожденіе дворячъ лишь отъ «внѣземельной службы» государству, отъ ихъ

режимъ составляетъ основу, на которой различіе крѣпостныя отношенія и въ Западной Европѣ, и въ Россіи (См. **С. Веселовскій**: «Къ вопросу о происхожденіи вотчиннаго режима» въ «Запискахъ Института Исторіи» за 1926 г. — **Ф. В. Тарановскій**: «Элементы основныхъ законовъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича» Харбинъ 1928 г. — **Д. Одинецъ**: «Потеря права перехода владѣльческими крестьянами Московскаго государства» въ пражскомъ Сборникѣ, посвященномъ П. Н. Милюкову. 1929 г. и **D. Odinetz**: «Les origines du servage en Russie» въ последнемъ № «La Revue de l'Histoire du Droit Français et Etranger»).

повинности быть «мужами войны и совѣта», но не отъ земледѣльчески-хозяйственной обязанности. И тутъ онъ опять не различаетъ между поземельнымъ прикрѣпленіемъ власти и личными правами землевладѣльцевъ. Надѣленіе земель, какъ «жалованіемъ за службу, совершаемую внѣ земли», онъ считаетъ преходящимъ моментомъ въ крѣпостномъ строѣ. Между тѣмъ этотъ моментъ неизмѣнно сопутствовалъ крѣпостному строю, и самая помѣстная система создана была московской властью, какъ социально-экономическая опора внѣземельной службы, прежде всего военной, а затѣмъ и административно-приказной. Въ чемъ же смыслъ проводимаго Зайцевымъ различенія?

Продолжавшее надѣленіе землями и душами безъ тѣни публично-правовыхъ къ тому оснований и опредѣлило себою судьбу дворянскаго землевладѣнія. Неправомѣрность или незаконность такого надѣленія при сохраненіи крестьянской неволи болѣзненно воспринимало крестьянство. Это отлично понимали и крѣпостники-дворяне, когда, возражая противъ освобожденія крестьянъ, они, устами предсѣдательствовавшего въ главномъ комитетѣ кн. А. Ф. Орлова, «умоляли» царя «не открывать эры революціи, которая поведетъ къ тому, что дворянство лишится всякаго значенія и, быть можетъ, самой жизни, а его величество утратить престолъ»... Этого упорно не хочеть и сейчасъ понять К. Зайцевъ.

Онъ признаетъ наличность рѣзкаго расхожденія правосознанія правящихъ круговъ Россіи и русскихъ народныхъ массъ. Но только въ отношеніи къ землѣ. Онъ и самъ упоминаетъ, что «дворянская свобода обернулась крестьянскимъ рабствомъ». Но ранить его правосознаніе не несправедливость и необоснованность дворянскихъ привилегій, а только то, что онъ не были «осмыслены» публично-правовымъ порядкомъ. И во власти навязчивой идеи, что вся бѣда отъ неправильной юридической уставки, онъ отказывается относить моментъ полнаго расхожденія дворянскаго и крестьянскаго правосознанія еще къ '18 вѣку.

Впрочемъ, морально-политически — а не историко-ислѣдовательски — главная ошибка Зайцева не въ этомъ. Она въ томъ, что оба разошедшихся «правосознанія» квалифицируются имъ одинаково, какъ юридически несправедливые «максимализмы». Помѣщики думали: земля ни-

ша, а крестьянскіе дворы намъ не нужны; крестьяне въ свою очередь — земля наша, а помѣщики намъ не нужны. Пусть переходятъ на царское жалованіе!.. Правосознаніе Зайцева считаетъ и тотъ, и другой взглядъ одинаково неправомѣрнымъ.

Такъ ли это?

К. І. Зайцевъ не первый пересматриваетъ судьбы крестьянской реформы съ точки зрѣнія послѣдующаго опыта революціи. Не первый разсматриваетъ онъ и судьбы этой реформы преимущественно съ формально-правовой стороны. Съ той же правовой точки зрѣнія осудилъ реформу еще въ 1928 г. проф. Нольде въ своей книгѣ на французскомъ языкѣ «L'Ancien Régime et La Révolution Russes». По мнѣнію этого автора, русская власть совершила «споліацію» въ широкихъ предѣлахъ, «не произнеся этого слова, декларировала экспропріацію въ пользу крестьянъ значительной части помѣщичьихъ земель съ вознагражденіемъ, явно болѣе низкое, чѣмъ была ихъ реальная стоимость». «Представленіе о возобновляемыхъ предѣлахъ помѣщичьей и крестьянской земли глубоко запечатлѣлось въ сознаніи народныхъ массъ. Онѣ никогда не забудутъ, что государственная власть въ 1861 г. осуществила въ ихъ пользу значительную экспропріацію безъ соблюденія правъ существующей собственности. Онѣ никогда не поймутъ, почему эта мѣра не можетъ быть вновь принята, когда понадобится увеличить земельныя участки крестьянъ. Правительство не упуститъ ни одного случая, чтобы подчеркнуть окончательный характеръ реформы 61 года, но массы тѣмъ не менѣе останутся тверды въ своей зѣрѣ... Русскій крестьянинъ былъ коммунистомъ волею царя» (стр. 77-78).

Такъ далеко Зайцевъ не идетъ. Онъ не раздѣляетъ мнѣнія Нольде: «творцы реформы проявили равнодушіе къ интересамъ русскаго дворянства, отказавшагося (!) въ пользу крестьянъ отъ своего феодальнаго права (почти совсѣмъ какъ въ ночь на 4-ое августа 1789 г. во Франціи! — М. В.) и двухъ третей собственной земли». Зайцевъ съ полнымъ основаніемъ утверждаетъ какъ разъ обратное: «Великая реформа, сдѣлавъ рядъ уступокъ по существу, формально утвердила теорію дворянскаго максимализма». Но, вмѣстѣ съ Нольде, Зайцевъ убѣжденъ, что въ реформѣ 61 г. заложена была мина—идея чернаго передѣла. Черный передѣлъ былъ, по его мнѣнію, пр е д ѣ

рѣшенъ въ тотъ моментъ, когда власть сказала, что земля дается крестьянамъ «для обезпеченія ихъ быта и выполненія ихъ повинностей по отношенію къ государству и помѣщику, и когда они были вмѣстѣ съ тѣмъ прикрѣплены къ землѣ въ условіяхъ невозможности итти вглубь въ смыслѣ интенсификаціи земледѣлія». Отсюда Зайцевъ дѣлаетъ не тотъ выводъ, что крестьянъ надо было освободить отъ выкупа земли и дать имъ большіе надѣлы, а тотъ, что землей они должны были быть надѣлены не для «обезпеченія быта», а для свободнаго отчужденія надѣльной земли, которое открыло бы выходъ «собственническому началу деревни» и давало бы возможность «свободной мобилизаціи земли и свободной дифференціаціи крестьянства».

Потому и озабоченъ нашъ авторъ чисто формальнымъ размсжеваніемъ частно-правовыхъ интересовъ крестьянъ и помѣщиковъ. Потому и указъ о трехдневной барщинѣ *), изданный за 64 года до реформы, является для него воплѣтъ достаточнымъ прецедентомъ — если хотите, своего рода «кассационнымъ рѣшеніемъ», — на которое онъ ссылается для разрѣшенія далеко не частно-правового только конфликта, а многовѣкового, социальнo-политическаго и морально-психологическаго между исконнo-«монопольнымъ» землепашцемъ и исконнымъ душевладѣльцемъ. Та средняя, якобы правовая позиція — между двумя «максимализмами», которую пытается занять и отстаивать Зайцевъ, опирается на одіозныя привилегіи крестьянства, какъ на подлинныя, и на подлинныя сословно-классовыя привилегіи дворянства, какъ на соотвѣгствующія праву и правдѣ.

Между тѣмъ совершенно очевидно, что отношеніе къ землѣ, какъ къ иѣлевому объекту, какъ мѣсту приложенія общественной службы и средству обезпеченія быта, интересовъ и труда большинства населенія, насквозь, конечно, пронизано идеей публичнаго права и права вообще. И въ идеѣ чернаго передѣла, которой въ теченіе вѣковъ заряжена была крестьянская, конечно, не только потребительская стихія, но и производственная, ибо она стремилась не только овладѣть землей, но и трудовымъ об-

*) Впрочемъ, Зайцевъ и самъ отмѣчаетъ, что фактъ перехода крестьянства съ оброка на барщину былъ «форменной ихъ *capitis diminutio*», вызывавшей съ ихъ стороны частыя бунты

разомъ ее использовать: «Земля Божья и Государева, а р оспаши и ржи наши!» — заложено было изначально гораздо больше подлиннаго права, чѣмъ въ любезной Зайцеву предпринимательски-собственнической, по существу анархической стихии — «на вѣтру хозяйственной свободы».



Только подмѣнивъ подлинное право и свободу «безпечально-анархической» свободой «на вѣтру», могъ — и долженъ былъ, конечно, — К. I. Зайцевъ въ столыпинскомъ общиноборствѣ усмотрѣть жалованную грамоту крестьянству, которую почему-то «не успѣла, да и не могла бы дать крестьянамъ Екатерина и которую не сумѣли дать крестьянамъ творцы великой реформы».

К. Зайцевъ хочетъ быть объективнымъ. Онъ рекомендуетъ не взваливать на общину то, въ чемъ она не повинна. Подворная система землевладѣнія съ ея стойкой черзполосницей ничѣмъ не была лучше, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и хуже землевладѣнія общиннаго. Понимать онъ и то, что при ничтожности земельных надѣловъ и огромности выкупныхъ платежей общинами, какъ универсальный фактъ послѣреформеннаго землевладѣльческаго существованія, былъ неизбеженъ. И общинный порядокъ тутъ уже никакъ и ничѣмъ помочь не могъ. Община здѣсь не въ отвѣтъ, ибо она не причина, а — явленіе производное. Главное зло и пагубность общины Зайцевъ видитъ въ одномъ, — въ томъ, что практикой неравенія она мѣшала накопленію все тѣхъ же искони блгодатныхъ собственническихъ настроеній. Вотъ въ чемъ грѣхъ общины, какъ и грѣхъ всей реформы — въ томъ, что она не раскрѣпостила крестьянъ до конца, не поставила крестьянъ въ условія свободной конкуренціи съ дворянствомъ.

Это сдѣлалъ — во всякомъ случаѣ хотѣлъ сдѣлать — Столыпинъ, и, потому, онъ, а не названный Герценомъ царемъ-Освободителемъ Александръ II, и долженъ по всей исторической справедливости почитаться «подлиннымъ и окончательнымъ (такъ по крайней мѣрѣ казалось въ то время)» освободителемъ крестьянъ.

Въ изображеніи Зайцева фигура бывшего саратовскаго губернатора принимаетъ величественныя, эпическія,

даже полумистическія очертанія «личности», воплотившей въ себѣ и собою «милліоны слагающихся крестьянскихъ личностей» въ противовѣсъ безличному «океану людей», грозный шумъ котораго уже докатился до Таврическаго дворца и предостерегающе грозилъ: Земля наша и мы пришли ее взять, если можно, мирно и по закону, а, если не удастся, — по праву революціи!..

Сопоставленіе и противопоставленіе титанической личности Столыпина безличному русскому народу политически звучитъ настолько искусственно, что писательское чутье и чувство мѣры не могло имъ однимъ удовлетвориться. И почитаемую имъ личность Зайцевъ пробуетъ вдвинуть въ болѣе широкія, хотя бы и безличныя рамки. Онъ отказывается считать столыпинскую реформу одной только т е х н и ч е с к о й «мѣрой самозащиты» русской государственности (точнѣе было бы сказать: помѣстно-самодержавной власти) противъ «вздымающагося моря крестьянской темноты». Онъ отказывается ее «мельчить», сводя реформу къ агротехнической политикѣ насажденія отрубной и хуторской формъ хозяйства, или «еще болѣе мельчить», — сводя ее къ оцѣнкѣ тѣхъ приѣмовъ, иногда быть можетъ бюрократически торопливыхъ (?!)». Столыпинскія мѣропріятія Зайцевъ считаетъ необходимымъ вдвинуть въ планъ первой русской революціи!.. Не больше, но и не меньше! По плану Зайцева, Столыпинъ дитя и орудіе русской революціи, ибо планъ русской революціи, какъ его раскрываетъ Зайцевъ, — въ томъ, чтобы «создать изъ крестьянъ собственниковъ» и произвести «собственническую реорганизацію крестьянства», хотя бы и вопреки волѣ и прямымъ заявленіямъ «океана людей».

Въ увлеченіи своимъ планомъ, планомъ, вложеннымъ имъ въ ходъ революціи, а вовсе изъ этого хода не вытекавшимъ, ибо и возникъ самый «планъ» только по окончаніи первой революціи 1905-1906 г. г. и ликвидированъ онъ былъ тотчасъ же, какъ вспыхнула революція 1917 г., — Зайцевъ доходить до совершенно поразительнаго умозаключенія. Оказывается, общинноеборство было «необходимой предпосылкой нашего конституціоннаго строя». И, разгоня первую Думу и, подъ провокаціоннымъ предлогомъ, вторую, произведя 3-яго іюня переворотъ и, всячески нажимая на законы, чтобы получить угодную ему и законопослушную третью Думу, Столы-

пинъ, оказывается, только авансировалъ политически задуманную имъ «реконструкцію всего крестьянскаго правосознанія» и «собственническую реорганизацію» Россіи!..

Возможна ли болѣе откровенная анологія двусторонняго насилія: насильничества политическаго для оправданія насилія и беззаконія въ области земельныхъ отношеній и обратно! Столыпинъ — рѣшительный противникъ прививки «чужеземнаго цвѣтка» къ національному русскому стволу; Столыпинъ, фактически надругавшійся надъ первыми и слабыми побѣдами полу-конституціи; этотъ Столыпинъ въ роли васады русскаго конституціонализма и свободы!.. Возможно ли болѣе превратно избранный ходъ русской исторіи, болѣе невѣрно распределить роли и отвѣтственность между историческими дѣятелями?!

Та якобы «мирная гражданская война», которую, по выраженію своего апологета, Столыпинъ внесъ въ деревню, — на самомъ дѣлѣ была самой подлинной гражданской войной. Помѣстно-дворянскій «геній» Столыпинъ сознательно направилъ ее изъ русла исконной социально-классовой борьбы крестьянъ противъ помѣщиковъ въ русло внутри-классовой борьбы крестьянъ — общинниковъ и подворниковъ — между собой. И тѣ 4,2 милліона крестьянскихъ дворовъ, которые въ итогѣ «блистательнаго и смутнаго» десятилѣтія, предшествовавшаго революціи 17 г., все-таки перешли къ подворному землевладѣнію принудительно или въ порядкѣ удачнаго использования случайной «конъюнктуры», безмѣрно отягчати ходъ революціи 17 г.

Устоявшая и отъ столыпинскаго законодательнаго нажима, и отъ «бюрократически-торопливыхъ» приемовъ его землеразворителей, община встрѣтила революцію 17 г., насчитывая 47,3% всѣхъ крестьянскихъ дворовъ. Не забывъ своихъ историческихъ правъ, датировавшихъ иногда еще эпохой крестьянскаго освобожденія, могла ли она забыть и не взять реваншъ съ тѣхъ, кто поживился и укрѣпился въ минувшее лихолѣтіе, на кого, какъ на «сильныхъ и мощныхъ», ставилъ свою ставку Петръ Столыпинъ — окончательный освободитель крестьянъ, по Зайцеву, второй Петръ, по проф. Ильину² *). Едва ли не главная организ-

*) Изъ недавней лекціи о «Русскомъ національномъ характерѣ и его историческихъ корняхъ» идеолога русской монархіи И. А. Ильина мы узнали, что Россія имѣла цѣлыхъ три великихъ Петра. Петр I,

ющая сила въ деревнѣ въ моментъ разложенія государственной власти, община съ ея уравнительно-передѣльной горячкой во время революціи не остановилась на раздѣлѣ помѣщичьихъ земель. И большевицкіе декреты ея не удовлетворили: «не большевики писали, а граждане (т. е. горожане), которые мало понимаютъ въ этомъ дѣлѣ». Стали дѣлать и крестьянскую собственность. «Хохламъ» изъ Полтавы, купившимъ землю черезъ Крестьянскій банкъ въ Самарской губерніи, мѣстные старожилы напомнили: «Земля эта наша — нашего барина» (эпохи крѣпостного строя). Вспомнили и о тѣхъ, кто использовалъ конъюнктуру и нажимъ на законъ Столыпина.

Если Столыпинъ, дѣйствительно, руководился не ближайшими партійно-политическими цѣлями, личными и групповыми, а, какъ увѣряетъ его почитатель, преслѣдовалъ задачу «реконструкціи всего крестьянскаго правосознанія», эта задача и была величайшей, фантастичнѣйшей и вреднѣйшей утопіей. Это было видно и въ эпоху «блистательнаго и смутнаго» десятилѣтія, предшествовавшаго и обострившаго ходъ революціи 17 года. Въ 17-мъ году это стало очевиднымъ. Это подтвердила и практика 1918-1920 г. г. и съ 28 г. по наши дни, когда нажимъ на крестьянское правосознаніе и попытка его «реконструировать» въ желательномъ для себя направленіи были сдѣланы большевиками въ масштабахъ и формахъ, по сравненіи съ которыми столыпинская затѣя кажется изящной и гуманной миниатюрой.

К. Зайцевъ совершенно послѣдователенъ, когда утверждаетъ, что «на всемъ протяженіи многихъ вѣковъ было лишь два болѣе или менѣе свѣтлыхъ промежутка», когда русскій народъ увидѣлъ «личную свободу примѣнительно къ землѣ». Это — извѣстное уже намъ десятилѣтіе до революціи и «нѣсколько неясныхъ, смутныхъ, колеблющихся лѣтъ господства НЭП-а». Зайцевъ варьируетъ здѣсь Нольде и его персональное сопоставленіе «великаго министра» Столыпина и «настойчиваго и логичнаго», «не-

Петръ Столыпинъ и Петръ Врангель Поясняя свою характеристику этихъ грехъ устойевъ русской государственности выразительной жесткостью — для глухо-нѣмыхъ, — ораторъ подчеркнуть и различія грехъ фигуръ «Петръ — скала, Столыпинъ — сурто, Врангель — вихрь»

) «Какъ я дѣлалъ землю» въ «Русской Мысли» за 1924 г. Кч.

смущавшагося доктринерскими возраженіями» Ленина, «двухъ людей въ Россіи, которые сумѣли извлечь урокъ изъ аграрнаго движенія 1905-6 г.» и правильно учесть «анархически-соціалистическую» природу русскаго крестьянства (цит. с. стр. 158)...

Но до чего въ такомъ случаѣ нелѣпа и случайна вся русская исторія! Или, что гораздо правдоподобнѣе, до чего безнадежна такая исторіософическая установка въ отношеніи къ русскому прошлому! До чего безперспективна она и въ отношеніи къ будущему!

Новѣйшая крестьянская и землеустроительная политика большевиковъ возвращаетъ ихъ къ февральскимъ декретамъ 19 г. и «государственному регулированію сельскаго хозяйства» января 21 г. Крестьянъ же она возвратила къ жесточайшему личному закрѣпощенію въ качествѣ нужной для власти рабоче-земледѣльской силы и прикрѣпленію къ землѣ въ интересахъ «отечества рабочихъ и крестьянъ». Какъ могутъ, крестьяне противятся — до вооруженнаго сопротивленія съ «обрѣзомъ» въ рукахъ — большевицкой «реконструкціи» ихъ «кулацкаго» правосознанія. Крестьянскій черепъ отъ природы, конечно, не коллективистиченъ и не анти-коллективистиченъ. И черепъ русскаго крестьянина, вопреки мнѣнію русскихъ исторіософовъ разныхъ направленій, не многимъ отличается въ этомъ отношеніи отъ крестьянскихъ череповъ другихъ народовъ. Но когда крестьянскую волю гнуть, она упирается, — тянетъ въ противоположную сторону, гнетъ свою линію. Это происходитъ всегда и повсюду. Въ Германіи и Ирландіи, въ Италіи и Венгріи такъ же, какъ и въ Россіи, въ помѣстно-крѣпостномъ строѣ такъ же, какъ и въ строѣ совѣтско-крѣпостномъ. Всякое насильственное давленіе вызываетъ отталкиваніе, это — такой же законъ человѣческой психологіи, какъ и бездушнѣйшей физики и механики. Насильственное обезземеливаніе и коллективизация не могутъ, конечно, не взростить и укрѣпить тягу къ индивидуальному землеустройству и землевладѣнію, не могутъ не извратить паевою общественнаго землепользованія и хозяйствованія. Утопія «реконструировать» правосознаніе отстѣпить за себя.

Какъ можно себѣ представить земельныя судьбы будущей Россіи, учитывая, что насильственная коллективизация, особенно въ районахъ, такъ называемой, сплошной коллективизации уничтожила всѣ частныя межи на протя-

женіи огромныхъ пространствъ? Какъ найдуть себѣ выходъ собственническіе инстинкты, несомнѣнно за годы большевицкаго властвованія окрѣпшіе въ крестьянствѣ? Розыскать былъ ой участокъ землевладѣнія будетъ вѣдь не многимъ легче, чѣмъ найти былую и перемѣщенную часть оборудованія или машину съ завода. Продавать земельный фондъ съ публичнаго торга? Или сдавать лати-фундіи концессіонерамъ?

И сейчасъ споръ уже не можетъ итти о преимуществахъ и недостаткахъ единоличнаго или общиннаго землевладѣнія. И въ будущемъ вопросъ станеть не о преимуществахъ индивидуальнаго и коллективнаго землепользованія. Споръ пойдетъ о томъ, какъ совмѣстить личное и общее раскрѣпощеніе съ «наѳосомъ» частнаго хозяйствованія и увеличеніемъ продукціи страны въ интересахъ трудящихся на землѣ и государства въ цѣломъ. И выходъ тутъ возможенъ лишь въ сторону «затвердѣнія» фактическихъ земельныхъ владѣній при одновременномъ развитіи и усложненіи всѣхъ видовъ свободнаго кооперативнаго объединенія занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Какъ ни отвратительна насильственная «тракторизація», но надо понимать, что, войдя въ русскую деревню, она въ ней, конечно, не въ «большевицкихъ темпахъ и масштабахъ», все же останется. Этимъ предрѣшается и «укрупнѣніе» землепользованія.

Тотъ земельный узелъ, который завязанъ былъ въ русской исторіи властью и вотчинно-помѣстнымъ землевладѣніемъ; который не сумѣла развязать русская историческая власть до самаго дня своего крушенія, несмотря на всѣ отпущенные ей длиннѣйшіе сроки, и который Столыпинымъ былъ только запутанъ: этотъ узелъ большевицкая власть и не думала развязать однообразно и послѣдовательно. Судьбы крестьянства и судьбы земли вообще интересовали большевицкую власть только во второмъ счетѣ, не сами по себѣ, а лишь въ связи съ ея собственной судьбой, съ необходимостью индустриализовать городскую промышленность и «детонировать» мировую революцію.

...Двуногихъ тварей милліоны
Для нихъ орудіе одно.

Ни патриоты-государственники, ни реакционеры, скрытые или явные, ни консервативные либералы, ни либеральные консерваторы, ни большевики не нащупали подлинный жизненный нервъ русской государственности и русской исторіи. Нащупали и уловили основную линію русскаго историческаго процесса подпольные крамольники и разночинцы, избличавшіеся и справа (государственниками всѣхъ мастей), какъ нигилисты и анархисты, и слѣва (марксистами всѣхъ толковъ), какъ самобытничющіе субъективисты. Какое возможно большее самоуничженіе для сторонника исторической власти; чѣмъ признаніе, которое вынужденъ сдѣлать К. Зайцевъ: только революціонная теорія додумала до конца то, что, по его мнѣнію, осуществляло консервативное правительство и о чемъ мечтательно разсуждала либеральная общественность?!

Сочетаніе «Земли и Воли» не было вовсе выраженіемъ «нѣкакого безпечально-анархическаго состоянія, когда земли вдоволь, а обязанностей никакихъ», какъ представляются Зайцеву крестьянскія настроенія «испоконъ вѣковъ». Оно было внутреннимъ и органическимъ сочетаніемъ политически-гражданскихъ правъ съ правами имущественными, личнаго, потребительскаго и производственнаго, интереса съ интересами общества и государства. И основная правда народничества, и только его одного, состояла въ томъ, что оно не п р о т и в о п о л а г а л о власти — народу и «великодержавнаго самоутвержденія Россіи» — личной свободѣ, а сливало то и другое воедино. Не приходилось ему противопоставлять отдѣльныхъ классовъ и сословій ни государству, ни народу. И это совершенно естественно. Ибо представители дворянскихъ или пролетарскихъ интересовъ, только выдавъ интересы своего класса или сословія, т. е. меньшинства, за интересы цѣлаго, могли претендовать на водительство Россіей. Для народничества же — и въ этомъ причина заложенной въ немъ живучести и силы — интересы цѣлаго, государства, сливались съ интересами большинства, съ численно-господствующимъ классомъ трудящихся и, въ первую очередь, крестьянства.

Соціальная природа всѣхъ партій, притязавшихъ и притязавшихъ на власть и руководство, толкаетъ ихъ къ диктатурѣ и насилію большинства надъ меньшинствомъ. Соціальная природа народничества свободна отъ этой на-

обходимости и потому изначально и органически демократична.

И не случайно Г. П. Федотовъ, защищая диктатуру во имя демократіи, отрицаетъ существованіе въ Россіи «порода» — остались теперь одни лишь «хлѣбоборобы» и «работники земли и дѣса» — и болѣе, чѣмъ скептически, относится къ народничеству...

2. О власти.

Не скажу, чтобы апологія диктатуры была знаменіемъ времени. Но печатью злободневности и терминологическаго модернизма несомнѣнно отмѣчены и характеристика помѣстно-крѣпостного строя Московской Руси, какъ «наиболѣе цѣлесообразнаго воплощенія хозяйственной диктатуры», и допущеніе возможности преодолѣть диктатуру ВКП средствами новой диктатуры, съ сохраненіемъ «символики Октября» или безъ оной.

Я не буду возвращаться къ сравнительно-историческимъ параллелямъ и политико-правовымъ соображеніямъ, изложеннымъ мною въ специальной статьѣ «О диктатурѣ» въ № 39 «Соврем. Записокъ». Ограничусь только тѣмъ, что въ разсужденіяхъ Г. Федотова выходить за предѣлы предусмотрѣннаго и разобраннаго въ указанной статьѣ.

«Гаданія о будущемъ» Федотова исходятъ отъ неизбѣжности диктатуры, какъ отъ «общей предпосылки». Эта общая предпосылка въ свою очередь покоится на двухъ другихъ, менѣе общихъ, но не менѣе бездоказательныхъ и невѣрныхъ.

Г. П. Федотовъ рискуетъ утверждать, что за 13 лѣтъ большевицкой диктатуры русскій народъ «явилъ разительныя доказательства безсилія защищать свою волю и свое право». Народъ не пошевелилъ пальцемъ, чтобы защитить избранное имъ Учредительное Собраніе. Онъ позволяетъ говорить отъ своего имени продажнымъ и вральственнымъ ему отщепенцамъ. Онъ живетъ въ рѣжимѣ неслыханнаго террора, «едва ли сознавая (!) исключительность этого положенія. Онъ даетъ энергичному меньшинству мять себя, какъ глину, вить изъ себя веревки».

Не стану доказывать подробно, насколько неосновательна, подсказана политическими мотивами и искажает фактический ход событий распространенная в большевицких и правых кругах легенда, что Русское Учредительное Собрание не удалось потому, что народъ его не поддержалъ. «Учредилка» была и остается одинаково ненавистной — какъ реальность и какъ символъ — для чтущихъ дѣло Ленина 6 января 18 г., какъ и для почитателей омскаго дѣла Колчака 18 ноября того же года. И въ этомъ, я сказалъ бы, высшее оправданіе Учредительнаго Собрания, его историческая заслуга въ прошломъ и предъказаніе пути для будущаго.

Сказать, что народъ не пошевелилъ пальцемъ для защиты Учредительнаго Собрания, значитъ не только пройти мимо факта волжской эпопеи гражданской войны; это значитъ и морально остаться равнодушнымъ и скинуть со счетовъ, какъ невѣсомую величину, слезы и кровь, обильно пролитыя въ борьбѣ за «Учредилку», какъ знамя народоправства и освобожденія отъ большевицкаго насилия. Сейчасъ уже нѣтъ необходимости доказывать, что поддержка народа и сопротивленіе большевикамъ на фронтѣ Учредительнаго Собрания были, хоть и недостаточны, но серьезны. Ибо взятому изъ головы — или изъ легенды — сужденію Федотова достаточно противопоставить вражеское и запоздалое, но компетентное и убѣдительное свидѣтельство былаго «военмора», на личномъ опытѣ познавшаго силу сопротивленія волжской «народной арміи».

«Все осыпалось, не за что было зацѣпиться, положеніе казалось непоправимымъ». «Въ теченіе мѣсяца здѣсь (подъ Казанью) рѣшалась заново судьба революціи (октябрьской)... Многого ли въ тѣ дни не хватало для того, чтобы одрокинуть революцію?.. Здѣсь (подъ Свияжскомъ) судьба революціи въ наиболѣе критическіе моменты зависѣла отъ одного баталіона, отъ одной роты, отъ стойкости одного комиссара, т. е. висѣла на волоскѣ. И такъ изо дня въ день» (Л. Троцкій: «Моя жизнь». Т. II, 125-6).

И если Октябрь все же былъ «спасенъ», виною тому — или причина — не народъ; во всякомъ случаѣ — не только народъ... Чтобы имѣть право это утверждать, достаточно, повторю, знать послѣдующія событія. И зная эти событія — роль омскаго переворота въ разложеніи про-

тибольшевицкаго фронта и связанную съ этимъ активность «партизанъ» въ Сибири и «зеленыхъ» на югѣ Россіи; зная о тамбовскомъ движеніи и Кронштадтѣ; о кавказскихъ возстаніяхъ и повстанцахъ туркестанскихъ и дальневосточныхъ; словомъ, о всей непокорной и искони «бунтальной» Россіи, сопротивляющейся въ одиночномъ порядкѣ и въ массовомъ, неорганизованно и на авось, съ «обрѣзомъ» въ рукахъ прокладывающей себѣ путь, когда прямой вылазкой, а чаще тихой сапой, — зная всё эти и другія «разительныя доказательства», можно ли думать, что русскій народъ не осозналъ «исключительности своего положенія»? Справедливо ли утверждать, что народъ даетъ мять себя, какъ глину, вить изъ себя веревки?!

Въ этомъ больномъ и общемъ вопросѣ, конечно, растворяется частный — о поддержкѣ Учредительнаго Собранія. И тутъ я могу лишь полностью присоединиться къ патетической отвѣди, данной недавно, по другому, правда, поводу, А. Ф. Керенскимъ. Спекулирующимъ на «восточной пассивности» и приверженности русскихъ варваровъ къ «ханскому кнуту и царскому хлысту», Керенскій поставилъ прямой вопросъ: «Ну, а никогда не прекращавшіяся казни, ссылки, высылки, каторги, тюрьмы, Соловки, сибирскія тундры, туркестанскія степи, вереница безвѣстныхъ могилъ, тысячи бѣгуновъ на всѣхъ границахъ государства, — что же, это все доказательство приобщенныхъ русскому народу рабскихъ качествъ?.. Достаточно только сравнить дѣйствительно внутреннее спокойствіе, которое царитъ (за рѣдкими и немногими исключениями) въ странѣ диктатуры Муссолини, для того, чтобы изъ нашихъ усть прозвучалъ достойный отвѣтъ всѣмъ этимъ безчисленнымъ клеветникамъ Россіи!» («Дни» отъ 15-II 931).

Народъ не приходится обвинять въ пассивности и слабости его отпора сталинской диктатурѣ, утверждающей себя на все новыхъ и свѣжихъ потокахъ «горячей крови человеческой». Этотъ отпоръ въ своемъ напряженіи превосходитъ многіе въ исторіи человечества. И главная причина неудачи, конечно, въ томъ, что нынѣшняя «техническая и машинная сопротивляемость власти» превосходить тоже всѣ извѣстные исторіи образцы.

Превратное представленіе Фелотова о послѣднемъ 13-

лѣтѣи русской исторіи — его большая посылка — питаетъ и то отчаяніе, съ которымъ онъ конструируетъ будущее Россіи — свою малую посылку.

**

Пассивность массъ дѣлаетъ неизбѣжной диктатуру въ будущемъ такъ же, какъ анархія тѣхъ же массъ дѣлала ее неизбѣжной въ прошломъ, когда Ленинъ оказался предустановленнымъ исторіей «злымъ смирителемъ» «дикой воли» русскаго народа. Пассивность, какъ и анархія, до извѣстной степени и оправдываетъ для Федотова диктатуру. Ибо «если власть не можетъ опираться въ своей самозащитѣ на правовое чувство націи, она вынуждена опереться на силу... Диктатура въ Россіи вызывается тѣми же причинами, которыя дѣлали необходимымъ въ теченіе столѣтій самодержавіе».

Ну, а куда дѣлись и какъ быть съ «причинами», которыя, въ итогѣ ряда столѣтій и несмотря на нихъ, «сдѣлали необходимымъ» в з р ы в ъ самодержавія?.. Наличие такихъ причинъ Федотовъ принципиально не отрицаетъ. Но дѣйствие ихъ онъ откладываетъ на болѣе отдаленный срокъ, до своего рода «второго будущаго». Современное поколѣніе обрекается Федотовымъ на гибель. Окончательно и безповоротно. «Поколѣніе, 13 лѣтъ пресмыкающееся передъ Че-Ка, никогда не будетъ свободнымъ. Свобода можетъ быть лишь надеждой (!) его дѣтей».

Сейчасъ живущій, оставь мысль о свободѣ навсегда!..

Свободы не хотятъ, если вѣрить Федотову, массы. Ее перестали «понимать» классъ полуинтеллигенціи, смѣившій былую интеллигенцію, еще недавно Федотовымъ изобличавшуюся, а нынѣ признанную «одушевленной почти религіознымъ паѳосомъ свободы». Чувство свободы полностью «вывѣтрено». Молодежь въ Россіи поражаетъ «неспособностью цѣнить свободу». Расчитывать не на кого. «У свободы въ Россіи, виѣ малаго круга старой интеллигенціи, нѣтъ никакихъ защитниковъ».

Ave, Libertas, morituri te salutant!..

Возможно ли что-либо болѣе безнадежное? Можно ли съ большимъ отчаяніемъ въ душѣ повторять незвучація вѣрой въ успѣхъ и, въ этомъ смыслѣ, пустыя и безсодер-

жательныя слова о свободѣ?! Въдь это уже не самоотреченіе, котораго требуетъ Федотовъ въ силу «разбитыхъ иллюзій и страданій родины». Это отрицаніе главнаго и священнаго, чѣмъ единственно только и можно оправдывать какія-либо иллюзіи и чьи бы то ни было страданія. Если и это отрицать, — какой смыслъ вообще въ политической борьбѣ? Не остается ли единственный «долгъ» — отказаться отъ борьбы, какъ безнадёжной и для современнаго поколѣнія безсмысленной. Ибо и при самой благопріятной комбинаціи обстоятельствъ Федотовъ общается лишь смѣну одной диктатуры другой, которая вынуждена будетъ, какъ и нынѣшняя опираться на силу за полнымъ отсутствіемъ «правового чувства націи». Эта диктатура «причинно-необходимая» — вслѣдствіе внутренняго порока массы, ихъ пассивности и неразвитости, — можетъ превратиться, по мнѣнію Федотова, и въ «необходимость цѣлесообразную» по мотивамъ государственнаго единства. «Россія не можетъ въ ближайшіе годы позволить себѣ роскошь свободной политической борьбы»...

Взамѣнъ большевицкой диктатуры Федотовъ сулитъ другую диктатуру, правда, съ другими цѣлями *) и болѣе мягкую по формѣ.

Диктаторъ или диктаторы не могутъ быть заранѣе предудказаны или избраны. Здѣсь все принадлежитъ безраздѣльно — историческому счастью, року или Providѣнціи» (съ заглавной буквы). Единственное, что Федотовъ твердо знаетъ, это — что «власть въ Россіи будетъ принадлежать лицу или группѣ лицъ, которыя будутъ править ею фактически независимо отъ выраженной народной воли». Онъ допускаетъ, что это будетъ диктатура той же ВКП, ставшей уже «псевдо-коммунистической» пар-

*) Ту же ошибку допускаетъ и А. Керенскій, когда пробуетъ провести различіе между революціей и реакціей (въ его терминахъ — Февралемъ и Октябремъ) не по методу управленія, а по ея цѣлеустремленности: если цѣлью диктатуры, какъ власти переходнаго времени, явится народокластіе и утвержденіе хозяйственной, гражданской и политической свободы, то и диктатура будетъ революціонной и освободительной (См. «Дни» № 111) — Вопросъ о диктатурѣ подвергся подробному обсужденію и на собраніяхъ «Дней». Оно очень поучительно съ психологической точки зрѣнія (ср. отчеты въ № № 115, 116 и 118 «Дней» за 1931 г.).

тѣй и постепенно становящейся не партійной, а единичной. Во всякомъ случаѣ фашистско-евразійскій проектъ смѣны коммунистической диктатуры диктатурой національно-русской партіи, съ сохраненіемъ нынѣшней политической системы, Федотовъ рѣшительно отвергаетъ. Онъ считаетъ этотъ проектъ «наиболѣе утопическимъ и наиболѣе вреднымъ вариантомъ русской диктатуры».

Можно было бы только привѣтствовать такое рѣзкое осужденіе, если-бы въ данномъ отрицаніи русскаго варианта фашизма не лежало бы по существу то самое, на чемъ утверждаетъ себя и свою волю къ власти подлинный фашизмъ.

О мірѣ и повоенномъ поколѣніи въ Европѣ Муссолини говоритъ почти тѣми же словами, что Федотовъ о Россіи и современномъ поколѣніи русскихъ. «Мірѣ усталъ отъ свободы», — возвѣстилъ міру Муссолини. «Теперь свобода уже перестала быть той непорочной и строгой дѣвой, ради которой боролись и гибли поколѣнія второй половины прошлаго вѣка. Для взволнованной и суровой молодежи, вступившей въ жизнь въ утреннихъ сумеркахъ новой исторіи, имѣются другія слова, вызывающія болѣе высокое обаяніе: порядокъ, іерархія, дисциплина»... «Никто не опредѣлилъ, что такое народъ». И т. д.

Развѣ не та же «усталость» русскаго народа лежитъ въ основѣ всего построенія Федотова? Не то же «непониманіе» свободы взволнованной и суровой русской молодежью? Пусть Муссолини положительно оцѣниваетъ усталость міра отъ свободы, тогда какъ Федотовъ скорбитъ объ утратѣ русскими массами и молодежью чувства свободы. Что роднитъ высказыванія того и другого, это — согласное установленіе несуществующаго въ мірѣ и въ Россіи факта (усталости) и утвержденіе на этомъ фактѣ принципа диктатуры.

Намѣренія у Федотова, конечно, самая лучшія, — анти-большевицкія и анти-фашистскія. И «благо Россіи» онъ видитъ въ томъ, чтобы грядущая диктатура имѣла демократическое содержаніе, т. е. поставила своей цѣлью привести народъ къ демократіи. Онъ даже настолько цѣнитъ демократическія начала, что никакъ не соглашается на ихъ «извращеніе». Цинизмъ предпочтительнѣе лицемерія. И полное отсутствіе парламента лучше парламента «подкупленнаго», какъ и отказъ отъ выборовъ предпочтительнѣе

выборовъ «подтасованныхъ». Не будемъ оспаривать этотъ доктринерски-максималистическій, напминающій ибсеновскаго Бранда, подходъ къ политическимъ реальностямъ. Скажемъ только, что, если цѣль диктатуры — сдѣлать себя ненужной, этимъ до конца отличается внутренняя безцѣльность диктатуры. Но этимъ, увы, никакъ не обезпечивается, что диктатура достигнутая на самомъ дѣлѣ признаетъ себя ненужной. Какъ правило, ни одна диктатура не можетъ жить и творить государственную жизнь, вдохновляясь идеей о самоубійствѣ. Каждое учрежденіе и, конечно, диктатура имѣетъ логику внутренняго своего развитія, накапливаетъ въ себѣ инерцію движенія и сопротивленія. Нѣтъ, поэтому, рѣшительно никакихъ основаній предполагать, что диктатура въ Россіи, которая смѣнитъ нынѣшнюю, почему-то не послѣдуетъ общему закону развитія диктатуры.

Психологія отчаянія черѣдко порождаетъ переоцѣнку силы, даже цѣлую идеологію силы отъ безсилія. И въ такомъ случаѣ политическіе расчеты по необходимости связываются съ пассивнымъ ожиданіемъ исторической удачи, «счастья, рока или Провидѣнія». Не вѣря въ творческія силы народа; опредѣленно пугаясь «демократическаго разлива, который грозитъ затопить въ Россіи всѣ культурныя цѣнности»; отрицая самое существованіе теперь народа и будущую «пореволюціонную Россію» представляя себѣ въ образѣ «отяжелѣвшей, грубой, въ алчности земного хлѣба и въ гордости земного могущества»; — можно ли, не то что звать къ активной политикѣ, но даже говорить о политикѣ вообще? Не очевидно ли, что именно въ личной психологіи пассивнаго отчаянія и выжиданія переменъ счастья, рока или воли Провидѣнія и коренится исходно-невѣрный и несправедливый упрекъ въ пассивности другихъ, «ихъ» — массу, полунинтелигенціи, молодежи, всего русскаго народа...

Политика - не чистое «долженствованіе», но она въ то же время и не фатальный «рокъ» или «желѣзная» необходимость, исключаящая всѣ другія, въ томъ числѣ и болѣе благоприятныя возможности. Чтобы привести въ движенію волю, необходимо открыть пути для ея дѣйствія, а не запираеть всѣ выходы безпросвѣтнымъ отчаяніемъ. Лишь выборъ возможностей способенъ склонить къ политической активности и тѣмъ самымъ отклонить и будущее въ ту или другую сторону. Со смертѣю

въ душѣ, дѣйствительно, только и остается, что строить «планы утопіи, въ которой нѣтъ счета ни поколѣніямъ, ни вѣкамъ», — планы «оцерковленія жизни» въ формѣ «православной теократіи».

*
**

Отвратить отъ большевицкаго и фашистскаго соблазна, увести души, уже соблазнившіяся, способна лишь идея качественно и принципиально отличная отъ большевизма и фашизма. Диктатура же, -- какъ и Совѣты, -- какъ ни облагораживай и выхолащивай ихъ, слишкомъ интимно и нераздѣльно слиты съ большевизмомъ. Признаніе благой диктатуры есть уже косвенное оправданіе и диктатуры злой. Допущеніе историко-политической цѣлесообразности диктатуры въ будущемъ есть уже морально-правовая капитуляція передъ диктатурой сущей. И пусть не говорятъ: лучше демократія чрезъ диктатуру чѣмъ -- диктатура чрезъ демократію!. Диктатура не есть путь къ демократіи особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда диктатура уже дана, и путь начинается съ отталкиванія отъ существующей диктатуры, какъ данной.

Кто не говоритъ сейчасъ о свободѣ и демократіи. О свободѣ говоритъ даже нововременецъ Салтыковъ. Демократіи присягаетъ сейчасъ и передовикъ «Возрожденія»: и для него «вопросъ теперь можетъ идти только о формахъ демократизма». И для К. І. Зайцева дорога свобода. Только онъ не можетъ ее оторвать, какъ и П. Б. Струве, отъ собственности. Больше того: безъ личной собственности для нихъ обоихъ вообще не осуществима никакая свобода; не можетъ быть ни чувства родины, ни сознательнаго патріотизма. Въ институціяхъ Гая и у англійскаго юриста 16-17 в. Кока ищетъ Струве основанія къ тому, чтобы и въ нашу эпоху утверждать, что политическая свобода голько «преображеніе, сублимація или благороднѣйшая вытѣжка изъ свободы хозяйственной»...

Достаточно внимательно прислушаться къ подлиннымъ зовамъ времени; вдуматься въ то, куда міръ идетъ -- куда ему только и осталось идти, -- чтобы сказать твердо себѣ и другимъ, что только на путяхъ свободы и права можетъ

расчитывать и міръ и Россію обрѣсти желанный для нихъ миръ. Лишь полная увѣренность въ томъ, что не будетъ хуже того, что есть, способна двинуть на рискъ и жертвы. Потому такъ и вредны всѣ двусмысленныя формулы и призывы. Уводя души отъ коммунистической диктатуры, нельзя связывать этотъ уводъ съ постылой диктатурой. Мертвый призракъ убьетъ и самый живой и пламенный призывъ.

М. В. Вишнякъ.

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

Авантюрный романъ

1.

Мы его, конечно, презираемъ. Мы съ горестнымъ сожалѣніемъ смотримъ на читающихъ эти романы и съ тревогой слѣдимъ, какъ все растетъ число «нетѣпыхъ» книгъ.

Вѣдь извѣстно же, что такое авантюрный романъ. Кто даже не раскрывалъ ни одного, и тотъ знаетъ; по крайней мѣрѣ увѣренъ, что знаетъ. Спросить — скажутъ много вѣрнаго, дадутъ опредѣленія, съ которыми и спорить нельзя. Скажутъ, напримѣръ, что это даже не плохая литература, а вовсе «не литература»; что человеку, мало-мальски понимающему, что такое «слово», и говорить не пристало объ этой детективно-авантюрной чепухѣ...

За опредѣленіями слѣдуютъ точчасъ общіе выводы, весьма печальные: если подобныя «романы» находить, въ наше время, милліоны читателей (а они находятъ) то какое паденіе вкуса! Какое пониженіе культурнаго уровня! И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже: грудь этихъ разлагающихся книгъ заваливаютъ путь къ настоящей литературѣ.

Опредѣленія-то «романа», раз-

сматриваемаго подь специальнымъ угломъ зрѣнія, — вѣрны: да, не «литература»; подь литературную нашу мѣрку это никакъ не подходитъ. А вотъ съ общими отсюда выводами, — относительно паденія культурнаго уровня, разложенія вкуса въ наше время и т. д. — слѣдуетъ погодить. Еще никакихъ заключеній нельзя вывести изъ того обстоятельства, что милліоны современныхъ читателей тянутся къ книгѣ безстильной, безискусственной, реалистически-сказочной, не пошлой, но — не «литературной». Можетъ быть, разумнѣе будетъ освободить послѣвоенный авантюрный романъ отъ суда литературнаго, вынести на свѣтъ «книгу» вмѣстѣ съ безчисленными ея читателями и взглянуть на все это какъ на **явленіе**, — одно изъ человѣческихъ явленій нашей современности. Такъ мы, пожалуй, ближе подойдемъ и къ «роману», и къ современному человеку-читателю; да и къ самой современности, кстати.

Одинъ вопросъ, прежде всего: неужели кто нибудь изъ смотрящихъ съ такимъ сокрушеніемъ на досадный «романъ» и милліоннаго его читателя, серьезно думаетъ, что не будь этого романа, — тотъ

же миллионъ читаль бы, къ своему благополучію, Пруста, Моріака, Валери, Джойса, Жюль, или хоть Кокто? (Не мнѣ отрицать, что все это «литература», даже Кокто).

Нѣтъ, миллионы читателей современнаго авантюрно-детективнаго романа, въ громадномъ большинствѣ, — **новые** читатели; и во многимъ причинама, они не читали бы ничего, не будь такого романа: ни Моріака, ни Джойса, да и не Флобера, ни Гете, — совсѣмъ ничего. Лишняго экземпляра не продать бы сегодня Моріакъ или Жуандо, если-бъ романовъ въ желто-красныхъ переплетахъ и во все не появлялось.

Новые миллионы читателей — они же и миллионы людей нашего **новаго** времени, или новой настоящей минуты. О нихъ, съ ихъ «глупымъ» романомъ, безъ психологии, безъ описаній природы, безъ подобія стиля, я и хочу поговорить.

2.

Думають, что авантюрные романы можно писать безъ таланта. Нѣтъ, талантъ отъ автора очень требуется, хотя и не совсѣмъ похожий на то, что мы привычно зовемъ «талантомъ».

Авантюрный романъ — типиченъ; въ каждомъ присутствуютъ тѣ-же, главныя, черты; неотъемлемая, ибо на нихъ-то онъ и держится. Чѣмъ талантливѣе авторъ, тѣмъ ярче у него эти черты, и тѣмъ совершеннѣе романъ, т. е. ближе къ своему собственному идеалу.

Благодаря типичности нѣтъ нужды останавливаться на той или

другой книгѣ изъ миллиона. Можно взять любого автора, только выбрать болѣе талантливаго.

Я выбираю англичанина. Англійскій романъ этого рода вообще гораздо характернѣе французскаго (и нѣмецкаго).

Изъ англичанъ я выберу Эдгара Уоллеса, какъ самаго типичнаго и, въ смыслѣ требуемаго таланта, очень совершеннаго. Но, говоря объ Уоллесѣ, я буду говорить объ **всѣхъ**.

Кстати, изъ всѣхъ современныхъ романистовъ подобнаго сорта — онъ и наиболѣе извѣстенъ. Совсѣмъ не напрасно на каждой обложкѣ стоитъ: «It is impossible not to be thrilled by Edgar Wallace», — т. е. невозможно не быть захваченнымъ, или произведеннымъ, Э. Уоллесомъ. Онъ, должно быть, изъ всѣхъ этихъ «жизненныхъ» романистовъ, особенно придется къ современной жизни.

Что она такое, однако, послѣвоенная европейская (или мировая) жизнь? Какъ ее воспримлетъ, что въ ней чувствуетъ новый средній человѣкъ? Вотъ эти «милліоны» всѣхъ среднихъ ступеней социальной лѣстницы, — «демось» въ наиболѣе широкомъ смыслѣ?

Типичный сегодняшній человѣкъ, врядъ ли много «размышляетъ» о жизни. Онъ ею живетъ, воспринимаетъ ее изнутри. Размышлять же и некогда вѣдь жизнь эта, если взять ее самымъ грубымъ, общимъ чертой, — все ускоряющееся **движеніе**. Бѣтъ наперегонки, въ тѣснотѣ. Въ постоянной борьбѣ и работѣ — монотонность мелькающихъ дней. Злая усталость, безлокойное ожесточеніе. И, естественные, туго же рядомъ, порывы куда-то, все равно куда, къ кому и къ чему,

только прочь отъ утомленія и го-ски.

Въ порываніяхъ этихъ (ко всевозможнымъ «зрѣлищамъ», на-примѣръ) да и въ тоскѣ, многи стихійнаго; но на стихійномъ эле-ментѣ мы не будемъ останавли-ваться. Онъ свойственъ общей жизни всѣхъ временъ. А мы гово-римъ объ образѣ нашего «се-дня», идѣ все ново, ибо по ново-му подчеркнуто, напряжено, идѣ выросшія противорѣчія жестоко сталкиваются, какъ брошенные ма-чи.

Къ такой жизни сегодняшніе люди не то что приспособились, а взяли ее, какъ дѣйствительность. Она ихъ данное.

Но во всѣ времена исторіи лю-ди есть люди. И драгоцѣннѣйшее ихъ человѣческое свойство — че-ловѣчаться даннымъ, или **желаннаго**.

Меньшая часть человѣчества, та, которая всегда стояла на верх-нихъ ступеняхъ своей историче-ской дѣятельности (чтобы не сказать «передовая» часть, или «избран-ная») — желанное свое такъ бра-ла широко, создавала такіе бы-стательные его образы, что, ка-залось, между ними и реально-даннымъ уже нѣтъ связующихъ нитей; нѣтъ мостовъ. Не нуже-ли сначала весь міръ въ корѣ передрать, чтобы воплотителъ мечты?

Высокія мечтанья, необходимая міру, но... для громадной массы человѣчества они слишкомъ явно оставались мечтаньями. Люди, жи-вущіе внутри своей дѣйствитель-ности, не представляють себя же-ланное иначе, какъ въ видѣ той-же дѣйствительности, но — **испра-вленной**.

И это мечты, конечно. Если ихъ развернуть — тоже понадобится, пожалуй, коренная передѣлка мі-ра. Вѣдь не отъ исправленія же однихъ чисто-вышнихъ формъ она (если-бы такое исправленіе было возможно) станетъ дѣйст-вительно «желанной»? Это чув-ствуютъ самые безсознательные.

Здѣсь надо вспомнить, откуда беретъ свое начало вѣчночеловѣ-ческое стремленіе отъ даннаго — къ желанному. И у мечтателей, мирящихся только съ преображен-ной землей, и у всѣхъ остальныхъ, скромно желающихъ дан-ное исправить, — лежитъ, на глу-бинѣ, нѣсколько первичныхъ, не-разложимыхъ, природно-человѣ-ческихъ чувствъ. Все тѣхъ-же са-мыхъ. Во имя нихъ-то и стреми-ся человекъ отъ всякаго даннаго къ какому-то желанному (или, иначе, должному).

Чувствъ этихъ, въ первичности неразложимыхъ, въ человѣчествѣ, вѣчныхъ, — не много. Одно изъ нихъ — **чувство справедливости**.

Не будемъ касаться сложностей, какими можетъ облекаться это чувство, ни путей его извращенія или, напротивъ, преобразования. Мы говоримъ о первоначальности, о простомъ и простыхъ. Въ частно-сти, о челоѣкѣ настоящей исто-рической минуты.

Современный челоѣкъ очень реалистиченъ, ибо очень реали-стична сама его дѣйствительность. Поэтому и желанное не можетъ облекаться для него въ сугубо-реальныя формы дѣйствительной жизни. Даже повседневной, — какъ бы его собственной. Совсѣмъ какъ бы той же, и случается въ ней почти тоже, чуть-чуть лишь по-шломъ. дни потеряли тяжкую ма-

нотонность, случаи интересны, удивительны, положенія опасны, рѣшенія смѣлы; а главное — кончается все, для всѣхъ, **по справедливости**. Такъ, какъ требуетъ человеческое понятіе о справедливости, то-есть, хорошо и достойно (желанно).

Вотъ эту близкую, пужную, ободряющую, утѣшающую мечту-надежду и даетъ миллионамъ людей современный «авантюрный романъ»

3.

Эдгаръ Уоллесъ (повторяю, это касается всѣхъ авторовъ и всѣхъ романовъ даннаго типа) почти не рисуетъ ни людей, ни обстановку. Предполагается, что люди читателю и такъ извѣстны: онъ встрѣчаетъ подобныхъ на каждомъ шагѣ, онъ, пожалуй, и самъ одинъ изъ нихъ, съ очень понятными обыденными желаніями: удача, любви, денегъ. Мелодраматическихъ злодѣевъ и ангеловъ нѣтъ у Э Уоллеса, какъ нѣтъ ихъ и въ жизни. Лишь чуть-чуть получше у него хорошіе, похуже — дурные; посмѣлье смѣлые, половиче ловкіе

Въ ту же мѣру исправлена и обстановка: стегка преувеличенны бытовья «чудеса» техники; здѣсь маленькая выдумка за фантастичность не будетъ принята.

Главная выдумка и талантъ автора направлены на созданіе **положеній и дѣйствій**. Но даже тутъ надо, чтобы положенія самыя невероятныя, обстоятельства самыя исключительныя, дѣйствія самыя смѣлыя и опасныя имѣли видъ

реально возможныхъ. Только при этомъ условіи читателя захватить рассказъ: вѣдь ему, читателю, нужно вѣрить, что завтра и съ нимъ это можетъ случиться. Какъ онъ попуститъ тогда? Передъ нимъ задача: какъ она рѣшается? А рѣшеніе есть, и рѣшеніе настоящее, ибо хоть и страшно положеніе — не погибнетъ правый: это было бы несправедливо. И молодая дѣвушка, въ какое бы полеземелье ни была заключена — не падетъ неминной жертвой, а соединится, въ концѣ, съ тѣмъ, кто любитъ. Человѣкъ же дурныхъ поступковъ, если и уйдетъ отъ суда человеческого, — все равно не уйдетъ отъ судьбы. Иначе опять несправедливость; опять, значитъ, вотъ эта, данная, но **исправленная**, дѣйствительность... Насмотрѣлся на нее человѣкъ, знаетъ ее, своими боками испыталъ, — зачѣмъ будетъ онъ, въ краткую минуту отдыха, къ ней-же возвращаться? Зачѣмъ ему книга, гдѣ эта жизнь, хотя-бы съ самой великолѣпной вѣрностью и наилучшимъ стилемъ, описана? Къ стилю онъ равнодушенъ, а чѣмъ вѣрнѣе изображеніе даннаго, тѣмъ больше и скучнѣе

Ну, а книги далекихъ мечтаній? Сказки? Фантастика?

Нѣтъ, человѣкъ реалистическаго нашего времени не вѣритъ фантазіямъ. Слишкомъ связанъ онъ съ дѣйствительностью. И только тогда, когда видитъ ее-же, близкую, но желанно-исправленную, — только тогда является у него — совѣсть по катехизису! — спасительная «вѣра въ жегаемое и ождаемое, какъ бы въ настоящее».

Прибавлю два слова о «справедливости».

Романы Уоллеса называются иногда «полицейскими». Сыщикъ, молъ, выслѣживаетъ вора, ловить, тащить въ Скотландъ-Ярдъ, и все это кончается торжествомъ «закона».

Будь такъ, пожалуй, и не стоило-бы много разсуждать объ этихъ «жандармскихъ» книгахъ. Но это не такъ.

Послѣвоенный человѣкъ, имя которому миллионъ, недовольный «давнымъ», не дѣлаетъ исключенія для данныхъ правительства съ данными законами. Онъ отдалчо знаетъ, что, дѣйствуя во имя закона, очень можно оказаться дѣйствующимъ противъ справедливости. И обратно.

У нашего автора, Э. Уоллеса, есть цѣлая серия связанныхъ между собою романовъ. «Законъ четырехъ справедливыхъ людей», «Трое справедливыхъ», «Опять трое справедливыхъ» и т. д.

Эти справедливыя («Just men») какъ разъ и дѣйствуютъ, сообщивъ, противъ «закона», защищаютъ попавшихъ въ грубое его колесо, спускаютъ виновныхъ передъ нимъ, но невиновныхъ передъ внутреннимъ, человѣческимъ закономъ справедливости.

«Just men» и сами едва не погибаютъ въ борьбѣ. Не погибаютъ, конечно (кроме одного изъ нихъ), иначе какъ бы торжествовала справедливость? А безъ ея торжества — какъ сохранить бы романъ одну изъ тайнъ своей истинности?

4.

Большинство читателей не задумывается, конечно, надъ своимъ

влеченіемъ къ этимъ новымъ сказкамъ современности, не разбирается. Да и авторы создаютъ ихъ такъ, а не иначе — по интуиціи. Авторы вѣдь, такіе же «средніе» люди. А мы о нихъ и говорили; во всякомъ случаѣ — о захваченныхъ круговоротомъ современной жизни, съ ея обостренной жестокостью и противорѣчіями.

Не сомнѣваюсь, однако, что если-бы у когонибудь нашлось время и охота поразмышлять надъ своей тягой къ Уоллесамъ, — онъ согласился бы съ моими догадками.

Но я хочу пойти дальше.

Оправдать авантюрно-детективный романъ передъ огульно-презирающими его — тѣмъ, что хотя, молъ, онъ и нелѣпъ, но для средней массы новыхъ читателей годенъ, — плохое это было бы оправданіе! Въ немъ остается бы элементъ, если не презрительности, то снисхожденія, — и къ роману, и къ «среднимъ» людямъ.

Нѣтъ, въ наше время такой романъ находить и другое оправданіе.

Въ наше время онъ нуженъ — или бываетъ нуженъ — не какому-то среднимъ людямъ, но почти всѣмъ.

Это можетъ показаться ересью, но фактъ простъ, и просты объясненія.

Прежде всего: такъ называемый «средній кругъ» гораздо шире, чѣмъ думаютъ, а жизнь наша, да и та же минута исторіи, непрерывно это еще расширяетъ. Именно жизнь-то все больше уравниваетъ несреднихъ и среднихъ, въ себѣ уравниваетъ, заставляя всѣхъ вептѣться въ своемъ колесѣ, нести тяжесть, тѣсниться, толкаться,

уставать, падать, подниматься и снова тянуть обретенную лямку. Въ этомъ смыслѣ, въ смыслѣ труда, усталости и ожесточенія, всё мы одно, всё борцы съ дѣйствительностью.

И если не считаться съ исключеніями и не брать частностей (о дѣльныхъ странъ и народовъ) — смѣло можно сказать, что это кажется, болѣе или менѣе, всеі жизни міра въ данный моментъ.

Не одни, значить, внутренне-средніе люди захвачены и оглушены реальной дѣйствительностью. Не у нихъ однихъ кратки минуты отдыха. Оторваться съ всёмъ, выйти изъ нея, — нельзя. некогда: для этого нужны не минуты, а цѣлые мѣсяцы освобожденнаго отъ тревогъ существованія.

Но забыться, забыть все, чѣмъ жизнь мучила и мучить, все до конца, въ самую чистую дѣтекую

простоту погрузиться, — можно: эту простоту даетъ книга безъ искусства, безъ высокихъ мечтаній, безъ сложности мысли, легкая, какъ далекій гомонъ птицъ.

Я знаю людей, вовсе не «среднихъ» въ обычномъ смыслѣ, которые признаются (есть, навѣрно, и другіе, только не признаются, условно стыдятся), что имъ, въ инія минуты, лишь одинъ какойнибудь Уоллесъ можетъ дать настоящей отдыхъ: отдыхъ всему, что въ человѣкѣ отдыха требуется.

Если такъ, то не имѣетъ ли эта книга права на свое мѣсто, — не въ литературѣ, — а въ самой жизни нашей? Пусть одного она забавляетъ, пусть другого утѣшаетъ, третьему даетъ отдохновеніе, все равно: разъ она это дѣлаетъ — она нужна

З. Н. Гиппіусъ.

Истерзанный

(Къ 100-лѣтію рожденія Лѣскова).

Въ немъ сочетались многія крайности, многія странности. Особенно ярко онѣ выдавались въ послѣдніе годы. Въ Лѣсковѣ жить буйный духъ. Этотъ человѣкъ истерзываетъ себя, заливается желчью, воспаряетъ и свергался въ бездны, конушетовалъ и поклонно билъ объ полъ лбомъ. Лѣскова крутили и сотрясали безлокойння стрелы, на ихъ укрощеніе онъ призываетъ помощь Бога, самоубивался, пытался запереть ключующій котель сидящихъ въ немъ демониическихъ силъ, неис-

товствовалъ и смирялся, бушевалъ и прилушадся, душа благочестіемъ подземные огни, обтѣчая себя въ грѣхахъ и преступленіяхъ. Марія Львовна Толстая звала въ немъ мольбу: «выйди отъ меня, я человѣкъ грѣшный!»

Жизнь Лѣскова—берлога. Онъ травимый зѣбрь. Охотники были безжалостны, но зѣбрь слма ихъ накликалъ на себя, дразнить и подставлять собственные бока.

Кореннымъ несчастьемъ Лѣскова было его многодушіе. Это чендо понимать, какъ обвиненіе въ

двуличности или фальши. В. этомъ Лѣскова подозрѣвали. Ясинскій свой романъ - пасквиль, гдѣ Лѣсковъ выведенъ рядомъ съ Бибиковымъ и самимъ Ясинскимъ (Иванцкій), такъ и называлъ: «Лицемѣры». Этимъ порокомъ Лѣсковъ не былъ клейменъ. Его несчастье было глубже и тригичнѣй: оно заключалось именно въ многодушій. У Лѣскова — цѣсколько духовныхъ ликовъ. Онъ похожъ на невиданное дерево со многими стволами, — они расцвѣтываютъ параллельно, но не срастаются, и только закручивались въ своихъ верхушкахъ.

Лѣскова вскормили многіе копны. Своимъ отрочествомъ и юностью онъ простоялъ подъ дуновениемъ разнообразныхъ вѣтровъ. Ясно и паляюще на немъ легло вліяніе англичанина Шкота, дальняго родственника. Отсюда лѣсковскій практицизмъ, знаніе жизни, чувство почвы, вѣра въ силу, трудъ и побѣду отдѣльнаго человѣка. Ставъ агентомъ Шкота, разъѣзжая по Россіи, бывая за границей, Лѣсковъ научился не только наблюдать людей, но и смотрѣть себя подѣ ноги. Второе вліяніе, — едва ли не важнѣйшее, — пошло отъ тетки «Полли». Пріѣздъ этой женщины оказался очень кстати. Она удивила всѣхъ своей находчивостью и легкостью дѣтъ. Орловскую губернію опустошала голодъ, ему помогала эпидемія. Люди расперялись, — тетя Полли все устроила практично, быстро и умно. Но ипересъ Полли не въ этомъ, — не въ дѣлахъ, а въ ея личности. Разумѣется, 9-лѣтній Лѣсковъ запомнилъ ее на всю жизнь не потому, что она поразила его своей распорядительны-

стью. Дѣтскую душу всколыхнула экстаичность тетки. Она пріѣхала со своей неизмѣнной подругой, квакершей, англичанкой Гильдегардою. Кончался день, тетя Полли возвращалась домой, и вмѣстѣ съ Гильдегардой онѣ отдавались молитвѣ, цѣли духовныя пѣски, и это было такъ трогательно, что на глазахъ мальчика выступали слезы. Впервые онъ плакалъ сладко, и потомъ навсегда запомнилъ орловскую деревню, тетку, восхитительную умиленность вечера и воодушевленное молитвенное цѣніе.

Тетка казалась святой. Такой она стала теперь. Выросшій Лѣсковъ могъ узнать, что свою молодость Полли провела не безупречно. Она грѣшила, жила суматошно и весело, — и это надо особенно запомнить. Такъ въ душѣ Лѣскова возникъ и потомъ сталъ центральнымъ образомъ кающагося грѣшника, потрясенной души, ищущей и обрѣтающей прощеніе. Черезъ преступленіе и блудъ люди приходять къ просвѣтленію и высшей тихой радости. Это убѣжденіе или, точнѣе, вѣрованіе Лѣскова отразилось въ его книгахъ, прошло черезъ всѣ его голы. Въ скудныхъ біографіяхъ Лѣскова осталась совсѣмъ незамѣченной эта исключительно важная черта, — грѣховность тетки, преобразившаяся въ изступленную религиозную экзальтацію.

Путь духовной потрясенности идетъ отъ «чертогонства» къ «приведничеству». Всю жизнь неуловимая, бунтующая душа Лѣскова искала мира и тишины. «Безпокой» и мечта о святости наполняютъ его произведенія, проводятъ его героевъ отъ дерзости

или уклонения съ дорогъ истины, сквозь нествование страстей, къ отдохновенному успокоенію. Миръ души не дается даромъ. Его надо достигнть трудомъ и преодолѣть. Эта вѣра Лѣскова отпечатлѣлась на его крупныхъ фигурахъ, какъ и на мелкихъ. Къ побѣдѣ благаго начала, къ прозрѣнію и неземной окрыленности безумствующій Игорь Северьяновичъ приходитъ послѣ безмѣрныхъ буйствованій и великихъ преступленій («Очарованный странникъ»). Постиганіе добра, обрѣтеніе чистой радости, подвигъ великаго молчания даются раскаявшимся, омывшимъ грѣхъ слезами. Бѣшенія страсти, омраченія совѣсти разрѣшаются въ проясненной успокоенности отшельничествомъ и постригомъ. Внутреннія боренія побѣждаютъ зло, неизмѣнно уступающее началу добра, преобразуютъ страданіемъ изступленный ликъ.

Чудесное для Лѣскова заключено въ молитвенной тайнѣ. Святое — всегда сокровенно. Тяжась и причась, кающійся отмаливаетъ свою грѣховность, и только потомъ ощущаетъ наитіе вѣнчательнаго духа, владыаетъ въ тихую сосредоточенность Очарованный странникъ «исповѣдалъ со всей откровенностью своей простой души, а провѣщанія его остаются до времени въ рукѣ Сокрывающаго судьбы свои отъ умныхъ и разумныхъ, и только иногда открывающаго ихъ младенцамъ» Для Лѣскова терзанія благодатны. Онъ самъ ихъ извѣдалъ до горькой глубины. Въ его образахъ заключенъ страстный пафосъ вѣрованій самого Лѣскова. Илья Федостевичъ — не случайное ли-

цо. Этотъ «чертогонъ» — замѣчательный характеръ. Въ немъ — отвѣты страстности, бурнаго кипѣнія, огненной неутоменности автора. Чертогонъ укрыто безличествуетъ въ Яру, и также сокрываетъ предъ Всепѣтой свои грѣхы, прося о высшемъ милосердіи, жаждущій «благодатнаго сумерка», молящійся, рухнувъ на колѣни, всхлищывая и замирая. Та же судьба и у незначительной фигурки, жены писателя, «Ламы», злостной, мстительной ехиды, мучащей всѣхъ, но кончающей уединеніемъ въ монастырѣ, зовущей тула и «Фефелу». Для каждого приходитъ и придетъ свѣтлое озареніе: нужно только переболѣть согрѣхью. Въ одномъ изъ писемъ къ С. Н. Шубинскому у Лѣскова пролилась замѣчательная строка: «погруженіе въ страсть и въ казнь за нее страстью же...» Лѣскову былъ чуждъ и даже омерзительнъ холодный грѣхъ, какъ и холодное покаеніе: та же экстремность, что и у тетки, жила въ самомъ Лѣсковѣ. Никогда онъ не могъ забыть, какъ Полли и Гильдегарда плѣли «cantique» на тскетъ «Приходящаго ко мнѣ не изгоню вонъ». Уже тогда Лѣсковъ «почувствовалъ необыкновенно полную радость о томъ, что всякій человекъ сейчасъ же — «такое, какъ есть», — можетъ вступить въ настроеніе, для котораго нѣтъ расторгающаго значенія времени и пространства». Всѣмъ благословлено придти «за вѣрой, зрѣніемъ и прощеніемъ». Потрясенный матчинокъ навсегда сохранилъ въ своемъ сердцѣ изгаснувшее «возбужденіе», — ему казалось, «будто комната напои-

няется удивительнымъ гихимъ свѣтомъ, — свѣтъ этотъ плыветъ сюда прямо со звѣздъ», и всѣ мы «несемъ куда-то панстрѣчу мірамъ». Душа Лѣскова хранила глубочайшіе источники восхищеннаго умиленія. Вѣра въ цѣлительную силу доверчиво раскрытаго сердца была въ немъ цѣмящей и сладостной. Ни у кого больше въ русской литературѣ нѣтъ ни такихъ словъ, ни такихъ красокъ для изображенія умизительнаго блаженства, для воплощенія неземной мечты въ земныхъ блаженныхъ снахъ, какъ у Лѣскова. «Соборянец», «Залечатлѣнный Ангелъ», «Очарованный Странникъ», — свитки цѣлнѣйшихъ словъ и нареченій, — «моя дилейная и дерзкая подруга, моя роза бѣлая, непорочная, благоуханная и добрая». Восхищенная растроганность плѣняетъ въ замѣчательныхъ эпитетахъ: «залечатлѣнный», «очарованный», въ словахъ восторга: «изящество богородицной природы», «дивныя дивеса отъ Ангела» вдохновенное «богочителство», «плавность предивнаго художества», мечтательно звучать воспоминанія о травахъ, цвѣтахъ и лугахъ, «индѣ стада пасутся и свирѣцъ на свирѣли играетъ», и все благословено «пречудною иконовою», сияетъ «небесная слава», и вездѣ «преизбытки вышнихъ даровъ» и «ласковые постуки». Великолѣпно въ «Александритѣ» «горѣла въ огнѣ очарованная капля несгораемой крови». А по великой умильной вѣжности, «Соборянец» — единственная книга. Въ этой хроникѣ Старгородскаго затишья, лѣтописи соборной попорки, конечно, пышно цвѣтеть бытъ, но сквозь его узоры, чрезъ ласко-

вые слова, угадывается личная грусть самого автора, мечтателя, възыскающаго успокоительный градъ, гдѣ благодатно царятъ въ тишинѣ миръ душъ, благоволеніе и счастливая безмятежность. Здѣсь — беззлобіе сердець, прелесть изгосредственности, радостный покой и наивность, — то, чего такъ недоставало мятежному сердцу Лѣскова. Только художникъ огромнаго захвата могъ создать эти типы, безбоязненно разлитъ эту вѣжность, такъ жизненно передать неуходящія настроенія умиротвореннаго душевнаго покоя, не погрѣшить ни сентиментальностью, ни преувеличеніемъ, ни слащавостью тона, воздвигнуть и поддѣять эти великолѣпныя фигуры.

И надо быть такимъ внутренне-противорѣчивымъ, какъ Лѣсковъ, чтобъ потомъ отречься отъ своего лучшаго произведенія, отойти отъ него съ охлажденіемъ. Лѣсковъ сталъ отрицать своего Туберозова, какъ «идеализированный византизмъ». Ему возражали, что въ «Соборянахъ» онъ «болѣе занимался человѣческой душой, чѣмъ попами», — напрасно: Лѣскова это не переубѣдило. Онъ остался недоволенъ «моимъ протопопомъ» за то, что тотъ шелъ «пространнымъ» путемъ, а не «узкимъ», уводящимъ отъ мерзвой консисторіи къ Богу и служенію ближнимъ. За два года до смерти Лѣсковъ писалъ Л. И. Веселитской: «О «Соборянахъ» говорите правду, — они вамъ ближе. Во всякомъ случаѣ, теперь я бы не сталъ ихъ писать, но я бы охотно написалъ «Записки разстриги», и, можетъ быть, еще напишу ихъ... Клятвы разрѣшать.

ножи благословлять, браки разводить, выдавать тайны, прощать обиды, сдѣланныя другому, оказывать протекціи у Создателя и т. д., — вотъ, что бы я хотѣлъ показать людямъ, а не Вариавкины кости». Лѣсковъ вообще былъ подвиженъ въ своихъ сочувствіяхъ и непріязняхъ, измѣнивъ и неугомонясь. Это было и въ области идей.

Иные объясняютъ перемѣну въ настроеніяхъ и взглядахъ Лѣскова его общественнымъ прозрѣніемъ. Выходитъ такъ, что прежде, въ первую пору, авторъ «На ножахъ» и «Некуда» враждовалъ съ освободительными вѣяніями, зло клеймилъ представителей молодого поколѣнія, пропикся «фотіе-скими идеалами», — заблуждается, потомъ излѣчился и послѣ дачныхъ ожесточенныхъ приговоровъ Писарева*) получилъ къ концу жизни оплуменіе грѣхоръ и свободный входъ въ прогрессивные журналы. На самомъ дѣлѣ Лѣсковъ не знаетъ никакихъ схемъ, двигался зигзагами, подталкиваемый единственно голосомъ своихъ увлеченій, и остался вѣрнѣе только одному вкоренившемуся убѣжденію въ необходимости и вѣнпо-

*) Известно, какому несправедливому нареканіямъ и ожесточеннымъ нападкамъ подвергся Лѣсковъ за свою статью въ «Сѣверной Пчелѣ» (1862 г.). Впоследствии особенно яростно — и по праву — клеймили Лѣскова за его романъ «На ножахъ» и «Некуда». Критикъ Писаревъ писалъ: «Меня очень интересуютъ два вопроса: 1) Найдется ли теперь въ Россіи, кромѣ «Русскаго Вѣстника», хоть одинъ журналъ, который

сти практическихъ живыхъ дѣлъ, — слѣдъ вліяній все того же Шко-та. Для Лѣскова идеи, которыя некому и негдѣ осуществлять — скверныя идеи. Русскаго интеллигента онъ называлъ: «депетунъ». Лѣскову онъ казался такимъ же безпочвеннымъ, какъ прежде «либеральный бубень». «Русская Мысль», гдѣ послѣдніе годы работала Лѣсковъ, вѣрно отмѣтила, что онъ всегда настаивалъ больше на перевоспитаніи воли человѣка, чѣмъ на измѣненіи его соціальной обстановки, т. е. «внѣшнихъ условій жизни». Въ разсказѣ «Часть воли Божіей» Лѣсковъ подчеркиваетъ, что «важнѣйшимъ часомъ признается теперешній. Нужнѣйшій человѣкъ тотъ, съ которымъ сейчасъ дѣло имѣешь, а самымъ дорогимъ дѣломъ будетъ добро, которое мы можемъ сейчасъ сдѣлать человѣку». Такъ поступаютъ у него праведники, такъ дѣйствуетъ и его «человѣкъ на часахъ». Обще-политическихъ идей для Лѣскова нѣтъ. Есть практика, фактъ, дѣло, добро, подсказанныя совѣстью и сердцемъ. Нѣкогда Лѣсковъ написалъ какъ бы неожиданную по настроеніямъ и выводамъ статью

осмѣлился бы напечатать на своихъ страницахъ что-нибудь, выходящее изъ-подъ пера Стебницкаго (псевдонимъ Лѣскова) и подлинное его фамиліей? 2) Найдется ли въ Россіи хоть одинъ честный писатель, который будетъ настолько неостороженъ и равнодушнѣе къ своей репутаціи, что согласится работать въ журналѣ, украшающемъ себя повѣстями и романами Стебницкаго?»

о романѣ Чернышевскаго «Что дѣлать?» Сочувственно говоря объ этой книгѣ, Лѣсковъ одобряетъ героевъ романа за ихъ разумный прагматизмъ, за то, что они «дѣлаютъ такое дѣло, которое можно сдѣлать во всякомъ благоустроенномъ государствѣ, — отъ Кореи до Лиссабона, — нужно для этого только добрыхъ людей». Идеино Лѣсковъ былъ одинаково чуждъ и Чернышевскому и Кагкову. Объ этомъ заявлялъ, часто возвращаясь къ этому вопросу въ бесѣдахъ, это ясно и такъ.

Объединяющіи схемы, дѣльность системы напрасно искать въ произведеніяхъ этого нервнаго, страстнаго, очень искренняго, при томъ откровеннаго писателя. Лѣсковъ такъ и остался типичнымъ русскимъ здравомысломъ. Пролетженіяхъ путей мысли онъ боялся, отъ нихъ бѣжалъ, вмѣстѣ со своимъ о. Тубероловымъ могъ сказать о себѣ: «я сей дорогой не ходокъ, — изъ-подъ певона я не проповѣдникъ». Неволей же ему казались всякое постороннее личище и всякая чужая указка, заранѣе предѣшанный ходъ мысли, направленный къ отстоявшемуся выводу.

И въ этомъ сказались художникъ, больше всего довѣряющій своей впечатлительности, но также упрямый и неуступчивый чело-вѣкъ. Лѣсковъ самъ это зналъ и чувствовалъ, понималъ свое непостоянство, свое умственное скитальчество, свою впечатлительную измѣчивость. Еще въ 50-хъ годахъ писалъ: «я переживъ такъ много: вѣрилъ въ Бога, отвергалъ Его и паки находить Его; любилъ мою родину и распинался съ нею и былъ съ распинающими ее» Во-

обще Лѣсковъ влечетъ къ себѣ вниманіе, возбуждаетъ большой интересъ и своимъ писательствомъ, и своей личностью, — слож- ный характеръ, крѣпкая упористая натура. Все въ немъ было гро- моздко и спутанно. Здравый смыслъ вдругъ затемнялся взры- вомъ мгновенныхъ пристрастій, Лѣсковъ становился несправед- ливъ, прогнорѣчивъ себѣ, — о очаровывалъ своей деликатно- стью, илѣзнялъ лучшимъ, что есть въ человѣческой душѣ, — то огорошивалъ грубостью, и нѣж- ность у него внезапно смѣня- лась высокомеріемъ, уравновѣ- шенность суждений омрачалась выпадами большого, уязвленнаго самолюбія, — въ этомъ отноше- нии Лѣсковъ оставался неизлѣчи- мымъ до конца своихъ дней, до тѣхъ поръ, когда «поставить по- слѣднюю точку молотокъ гробов- щика по гробовой крышкѣ». Въ духовномъ и умственномъ смы- слѣ Лѣсковъ былъ ассиметриченъ, весь въ острыхъ углахъ, беспо- койная душа, неповоротливый го- рошья, ворчливый характеръ, пе- довѣрчивый сатирическій умъ. Эти черты создали о немъ чрезполо- сину мнѣній, и одни считали его элцомъ, другіе вълюбленно гово- рили о подкупающемъ дѣтскомъ началѣ. «Лѣсковъ, — замѣчалъ С. Н. Терпигоревъ (С. Атава), — не можетъ прикоснуться къ чело- вѣку безъ того, чтобы не поло- жить на его голову кусокъ воню- чей грязи». Даже неизмѣнно бла- гожелательный къ Лѣскову, А. И. Фаресовъ соглашался, что у Лѣ- кова «въ запасѣ было достаточ- но и «вонючей грязи», который въ минуты гнѣва и ссоры онъ дѣйствительно, пачкать сопряка-

свашихся съ нимъ людей». Правда, онъ оговаривается, что «въ спокойномъ состояннн духа Лѣсковъ, напротивъ, не могъ приконннуться къ достойному челювѣку безъ того, чтобы не затушевать всѣ его недостатки и не освѣтить всей силой своего таланта одни его достоинства». Своихъ друзей онъ не только порицаетъ даже за воображаемые проступки, но умѣтъ «восторгаться ими безъ чувства мѣры». Лѣсковъ не вѣдалъ срединны При всемъ своемъ умѣ и большой, хотя и своеобразной начитанности, Лѣсковъ воспринималъ жизнь чувствомъ, своей впечатлительностью, подходилъ къ ней не съ общихъ точекъ зрѣннн, вссда субъективно и практически. Въ Росснн онъ хотѣлъ видѣтъ «закононоснн и порядокъ». Для политика это — ничего не выражающнн слова, — «пусторѣчнн темныхъ людей». Но Лѣскову его формула была ясна. Ею онъ удовлетворялся. Порядокъ онъ любилъ. И въ своемъ внѣшнемъ образѣ жизни цѣнилъ точность, распнсаннн и лѣбовитость, «отличался бо льшой практичностью, не выходилъ никогда изъ бюджета, все у него было расчитано, полведено «люди раажнръ», распредѣлено — и время и деньги» (И. В. Быковъ). До 2-хъ онъ работалъ, потомъ уходилъ гулять, въ 5 обѣдалъ, затѣмъ весь вечеръ оставался дома. Не любилъ халата — «скверное платье», — писать онъ изъ-за границы. Горѣла лампа подъ темно-зеленымъ абажуромъ, въ кестромъ кабинетѣ на окнѣ висѣла кѣтка съ птицей, и тикало, переговаривалось между собой множество часовъ. Въ безупречномъ порядкѣ были разложе-

ны рукописи, тетради, книги, письменныя принадлежности. Сзади стола, со стѣны гляѣло старинное изображение Божней Матери, а надъ другимъ письменнымъ столомъ, почемывше, на противоположной стѣнѣ, висѣла икона Христа, — тоже старинное письмо. На столѣ лежали два Евангелнн, на другомъ краю — Платонъ, Маркъ Аврелнн и Спиноза. По вечерамъ, иногда приходили немногие знакомые. Хозяинъ, пожилой, тучный, сѣдѣющнн челювѣкъ съ неспокойнымъ взглядомъ, въ свѣтло-сѣрой фланелевой блузѣ сидѣлъ на отоманкѣ, блѣдный, тяжело дыша; послѣднне годы Лѣсковъ болѣлъ. Особенно вечерами «вспомннлнся давили его» (А. И. Фаресовъ). Онъ звонилъ, приходила прислуга или воспитанница Варя, Лѣскову приносили укропной воды, давали грѣлки на руки, — у него плохо работало сердце и кровь отливала отъ конечностей. Потомъ она нажимать резиновый пульверизаторъ, кабинетъ пахнетъ запахомъ скипидаро-смолистыхъ эссенцнн, и Лѣсковъ преображался. Всего нѣсколько минутъ тому назадъ онъ скромно оправдывался предъ собесѣдникомъ (и предъ самимъ собой) — постоянно въ одномъ и томъ же: говорилъ о несправедливости крпники, о своемъ романѣ «Некуда», навсегда ставшемъ причиной Лѣсковской боли и горечи. Постѣ грѣлки и пульверизацин Лѣсковъ вдругъ возбуждался, страстнн въ нападкахъ, доказывалъ, что «вся грязь «Некуда» на насъ теперь, а не на мнѣ». Въ одномъ письмѣ (1893 г.) Лѣсковъ пишетъ: «меня литература больше терзаетъ, чѣмъ занимаетъ». Въ другомъ

письмѣ говорилъ: «развѣ мы «кружева плетемъ, а не идемъ на дьяволовъ?.. Мучительная, проклятая страна, гдѣ ничего не объединяется, кромѣ элементовъ зла». У него вырывается наболѣвшее признание: «я въ моей жизни такъ много перемучился за литературу и такъ много говорилъ, что могу дать вамъ обещаніе не говорить болѣе». Еще въ одномъ письмѣ онъ сокрушено подводитъ итоги: «Всякія силы знаютъ усталость. Столько лѣтъ работы и унынія чего-нибудь да стоили душѣ и тѣлу». Особенно трагично звучать слова Лѣскова о тѣхъ, «кто кое-какъ несетъ свою скорбь одиноко, не являясь направо и налево, а сохраняя душу свою въ возможномъ опрятствѣ». Это сказано Лѣсковымъ о себѣ самомъ. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ очень одинокъ. Идеино, литературно, житейски Лѣсковъ стоялъ внѣ лагерей, группъ и кружковъ. Въсѣгда съ его возвращеніемъ въ либеральную журналистику ожесточенныя нападки прекратились, но пониманія такъ и не было. До конца критика относилась къ нему неряшливо или озлобленно. Несочувственныя, иногда ругательныя отзывы появлялись и въ консервативной, и въ прогрессивной печати Лѣскова бранило «Несвое Время», свисока его оцѣнивалъ «Миръ Божій». Даже послѣ смерти Лѣскова Буренинъ подчеркивалъ его «грубость», «пошное отсутствие вкуса, ограниченность и поверхностность художественнаго и эстетическаго пониманія, наконецъ, просто недостаточность образованія и развитія». Утверждать, что въ произведенияхъ Лѣскова все «книжно и лубочно, или чувственно-грубо, почти скебрезно, или же

съ фальшивой сентиментальностью и картиннымъ романтизмомъ». Въ томъ же тонѣ отзывался «Миръ Божій». Критикъ А. Б. (Ангель Ивановичъ Богдановичъ) называлъ Лѣскова «клетветникомъ», «доносчикомъ», «пошлымъ анекдотистомъ», «лицемѣромъ». Не многимъ лучше были остальные оцѣнки. М. Протопоповъ считалъ Лѣскова «большимъ талантомъ». Въ статьѣ «Русское недомысліе» Скабичевскій ругалъ Лѣскова, въ своей «Исторіи новѣйшей литературы» оцѣнивалъ его пренебрежительно, нашелъ у Лѣскова только «сюжеты, которые онъ обрабатываетъ въ археологическомъ стилѣ». А къ голосамъ критики Лѣсковъ относился настороженно и болѣзненно. Его распаденное самодлюбіе откликалось на эти оцѣнки, какъ на преднамѣренныя обиды. Лѣтомъ 1884 г. изъ Мариенбата Лѣсковъ писалъ Шубинскому: «Свистать надо мною можно, какъ надъ всякимъ, но въ подлости и лицемеріи меня едва-ли можно уличить». Германія произвела на Лѣскова очень хорошее впечатлѣніе, между прочимъ, потому, что тамъ «редакціи не называютъ «притонами», а писателей не считаютъ «потребьемъ». Каждое теплое слово о себѣ онъ встрѣчалъ съ растроганной признательностью. За статью Введенскаго благодарилъ редактора.

Писательству Лѣсковъ отдалъ все свои силы. Онъ былъ поистину литературнымъ келейникомъ. Когда-то собирався уйти въ монахи, — не пошелъ, но монахомъ-трудлюбивымъ сталъ въ своемъ писательскомъ отшельничествѣ.

Писалъ Лѣсковъ тщательно, истово, изыскивая кропотливо сло-

ва и сюжеты, наладать на них съ влюбленной яростью. Въ 1890 году «Исторический Вѣстникъ» напечаталъ «Гору». Въ письмѣ къ Шубинскому Лѣсковъ объяснял: «Гора» требовала труда чрезвычайно большого. Это можно дѣлать только по любви къ искусству... «Гора» столько разъ переписана, что я и счетъ тому позабылъ. Въ свое время (1908 г.) была опубликована переписка Лѣскова съ редакторомъ «Кіевской Старины», Ф. Г. Лебединцевымъ. Она многое пріоткрываетъ въ творческомъ процессѣ Лѣскова, показываетъ, какъ онъ относился къ своему писательству. «Литература для меня не свободное художество, а ремесло», — объяснялъ онъ. Въ «Печерскихъ антикахъ» редакторъ сдѣлалъ сколько поправокъ. Лѣсковъ это одобрилъ: «Разумѣется, вы правы, сдѣлавъ основательныя поправки, и были бы очень неправы, если бы ихъ не сдѣлали». Однажды Лебединцевъ послалъ ему чье-то рукописное повѣствованіе изъ украинской жизни. — Лѣсковъ долженъ былъ его обработать и придать художественную форму. На это онъ не рѣшился. Любопытный мотивъ отказа. «Исторія вами рассказываемая, — отвѣчалъ онъ, — интересна, но я не мастеръ вообразить сцену, не зная ни одного характера. Самое главное въ этомъ дѣлѣ — живыя черты характера». Общія прислать очеркъ «Шарскій немоякъ», Лѣсковъ объясняетъ съ притворной скромностью. «это — типъ и жизнь и нѣчто, что, можетъ быть, протутъ и улыбнутся, а этого и достаточно для нашего брата сказочника». Читательскимъ вниманіемъ Лѣсковъ дорожилъ жадно.

Тому же Лебединцеву, все съ той же наружной застѣнчивостью, онъ писалъ: «Это будетъ не исторія а **побасенки**, можетъ быть, довольно неважныя по достоинству, но живыя, а «безъ нихъ (какъ Гоголь говорилъ) читатель начинать спать и можетъ совсѣмъ уснуть». О своей вещи Лѣсковъ роняетъ слово — **«анекдотикъ»**. Въ одномъ изъ разказовъ онъ прямо заявлялъ: **«противъ всякихъ законовъ** архигектоники и экономіи въ постройкѣ разказа, я приконцѣ его ввелъ это новое лицо». Въ другомъ мѣстѣ говоритъ: **«Я** разказалъ ее (исторію) только по **интересности»**. Конечно, этой застѣнчивости, будто-бы безхитростности, не надо слишкомъ довѣрять. Лѣсковъ никогда не писалъ шутъ, для развлеченія читателя, тѣмъ болѣе никогда не допускалъ никакой небрежности или спѣшки. Надъ техникой письма, надъ литературнымъ искусствомъ много размышлялъ и работалъ, искалъ и создавалъ законы и правила, требовалъ отъ писателей «постановки голоса», т. е. умѣнія овладѣть языкомъ героя, «не сбиваться съ альтивъ на басмъ». Въ теченіе долгихъ лѣтъ Лѣсковъ собиралъ, записывалъ, запоминалъ слова, пословицы, отдѣльныя выраженія, свѣдѣнія на людяхъ, въ рекрутскихъ присутствіяхъ, на баркахъ, въ толпѣ, въ монастыряхъ. Негодовалъ, когда его упрекали въ манерности языка.

Измучивалъ типографію безконечными корректурами. Такую, несладко испепренную десятками поправками, статью Лѣскова «Литературная бабушка» (Татьяна Петровна Пассекъ) сохранилъ себѣ на память П. В. Быковъ

Писалъ Лѣсковъ быстро, сразу.

съ захватомъ, по поточъ многа исправлялъ, измѣнялъ, дополнялъ. Лѣскова, какъ его писателя изъ «Разказовъ» кстати, никакъ «не дѣляя было ни отманнй, ни отбить отъ литературы, хотя-бы ему при ней пришлось умереть съ голоду» И непризнаваемый, умышленно непонимаемый, со своимъ бѣшеннымъ самолюбьемъ, Лѣсковъ въ литературѣ стоялъ непрюченнымъ чужакомъ. О немъ можно было бы сказать его же словами про гордый огненный камень пиропъ, неугасимый пламень чешской горы: «онъ отдалъ свою голову, а свой огонь спряхалъ въ сердцѣ» И Лѣсковъ замыкался, уходилъ въ себя, мучился, — одно изъ самыхъ трагическихъ лицъ русской литературы, истерзанный и озлобленный, внутренне-кипячій и скрытный человекъ, смущенный и страдальческій инкъ.

Страстная, неуравновѣшенная душа Лѣскова мучилась двойной мукой, — чужой несправедливостью, литературной обойденностью и сознаниемъ своей грѣхочности, утрусался и бросался отъ покаянства къ окаянству — и обратно. Ее бередили, швыряли, изсасывали призраки враждебныхъ силъ и видѣнйя своей собственной проклятости, несправедныхъ дѣлъ, воображаемыхъ и свершенныхъ, и Лѣсковъ то обвинялъ себя, то гнѣдался на своихъ обвинителей.

Венгеровъ вѣрно описалъ, что о Лѣсковѣ критики нѣтъ. Это еще не бѣда. Горѣ въ томъ, что нѣтъ и его биографин, написанной лицомъ, знавшимъ Лѣскова, допущеннымъ въ его скрытую занаященную жизнь. Еще большій изъянъ — отсутствіе дневниковъ, записокъ, документовъ, — постъ себя Лѣсковъ не оставилъ ни сѣ-

да своихъ переживашій, своего дѣпевнаго ужаса, а этотъ ужасъ отъ него не отходилъ.

Позволю себѣ повторить то, что я разсказать въ рижской газетѣ «Сегодня» Рѣчь идетъ о свидѣельствѣ, переданномъ мнѣ покойнымъ критикомъ А. А. Измайловымъ. Въ домѣ Лѣскова онъ былъ принятъ съ довѣремъ. Мягкостью характера, деликатностью Измайловъ распознавалъ людей къ откровенности, и всякій разъ записывалъ свои впечатлѣнйя и бесѣды, въ томъ числѣ, и съ Лѣсковымъ. Мнѣ Измайловъ сообщил потрясающія подробности. На мятущуюся, разрывающуюся, даже дикую душу Лѣскова онъ проливалъ яркій свѣтъ.

У Лѣскова въ столѣ (или на столѣ) лежалъ чудесный крестъ, кажется, изъ слоновой кости, прѣкрасной работы, вывезенный изъ Иерусалима. Однажды, въ минуту откровенности, Лѣсковъ, лукаво шуля, обратилъ вниманіе Измайлова на стѣнное въ скрещеніи крутленькое стеклышко. Приблизивъ крестъ къ своимъ плохо видящимъ глазамъ, Измайловъ оторопѣлъ тамъ, за стеклышкомъ, была оставлена совершенно неприличная картинка.

Въ этомъ человекѣ странно ужились умильность и цинизмъ, правдоискатель, соблазняемый кощупомъ, и мечтатель о свѣтозарномъ, холящій во тьмѣ. У разкольниковъ есть выраженіе: не кушать дѣвола. Лѣсковъ дразнилъ его вторадо. Казалось, онъ подпускалъ его къ себѣ совсемъ близко, — подпускалъ и отскакивалъ, подходилъ къ безднѣ и убѣгалъ отъ нея. Всегда ли счастливо? Всегда-ль для себя безстѣльно?

Здѣсь раскрывается таинственная страница лѣсковской жизни, опасенная зловѣщим пламенемъ, трагедія бунтующаго сердца, богопокорнаго и богомязежнаго. Подая и поднимаясь, взбираясь, не дотягнувъ, къ вершинамъ духовнаго восхищенія и чистоты, онъ скатывался внизъ, влекомый земными страстями, слишкомъ земными притяженіями. Вотъ, кто могъ сокрушенно повторять слова апостола Павла: «законъ духовенъ, а я плотинъ, пролянъ грѣхъ. Ибо не понимаю, что дѣлаю: потому, что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю... А потому уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ... ибо во внутреннему человѣчку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ... Бѣдный я чловѣкъ! Кто забытъ меня отъ сего гѣла смерти?» (Посланіе къ Римлянамъ, 14-24) И «плотное» съ духовнымъ боролось въ Лѣсковѣ, разрушая и гertzая гнѣздо своего спора — Лѣсковъ каялся и мучался.

Какъ-то зайдя къ нему невзначай, Измайловъ тихо переступить порогъ кабинета, и увидѣлъ хозяина въ неожиданномъ положеніи. Лѣсковъ стоялъ на колѣняхъ и билъ поклоны. Измайловъ осторожно кашляя, Лѣсковъ быстро оглянулся, заерзалъ по коврамъ и растерянно, быстро заговорилъ, какъ-бы оправдываясь:

— Оторватся цуговица, знаете... Вотъ все ницу, ницу, никакъ не могу найти.

И онъ для вида сталъ шарить рукой по коврамъ, будто — и въ самомъ дѣлѣ — что-то искалъ. Глаза его горѣли. У Лѣскова былъ прожигающій взглядъ, свѣтлѣйшійся раскаленной огненностью.

Онъ весь былъ сотканъ изъ

противорѣчій, неожиданъ и пестръ. Ища благочестія, готовый на раску, отличался подозрительностью, зная это и снова осуждалъ себя. Въ разсказѣ «Интересные мѣчины» есть строки, звучащія, какъ самообличеніе, когда Лѣсковъ говорить о «желчныхъ глазахъ подозрительности» и сравниваетъ ихъ со свѣтлымъ окомъ растроганнаго сердца, прозрѣвающимъ великія душевныя откровенія.

Противорѣчивъ быть Лѣсковъ и въ своемъ нравственномъ обликѣ. Искавшій нравственной чистоты, мечтательно возлюбивъ сѣму, онъ былъ чувствененъ, страстенъ и женолюбивъ. А. Л. Волынской приводилъ свою бесѣду съ Лѣсковымъ. Онъ пришелъ къ нему послѣ концерта, и въ разговорѣ упоминалъ, что видѣлъ на вечерѣ одну высокопоставленную даму. Лѣсковъ сразу оживился:

— Какая же она?

Волынской описалъ.

— Довольно полная, рыжая.

— Ну? — нетерпѣливо перебилъ Лѣсковъ.

— Съ зелеными конячьими глазами.

Лѣсковъ перво разсмѣялся.

— Я такихъ знать, — проговорилъ онъ и замолкъ.

«На мгновеніе, — вспоминаетъ Волынской, — лицо его помертвѣло, глаза испухнули, потомъ онъ сказалъ:

— Они, вотъ, говорятъ: чувственность! Это тоже шутка сказать! Чувственность! А что это такое? Тоже, вѣдь, она въ насъ. Что же съ ней дѣлать? Это загадка. Откуда она и зачѣмъ?»

Какъ его Корняй, Лѣсковъ зрѣлъ зазывающихъ къ гетерѣ «вильскихъ мѣй съ играющей кровью и залахомъ страстнаго тѣ

ла». О себѣ, признаваясь, Лѣсковъ говорилъ: «настоящимъ Ангеломъ былъ», и всѣ послѣдніе годы какъ бы замаливалъ свои грѣхи. А. И. Фаресовъ вспоминаетъ, что Лѣсковъ любилъ приводить изъ своей «Юдоли» слова: «я постоянно чувствую, какъ нехорошо имѣть неопытное прошлое». Но даже и свои покаянія онъ тщательно скрывалъ и отрицалъ, будто-бы «не находилъ никакой пользы въ томъ».

А муки продолжались. Болѣла душа. И на столѣ Лѣскова стали появляться «темная бутылка», — съ нея онъ не сводилъ глазъ. Въ

бутылкѣ была эфиръ. — безъ него онъ уже не могъ обойтись.

21-го февраля 1895 г. Лѣсковъ умеръ. Его завѣщаніе дышитъ серьезностью и строгостью. Но и тутъ онъ вынужденъ былъ оправдываться, удостовѣрять, что Валя Долина, вопреки всѣмъ сплетнямъ, не его дочь, а пріемышь, взятый «просто по состраданію». Онъ хотѣлъ, чтобы на похоронахъ не было рѣчей: уединенно жилъ этотъ человекъ, укрываясь отъ шума; одиноко, истерзаннымъ, Лѣсковъ сошелъ въ могилу.

Петръ Пильскій.

Воспоминанія князя Бюлова

Давно уже ни одна книга не производила такого сильнаго впечатлѣнія, не читалась съ такимъ интересомъ, не вызвала столько споровъ, какъ воспоминанія Бюлова. Въ особенности въ Германіи, гдѣ посвященная имъ полемика заполняетъ газеты и журналы и дала уже рожденіе цѣлымъ книгамъ. Бюловъ не церемонится въ оценкахъ своихъ современниковъ. Обиженные, первые, подняли крикъ, обвиняя бывшаго канцлера во всѣхъ возможныхъ грѣхахъ передъ германскимъ прошлымъ и германскимъ настоящимъ. Къ обиженнымъ присоединилась фаланга специалистовъ такъ называемой «Schuldfrage», несносныхъ и всѣмъ надоевшихъ педантовъ, исполняющихъ нѣсколько пан. ный заказъ по объѣзду Германіи въ зловнамѣренномъ началѣ великой войны. Всѣмъ этимъ критикамъ удалось — въ томъ нѣтъ сомнѣнія — поймать Бюлова ча

нѣкоторыхъ ошибкахъ, неточностяхъ и даже прямыхъ искаженіяхъ отдѣльныхъ фактовъ. Но весь этотъ шумъ по поводу мемуаровъ лучше всего свидѣтельствуется, насколько они значительны. Въ самомъ дѣлѣ, они написаны съ недюжиннымъ блескомъ и полны живого темперамента. Въ нихъ нѣтъ и слѣда спокойной отрѣшенности отъ злобы дня, дня прошлаго и дня настоящаго, свойственной многимъ воспоминаніямъ старости. Напротивъ того, книга Бюлова — актъ политическаго бою, послѣднее дѣйствіе жизни; въ ней — нападеніе и оборона, призывъ и программа. Разсказываетъ и размышляетъ самый замѣтный государственный дѣятель Германіи послѣ Бисмарка. Конечно, его калибръ — не калибръ желѣзнаго канцлера, но онъ неизмѣримо крупнѣе всѣхъ Каприви и Гогеблора, Бетманъ - Гольвеговъ и Геттингговъ, Эрцбергеровъ и Ратенау,

вместѣ взятыхъ. Если мемуарамъ Бюлова и не суждено будетъ превратиться, какъ «Мыслямъ и воспоминаніямъ» Бисмарка, въ политическое евангеліе цѣлаго европейскаго поколѣнія — а что вся предвоенная Европа была воспитана на Бисмаркѣ, я считаю доказаннымъ и весьма интереснымъ фактомъ, -- то все же и талантливый эпигонъ Бисмарка сумѣлъ сдѣлать изъ своего посмертнаго акта несомнѣнное литературное и политическое событіе.

Событіе литературное, ибо написаны воспоминанія талантливо и субъективно правдиво. Въ нихъ весь Бюловъ, умный и веселый, съ какимъ-то особенно повышеннымъ вкусомъ къ жизни и къ ея большимъ и малымъ цѣностямъ, съ открытыми глазами на весь міръ Божій, гибкій и ловкій, свой въ Германіи и въ большомъ европейскомъ мірѣ, трезвый калькуляторъ, въ то же способный къ подлинному вдохновенію и внутреннему пафосу, ни чуточку не доктринеръ, талантливый политикъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не творецъ и не инициаторъ. Его разсказъ таковъ, какъ онъ самъ. Это «causerie» очень свѣтскаго, очень умнаго и очень интереснаго разсказчика, переходящаго съ легкостью отъ веселой сплетни и остроумнаго анекдота къ самымъ серьезнымъ проблемамъ внѣшней и внутренней политики и самымъ высокимъ темамъ исторической и государственной морали.

Событіе политическое, ибо дѣлать цѣлостную, живую и въ общемъ убѣдительную конструкцію знаменательной и интереснѣйшей эпохи современной исторіи, отъ 1897 г. до войны и германской ре-

волюціи включительно, переживутъ Бюловымъ большей частью въ качествѣ прямого участника и до известной степени виновника происходившаго.

Какъ бы то ни было, мимо мемуаровъ Бюлова пройти невозможно и было бы недостаточнымъ вниманіемъ къ нимъ, если бы мы ограничились ихъ простымъ прочтеніемъ, не пытаясь извлечь изъ нихъ нѣкоторыхъ выводовъ общаго порядка.



Въ известномъ смыслѣ для Германіи и для Европы Бюловъ, члѣвертый по порядку имперскій канцлеръ, есть дѣятель «стараяго режима». Отъ созданной Бисмаркомъ германской государственной постройки и созданнаго имъ-же европейскаго политическаго равновѣсія сейчасъ осталось немного, особенно внѣшне, на первый взглядъ. Формы старой германской государственной дисциплины стили «Kaiser und Reich», «Императоръ и Имперія», безслѣдно исчезли; иностранный посолъ, входя въ кабинетъ д-ра Курциуса, ведетъ другой разговоръ и въ другомъ тонѣ, нежели вѣль въ томъ-же кабинетѣ со старымъ секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ графомъ Бюловымъ покойный графъ Н. Д. Остенъ-Сакенъ, соединявшій съ малымъ ростомъ полное достоинство и тактичную опытность представителя старой русской дипломатической школы. И вопреки всемъ внѣшнимъ переѣнамъ Бюловъ совершенно современенъ, такъ-же, какъ, при нѣскольکو мѣнѣе поверхностномъ наблюдѣніи, еще совсѣмъ современна въ су-

шественныхъ своихъ частяхъ до- военная Европа. Бюлову, появивъ онъ сегодня на историческую сцену, не пришлось бы «перечислять»; онъ такъ же свободно плавалъ бы въ водахъ сегодняшнего дня, какъ онъ плавалъ въ водахъ дня вчерашняго, и успѣхъ его измѣрялся бы совершенно тѣми-же мѣрками, какими онъ опредѣлялся въ 1897-1909 г. г. Это непосредственное впечатлѣніе отъ чужія жизненной исповѣди канцлера тѣмъ болѣе живо, что обстановка, въ которой происходитъ дѣятельность Бюлова, въ нѣломъ рядѣ отношений была дѣйствительно «старымъ порядкомъ».

Этотъ «старый порядокъ» выр- жался прежде всего въ устарѣломъ укладѣ предвоенной германской и прусской монархической прерогативы. Не то чтобы императоръ Вильгельмъ II, самъ по себѣ, какъ личность, воплощать собою типъ челоуѣка «старого порядка». Напротивъ того, лично онъ былъ во многихъ отношеніяхъ «на уровнѣ вѣка», онъ былъ подвиженъ, всѣмъ интересовался, всюду бывалъ, зналъ множество людей, не былъ зараженъ предрассудками въ ихъ выборѣ, былъ весьма спортивенъ и достаточно цивилизованъ; но, какъ историческая фигура, какъ носитель германской монархической власти, оставившей еще очень широкой и сильной, Вильгельмъ II относится къ мірушедшему. Быть его министромъ и канцлеромъ — значило работать въ политическихъ условияхъ, напоминающихъ скръѣе о восемнадцатомъ столѣтіи, нежели о началѣ двенадцатаго.

Воспоминанія Бюлова полны эпизодовъ, съ необыкновенной

яркостью рисующихъ Вильгельма II — монарха. Возьму два, особенно курьезныхъ.

Въ 1899 г. Вильгельма II въ обычномъ плаваніи въ Сѣверномъ морѣ сопровождалъ Филиппъ Эйленбургъ. Онъ писалъ Бюлову:

«Когда телеграфъ сообщилъ изъ Аугсбурга и другихъ мѣстъ о рабочихъ беспорядкахъ, давшихъ поводъ къ умственной прогулкѣ по социальной почвѣ, мы всѣ вмѣстѣ неслезо сидѣли въ большой столовой за завтракомъ, я около императора, направо принцъ Альбертъ Гольштейнскій, налѣво колесулъ Іенсенъ. Телеграммы Вольфа возбуждали императора. Онъ отнесся къ рабочимъ беспорядкамъ очень серьезно — и съ большимъ удовлетвореніемъ. «Это хорошо», сказалъ онъ, «пусть такъ идетъ дальше. Пришла минута, когда надо дѣйствовать. Я уже осмыслился, какъ далеко идти мои военные полномочія противъ конституціи. Военный министръ сказалъ мнѣ, что я во всякое время могу объявить военное положеніе во всей имперіи (!!!). Пока социаль-демократическіе депутаты не извлечены солдатами изъ рейхстага и не разстрѣляны, нельзя надѣяться ни на какое улучшеніе. Намъ нуженъ законъ, по которому достаточно быть социаль-демократомъ, чтобы быть сосланнымъ на Каролинскіе острова». Я перелая тебѣ почти дословно, что императоръ сказалъ мнѣ за столомъ. Сосѣди многое изъ этого слышали, вѣроятно, также прислуживавшіе матросы, стоявшіе за столомъ императора. ...Такъ было вчера. Сегодня, во время прогулки на новый курортъ, устроенный на горахъ на Трондгемомъ, за столомъ

разговоръ продолжался. Было уклонено, что надѣются на грабежи и что послѣ нихъ, но не раньше, чѣмъ пара сотенъ бюргерскихъ предприятий будетъ разрушена, надо будетъ произвести сильное кровопусканіе. Я сказалъ, что организация социаль-демократіи настолько хороша, что именно теперь не произведетъ никакихъ грабежей въ Берлинѣ или въ другихъ мѣстахъ. «Тогда не остается ничего другого, какъ объявить всеобщее военное положеніе», — былъ отвѣтъ императора. Зенденъ былъ достаточно довокъ, чтобы воплечь Альберта Гольштейскаго въ разговоръ и отвлечь его вниманіе. Но толстый консулъ Ленселеъ (слава Богу, добродушный и честный типъ!) получалъ весь потокъ рѣчи императора, которая на этотъ разъ велась такъ громко, что, по крайней мѣрѣ, шесть человѣкъ могли ее услышать.

Воспроизводя это живописное описаніе — Эйленбургъ отличился писалъ, — и множество его писемъ къ Бюлову, включенныхъ въ Воспоминанія очень украшаютъ эти послѣднія, — Бюловъ замѣчаетъ, что «нахвунный порошокъ и свинцомъ рѣчи императора» не всегда слѣдовало принимать въ серьезъ. Однако ясно, насколько выступленія въ тонахъ приведеннаго разговора должны были нести расчеты внутренней политики Германіи.

Еще болѣе экстравагантными были выступленія Вильгельма II въ дѣлахъ политики внѣшней

Бюловъ вспоминаетъ: «Въ январѣ 1904 г. императоръ къ моему удивленію объявилъ мнѣ, что король Леопольдъ Бельгійскій выказалъ ему желаніе посѣтить его

въ Берлинѣ. По убѣжденію императора надо было использовать благоприятную минуту, чтобы крѣпче связать съ нами Бельгію. «Бельгійскій король», сказалъ мнѣ императоръ, «сейчасъ une pauvalleur, Mr. Nobody среди монарховъ, о которомъ никто не помнитъ, между тѣмъ какъ Бельгія имѣетъ великое прошлое. Мы должны напомнить королю Леопольду блескъ и роскошь старой Бургундіи, Филиппа Лобраго и Карла Смѣлаго. Если мы откроемъ ему надежду, при помощи союза съ нами достигнуть той-же высоты, то Леопольдъ будетъ на все готовъ». Естественно я отвѣтствовалъ... Императоръ обѣщалъ мнѣ отказаться отъ роли соблазнителя, которую онъ себѣ уже приписалъ. Не умолчу, что я еще сейчасъ въ сомнѣніи относительно того, въ самомъ ли дѣлѣ по своему собственному почину король Леопольдъ заявилъ о своемъ визитѣ въ Берлинъ или же приглашеніе исходило отъ императора, или военный аташе въ Брюсселѣ взялъ на себя инициативу. Король Леопольдъ прѣхалъ въ Берлинъ 26 января 1904 г... Первые дни визита прошли въ полной гармоніи. Наступилъ послѣдній день, 28 января 1904 г., когда король долженъ былъ уѣхать. Обѣдъ былъ назначенъ въ 8 часовъ вечера, послѣ чего отъѣздъ долженъ былъ послѣдовать сразу. Всѣ приглашенные появились, и императрица была уже давно на лицѣ, только императора и его бельгійскаго гостя не было. Наконецъ, оба вошли. Мнѣ сразу бросился въ глаза возбужденное выраженіе императора и разстроенное лицо короля, который, противъ своего

обыкновенія, почти не говорилъ за столомъ съ рядомъ съ нимъ сидѣвшей императрицей. Какъ только кончился обѣдъ, король выѣхалъ съ императоромъ оставилъ замокъ, чтобы ѣхать на вокзалъ. Король пожалъ мнѣ, проходя, руку, съ тихо, но серьезно и твердо произнесенными словами: «Императоръ сказалъ мнѣ ужасныя вещи. Я рассчитываю на ваше доброе вліяніе, на вашу мудрость и на ваше умѣніе, чтобы избѣгать крупныхъ несчастій». Когда императоръ вернулся съ вокзала, одинъ изъ адъютантовъ, который его сопровождалъ, спросилъ меня, замѣтно напуганный: «Что съ бельгійскимъ королемъ? Кажется, у него былъ ударъ. Король смотрѣлъ совсемъ подавленнымъ. Старый господинъ былъ настолько не въ своей тарелкѣ, что онъ по ошибкѣ надѣлъ каску своего прусскаго драгунскаго полка орломъ назадъ». Появившіяся вслѣдъ за тѣмъ императоръ ошел меня отъ собравшихся, которыхъ онъ быстро и въ волненіи отпустилъ.

Когда онъ вошелъ со мной въ свой красивый кабинетъ, на стѣнахъ котораго мирно рядомъ висѣли портреты его отца и дѣда, великаго князя Бисмарка и великаго Байрейтскаго композитора, царя и королевы Викторіи, произошедъ полный темперамента взрывъ противъ «мизерности» его «коллеги». Онъ говорилъ съ бельгійскимъ королемъ, самымъ предупредительнымъ образомъ, «его гордыхъ предшественникахъ», бургундскихъ герцогахъ, и добилъ, что, если бы король пожелалъ, онъ могъ бы возстановить ихъ государство и распространить

свой скипетръ на французскую Фландрію, Артуа и Арденны. Король сначала «выпялилъ на него глаза», не понимая, и въ концѣ концовъ, усмѣхаяся, сказалъ, что о планахъ такого высокаго полета не захотятъ и думать бельгійскіе министры и бельгійскія палаты. «Тогда я потерялъ герпѣіе», продолжалъ императоръ, «и сказалъ королю, что не можетъ уважать монарха, который чувствуетъ себя отвѣтственнымъ передъ депутатами и министрами, вмѣсто Господа Бога въ небесахъ. Я также сказалъ ему, что не позволю надѣ собою смѣяться. Кто въ случаѣ европейской войны не будетъ со мной, будетъ противъ меня. Какъ солдатъ я принадлежу къ школѣ Фридриха Великаго, къ школѣ Наполеона I. Какъ первый началъ семилѣтнюю войну наступленіемъ на Саксонію, а второй еще болѣе молниеносно предупреждать своихъ враговъ, такъ и я, въ томъ случаѣ, если Бельгія не пойдетъ со мною, буду сообразоваться только со стратегическими выгодами». Затѣмъ наступила длинная пауза. «Я надѣялся», замѣтилъ императоръ, замѣтно недовольный, «найти что-васъ пониманіе и похвалу, на дѣлѣ однако, къ сожалѣнію, я вижу противоположное. Это за сегодняшній день самое горькое мое разочарованіе». Я представилъ на это въ спокойной, возможно точной формѣ Его Величеству точку зрѣнія политическаго разума. »

Какъ планъ государственнаго переворота, «кровопусканія» и стравки социалистическихъ депутатовъ на Каролинскіе острова, такъ и этотъ проектъ возстановленія великой Бургундіи не имѣлъ никакихъ ближайшихъ практиче-

ских послѣдствій. Но подобныя выступленія были не менѣ опасны, съ точки зрѣнія здравой внѣшней политики Германіи.

Вереница этихъ выступленій не прекращалась за все время царствованія. Императоръ «сходитъ съ рельсъ» на каждомъ перегонѣ своей политической карьеры. Въ работѣ германскаго государственнаго механизма треніе, которое вызывалось особенностями уклада Вильгельма II, поглощало значительную долю всей наличной энергіи. Бюловъ вспоминаетъ, какъ много разъ канцлеръ Гогенлоэ спрашивалъ его, послѣ его назначенія стать-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ, считаетъ ли онъ императора нормальнымъ и съ тревогой прибавлялъ, что ему, Гогенлоэ, пришлось уже разъ быть первымъ министромъ душевнобольного баварскаго короля Лудвига II. На дѣлѣ, конечно, Вильгельмъ II не былъ медицински не-нормальнымъ человѣкомъ, но онъ былъ несомнѣннымъ взлѣтшимъ неврастенкомъ, до удивившимъ минутами до прямого «шутковства», притомъ поддерживаемымъ въ своихъ импровизацияхъ атмосферой придворной лести и искательства.

За время царствованія Вильгельму II пришлось имѣть дѣло съ министрами, которые, по слабости, по плохо понятому чувству монархической дисциплины, предоставляли ему двигаться, какъ ему хотѣлось. Такими были канцлеры Каприви и Бетманъ-Гольвегъ. Но наряду съ ними жизнь свела его съ нѣсколькими государственными людьми въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Въ началѣ то былъ Бисмаркъ, не справившійся, не-

смотря на все то, чѣмъ онъ былъ, съ задачей властвованія надъ императоромъ, затѣмъ Гогенлоэ, который несомнѣнно импровизовалъ Вильгельму II, но который сталъ канцлеромъ, когда въ немъ было за старостью уже мало душевной энергіи, наконецъ, Бюловъ.

Воспоминанія Бюлова — прежде всего, повѣсть о непрерывномъ и трудномъ дѣлѣи, управленіи сначала внѣшними дѣлами Германіи, а затѣмъ, въ званіи канцлера, и дѣлами внутренними. Преодолѣть то треніе государственной машины, о которомъ я говорю и которое истощило лежалъ въ несуразной личности монарха, юридически весьма могущественнаго.

Борьбу эту приходилось дѣлать возможно незамѣтной для монарха, ее нельзя было, по самому ея заданію, превратить въ откровенный конфликтъ, ибо такой конфликтъ влекъ бы за собой неизбежную побѣду Вильгельма II. Надо было быть педагогомъ и психологомъ, нужна была змѣиная мудрость, надо было умѣть имплицитировать.

Критики Бюлова изъ нѣмецкаго монархическаго лагеря сейчасъ угрожаютъ обнаруженіемъ переписки Бюлова съ императоромъ, которая, будто-бы, покажетъ, что онъ говорилъ въ ней съ Вильгельмомъ II въ совершенно иномъ тонѣ, чѣмъ онъ пишетъ о немъ сейчасъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Признаюсь, меня не смутитъ будущая публикація. Совершенно ясно, что Бюловъ какъ всякій государственный дѣятель, долженъ былъ считаться съ фактами, что ему приходилось дѣйствовать въ отношеніи Вильгельма II, отнюдь не безхитростно и часто идти вслѣ-

ма извилистой тропой. Было ли у него то оправданіе, которое могло лежать только въ служеніи идеалу высшему, нежели просто-душная монархическая лояльность, или нѣтъ, — я постараюсь указать ниже. Сейчасъ отмѣчаю только политическую проблему, наполнявшую собой все царствованіе Вильгельма II и каждый день стоявшую передъ Бюловымъ, проблему борьбы съ настойчивой нелогичностью императора.

Для многихъ другихъ въ Геоманіи, въ частности для дореволюціонной германской социаль-демократіи, былъ другой выходъ — революція. Но для Бюлова этого выхода не было. Онъ выросъ въ эру стараго императора Вильгельма и Бисмарка. Онъ зналъ, какъ велика была историческая заслуга прусской монархіи передъ германскимъ народомъ. Онъ не довѣрялъ, и имѣлъ основаніе не довѣрять, политическому воспитанію и зрѣлости своихъ согражданъ. Оставалась только одно: искать, въ рамкахъ существовавшей законности и наличныхъ фактическихъ условий, утвержденія контроля надъ монархомъ. Борьба была тягостной и утомительной. Она скрашивалась, правда, въ нѣкоторой степени, многими милыми качествами Вильгельма II, его живостью, добродушіемъ, искренностью и простотой. Но все же крупный государственный человѣкъ оказывался поставленнымъ при немъ въ своей дѣятельности въ условія, напоминавшія обстановку маленькаго двора восемнадцатаго вѣка, въ которой капризы и фантазии балованнаго суверена и интриги его окруженія являлись основными пружинами политической жизни

**

Между тѣмъ, дѣло шло не о Брайншвейгъ-Люнебургъ или Сакенъ-Готъ, а о могущественнѣйшей современной имперіи, окруженной грозными внѣшними опасностями и борющейся съ громадными внутренними проблемами.

Если, вопреки Вильгельму II, вопреки берлинской придворной обстановкѣ, эра Бюлова была все-же періодомъ блеска, могущества и процвѣтанія германскаго государства, то тѣмъ самымъ произнесенъ оправдательный приговоръ его государственной дѣятельности. Жизненный отчетъ, полный темперамента и духа борьбы, которымъ являются его Воспоминанія, взятый въ цѣломъ, убѣдительно.

Критики Бюлова, которыхъ много, ибо прямо неисчислимы появляющіяся въ Германіи книги по исторіи послѣднихъ десятилѣтій, склонны думать иначе. Никто не оспариваетъ его дарованій, по всеъ говорятъ, что общій балансъ политической дѣятельности четвертаго канцлера былъ дефицитарнымъ. Основной аргументъ: за время его власти произошло то «окруженіе» Германіи, жертвой котораго она стала во время великой войны! И, какъ будто, внѣшніе факты подтверждаютъ такую оцѣнку: въ самомъ дѣлѣ, годъ франко-англійскаго «соглашенія», 1904, и годъ англо-русскаго соглашенія, 1907, падаютъ на время, когда Бюловъ стоялъ во главѣ германской политики.

Достаточно-ли этого аргумента, чтобы доказать неумѣние или неудачу Бюлова? Конечно, нѣтъ. Вся теорія «окруженія» Германіи передъ великой войной есть незаконное упрощеніе смысла исто-

рического процесса, легенда, которая была годна для политической полемики и которая не соответствует никакой исторической действительности. Нѣтъ сомнѣнія, что гениальному искусству Бисмарка удалось въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія предупредить политическое сближеніе между Франціей и Англійей. Но Бисмаркъ имѣлъ дѣло со старой Германіей, не Германіей эры Бюлова, съ ея могущественной промышленностью и колоссальной вѣнчинею торговлей, съ ея морской силой и колониальными замыслами. Смѣшно было бы думать, что, оставаясь собой, эта Германія могла надѣяться на вѣчныя времена закрѣпить въ Лондонѣ тѣ настроенія, которыхъ представителями въ эпоху Бисмарка были Глостонъ и маркиз Солсбери.

Въ первомъ томѣ Воспоминаній, Бюловъ рассказываетъ о своемъ первомъ свиданіи съ императоромъ послѣ приглашенія занять постъ статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, на верхней палубѣ яхты «Гогенцоллернъ» въ томъ 1897 г. Онъ говорилъ императору о международномъ положеніи и резюмировалъ его такъ:

«Я знаю по моей посольской дѣятельности и изъ исторіи и гадать, что проблема, передъ которой я буду поставленъ, въ сущности сводится къ тому, чтобы построить флотъ для нашей обороны и нашей безопасности, съ тѣмъ, чтобы постройкой этого флота не быть вовлеченными въ войну съ Англійей. Это не совсемъ просто. Мы не должны *«propter viam vivendi perdere causas»*.

Символически проблема новой Германіи могла быть, действитель-

но, выражена такъ, какъ сказала тогда Бюловъ. Какъ бы то ни было, эту проблему Бюлову разрѣшить удавалось, пока онъ стоялъ у власти. Англо-французское сближеніе оставалось при немъ по своему значенію только оборонительнымъ и не перемѣщало сколько нибудь радикально условій политическаго равновѣсія въ ущербъ Германіи. Оно приобрѣло свой новый, опасный для Германіи, смыслъ только въ ту пору, когда малоспособные преемники Бюлова, не умѣвшіе къ тому же держать въ рукахъ своего монарха, подошли вплотную къ великой войнѣ. Германскій «империализмъ», который Бюловъ воплощаетъ и котораго онъ не могъ не воплощать, ибо онъ не могъ, конечно, и не хотѣлъ обкарнить новой Германіи, не утратилъ еще при немъ наслѣдія великихъ политическихъ умѣній и уроковъ Бисмарка. Несмотря на договоръ 1904 г. между Англійей и Франціей, Германія сохраняетъ за собой всю свою свободу движеній въ сферѣ большихъ колониальныхъ и заморскихъ проблемъ, которая передъ ней ставится. Исторія паденія Делькассе и Альжесифасская конференція лучше всего говорятъ объ этомъ. Какъ бы то ни было, Бюловъ одолѣлъ и свалилъ того самаго Делькассе, который создалъ актъ 1904 г. Упрекать Бюлова въ томъ, что потомъ, послѣ него, вышло изъ англо-французскаго «согласія», утверждать, что и онъ не сумѣлъ бы довести до конца безъ катастрофы линію своей мирной политики въ отношеніи Англійи, значить предаваться гипотезамъ и гаданіямъ, лишеннымъ всякой убѣдительности.

Англо-русское соглашение 1907 года на первый взгляд может казаться вторым, может быть, еще более грозным, признаком «окружения» Германи. Бюловъ отдавал себѣ ясный отчетъ въ томъ, что англо-русское соглашение было фактомъ существенной важности и въ то же время грезиво отбрасывалъ его въсь. Въ Воспоминаніяхъ онъ говоритъ о немъ:

«Въ сущности договоръ былъ выгоднѣе для русскихъ, чѣмъ для англчанъ, и то удовлетворение, которое обнаруживалъ склонный къ шеславію Извольскій послѣ его заключенія, имѣло основаніе. Что это соглашение осуществилось, показывало — и я обратилъ вниманіе императора именно на этотъ пунктъ, — что мы стали для Англїи главнымъ предметомъ ея за висти и ея заботы и что она была готова даже къ существеннымъ жертвамъ, чтобы обезопасить себя съ нашей стороны».

Диагнозъ былъ вѣренъ, но такъ же вѣрно было и то, что писалъ Бюловъ въ циркулярной депешѣ германскимъ посламъ въ связи съ англо-русскимъ соглашеніемъ:

«Основные» источники окружающахъ насъ политическихъ опасностей мы не можемъ устранить, не отрекаясь отъ насъ самихъ. Они лежатъ — поскольку дѣло идетъ о Германіи — въ усиленіи ея экономической моши постѣ образования имперіи. Остальныя страны влечетъ къ соглашениямъ страхъ — конечно, объективно не оправдывающійся — передъ какою-то злоупотребленіемъ съ ея стороны и со стороны ея ближайшаго союзника экономическимъ, а слѣдовательно, и политическимъ мо-

гуществомъ. Эти соглашения и союзы въ своемъ происхожденіи носятъ оборонительный характеръ».

И въ той-же депешѣ Бюловъ дѣлалъ отсюда практическій выводъ:

«Мы должны считаться съ тѣмъ, что, если мы или Австро-Венгрія окажемся въ серьезномъ столкновеніи интересовъ съ одною изъ державъ Согласія, то соглашения и уговоры, до сего времени не крѣпкіе и неопредѣленные, могутъ слуститься до конкретныхъ союзовъ, такъ что мы и Австро-Венгрія будемъ находиться лицомъ къ лицу съ сильной коалиціей».

Онъ рекомендовалъ поэтому слѣдующую программу: «не прерывать нити съ С.-Петербургомъ, продолжать въ отношеніи Англїи политику «терпѣнія и осторожно стія» и поддерживать корректныя отношенія и нѣкоторый *modus vivendi* съ Франціей».

Никто не будетъ оспаривать разумности этой программы, какъ и того, что Бюлову до конца его власти удавалось ея осуществленіе; гибель этой политики, «слущеніе» Согласія въ коалицію, не его вина.

Послѣвоенныя нѣмцы съ тѣмъ же отсутствіемъ скепсиса и благонамѣреннымъ и безоговорочнымъ упорствомъ повѣрили въ *Angu* Націй и въ международный пацифизмъ, съ какими предшествующее поколѣніе вѣрнито въ шумливыя рѣчи Вильгельма II и крикливый германскій имперіализмъ конца XIX и начала XX в. в. Они забыли сейчасъ, чѣмъ была довоенная Германія, и не ясно понимаютъ, чѣмъ скоро опять станетъ Германія послѣвоенная. Когда-то

Бюловъ въ своей извѣстной книгѣ о Германской Политикѣ остроумно замѣтилъ, говоря объ «окруженіи» Германіи, что это окруженіе началось съ Верденскаго договора 11 августа 843 г., когда распалась имперія Карла Великаго. Въ самомъ дѣлѣ коренная условія политическаго бытія и роста Германіи таковы, что ей — можетъ быть, больше, чѣмъ какому либо другому европейскому государству — жизненно нужна хорошая дипломатія. Эта дипломатія не должна строиться на превеличійхъ германскихъ возможностяхъ, но она не обязана къ ихъ преуменьшенію. Въ Бюловѣ было то чувство мѣры, котораго не оказалось у его до-военныхъ и послѣ-военныхъ преемниковъ. Несправедливо сейчасъ упрекать его въ томъ, что онъ вѣрилъ въ силы своего народа, какъ несправедливо было упрекать его въ эпоху власти, что онъ въ то же время понималъ необходимость самоограниченія этихъ силъ, во имя трезваго сознанія, что рядомъ съ Германіей живутъ другіе могущественные и великіе народы.



Въ началѣ октября 1918 г. Бюловъ, давно уже въ отставкѣ, потучилъ, въ своемъ имѣніи около Гамбурга, письмо отъ близкаго ему депутата рейхстага, Гекшера, письмо, въ которомъ тотъ съ глубокимъ волненіемъ сообщаетъ вѣсть о неминуемости нависшей надъ Германіей катастрофы. Бюловъ, приведя это письмо, продолжаетъ:

«Со времени смерти моей единственной сестры, которая, малень-

кій ангелъ, въ январѣ 1870-го года, едва 12-ти лѣтъ, была перенесена изъ земныхъ садовъ въ рай, и до смерти моей больше всего любимой жены, я никогда не плакалъ. Когда я дочиталъ письмо депутата Гекшера до конца, я зарыдалъ. Не одно сознание нашего пораженія меня потрясло, но еще предстоящая капитуляція, послѣ четырехлѣтней героической борьбы, послѣ столькихъ достижений, храбрѣйшей, прекраснѣйшей арміи міра, пораженіе арміи Фербеялина и Лейтена, Лейпцига и Ватерлоо, Садовы и Седана. И еще больше — мгновенно родившееся во мнѣ сознаніе, что пришелъ день, когда исполнятся всѣ тревоги, которыя владѣли мною въ теченіе девяти лѣтъ, предчувствіе, что пришелъ твой, день паденія священной Трои. Я зналъ нашихъ противниковъ, жажду власти, садическую жестокость французовъ, французскихъ генераловъ и французскихъ адвокатовъ, холодную жестокость англичанъ. Поступанія за послѣднія недѣли изъ Виллингтона извѣстія позволяли мнѣ ясно понять, что президентъ Вилсонъ относился къ европейскимъ отношеніямъ и остоженіямъ съ чуждою и ледковѣрною безсознательнаго Гурона Вольтероваго безсмертнаго «Ingenie». Я зналъ слишкомъ хорошо германскій партійный духъ, мелочность и эгоизмъ, ничтожество нашихъ фракцій, недостаточность политическаго сознанія средняго нѣмца, слабость нѣмецкаго національнаго чувства, чтобы вѣрить въ сопротивленіе, которое проповѣдывало германская демократическая печать наканунѣ того, какъ герман-

ской демократіи пришлось взять воедино в свои руки».

Нельзя не дѣлать захватывающей искренности этихъ строкъ. И въ нихъ оправданіе третьяго, едва ли не самого интереснаго, тома Воспоминаній князя Бюлова. Онъ посвященъ періоду, слѣдовавшему за отставкой канцлера въ 1909 г., и доведенъ до конца революціи. За эти годы Бюловъ не игралъ личной отвѣтственной роли въ событіяхъ, кромѣ короткаго промежутка миссіи въ Италію зимой 1914 - 1915 года, когда на него было возложено неблагодарное порученіе помѣнать вступленію Италіи въ войну, не требуя никакихъ существенныхъ уступокъ со стороны Вѣны. Но и вдали отъ власти такой человѣкъ, какъ Бюловъ, имѣть, конечно, возможность лучше, чѣмъ многіе, наблюдать и оценивать то, что происходило въ Берлинѣ въ минуту возникновенія войны и какъ потомъ велась германская политика военнаго времени. Въ этомъ смыслѣ его рассказъ о случившемся чрезвычайно поучителенъ и интересенъ.

На этотъ рассказъ особенно сходятся сейчасъ въ Германіи. Онъ въ самомъ дѣлѣ очень далекъ отъ официального, для вышнихъ Германіи, пониманія отвѣтственности за войну. Онъ также мало сходится, конечно, и съ официальной доктриной странъ Союзовъ теоріей Версальскаго договора и всѣхъ безчисленныхъ научныхъ или полуполитическихъ варіанцій на эту тему.

Когда Бюловъ пришелъ въ первые дни войны повидать Бетманъ-Гольвега, онъ нашелъ его стоящимъ посреди гостинной во дворѣ имперскаго канцлера. По-

слѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія Бюловъ спросилъ: «Скажите мнѣ, какъ это случилось?» Бетманъ поднялъ кверху свои длинныя руки и сказалъ глухимъ голосомъ: «Да, кто могъ это предполагать!» Бюловъ жалѣеть, что никго не снялъ моментальной фотографіи съ незадачливаго канцлера въ эту минуту: снимокъ служилъ бы лучшимъ свидѣтельствомъ того, какъ мало онъ искалъ войны и какъ безсиленъ онъ былъ ее отворотить. Разговоръ продолжался, и Бетманъ, овладевъ собой, началъ развивать Бюлову мысль, что война минуетъ какъ молниеносная гроза и приведетъ къ союзу между цивилизованнымъ Германіей, Франціей и Англійей противъ «русскаго варварства».

Бетманъ не хотѣлъ войны, но онъ ее допустилъ влѣдствіе своей полной безпомощности въ критическіе дни, которые ей предшествовали. Таковъ коренной выводъ бюловскихъ Воспоминаній. Онъ далъ «carte blanche» легкомысленнымъ и безотвѣстнымъ австріяцамъ, въ ничѣмъ не оправданной увѣренности, что война будетъ доказана, онъ самымъ наивнымъ образомъ былъ убѣжденъ, что «Англія ему доверяетъ» и въ войну не вступитъ, онъ поторопился объявить войну Россіи въ смѣшномъ расчетѣ, что такимъ образомъ онъ «будетъ имѣть за себя германскую социальную демократію», онъ допустилъ вступленіе германскихъ войскъ въ Бельгію и съ настойчивостью твердилъ при этомъ свою фразу о «ключкѣ бумага», онъ маневрировалъ такъ, что міровое общественное мнѣніе приписало Германіи починъ войны, а два старыхъ

союзника наши безъ труда предлогъ для нарушенія союзныхъ обязанностей.

Подведенный Бюловымъ итогъ германской политики въ періодъ предшествоващаго войнѣ кризиса жестокъ, но я считаю его справедливымъ и точнымъ. Чѣмъ дальше развертываются передъ нами страницы прошлаго, тѣмъ все яснѣе и яснѣе устанавливается, что основной грѣхъ германской дипломатіи наканунѣ войны лежалъ не въ ея волѣ къ войнѣ, а въ ея совершенно неслышанной

глупости и неумѣлости. Но страшной и причудливой фантазіи историческаго узора, съ Германіей въ 1914 г. произошло то, что произошло во Франціи передъ франко-прусской войной: Бетманъ-Гольвегъ и Яго своеобразно параллельны Эмилю Оливье и герцогу Грамону, а Вильгельмъ II — Наполеону III. И каждая изъ этихъ злосчастныхъ историческихъ фигуръ трагически зоветъ великую національную катастрофу.

Бар. Б. Э. Нольде.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Иванъ Бунинъ. Божье древо. Изд. «Современныя Записки». 1931 г. Парижъ.

Еще въ 1926 году въ своей статьѣ о Бунинѣ (по поводу «Митчлой Любви») я писалъ, что въ творествѣ этого писателя какъ будто намѣчается нѣчто новое. «Жизнь Арсеньева» вполне оправдала мое предчувствіе.

То, что въ прежнихъ вещахъ было самымъ существеннымъ, самымъ главнымъ, самымъ бунинскимъ, въ новомъ романѣ отступаетъ на второй планъ. Конечно, и въ «Арсеньевѣ» картины Россіи — дворянско-деревенской, мѣщанско-городской, интеллигентски-революционной — даны съ тою же стереоскопическою рельефностью, въ которой Бунинъ не знаетъ соперниковъ. Но все это для «Арсеньева» не характерно и въ немъ не важно. За это изумительное изобразительство Бунина, по старому, хочется благодарить, но не оно, по новому, влечетъ къ нему. Новое въ «Арсеньевѣ» не пластика, а музыка. Нѣкое, непередаваемое словами звучаніе тверди небесной, той тверди духовной, подъ которой развертываются судьбы Россіи и судьба Арсеньева. Съ этой «музыкальной сферой» сливаются воспоминанія Арсеньева не только о своихъ предкахъ, не только о раннемъ влияніи на него великихъ зачинателей новой русской культуры — воспоминанія о Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Баратынскомъ, Гоголѣ, но и о гораздо болѣе древнихъ звукахъ, неизвѣстно какъ дошедшихъ до мальчика, неизвѣстно кѣмъ завѣщанныхъ ему, о звукахъ органа въ древнихъ церквахъ, о звонѣ средневѣковыхъ мечей.

Тема памяти сущностно связана съ темой смерти. Читая «Арсеньева», всѣмъ существомъ чувствуешь, что преображающая глубина бунинской памяти есть реальная власть надъ обезображивающимъ безпамятствомъ большевизма, что она не просто память, но уже вѣчная память панихиды.

Тотъ же «литургически пахучій дымъ ладана», синія, стелется и надъ картинами той изумительной Россіи, которую Бунинъ запечатлѣлъ въ своихъ «странствіяхъ» («Божье Древо»). На двадцати трехъ страницахъ, написанныхъ съ предѣльною простотой, доступною только изощреннѣйшему мастерству, изображена и Россія революціоннаго ада и Россія нетлѣнныхъ святыхъ.

Революціонный адъ данъ сильно, но сдержанно. Никакія свои воспоминанія въ духѣ «Окаянныхъ дней» не тревожатъ больше мнѣ.

ра и правды бунинской памяти. И потому въ ея глубинѣ, въ атмосферѣ высокой, прозрачной осенней прохлады такъ скорбно и все же свѣтло возникаютъ одинъ за другимъ лики Россіи: монастыри — Даниловъ въ Москвѣ, Макарьевскій на Волгѣ, монастырь Саввы съ соборомъ XIV вѣка, Троицкая Лавра; старинная помѣстья — Измайловское, вотчина царя Алексѣя Михайловича, Троицкое Румянцевъ, Остафьево, гдѣ въ кабинетѣ Карамзина подъ стекломъ лежатъ вещи Пушкина и другія не столь знаменитыя, но столь же дорогія памятливому сердцу. Странствуя по монастырямъ и помѣстьямъ, городамъ и селамъ, Бунинъ то раскроетъ передъ нами рукописи древняго монаха — «Замогильныя лѣтописи созерцанія», то покажетъ хранящійся въ Лаврѣ кафтанъ Ивана Грознаго, то сообщитъ выписку изъ старой книги о селѣ Измайловѣ, то напомнимъ древнее слово о суровомъ подвижникѣ. Такъ возникаетъ въ «странствіяхъ» незапамятная, нерушимая Русь Въ скорбномъ лиризмѣ, которымъ исполнены «Странствія», слышится острая боль, боль прощанія Россіи съ Русью. Слышится и тревожный вопросъ: правда ли, что не разрушится нерушимое, не забудется незапамятное? И все это дано безъ всякой ложной романтики, безъ тѣхъ «пѣтушковъ», что такъ пазовито торлазаны въ эмигрантскихъ изданіяхъ, въ разныхъ нашихъ «Пасхлх.» и «Верблхъ», безъ тѣхъ «березокъ», что такъ досадно снижаютъ подлинный лиризмъ эмигрантской памяти Во всемъ полное отсутствіе нестрой дубочной ярмарочно-декоративной живописности; все строгая, отчетливая иконопись.

Надъ странствіями нѣтъ эпитафия, но первый кусокъ ихъ кончается словами, которыя могли бы послужить таковымъ. Это слова апостола Господня, сказанныя Юанну Многострадальному: «это свѣтъ твоей скорби свѣтитъ тебѣ, Юаннъ»

Кромѣ «странствій» въ «Божьемъ Древлѣ» собрано Бунинимъ сорокъ девять разказовъ. Изъ нихъ сорокъ шесть совсѣмъ коротенькихъ: отъ полутора страницъ до восьми строкъ Эти «короткіе разказы» представляютъ собой для русской литературы совершенно новую форму. Ихъ чтеніе, не напоминая стихотвореній въ прозѣ Тургенева, вызываетъ въ памяти, съ одной стороны (что вполнѣ естественно), короткіе разказы Петра Альтенберга — въ особенности разказъ «Слонъ», совершенно альтенберговскій, даже и по сюжету — а, во-вторыхъ (что далеко не такъ естественно), нѣкоторые и въ художественномъ отношеніи замѣчательные философскіе фрагменты Киркегаарда. Думается, что эта послѣдняя, не естественная ассоціація объясняется тѣмъ, что короткіе разказы Бунина выросли не только изъ чисто художественной «жажды запечатлѣнія жизни, но и изъ глубокаго раздумья надъ ней Въ нихъ раскрывается та сторона бунинскаго дарованія, которая влекла его къ стиху Какъ стихи Бунина, такъ и короткіе разказы философичнѣе и метафизичнѣе его остальной (до арсеньевской) прозы. Почти всѣ короткіе разказы настоятельны на мысляхъ. Читая ихъ, — одинъ за другимъ, — чувствуешь, что пишешь очень крѣпкій и горькій напитокъ. Крѣпкій потому, что Бунинъ глубоко честенъ и серьезенъ въ своихъ вопросахъ ихъ ч...

держенъ на всякую безответственную выдумку; горькій потому, что онъ не даетъ никакихъ отвѣтовъ. Последняя форма его жизненной мудрости — удивленіе: то восторженное, то умилненное, то гнѣвное, то скорбное; но всегда творческое и потому всегда далекое отъ того дешеваго скептицизма, что перѣдко соприкасается съ пошлостью.

Одержимѣ всего Бунинъ въ своихъ раздумьяхъ о смерти. Смерти посвящены пѣлыхъ шесть рассказовъ. Два изъ нихъ убійству. Первый рассказъ «Къ роду отцовъ своихъ» потрясаетъ тою громадною художественною силою, съ которой въ немъ слиты воедино два несліянныхъ, хотя и пераздѣльныхъ лика смерти: ликъ ея неземной красоты и ликъ ея земного зловонія. «Къ роду отцовъ своихъ» — это ладанъ надъ падающею. Такъ страшно, правдиво и несмотря на весь свой неприкрытый реализмъ все же сокровенно религиозно о смерти въ Россіи никто еще не писалъ. Хочется отмѣтить еще «убійство» Въ двадцати восьми строкахъ рассказанъ трагическій романъ жепщины, убившей своего любовника. Читателю видно все: не только показанное авторомъ — ея домъ, красота, богатство, страсть, но и непоказанное — ея случайный, не по любви бракъ, лишь во вдовствѣ проснувшаяся первая любовь, судъ присяжныхъ и оправдательный приговоръ. Эта большая и сложная повѣсть въ одну страницу, совершенно изумительная по точности и насыщенности рассказа вещь.

Наряду съ темой смерти сильнѣе всего звучитъ въ короткихъ рассказахъ тема острыхъ жизненныхъ разногласій: горбунъ, пришедшій на свиданіе съ прекрасной незнакомкой и убитый тѣмъ, что его встрѣтила разряженная горбунья; бывшая артистка императорскихъ театровъ, ежегодно съ бьющимся сердцемъ выступающая на литературно-музыкально-вокальномъ вечерѣ въ пользу недостаточныхъ учениковъ пятой гимназіи; нищая, убогая домашняя жизнь студента бѣлоподкладочника, завсегдагая богатыхъ петербургскихъ гостиницъ и шикарныхъ ресторановъ.

Много короткихъ рассказовъ посвящено, конечно, Россіи. Нѣкоторыя изъ нихъ — моментальные снимки съ природы, но всегда только съ природы, типически отображающей сущность Россіи: ея много-сложный ликъ, ея жестокой исторической путь. Нѣкоторые только текія словесныя оправы какого-нибудь острого народнаго слова.

Мужикъ, не моужій на семитку купить квасу — «капиталь не дозволяетъ!» — это ли не русская бѣдность.

Староста «отъ комети» забывающій слуховое око — это не не русская слѣпота.

Баба къ барину охотнику: «что же это вы, баринъ, не спите? Ишь, ужъ не рано, пѣтухи опѣваютьъ ночь» — это ли не народная поэзія.

Всѣ рассказы, конечно, очень «сдѣланы». Но сдѣланы такъ мастерики, что ихъ сдѣланность не видна. Это искуснѣйшей рукой ограненные камни, кажушіяся природными кристаллами. Даръ такого обмана есть высочайшая правда творчества: печать совершенства.

Въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы отмѣтить нѣкоторые, какъ мнѣ кажется, новые приемы бунинскаго письма. На первый взглядъ какъ будто бы ничего не измѣнилось. Но, вчитываясь внимательно, тамъ-

чаешь слѣдующее: во-первыхъ, нѣкоторую импрессионистическую эзотропность выраженія, которой въ прежнемъ Бунинѣ, какъ будто, не было; напримѣръ: «лысый еврей... который... съ бѣшеной страстью жметъ и бьетъ смычкомъ по скрилкѣ» или лѣтужи, которые поютъ, «какъ неживые»; а, во-вторыхъ, такую типичность описанія, которая даетъ уже не только внѣшній образъ явленія, но какъ бы анализъ его.

«Онъ (красноармеецъ), обросъ густой красной бородой. Крутые, прозрачно-коричневые глаза стоятъ, какъ у филина. Стриженная голова имѣетъ форму гроба». На первый взглядъ, самый обыкновенный рисунокъ. Но я чувствую въ красной бородѣ красный кумачъ революціи; при упоминаніи стоящихъ, какъ у филина, глазъ невольно наталкиваюсь на мысль, что, какъ филинъ слѣпнетъ днемъ, такъ и народъ ослѣпъ отъ свѣта революціи, и живые влія перелѣтъ собору голову, имѣющую форму гроба, вдруть чувствую связь вырожденія и преступленія, какъ центральную тему революціи. Такихъ примѣровъ можно было бы найти много. Я знаю, что своимъ анализомъ я убиваю живую душу бунинскаго описанія: упрощаю и опрощаю рисунокъ. Ясно, что Бунинъ въ процессѣ письма не думалъ о томъ, что я въ его разсказѣ искрываю. Однако, безсознательно это въ немъ все же очевидно думалось: — ипаче мнѣ не объяснить моихъ мыслей о его красноармейцѣ.

Закрывая «Божье Древо», испытываешь много разныхъ чувствъ. Но — прежде всего радость, о томъ, что писатель, давший такъ много, какъ Бунинъ, все еще продолжаетъ духовно расти и творчески преобразоваться.

Федоръ Степунъ.

Д. Мережковскій. Тайна Запада Атлантида-Европа. Бѣлградъ. Русская Библиотека. 1931 г.

Въ краткой рецензіи невозможно передать идейное богатство этой новой книги знаменитаго русскаго писателя. Да и рецензію о ней полагаюсь бы писать не мнѣ, а скорѣе М. И. Ростовцеву: не обладая знаніями въ области, на изученіе которой Д. С. Мережковскій положилъ долгіе годы, я не могу касаться того, что все-же составляетъ существо книги. — спора объ Атлантидѣ. А основныя мысли автора уже были хорошо изложены на страницахъ главныхъ эмигрантскихъ газетъ, и навово излагать ихъ бесполезно, — вдобавокъ никакой пересказъ не дастъ надлежащаго представленія о книгѣ. Значительность поднятыхъ въ ней вопросовъ и всемірная извѣстность Д. С. Мережковскаго даютъ полное право разсчитывать, что всякій образованный русскій прочтетъ «Атлантиду-Европу».

Самъ авторъ книги, впрочемъ, въ это плохо вѣритъ. «Книга эта письмо въ буздыкъ, брошенное въ море съ тонущаго корабля», — пишетъ онъ еще въ «Тайнѣ Трехъ». Объ этихъ своихъ словахъ онъ напоминаетъ и въ «бесполезномъ предисловіи» къ новому своему труду. Замѣтимъ, что по силѣ и блеску выраженія «бесполезное предисловіе» относится къ самымъ замѣчательнымъ частямъ книги. Харак-

терь его чисто-эсхатологическій. Д. С. Мережковскій, правда находить, что «конецъ свѣта есть видѣніе русское, что вся наша литература, — отъ Чаадаева, который всю жизнь молился въ смертномъ страхѣ за Россію и Европу вмѣстѣ: «да придетъ царствие Твое», и Гоголя, который сошелъ съ ума и умеръ отъ этого страха, черезъ Достоевскаго, «человѣка изъ Апокалипсиса», до Вл. Соловьева съ повѣстью его о «кончинѣ міра» и Розанова съ его «Апокалипсисомъ нашихъ дней», — вся русская литература, душа Россіи, есть эсхатология». Въ отношеніи всей русской литературы такое утвержденіе обосновать было бы трудно, — достаточно назвать Пушкина (если не извлекать изъ него отдѣльныхъ строкъ). Но самъ Д. С. Мережковскій всю жизнь говорилъ о «концѣ». Въ предисловіи къ «Атлантидѣ Европы» онъ достигаетъ такой высоты краснорѣчія, какой, быть можетъ, еще никогда не достигалъ до сихъ поръ.

«Можетъ быть, укрѣпляя внѣшній порядокъ и не думая о внутреннемъ, мы укрѣпляемъ стѣнки снаряда, начиненнаго порохомъ. чѣмъ крѣпче стѣнки, тѣмъ сильнѣе будетъ взрывъ... — «Черезъ 20-30-50 лѣтъ будетъ вторая война; если не мы, то наши дѣти, внуки, правнучки, увидятъ ее: всѣ это знаютъ или предчувствуютъ. «Миръ, миръ», говорятъ, а звучитъ «война, война». Хочешь миръ, готовься къ войнѣ; хочешь войны, говори о мирѣ». — «О, конечно, Россія сама себя погубила; будемъ щедры, скажемъ: девять десятыхъ гибели принадлежатъ ей, но все-таки одна десятая принадлежитъ и Европѣ. Девять пудовъ, наваленныхъ на спину человѣка могутъ его не раздавить, но отъ десятаго — кости хрустнутъ». — «Русскій коммунизмъ, оледенѣлая глыба войны, медленно таетъ подъ солнцемъ европейскаго «мира»: когда же растаетъ совсѣмъ, — рухнетъ на Европу» — «Быкъ, идучи на бойню, жалобно мычитъ; такъ Европа, идучи на войну, говоритъ о мирѣ. Можно бы избѣгнуть второй войны, если бы мы помнили первую, но память наша о ней — тусклая лампада надъ могилою Незвѣстнаго Солдата Миролюбивая Европа — какъ жезла прелюбодѣйная, обтерла ротъ свой и говорить: «я ничего худого не сдѣлала».

Эти идеи, высказанныя въ книгѣ съ необыкновенной силой и краснорѣчіемъ, собственно не такъ ужъ тѣсно связаны съ общимъ міропониманіемъ Д. С. Мережковскаго. Сходныя мысли высказывались Шпенглеромъ. Высказывались онъ выдающимся философомъ Г. А. Ландау, еще въ 1914 году предвосхитившимъ очереъ многое изъ того, что впоследствии принесло Шпенглеру его міровую славу. Высказывались онъ и другими. — нѣкоторыя изъ этихъ мыслей считаетъ весьма близкими своимъ и пишущій эти строки. На нихъ сходятся такимъ образомъ люди, чуждые и другъ другу, и автору «Атлантиды Европы». Точно также и отвѣты могутъ быть самые разные, — отъ того, который дается Д. С. Мережковскимъ, до «Alles was entsteht, ist wert, dass es zu Grunde geht», или до словъ Шопенгауера. «Im Allgemeinen freilich haben die Weisen aller Zeiten immer das Selbe gesagt, und die Thoren, d. h. die unermessliche Majorität aller Zeiten,

haben immer das Selbe, nämlich das Gegentheil. gethan: und so wird es denn auch ferner bleiben»

«Вѣтеръ потона свиститъ во всѣ щели нашей европейской хижинѣ, — будемъ же строить ковчегъ», — говоритъ Л. С. Мережковский. Вѣтеръ свиститъ во всѣ щели, это совершенно вѣрно. А вотъ въ вопросѣ о «ковчегѣ» авторъ новой трилогіи занимаетъ особое, одному ему принадлежащее мѣсто. Особнякомъ стоитъ онъ и во всей своей литературной дѣятельности, яркой, своеобразной, ни на что другое не похожей. Имя и книги Мережковского извѣстны образованнымъ людямъ во всемъ мірѣ; есть у него теперь и послѣдователи, но самъ онъ ничѣмъ послѣдователемъ не является, и даже съ тѣми писателями, имена которыхъ часто произносятся въ статьяхъ о немъ (Достоевскій, Розановъ), у него въ сущности не очень много общаго.

«Человѣкъ знаетъ, что умереть, потому что другіе люди умираютъ; такъ второе человечество знаетъ или могло бы знать, что умереть, потому что умерло — первое». Это основная мысль книги. Для ея обоснованія пущенъ въ ходъ огромный ученый аппаратъ, рѣдкій литературный даръ (достаточно прочесть описаніе Елеазарскихъ гаданствъ). Въ обсужденіе доводовъ Л. С. Мережковского мы входить не можемъ и не станемъ. Вѣрно было, къ тому же, сказано въ недавней статьѣ о книгѣ: «эти доводы, эти зарисовки не въ «силлогизмахъ и индукціяхъ», а часто строятся «по законамъ какой-то невѣдомой намъ логики, въ прозрѣніяхъ, ясновидѣніяхъ, интуиціяхъ». — Если бы сложное строеніе, возводимое авторомъ книги, всегдѣ основывалось на «силлогизмахъ и индукціяхъ», мы могли бы высказать сомнѣніе характера прагматическаго: можно ли, разумно ли строить болыше здание на такомъ (все-же довольно шаткомъ) фундаментѣ, какъ гипотеза объ Атлантидѣ? Что, если правъ Аристотель, насмѣливо относившійся къ этой гипотезѣ: «кто Атлантиду создалъ, тотъ и разрушилъ». Между тѣмъ книга Л. С. Мережковского, его философскій подъемъ, блескъ его тонкой мысли, отчетливость его стиля, это высокія цѣнности русской и европейской литературы.

М. Алдановъ.

М. А. Алдановъ. Десятая Симфонія. Изд-во «Современныя Записки». Парижъ, 1931.

«Читалъ онъ преимущественно старыя журналы. Здѣсь были разсказы о томъ, что дѣлалось на свѣтѣ въ послѣднія сто лѣтъ, — мосье Изабе почти все это помнилъ, — биографіи знаменитыхъ людей вѣка. — мосье Изабе почти всѣхъ ихъ знаетъ» Эти слова можно было бы примѣнить и къ автору этой книги, хотя онъ — нашъ современникъ и не жилъ въ концѣ 18-го и въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка. Не память и личное знакомство, но тщательное изученіе и интуиція художника приводятъ къ аналогичному результату: интимному, личному знанію давно прошедшей эпохи, давно умершихъ людей. Объ этихъ людяхъ и этой эпохѣ Алдановъ имѣетъ

разсказывать такъ, какъ будто онъ ихъ помнитъ. Читатель увидитъ въ повѣсти и Вѣну времени Конгресса, и привлекательную фигуру большого русскаго барина графа Разумовскаго, имя котораго обезсмертити бетховенскія посвященія, австрійскую аристократію, Императрицу Енгиеню и салонъ художника Изабе въ годы грѣшей имперіи съ Дантесомъ, Фульдомъ и Маркизой Паввой среди гостей И, наконецъ, какъ будто эпизодическую, а на самомъ дѣлѣ центральную фигуру Бетховена. О Бетховенѣ Алдановъ пишетъ съ такимъ полнымъ и безоговорочнымъ преклоненіемъ, къ которому мы не привыкли въ его книгахъ.

«Десятая Симфонія», конечно, никакъ не историческій романъ и не романъ вообще. По замыслу автора она близка къ тому, что въ восемнадцатомъ вѣкѣ называли философскою повѣстью, и правильнѣе было бы назвать повѣстью символическою. Основной символъ достаточно ясенъ: «И вотъ лѣстница стоитъ на землѣ, а верхъ ея касается неба». Этимъ основнымъ символомъ оправдывается соединеніе въ одной книгѣ такихъ различныхъ и по формѣ и по содержанію вещей какъ «Азефъ» и «Десятая Симфонія». Самое высокое и самое низкое: Азефъ — то въ образѣ человѣческомъ, чему аналогію къ животномъ царствѣ авторъ находитъ въ удавѣ, — и Бетховень — «величайшій художникъ всѣхъ временъ -- царь того искусства, которое умнѣе всѣхъ мудрецовъ и философовъ въ мірѣ». Можно спорить съ этой огнѣнкой, сдѣланной въ повѣсти устами Разумовскаго. Самъ Разумовскій говоритъ о девятой симфоніи «развѣ въ этомъ изумительномъ произведеніи не дѣтскіе приемы?». Если хотите только волосокъ отдѣлять это отъ безвкусія? Потому-то многіе величайшимъ въ мірѣ музыкантомъ склонны считать не Бетховена, а Баха... Но, разумѣется, и Бетховень стоитъ на одной изъ высокихъ ступеней «лѣстницы, касающейся неба». Но странно: сама музыка не всегда божественна, и она тоже только лѣстница отъ земли къ небу. По какому то странному противорѣчію она доступна и тому ужасному существу, которое символизируетъ въ повѣсти самое низшее на землѣ. Алдановъ приводитъ Бетховена, «невсесокаго рябого чловѣка» въ армарочный звѣринецъ во время кормежки удава. Удаву бросають живого кролика и онъ издаетъ при видѣ его странный свистъ, «въ которомъ было что-то музыкальное». «Звѣи очень музыкальны -- говоритъ Бетховену хозяинъ удава, — опѣ, можетъ быть, музыкальнѣе насъ съ вами».

Почему называетъ Алдановъ свою «символическую» повѣсть «Десятая Симфонія»? «Въ послѣдніе годы жизни Бетховень готовитъ новое произведеніе, по сравненію съ которыми померкни бы всѣ другія. Оно должно было называться десятой симфоніей. Въ нее Бетховень хотѣлъ вложить всю свою душу». «Неужели, — спроситъ Изабе... Онъ вздохнуть и задумался. — У всякаго чловѣка есть своя десятая симфонія, — сказала онъ. И другой чловѣкъ, которому только все удалось въ жизни, Фульдъ подтверждаетъ это: «Въ сущности мы всѣ неудачники. Всѣ неудачники? Но есть одни, одержи-

мые, какъ Бетховень, который «самъ создаетъ вокругъ себя атмосферу муки и потомъ самъ себя утѣшаетъ какъ можетъ». И есть другіе, мудрые, какъ Изабе, которые понимаютъ, что «спорить по существу бесполезно: вѣдь всё сумасшедшіе». «Изабе съ годами становится все снисходительнѣе къ людямъ». Только такъ и можно прожить до глубокой старости и еще видѣть, приближаясь къ смерти, «какъ хороша жизнь, какъ люди ея не цѣнятъ, какъ не видятъ всей ея красоты и какъ всячески отравляютъ ее себѣ и, въ особенности, другимъ». Это «пріятіе» жизни ново и неожиданно въ творчествѣ Алданова.

Но не только въ содержаніи, но и въ формѣ этой повѣсти есть новое. «Волнующая связь времени въ своей слитности, непостижимая, — это, можетъ быть, доводъ въ пользу отрывочнаго, миниатюрнаго искусства», — говоритъ Алдановъ. Въ новой повѣсти онъ отказывается отъ видимости слитности, повѣсть состоитъ изъ небольшихъ отрывковъ, связанныхъ только внутренне, если не считать такой связью фигуру художника Изабе. Каждый отрывокъ, каждая главка имѣетъ по старинному обычаю эпиграфъ, что придаетъ еще больше законченности каждой изъ нихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отрывочности всей повѣсти. Единство «Десятой Симфоніи» создаетъ манера автора, это замѣчательное искусство рассказывать. Къ нему самому можно приписать строки Данте, которая онъ взялъ эпиграфомъ къ главкѣ объ Изабе:

E l'onor di quell'arte
Ch'illumina è chiamata in Parisi.

Алдановская манера повѣствованія, достигшая своего совершенства въ послѣднихъ книгахъ, требовала бы внимательнаго разбора. Интересъ и прелесть ея вещей столько же въ ней, въ томъ какъ онъ рассказываетъ, сколько и въ томъ, что онъ рассказываетъ. Читатель можетъ въ этомъ убѣдиться, попробовавъ перечестъ одну изъ книгъ Алданова нѣсколько времени спустя послѣ перваго чтенія, когда еще не изтатилось изъ памяти ея содержаніе. Онъ перечестъ ее съ удовольствіемъ, которое будетъ, разумѣется, обусловлено формой, миксерой разсказа. Тонкое потъзованіе свѣготѣнью ироніи, самый темпъ повѣствованія, имѣло задерживаемый искусными отступленіями, доставляють удовольствіе независимо отъ содержанія. Разсказъ Алданова не знаетъ пустыхъ мѣстъ и неподвижности. За какъ будто гладкою порою поверхностью, какъ на хорошихъ картинахъ, чувствуется легкое и живительное движеніе моделировки.

М. Цетлингъ.

Мих. Осоргинъ. Чудо на озерѣ. Изд-во «Современныя Записки». Парижъ. 1931

Разсказы, вошедшіе въ сборникъ «Чудо на озерѣ», посвящены воспоминаніямъ о далекомъ прошломъ, о дѣтствѣ и юности автора.

о его семьѣ, о гимназическихъ годахъ, о первыхъ увлеченіяхъ и радостяхъ, о любви къ родной землѣ, о людяхъ и вещахъ, давно и навсегда потерянныхъ. Прошлое это было когда-то самой обыкновенной жизнью, тихой и ровной, налаженнымъ бытомъ, безъ громкихъ событий, безъ бурныхъ страстей. Авторъ жилъ «какъ всѣ» — зимою учился въ гимназіи, «въ Загорьѣ, на рѣчкѣ Егосихѣ». Бродилъ по полямъ, ловилъ рыбу въ рѣчкѣ, читалъ книги, рѣшалъ мировые вопросы, влюблялся, какъ всѣ русскіе юноши. Въ дѣтствѣ былъ здоровъ и румянь, въ юности «дѣлалъ революцію», потомъ нѣсколько лѣтъ занимался адвокатской практикой. Ничѣмъ не выдающаяся судьба, ничѣмъ не замѣчательная жизнь. «Всю свою жизнь, пишетъ М. Осоргинъ, я прожилъ простымъ человѣкомъ, безъ всякой особенной биографіи: родился отъ папы съ мамой и т. д.» Можетъ быть, будущей биографъ Осоргина построитъ на подобныхъ авторскихъ утвержденіяхъ характеристику личности писателя и будетъ обсуждать ихъ «искренность». Изучение психологіи творчества въ нашу задачу не входитъ. Въ заявленіяхъ автора о его «обыкновенности» мы видимъ прежде всего художественный приемъ, связанный со всей его литературной манерой. Осоргину необходимо довѣріе читателя. Все, что онъ пишетъ должно производить впечатлѣніе непринужденной, безыскусственной бесѣды, интимнаго общенія. Авторъ не сочиняетъ, не приукрашиваетъ, а «просто» рассказываетъ то, что было, — безъ литературныхъ претензій. Онъ знаетъ, что старая реалистическая манера, которой онъ остается вѣренъ, въ наше время нѣсколько обветшала; что многое въ его рассказахъ можетъ показаться «наивнымъ и чувствительнымъ» (по его собственному выраженію) и, чтобы оправдать «старомодность» своего стиля, онъ прибѣгаетъ къ фикціи «самаго обыкновеннаго человѣка, который не пишетъ, а такъ «пописываетъ».

«Писать, какъ пишуць другіе, что съ дѣтскихъ лѣтъ ощущаю призмъ бытія и вѣянья смерти, нѣльзя романъ на такую тему — этого я по совѣсти не могу, хотя знаю, что многимъ читателямъ это нравится». Совершенно ясно, литераторомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это понимаютъ теперь, послѣ Пруста и Жида, писателемъ-модернистомъ, Осоргинъ быть не можетъ и не хочетъ. А на упреки отвѣчаетъ заранее: «да что вы, какой я писатель, я самый простой обыватель!» Этотъ приемъ — наивнога рассказчика — вполне въ традиціи русской литературы: Бѣлкинъ у Пушкина, Рудый Панько у Гоголя, рассказчики у Тургенева. Простота и обычная форма — характерное для Осоргина стремленіе быть внѣ «литературы».

Этого выходя изъ литературы удается ему блестяще. У читателя полная иллюзія простоты и правды, всѣ падошныя ему литературныя условности какъ-будто преодолены. Ни трагизма бытія, ни вѣянья смерти, ни философскихъ глубинъ, ни психологическихъ сложностей, ничего этого нѣтъ. И сюжеты самые обыкновенные и стиль какъ-будто, ничѣмъ не замѣчательный. Читателю кажется, что люди и предметы, о которыхъ говорить Осоргинъ, существуютъ сами по се-

бѣ, независимо отъ писателя, онъ входитъ въ этотъ давно исчезнувший, прекрасный міръ, узнаетъ знакомое и забытое, живетъ въ немъ, не оглядываясь на автора: а тотъ стоитъ въ сторонкѣ, въ скромной роли гида. Цѣль его достигнута: реальность созданнаго имъ міра очищена отъ всякаго привкуса «литературности». Снова оживлена и оправдана старая реалистическая манера; то, что казалось «внѣ литературы», стало искусствомъ.

Осоргинъ своей простотѣ учился у Тургенева и Аксакова, онъ связанъ съ ними не только литературно, но и кровно, отъ нихъ у него — пристальность взгляда, чувство русской природы, любовь къ землѣ, вѣрность прошлому, сѣтлая печаль по давно ушедшему. Его языкъ — выразительный и точный — близокъ народному складу. Въ немъ есть ясность и прямота, убѣждающіе насъ сразу. Авторъ не боится показаться несовременнымъ, напротивъ, онъ настаиваетъ на своей старомодности и провинциальности. Этимъ мотивируется весь чувствительно-умиленный тонъ его писаній.

Передъ нами проходятъ люди, которыхъ авторъ любилъ: его отецъ, мать, бабушка, гимназическіе товарищи, «первая любовь». А вокругъ нихъ — русскія степи, лѣса, рѣки; и то, что когда-то казалось будничнымъ и незначительнымъ — скромный бытъ среднихъ людей — теперь приобретаетъ огромную важность. Издалека, бросая прощальный взглядъ на исчезнувшій міръ, — мы вдругъ понимаемъ его неповторимое очарованіе, его «поэзію». Осоргинъ съ нѣжнымъ благоговѣніемъ склоняется надъ шкатулкой корельской березы, въ которой русская земля, «Я тебя люблю, земля, меня родившая, и признаю тебя моей величайшей святыней».

О такой любви нужно говорить просто, безъ пафоса, безъ литературныхъ украшеній. Отъ имени «средняго человѣка». Отъ чистаго сердца. Безъ расчета и разума, и стѣнное, безъ ложнаго стыда.

Разсказъ, имепемъ котораго озаглавленъ сборникъ, «Чудо на озерѣ» посвященъ таинственному происшествію на озерѣ Гарда: руководитель экскурсій русскихъ студентовъ, профессоръ-геологъ, спасаетъ молодежь во время бури на озерѣ. Авторъ, «веселый безбоязненный» и не пытается объяснить чудо. Въ этомъ событіи его волнуетъ не мистическая его основа, а «любовь къ жизни и жажда жизни». И любовно воспроизводитъ онъ фигуру профессора, веселую суету молодежи, теплую южную ночь. Эта «любовь къ жизни» — единственная философія автора, (если ужъ необходимо говорить о его философіи). Въ ней — вся сила его изобразительнаго таланта. Этой любовью заражаетъ онъ читателя, возвышаясь до поэзіи «реальности». Какъ только любовь эта слабѣетъ, художественная убѣдительность разсказовъ падаетъ. Появляется шуточный тонъ, забавность и небрежность. Безъ любви, Осоргинъ и не видитъ и не понимаетъ. Безъ «чувствительности» онъ былъ бы просто неплохимъ разсказчикомъ.

К. Мочульскій.

В. Ф. Ходасевичъ. Державинъ. Издательство «Современныя Записки» Парижъ. 1931 г.

Съ первыхъ же страницъ этой превосходной книги читателя охватываетъ очарованіе, въ которомъ онъ не сразу отдаетъ себѣ отчетъ «Подобно недостаткамъ, и чины его были невелики, хотя отъ начальства онъ пользовался довѣріемъ, отъ сослуживцевъ — любовью. Бракъ не прибавилъ ему достатку».. «Державинской Музой, разумѣется, не любовались»... «Такимъ видѣлся ему Бибииковъ, И. П. Шуваловъ».. «Новый знакомецъ, почти еще юнона, одѣтый во фракъ по послѣдней модѣ, слѣлалъ на всѣхъ отличное впечатлѣніе»... «Славный полководецъ на сей разъ мчался напрасно».. «Были и другіе гости, среди которыхъ одна дѣвица особенно привлекла внимание. Было ей тѣтъ семнадцать. Она была съ матерью. Державинъ осведомился о фамиліи. Бастидоновы — быть отвѣтъ. Державинъ уѣхалъ. Смуглая красавица не выходила у него изъ памяти. Зимой онъ встрѣтилъ ее въ театрѣ — и вновь она поразила его» — Это чисто-пушкинская проза; послѣдній отрывокъ, почти свободный отъ архаическаго отбѣнка, одной звуковой своей формой вызываетъ въ памяти читателя «Пиковую Даму».

Объ этомъ приемѣ, пожалуй, можно вести теоретическій споръ. Свои статьи о современныхъ писателяхъ В. Ф. Ходасевичъ пишетъ все-же иначе, — тогда есть ли основанія пользоваться пушкинской фразой въ книгѣ о Державинѣ? Но художественная прелесть приема вполне его оправдываетъ: побѣдителей не судятъ.

«Авторъ предлагаемаго сочиненія», — говоритъ В. Ф. Ходасевичъ, — «не ставилъ себѣ неисполнимой задачи сообщить какія-либо новыя неопубликованныя данныя. Нашей дѣлю было лишь по новому рассказать о Державинѣ и попытаться приблизить къ сознанию современнаго читателя образъ великаго русскаго поэта, — образъ отчасти забытый, отчасти затемненный широко распространенными, но чуждыми представленіями».

Это совершенно вѣрно. Историки часто бывали очень несправедливы къ Державину. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, писалъ: «Державинъ играть при дворѣ Екатерины или, вѣрнѣе, при дворѣ Платона Зубова такую роль, по сравненію съ которой роль Тредьяковскаго при дворѣ императрицы Анны представляется исполненной достоинства — Пѣвецъ Фелицы былъ весьма искусный торговецъ закулисными вліяніями, «панамистъ» восемнадцатаго вѣка». Совершенно иначе изобразилъ Державина авторъ настоящей книги, — изобразилъ, думая, гораздо вѣрнѣе и въ психологическомъ, и въ историческомъ отношеніи. Зато, быть можетъ, не всегда справедливъ В. Ф. Ходасевичъ къ героямъ или къ недоброжелателямъ Державина. Такъ Н. И. Панинъ, какъ почти всѣ члены этой семьи, былъ человекъ выдающійся и независимый, — въ книгѣ онъ изображенъ не совѣтъ такимъ. Выдающимся человекомъ былъ и П. В. Завадовскій, котораго авторъ опредѣляетъ, какъ «главнаго мошенника» въ дѣлѣ Заемнаго Банка. Также и въ столкновеніи Державина съ Румянцевымъ по во-

просу о вольныхъ хлѣбопашахъ, кажется, большинство историковъ основательно считаетъ позицію министра-поэта мало вымыршшою.

В. Ф. Ходасевичъ отводитъ много мѣста разсказу о политическои дѣятельности Державина. О немъ, какъ о поэтѣ, авторъ говоритъ коротче, — и объ этомъ должно пожалѣть, страницы о томъ, какъ были написана ода «Богъ», едва ли не самыя сильныя въ книгѣ; онѣ могли и должны были бы войти въ классическую хрестоматію.

Съ рѣдкимъ искусствомъ написана, впрочемъ, вся книга. Приведемъ лишь нѣсколько образцовъ блестящей прозы Ходасевича. «Противъ добродѣтели Александръ I ничего не имѣть. Онъ любитъ всю потноту своихъ правъ — право на самоограниченіе, можетъ быть, даже въ особенности. Способность отнестись къ себѣ самому со спарганской суровостью порою умиляла его до сладкихъ слезъ» (стр. 236). «Черезъ день Державинѣ, зайдя поспѣтить ихъ и нашедъ случай съ оной невѣстой говорить, открылся ей въ своемъ памфлетѣ. Блгогоразумная дама отвѣтила, что принимаетъ оное себѣ за честь, но подумаешь, «можно ли рѣшиться въ разсужденіи прожитка? Она оказалась даже не прочь разсмотрѣть его приходныя и расходныя книги, дабы узнать, «можетъ ли онъ содержать домъ сообразно съ чиноу и лѣтами». Книги она продержала у себя двѣ недѣли, постѣ чего тала вую нѣжному чувству и объявила свое согласіе» (стр. 186). «Была уже полночь, когда Параша пришла съ панихида. Вдругъ грянулъ раздающій похоронное пѣніе. Гробъ только что понесли, и это пѣніе вплотгоса походило скорѣе на протяжные стоны, которыхъ, можетъ быть, не было бы и слышно, если бѣ не тишина, наступившая во всемъ домѣ. Параша бросилась запирать двери, чтобѣ Дарья Александровна ничего не успѣшала. Потомъ, подойдя къ окну, она увидала внизу толпу людей съ фонарями. Неся гробъ на головахъ, они стали спускаться съ горы. Ясно свѣтились широкіе серебряные галуны на гробѣ, который все удалялся и наконецъ донесенъ былъ до лодки. Въ черномъ Волховѣ отражались звѣзды июльскаго неба. На носу помѣстались пѣвчіе, на кормѣ передъ валомъ псаломникъ читалъ молитвы. Малиновый гробъ былъ поставленъ на катафалкѣ, воздвигнутомъ посрединѣ лодки; черныи балдахинъ колыбался надъ катафалкомъ. По угламъ стояли четыре тяжелыхъ свѣчи въ церковныхъ подсвѣчникахъ. Лодка шла бечевою, за ней слѣдовала другая съ провожатыми. Ночь была такъ тиха, что свѣчи горѣли во все время плаванія» (стр. 314).

Этимъ описаніемъ похороны Державина заканчивается книга. Больше о Державинѣ, вѣроятно, никто не напишетъ. Мы съ петербургскимъ будемъ ждать книги о Пушкинѣ В. Ф. Ходасевичъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ, далъ превосходный образецъ и труднаго искусства біографіи.

М. Алдановъ.

Тэффи. — Книга Июнь. — Изд. «Русская библиотека», Бѣлградъ, 1931.

Вѣроятно мы, пишущіе, читаемъ нѣсколько по-особенному, не какъ обычные читатели. Вотъ книжка рассказовъ; хорошему въ ней я радуюсь, на слабое досажую, — но всего важнѣе **понять**, какъ она писалась, и ближе **узнать** того, кто ее написалъ. Почему онъ такъ написалъ? Въ какой часъ жизни? И какой долей своего золотого запаса, настоящаго, пожертвовать въ придачу къ обычному матеріалу профессиональнаго стронительства? Потому что мы-то отлично знаемъ, что не всегда пишутъ, когда хочется, и не всегда съ охотой, а иной разъ съ большой досадой на жизненные условия, коверкающія писательское дарованіе. И всегда щедро швыряться золотомъ души нельзя, невозможно.

Смѣйся, Тэффи! Ее вытаскиваютъ на эстраду — и вотъ она смѣется. Ее любятъ — ей рукоплещутъ. А я, читая ея новую книжку «Книга Июнь», думаю: что нужно было пережить, чтобы не только накопить въ такомъ изобиліи, но и научиться накопленную трагедію расходовать въ смертельныхъ дозахъ, не бить съ плеча, не пугать и безъ того напуганныхъ? Рѣдко кто изъ теперешнихъ русскихъ писателей, вообще жизнью не набалованныхъ, умѣетъ полуспокойно, полусмѣясь, съ такимъ умнымъ и великодушнымъ аристократизмомъ слова, — рассказать столько горькаго и столько страшнаго. Пусть главный посмѣется — умному есть отъ чего сойти съ ума. Тэффи — чеховской плеяды, но въ ней нѣтъ спасающаго чеховскаго романтизма; ей, вѣроятно, страшнѣе жить и писать, да сейчасъ и времени не тѣ!

Въ своемъ литературномъ хозяйствѣ Тэффи окружена куклами; лучшія изъ этихъ трюпичныхъ существъ — женщины и дѣти. Бытовая выставка жалкихъ, веснучатыхъ, зябкихъ и голодныхъ актрисочекъ по неволѣ, мужнинныхъ женъ, брошенныхъ любовницъ съ заплаканными носами, машинюрокъ, консержекъ, и затѣмъ — славныхъ ребятешекъ, которыхъ вотъ-вотъ жизнь покарѣнитъ и превратитъ во взрослыхъ дергунчиковъ. Жениннигъ Тэффи знаетъ вполне и до конца, и, сама женщина, умѣетъ жалѣть ихъ по-женски (писатели мужчины лишь романтически ихъ приласкиваютъ, снисходительно и не всегда заслуженно). Прочитайте рассказъ Тэффи «Мой маленькій другъ» — вотъ пониманіе ребенка! Поэзія дѣтства — и отовсюду подступающая пощлятина будущей взрослости. Или — какъ изумительго рисуется она русскаго бѣженскаго мальчика, который «скоро отдѣлался отъ русскаго акцента и всей душой окунулся въ славную исторію Хлодвиговъ и Шарлеманей» Или — блестящее полотно общечеловѣческой психологіи въ рассказѣ о двухъ мальчикахъ и игрушечномъ автомобилѣ. Мужчины у Тэффи блѣднѣе и рѣже, — но и среди нихъ превосходны мелкіе семейные деспоты («Зайнышка»), случайные бульвардѣе, слякотные герои («Наклейка»), мечтатели («помѣшникъ» Марельниковъ).

И вотъ, самая веселая писательница, королева юмористовъ, нечаянно изображаетъ намъ жизнь, въ которой поэзія и счастье отбѣ-

рены на каждый возраст въ капелькахъ, а страшная, всеоплетающая и всеудушающая пошлость — бокалами и бочками. Что спасалось? Былъ когда то наперсточекъ, подарокъ бабушки, да отрывокъ цвѣтного сургуча (разказы «Золотой наперстокъ» и «Тихий спутникъ»), но даже и они куда то затерялись. Вотъ у Тургенева такія вещички не терялись, а спокойно жили въ ящикѣ письменнаго стола («Вешнїя воды»); въ наше время онѣ затериваются изъ чемодановъ съ прорѣхами. Будущее? Но вѣдь удѣлъ страстей, какъ и завершенїе событїй — богачѣмъ забытыхъ стариковъ и старухъ (разказъ Теффи «Гермина Краузе»). И если бы не великое и традиціонное, такое русское писательское — отъ классиковъ къ нашимъ днямъ — искусство претворенїя мертвыхъ проклятїй въ живую печаль, — были бы страшны «веселые» разказы Теффи, одного изъ самыхъ умныхъ и самыхъ зрячихъ современныхъ писателей.

Мих. Ос.

Юрїй Фельзенъ. Обманъ. Изд. Я. Поголовцкїй. Парижъ, 1931.

Повѣсть Юрїя Фельзена построена на полной свободѣ отъ писательскихъ требованїй — свободѣ, которая является въ какой-то мѣрѣ результатомъ авторской зависимости отъ Пруста. Не всякій читатель одобрѣваетъ Пруста, и едва ли многіе прочтуть до послѣдней страницки книгу сего русскаго послѣдователя. Повѣсть Юрїя Фельзена многословна, однотонна и лишена вѣвшей занимательности. Рядомъ нѣтъ живыхъ героев — да и авторъ, занятый психо-логическимъ розыскомъ, мѣлче всего старается обечь свой матеріалъ въ конкретные образы. Тотъ минимумъ фабулы, который входитъ, какъ составная часть, въ повѣсть, играетъ роль очень случайную, и всѣ дѣйствующія лица повѣсти проходятъ въ ней какъ безсловесные статисты. Всѣ недостатки «Обмана» объясняются болѣе всего, пожалуй, тѣмъ, что, въ немъ происходитъ нѣкоторое прелїе надъ замысломъ, который не хочетъ укладываться въ беллетристическія формы. Любая другая форма — пусть еше не законченная и безымянная, вродѣ той, образцы которой даетъ Юрїй Фельзенъ въ своихъ «Письмахъ о Леопольдѣ» — оказалась бы для «Обмана» болѣе благодарной. Повѣсть не спасаетъ даже то, что она написана въ видѣ дневника, т. е. съ наименьшей беллетристической отвѣтственностью — условность, прозрачность и надуманность ея почти безсюжетнаго содержанїя остаются неоправданными. Ея несложный сюжетъ является лишь предлогомъ для настойчиваго и углубленнаго анализа, такъ называемой «внутренней жизни» главнаго героя повѣсти. Постѣдочательно игнорируя требованїями читателя, Юрїй Фельзенъ очень мало заботится о вѣрности въбѣдительности человѣческой и бытовой среды, которую онъ воспроизводитъ, и можно лишь удивляться тому искусству, съ какимъ книга, написанная въ эмиграціи, съ эмигрантскими героями и эмигрантскимъ бытомъ, очищена отъ всѣхъ признаковъ зависимости отъ реальной жизни.

И все же книга Юрїя Фельзена несомнѣнно заслуживаетъ вним.

ня. Думается, что она его найдетъ, и читатель, умѣющій разсматривать каждую новую книгу не изолированно, а въ какомъ-то соотношеніи съ творческими вопросами литературы, проскучаетъ надъ страницами Фельзена не зря. Книга Фельзена скучна, какъ беллетристика, и интересна, какъ литературный экспериментъ. Пусть даже этотъ экспериментъ не удался, и книга оказалась мертворожденной: на ея трупѣ можно произвести изученіе ея повѣствовательной ткани, которая, оставаясь неодушевленной и искусственной, имѣетъ свое законченное и своеобразное строеніе. И, пожалуй, условность и призрачность эмигрантскаго быта, являющагося въ повѣсти не живой средой, а бутафоріей, только облегчаетъ отдѣленіе плохой беллетристики отъ серьезнаго и искренняго авторскаго глубокомыслія.

Конечно, основное въ книгѣ — не лирическія и кропотливыя разсужденія героя и не сомнительная его любовная философія. Основное въ книгѣ — методъ: попытка отказаться отъ привычныхъ литературныхъ формъ и выразить, почти съ «сюрь-реалистическимъ» невѣщательствомъ автора, всю сложность и текучесть человѣческихъ мыслей съ наибольшей точностью и непосредственностью. Можетъ быть авторъ занимала главнымъ образомъ лирическая окрашенность этихъ мыслей — неважно; главное, книга написана съ упорной и страстной добросовѣстностью, и каждое ея слово не имѣетъ иного назначенія, чѣмъ освободить ритмъ и смыслъ написаннаго отъ всякой «литературности». Но происходитъ обратное. Мы настолько привыкли къ общепринятому кодексу литературныхъ условностей, что совершенно ихъ не замѣчаемъ. Романъ Тургенева, по очень приблизительному воспроизведенію жизни можетъ быть столь же наивный, какъ дѣтская сказка, развертывается для насъ въ живые и полновѣсные образы. И наоборотъ — обнаженная проза Розанова, «косноязычіе отъ искренности» Андрея Бѣлаго оказываются въ конечномъ счетѣ чистой и изощренной литературой. Есть какое-то противорѣчіе, нѣкая внутренняя бессмыслица, въ подобномъ стремленіи — уложить человѣческія мысли и чувства въ слова съ такой тщательностью, разборчивостью и точностью, чтобы между матеріаломъ и его конечной формой не ощущалось промежуточной ступени труда. Авторъ всегда остается въ своей книгѣ, и не только какъ собственникъ ея идей, но и какъ прилежный организаторъ ея содержанія. И напрасно торопится Юрій Фельзень, выбирая, примѣривая и выскиывая самыя «вѣрные» слова, напрасно зарожждаетъ свою повѣсть отступленіями, бесполезными психологическими деталями и признаками, полагаясь на ихъ сочиненную непосредственность — воображаемый герой его задыхается въ разрѣженномъ литературномъ воздухѣ.

Всѣ стилистическія особенности книги Фельзена находятся въ связи съ ея ставкой на преодоленіе матеріала. Страніе — не ошибиться при описи элементовъ внутренней жизни своего героя — приводитъ Юрія Фельзена къ расточительности на эпитеты. Около каждаго основнаго и необходимаго слова его повѣсти — нѣсколько словъ-спутниковъ, которые на что-то намекаютъ и неясно и неопредѣленно расширяютъ объемъ фразы. И почти каждое слово — особенно

прилагательная — оказывается нужнымъ для повѣсти только въ нѣ-которой части своего смысла: содержаніе слова только соприкасает-ся съ мыслью, для выраженія которой оно привлечено, и очень рѣд-ко совпадаетъ съ ней цѣликомъ. Въ результатѣ поисковъ наибол-шей и безошибочной точности происходитъ нарушеніе равновѣсія — словъ слишкомъ много, и ихъ матеріальный бесполезный вѣсъ въ значительно большей мѣрѣ обременяетъ повѣствованіе, чѣмъ кру-пники ихъ полезнаго смысла способствуютъ уточненію авторскихъ мыслей.

Повѣсть Фельзена можно было бы сократить и сдѣлать болѣе за-нимательной. Такую работу безъ труда сумѣлъ бы совершить самъ авторъ. Но сомнительно, чтобы иная, средняго качества и благоу-лучная книга столь рѣшительно свидѣтельствовала бы о писатель-ской одаренности автора, какъ это дѣлаетъ книга Юрія Фельзена — въ цѣломъ неудачная, но серьезная, искренняя и свободная отъ лите-ратурныхъ шаблоновъ.

Ал. Новикъ.

Розы. Стихи Георгія Иванова. Изд-во «Родникъ». Парижъ, 1931.

Существуютъ испытанные шаблоны рецензій о стихахъ: послед-ній сборникъ поэта сравнивается съ предыдущими, прослѣживается развитіе тѣхъ или другихъ мотивовъ, образовъ, ритмовъ. И затѣмъ дѣлается выводъ «мастерство поэта окрѣпло (или ослабло)», «по-этъ созрѣлъ или не созрѣлъ», «последній сборникъ является завер-шеніемъ его творческаго пути», или, наоборотъ, «не оправдываетъ нашихъ ожиданій».

Подобныя разсужденія, вѣроятно, имѣютъ нѣкую цѣлность. лю-дямъ, ничего въ поэзии не понимающимъ, они какъ-будто что-то объ-ясняютъ. Эти культурные читатели возмущались бы, если бы критикъ объявила имъ, что настоящую поэзію объяснять нельзя и не слѣ-дуетъ.

Вотъ передо мной три сборника Георгія Иванова «Верескъ», «Салы» и «Розы». Я оцѣниваю ихъ стовесный матеріалъ, я замѣчаю сходныя черты, я могу бы перечислить, подтверждая цитатами, по-поряжающіеся мотивы. И вся эта работа была бы безплодной, какъ какъ въ въ поэзии самое понятіе «развитіе» — бессмысленно. Связь прошлаго съ настоящимъ разорвала, никакого накопленія опыта не происходитъ и несмотря на «художественную традицію» и «исторію литературы», каждое новое стихотвореніе рождается чудомъ изъ ничего. Я читаю въ «Верескѣ»

Никакого мнѣ не нужно рая,
Никакая не страшна гроза —
Волосы твои перебирая
Все глядѣть бы въ милые глаза.

Какъ въ источникъ сладостный, въ которомъ
Путникъ, наклонившійся страдой,
Видитъ съ облаками и просторомъ
Небо, отраженное водой.

А вотъ въ «Розахъ»:

Въ глубинѣ, на самомъ днѣ сознанья,
Какъ на днѣ колодца — самомъ днѣ —
Отблескъ нестерпимаго сянья
Пролетаетъ иногда во мнѣ

Неправда-ли, похоже? И сюжетъ, и образъ, и метръ и ритмъ, — однимъ словомъ, всё элементы, которыми оперируетъ формальная критика. И если вы не чувствуете, что эти стихотворенія столь же различны, какъ «ледъ и пламень», что первое изъ нихъ — «прелестное», а второе — настоящее, то помочь этому нельзя.

Никому еще не удавалось «доказать» поэзію. Поэтому критику остается только выразить «немотивированныя мнѣнія». И вотъ одно изъ нихъ: до «Розъ» Г. Ивановъ былъ тонкимъ мастеромъ, изысканнымъ стихотворцемъ, писавшимъ «прелестные», «очаровательные» стихи. Въ «Розахъ» онъ сталъ поэтомъ. И это «сталь» — совсѣмъ не завершеніе проплага, не предѣлъ какого-то развитія, а просто — новый фактъ.

Едва-ли мнѣ нужно объяснять, что поэзія не есть ни словесное мастерство, ни раздумье о любви, смерти и смыслѣ жизни. Большинство мнимыхъ поэтовъ блещутъ техникой и глубокомысліемъ. Размышленія о «послѣднихъ вещахъ» въ поэзіи всегда подозрительны. Не ея дѣло — рѣшать проблемы. Не только идеи, но и слова для нея въ какомъ-то смыслѣ безразличны.

И касаясь торжества,
Преображаясь въ торжество,
Разсыплются слова
И не значать ничего.

Поэзія не вмѣщается ни въ литературу, ни въ Жизнь; «звуки сладкіе и молитвы», а кругомъ пустота. И чѣмъ мертвѣе, тѣмъ лучше:

Хорошо — что никого,
Хорошо — что ничего,
Такъ черно и такъ мертво,
Что мертвѣе быть не можетъ
И чернѣе не бывать,
Что никто намъ не поможетъ
И не надо помогать.

Какое ликованіе, какая радость въ тѣхъ звукахъ! И какое счастье освобожденія:

И нѣтъ ни Россіи, ни міра,
И нѣтъ ни любви, ни обилья —
По синему царству эфира
Свободное сердце летитъ

О томъ, какъ человѣкъ превращается въ поэта, рассказать нельзя. Откровеніе въ огнѣ и свѣтѣ. Новое сознаніе.

Г. Ивановъ восклицаетъ:

Боже! И глаза я закрываю
Отъ невыносимаго огня.
Падаю въ него ..

Отъ голоса Музы міръ дѣлается пустынь и прозрачнымъ. Разноцвѣтные туманы, шорохъ моря, тихій вѣтеръ, огромные закаты, звѣзды, розы, легкія тучи, синія дали и наль всѣмъ этимъ, безплотнымъ и хрупкимъ сияніемъ — глубокая синева неба.

Надъ закатами и розами —
Остальное все равно.

Или:

Въ небѣ розовомъ до края
Тихо капутъ въ сумракъ томный

Или:

И въ послѣдній разъ, въ пустыя очи
Звѣздъ безсмертныхъ — поляды.

Такъ обо всемъ — о природѣ, о жизни, о страданіяхъ, о любви — «въ послѣдній разъ». Лирика всегда — прощаніе, разлука; лирика — всегда о смерти. Какъ у Блока: Муза — Прекрасная Дѣва — Смерть. Поэтъ, посвященный въ эту тайну, знаетъ, что

Тотъ блаженъ, кто умираетъ,
Тотъ блаженъ, кто обреченъ,
Въ мигъ, когда онъ все теряетъ,
Все приобрѣтаетъ онъ.

К. Мочульскій.

Борисъ Поплавскій. Флаги. Изд-во «Числа». Парижъ, 1931.

Стихи Поплавскаго правятся не всѣмъ. И не все въ упрекахъ, дѣлаемыхъ ему, необосновано. И все же талантливость его не возбуждаетъ сомнѣній. Вѣроятно, это самое большое поэтическое дарованіе, появившееся за послѣдніе годы. Въ немъ есть то, не поддающееся опредѣленію нѣчто, доля того радія, который мы называемъ поэзіей.

Ошибки языка, неправильныя ударенія, такія слова какъ «дѣвнныи» или «сѣрѣвѣющій». Протяжныя, многостопные размѣры, порою тѣ самыя, которые любилъ когда-то Надсонъ. Образы, которые не трудно было бы перечислить (дѣти и ангелы, флаги и башни). Но знакомыя размѣры звучать своеобразно, оживленные необычнымъ чередованіемъ мужскихъ и женскихъ рیمъ, умѣлыми переборами ритма. Въ бѣдности и приближенности рیمъ соблюденъ тонкій тактъ. Своеобразно вопируютъ, окрашиваются и сплетаются образы. И изъ всего этого, изъ этой бѣдной бутафоріи, почти что изъ ничего создается очень «декадентская», и очень оригинальная поэзія.

Оригинальность бываетъ двоякаго рода. Одна — глубокая, существенная, которая прорывается, даже если авторъ хочетъ ее скрыть. Другая, болѣе поверхностная, оригинальность манеры, приѣмовъ, гримасы, служащая иногда только для того, чтобы скрыть отсутствіе истиннаго своеобразія. Въ поэзіи Поплавскаго находили вліянія Блока и Рэмбо. Но дѣлю не въ нихъ Поплавскій несомнѣнно своеобразный человекъ и поэтъ, но въ немъ много второй, сознательной оригинальности манеры, приѣмовъ. Это стремленіе къ своей поэтической «фактурѣ» роднитъ поэзію Поплавскаго съ современными живописными исканіями, въ которыхъ такъ много творческой энергіи уходитъ на поиски оригинальныхъ приѣмовъ. Современный живописецъ прежде всего стремится быть непохожимъ на другихъ, сразу и легко отличимымъ.

Сходство съ живописью этимъ не ограничивается. Поэзія Поплавскаго часто и по существу болѣе живописна, чѣмъ музыкальна. Это маскируется тѣмъ, что поэзія его «непонятна» и «безпредметна», что мы видимъ въ ней смѣну странныхъ, не логичной, а настроеніемъ соединенныхъ образовъ. Но развѣ не больше живописецъ, чѣмъ музыкантъ въ такихъ строкахъ:

И огромная въ темнотѣ
Коллонада сходить къ водѣ.
Въ синихъ синихъ луны лучахъ
Коллонады во тьмѣ звучать.

Въ изумрудной ночной водѣ
Спятъ прекрасныя лица дѣвъ.

Въ собранныхъ въ книгу стихахъ Поплавскаго своеобразіе, и въ однообразіе его приѣмовъ обнажается, теряетъ свое обаяніе, способно раздражать читателя. Поплавскому надо куда-то выйти, уйти отъ себя. Возможно ли это? Поплавскій умѣетъ работать, отбрасывать неудачные приѣмы. Въ первыхъ своихъ стихахъ онъ, какъ и нѣкоторые другіе молодые парижскіе поэты, любитъ подуироническую игру тѣми-человѣческими или устарѣлыми оборотами рѣчи. Онъ любитъ такія слова какъ «дабы», «янь», «се». Можетъ быть, оторванность отъ живой стихіи русскаго языка дѣлала привлекательной эту игру. Но это

не вина, а бѣда поэтовъ выросшихъ за границей. Въ позднѣйшихъ его стихахъ это исчезло.

Поплавскій вызываетъ опасенія и надежды. Но заложены въ немъ большія поэтическія возможности.

М. Цетлицъ.

Числа. — Сборники подъ редакціей И. В. де Маншарти и Н. А. Оцуа Кн. 4-ая. Парижъ, 1930-1931 г.

На одномъ изъ парижскихъ литературныхъ вечеровъ было упомянуто на «сверхъчужаю» значительный фактъ упорнаго молчанія критики о «Числахъ» и сдѣланъ выводъ о «нѣкоторой негласной цензурѣ, существующей въ эмигрантской печати». Врядъ ли это заявленіе справедливо даже въ первой своей части. О «Числахъ» и писали и говорили, отмѣчено не только ихъ появленіе, но и ихъ «явленіе», посвящены имъ особые доклады на литературныхъ вечерахъ («Кочевье», «Союзъ молодыхъ поэтовъ», «Зеленая лампа», вечеръ самихъ «Чиселъ»), а если критическіе отзывы о книжкахъ «Чиселъ» не отличались особой содержательностью, то это, вѣроятно, потому, что весь критическій матеріалъ использованъ самими «Числами» въ ихъ многочисленныхъ статьяхъ о самихъ себѣ. При томъ не легко понять, какая часть этихъ самоотзывовъ и самоистолкованій должна быть признана авторитетной, то есть редакціонной (статьи редактора Н. Оцуа?), а какая часть — дружески-приблудной (статьи А. Крайняго?). Общее впечатлѣніе такое, что вотъ — стоитъ солидный и степенный хозяинъ, разумный, умѣренный и благомыслящій, а подъ ногами у него путается нѣкто, болтающій забавную ересь и слегка смущающій хозяина, — но ничего не подѣлаешь, это нужно; можетъ быть, впрочемъ, и не нужно, но такъ ужъ принято или такъ уже случилось.

Попробуемъ опредѣлить «Числа» такъ: это — журналъ, созданный степеніемъ счастливыхъ обстоятельствъ, но органически необходимый литературной эмиграціи, особенно ея молодой части. Онъ необходимъ для того, чтобы проявились всѣ накопившіяся возможности и всѣ слабящія настроенія. Не стѣсненный ни линіямъ печатнаго листа, ни тщательностью типографской работы, ни окаменѣлыми традиціями, смѣло начинающій — а не вынужденно продоткающій, предпочитающій дерзости — осторожности и риску — опытности, — онъ не можетъ не интересоваться и не привлекать вниманія, не можетъ не возбуждать нѣкоторыхъ надеждъ. На четвертой книжкѣ, на второмъ году существованія — онъ еще нацупылаегъ почву и выбираетъ «направленіе». Счастью такого бродяжничества и такого отсутствия общественныхъ обязательствъ нельзя не завидовать. Но мы знаемъ, что юность литературныхъ теченій кратковременна, и веселье бродяжничества скоро дѣлаеяся осѣдлыми догматиками, уступаая бою жизни новымъ пришествіямъ. И естественно хочется владать, куда же, все-таки, «Числа» держатъ путь, на чемъ они успокоятся, въ чемъ, собственно, выразится «новое міровоззрѣніе или что то еще неудов-

мое, но уже чувствуемое», что было заманчиво обещано в первой книжкѣ новаго журнала?

Пытались усмотрѣть въ «Числахъ» новый «Аполлонъ». Это было бы, конечно, прискорбно — вернуться на двадцать лѣтъ вспять! Г. Георгій Федотовъ успокаиваетъ насъ, утверждая, что «длитя акмеизма не можетъ повторять своего отца». Но тотъ же собственный критикъ «Чисель» признаетъ, что «свою жизненность «числовцы» доказываютъ волей къ смерти, свое рожденіе на Парнассѣ — отрицаніемъ культуры». По его словамъ, надъ взрываніемъ культуры работаютъ всѣ: «Г. Адамовичъ роетъ, сверлитъ, закладываетъ мины, Б. Поплавскій неистово кричитъ, Н. Оцупъ разсудительно, по-хозяйски разстаклываетъ вещи по мѣстамъ, и всѣ эти столь чуждые темпераменты складятся въ одной волѣ. Волѣ, которая пока проявляетъ себя отрицательно: взрывая смыслъ культуры, а за культурой — чего еще? не всей ли жизни?» Впрочемъ дальше намъ разъясняютъ, что здѣсь, собственно, не разрушеніе, а лишь «дрожанье надъ треснутой вазой», нѣкая особая «чуткость къ омертвенію». По поводу «воли къ смерти» Георгію Федотову отвѣчаетъ самъ редакторъ Н. Оцупъ, не отрицающийъ «похоронныхъ настроеній» журнала, но справедливо вопрошающий: «Кто можетъ установить дозы, въ которыхъ о ней (о смерти) позволительно писать? Пытливо всматриваясь въ смерть, пингуэе о ней славятъ жизнь. О смерти мы хотимъ писать во имя жизни».

Нужно сказать, что тему о смерти беллетристы «Чисель» дѣйствительно усердно и обстоятельно разрабатываютъ, хотя не замѣтно, чтобы это происходило отъ избытка жизнерадостности. Художественный матеріалъ четвертой книжки открывается «Тремя отрывками» Сергѣя Горнаго. Въ первомъ отрывкѣ одна нѣмецкая мама (въ присутствіи малолѣтняго сына!) залѣзаетъ въ ящикъ, обливаясь керосиномъ и сторааетъ, упорно сидя на корточкахъ; во второмъ нѣкто Гаджиевъ засовываетъ въ ротъ дуло револьвера и разноситъ вдребезги голову, причемъ повторно и подробно описана его «туго натянутая въ рептузѣ» ляжка; въ третьемъ — у дѣвочки утонулъ папа, и особое вниманіе авторъ обращаетъ на то, что спина утопленника почернѣла, а ноги остались бѣлыми. Дальше — полный грусти и смерти разсказъ А. Ладинскаго изъ эпохи гражданской войны. Затѣмъ — искусная фантазія Р. Пикельнаго, въ которой даны образы постепеннаго разрушенія дома, гдѣ морально и физически разрушаются и умираютъ мать съ сыномъ. Въ разсказѣ Л. Часингъ подробно описана смерть человека послѣ трудной операци. Что касается стихотворной части книги, то вотъ по кусочку стихотвореній всѣхъ восьми участниковъ-поэтовъ:

Г. Адамовичъ:

Господи, и умирая
Черезъ полвѣка, едва-ль
Этого мертваго края
Этого мерзалаго рая
Я позабуду печаль...

Г. Ивановъ:

Все это значить — поздно иль рано
Надо и намъ умереть.

Н. Оцупъ:

И мало воздуху въ палатъ
И умирающей хрипить.

В. Андреевъ:

Холодной, мертвенною кровью
Ты опоила, смерть, меня.

Б. Поллавакскій:

Мертвое небо бѣлесымъ большимъ тараканомъ
Въ черное сердце вползаетъ нагимъ мертвецомъ.

Ю. Софиевъ:

Любовь безспорна и безспорна смерть.

Б. Заковичъ:

Насъ зовутъ къ негромкимъ разговорамъ,
Къ чаелигиямъ передъ смертью скорой.

А. Холчевъ:

Я былъ влюбленъ... былъ въ мертвую влюбленъ.

Такимъ образомъ съ похоронными мотивами дѣло обстоитъ довольно серьезно. Менѣе серьезно оно обстоитъ съ попытками разрушенія культуры. «Искусство становится недостаточнымъ и ненужнымъ», «всякая красота зловѣще отвратительна въ своемъ совершенствѣ», «корабли сжигаются» и «искатели покидаютъ берегъ, удаляясь въ пустыню», — все это такъ, но все это намъ давно знакомо и въ извѣстномъ возрастѣ и въ извѣстные періоды жизни непрѣменно повторяется почти въ тѣхъ же выраженіяхъ. «Библейское ощущение эсхатологическаго страха, угрожающей интонаціи близкаго конца», это ощущеніе, навѣянное на Б. Попплавакского «самой пронзительной изъ книгъ» Д. Мережковскаго «Атлантидой», — врядъ ли такъ ужъ глубоко и прочно, если судить по отличной, простой и здоровой прозѣ того же Б. Попплавакского («Аполлонъ Безобразовъ»), забывъ объ его напрасныхъ стихахъ и сумбурной философій. Не пугаетъ и религіозный туманъ православнаго толка, прокрадывающійся въ «Числа», какъ прокрадывается онъ всюду: такое ужъ сейчасъ время. Объ этомъ довольно правильно, хотя и витѣватымъ стилемъ непонятно женщины говоритъ въ своей статьѣ Юрій Фельзенъ. «Я часто думаю, — пишетъ онъ, — почему у меня потребность, непрѣменно что то снижать, въ чемъ то стараюсь разувѣрить, отказываться отъ чьего то возвышающаго, обожествляемаго примѣра — при этомъ въ себѣ не ощущаю злорадства, разрушительныхъ усилий, жестокости, наоборотъ, я настроенъ грустно до безнадежности, и къ безнадежности

моей примѣшивается скорѣе уже творческой вздымающей полетъ. Подобный отказъ... — свойство нашего поколѣнія, одного изъ самыхъ несчастливыхъ и пожалуй одного изъ самыхъ скромныхъ». Дальше онъ эту мысль невяжато и многорѣчиво развиваетъ, и мужественный читатель можетъ догадаться, что отрицатели культуры, въ сущности, довольно безвредные и даже благожелательные молодые люди, только блуждающіе въ пустотѣ.

Такимъ образомъ бояться «Чисель» не слѣдуетъ. Многие «страшные» въ нихъ отъ кокетства и отъ спобизма. А хорошаго въ нихъ не мало. Хорошо, что они могутъ и смѣютъ втягивать въ свою литературную орбиту молодую пишущую братію, не боясь ошибокъ и неудачъ, даютъ обильнѣйшій и самый разнообразный матеріалъ, те склонны къ политиканству (немного поперхнулись на С. Франкѣ съ его обязательствомъ поправленія для «всѣхъ русскихъ людей, не утравившихъ совѣсти и здраваго смысла»), очень широко понимаютъ задачу **ищущаго** журнала, умѣютъ нападать, умѣютъ и огрызаться и внимательно слѣдятъ если не за российскими, то хотя бы за европейскими теченіями мысли. Уже не разъ отмѣчено и то, что такого изящнаго и любовно издаваемого журнала за рубежомъ еще не было. Нѣсколько непонятно для непосвященныхъ отношеніе «Чисель» къ теософскому журналу «Cahiers de l'Etoile», въ № 18 котораго на особой страницѣ опубликовано, что «русскій журналъ «Числа» съ этого времени становится независимымъ, развиваетъ свою активность и предполагаетъ осуществити нѣсколько интересныхъ проектовъ».

Если бы время и мѣсто позволяли, стоило бы особо поговорить о томъ, что молодые бетлетристы «Чисель» поддаются сильному и не всегда благотворному вліянію иностранной литературы, покидая пути классической русской; но это — явленіе характера общаго, и «Числа» въ этомъ мало повины. Да и такъ ли это страшно? Не случилось ли этого и съ прежними поколѣніями — и русская литература не погибла и не выродилась. Большая рѣка не боится чужеродныхъ притоковъ: все усвоитъ, все очиститъ и все претворитъ въ своемъ просторномъ теченіи!

Мих. Ос.

И. С. Тургеневъ. Полное собраніе художественныхъ произведеній. Десять томовъ. Издательство «Жизнь и культура», Рига, 1930 г.

Всѣмъ извѣстно, какую огромную услугу оказали дѣлу русской культуры простыя и недорогія изданія классиковъ, выпущенныя въ свое время въ Берлинѣ издательствами «Слово» и Ладьяникова Людвигъ, живущіе за границей давно, знаютъ, что въ первые годы эмиграции было почти невозможно достать въ магазинахъ сочиненія знаменитѣйшихъ русскихъ писателей. Мнѣ и самому иногда приходилось для выписки изъ нихъ цитаты отправляться въ Национальную Библиотеку, и я живо помню свою радость при полученіи небольшихъ томиковъ «Слова». Нѣкоторыхъ классиковъ почти нѣтъ въ продажѣ и въ настоящее время. Съ соціальнымъ приходится здѣсь отмѣтить дѣя-

щуюся «анархію и некоординированность капиталистическаго производства». Пушкинъ, Толстой, Тургеневъ появились за границей въ трехъ разныхъ изданіяхъ, а собраніи сочиненій Гончарова, Осгровскаго, Лѣскова не выпустили до сихъ поръ никто. Обычно это объясняютъ тѣмъ, что изданіе нѣкоторыхъ «несозвучныхъ эпохъ» классиковъ, вѣроятно, въ эмиграціи не окупилось бы. Это соображеніе еще могло бы быть вѣрно по отношенію къ Салтыкову или Некрасову *) (да и то сомнѣваюсь), но къ Лѣскову, напримѣръ, оно ужь никакъ не применимо. И надо удивляться тому, что еще никѣмъ не вынуждено полное собраніе сочиненій этого замѣчательнаго писателя, которому всегда у насъ такъ не везло.

Добавлю, что лѣтъ десять тому назадъ говорили о несозвучности апохѣ и Тургенева. А вотъ оказалось, что собраніе его произведеній появляется третьимъ изданіемъ. Оказалось также, что Тургеневу и на западѣ, и у насъ посвящаются новыя прекрасныя монографіи (Б. К. Зайцева, Андре Моруа). Это вполнѣ естественно. Перечитываешь книги Тургенева и думаешь: «да, съ недостатками былъ писатель, но какой превосходный, истинно-классическій писатель». Читашь его біографіи и говоришь: «да, съ недостатками былъ чело-вѣкъ, но какой прекрасный, умный, высоко-культурный чело-вѣкъ». Зачѣмъ сравнивать его съ Толстымъ? -- съ Толстымъ въ художественномъ отношеніи вообще сравнивать некого. А гордиться Тургеневымъ Россія, конечно, будетъ всегда съ полнымъ правомъ.

Къ заграничнымъ изданіямъ русскихъ классиковъ не могутъ предъявляться тѣ требованія, которыя умѣстны и законны въ отношеніи изданій, выпускаемыхъ въ Россіи. Рукописи, архивы, письма, полныя коллекціи старинныхъ журналовъ и газетъ доступны лишь людямъ, работающимъ въ Петербургѣ и Москвѣ; поэтому только въ Россіи могутъ появляться образцовыя изданія. Они тамъ иногда и появляются (разумеется, много рѣже, чѣмъ появлялись бы въ нормальныхъ условіяхъ). Такъ, напримѣръ, собраніе писемъ Достоевскаго, выходящее подъ редакціей А. С. Долинина (пока вышущи два тома), является высокимъ образцомъ совершеннаго изданія, истиннымъ подвигомъ эрудиціи, терпѣнія, добросовѣстности и любви къ предмету. Намъ за границей о такихъ грядяхъ и мечтать не приходится.

Съ этой оговоркой общаго характера нужно признать, что новое изданіе художественныхъ произведеній Тургенева, выпущенное рижскимъ издательствомъ «Жизнь и Культура», заслуживаетъ всяческихъ похвалъ. При очень хорошемъ виѣшнемъ видѣ оно потиѣ другихъ въ него входятъ тѣ стихотворенія въ прозѣ, которыя лишь недавно были впервые напечатаны, а также еще другія мало извѣстныя художественныя произведенія. Въ послѣднемъ, десятомъ, томѣ новаго изданія помѣщена обстоятельная и цѣнная статья П. Трубникова. Авторъ этой статьи кстати напоминаетъ о 150 неопубликованныхъ руко-

*) Некрасовъ, впрочемъ, недавно вышелъ въ изданіи «Петропольсь»

писяхъ Тургенева, находящихся въ настоящее время въ рукахъ профессора Андре Мазона, извѣстнаго знатока предмета. Будемъ надѣяться, что всѣ онѣ скоро появятся.

М. Алдановъ.

М. Ростовцевъ. О Ближнемъ Востокѣ. Изд-во «Современныя Записки» Парижъ, 1931.

Научное творчество приводитъ чаще всего къ построению системъ, гдѣ факты или цѣли фактовъ, добытые иногда съ большимъ трудомъ, получаютъ умпостигаемую форму, скрѣпляются цементомъ идей и, кирпичъ за кирпичемъ, складываются въ стройное, прочное на видъ зданіе, плѣняющее зрителя совершенствомъ пропорцій или высотой сводовъ, а затѣмъ рушашеся внезапно и необыкновенно быстро заростающее травой. Накопились новые факты, постепенно подточившіе его; пройдутъ года — промежутокъ съ развитіемъ данной науки становится все короче — и на новой основѣ, не менѣе зыбкой, чѣмъ старая возникнетъ новое зданіе, и снова рухнетъ, и будетъ забыто, и будетъ опять замѣнено другимъ.

Но есть ученые другою склада. Ихъ книги — не окаменѣлыя оглозенія научной работы, не остановки на ея пути; онѣ — сама эта работа въ свершеніи, въ дѣйствіи. Читашь ихъ, и какъ бы присутствуешь при самомъ зарожденіи научной мысли, участвуешь въ творческомъ процессѣ вовсе не столь далекомъ отъ того, который легитъ въ основѣ художественнаго творчества. Вотъ почему въ математикѣ и естественныхъ наукахъ существуютъ классическіе авторы и классическія работы, ставія таковыми не въ силу результатовъ научнаго изслѣдованія, неизбежно устарѣлыхъ, а благодаря образцовому усилію мысли, которая къ этимъ результатамъ привела. Въ наукахъ историческихъ дѣло обстоитъ сложнѣе; творческая мысль во многихъ случаяхъ не можетъ не совпадать съ мыслью системообразующей, столпотворящей. Различіе, однако, существуетъ и здѣсь. Есть историко-кодификаторы, и есть другіе, для которыхъ исторія есть прежде всего наше собственное знаніе о ней, мѣняющееся, гибкое, живое. Самый предметъ ихъ книгъ ощущается перемѣнчивымъ, и какъ разъ потому одушевленнымъ, на каждой страницѣ неуспяная критическая мысль споритъ съ неутомимымъ воображеніемъ. Къ такимъ историкамъ принадлежитъ М. И. Ростовцевъ; его новая книга — изъ такихъ книгъ

Караванные города, караванные торговые пути Аравіи, Заѣордань, Сиріи — такова главная ея тема. Прекрасные очерки о Кипрѣ и Родосѣ и о послѣднихъ археологическихъ раскопкахъ въ Греціи (послужившихъ новодомъ для двухъ блестящихъ страницъ о ранне-эллинической культурѣ) являются какъ бы приложеніемъ. Авторъ описываетъ свое путешествіе въ тѣ удивительныя переднеазиатскія страны, гдѣ сохранились слѣды столь разноплеменныхъ и разновременныхъ культуръ, и попутно говоритъ о результатахъ новѣйшихъ раскопокъ, въ которыхъ онъ принялъ и самъ живѣйшее участіе. Читатели «Совре-

мелкихъ Записокъ» уже знаютъ эти увлекательные рассказы о Петръ, Герасъ, Пальмиръ и Дуръ, и я не буду останавливаться на нихъ по существу, тѣмъ болѣе, что у меня не хватаетъ для того специальныхъ знаній. Для чтенія ихъ, этихъ знаній не требуется. Всякій почувствуетъ съ какой проицательностью разбирается авторъ въ трудно обзримой пестротѣ археологическаго матеріала и, если не оцѣнитъ степени его научнаго мастерства, то навѣрное пойметъ, хотя бы отчасти, своеобразіе его личности, какъ ученаго. Онъ всегда излагаетъ, повѣствуетъ, даже когда изслѣдуетъ. Малѣйшія частности интегрируются общимъ теченіемъ его мысли. Нѣкоторое синтетическое зрѣніе всегда первенствуетъ у него надъ дифференцирующей пристальностью отдѣльныхъ наблюдений. Это не противорѣчитъ тому, что я говорилъ объ огрaщеніи къ окаменѣлой систематичности. Историческое познаніе и здѣсь — предвкушеніе нѣкоей совокупности, но не идейной, а реальной, жизненной; всѣми частностями управляетъ не столько та или иная теоретическая конструкция, сколько представленіе, объ умовостигаемомъ, правда, все же вещественномъ, конкретномъ цѣломъ.

Тѣ, кто учился въ Петербургскомъ Университетѣ, не могутъ не помнить лекцій М. И. Ростовцева. У нихъ было удивительное свойство: въ каждой заключалась какъ бы во всей своей полнотѣ наука римской исторіи. Это была не «система знаній», а само знаніе — сліяніе комментарія и факта; это была цѣлостная интеллектуальная волна и часовая стрѣлка теряла власть надъ нею. Раздавался звонокъ, профессоръ еще читалъ, студенты и не думали расходиться. Лекція продолжалась, мы слушали съ волненіемъ, мы жалѣли о ея концѣ. Съ такимъ же чувствомъ теперь мы закрываемъ эту новую книгу.

В. Вейде.

М. В. Вишнякъ. Два пути (Февраль и Октябрь), 285 стр. Изд-во «Современныя Записки», Парижъ, 1931 г.

Это — не исторія, не пересказъ установленныхъ фактовъ и не установленіе новыхъ. Авторъ «вообще оспариваетъ возможность составления исторіи въ пылу незавершенныхъ еще битвъ и споровъ». Такая болѣе или менѣе объективная исторія принадлежитъ будущему, и лишь будущими поколѣніями, а не самими участниками грандіозныхъ событій, можетъ быть написана. Цѣль автора иная. Въ качествѣ современника-очевидца онъ «хотѣлъ бы предупредить появленіе — или хотя бы ослабить эффектъ — будущихъ легендъ о русской революціи, которая не преминетъ, конечно, создать русскіе Тэны и Мишлэ, каждый на свой ладъ». Авторъ не можетъ, конечно, предвидѣть, какія именно легенды создадутъ будущіе русскіе Тэны. Но одна «легенда», творимая нѣкоторыми историками уже сейчасъ, — особенно тревожитъ М. В. Вишняка; это попытка «не только по откровенно политическимъ соображеніямъ, но и подъ прикрытіемъ историческаго знанія, взять революцію en bloc и слить Мартъ и Октябрь въ об-

ую массу или «глибу», въ нѣкое поприщинское «Маргобря»! Самъ авторъ даже заглавіемъ книги хочетъ убѣдить читателя, что Февраль и Октябрь это не одинъ путь послѣдовательно развивающейся русской революціи, а именно два совершенно различныхъ пути, связанные между собою лишь хронологическими датами, а не внутренней **закономѣрностью** развивавшихся событий. Упорно проводя эту свою точку зрѣнія, авторъ сомнѣвается даже, можно-ли вообще Октябрь, опиравшійся преимущественно на «шкурническіе» инстинкты, назвать революціей. Въ лучшемъ случаѣ «Октябрь былъ, если угодно, **штабной** революціей, но не революціей въ подлинномъ и единственномъ ея значеніи и смыслѣ». Этотъ смыслъ и значеніе «подлинной» революціи авторъ устанавливаетъ болѣе чѣмъ произвольно: «только тамъ, гдѣ народъ самъ разрушаетъ и творитъ, только тамъ — подлинная революція. Въ Февралѣ дѣйствовалъ народъ, наличествовала національная стихія и потому тогда была революція. Въ Октябрѣ дѣйствовалъ Центральный Комитетъ партіи большевиковъ, революціонный Комитетъ, военная организація, петроградскій совѣтъ, Викжель и т. п., и потому тогда было возстаніе, закончившееся побѣдой, но не сдѣлавшееся отъ этого революціей» (см. стр. 259).

Достаточно вчитаться въ эту цитату, чтобы произвольность опредѣленія авторомъ понятія революціи стала ясна. Какой народъ дѣйствовалъ въ Февралѣ и какой не дѣйствовалъ въ Октябрѣ? Если взять только одинъ этотъ критерій, «дѣйствіе народа», то именно Октябрь будетъ подлинной революціей, а Февраль — только прелюдіей къ ней. Армія, — солдаты, — «брата» русскіе города именно въ Октябрѣ. Крестьяне брали помѣщичью землю въ Октябрѣ. Рабочіе «брали» фабрики и грабили «буржуевъ» именно въ Октябрѣ. Допустимъ, что во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ рѣзко выступаютъ «шкурническій» интересъ. Но иррационально ли найдется такой историкъ, который-бы доказалъ, что въ «настоящихъ», подлинныхъ революціяхъ дѣйствуютъ лишь идеальныя побужденія. Напротивъ: именно идеальныя цѣли и побужденія легче всего побиваются въ революціяхъ напоромъ самыхъ разнообразныхъ, въ томъ числѣ и низменныхъ, стихій, не сдерживаемыхъ болѣе никакой силой падающаго строя. Конечно, между Февралемъ и Октябрѣмъ есть различіе и мы его укажемъ. Но что Октябрь не можетъ быть выведенъ изъ того историческаго періода, который въ будущемъ будетъ носить имя «періода русской революціи 1917 г.», это несомнѣнно. Въ книгѣ мы находимъ изложеніе точекъ зрѣнія на революцію 1917 г., развитыхъ въ работахъ В. А. Маклакова, П. Н. Миллюкова, Ник. Суханова, Л. Троцкаго, И. С. Штейнберга и Ф. А. Степуна. Отталкиваясь отъ многихъ положеній, защищаемыхъ этими авторами, М. В. Вишнякъ развиваетъ и свою точку зрѣнія. Къ концу книги эта его точка зрѣнія становится совершенно ясной: апологетъ Февраля и страстный ненавистникъ Октября. Въведеніемъ въ изложеніе этой особой страстности, авторъ какъ будто-бы доказываетъ справедливость своей основной точки зрѣнія еще не можетъ быть составлена подлинная исторія Февраля и Октября, еще обжигаетъ «пыль

незавершенных битв и споров». Но нельзя ли все-таки потушить этот «пыль» в спорах и разногласиях установлением иного методологического подхода к изучению «двух путей» русской революции не в смысле «Февраля» и «Октября», — как целостных периодов, а в смысле разделения двух совершенно различных факторов, действовавших и в Февраль, и в Октябрь? В самом деле, что должен четко разделить историк при изучении того или иного обрѣзка исторій? Во всяком историческом периодѣ мы найдем процессы двоякаго типа: 1) процессы стихійные, въ которыхъ господствуетъ принципъ гетерогенности между намѣреніями дѣйствующихъ лицъ и достигаемыми ими результатами. Такъ называемый «самотекъ»; 2) процессы творческаго вмѣшательства людей въ этотъ самотекъ, въ стихійный ходъ движенія, для осуществленія своихъ сознательныхъ намѣреній по принципу совпаденія намѣреній съ результатами этихъ сознательныхъ дѣйствій.

Если принять такой подходъ къ изслѣдованію историческихъ явленій, то даже намъ, современникамъ русскихъ революціонныхъ явленій, нетрудно будетъ доказать наличие единого революціоннаго самотека, единой цѣпи стихійныхъ народныхъ движеній не только въ Февраль и въ Октябрь, но и гораздо раньше, съ 90-хъ г. г. конца XIX вѣка и начала XX-го. Рядомъ съ этимъ стихійнымъ нарастаніемъ революціоннаго процесса въ массахъ мы видимъ другой процессъ: сознательное вмѣшательство организованныхъ партій съ цѣлью направить потокъ стихій въ определенное русло. Ясно, что между намѣреніями и цѣлями дѣйствовавшихъ въ Февраль сознательныхъ силъ и между цѣлями большевиковъ есть большая, во многихъ случаяхъ принципиальная разница. Но къ сожалѣнію (или въ данномъ случаѣ — къ счастью...), результатъ историческаго процесса въ гораздо большей степени опредѣляется именно «самотекомъ», а не сознательнымъ воздействием на него тѣхъ или иныхъ группъ и партій Опытъ большевистскаго государства съ особой наглядностью показалъ, что сознательно ставимыя цѣли далеко не единственный факторъ исторій; что достиженіе этихъ цѣлей даже методами насилія упирается въ стихійное сопротивленіе народа и что эти «два пути», — путь сознательнаго творчества и путь самотека, — сближаются лишь въ тѣхъ странахъ, гдѣ народныя массы дѣйствуютъ не въ состояніи лжи, а уже заключены въ рамки самыхъ разнообразныхъ организацій. Во всякомъ случаѣ объективное содержаніе октябрьской революціи далеко не исчерпывается цѣлями, намѣреніями и методами большевистскаго штаба. Есть въ ней нечто и отъ самого народа.

Горячо и интересно написанная книга М. В. Вишняка снова оживляетъ спорные вопросы объ отношеніи къ двумъ стадіямъ русской революціи. Каждый изъ современниковъ этихъ грандіозныхъ событій даетъ имъ свое истолкованіе, устанавливая свои точки зрѣнія. Но совершенно правъ авторъ, утверждающій особую цѣнность этихъ истолкованій революціи именно ея современниками: «Пережить революцію въ политической реальности, а не въ научно-историческомъ

воспроизведенія по архивнымъ даннымъ, мы имѣли возможность ощутить ея непосредственное дыханіе, ея біеніе и трагически — безысходныя противорѣчія. На собственномъ духовномъ опытѣ познали мы, что революціи происходятъ вовсе не такъ, какъ ихъ позднѣе описываютъ Ламартини, Тэнны и даже Одары».

Е. К. Кускова.

Русская историографія въ оцѣнкѣ совѣтскихъ историковъ. Русская историческая литература въ классовомъ освѣщеніи. Сборникъ статей съ предисловіемъ и подъ редакціей М. Н. Покровскаго. Томъ I-II. Труды Института красной профессуры.

Этотъ коллективный Сборникъ вышелъ изъ того семинарія, который М. Н. Покровскій ведетъ въ Московскомъ Институтѣ красной профессуры. Такое происхожденіе книги наложило рѣзкую печать и на ея содержаніе, и на ея изложеніе. Это — собраніе ученическихъ работъ. Всѣ авторы поютъ съ голоса учителя, рассказываютъ «своими словами» то, что натвердилъ имъ ихъ руководитель; отсюда — утомительное однообразіе всѣхъ этихъ статей. Въ сущности эти два тома суть не что иное, какъ амплификація тѣхъ нѣсколькихъ страничекъ, на которыхъ Покровскій изложилъ свое предисловіе. И если иногда среди пространнаго пережевыванія мыслей учителя тотъ или иной авторъ вдругъ скажетъ что нибудь такое, что не вяжется съ прочими утверждениями, то такая, — по любимому выраженію совѣтскихъ писателей, — «неувязка» объясняется просто тѣмъ, что и въ самой казенно-большевицкой исторической доктринѣ при всей ея тощей прямолинейности все же кое въ чемъ въ «установкѣ» оказывается «неувязка».

Ученическія упражненія сами по себѣ, конечно, не могутъ представлять особеннаго интереса. Но весьма любопытно знать, какія представленія о выдающихся явленіяхъ русской исторической литературы въбиваются въ головы новобранцевъ «красной профессуры». Вотъ почему и позволяю себѣ остановить вниманіе читателя на этомъ Сборникѣ.

Сборникъ производитъ впечатлѣніе отчасти комическое, отчасти удручающее. Одна изъ отличительныхъ чертъ всѣхъ вообще большевиковъ — полное отсутствіе чувства комическаго. Ни самъ Покровскій, ни его послушная паства никакъ не могутъ догадаться, сколь комичное получается зрѣлище, когда разные никому невѣдомые г. г. Рубачи, Лидяки, Петровы и Сидоровы или только что едва-едва заявившіе себя печатными работами, какъ г-жа Нечкина (наиболѣе серьезный авторъ въ числѣ сотрудниковъ Сборника) либо строго разносятъ за «недомысліе» и историческую неосвѣдомленность Чичерина, Соловьева, Ключенскаго, Милюкова, либо снисходительно жалуютъ о томъ, что эти историки не были знакомы съ нашимъ пѣтухомъ, т. е. съ идеями товарища Покровскаго. Но это зрѣлище наводитъ въ тоже время и на тяжелыя мысли, ибо оно показываетъ, что цѣлое поколѣніе усиленно-блестящихъ марксизмомъ молодыхъ русскихъ историковъ обречено на

исторический дальтонизмъ и на непрерывное топтаніе все на одномъ мѣстѣ.

Всѣ авторы Сборника ведутъ разборъ историческихъ концепцій, выдвинутыхъ въ русской исторической литературѣ, по очень упрощенному плану. Изложивъ общія идеи того или иного историка, они затѣмъ раскрываютъ свой непререкаемый Коранъ, т. е. «Русскую исторію» товарища Покровскаго и восклицаютъ: «смотри, читатель, всѣ прежніе историки мыслили совсѣмъ не такъ, какъ Покровскій!» И, конечно, въ этомъ несходствѣ съ Покровскимъ читатель долженъ усматривать безошадный приговоръ надъ всѣми корифеями русской исторической науки. А что какъ у иного читателя мелькнетъ мысль: «если всѣ крупные историки думали не такъ, какъ Покровскій, то не означаетъ ли это, что у самого Покровскаго въ его историческихъ взглядахъ не все обстоитъ ладно?»

Для авторовъ Сборника такая мысль недопустима по слѣдующей причинѣ. Основная идея всего Сборника заключается въ томъ положеніи, что историографія всегда и всюду есть не что иное, какъ служанка классовой борьбы. Каждый историкъ безъ исключенія истолковываетъ историческія явленія не иначе, какъ подъ угломъ зрѣнія интересовъ, того класса, который онъ умышленно или безсознательно обслуживаетъ. И потому никакой научной объективности въ подходѣ къ объясненію историческихъ процессовъ у историковъ искать не слѣдуетъ. Нужно только вскрыть классовую подоплеку каждой данной исторической концепціи и тогда сразу выясняется, что каждый историкъ по своему тасуетъ и переименовываетъ факты, не считаясь съ исторической дѣйствительностью. Всѣ историки до Покровскаго обслуживали интересы либо помѣщиковъ, либо купцовъ, либо фабрикантовъ. Покровскій первый далъ истолкованіе русской исторіи съ точки зрѣнія интересовъ пролетаріата, — слѣдовательно... да, вотъ именно — что же отсюда слѣдуетъ? Для авторовъ Сборника отсюда слѣдуетъ, что только устами Покровскаго глаголетъ историческая истина. На нашъ взглядъ такой выводъ съ логической стороны никуда не годится. Если мы допустимъ, что никакой исторической концепціи кромѣ классовыхъ быть не можетъ, и каждый историкъ сознательно или безсознательно подгибаетъ историческую дѣйствительность подъ интересы определеннаго класса, то выводъ отсюда возможенъ только тотъ, что и у Покровскаго и его послѣдователей исторія пишется ради обслуживанія интересовъ той классовой партіи, которой они служатъ, и, значитъ, и у нихъ нечего искать историческаго безпристрастія въ пониманіи и истолкованіи историческихъ данныхъ. И тѣмъ не менѣе обличая всѣхъ историковъ въ произвольной ретушевкѣ историческихъ фактовъ, авторы Сборника, съ благосклоннаго соизволенія своего руководителя, принимаютъ при этомъ взгляды товарища Покровскаго за критерій объективной исторической истины. Не ясно-ли, что логика тутъ хромаетъ на обѣ ноги?

Сборникъ открывается статьей г-жи Нечкиной объ Эверсѣ. Все значеніе Эверса въ русской историографіи состоитъ въ томъ, что его

труды послужили отправной точкой для зарождения такъ называемой «юридической школы» въ русской исторической наукѣ. А между тѣмъ г-жа Нечкина заявляетъ: «я не буду стѣдить за влияніемъ Эверса на юридическую школу». Спрашивается, зачѣмъ тогда вообще стоило включать въ Сборникъ статью объ Эверсѣ? Впрочемъ, Нечкина все же обронила одно глубокомысленное замѣчаніе относительно этого влияния. Указавъ на то, что Эверсъ выдвигалъ эволюцію **государственныхъ** формъ и что онъ принадлежалъ по социальному положенію къ богатому помѣщичьему кругу, нашъ авторъ замѣчаетъ: Соловьевъ, Чичеринъ и Кавелинъ восприняли взгляды Эверса именно тогда, когда русскіе **помѣщики** начали всего ждаты отъ **государства**. Итакъ, юридическая школа, превозносящая государственность, есть школа помѣщичья *par excellence*. А между тѣмъ изъ предисловія Покровскаго мы узнаемъ, что классъ помѣщиковъ былъ враждебенъ государству, что и выразилось въ исторической концепціи славянофиловъ, ибо государство въ тѣ времена опиралось не на аграріевъ, а на промышленниковъ, и Соловьевъ, Чичеринъ и Кавелинъ объявляются Покровскимъ историческими идеологами промышленной буржуазіи (стр. 14, т. 1). Какъ же тутъ свести концы съ концами?

Вообщемъ на счетъ «помѣщичковъ» въ «установкѣ» авторовъ Сборника замѣтна большая «неувязка».

Въ статьѣ о славянофилахъ (Н. Рубинштейна) насъ поучаютъ, что превознесеніе славянофилами Земли выше Государства объясняется тѣмъ, что славянофилы были помѣщиками, а помѣщики въ то время были сердиты на государственную власть за ея намѣреніе упразднить крѣпостное право. Кромѣ того помѣщики были испуганы революціей 1848 года. Отсюда — славянофильское отталкиваніе и отъ государства и отъ западно-европейской культуры. Не будемъ уже говорить о Хронологіи: славянофильская доктрина зарождается ранѣе 1848 года. Но вотъ что любопытно: если славянофильская доктрина была специфически **помѣщичьей**, то спрашивается — почему же **помѣщики** Кавелинъ и Чичеринъ были западниками? Въ отвѣтъ на это въ статьѣ о Чичеринѣ вдругъ узнаемъ, что помѣщики были тогда охвачены процессомъ индустриализаціи и посему вмѣстѣ съ представителями промышленнаго капитала должны были тяготѣть къ западничеству. Но тогда — почему же Кирѣевскіе, Аксаковы, Хомяковъ были славянофилами?

Впрочемъ, Н. Рубинштейнъ рисуетъ намъ какихъ-то фантастическихъ славянофиловъ. Что славянофилы не отказывались блюсти помѣщичьи интересы, это мы знали и раньше. Но чтобы они стояли за сохраненіе крѣпостнаго права, за рекрутчину, за подавленіе свободы совѣсти и печати, — все это суть открытія г. Рубинштейна и остается только подивиться тому, что редакторъ Сборника допустилъ на его страницы такія открытія. Честь новизны приходится признать и за той мыслью автора, что славянофилы въ качествѣ помѣщиковъ ненавидѣли Петра Великаго за то, что Петръ ставъ заводить фабричную промышленность и отрывать отъ помѣщиковъ крестьянъ для рабо-

ты на фабрикахъ. Петръ дѣйствительно жаловалъ фабрикантовъ даровой рабочей силой, но почерпалась эта послѣдняя совсѣмъ изъ другихъ источниковъ, о чемъ авторъ могъ бы узнать не только отъ «буржуазныхъ» историковъ, но, напр., и изъ книги Туганъ-Барановскаго о русской фабрикѣ.

Западничеству посвящена статья П. Соловьева о Чичеринѣ. Доказывать, что Чичеринъ былъ гегельянцемъ и прилагалъ къ объясненію русской исторіи гегельянскую схему послѣдовательной смѣны родового быта, гражданского общества и государства; доказывать, что Чичеринъ былъ либераломъ и при томъ рьянымъ сторонникомъ либеральнаго манчестерства, — значитъ ломиться въ открытую дверь.

Въ этомъ отношеніи авторъ погрѣшаетъ только въ томъ смыслѣ, что онъ считаетъ либерализмъ Чичерина типичнымъ выраженіемъ всего русскаго либерализма, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Чичеринъ принадлежалъ къ очень небольшой группѣ русскихъ либеральныхъ мыслителей, стоявшихъ на платформѣ «laissez faire», между тѣмъ какъ типичный русский либерализмъ высказывался за широкое вмѣшательство государства въ отношенія между трудомъ и капиталомъ, въ видѣ проведенія демократическихъ социальныхъ реформъ. Не даромъ Чичеринъ усматривалъ «губительный социализмъ» даже въ воззрѣніяхъ Д. Н. Шипова.

Но если эту неправильность достаточно только отмѣтить, то нельзя не подчеркнуть уже съ негодованіемъ такія фразы автора, какъ напр., — «въ немъ (т. е. въ Чичеринѣ) сказалось все лицемѣріе, вся ложь, на которую способна буржуазная наука» (I, стр. 170). Такія фразы по отношенію къ Чичерину позорятъ только того, кто ихъ высказываетъ. Тутъ уже митинговый жаргонъ врывается въ наукообразное изложеніе. Мы увидимъ, что это не единственный случай, въ разбираемомъ Сборникѣ. Наиболѣе корректно изложены статьи о Соловьевѣ (З. Лозинскаго) и о Ключевскомъ (М. Нечкиной). Тутъ до крайней мѣрѣ добросовѣстно и подробно изложены взгляды названныхъ историковъ и отдана полная справедливость ихъ достоинствамъ и заслугамъ. Что же касается критики ихъ взглядовъ, то вся она сводится къ тому совершенно правильному указанію, что ни Соловьевъ, ни Ключевскій не были сторонниками марксизма. З. Лозинскій высказываетъ при этомъ весьма наивное утвержденіе, что только историкамъ-марксистамъ дано было вскрыть ошибки и увлеченія Соловьева. Впрочемъ, то же утвержденіе имѣется въ Сборникѣ и по отношенію къ славянофиламъ. И при этомъ приводятся такія возраженія противъ схемы Соловьева и противъ славянофильскихъ воззрѣній, которыя уже много-много разъ высказывались критиками, ничего общаго съ марксизмомъ не имѣющими. Что же касается спеціально марксистской критики воззрѣній Соловьева и Ключевскаго, то все тутъ сводится къ простому сопоставленію: вотъ, что говорятъ Соловьевъ и Ключевскій, а вотъ, что говорятъ историки-марксисты и, если одно на другое непохоже, то ясно, что Соловьевъ и Ключевскій никаки не годятся. Такая критика можетъ быть убѣдительна лишь для тѣхъ, въ чьихъ гла-

захъ историческія идеи марксизма суть аксіомы, не нуждающіяся ни въ какихъ доказательствахъ. М. Нечкина строитъ всю статью о Ключевскомъ на удовольіи ея въ противорѣчіяхъ. Она отмѣчаетъ, какъ много мѣста отводится у Ключевского экономическимъ факторамъ историческаго процесса и хвалитъ его за это. Но — представлять себѣ — на ряду съ этимъ Ключевскій придаетъ реальное значеніе я въ историческомъ процессѣ національному чувству и идеѣ общаго блага, какъ основѣ государственнаго союза! И для г-жи Нечкиной ясно, что это можетъ быть объяснено только шовинизмомъ Ключевского и тѣмъ, что онъ былъ идеологомъ промышленнаго капитализма (какъ посмѣялся бы Ключевскій такому опредѣленію, будь онъ живъ), на почвѣ служенія которому только и возникаетъ націонализмъ, да еще тѣмъ, что онъ не изучилъ Маркса и потому не знаетъ, что государство есть организованное насиліе одного класса надъ прочими, а идея общаго блага тутъ не при чемъ. Г-жѣ Нечкиной не приходится въ толку, что Ключевскій навѣрное былъ знакомъ съ марксистской теоріей государства еще тогда, когда М. Нечкиной не было на свѣтѣ, и если онъ этой теоріей не соблазнился, то, очевидно, у него были на это свои теоретическія основанія. А вотъ М. Нечкина наивно полагаетъ, что такой крупный историкъ, какъ Ключевскій, могъ не раздѣлать этой теоріи только въ томъ случаѣ, если онъ ея не знаетъ.

Съ такой же наивностью г. Лидакъ получаетъ марксистскимъ премудростямъ Милюкова, отказавшагося въ своихъ «Очеркахъ по исторіи русской культуры» признать явленія духовной жизни надстройкой надъ системой производственныхъ отношеній. Впрочемъ, падо прямо сказать, что статья Лидака не столько наивна, сколько нахальна. Тутъ уже митинговая фразеологія нушена цѣлымъ фонтаномъ, и Милюковъ называется не иначе, какъ лжецомъ и грязнымъ клеветникомъ. Въ чемъ же клевета? А въ томъ, что, по утверженію Милюкова, большевики прибѣгаютъ къ кровавому террору и къ обираюио крестьянъ. Не правда-ли, какіе ужасные клеветническіе навѣты? Впрочемъ, авторъ занимается не столько научной, сколько политической дѣятельностью Милюкова и можно себѣ представить, какими полемическими ароматами благоухаетъ его очеркъ! Шадя читателя, мы отъ этихъ ароматовъ отвернемся.

Отдѣльный очеркъ посвященъ Рожкову. Представьте себѣ, что и этотъ усердный марксистъ не выдерживаетъ экзамена въ семинаріи Института красныхъ профессоровъ. Среди его многихъ прегрѣшеній нѣкая А. Петрова открываетъ и такую позорную для марксиста вольность, какъ признаніе идеи общаго блага за одну изъ основъ государственнаго союза. А вѣдь даже и авторы Сборника врядъ ли думаютъ, что Рожкову была неизвѣстна классовая теорія государства. Впрочемъ, объясненіе этой «вольности» Рожкова А. Петрова находитъ легко: Рожковъ просто на просто стремился не къ истинѣ, а къ созидательству съ буржуазіей. О какомъ историкѣ ни заговорять авторы Сборника, всегда оказывается, что классовая тенденція исключаетъ историческую объективность и добросовѣстность. Но вѣдь если при-

знать, что таковъ общій законъ научно-историческаго творчества и если сами совѣтскіе историки не только не отрекаются отъ своей классовой тенденціи, но прямо величаются ею, то спрашивается: какъ же быть съ вопросомъ о ихъ собственной объективности и добросовѣстности?

Особая статья посвящена «историкамъ-федералистамъ», — Костомарову, Шапову и Грушевскому. Изъ всѣхъ историковъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ Сборникѣ, одинъ Грушевскій поставленъ на торжественный пьедесталь. И въ предисловіи Покровскаго Грушевскому преднесены рядъ комплиментовъ, и въ текстѣ Сборника Грушевскій выдѣленъ тѣмъ, что статья о немъ предпосланы еще особый биографическій очеркъ Тутъ-то и объясняется въ чемъ дѣло. Въ биографическомъ очеркѣ пространно и съ удареиіемъ сообщается, что Грушевскій «перешелъ къ большевикамъ», отрекся отъ заблужденій и призналъ, что въ большевизмѣ заключена истина. Впрочемъ, несмотря на всѣ эти комплименты, большевики видимо отдають себѣ отчетъ въ томъ, что въ конечномъ счетѣ Грушевскому вовсе съ ними не по пути.

Какъ извѣстно, большевики являются централистами, въ тактическихъ дѣлахъ допускающими показную, декоративную федералистичность. Эта двойственность ихъ политики отражается и на оцѣнкѣ въ разбираемомъ Сборникѣ историковъ-федералистовъ. Всячески похвалая этихъ историковъ за ихъ полемику съ «официальной» исторіографіей (спрашивается, почему Соловьевъ, Ключевскій, Милюковъ суть историки **официальные**?), авторы Сборника тѣмъ не менѣе выдвигаютъ рядъ дѣльныхъ указаній на чисто историческія ошибки и увлеченія Костомарова и Шапова. Что же касается Грушевскаго, то авторъ соответствующей статьи г. Рубачъ подъ покровомъ всяческихъ почтительныхъ оговорокъ и комплиментарныхъ расшаркиваній, совершенно ясно показываетъ, что Грушевскій не одинъ разъ мѣнялъ, какъ перчатки, свои историческія концепціи по соображеніямъ политической тактики. Грушевскій вовсе не федералистъ. Онъ украинскій великодержавный централистъ. Въ позднѣйшихъ работахъ онъ, отбросивъ прежніе федералистическіе покровы, прямо призналъ своимъ идеаломъ самостійную Великую Украину, на чисто централистическомъ основаніи построенную. Такъ его быдую полемику съ идеями централизма приходится признать лишь временнымъ тактическимъ маневромъ.

Послѣ довольно дѣльной критики Грушевскаго авторъ переходитъ къ объясненію классовой основы федерализма и тутъ мы опять вступаемъ въ область искусственныхъ построений и марксистскихъ шаблоновъ.

Въ этомъ краткомъ разборѣ мы не могли коснуться многихъ фантастическихъ утвержденій, высказанныхъ въ Сборникѣ, — хотя бы, напр., той мысли, что прикрѣпленіе служилыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ къ обязательной службѣ въ XVI-XVII в. в. было для нихъ, якобы не повинностью, а завидной привилегіей!

Свѣдущій читатель, прочтя всю эту книгу, убѣдится наглядно, что факты русской исторіи отражаются въ толкованіяхъ школы Покровскаго, какъ въ кривомъ зеркалѣ.

А. Кизеветтеръ.

Paul Haensel. Die Wirtschaftspolitik Sowjetrusslands. — Verl. J. C. B. Mohr (Paul Siebeck). Tübingen. 1930. S. VI+204. Brosch. M. 8. Geb. M. 10.

Проф. Гензель до 1928 г. преподавалъ финансовое право въ Московскомъ Университетѣ и одновременно состоялъ председателемъ финансоваго отдѣленія Института Экономическихъ Исследованій. Лѣтомъ 1928 г. проф. Гензель покинулъ Россію и теперь состоитъ профессоромъ въ Грацѣ.

Содержаніе небольшой книги проф. Гензеля не вполне соответствуетъ ея заглавію. Въ большей своей части она представляетъ собой попытку охарактеризовать состояніе хозяйства Совѣтской Россіи примѣрно къ вступленію въ дѣйствіе пятилѣтняго плана. Книга переполнена статистическими матеріалами, долженствующими характеризовать совѣтское хозяйство. Не скрывая своей отрицательной оцѣнки коммунизма въ цѣломъ, авторъ стремится сохранить полную объективность при характеристикѣ совѣтскаго хозяйства и оцѣнкѣ его результатовъ.

Если принять во вниманіе то большое количество крайне тенденціознаго агитаціоннаго матеріала, который совѣтская власть печатаетъ ad usum naviumъ иностранцевъ, а также переполняющія рынокъ писанія заѣзжихъ путешественниковъ, которые за рѣдкими исключеніями, являются въ высокой степени поверхностными и даже легкомысленными, то, конечно, нельзя не приветствовать появленія серьезнаго и объективнаго опыта характеристики совѣтскаго хозяйства, сдѣланнаго проф. Гензелемъ. Для иностраннаго читателя цѣнны и многочисленныя, попутно разбросанныя въ книгѣ, замѣчанія, характеризующія совѣтскій бытъ. Мы полагаемъ, однако, что мѣстами книга нѣсколько перегружена цифрами, которыя, безъ ихъ внимательнаго анализа, едва-ли могутъ быть полезны читателю.

Во всякомъ случаѣ небольшую книгу проф. Гензеля можно горячо рекомендовать иностранцамъ для первоначальнаго ознакомленія съ основными фактами русской хозяйственной жизни.

Но русский читатель не можетъ не подойти къ книгѣ проф. Гензеля съ нѣсколькими повышенными требованіями. Въ лицѣ автора мы имѣемъ ученаго, который по своему положенію долженъ былъ принимать участіе въ работѣ на коммунистической кухнѣ; онъ работалъ также и при составленіи пятилѣтки. Мы въ правѣ были ожидать, что проф. Гензель сообщитъ намъ кое-какіе факты, которые намъ за рубежомъ остались неизвѣстными, или дастъ извѣстное теоретическое освѣщеніе столь своеобразной конструкціи совѣтскаго хозяйства. Мы не можемъ скрыть, что съ этой точки зрѣнія мы закрыли книгу не

удовлетворенными. Въ ней не только нѣтъ никакихъ фактовъ, которые нашимъ зарубежнымъ экономистамъ не были-бы извѣстны, но книга проф. Гензеля не содержитъ также никакой попытки выяснить механизмъ совѣтскаго хозяйства.

Въ первомъ отдѣлѣ, который содержитъ историческое введеніе, изложено самое главное. не дана картина борьбы началъ рыночнаго и плановаго хозяйства при ИЭИ-ѣ, закончившейся элиминированіемъ рыночныхъ элементовъ изъ совѣтскаго хозяйства; а безъ картины этой борьбы трудно понять структуру современнаго совѣтскаго хозяйства. Ни на одной важной проблемѣ совѣтскаго хозяйства, какъ проблема «смычки» социалистическаго и частно-хозяйственнаго сектора, какъ проблема «товарнаго голода», какъ проблема стоимости производства и т. д., авторъ не счелъ нужнымъ остановиться. Даже столь большимъ для совѣтскаго хозяйства проблемамъ денежнаго хозяйства, которыя автору должны были-бы быть особенно близки, не удѣлено никакого вниманія.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ высказываетъ кое-какія теоретическія сужденія, нельзя не признать, что они и недостаточно развиты, и совершенно не обоснованы.

Проф. Гензель обычно называетъ совѣтское хозяйство системой государственнаго капитализма. Однако, читатель напрасно сталъ-бы искать у автора указаній на элементы капитализма, которые имѣлись-бы въ совѣтскомъ хозяйствѣ къ началу пятилѣтки и которые-бы оправдывали подобное обозначеніе совѣтскаго хозяйства.

О «Контрольныхъ цифрахъ» проф. Гензель высказывается слѣдующимъ образомъ (стр. 123): «Совершенно ошибочно было-бы называть «Контрольныя цифры» планомъ, какъ онъ мыслится въ социалистическомъ обществѣ. Это интересныя и полезныя «сдѣлки» и едва-ли больше». Однако, на слѣдующей страницѣ мы читаемъ: «Наибольшее практическое значеніе «Контрольныхъ цифръ» состоитъ — въ указаніи максимума тѣхъ дотаций и тѣхъ кредитовъ, которые государственная промышленность можетъ получить отъ государства и государственныхъ банковъ». Если бы даже практическое значеніе «Контрольныхъ цифръ» сводилось только къ сказанному, то уже и оно явилось-бы рѣшающимъ въ экономической жизни страны, въ которой имѣетъ мѣсто такая исключительная концентрація народныхъ доходовъ у государства.

При такой низкой оцѣнкѣ «Контрольныхъ цифръ» совершенно непоследовательно является высокая оцѣнка проф. Гензелемъ «пятилѣтки», которая вѣдь является только дальнѣйшимъ развитіемъ началъ «Контрольныхъ цифръ». Исполненіе пятилѣтняго плана казалось должно было-бы представляться автору гораздо болѣе проблематичнымъ, чѣмъ исполненіе поодинныхъ плановъ. Въ виду этого чрезвычайно неожиданнымъ является нижеслѣдующее заявленіе автора: «Я ни минуты не сомнѣваюсь въ томъ, что этотъ планъ будетъ выполненъ, и что онъ вполнѣ выполнимъ, развѣ только его выполненіе будетъ частично предотвращено международнымъ или внутреннимъ по-

литическимъ кризисомъ или большимъ неурожьемъ. Весьма отвѣтственное утверженіе! Авторъ во всякомъ случаѣ обязанъ былъ-бы его подкрѣпить очень внимательнымъ анализомъ «критикѣ» и матеріаловъ о первомъ годѣ ея выполнения, которыми онъ уже располагалъ при написаніи своей книги. Ни того, ни другого онъ не сдѣлалъ, и поэтому мы въ правѣ признать его заявленіе бездоказательнымъ.

На всѣ наши замѣчанія авторъ, конечно, могъ-бы отвѣтить, что все это требованія русскаго читателя, онъ же писалъ книгу не для него, а для менѣе требовательныхъ иностранцевъ. Въ общемъ, этимъ отвѣтомъ можно было-бы удовлетвориться съ той лишь оговоркой, что съ высказываніемъ категорическихъ сужденій передъ иностранцами по такому исключительной важности вопросу, какъ выполнение пятилѣтняго плана, слѣдовало-бы соблюдать глубокую осторожность. Остается выразить надежду, что почтенный московскій профессоръ, во всегстороннемъ знакомствѣ косо съ совѣтскимъ хозяйствомъ сомнѣваться, конечно, не приходится, найдетъ еще время повѣдать кое-что цѣнное и для русскаго читателя за рубежомъ, который привыкъ отъ каждаго причаливающаго съ другою берега ожидать новаго слова.

П. Бруцкусъ.

А. М. Топоровъ. Крестьяне о писателяхъ 1930. Гос Изд.

Книга А. М. Топорова результатъ работы, вѣденной имъ, сельскимъ учителемъ, въ теченіе 9 лѣтъ въ коммунѣ «Майское Угро» (въ Сибири). Авторъ читалъ, «коммунамъ» произведенія русскихъ и иностранныхъ писателей, новыхъ и старыхъ и вель съ ними бесѣды. Крестьяне высказывались о прослушанныхъ книгахъ, авторъ записывалъ. Въ настоящей книгѣ опубликованы записи исключительно о совѣтскихъ писателяхъ. Такое ограниченіе выбора матеріала до-садно: самъ авторъ въ предисловіи говоритъ, что классиковъ крестьяне предпочитаютъ новѣйшимъ писателямъ. Было бы исключительно интересно и поучительно узнать, какъ крестьяне воспринимаютъ Гомера, Толстого, Шекспира, Пушкина, Лермонтова и Тургенева, которые, какъ пишетъ авторъ, «близже и роднѣе крестьянству по языку, чѣмъ Пастернакъ, Сельвинскій, Пильнякъ, Бабель» и др. Въ абсолютной точности записей Топорова нельзя сомнѣваться: никакой значокъ народной рѣчи не могъ бы такъ поддѣлаться подъ языкъ говорившихъ. Участники чтеній высказывались о прослушанному книгахъ съ двухъ сторонъ: общественно-политической и художественной. Если считать, что ихъ отзывы отражаютъ общественныя настроенія и убѣжденія всего русскаго крестьянства, то пришлось бы придти къ очень мрачнымъ выводамъ. Надо однако принять во вниманіе слѣдующее: запятія велись въ «Коммунѣ» («колхозѣ»). Участники ихъ, по большей части, крестьяне, до вступленія въ коммуны бѣдствовавшіе (такъ утверждаетъ авторъ). Крестьяне знали, что ихъ отзывы ста-

нуть извѣстны. Наконецъ, нѣтъ сомнѣнй, что руководитель «воспитывать» крестьянъ въ опредѣленномъ направленн и духѣ. Поэтому этой стороны крестьянскихъ отзывовъ я касаться не буду. Художественныя же оцѣнки, дѣлаемыя крестьянами, изумительны по тонкости, глубинѣ и значительности. Разумѣется, **вкусы** читателей-крестьянъ часто сильно расходятся съ нашими, «интеллигентскимъ». Вкусы опредѣляются условными быта, историческимъ «моментомъ», навывками. Вкусы относительны и измѣнчивы. Но формально-эстетическй критерй, которыми слѣдуетъ руководиться при оцѣнкахъ художественныхъ произведенй, существуютъ объективно. Они постоянны и всеобъемлительны. Ихъ надо **знать**. Въ дѣйствительности ихъ знаютъ въ нашей средѣ «образованныхъ» людей, учившихся въ гимназйяхъ и университетахъ, лишь очень немноге, далеко не все специалисты, историки литературы, критики. А вотъ крестьяне знаютъ, и формулируютъ ихъ съ прямо-таки классической четкостью и опредѣленностью. Приведу нѣсколько взятыхъ наудачу, примѣровъ. Оцѣнка пьесы. Въ драматическомъ произведенн мало одного діалога; должно быть и дѣйствіе: «Когда люди сидятъ на сценѣ и все разговариваютъ безъ дѣла, это плохо. А ежели дѣлаютъ что-нибудь, крутятся при разговорѣ, это лучше (о пьесѣ «Штиль») Но одно дѣйствіе мало. Драма должна быть органическимъ цѣлымъ; другими словами, въ ней должно быть **единство** дѣйствія. Поэтому о той же пьесѣ другой участникъ занятій говоритъ: «Она какъ-то не похожа на пьесу. Лучше бы-ло бы написать ее разсказами.. пьеса живая только по сценѣ, а не потому, что она можетъ тянуть тебя за собой куда-то». Третій участникъ: «мнѣ не понравилось... что вся пьеса на доскуткахъ, и все въ ней между собой плохо связывается. Есть такія дѣйствія, которыя между собою какъ будто не склеиваются. Авторъ, конечно, хотѣлъ всю жизнь охватить, но дѣйствія какъ-то раздробить... Картины авторомъ не сшиты, а остались враздробь». Въ художественномъ произведенн важенъ **стиль**, т. е. соотвѣтствіе внѣшней формы художественной идеѣ, а не отдѣльныя «красоты»: «Въ разсказѣ (Вс. Иванова) попадаются красивые описанія, но они какъ-то погибаютъ ни къ чему. Ежели ты слѣдишь за общей картиной, а она не дается, то красивыя слова... не запоминаются. При хорошемъ общемъ и эти слова были бы хороши. А ежели общее не годится, то хорошими словами не поможешь дѣлу. Хорошую штуку ты уловишь. Въ ней художество помогаетъ пониманню» (образцовая формулировка отношеній между **что** и **какъ**). Или на ту же тему: «Иные сочинители плетутъ: удро пасмурное, берега шатаются, — а оно все ни къ чему не липнетъ. Въ этой же книжкѣ ни одного слова, ни одного человѣка безъ послѣдствія не осталось» (ср. знаменитый принципъ Чехова: если въ разсказѣ есть ружье, то надо чтобъ оно выстрѣлило). Принципъ индивидуализаціи — по поводу романа Панферова: «У всѣхъ панферовскихъ мужиковъ рѣчь одинаковая... На какой голосъ брать каждую рѣчь не узнаешь, если будешь читать книгу пародно». Въ поэзіи все слова составляютъ **одно** слово (Реми де Гурмонъ). «Связанныхъ словъ нисколько нѣтутъ (въ поэмѣ Пастернака). Добрый человѣкъ скажетъ

одно слово, потомъ завяжеть его, еще скажеть, опять завяжеть. Передніе, середніе и задніе — все завяжеть въ одно. А въ этомъ стиху слова, какъ сквозь рѣшето, сыпятся и раздѣляются другъ отъ дружки». Сравнить только эти критическіе разборы литературныхъ произведеній съ тѣми, которые пишутся на дипломъ «образованнаго чело-вѣка» въ гимназіяхъ! Твердое знаніе замѣчательной книги Топорова слѣдовало бы признать обязательнымъ для каждаго преподавателя русскаго языка и исторіи русской литературы. Изъ этой книги каждый хоть нѣсколько вдумчивый преподаватель узнаеть отъ «простыхъ мужиковъ», что такое подлинный разборъ литературныхъ памятниковъ и выучится у Топорова, какъ надо поступать, чтобы не убивать въ учащихся способности непосредственнаго художественнаго воспріятія.

П. Бицилли.

Творческая исторія. Изслѣдованія по русской литературѣ. Редакція Н. К. Пиксанова, Москва. 1927.

Давать новыя и «значительныя» названія вещамъ самымъ обыкновеннымъ вошло теперь въ моду. «Творческая исторія» это просто исторія текста, поскольку она проливаетъ свѣтъ на ходъ работы надъ произведеніемъ. Любопытно, что какъ разъ тотъ изъ участниковъ сборника, который располагалъ матеріаломъ для выводовъ первостепенной важности, ограничилъ свою задачу простымъ сличеніемъ «редакцій». Я имѣю въ виду статью Р. И. Аванесова, Достоевскій въ работѣ надъ «Двойникомъ». Каковъ этотъ матеріалъ и каковы выводы, объ этомъ мнѣ нечего много говорить. Голядкинъ, задуманный Достоевскимъ и не осуществленный, въ новой редакціи, это уже «великій грѣшникъ», первообразъ вмѣстѣ и Ставрогина и Версилова, и кн. Мышкина. Черновики ненаписанной второй редакціи «Двойника» показываютъ, что уже съ самаго момента возвращенія своего къ литературной дѣятельности Достоевскій работалъ въ сущности надъ однимъ романомъ, который далъ начало всѣмъ его большимъ романамъ. Де какой степени по ученически отнесся авторъ къ своей работѣ, это я покажу на одномъ приѣрѣ: въ одномъ мѣстѣ записной книжки Достоевскаго находится (очевидно слова голядкинскаго «двойника»): «ученые мы люди съ тобой, Яковъ Петровичъ. Эли де Бомонъ». Авторъ замѣчаетъ: «Непонятно, что это за Эли де Бомонъ. Можетъ быть, французскій ученый, геологъ, о работахъ котораго могло быть извѣстно въ русской печати». Что дѣйствительно «непонятно», это какъ авторъ не привелъ въ связь «Эли де Бомонъ» съ «Клодомъ Бернаромъ», тревожившимъ Лимитрія Карамазова. Если Р. И. Аванесовъ не сдѣлалъ ничего изъ богатѣйшаго матеріала, то г-жа Л. М. Потякъ ухитрилась написать «Исторію Клары Миличъ Тургенева», не располагая никакимъ матеріаломъ, кромѣ корректурныхъ листковъ повѣсти съ очень незначительными и немногочисленными поправками Тургенева. Очень интересна и образцово выполнена работа г-жи В. Сте-

фановичъ о Кавк. Плънникъ: въ ней показано, какъ у Пушкина сплетаются и постепенно объединяются два мотива, пейзажно-этнографической (Кавказъ) и романтической (плънникъ и черкешенка). Не менше цѣнна работа Г. Н. Фрида, возстановившаго первоначальную редакцію «Рыцаря Бѣднаго» — путемъ сопоставленія рукописи онѣгинскаго музея и Румянц. библіотски. Опытъ реставраціи Фрида оставляетъ далеко за собою опыты какъ Брюсова, основанный на произвольныхъ операціяхъ надъ пушкинскимъ черновикомъ, такъ и М. Л. Гофмана, впаившаго, хотя и въ гораздо меньшей степени, въ ту же методологическую ошибку, въ которой онъ самъ упрекалъ Брюсова. Очень — даже черезчуръ — обстоятельная, педантически перегруженная цитатами, статья Н. К. Пиксанова о Горѣ отъ ума имѣетъ задачей показать, что въ сущности грибоѣдовская комедія почти не развивалась: ея первоначальная редакція уж ебыла очень близка къ окончательной. Важенъ тотъ выводъ автора, что, какъ это видно изъ раннихъ набросковъ Горы отъ Ума, идеологія Грибоѣдова сложилась независимо отъ вліяній будущихъ декабристовъ, съ которыми Грибоѣдовъ сблизился лишь позже. Работа А. Цейтлина посвящена ранней повѣсти Гончарова «Счастливая ошибка», недавно опубликованной. Авторъ устанавливаетъ, что это этюдъ къ «Обыкновенной Исторіи». Сравненіе обѣихъ повѣстей даетъ возможность прослѣдить какъ Гончаровъ переходилъ отъ «романтическихъ каноновъ» къ теоріи и практикѣ реалистическаго романа». Кропотливая работа Р. Маториной надъ рукописями Грозы дала автору основаніе для весьма лишь маловажныхъ выводовъ, которыхъ я, въ интересахъ краткости, воспроизводить не стану.

П. Бицилли.

СПИСОКЪ НОВЫХЪ КНИГЪ, ПОСТУПИВШИХЪ ДЛЯ ОТЗЫВА ВЪ РЕД. «СОВРЕМ. ЗАПИСОКЪ».

- М. А. Осоргинъ: Чудо на озерѣ. Изд. «Соврем. Записки».
- П. Н. Милоновъ: Очерки по исторіи русск. культуры т. II, ч. 1. Изд. «Соврем. Записки».
- Ст. Ивановичъ: Красная Армія. Изд. «Соврем. Записки».
- М. В. Вишнякъ: Два Пути (Февраль и Октябрь). Изд. «Соврем. Зап.».
- В. Ф. Ходасевичъ: Державинъ. Изд. «Соврем. Записки».
- Е. Н. Чириковъ: Отчій Домъ. Романъ Т. IV и V. Бѣлградъ. 1931.
- Влад. Гуцинъ: Христовы язычники. Таллинъ.
- И. Кучукъ: По закоулкамъ душевнымъ. Парижъ, 1931.
- Вяч. Шене: Княжья Жестъ. «Добро». 1930.
- Семеро (Сборникъ стихотвореній). «Молодая Чураевка». Харбинъ.
- Сергій фонъ-Штейнъ: Пушкинъ-мистикъ. Рига. 1931.
- Николай Рошинъ: Журавли. Разказы. Бѣлградъ. 1931.
- Философски Преглед. № 1. София. 1931.
- А. I Сапонько: Открытое Письмо. Рио-де-Жанейро. 1930.
- Числа. Сборники № № 2-3 и 4. Парижъ.
- Тэффи: Книга Июнь. Разказы. Бѣлградъ. 1931.
- Георгій Ивановъ: Розы. Стихи. Парижъ, 1931.
- Бор. Поплавскій: Флаги. Стихи. «Числа». Парижъ, 1931.
- Владиславъ Ивановъ: Замѣткамъ во вопросамъ эстетики. Парижъ, 1931.
- Записки Соціалъ-демократа, издаваемыя А. Н. Потресовымъ. № № 1, 2 и 3. Парижъ, 1931.
- Бюллетень Экономич. Кабинета проф. С. Прокоповича № 86. Прага.
- Александръ Дивпровскій: Записки Дезертира. Война 1914-1918 г. г. «Альбатросъ». Нью-Йоркъ. 1931.
- Левъ Гроссе: Сердца мірамъ. Парижъ, 1931.
- Г. А. Соломонъ: Ленинъ и его семья (Ульяновы). Парижъ.
- Г. З. Бесѣдовскій: На путяхъ къ Термидору. Парижъ, 1931.
- Ф. Ф. Даниленко: Къ жизни. Романъ 1931.
- Ив. Ф. Наживинъ: Всероссійскій Союзъ Труда. Кн-во «Независимый». № 2. Брюссель. 1931.
- Студенческой Бюллетень № 14 Январь. 1931.
- Воля Россіи. I-II и III-IV. 1931.
- І. Корчинскій: Витовтъ Великій. Каунасъ. 1930.
- Соціалистическій Вѣстникъ № № 3, 4, 5, 6 и 7. 1931.
- Новая Газета № № 1 и 2. Двухнедѣльникъ литературы и искусства.
- Вѣстникъ Крестьянской Россіи. № № 3, 4, 5, 6 и 7. 1931.
- Ген. А. И. Деникинъ: Старая армія. Парижъ. Изд. «Родникъ».
- К. Миллеръ: Французская эмиграція и Россія въ царствованіе Екатерины II. Изд. «Родникъ».
- М. И. Ростовцевъ: О Ближнемъ Востоку. Парижъ, 1931.
- Евген Маланюк: Земля й Залізо. Париж, 1930.
- Ив. Бунинъ: Божье Древо. Изд. «Соврем. Записки». 1931.

- Вѣра Буличъ:** Сказки. Книга 2. Бѣлградъ, 1931.
- Русскій Заграничный Историческій Архивъ при Министерствѣ Иностраннхъ Дѣлъ Чехословацкой Республики въ 1930 году.**
- Е. М. Журавская:** Звенья. Стихи. Бѣлградъ, 1931.
- С. П. Мельгуновъ:** На путяхъ къ дворцовому перевороту. Изд. «Родникъ». Парижъ, 1931.
- Ив. Бунинъ:** Тѣнь Птицы. Изд. «Соврем. Записки». Парижъ, 1931.
- Георгъ Финкъ:** Ты заблудился, мой митый... Романъ. Рига, 1931.
- Нордъ-Остъ:** Журналъ литературы и искусства. Рига, 1931.
- Записки Русск. Научнаго Института.** Выпускъ 3. Бѣлградъ, 1931.
- В. Ободенскій:** Очерки минувшаго. Бѣлградъ, 1931. Изд. «Русская Библиотека».
- Сборникъ V-ый Союза молодыхъ поэтовъ и писателей въ Парижѣ.** 1931.
- Русская Школа за рубежомъ.** Книга 34. Прага, 1931.
- Павель Тутковскій:** Когда на Монмартрѣ погаснуть огни... Париж, 1931.
- La Cultura. Rivista Mensile fondata da Cesare de Lollis.** Milano-Roma.
- D. S. Mirsky:** Russia a Social History. London.
- Le Monde Slave** № 2 et 3 de 1930 et № 1 de 1931. Paris.
- Slovansky Prehled.** 2. Unor. 1931.
- I. Rebinson:** Das Minoritätenproblem und seine Literatur. Kritische Einführung. Berlin. 1928.
- P. D. Ouspensky:** A new Model of the Universe. — Principles of the psychological method in its application to problems of science, religion, and art. London. 1931.
- Olga Domanevskaja:** Agrarsozialismus in Sowjetrussland. Bringt die Kollektivisierung den Ausweg? Berlin.
- Orient und Occident.** № 5. 1931.
- André N. Mandelstam:** La protection internationale des Minorités. Première Partie. 1931.

Въ вышедшихъ по настоящее время книжкахъ «Современныхъ Записокъ» напечатаны беллетристическія произведенія: Леонида Андреева, М. А. Алданова, К. Д. Бальмонта, И. А. Бунина, Андрея Бѣлаго, Б. П. Вышеславцева, Ал. Гефтера, Г. Д. Гребенщикова, Д. С. Мережковского, Б. К. Зайцева, Е. И. Замятина, П. К. Иванова, І. А. Матусевича, С. Р. Мишцлова, Мих. Осоргина, Георгія Пескова, А. М. Ремизова, Н. Я. Рощина, Ив. Соколова-Микитона, С. Соколь-Слободского, Ф. А. Степуна, Ильи Сурмичева, гр. А. Н. Толстого, Софій Федорченко, Е. Н. Чирикова, Ив. С. Шмелева, С. С. Юшкевича. — Стихотворенія: Г. Адамовича, Амари, К. Д. Бальмонта, Н. Н. Берберовой, И. А. Бунина, Максимилиана Волошина, А. Герцыкъ, З. Гиппиусъ, Вячеслава Иванова, Г. Иванова, Н. Крандievской, Л. Кнута, Галины Кузнецовой, А. Ладинскаго, Серѣя Милковскаго, А. Несмѣлова, Н. Оцеля, В. Познера, Б. Поллавака, В. Сирина, П. С. Соловьевой (А. Negro), Ф. Сологуба, Тэффи, В. Ходасевича, Марины Цвѣтаевой. — Дневники и воспоминанія: Е. К. Брешковской, О. О. Грузенберга, Ел. Джанумовой, К. Ельцевой, В. М. Зензинова, А. Ф. Керенскаго, В. Г. Короленко, В. А. Маклакова, кн. В. Оболенскаго, Т. И. Полнера, И. Е. Рѣпина, Льва Толстого, В. Ф. Ходасевича, М. И. Цвѣтаевой, М. В. Щербакова. — Статьи по вопросамъ литературы, искусства, философск., политич., экономич. и социальнымъ: С. Абрамова, Н. Д. Авксентьева, М. А. Алданова, П. Н. Апостола, А. А. Аргунова, А. Байкалова, К. Д. Бальмонта, А. А. Бема, Н. А. Бердяева, П. М. Бицилли, Е. Богданова, М. В. Брайкевича, В. Брейтвейга, Б. Бруцкуса, И. И. Бунакова, В. Вейдле, проф. П. Г. Виноградова, Ф. В. Вишняка, В. Водозова, кн. С. М. Волконскаго, Н. Ганца, М. О. Гептензоня, С. І. Гессена, Б. Тэффинга, М. Л. Гофмана, М. Л. Гошиллера, К. К. Грюнвальда, А. И. Гуковскаго (А. Сѣверова), К. Гулькевича, Г. Д. Гурвича, Ю. Н. Данилова, Юрія Данилова, Ю. Делевскаго, И. Демидова, Діонео, С. П. Жаба, С. О. Загорскаго, П. Зернова, В. В. Зѣньковскаго, Ст. Ивановича (В. И. Талина), С. А. Иванова, Л. П. Карсакина, С. И. Карповскаго, К. Р. Качоровскаго, А. Ф. Керенскаго, А. А. Кизеветтера, С. А. Кобыкова, А. А. Койранскаго, В. Г. Короленко, С. А. Корфа, Ант. Крайнего, М. А. Кроля, Е. Л. Кусковой, В. Ладъженскаго, М. Лазерсона, З. Ленскаго, А. А. Леонтьева, Г. Ловцкаго, Н. О. Лосскаго, С. В. Лурье, Г. М. Лунца, В. А. Маклакова, А. Н. Мандельштама, С. П. Мельгунова, С. И. Мельникова, П. Н. Милюкова, Н. М. Минскаго, Б. С. Миркина-Гецевича, А. М. Михельсона, П. П. Муратова, В. А. Мякотина, В. М., Л. Неманова, барона Б. Э. Нольде, А. С. Орлова, М. А. Осоргина, Н. Ф. Мельниковой-Папоушекъ, А. Б. Петрищева, С. Л. Полякова-Литовцева, П. Прокофьева, Л. М. Пумпянскаго, А. В. Пѣшехонова, Ф. И. Родичева, М. И. Ростовцева, В. В. Руднева, С. Д. Сазонова, Ю. Сазоновой, Д. Святотолкъ-Мирскаго, М. Л. Слонима, Б. Ф. Соколовъ, Д. М. Соколычева, С. М. Соловейчика, П. А. Сорокина, Ф. А. Степуна, Н. С. Тимашева, С. П. Тюрина, А. Н. Ульянова, Г. В. Федотова, Г. В. Флоровскаго, Д. И. Чижевскаго, А. А. Чупрова, И. М. Хераскова, М. О. Цетлина, Б. Е. Шацкаго, Л. И. Шестова, Б. Ф. Шлецера, Ив. Яукшева и др.

Revue paraissant tous les 3 mois.

Цѣна отдѣльнаго номера 25 франковъ.

Адресъ Редакціи и Конторы:

106, Rue de la Tour, PARIS (XVI*) — Téléphone: Trocadéro 31-66